

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент образования и кадровой политики
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Красноярский государственный аграрный университет»

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы VIII Международной научной конференции,
посвященной памяти доктора исторических наук, профессора,
заслуженного работника высшей школы
Василия Васильевича Гришаева
(6–7 ноября 2025 г.)

Электронное издание

Красноярск 2026

УДК 908(571.5)
ББК 63.3(253)я431
Г 85

Редакционная коллегия:

С.Т. Гайдин, Р.В. Павлюкевич, Ю.В. Рябов, М.В. Сентябова,
А.С. Баранова, А.М. Колмогорова, Д.Д. Харебин

Г 85 Гришаевские чтения [Электронный ресурс]: материалы VIII Международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (6–7 ноября 2025 г., Красноярск) / Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2026. – 406 с.

ISBN 978-5-94617-579-1

В сборнике представлены материалы научных докладов участников VIII Международной научной конференции «Гришаевские чтения», которая состоялась в г. Красноярске 6–7 ноября 2025 г. по направлениям: поколения в истории России; смена и конфликт поколений как фактор исторического и общественного развития; поколения в истории науки и технике; поколения в контексте историко-демографического подхода; династии в истории; поколенческий анализ в изучении экономического развития общества; молодежная секция.

Предназначено для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

УДК 908(571.5)
ББК 63.3(253)я431

Информация об опубликованных статьях размещена
на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.ru

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода. Издательство не несет ответственности за опубликованные материалы. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Мнение издательства может не совпадать с мнением авторов.

ISBN 978-5-94617-579-1

© ФГБОУ ВО «Красноярский государственный
аграрный университет», 2026
© Авторы статей, 2026

СЕКЦИЯ 1. ПОКОЛЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 908:02(470.43)

ГМК-62 КАК ПРИМЕР ЛИДЕРСКОГО ВЛИЯНИЯ НА КУЛЬТУРУ «ОТТЕПЕЛИ» КУЙБЫШЕВСКИХ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Алексушин Глеб Владимирович, доктор исторических наук, доцент
Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
Gva3@yandex.ru

В статье всесторонне изучен феномен куйбышевского клуба ГМК-62, принципы его возникновения, направления работы, имевшиеся достижения. Клубу удалось существенно усилить хрущевскую «оттепель» и улучшить городскую культуру.

Ключевые слова: ГМК-62, Куйбышев, Самара, СССР, «Оттепель», шестидесятники, стилиаги, культура, фестиваль

TYC-62 AS AN EXAMPLE OF LEADERSHIP INFLUENCE ON THE CULTURE OF THE «THAW» OF THE KUIBYSHEV SIXTIES

Aleksushin Gleb Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Samara State University of Economics, Samara, Russia
Gva3@yandex.ru

The article comprehensively examines the phenomenon of the Kuibyshev club GMK-62, the principles of its origin, areas of work, and achievements. The club managed to significantly strengthen Khrushchev's "thaw" and improve urban culture.

Keywords: TYC-62, Kuibyshev, Samara, USSR, «Thaw», sixties, dudes, culture, festival

Автор придерживается точки зрения, что «шестидесятники» – поколение советской интеллигенции, сформировавшееся после XX съезда КПСС (1956 г.) и разоблачения культа личности Сталина. Их характеризовали:

- романтизм и вера в «социализм с человеческим лицом»;
- огромный интерес к поэзии, особенно к Вознесенскому, Ахмадулиной, Рождественскому, Евтушенко;
- расцвет авторской песни (Булат Окуджава, Александр Галич, Владимир Высоцкий);
- интерес к западной культуре (джаз, современная литература) при сохранении советской идентичности;
- культ искренности, свободы и интеллектуального поиска.

Также важно помнить, что в советской культуре их часто называли «стилягами» [1]. Вот из таких стилиаг, гулявших по Бродвею, как они называли 2 квартала улицы Куйбышева [2; 3], 2-й секретарь куйбышевского горкома ВЛКСМ Н. Фролов и задумал собрать коллектив молодежи, способной улучшить городскую культуру.

Куйбышев (до 1935 г. и с 1991 г. Самара) в 1960-е гг. был крупным промышленным и авиационно-космическим центром, «закрытым» городом. Это создавало особую среду: с одной стороны – мощная техническая интеллигенция, с другой – культурный голод. В этой среде и появился в 1962 г. Городской

Молодежный Клуб (ГМК-62) [4]. ГМК-62 стал местом притяжения для самой творческой и мыслящей молодежи города.

Принципами клуба стали: добровольность, способность пройти творческий конкурс одной из секций, безразличие к возрасту, добровольный уход в случае остывания к идее. Никто не получал зарплаты, деньги от реализации билетов шли на счет ГМК в Госбанке, тратились на организацию мероприятий, призы, инструменты, пригласительные билеты. Решили проводить работу по секциям, которые объединили бы молодежь в соответствии с их творческими увлечениями:

- организаторов;
- классической и симфонической музыки с вокалом;
- эстрадной и джазовой музыки с эстрадным оркестром;
- современного танца со школой;
- литературы;
- фотографии и кино;
- туризма;
- театра с городским эстрадным театром молодежи.

ГМК-62 – это прекрасный пример куйбышевских шестидесятников, потому что в их деятельности сошлось все, что определяло это поколение: культ поэзии и музыки, интеллектуальность, техническое образование у многих как база, камерность и искренность творчества, создание сообщества единомышленников и статус локального культурного феномена.

Организаторы ГМК-62 внесли в культурно-досуговую сферу молодежи Куйбышева, Куйбышевской области и всего СССР и даже мира множество культурных инициатив. Многие из них живут до сих пор – конкурс Кабалевского, Грушинский фестиваль, джазовый фестиваль, студвесна, клубы бальных танцев. Они пригласили в Куйбышев с концертами и выступлениями множество культурных лидеров СССР того времени – Высоцкого, Кабалевского, Рождественского, Эсамбаева, Кукина, Клячкина, Визбора, многих других. За 5 лет (1962–1967 гг.) через мероприятия клуба прошло 320000 человек, несколько тысяч человек научились танцевать. Готовить мероприятия помогали 6000 человек, а всего через клуб за 5 лет прошло 1200 членов. Из них выросла настоящая культурная, научная и политическая элита города и края (так, губернатор А.К. Титов был президентом дискуссионного клуба «Колокол», входившего в ГМК-62 [5, с. 248]). Пришло время – и они стали преобразовать пространство вокруг себя, опираясь на воспитанное у них в 1960-е чувство возможности перекроить мир. Опыт ГМК-62 изучался и пропагандировался на семинарах ЦК комсомола в Москве.

Источники и литература

1. Гулязина О.А., Алексушин Г.В. Роль стиляг в развитии культуры СССР в 1950–1960 годы // Образование, наука и инновации: современные вызовы: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 ч., Мелитополь, 12–13 декабря 2024 года. Мелитополь: Мелитопольский государственный университет, 2025. С. 937–941.
2. Алексушина Т.Ф., Алексушин Г.В., Буданова А.А. Самара, улица Дворянская: Иллюстрированная энциклопедия. Самара: Слово, 2008. 747 с.
3. Алексушина Т.Ф., Алексушин Г.В., Буданова А.А. Самара, улица Дворянская: иллюстрированная энциклопедия. Самара: Слово, 2009. 747 с.
4. Алексушин Г.В., Романова Т.И. «Оттепель» в Куйбышеве: ГМК-62. Самара: Прайм, 2022. 66 с.
5. Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара: Самарский дом печати, 1996. 320 с.

ИДЕЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ В СОВЕТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ 1920-х ГОДОВ

Белов Александр Владимирович

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

alexanbe@yandex.ru

В статье рассматриваются исторические аспекты формирования советской системы физической культуры и спорта в 1920-е гг. Руководящая линия партии не предусматривала включение соревновательного процесса в стратегию развития физкультурного движения, предоставив поддержку концепциям оздоровления масс и физкультуры для всех. Однако многолетние идейные разногласия ведомств, ответственных за систему физического воспитания в стране, внесли соответствующие коррективы в реализацию поставленных перед агитфизкультурой задач.

Ключевые слова: физическое воспитание, оздоровление трудящихся, врачебный контроль, массовое действо

IDEOLOGICAL DIFFERENCES IN THE SOVIET METHODOLOGY OF PHYSICAL EDUCATION IN THE 1920s

Belov Alexander Vladimirovich

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

alexanbe@yandex.ru

The article considers the historical aspects of the formation of the Soviet system of physical culture and sport in the 1920s. The Communist Party's leadership line did not envisage the inclusion of the competitive process in the strategy for the physical movement development, providing support for the concepts of improving the health of the masses and physical education for all. However, the long-term ideological differences between the departments responsible for the physical education system in the country have made appropriate adjustments to implement the tasks set before the Supreme Council of Physical Culture.

Keywords: physical education, workers' health improvement, medical supervision, mass action

Тенденция советской системы физического воспитания 1920-х гг. заключалась в развитии физкультуры и спорта для всех [4, 10]. По замыслу Правительства Советов оздоровление масс должно было составлять неотъемлемую часть общеполитического и культурного плана деятельности государственных и общественных организаций. Глава Высшего совета физической культуры ВЦИК РСФСР (ВСФК) Н. А. Семашко подчеркивал: «Физическая культура в советском понимании означает не рекордсменство, а физическое оздоровление трудящихся» [10].

Назревшая потребность оздоровления быта рядового работника предусматривала приобщение граждан к физкультуре на дому без затраты времени, сложных приспособлений и снарядов. Под девизом «физкультура 24 часа» подразумевались практические гигиенические указания для оздоровления самых распространенных условных рефлексов человека: правильного дыхания; хождения; стояния; сидения. При подборе физических упражнений подчеркивалась важность врачебного контроля. Выполнение «нормального урока» или упражнений без

нагрузок усиливалось поправками на вредность профессии и индивидуальность конституции человека (слабые руки, ноги, сутуловатость и т. д.). Комплексные задачи агитфизкульты включали сохранение и совершенствование жизненных функций человека, рациональную установку труда и отдыха, соблюдение гигиенических требований и разумное использование естественных природных факторов оздоровления – света, воздуха и воды, регулярные упражнения нервно-мышечного аппарата для повышения двигательных способностей [2]. Реализация задач осуществлялась через оздоровительную и врачебно-контрольную работу органов здравоохранения, воспитательно-образовательную деятельность органов образования, труда и Красной Армии, культурно-просветительские функции профсоюзных, комсомольских и партийных организаций.

На функционирование системы физического воспитания оказывали влияние идейные разногласия между ведомствами Всеобуча и ВСФК [11]. Руководство Всеобуча боролось с насаждением чуждых буржуазных методик и отвергало концепцию соревновательного спорта, включая участие советских спортсменов в международных спортивных соревнованиях [1, 3].

Начальник Всеобуча и Спортинтерна Н. И. Подвойский утверждал, что наиболее продуктивным методом физкультурного движения является массовое действо как форма активности и общественности масс. Массовые демонстрации, праздники, народные гуляния способствуют раскрепощению «массы трудящихся» и развитию творческой самодеятельности в игровых формах. Вовлечение трудящихся в игры массового действа, имитирующие трудовые процессы, производственные и общественные взаимоотношения, отрывает массы от обывательских влияний, устраняет эмоциональную нагрузку и содействует общественно-политическому воспитанию граждан [9].

Руководитель ВСФК Н. А. Семашко, являясь одновременно народным комиссаром здравоохранения РСФСР, внедрял принцип массового врачебного контроля за физкультурниками, полагаясь на естественный метод физического воспитания и развития граждан. Сущность научного метода заключалась в подборе и классификации упражнений с определенным их воздействием на организм для достижения полного физического развития и работоспособности каждого органа, выражающихся в приобретении здоровья, силы, ловкости, выносливости и активности характера [5]. Культивировались естественные и полезные в трудовом отношении упражнения в ходьбе, беге, прыжках, лазании, метании, поднятии тяжести, плавании и борьбе. Врачебный контроль осуществлялся посредством антропологических измерений и медицинских осмотров членов физкультуркружков для определения сбалансированных норм нагрузки. На основании полученных данных производилась разбивка по группам, принимая во внимание биологические особенности, пол, возраст, профессию, условия труда и быта [7]. Результаты контроля обрабатывались научно-учебным комитетом ВСФК (НУК), ответственным за расчет нагрузок. В кратком отчете НУК Енисейского Губсовета физической культуры за второй квартал 1925 г. приведены сведения об определении нормы нагрузки после ряда обследований отрядов юных пионеров, детдомов и школ [8]. В заключении сделан вывод о сильной перегрузке детей, выражающейся в неврастении, малокровии, головных болях и пр. Пересмотренные нормы нагрузки были направлены «для проведения их в жизнь» в Губбюро юных пионеров и Губоно (губернский отдел народного образования).

Дискуссионная борьба за методологию советской физкультуры и спорта выражалась в ослаблении руководства физкультурным движением на местах. В отчетных документах Енисейского губернского совета физической культуры за

январь-март 1925 г. отмечается неудовлетворительная работа ведомств: «Все попытки подтолкнуть Губоно к насаждению физкультуры в школах остаются тщетными, очевидно, нужны какие-то другие меры, чтобы расшевелить Губоно. Несмотря на полную инертность Губоно, школьники по собственному почину организуют физкультуркружки и нанимают за собственный счет инструкторов физической культуры» [7].

По предложению ВСФК среди физкультуркружков была начата дискуссия по вопросу о роли и месте соревнований в советской физической культуре. Губернские советы физкультуры поддержали линию работы ВСФК, посчитав правильным соревновательный процесс в физкультурном движении в противовес мнению Спортинтерна. Публичное ведомственное противостояние потребовало вмешательства ЦК РКП(б), резолюция которого в июле 1925 г. окончательно закрепила принципиальную роль соревнований для вовлечения масс в физкультуру, достижения индивидуальных и коллективных спортивных результатов [6]. Успешно состоявшаяся в 1928 г. Первая Всесоюзная Спартакиада также сильно ослабила противников соревнований, спортивных побед и рекордсменства. Внедрение методики массового медицинского контроля в физкультурном движении 20-х годов положило начало разработке методических основ спортивного тренировочного процесса и медицины, физиологии физической культуры и психологии спорта [10].

Источники и литература

1. Кальпус Б.А. Физическая культура для всех. М.: Молодая гвардия; Л., 1926. 158 с.
2. Суник А.Б. Размышления о физкультурно-спортивном движении в постреволюционную эпоху (20-е годы) // Теория и практика физической культуры. 2005. № 5. С. 2–13.
3. Теория и практика физической культуры. 1928. № 5. С. 3.
4. Алексеев С.В. История регулирования физической культуры и спорта в СССР // Право и государство: теория и практика. 2016. № 6. С. 122–125.
5. Филиппов А.Н. Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта: автореф. дис. ... канд-та ист. наук : 07.00.02. Ярославль, 2012. 25 с.
6. Алексеев К.А. Политика руководящих организаций по изданию физкультурно-спортивной периодики в 1920-е годы // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 4. С. 73–93. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.7393.
7. Белов А. В. Спортивно-историческое наследие физкультурного общества «Красный сокол» // Студенческий спорт: история, современность и тенденции развития: мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. по физической культуре, спорту и туризму, Красноярск, 20–21 сентября 2024 г. Красноярск: СФУ, 2024. С. 172–176.
8. Подвойский Н.И. Какая физическая культура нужна пролетариату С.С.С.Р. и кем она должна создаваться. М.: Изд-во ВТОПАС, 1923. 16 с.
9. Крадман Д.А., Песков В.Н., Собецкий М.Г. Физическое оздоровление и воспитание молодежи (от 12–14, 15–18 и 19–23 лет) / под общ. ред. Г. Собецкого. Ч. 1. Л., 1924. 171 с.
10. Отчет о работе Енисейского губернского совета физической культуры. 1925 г. // ГАКК. Ф.П-8. Оп. 1. Д. 240. Л. 2-5.
11. Копысов Н.Б. Советская политика в области «спорта высоких достижений» в 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 102–116.

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЕНИСЕЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В 1917 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА

Бибикова Валентина Васильевна, краевед

В статье рассматривается роль Всероссийского Учительского Союза в объединении учительства Енисейской губернии и создании устойчивой корпорации в 1917–1918 годах, проявившей консолидированную позицию противостояния мероприятиям органов советской власти.

Ключевые слова: Всероссийский Учительский Союз (ВУС), корпорация, советская власть

THE INFLUENCE OF CORPORATE OBLIGATIONS ON THE FORMATION OF POLITICAL PREFERENCES OF THE YENISEI TEACHERS' COMMUNITY IN 1917 – THE FIRST HALF OF 1918

Bibikova Valentina Vasilievna, Region Historian

The article examines the role of the All-Russian Teachers' Union in uniting the teaching staff of the Yenisei province and creating a stable corporation in 1917-18, which demonstrated a consolidated position of opposition to the activities of the Soviet authorities.

Keywords: All-Russian Teachers' Union, corporation, Soviet Power

В 1916 году в Енисейской губернии во всех начальных училищах вместе с вероучителями работало 1098 учителей.[10, с.22] Кроме этого в городах губернии функционировали гимназии, реальные училища, преподаватели которых имели статус государственных служащих, имевших право на ряд привилегий, в том числе на пенсию, присвоение чинов, но при этом Циркуляром от 16 октября 1906 года им было запрещено участие в политических партиях, обществах и союзах, которые «обнаруживали стремление к борьбе с правительством» или призывали «к таковой борьбе население». Таким образом, учительство в губернии социально неоднородным.

В начале 1916 года в сводке жандармского управления сообщалось о «равнодушии» местной интеллигенции к церковной жизни. Жандармами также отмечались идеи «пораженчества» по отношению к продолжавшейся войне: «Общее положение, объединяющее сибирскую интеллигенцию, таково: «Не в поражении Германии, а в победе над злейшим и опаснейшим врагом – царизмом, заинтересован русский пролетариат и русская демократия. На активность пораженческого настроения интеллигенции открывшаяся сессия ГД повлияла сильнее всего. Заметна уверенность в непринятии административных карательных мер даже в случае широкой пораженческой пропаганды».[1,с.1-2] Таким образом, не влияние большевистской пропаганды, а деятельность Государственной Думы определяли позиции интеллигенции по отношению к войне. Отмечались и факторы материального характера, воздействующие на изменение политических настроений в среде опоры самодержавного режима – бюрократии, государственных служащих: «Проведенное в жизнь улучшение материального положения государственных служащих мощным образом отразилось на настроениях. Вчерашние непримиримые

социал-демократы становятся на сегодня по меньшей мере правоверными кадетами».[1,с.8] К лету 1916 ситуация мало изменилась: «Коренная сибирская интеллигенция и ссыльные всех оттенков совершенно объединились на почве «пораженчества».[1,с.14] В сводке за январь 1917 года жандармское управление сообщало: «Педагогический персонал кадетствует повсюду, есть единичные личности – революционеры, держащиеся, впрочем, очень осторожно. Контингент народных учителей повсеместно... принадлежит к социал-демократам по убеждениям или народникам социалистам- революционерам».[2, 8] Этому было простое объяснение - народные учителя, разбросанные по всей губернии, общались со ссыльными социал-демократами и эсерами. Последние имели довольно большое влияние в сельской местности.

Исследуя процессы, происходившие в Сибири накануне февральских событий, С.А.Красильников и В.Л.Соскин делали вывод: «Оппозиционность самодержавию в разных формах являлась основой политических настроений интеллигенции в канун революции как в стране в целом, так и в Сибири». [5,с.67]

Февральские события, как и во всей стране, были восприняты с энтузиазмом: «У всех пасхальное настроение».[8,с.24] В марте 1917 в Енисейскую губернию поступили обращения о создании ВУС. В губернии были известны разногласия между Петроградским и Московским областными бюро Всероссийского педагогического общества, одним из которых было возражение москвичей против «подчинения и поглощения периферии центром», то есть против централизации будущего Союза. Жесткая дисциплина, подчиненность местных организаций Центру впоследствии привели к структуризации первичных организаций, которая особенно в условиях смены власти в октябре 1917 года привела к мобилизации Центром всех учительских организаций к консолидированному сопротивлению органам советской власти, организации бойкотов. И учителя, выходявшие за рамки установленных норм, становились фактически изгоями. Тем более, что отделения ВУС в условиях политической нестабильности самостоятельно ведали вопросами назначения и увольнения учителей. Но это было делом будущего. Тем не менее, в обращении Московского бюро, поступившем в губернию, говорилось: «Наша первая задача – теснее объединиться и сорганизоваться. Всякий разброд и раскол на почве партийных и иных разногласий ослабляют наши силы и, как в 1905 году, снова поведут к возврату старого кошмарного строя» [12, с. 4].

Отделения ВУС были созданы во всех уездах. При создании Канского отделения ВУСа говорилось, что ранее «можно было оскорблять учительство оптом и в розницу. Оно, при отсутствии единения, не в силах защищать себя» [6, с. 62]. Это было важное заявление. В условиях смены общественно-политических отношений, сумятицы в головах и делах не только отдельных людей, но и правительства, развала таких мощных государственных структур, как армия, полиция, судебная система, отдельному гражданину необходимо было ощущать себя не одиноким.

На учредительном съезде Всероссийского Учительного Союза делегатам был представлен доклад «О профессиональной этике», в котором учителя призывались к «личной ответственности за все, что делается от имени организации, устранению личных недоразумений с товарищами через суд чести» [13, с. 186]. И хотя это вызвало некоторые опасения у участников съезда, на местах стали организовываться суды чести. К примеру в Уставе Ачинского учительского товарищеского суда говорилось: «Отказ или умышленное уклонение от суда со стороны члена учительской корпорации, подлежащего суду, не останавливает течения

дела... Поступки, признанные нетерпимыми, влекут за собой от имени суда полного осуждения, что соединяется с лишением права быть членом товарищеской учительской среды» [3, с. 26–27]. Ключевое в этом – подчиненность корпорации. Весь период после Февральской революции был наполнен лихорадочными преобразованиями в учительских коллективах. Отмена Временным правительством Циркуляра от 16 октября 1917 года раскрепостила преподавателей средних учебных заведений, и они включились в политические процессы и перестройку работы в гимназиях, учительском институте, учительских семинариях. Это было особенно заметно по проходившим выборам учительского персонала, которые сопровождались скандалами и сведением личных счетов, напоминанием застарелых обид, а не выяснением политических пристрастий.

Во время выборов в Красноярскую городскую думу летом 1917 года наряду с политическими партиями Красноярское отделение ВУС выдвинуло самостоятельный список, но в результате голосования заняли предпоследнее место, а большевики – первое. Это поражение отразилось на поведении учителей во время губернского съезда учителей (август 1917), когда учителя с восторгом слушали представителей эсеров, но освистали большевика А.И.Окулова. Правда, на следующий день делегатами была принята резолюция, в которой отмечалось: «Съезд учащих, среди которого находятся представители всех партий, не мог желать оскорбить ни одну из них, в том числе и СДРпартию» [15, с. 31]. На съезде определились новые политические предпочтения: весной учителя поддерживали кадетов, теперь эсеры были именинниками на съезде. Один из лидеров эсеров Н.В.Фомин призвал учителей отказаться от иллюзий аполитичности: «Беспартийность не есть объективность суждений. Беспартийность есть кустарность в политической работе... Первая задача учительства – политическое самоопределение» [15, с. 58]. И в резолюции съезда говорилось: «Вне партийного самоопределения невозможно участие в общественной жизни». [7] По итогам съезда были приняты обширные решения, в том числе: «Учащие, не входящие в состав членов уездных союзов, не имеет права решающего голоса на общегубернских съездах учащих» [3, с. 35].

Осенью 1917 года во всех слоях общества ощущались грядущие перемены. Подтверждением является статья в кадетской газете «Свободная Сибирь» от 12 октября, в которой с отчаянием говорилось: «Идет, идет чумазый! Чумазый идет!... Этого ли мы хотели, чтобы на место двуглавого орла восторжествовал многоглавый, воцарилась охлократия, власть толпы, неорганизованных масс, засилье черни, власть тьмы!» Но процессы нельзя было остановить [9].

После октябрьских событий 1917 года руководство ВУС опубликовало воззвание с призывами к протестам. И местные организации ВУС начали организацию забастовок. Они прошли в Канске, Минусинске. В Красноярске и уезде учительство раскололось практически наполовину: 123 учителя высказалось за ее проведение, 124 против. В результате забастовка не была проведена. По всей вероятности, на это решение повлияли настроения в рабочих коллективах Красноярска. Боязнь потерять работу, а вместе с ней и единственный источник существования, также играла не последнюю роль. Саботаж был свернут к середине ноября. Однако, в ответ на первые мероприятия советской власти по упразднению учебных округов, дирекций и инспекций народных училищ по призыву бюро ВУС начинается новый виток противостояния. Казалось бы, учительство на всех своих съездах до октября требовало ликвидации прежних структур управления, вплоть до МНП, поддерживали создание новых структур – комитетов по народному

образованию... Также саботировалось выдвижение учителей в советы по народному образованию при местных Советах рабочих и крестьянских депутатов. Представительство в них учителей устанавливалось одной третью состава – а именно этого требовали учителя на губернском августовском совещании учителей в Красноярске. Но когда эти преобразования инициировали органы советской власти, уездные правления ВУС тормозили эти процессы, выдвигая дополнительные условия и требования. В Минусинске и уезде была проведена учительская забастовка. Это противодействие продолжалось до середины мая 1918 года, из-за чего тормозилось формирование губернского совета по народному образованию, так как для этого нужно было выбрать делегатов от всех уездов. В результате в апреле при обсуждении сложившейся ситуации в Красноярске был выдвинут «единственный в своем роде в Сибири проект, в котором полностью игнорировалось представительство учителей ввиду их «враждебно-индифферентного отношения к советской власти» [14, с. 52]. Это предложение не нашло поддержки, но сам факт его появления говорит о настроениях по отношению к учительству со стороны Совета депутатов – обойдемся и без них. Ответной реакцией на противодействие скоординированных действий со стороны уездных организаций ВУС было формирование группы учителей-интернационалистов из 24 учителей, которые выступили в поддержку советской власти. Учителя-интернационалисты в письме, опубликованном в «Рабоче-крестьянской газете», обращались к сельским учителям: «Вы, сельские учителя, вышедшие из крестьянской массы, вскормленные потом и кровью народной, получившие образование на мужицкие медные гроши, неужели и вы против народа, против его правительства?» [14, с. 53]. Но социальное происхождение не было определяющим в выборе политических предпочтений. Большинство учителей высших и низших начальных училищ происходили из семей крестьян, священников, кустарей. Став учителями, они теряли связь со своими сословиями, обретая новый статус. Да и сельское население уже не воспринимало приезжавшего учителя, как своего. Журнал «Сибирская школа» писал: «Лягавые», «белопромытые» – вот те эпитеты, которыми мужик частенько награждает сельского интеллигента» [11, с. 27].

Меры противостояния были предприняты правлениями ВУС при выполнении Постановления Госкомиссии «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей в школе». Среди документов, необходимых для участия в выборах, учителям предлагалось представлять рекомендации политических партий и иных общественных организаций, излагать свои педагогические и общественно-политические взгляды. Это условие вызвало напряжение и сопротивление в учительской среде, и следует согласиться с С.А. Красильниковым и В.Л. Соскиным, что «такой подход, хотя в обстановке острой классовой борьбы и понятен, явился тем не менее перегибом» [5, с. 205]. Учителя сопротивлялись, ссылаясь на то, что «школа есть внепартийное общегосударственное учреждение».

Позицию отторжения вызвал среди учительства и Декрет об отделении школы от церкви. Еще недавно выдвигавшие требования об исключении из учебного плана Закона Божьего учителя (в августе 1917 года они дружно проголосовали против обязательности преподавания этого предмета) начали демонстративно саботировать его проведение.

Падение советской власти в результате бело-чешского мятежа вызвало позитивные надежды в учительской среде. Под влиянием таких настроений прошел августовский губернский съезд, на котором было поддержано Сибирское

правительство и приветствовались «братья-чехословаки». На такую позицию не повлияли гонения новых властей на учителей, которые работали в отделах народного образования при Совдепах. К примеру, были расстреляны ачинские учителя Г.Л. Манкевич, Д.С. Самохвалов, арестована Е.И. Кабанова, впоследствии расстрелянная уже колчаковцами, арестован редактор журнала «Сибирская школа» Г.И. Итыгин и другие.

Завершая рассмотрение настроений учительства Енисейской губернии за короткие 2,5 года, судьбоносные во всех смыслах для нашей страны, следует отметить определяющее влияние на общественно-политические взгляды и действия учителей руководства ВУС, которому в довольно короткий период удалось сформировать довольно устойчивую корпоративную структуру, упорно и скоординированно сопротивлявшуюся мероприятиям органов советской власти.

В 1924 году в докладе, посвященном 5-летию Союза Рабпрос, этот период так был охарактеризован: «Октябрьский переворот застал учительство организованным в большую, хотя и плохо сплоченную рать. Каждая крупная организация была автономной. Сила была в том, что, объединяя кастово замкнутую группу, связанную с господствующим классом, являющуюся продуктом той среды, в которой она жила и выполняла приказания буржуазного государства, в сферу идеологии которого имела задачу втягивать крестьян и рабочую массу, группа эта, как корпорация, имела свой психологический уклад. Союзное мнение подтвердило обязательность постановления о неподчинении советской власти и предупредило, что «неисполнение его влечет за собой исключение из Союза» (резолюция от 2 ноября 1917 года)» [4, с. 3].

Источники и литература

1. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 282.
2. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 283.
3. ГАКК. Ф.163. Оп. 1. Д. 2.
4. ККМ. Д. 3872/1-2.
5. Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917 – лето 1918 г.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. 255 с.
6. МУ МГА. Ф. 105. О. 1. Д. 13.
7. Наш голос. 1917. № 112.
8. Русская школа. 1917. № 2-4.
9. Свободная Сибирь. 1917. 12 окт.
10. Сибирская школа. 1916. № 3.
11. Сибирская школа. 1916. № 9-10.
12. Сибирская школа. 1917. № 2.
13. Смирнов Н.Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб.: Наука, 1994. 410 с.
13. Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 г.). Новосибирск, 1965. 281 с.
14. Труды первого общегубернского съезда учащихся Енисейской губернии в г.Красноярске с 1 по 9 августа 1917 года. Ачинск, 1918.

РУКОВОДИТЕЛИ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА КЕМЕРОВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Блинов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
blinov_alexey_vlad@mail.ru

В статье представлены материалы, характеризующие руководителей городского и районных отделов народного просвещения г. Кемерово в годы Великой Отечественной войны. Это были люди, которые сформировались в довоенный период, имели профессиональный опыт, были преданы идеалам партии и своему делу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, г. Кемерово, образование, управление, заведующий

HEADS OF PUBLIC EDUCATION DEPARTMENTS OF THE CITY OF KEMEROVO DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Blinov Alexey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
blinov_alexey_vlad@mail.ru

The article presents materials characterizing the heads of the city and district departments of public education in Kemerovo during the Great Patriotic War. These were people who were formed in the pre-war period, had professional experience, and were devoted to the ideals of the party and their work.

Keywords: Great Patriotic War, Kemerovo, education, management, head of department

2025 г. войдет в историю страны как год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и защитника Отечества. В рядах защитников Отечества в военное время оказались и работники образования, которые, несмотря на крайне тяжелые условия, самоотверженно выполняли свой профессиональный долг, находя ответы на вызовы времени в течение 1418 дней и ночей.

В августе 1945 г. на Всероссийском совещании по народному образованию нарком просвещения В. П. Потемкин подчеркивал: «Никто не посмеет утверждать, что наша школа не выполнила своей основной воспитательной задачи. ... Советская школа победила фашистскую школу; советский учитель победил немецкого учителя-фашиста» [1, с. 250].

Во время Великой Отечественной войны образовательная политика руководствовалась двумя важнейшими целями: с одной стороны, сохранить государственную систему народного образования и адаптировать ее деятельность к условиям и требованиям военного времени, а с другой, продолжить целенаправленные и систематические усилия, начатые в 1930-е гг. по созданию и совершенствованию школьной модели.

Общеобразовательная школа в г. Кемерово не стала исключением. Продолжалась перестройка учебно-воспитательной работы, к задачам обеспечения качественной и бесперебойной работы, всеобуча, военно-патриотического воспитания

подрастающего поколения, ставших особенно актуальными, добавились и новые: расширение массовой политико-просветительской работы среди молодежи, оказание посильной помощи фронту, семьям фронтовиков, сельскому хозяйству и промышленности региона [2].

В решение этих задач внесли свой вклад и руководители органов управления городским образованием.

К началу Великой Отечественной войны ведомство Кемеровского городского отдела народного образования (далее – горОНО) было представлено, в соответствии с административно-территориальным делением городского пространства, тремя районными отделами народного образования (далее – райОНО) – Кировским, Рудничным и Центральным, под контролем которых к началу 1941–1942 учебного года находилось 78 образовательно-просветительных учреждений: 33 детских сада с контингентом 2080 детей, 33 общеобразовательных школы с контингентом 23100 учащихся, 2 детских дома с контингентом 220 детей, 5 библиотек, 3 клуба, фильмотека и музей [3, л. 31]. К окончанию войны количество общеобразовательных школ, не смотря на ряд реорганизаций, осталось прежним, с увеличением числа учащихся до 25256 чел. [4, Л. 48; 5, Л. 84–84об.; 6, л. 7–8].

За время войны сменилось три руководителя горОНО: Мананников Сергей Николаевич (с октября 1939 г. по ноябрь 1941 г.) [7], Кыков Анатолий Иванович (с декабря 1941 г. по июль 1943 г.) [8], Баева Александра Григорьевна (с августа 1943 г. по июнь 1945 г.) [9].

Кировский райОНО возглавляли: Канаровская Александра Макаровна (с января 1939 г. по март 1943 г.) [10], Новиченко Мария Ефимовна (с марта 1943 г. по март 1946 г.) [11]. Во главе Рудничного райОНО находились: Невзоров Николай Петрович (с июня 1940 г. по март 1942 г.) [12], Кравченко Анна Макаровна (с марта по декабрь 1942 г.) [13], Лапин Яков Порфирьевич (с декабря 1942 г. по март 1943 г.) [14], Житкевич Лидия Григорьевна (с марта по октябрь 1943 г.) [15], Шагиахметов Касым Хасанович (с октября 1943 г. по сентябрь 1945 г.) [16]. Руководителями Центрального райОНО были Цалобанов Василий Александрович (с июля 1941 г. по октябрь 1941 г.) [17], Пискунова Александра Ивановна (с ноября 1941 г. по март 1945 г.) [18], Катасонов Степан Андреевич (с марта 1945 г.) [19].

Это были люди с разными судьбами, но всех их объединяет ряд общих черт.

Уроженцами Кузбасса были четверо: Баева А. Г. [9], Лапин Я. П. [14], Невзоров Н. П. [12], Шагиахметов К. Х. [16].

По разным причинам семь руководителей связали свою судьбу с г. Кемерово еще до начала войны: А. Г. Канаровская [10], А. М. Кравченко [13], А. И. Кыков [8], С. А. Катасонов [19], С. Н. Мананников [7], А. И. Пискунова [18], А. В. Цалобанов [17].

Двое оказались в Кемерово из-за эвакуации: Новиченко М. Е. (учитель школы на станции Копцевская (Полесская область) и Л. Г. Житкевич (учитель школы на хуторе Михайловском (Сумская область) [11, 15].

Все руководители органов управления образованием г. Кемерово военного периода имели профессиональное образование.

Среднее профессиональное было у двоих (15,4 %): Л. Г. Житкевич (Педагогический техникум, 1942) [15], А. И. Пискунова (Барнаульский педагогический техникум 1927) [18].

Семь (53,8 %) руководителей имели высшее педагогическое образование, полученное до войны: А. Г. Баева (Томский педагогический института, 1941 г.) [9],

А. М. Канаровская (Иркутский педагогический институт, 1932 г.) [10], А. И. Кыков (Томский педагогический институт, 1941 г.) [8], С. Н. Мананников (краткосрочные курсы при Томском педагогическом институте, 1933 г.) [7], М. Ф. Новиченко (Глуховский учительский институт, 1938 г.) [11], В. А. Цалобанов (Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, 1931 г.) [17], К. Х. Шагиахметов (Томский педагогический институт, 1936 г.) [16].

Незаконченное высшее педагогическое образование было у четырех руководителей (30,8 %): С. А. Катасонов (Томский государственный университет, 1935–1938 гг.) [19], А. М. Кравченко (Днепропетровский институт народного образования, 1927–1931 гг.) [13]; Днепропетровский институт физики-химии-математики, 1929–1931 гг.), Я. П. Лапин (Московский историко-архивный институт, 1931–1933 гг.) [14], Н. П. Невзоров (Томский государственный университет, 1937–1939 гг.) [12].

Ко времени, когда они назначались на должности руководителей отделов образования, каждый из них уже имел опыт работы. Со стажем педагогической работы более 20 лет было двое (15,4 %) (А. М. Канаровская – 29 лет и М. Е. Новиченко – 24 года) [10, 11]; более 10 лет – шестеро (46,2 %) (С. А. Катасонов – 15 лет; А. М. Кравченко, А. И. Кыков – 11 лет, К. Х. Шагиахметов – 13 лет; А. И. Пискунова, В. А. Цалобанов – 14 лет) [8, 13, 16–19]; до 10 лет – пятеро (38,5 %) (Л. Г. Житкевич, Я. П. Лапин – 4 года; Н. П. Невзоров – 5 лет; А. Г. Баева – 6 лет; С. Н. Мананников – 8 лет) [15, 14, 12, 9, 7].

Все заведующие, без исключения, были преданы идеалам партии ВКП/б/, являясь ее членами. Как справедливо отмечает В. Э. Черняк, «рассматривая историю отечественной школы и педагогики в годы Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков, важно иметь в виду, что к ее началу выросло поколение, не знавшее другой власти, кроме Советской, в сознание которого были индокрированы идеи о преимуществах советского социалистического образа жизни, привиты соответствующие этому идеалы и ценности. Фактически выросло поколение, которое связывало свою судьбу с этой властью, равно как и судьбу отечества не представляло себе вне советского строя» [20, с. 6].

В довоенный период в ряды ВКП/б/ вступили четверо: А. М. Кравченко в 1927 г. [13]; А. Г. Баева и А. М. Канаровская в 1939 г. [9, 10], М. Е. Новиченко в 1940 г. [11] Остальные ответственные решения приняли в годы войны.

В годы Великой Отечественной войны на посту руководителей городского и районных отделов народного образования сменилось тринадцать человек. Это были люди своего времени, преданные идеалам партии и своему делу. Благодаря их усилиям были не только сохранены лучшие традиции советской школы, но и заложен фундамент для ее дальнейшего развития.

Источники и литература

1. Потемкин В.П. О дальнейшем улучшении учебно-воспитательной работы в школе. Доклад и заключительное слово на Всероссийском совещании по народному образованию в августе 1945 г. // Академик В.П. Потемкин. Статьи и речи / под ред. И.А. Каирова, А.Г. Калашникова, Н.А. Константинова. М.;Л: Изд-во АПН РСФСР, 1947. 303 с.

2. Блинов А.В. Общеобразовательная школа города Кемерово в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вектор. 2023.Т. 18, № 4. С. 42–51. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-42-51.

3. Государственное казенное учреждение «Государственный архив Кузбасса» (ГКУ ГАК). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 48.
4. ГКУ ГАК. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 59.
5. ГКУ ГАК. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 9.
6. МБУ «Кемеровский городской архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 1.
7. ГКУ ГАК. Ф. П-15. Оп. 4. Д. 817. (личное дело Мананникова С. Н.).
8. ГКУ ГАК. Ф. П-11. Оп. 2. Д. 1650. (личное дело Кыкова А. И.).
9. ГКУ ГАК. Ф. П-15. Оп. 3. Д. 26; Д. 94. (личное дело Баевой А. Г.).
10. ГКУ ГАК. Ф. П-15. Оп. 3. Д. 199 (личное дело Канаровской А. М.).
11. ГКУ ГАК. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 2871 (личное дело Новиченко М. Е.).
12. ГКУ ГАК. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 1198. (личное дело Невзорова Н. П.).
13. ГКУ ГАК. Ф. П-15. Оп. 4. Д. 711. (личное дело Кравченко А. М.).
14. ГКУ ГАК. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 769. (личное дело Лапина Я. П.).
15. ГКУ ГАК. Ф. П-15. Оп. 4. Д. 460. (личное дело Житкевич Л. Г.).
16. ГКУ ГАК. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 4589. (личное дело Шагиахметова К. Х.).
17. ГКУ ГАК. Ф. П-15. Оп. 4. Д. 1373. (личное дело Цалобанова В. А.).
18. ГУК ГАК. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 1354. (личное дело Пискуновой А. И.).
19. ГКУ ГАК. Ф. Р-849. Оп. 5. Д. 468. (личное дело Катасонова С. А.).
20. Черняк. В. Э. Школа в военные годы (1941–1945 гг.). Мурманск: МГПУ, 2005. 66 с.

ГОЛОСА ЮНОСТИ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ВЫЗОВ В ПИНСКОЙ ГИМНАЗИИ (1861)

Ганчар Андрей Иванович

Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь
gancharandre1@yandex.ru

В статье рассматриваются события, произошедшие в Пинской гимназии в октябре 1861 г., как проявление социального и политического напряжения в Северо-Западном крае Российской империи. Анализируются причины и динамика ученических беспорядков, реакция администрации, педагогического совета и местного общества, а также вмешательство центральной власти. Особое внимание уделено роли этноконфессиональных факторов, слабости административного ресурса и кризису доверия между властью и обществом.

Ключевые слова: Российская империя, Римско-католическая церковь, гимназия, Северо-Западный край, Виленский учебный округ

VOICES OF YOUTH: A GENERATIONAL CHALLENGE AT THE PINSK GYMNASIUM (1861)

Hanchar Andrei Ivanavich

Grodno State Agrarian University, Grodno
gancharandre1@yandex.ru

This article examines the events that took place at the Pinsk Gymnasium in October 1861 as a manifestation of the social and political tensions in the Northwestern Krai of the Russian Empire. It analyzes the causes and dynamics of student unrest, the responses of the administration, the pedagogical council, and the local community, as well as the intervention of central authorities. Special attention is given to the role of ethno-confessional factors, the weakness of administrative resources, and the crisis of trust between the government and society.

Keywords: Russian Empire, Roman Catholic Church, gymnasium, North-Western region, Vilna Educational District

Середина XIX в. в истории Российской империи ознаменована не только Великими реформами, но и ростом общественного недовольства, особенно в западных губерниях, где национальные, религиозные и социальные противоречия были обострены. Одним из ярких эпизодов, отражающих эти процессы, стали беспорядки в Пинской гимназии осенью 1861 г. Вопреки ожиданиям властей, учащиеся проявили организованное сопротивление, а педагогический корпус оказался неспособен или не готов к решительным действиям. Настоящая статья предлагает реконструкцию и анализ этих событий на основе донесений, служебной переписки и решений административных органов. Исследование позволяет выявить не только локальные особенности конфликта, но и более широкие тенденции трансформации взаимоотношений между властью, обществом и системой образования.

Беспорядки в Пинской гимназии проявились в большем размере, нежели в прочих учебных заведениях округа и имели характер явного возмущения против власти. Такое направление, общее более или менее всему местному краю, попечитель объяснял, частично, и отдаленностью г. Пинска от г. Вильно и г. Минска, где была сосредоточена власть, и совершенным отсутствием в городе военной силы.

Инспектор и учителя Пинской гимназии, боясь преследований со стороны общества, скрыли от попечителя неоднократное пение учениками гимна. Директор, узнав о том частным путем, желая действовать сначала убеждением на родителей учащихся, заметил судье и стряпчему, что не хорошо поступают их дети, участвуя в пении запрещенного гимна, по всему городу был оглашен шпионом, а с ним вместе и несколько училищных чиновников, не потворствовавших ученикам, подвергнуты были этому прозвищу и презрению: их перестали принимать в общество, не кланялись им при встрече, прибавали к стенам домов составленные на них пасквили и пр. Директор Шульгин, лично убедившись в пении гимна в костеле учениками VI класса Шоманским и Родзеевским, передал на обсуждение педагогического совета. Узнав о том, ученики сообщили учителям, что, если только совет накажет чем-либо указанных директором учеников, то V, VI и VII классы прямо объявят, что они все пели и будут петь. В продолжении трех заседаний, под председательством инспектора, по болезни директора, совет обсуждал это дело и наконец решил приказывать указанным ученикам просить прощения у директора. Директор уступил и простил. В ту же ночь в квартире учителя Солнцева, более всех настаивавшего на исключении учеников, было разбито 19 стекол и сообщена угроза высечь его за настаивание об отчислении.

Донося попечителю ВУО об этих происшествиях, директор Пинской гимназии отметил абсолютное не содействие со стороны педагогического совета и полиции своим распоряжениям. Инспектор и учителя покрывали учеников: поляки, из патриотизма, русские, из опасения за свою жизнь. Ученики, подстрекаемые городским мятежниками, смеялись над угрозами, постоянно выходя из повиновения учителям, требуя их удаления, понося ругательными словами и преследуя т. н. «кошачьей музыкой». В квартире директора были выбиты стекла, а ему самому грозили побоями. И за все эти дерзости совет не постановил ни одного взыскания.

22 октября 1861 г. прибыл в г. Пинск инспектор казенных училищ, статский советник Траутфеттер. 23 октября он начал ревизию гимназии. Первые два урока прошли благополучно, но на третьем уроке, войдя в VI класс вместе с директором, Траутфеттер нашел там только двух учеников, да и те были призваны учителем с улицы. Причиной отсутствия остальных было совершаемое в то время, по какому-то особенному случаю, богослужение в костеле. Инспектор Траутфеттер приказал немедленно составить список неявившимся в класс ученикам, созвать совет для обсуждения этого дела и более всего виновных исключить из гимназии. 24 октября 1861 г. ученики всех классов собрались в большой гимназический зал с просьбой дозволить им присутствовать на панихиде по варшавскому архиепископу Фиалковскому. Но по справкам, забранным от р.-к. законоучителя оказалось, что никакой панихиды в тот день не было назначено, и потому директор отказал ученикам в их просьбе. Несмотря на то, некоторые ученики, после большой перемены, пошли в костел и на третий урок опоздали, так как после службы происходила еще церемония освящения креста, поставленного ночью на костельном дворе в память соединения Литвы с Польшей. По вторичному предложению инспектора Траутфеттера, созванный совет гимназии определил двух замеченных

прежде учеников Шомановского и Розеевского, провинившихся и в этом случае, исключить из гимназии. На другой день, 25 октября 1861 г., ученики VI и VII классов, узнав об исключении двух своих товарищей, обратились к директору с просьбой о прощении их, указав и на свою виновность, но, получив отказ, на другой урок вышли из классов и в гимназию не возвратились. Вечером того же дня несколько дворян явилось к директору Шульгину с ходатайством о прощении двух исключенных учеников, равным образом и остальных, удалившихся после первого урока из класса, ручаясь, что ученики не будут впредь производить беспорядки. Сомневаясь, что такое ручательство могло быть вполне надежным и достаточным для обеспечения спокойствия гимназии, но не желая в то же время выразить недоверие дворянству, директор изъявил согласие представить о том на разрешение попечителя ВУО князя А.П. Ширинского-Шихматова. В частном же к попечителю письме единственно полезной мерой директор полагал исключение, хотя и временное, учеников VI и VII классов, как наиболее буйных. По истечении некоторого времени, ученики, по убеждению директора, стали бы непременно просить о принятии их в гимназии и тогда лучшие бы только из них могли бы быть приняты обратно. Инспектор Траутфеттер, не соглашаясь с мнением директора ходатайствовать о прощении виновных учеников, письменно предложил это дело в совет гимназии на обсуждение. Совет, однако, вполне одобрил предполагаемую дворянством меру и просил попечителя о ее утверждении.

По получении вышеуказанных сведений, Александр Прохорович предложил пинскому директору училищ, от 30 октября 1861 г., привести в исполнение следующее:

1) исправлявшего должность инспектора гимназии учителя Овчинникова, не оправдавшего оказанного ему назначением на эту должность доверия, по даче ему строгого выговора, перевести с занимаемой им должности на место старшего учителя русского языка в Белостокскую гимназию;

2) учителя географии Селенса, оказавшегося ранее виновным в поневежских происшествиях и уволенного властью, данной генерал-губернатору, уволить от службы без прошения;

3) всем членам педагогического совета, за исключением учителя Солнцева и тех, которых директор признал действительно добросовестными, передать от попечителя строжайший выговор за неисполнение ими своих обязанностей, согласно требованиям чести и совести и объявить им, что, если кто-либо из них, оставаясь на службе, позволит себе двусмысленные поступки, или уклонение от исполнения обязанностей согласно данной им присяге, тот немедленно будет, судя по степени вины, или переведен в уездное училище, или уволен от службы без прошения;

4) учеников VI и VII классов за произведенные ими беспорядки исключить из гимназии за дурное поведение, что и обозначить в свидетельствах.

В частном же письме к директору Пинской гимназии, попечитель ВУО предоставил ему право со временем, когда с прибытием войск в г. Пинск спокойствие бы восстановилось, принять по его усмотрению в VI и VII классы тех учеников, которые искренним раскаянием и прежним хорошим поведением заслужили бы эту милость [1, л. 43 об.–48].

5 ноября 1861 г. попечитель ВУО князь А.П. Ширинский-Шихматов получил от директора Белостокской гимназии донесение о том, что 7 учеников православного исповедания подали просьбу об увольнении их из гимназии, вследствие постоянного преследования их католиками и насмешек не только над ними, но и над

правительством и русской народностью и русским государственным гербом, на который ученики-поляки рисовали карикатуры. Двое из русских учеников обратились с той же жалобой и к военному начальнику. Педагогический совет гимназии в трех заседаниях рассматривал это дело и, оправдывая учеников-католиков, представил свое заключение на усмотрение попечителя, предложившего инспектору казенных училищ Траутфеттеру, должного быть на днях в г. Гродно, отправиться в г. Белосток и произвести подробное дознание по этому делу [1, л. 48–48 об.].

В полученном ответе от министра народного просвещения на секретное свое представление за № 141, попечитель ВУО нашел указание на действия по замещению открывавшихся в округе вакансий учителей. В 1860 г. был сделан через газеты вызов желающих занять вакантные места учителей гимназии в округе, но никто не отозвался на этот вызов. Будучи в г. Москве и московской губернии, А.П. Ширинский-Шихматов предлагал некоторым известным ему лицам, имевшим ученые степени и занимавшим места уездных учителей, места учителей в гимназиях ВУО, но не имел успеха. Исполняя указания министра, попечитель ВУО снова дал вызов желающим занять вакантные места через санкт-петербургские и московские ведомости. Таким образом попечитель ВУО был поставлен в необходимость замещения местными уроженцами даже вакансий учителей русского языка и истории. Состав гимназий, оказавшийся несостоятельным и далеко не действующим в повиновении правительству, представлял мало гарантий в воспитании юношества согласно видам правительства. Перевод из России по распоряжению МНП тех учителей, которые имели ученые степени и обязаны службой правительству, с выдачей им прогонов и пособий, по мнению попечителя ВУО, являлся единственным способом удержать правительственное влияние в гимназиях ВУО. Если бы советы гимназий состояли хотя бы наполовину из русских, то борьба была бы еще возможна, но теперь правительство имело очень мало верных и преданных слуг в составе служащих ВУО и имело их все менее и менее, особенно по умножении беспорядков и волнений в крае. По убеждению Александра Прохоровича, это обстоятельство было столь важно и могло иметь столь вредные последствия, что хотя он и получил отказ на свое представление по этому предмету, долгом считал вторично представить его на усмотрение министра народного просвещения [1, л. 48 об.–50].

Таким образом, происходившие осенью 1861 г. события в Пинской гимназии это не просто эпизод из жизни провинциального учебного заведения, но симптом более глубоких процессов, происходивших в северо-западных губерниях Российской империи. Беспорядки, вызванные не только политическими симпатиями учащихся, но и слабостью административного контроля, отсутствием доверия между властью и обществом, а также межэтническими и межконфессиональными напряжениями, продемонстрировали уязвимость правительственной образовательной политики. Этот случай позволяет рассматривать школу не только как институт социализации, но и как арену политического противостояния, где формировались новые формы коллективного действия.

Источники и литература

1. РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1511. Л. 227.

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ ПРОТЕСТА: УЧЕНИКИ, РОДИТЕЛИ И ВЛАСТЬ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ (1861)

Ганчар Андрей Иванович, кандидат исторических наук, доцент
Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь
gancharandre1@yandex.ru

Статья посвящена анализу управленческих решений и проблем поддержания дисциплины в учебных заведениях Виленского учебного округа в 1861 году, рассмотренным через призму конфликта поколений и межпоколенческого влияния. На примере официальной переписки попечителя округа князя А.П. Ширинского-Шихматова исследуется, как политическая и национальная напряженность в Северо-Западном крае Российской империи после польских манифестаций в Варшаве вылилась в массовое вовлечение учащихся гимназий в протестные акции.

Ключевые слова: Российская империя, образование, Римско-католическая Церковь, педагогические кадры, поколение, воспитание, политика

THE INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF PROTEST: STUDENTS, PARENTS, AND STATE POWER IN THE NORTHWESTERN REGION (1861)

Hanchar Andrei Ivanavich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Grodno State Agrarian University, Grodno, Belarus
gancharandre1@yandex.ru

The article analyzes administrative decisions and challenges of maintaining discipline in the educational institutions of the Vilna Educational District in 1861, examined through the lens of generational conflict and intergenerational influence. Using the official correspondence of the district trustee Prince A.P. Shirinsky-Shikhmatov as a case study, it explores how the political and ethnic tensions in the Northwestern Krai of the Russian Empire, following the Polish manifestations in Warsaw, resulted in the mass involvement of gymnasium students in protest activities.

Keywords: Russian Empire, education, Roman Catholic Church, teaching staff, generation, upbringing, policy

Помощник попечителя ВУО князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов, по получении 11 июня 1861 г. извещения о выезде управляющего ВУО генерал-лейтенанта барона Егора Петровича Врангеля прибыв в г. Вильно 14 июня 1861 г. и вступив в управление округом 15 июня 1861 г., 21 июня 1861 г. в докладе управляющему МНП сообщал 21 июня 1861 г. о событиях накануне 4 мая 1861 г., когда ему пришлось выехать из г. Вильно в Московскую и Смоленскую губернии для составления в имениях уставных грамот.

Князь А.П. Ширинский-Шихматов оставил г. Вильно в то время, когда уже начались панихиды за убитых в варшавских происшествиях. Но ученики виленских учебных заведений вели себя вообще порядочно и хотя и являлись на панихиды с родителями, но не в массах. Однажды только, за несколько дней до его выезда из г. Вильно, старшие классы и несколько воспитанников дворянского института

участвовали в большой панихиде, отправленной в костеле св. Иоанна, находившимся на самом гимназическом дворе. Но так как служба пришлась как раз в большую перемену, и ученики опять все собрались в классы, то обстоятельство это было оставлено без последствий. Тем более, что панихиды повторялись часто, посещались многочисленной публикой, и хотя носили характер демонстраций, но так как при этом никаких беспорядков не было, то начальство края, а вместе с ним и учебное начальство, не находили достаточных причин для взыскания. В классах же ученики вели себя хорошо, занимаясь как всегда, и никакого нарушения порядка в заведениях не было.

За несколько дней обстоятельства изменились. В высших и средних классах городского населения распространился политический гимн, который пелся в костелах и на улицах целыми массами, перед изображениями Спасителя и Божией Матери. Во всех этих сборищах главное участие принимали дамы и ученики гимназии, прогимназии и в небольшом числе и дворянского института. Ученики гимназий в г. Белостоке и г. Ковно, двух пограничных городах округа, также участвовали в беспорядках.

С 15 июня 1861 г. начались каникулы, и ученики всех христианских учебных заведений были распущены. Вновь замеченных в участии в беспорядках учеников директорам учебных заведений было предложено не принимать обратно. По мнению помощника попечителя это была единственно возможная в данное время мера наказания, т. к. более строгие меры были бы неуместны и несправедливы, по причине участия учеников в демонстрациях со своими матерями, отцами и родственниками, а значит главная ответственность возлагалась на взрослых, а не на детей, находившихся под влиянием своих родных в полной от них зависимости.

В г. Ковно ученики гимназии позволили себе оскорбить жандармского офицера, вследствие чего двое из них были арестованы. В г. Вильно ученик 7 класса Норейко, окончивший курс, но не получивший еще аттестата, был задержан полицией за раздачу простому народу списков с гимна. Ученик Норейко, не сознавшись в этом преступлении, был передан в распоряжение генерал-губернатора как лицо, не принадлежавшее уже гимназии. Совет гимназии лишил его права на получение аттестата. Ученики Виленского раввинского училища (откр. в 1847 г.) и вообще всех еврейских заведений отличались примерным поведением. Поведение еврейского населения князь А.П. Ширинский-Шихматов счел безукоризненным, вполне заслуживавшем преимуществ, рассмотренных 4 апреля 1861 г. на попечительском совете.

Поскольку самая большая часть служащих в округе состояла из местных уроженцев, то и правильный и надежный надзор в этих случаях был не всегда возможен. На недостаточность вообще русского элемента в округе и на необходимость усиления его людьми просвещенными и преданными начальство округа постоянно указывало в своих отчетах и донесениях. Учебное начальство, передав учащихся на руки родителей, не могло нести прямой ответственности за действия первых, тем более что в местном округе, по прежде существовавшем обычаю, с роспуском на каникулы, ученики уже не считали себя принадлежавшими к заведению, и только при начале курса вновь являлись и принимались в гимназию, или, по местному выражению, записывались. В случае же, если в течение летних каникул, поведение учеников не изменилось бы к лучшему, князь А.П. Ширинский-Шихматов рекомендовал ограничить число учащихся в гимназиях и прогимназиях примерно 50 в каждом классе. Тогда начальники учебных заведений, при приеме

воспитанников, могли бы иметь возможность делать более строгий выбор, и ученики бы дорожили званием гимназиста. В пользу такой меры не сомневался и Главный начальник края Владимир Иванович Назимов [1, л. 1–7 об.].

В видах пресечения воспитанниками гимназий Минской губернии средств участвовать в политической демонстрации, выражавшейся в пении гимна, минский губернатор Эдуард Федорович Келлер 31 августа 1861 г. отнесся к директорам Минской, Слуцкой, Мозырской, Пинской и Новогрудской гимназий, прося их сделать распоряжение, чтобы воспитанники вверенных им гимназий, желавшие в воскресные и праздничные дни находиться при божественной службе, предварительно собирались в гимназии и оттуда уже отправлялись бы в костелы в сопровождении учителей, а последним вменить в обязанность выводить учеников из костела тотчас по окончании службы, до начала пения гимна. Также в другие обыкновенные дни учителя по очереди должны были посещать костелы во время вечернего служения и в случае замачивания кого-либо из учеников в пении гимна, тотчас должны были доводить о том до директоров для подвержения виновных взысканию. Директора со своей стороны о всех таковых случаях сообщали губернатору, с объяснением какому наказанию были подвержены участвовавшие в пении гимна ученики.

Со времени же вступления в управление ВУО и до 6 октября 1861 г. князь А.П. Ширинский-Шихматов не получал никаких сообщений от графа Э.Ф. Келлера, а от самих директоров гимназий управляющий имел лишь удовлетворительные донесения о поведении учеников. Распоряжение минского губернатора ставило в неловкое положение князя перед своими подчиненными, получившими приказание мимо своего прямого начальника. В связи с чем А.П. Ширинский-Шихматов частным письмом обратился к графу Э.Ф. Келлеру о направлении копий таковых донесений и ему, а также своих замечаний и выражения личного мнения. Также просил князь и об уведомлении его о всяких предложениях директорам со стороны минского губернатора [1, л. 13–13 об., 16, 18–18 об.].

Секретным предложением управлявшего ВУО директорам Виленского института и гимназий, от 20 июня 1861 г. за №№ 29–42, последние обязывались о всех происшествиях, выходящих из ряда обыкновенных детских шалостей, немедленно доносить управляющему ВУО с первой почтой, а в случаях более важных и по эстафете, чтобы тотчас можно было принять меры к их прекращению и чтобы подобные сведения не были получены управляющим другими путями.

Так-как участие учеников в пении гимна, производимого в костелах и на улицах перед изображениями святых не могло быть терпимо, управляющий ВУО 21 июня 1861 г. за №№ 49–64 предложил директорам Виленского института и гимназий предупредить учащихся, чтобы они не участвовали ни в каких манифестациях. В противном случае, при наступлении нового учебного года, все замеченные в подобных поступках не должны были приниматься в училище [1, л. 19–20 об.].

12 августа 1861 г. за №№ 2510–2524 и 2538–2539 директорам виленских института и гимназий предложено было, для устранения воспитанников учебных заведений от увлечений, принять следующие меры: 1) объявить ученикам вверенного заведения, что они по принятии их в заведение состоят в полном и непосредственном ведении учебного начальства, впредь до окончания курса наук или совершенного выбытия из заведения, поэтому ни в каникулярное, ни в вакационное время они не должны себя считать освобожденными от власти учебного начальства; 2) педагогический совет заведения обязывался осмотнительнее делать выбор между лицами, желавшими содержать у себя учеников, и только совершенно

благонадежным выдавать разрешение; в каждый квартире совет должен был назначить старшего из лучших и вполне надежных воспитанников; 3) надзор за квартирами распределялся между учителями заведения, от которых учебное начальство ожидало не только успешного хода учения в определенных программах размерах, но и в особенности благотворного влияния на нравственность и поведение учеников; 4) на ученических квартирах заводились шнуровые тетради, в которых учителями и др. училищными чиновниками записывались их посещения с надлежащим объяснением, все ли найдено в порядке, и все ли квартирующие ученики находились налицо; 5) строгое соблюдение формы и приличный вид становились обязательны для всех учеников заведения; требования эти призваны были приучить учащихся к чистоплотности и отучить от неряшества, а также укрепить дисциплину, в усилении которой особенно нуждались учебные заведения в данное время; 6) учеников водить одновременно в назначенный для них костел в присутствии надзирателей и других училищных чиновников; в другое время ученики не должны были ходить по костелам; 7) замеченным в неисполнении правил и приказаний ученикам делать выговора и подвергать другим дозволенным наказаниям, внося каждый проступок в штрафной журнал, а на основании этих отметок уменьшать балы в поведении; если же эти меры не будут действовать на некоторых, то таких исключать из заведения; 8) тех учеников, о которых имелись сведения и убеждения об участии в пении возмутительного гимна и которые признавались вредными, в заведение не принимать, а всех прочих предупредить, что при малейшем участии их в пении указанного гимна, или в каких бы то ни было демонстрациях, они тотчас будут исключены из заведения, что и приводить в исполнение, донося о наиболее резких проступках попечителю округа [1, л. 21–22].

Предложением попечителя ВУО директорам института и гимназий, от 23 сентября 1861 г. за №№ 2965–2982, для усиления надзора за воспитанниками, иметь постоянное наблюдение, чтобы учащиеся, за отсутствием учителей по болезни или др. причинам, ни под каким видом не были отпускаемы из классов, преподавание в которых, согласно 198 устава гимназий, должен был принять на себя инспектор или поручить одному из свободных учителей. Сведения же о том, кто из преподавателей и чье место заступил в классе и сколько именно подобных уроков имел в течении полугодия надлежало сообщать попечителю, как необходимые данные при соображениях о назначении наград усерднейшим училищным чиновникам [1, л. 22 об.–23].

Влияние семьи и общества, конечно, пересиливали влияние учебного начальства, которое, состоя большей частью из местных, далеко не в состоянии было бороться с духом и направлением, овладевшим городскими населенными. Необходимость усиления русского элемента в округе стала для попечителя настоятельна. Прежде педагогический институт снабжал ВУО русскими учителями. Предложение же предместника министра народного просвещения о присылке в ВУО русских учителей, вместо стипендиатов из местных уроженцев, не исполнялось. Князь А.П. Ширинский-Шихматов надеялся назначением учителей русского происхождения и православного исповедания удержать в ВУО русский элемент, представленный менее ¼ части, и то считая в этом числе и местных уроженцев православного исповедания, больше частью не вполне владевших русским языком. При усилении русского элемента облегчился бы и выбор на места директоров и инспекторов.

По мнению попечителя ВУО, очень полезным было бы подчинить учеников от гимназии, на время существовавшего военного положения, местной гражданской власти. Гимназии не имели средств посылать во все костелы города своих чиновников, а полиция могла бы всех совершеннолетних учеников, участвовавших в демонстрациях, подвергать взысканиям на основании общих положений, сообщая в тоже время начальству гимназии об их исключении, а несовершеннолетних – препровождать к начальникам заведений для взыскания по усмотрению педагогических советов, на основании данных им устава и инструкций. Страх попасть в руки административной власти очень бы, по убеждению попечителя, мог способствовать к удержанию учеников от демонстраций [1, л. 30 об.–32 об.].

Таким образом, административные меры в отношении молодого поколения были, по сути, инструментом давления на поколение родителей, что ярко иллюстрирует тезис о необходимости учета «влияния поколенчества» для понимания исторических процессов. Материалы статьи наглядно демонстрируют, как межпоколенческая солидарность и трансляция ценностей становятся ключевым фактором в противостоянии общества и государственной власти в переломные исторические моменты.

Источники и литература

1. РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1511. Л. 227.

**ПОКОЛЕНИЕ 1950-х О ПОКОЛЕНИИ 1920-х гг.: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ О СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЯХ И ЦЕННОСТЯХ
(НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

Зберовская Елена Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия
zberovskay@mail.ru

В статье рассматриваются отложившиеся в памяти послевоенного поколения российских немцев семейные традиции и ценности, связанные с их родителями – поколением 1920-х гг., показана преемственность в передаче элементов культуры.

Ключевые слова: поколение, память, традиции, труд, праздники, религия, песни

**THE 1950S GENERATION ON THE 1920S GENERATION: THE CULTURAL
MEMORY OF RUSSIAN GERMANS ON FAMILY TRADITIONS AND VALUES
(BASED OF MATERIALS FROM KRASNOYARSK TERRITORY)**

Zberovskaya Elena Leonidovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia
zberovskay@mail.ru

The article examines the family traditions and values of Russian Germans, which are associated with their parents, the generation of the 1920s, that have been preserved in the memory of the post-war generation, and shows the continuity in the transmission of cultural elements.

Keywords: generation, memory, traditions, work, holidays, religion, songs

Обращение к культурной памяти послевоенного поколения представляет интерес для исторической науки и общества. Именно эта когорта, родившаяся в послевоенное десятилетие, является в настоящее время важным источником устной истории, сохранившей и передающей память о поколении родителей, чья юность и молодость прошла в суровые 1940-е гг.

В настоящей статье в фокусе внимания находится поколение российских немцев, родившихся в 1950-е гг. Они являются носителями культурной памяти о своей этнической группе и о своих родителях, переживших не только тяготы военного времени, но и принудительное переселение в регионы Сибири и Средней Азии в военные годы. В этой связи представляет интерес память детей, родившихся на новых местах жительства немцев в 1950-е гг. и выросших в условиях поликультурного окружения, о поколении своих родителей.

В ходе принудительных переселений 1940-х гг. немецкая этническая группа в Красноярском крае существенно увеличилась с 3962 чел. в 1939 г. до 66733 чел. в 1959 г. [1, с. 76]. Большая часть вынужденных переселенцев прибыла осенью 1941 г. из упраздненной Автономной Республики Немцев Поволжья.

Поколение 1950-х гг. стало, по мнению исследователей Л.Н. Славиной и Е.А. Франц, последним многочисленным для российских немцев. Анализируя

половозрастной состав немецкой этнической группы в Красноярском крае на основе материалов Всесоюзной переписи населения 1959 г., они обращают внимание на высокий удельный вес детей от 0 до 9 лет (1949–1958 гг. рождения) – 30,5 %, определяя его как компенсаторный рост рождаемости, начавшийся с конца 1940-х гг. [2]. Ассимиляция и миграционные процессы российских немцев, активизировавшиеся в 1990-е гг., привели к значительному сокращению представителей этноса в крае. Последняя перепись населения 2020 г. зафиксировала 8936 немцев [3]. Вместе с тем, они по-прежнему являются одной из многочисленных этнических групп, после русских, на территории Красноярского края.

О традициях и ценностях поколения российских немцев 1920-х гг. можно узнать из воспоминаний их детей, зафиксированных в ходе сбора устных свидетельств в разных районах края (историко-культурные экспедиции 2017 г.). Обратимся к основным маркерам, характеризующим в устных историях поколение 1920-х, которые чаще всего встречаются в воспоминаниях их детей.

Одной из главных характеристик поколения российских немцев, рожденных в 1920-е гг. является труд. Он представляется как основное и постоянное занятие всех взрослых. Как вспоминают их дети, трудились все, независимо от пола и прежней профессии: «как мать вот, я знаю, что она была приписана как к Артемовскому. Артемовск и туда в ФЗО забирали, ну вроде как бы на учебу. Но они работали там на лесосплаве: по пояс в воде, в ледяной воде» [4]. Родители респондентов предстают, прежде всего, как «люди труда», что очень импонировало местным жителям. Повседневный совместный труд с сибиряками стал один из способов адаптации немцев и принятия их в социум: «Но, ... встретили, но как – сначала, говорит, такой слух пошел, что там у них рога и хвосты, что немцы там такие страшные люди. А потом, подходят – да такие же, какие и мы. Тоже так же, а потом ниче, нормально. Жили они вообще нормально, и работали уже вместе все, с русскими и как положено» [5].

Еще одним ценностным ориентиром для немцев поколения 1920-х гг. была религия. Их дети в воспоминаниях отмечают, что религиозность родителей была менее выражена, чем у поколения бабушек и дедушек, которые родились и росли еще в дореволюционной России. Именно бабушки и дедушки выполняли несложные религиозные обряды, периодически собирались и пели песни. Родители же были заняты на работе. Вместе с тем, по мере ухода поколения своих родителей, представители поколения 1920-х становились хранителями религиозных книг и праздников. На протяжении многих десятилетий Библия была главной семейной реликвией, передающейся от дореволюционного поколения детям и которую те, в свою очередь, оставляли следующему поколению. Именно ее называли в качестве основного предмета памяти о своих родственниках почти все респонденты: «Библия, мне мама передала Библию... Конечно, храню. Но она на готическом языке написана... Да, старая очень. Осталась она. Но вот когда бабушка умерла, и как-то вещи ее, и она передала мне – когда уезжала мама, она уже мне отдала Библию» [6]. В воспоминаниях немецкая Библия выступает не только семейной ценностью, но и неким этническим маркером.

Поколение немцев 1920-х гг. еще хорошо знало свой язык. По свидетельству родившихся в 1950-е гг. в этих семьях детей, в Сибири домашним языком для детей и родителей был русский, поскольку он был необходим для социализации детей. Одним из главных механизмов передачи и сохранения языка были песни. Традиция собираться и петь немецкие песни упоминается в рассказах многих респондентов. «В Курагино, когда родители жили, молодые были, у них там компания была тоже –

курагинские все вот эти вот немцы, какая-то своя компания у них была. Очень интересная компания – они на музыкальных инструментах там играли, на балалайках, и потом гармошка была. Дядька – маминой сестры муж играл на гармошке» [6]. Одна из респонденток показала записанный цикл песен о Волге, откуда были переселены ее родители. Традиция исполнения немецких песен передалась и поколению 1950-х. В нескольких районах края (Краснотуранском, Балахтинском и др.) существуют фольклорные коллективы, исполняющие немецкие песни.

Память о поколении 1920-х связана с традиционными немецкими праздниками, которые в семейном кругу немцы продолжали отмечать и после переселения с Сибирь. Главными оставались Рождество и Пасха. «Ну, традиции мы соблюдали. Это как пошло от бабушки, соблюдали традиции: Пасху всегда, Рождество – вот эти вот праздники. Хотя и запрещено было, но справляли... В семье. Всегда подарки нам делали небольшие такие. И вот как-то вот, вот эти детские воспоминания запомнились. И я потом, как из детства, я своему сыну это, тоже самое, потом» [6].

Праздники запоминались особыми приготовлениями и подарками. «Хоть Пасха она была как – в то время запрещенная, но она все равно была, все равно. Но мама красила яйца. Утром вставали, у каждого была своя черепушка, как она раньше было, разложены яички, конфетки, уж всегда на праздник мама всегда сама шила нам платья, белили, стирали, мыли, убирали, ждали» [7].

В воспоминаниях российских немцев, которые родились и выросли в Сибири, поколение 1920-х гг. предстает как трудящееся. Труд как ценность, вызывающая уважение в социуме, позволила переселенным немецким семьям встроиться в местное сообщество. Религия, национальные песни и праздники занимали важное место в традиционном семейном укладе, но в воспоминаниях поколения 1950-х гг. инициаторами сохранения этих традиций чаще выступали старшие родственники – бабушки и дедушки, что объясняется их ролью – основных трансляторов традиций и ценностей в обществе. Родители поддерживали и соблюдали традиции, как важные события в жизни семьи.

Источники и литература

1. Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае: социально-демографическое развитие в XX веке // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат-лы междунар. науч. конф. Красноярск, 2005. С. 76–82.
2. Славина Л.Н., Франц Е.А. Эволюция половозрастной структуры российских немцев в 1950–1980-х гг. (на примере Красноярского края) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-polovozrastnoy-struktury-rossiyskih-nemtsev-v-1950-1980-h-gg-na-primere-krasnoyarskogo-kraya> (дата обращения: 24.10.2025).
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 06.03.2023).
4. БИИ, КГПУ, Большая Ирба, 2017, ПФ-38 (материалы историко-культурной экспедиции в Курагинский район Красноярского края, проводившейся автором в июле 2017 г.).
5. КВР, КГПУ, Большая Ирба, 2017, ПФ-43 (материалы историко-культурной экспедиции в Курагинский район Красноярского края, проводившейся автором в июле 2017 г.).
6. ГЛА, КГПУ, Большая Ирба, 2017, ПФ-40 (материалы историко-культурной экспедиции в Курагинский район Красноярского края, проводившейся автором в июле 2017 г.).
7. СЛЭ, КГПУ, Курагино, 2017, ПФ-46 (материалы историко-культурной экспедиции в Курагинский район Красноярского края, проводившейся автором в июле 2017 г.).

НАСЛЕДИЕ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ И ИНАКОМЫСЛИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Кузнецова Анастасия Александровна, кандидат исторических наук
Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
smirnova_aa@list.ru

В статье анализируется наследие поколения шестидесятников, распространившееся за пределы столичных центров, в регионы, а именно в Западную Сибирь. Автор показывает какие идеи и формы деятельности шестидесятников реализовывались в последующие десятилетия в крупных городах региона, каким образом студенчество и интеллигенция включались в этот процесс.

Ключевые слова: шестидесятники, диссиденты, инакомыслие, Западная Сибирь, самиздат.

THE HERITAGE OF THE SIXTIERS AND DISSENT IN WESTERN SIBERIA

Kuznetsova Anastasia Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences
Surgut State University, Surgut, Russia
smirnova_aa@list.ru

The article analyzes the heritage of the Sixtiers generation, which spread beyond the capital's centers to the regions, to Western Siberia. The author shows what ideas and forms of activity of the Sixtiers were implemented in the following decades in the major cities of the region, how students and intellectuals were involved in this process.

Keywords: sixtiers, dissidents, dissent, Western Siberia, samizdat

Шестидесятники – это поколение, которое появилось на волне идей XX съезда КПСС, на волне демократизма и веры в светлое будущее. Характерными чертами этого поколения станут стремление к правде, справедливости, общечеловеческой морали, социализму «с человеческим лицом». Важно отметить, как считает А.В. Шубин, термин «шестидесятники» относился не ко всем людям, чья молодость совпала с оттепелью, а только к тем, кто «воспринял ее как зов к свободе, и продолжал искать этой свободы и в дальнейшем, когда «оттепель» уже закончилась» [1].

При этом многие представители этого поколения не просто ограничивались «разговорами на кухне», но благодаря своей деятельности станут «рупором» эпохи, примером и ориентиром для последующих периодов. Так, уже во второй половине 1960-х гг. на политической арене Советского Союза выделяется движение диссидентов – как реакция на консервативные изменения брежневского руководства. Будучи весьма неоднородным явлением, диссиденты стремились к реализации различных прав человека в СССР, таких как право на свободу слова, собраний, печати, совести, беспрепятственной эмиграции и т. д. Также, весьма распространенным термином для обозначения этого явления используется сочетание «движение инакомыслящих».

Инакомыслие, зародившееся в Москве и Ленинграде, довольно быстро распространяло свое влияние в регионы. Так, в Западной Сибири особое место

принадлежало Новосибирскому Академгородку, ставшему местом притяжения вольнодумцев среди студентов и профессорско-преподавательского состава как в годы оттепели, так и в последующую эпоху застоя. Здесь наследие шестидесятников проявилось непосредственно как в малозаметных на первый взгляд явлениях, так и в ряде эпохальных событий.

В Академгородке существовало множество дискуссионных клубов, где обсуждались весьма неординарные политические проблемы, такие как вопросы развития тоталитарных государств и обществ, проблема демократии в связи с организацией комсомольской жизни в университете и многое другое. Вообще до 1965–1968 гг. политическая студенческо-преподавательская жизнь Академгородка «бурлила» различными встречами и мероприятиями «либеральной направленности». Авторы отмечают и довольно тесную связь студентов и преподавателей, в отличие от столичных вузов.

Большую популярность в Новосибирске получил кафе-клуб «Под интегралом», который сконцентрировался на проведении нонконформистских литературно-художественных мероприятий. «Интеграл» представлял собой разветвленную сеть отдельных подклубов: журналистский, дискуссионный, литературный, социологический, танцевальный и другие.

В 1968 г. клуб предоставил площадку для проведения фестиваля бардовской песни. Бардовская песня, несомненно, была порождением культуры шестидесятников. На фестиваль прибыл А.А. Галич – одна из ключевых фигур эпохи. Барды, не имевшие возможность собирать огромные залы в столицах, получали такую возможность в регионах [2, с. 338].

Рисунок 1 – А. Галич на Первом фестивале авторской песни. 1968 год, Новосибирский Академгородок. Фотография Владимира Давыдова [3]

Другим важным наследием шестидесятников, получившим необычайную популярность в эпоху застоя среди инакомыслящих, становится самиздат – как практически единственная возможность трансляции своих идей. Явление самиздата широко было представлено и в Западной Сибири. Так, в 1968 г. был осужден студент ТГУ В.С. Крамаренко. Он изготовил самиздатским способом журнал «Белые тени», где был воспроизведен полный текст передачи «Голоса Америки» о процессе Синявского и Даниэля – громкого дела столичных писателей, которое и положило начало диссидентскому движению в СССР. Студент этот журнал распространял среди своих знакомых в общежитии, а его друзья, участвовали в подготовке материала для следующего номера [4, л. 82–83].

В регионе интересом пользовались и другие материалы, изданные самиздатом и затрагивавшие вопросы диссидентской активности, например, информационный сборник «Хроника текущих событий», публикации А.Д. Сахарова и других видных фигур диссидентского движения.

Шестидесятники начинали свою деятельность с неформальных объединений, обсуждавших различные политические проблемы. Их последователи в Западной Сибири во второй половине 1970-х в Томске продолжили эту традицию и создали неформальное объединение «Теплица». Это название было обусловлено местом встреч участников – оранжерея цветочного хозяйства города. Место было чрезвычайно популярным и притягивало представителей творческой и гуманитарной интеллигенции, студентов и молодых людей, собиравшихся послушать иностранное радио, почитать самиздат, обсудить волнующие общественно-политические темы. Многие из молодых людей за свои политические взгляды или деятельность были отчислены когда-то из вузов и теперь свои идеи приходили обсудить в «Теплицу». Связи с Новосибирском, лидера объединения С.В. Божко – инженера социологической лаборатории ТГУ, позволяли получать «запретную литературу», поступавшую, туда из Ленинграда. Один из фигурантов по делу о журнале «Белые тени» – журналист В.М. Крюков, также оказался в «Теплице» в должности сторожа. Иногда здесь же появлялся А.П. Казаркин – преподаватель ТГУ, некогда принимавший активное участие в распространении подпольных изданий в нач. 1970-х гг. [5, с. 4] Таким образом, связи инакомыслящих не прерывались и после того, как те покидали свои учебные заведения или места работы.

Определенная часть шестидесятников в последующую эпоху застоя обратилась, как отмечают отдельные авторы, к религии [6]. Кто-то уходил в традиционные верования, а кто-то начинал увлекаться получавшими в то время популярность восточными практиками и различными эзотерическими идеями. В Сибири же обратились к идеям семьи Рерихов, на время забытых ввиду невозможности их культивирования в секулярном советском обществе. Попытка сибирской интеллигенции возродить интерес к рериховскому наследию проявилась через написанную сотрудниками СО АН СССР в Новосибирский обком КПСС и другие партийные инстанции обширную «записку» «О проблеме создания культурно-научного центра в развитие идей Н.К. и Е.И. Рерих» [7, с. 85].

Авторы «записки» обозначили круг проблем, которые, по их мнению, угрожали существованию человечества: гонка вооружений, неконтролируемая в планетарных масштабах эксплуатация природных ресурсов, загрязнение и истребление животных и растительных форм природы.

В качестве основных средств решения этой проблемы авторы предлагали использовать новейшие гносеологические, эмоциональные и волевые средства,

предложенные еще в 1920–1930-х гг. Н.К. и Е.И. Рерихами в виде учения, названного ими «Учением Живой этики». Эта система, по замыслу ее создателей, продлевает жизнь в еще более далекое будущее по великому пути Ленина.

Авторы предлагали создать в стране «Культурно-научный центр имени Н.К. и Е.И. Рерих». Он должен был состоять из ряда институтов, лабораторий и культурных учреждений, ставящих во главу угла изучение человека, его места в природе и той энергии, которая связывает человека с природой планеты и космосом, то есть психической энергии. Местом размещения отделов и институтов Центра должны были стать Горный Алтай, Новосибирск, Москва и некоторые другие города и места страны [7, с. 87].

Все указанные формы деятельности и попытки региональных инакомыслящих осмыслить советскую действительность в ином ключе, отличавшемся от дозволенного, заканчивались разного рода неприятными последствиями для участников этого движения со стороны властей.

Таким образом, несмотря на то, что основными центрами деятельности шестидесятников были Москва и Ленинград, их идеи активно проникали в регионы, включая Западную Сибирь. Этот регион стал пространством для инакомыслия в университетской и научной среде. Неформальные объединения и кружки стали местом обсуждения насущных политических проблем, литературы, прав человека, духовных идей и многого другого. Клубы стали организаторами крупнейший мероприятий в регионе, на которые приезжали и сами представители поколения шестидесятников. Самиздат стал неотъемлемой частью неконформистской среды Западной Сибири, благодаря которой заинтересованное сообщество могло получать альтернативную информацию.

К эпохе перестройки, в том числе благодаря этой среде и ее идеям, в регионе был накоплен интеллектуальный капитал, послуживший основой для будущих демократических преобразований.

Источники и литература

1. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. URL: https://royallib.com/book/shubin_aleksandr/dissidenti_neformali_i_svoboda_v_ssr.html?ysclid=mg3ctybj3o953371323 (дата обращения: 28.09.2025).
2. Орлова Р.Д. Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993.
3. Барды и авторская песня. Русский феномен. URL: <http://ussr-kruto.ru/2015/10/24/bardy-i-avtorskaya-pesnya-russkij-fenomen/> (дата обращения: 05.10.2025).
4. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 283. Л. 82–83.
5. Серебренников Н.В. Пресловутая теплица // Томский вестник. 1993. 12 марта.
6. Занемонец А. Русско-еврейская молодежь в поисках религиозной идентичности. URL: https://web.archive.org/web/20130929071313/http://echo.oranim.ac.il/main.php?p=news&id_news=36&id_personal=14 (дата обращения: 05.10.2025).
7. Кузнецова А.А. Инакомыслие в Западной Сибири в середине 1960-х – начале 1980-х гг.: на материалах Новосибирской, Омской и Томской областей: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Институт истории и археологии УрО РАН. Сургут, 2020. 199 с.

ИСТОРИЯ ПОКОЛЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Лойко Александр Иванович

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

loiko@bntu.by

Лойко Лариса Егоровна

Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Беларусь

larissa.loiko@yandex.ru

Описана история поколения интеллигенции западных губерний Российской империи с целью актуализации вклада этого поколения в российскую науку и культуру. Это поколение воспользовалось возможностями участия в научных исследованиях, дипломатической деятельности, юридической практике и художественном творчестве. Оно ставило ценности науки выше культурных различий и приняло активное участие в изучении Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: провинция, Российская империя, поколение, интеллигенция, Сибирь

HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA GENERATION OF THE WESTERN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE

Loiko Alexander Ivanovich

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

loiko@bntu.by

Loiko Larisa Egorovna

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

larissa.loiko@yandex.ru

The history of the intelligentsia generation of the western provinces of the Russian Empire is described with the aim of actualizing the contribution of this generation to Russian science and culture. This generation took advantage of the opportunities to participate in scientific research, diplomatic activity, legal practice and artistic creativity. It put the values of science above cultural differences and took an active part in the study of Siberia and the Far East.

Keywords: province, Russian Empire, generation, intelligentsia, Siberia

Интеллигенция западных губерний Российской империи была сформирована университетским образованием Европы. Особенно важную роль играл университет в Вильно, в котором преподавали сторонники философии И. Канта и европейского ориентализма. В результате у студентов формировался устойчивый интерес к изучению восточных культур и межкультурной коммуникации. После завершения обучения в университете Вильно молодые выпускники отправлялись в Санкт-Петербург, где был высокий спрос на специалистов в ведомстве иностранных дел и в системе университетского образования, поскольку в XIX веке активно формировались восточные департаменты и кафедры восточных языков.

Одним из первых из выходцев западных губерний оказался востребованным И.А. Гошкевич, который получил духовное православное образование в северной столице и был отобран в состав духовной миссии в Пекин [1]. Выбор в его пользу был обусловлен его хорошей подготовкой. Белоруссия постоянно находилась в культуре полиязычной среды, поэтому отношение местной молодежи к языкам разных культур было толерантным. В среде интеллигенции западных регионов Российской империи было нормой знание пяти – шести европейских языков, включая русский и польский языки.

И.А. Гошкевич после службы в духовной миссии в Пекине был зачислен в морскую экспедицию, которая имела целью берега Японии и установление дипломатических отношений с этой страной. К этому времени И.А. Гошкевич владел китайским и японским языками. Он стал первым консулом Российской империи в Японии [2]. Он также стал одним из первых авторов русско-японского словаря.

Одним из первых арабистов в Российской империи стал О.И. Сенковский. Он преподавал арабский язык в университете Петербурга. Он хорошо знал благодаря участию в дипломатических миссиях арабскую культуру. Он сыграл важную роль и в сфере российской литературы [3]. Он известен в художественной сфере как барон Брамбеус [4]. В сфере литературы проявил себя также Ф.В. Булгарин [5].

Арабистом и тюркологом стал А.О. Мухлинский. Он участвовал в дипломатических миссиях России в Османскую империю, в частности, в Египет, где изучал арабский язык.

А.Л. Ходзько-Борейко сочетал дипломатическую службу в Иране с изучением культуры прикаспийских народов [6]. Он познакомил европейцев с оригинальной поэзией Азербайджана, Ирана и Туркменистана [7]. Он самостоятельно делал переводы на английский и французский языки. Известным буддологом в Российской империи стал О.М. Ковалевский. Он изучал культуру жителей Монголии и Тибета посредством полевых экспедиций [8].

В.Д. Спасович стал одним из самых известных юристов в Российской империи. Особенно ценили его за создание института адвокатуры. Этот уникальный юрист участвовал в имевших широкий резонанс судебных заседаниях [9]. Благодаря ему правовая тематика стала предметом глубокого осмысления в произведениях Ф.М. Достоевского.

Из западных губерний Российской империи происходила С.В. Ковалевская, которая сыграла важную роль в развитии математики. Она смогла, несмотря на гендерные ограничения, добиться значимых научных результатов и осуществляла преподавательскую деятельность в Стокгольме [10].

Выходцы из западных губерний Российской империи приняли активное участие в развитии восточных регионов империи. Об этом свидетельствует деятельность на губернских должностях П.М. Капцевича и С.Б. Броневского [11]. Они сыграли важную роль в формировании институтов гражданского общества и в развитии сибирского казачества. Руководящая роль на уровне губерний сопрягалась с уникальными исследованиями природы и народов Сибири. В числе исследователей были А.А. Дунин-Горкавич [12] и И.Д. Черский [13].

А.А. Дунин-Горкавич прибыл в Западную Сибирь с целью упорядочения лесного хозяйства. Он изучал народы региона, проводил географические исследования. И.Д. Черский был сослан в Сибирь на бессрочную рекрутскую службу с конфискацией имущества и лишением дворянского звания. Он познакомился с А.Л. Чекановским [14]. Эта встреча сыграла важную роль в научной деятельности И.Д.

Черского. Ученый изучал почти неизвестные науке территории Восточной Сибири. Это были труднодоступные бассейны рек Лены, Колымы и Индигирки. Объектом изучения также стали горные хребты. Один из них «Хребет Черского» [15].

Из западных губерний Российской империи происходит исследователь Центральной Азии Н.М. Пржевальский [16]. Он изучал регион пустыни Такла Макан и окружающие его горные страны Алтая и Тибета. Были открыты новые виды животных и описана растительность. Была собрана информация о культуре местных народов.

Выходцы из западных губерний Российской империи сыграли большую роль в развитии философской мысли России. Одним из первых теоретиков серебряного века и ранних символистов стал Н.М. Минский. Широкую известность в российском обществе получил Н.О. Лосский [17]. Он после долгих поисков остановил свой выбор на русской религиозной философии, в рамках которой пытался найти эффективную замену скомпрометировавшему себя рационализму. Он был сторонником интуитивизма. И Н.М. Минский и Н.О. Лосский были противниками нигилизма.

В конце XIX столетия западные губернии Российской империи стали регионом высокой творческой и интеллектуальной активности. Это проявилось на губернской жизни Витебска. Здесь Ю. Пен открыл частную художественную школу, одним из учеников которой стал М. Шагал. Тот после 1917 г. имея мандат комиссара культуры, пригласил в Витебск К. Малевича, который создал творческое объединение УНОВИС [18]. В городской среде Витебска вызревали творческие идеи М.М. Бахтина [19].

Источники и литература

1. Обухава Н.І. Кітайская місія // Маладосць. 2014. № 3. С. 119–121.
2. Файнберг Э. Я. И. А. Гошкевич – первый русский консул в Японии (1858–1865 гг.) // Историко-филологическое исследование: сб. ст. к 70-летию Н.И. Конрада. М.: Наука, 1967. С. 505–508.
3. Каверин В.А. Барон Брамбеус: история Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» / Акад. наук СССР. [Перераб. и доп. изд.]. М.: Наука, 1966. 237 с.
4. Алексеев П.В. Сирия в мифопоэтике О. И. Сенковского: [арх. 19 января 2015] // Вестник Томского государственного университета // Филология. 2014. № 1 (27). С. 63–74.
5. Булгарын Фадзей. Выбранае (бел.) / Фядута А. (укладанне, прадмова і камэнтар). Мн.: Беларускі кнігазбор, 2003. 592 с.
6. Рыбчонак С., Свяжынскі У. Радавод Ходзькаў гербу Касцеша // Спадчына [Мінск]. 2001. № 3. С. 188–200.
7. Гаджиев А. Азербайджанско-европейские литературные взаимосвязи. Баку: Элм, 1985. 330 с.
8. Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Р.М. Валеев, Т.В. Ермакова, И.В. Кульганек [и др.]. Казань: Алма-Лит, 2004. 288 с.
9. Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. М.: Центрполиграф, 2006. С. 52–80.
10. Лойко Л.Е. Кросс-культурная атмосфера научного становления С. В. Ковалевской // Роль женщины в развитии современной науки и образования: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., 17–18 мая 2016 г., Минск / редкол. И.В. Казакова, А.В. Бутина, И.В. Олюнина. Минск: БГУ, 2016. С. 769–773.
11. Лойко А.И. Последователи М. М. Сперанского – С. Б. Броневский и П. М. Капцевич // I Степановские чтения. Административные реформы в дореволюционной Сибири: мат-лы междунар. науч. конф., Красноярск, 26–27 мая 2022 г. / отв. ред. Р.В. Павлюкевич. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. С. 201–204.

12. Исследователь Севера А.А. Дунин-Горкавич. М.: Галларт, 1995. 192 с.
13. Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники: статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском / под редакцией С.В. Обручева. Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1956. 370 с.
14. Чекановский, Александр Лаврентьевич // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. В 2 т. / отв. ред. А.А. Зворыкин; редкол. Н.Н. Аничков, И.П. Бардин, А.А. Благодоров [и др.]; Ин-т истории естествознания и техники АН СССР. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1959. Т. 2 (М–Я). Дополнения и изменения. С. 353.
15. Громов Л. В., Данильянц С. А. Названное именем геолога. М.: Недра, 1982. 112 с.
16. Гавриленкова Е. П. Неизвестные страницы жизни Н.М. Пржевальского. Изд. 2-е, доп. Смоленск: Свиток, 2012. 216 с.
17. Лойко Л.Е. Н.О. Лосский в традиции русской философии серебряного века // Духовность. Образование. Наука: толерантность и нравственность в структуре духовной жизни общества: мат-лы Междунар. науч. конф., Минск, 20 апреля 2017 г. / ред. А.И. Лойко; Белорусский национальный технический университет. Минск: БНТУ, 2017. С. 152–157.
18. Лойко А. Синестезия в методологии изобразительного искусства М. Шагала и К. Малевича / Искусство звука и света. СПб: Российский институт истории искусств, 2021. С. 91–94.
19. Психологический Vademecum: Витебщина М. М. Бахтина: сб. науч. ст. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. 305 с.

**ВЫПУСКНИКИ СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ – ПОКОЛЕНИЕ
НОВЫХ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ХАКАСИИ (1930–1936 гг.)**

Мамышева Елена Петровна, доктор исторических наук, профессор
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия
sozor@mail.ru

Статья посвящена изучению роли выпускников советской партийной школы в формировании поколения новых руководящих кадров Хакасии в 1930–1936 гг. Рассматриваются особенности подготовки и обучения партийных кадров, их последующее назначение на управленческие должности в автономной области и их участие в социально-экономических преобразованиях.

Ключевые слова: поколение, совпартшкола, автономная область, руководящие кадры, образование, учебная литература, идеология

**GRADUATES OF THE SOVIET-TIME CPSU (UPGRADING) SCHOOLS –
THE GENERATION OF NEW LEADERSHIP PERSONNEL IN KHAKASSIA
(1930–1936)**

Mamysheva Elena Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Tuva State University, Kyzyl, Russia
sozor@mail.ru

The article is devoted to the study of the role of graduates of the Soviet party school in the formation of a generation of new leadership personnel in Khakassia in 1930-1936. The article examines the specifics of the training and education of party personnel, their subsequent appointment to managerial positions in the autonomous region and their participation in socio-economic transformations.

Keywords: generation, soviet-time communist party upgrading school, autonomous region, leading cadres, education, educational literature, ideology

В современной историографии привлекательностью отличается поколенческая история. Она имеет как сторонников, так и противников, тем не менее исследователи отмечают, что «без поколенческой истории, учета особого влияния поколений и влияния поколенчества на наше понимание истории и на историю, нельзя понять многое из происходящего» [1, с. 11]. В этой связи обращение к историческому опыту деятельности советской партийной школы приобретает особую актуальность, поскольку ее роль в формировании поколения управленцев как в целом по стране, так и в отдельных регионах еще недостаточно изучена.

В исторической литературе неоднократно подчеркивается, «качество управленческого класса всегда прямо связано с его образованием и политической культурой» [2, с. 21]. В условиях формирования советских национальных республик, процесс заполнения чиновничьих структур местными кадрами зависел от масштабов и качества подготовки специалистов в данной области.

И.В. Сталин отмечал: «Одной из серьезных преград по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы. Недостаток этот не может не тормозить как просветительную, так и революционно-строительную работу на окраинах» [3]. В этой связи была обозначена задача подготовки кадров, которые были бы идеологически и политически подкованы, чтобы стать проводниками идей социализма среди народных масс. Ввиду высокого уровня общей безграмотности, характерного для большинства народов СССР в тот период, реализация данной «перекодировки» представляла собой значительную сложность.

Исследователи справедливо подчеркивают, что «формировавшийся управленческий класс пополнялся на основе лояльности власти и большевистской идеологии при минимальной образованности и желательном опыте организаторского и политического опыта [4, с. 171].

Решение проблемы подготовки управленческих кадров в Хакасии усугублялось экономической нестабильностью региона в 1920-е годы, а также изменениями в правовом статусе Хакасии, что порождало организационные трудности. Хакасский уезд, выделенный из состава Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии в ноябре 1923 года, в 1925 году был преобразован в округ, а в 1930 году – в Хакасскую автономную область. В условиях отсутствия собственных учебных заведений, способных готовить специалистов из местного населения, основным методом подготовки национальных кадров стало направление на обучение в другие регионы страны. В 1924 году группы хакасов были направлены в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) и Красноярскую совпартшколу. В СПШ было принято лишь 50% направленных, что было обусловлено низким уровнем знаний, несмотря на задачу агитпропколлегии Енисейского губкома принять всех прибывших хакасов. В 1926 году было создано Хакасское отделение при Красноярской совпартшколе, где обучалось 18 хакасов. К 1927 году число учащихся увеличилось до 30 человек [5, с.72].

В октябре 1930 года в Хакасии была организована областная совпартшкола на базе Хакасского отделения межокружной Красноярской совпартшколы. Ее целью являлась подготовка секретарей партийных организаций, работников сельских советов и колхозных кадров среднего звена. До 1932 года Хакасская совпартшкола функционировала с двумя отделениями: пропагандистским и советско-колхозным. Первое отделение специализировалось на подготовке пропагандистов, избачей и руководителей домов культуры, второе – секретарей колхозных партийных ячеек, руководителей колхозов и кооперативных организаций. В школе создавались отдельные хакасские и русские группы.

В рамках реорганизации школы в 1932 году были образованы следующие отделения: организационно-партийное (подготовка секретарей парткомов, партторгов, комсorghов и секретарей комитетов комсомола), советское (подготовка председателей и секретарей сельских советов), агитмассовое и пропагандистское (подготовка избачей и районных инструкторов по марксистско-ленинской учебе). Контингент слушателей составлял 260 человек, из которых 50 обучались на подготовительном отделении. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) о реорганизации СПШ, она была преобразована в восьмимесячную с учетом специализации, определенной центральным руководством, и контингентом в 210 человек [6, л. 44]. Учитывая языковой барьер хакасов, было принято решение о продлении срока их обучения до десяти месяцев.

В начальный период деятельности школы не существовало жесткого отбора среди поступающих. Это подтверждается данными ежегодных отчетов о социальном составе студентов, которые практически из года в год отмечали низкий общеобразовательный уровень абитуриентов, не соответствующий требованиям приема. В связи с этим предлагалось организовать подготовительные курсы. Очевидно, что повышение общего уровня грамотности среди населения позволяло ежегодно ужесточать критерии приема в школу. Например, к 1935 году было установлено, что к вступительным экзаменам на все отделения допускались лица, имеющие подготовку в объеме четырех классов по общеобразовательным предметам и начальной политшколы по общественно-политическим дисциплинам.

Поскольку партийное образование играло ключевую роль в подготовке нового поколения руководителей для всех сфер жизни Советского государства, разработка учебных планов и программ была предметом особого внимания Агитпропотдела ЦК РКП(б), Наркомпроса и местных партийных комитетов. Характерной чертой партийного образования поколения новых управленцев практически с первых его шагов стала предельная идеологизация обучения. Учебные планы и программы предусматривали более обстоятельное изучение теоретических вопросов и предусматривала изучение таких дисциплин, как «История ВКП(б)», «Русская история», «Политэкономия», «Экономическая политика», «Хрестоматия по ленинизму», «Вопросы ленинизма», «Новая история. История ВКП(б) (хрестоматия) (ИМЗО)», «Партийное строительство», «Советское строительство», «Политико-просветительская работа». Реализация учебных планов зависела от материально-технических и кадровых возможностей школы. Учебный процесс характеризовался значительными трудностями, среди которых была и элементарная нехватка учебных материалов.

Цели и задачи подготовки кадров в СПШ определялись стратегическими задачами, поставленными руководством страны. С началом индустриализации народного хозяйства в 1930-е годы акцент в профессиональной подготовке и переподготовке кадров сместился в сторону подготовки партработников на предприятиях промышленности. В период массовой коллективизации крестьянских хозяйств основное внимание уделялось подготовке работников сельского партийного звена, ответственных за идеологическую работу в сельских партийных ячейках ВКП(б). В учебный план совпартшкол был введен краткий курс по агрономии, разработанный Главполитпросветом и Наркомземом, а в курсе ботаники особое внимание уделялось объектам сельского хозяйства. Помимо практических знаний, особое внимание уделялось формированию таких качеств, как самостоятельность и настойчивость, которые считались необходимыми для деревенского работника.

Одной из наиболее серьезных проблем в деятельности партийных учебных заведений была нехватка преподавательских кадров. В то время действовал метод обучения, который исследователи называют «лабораторно-эвристическим». Каждый преподаватель вел строго научную лекцию-беседу, которая по возможности иллюстрировалась, а затем, путем наводящих вопросов, помогал аудитории усвоить материал. Качество образования оставляло желать лучшего. В докладе о состоянии работы Хакасской СПШ от 6 ноября 1934 года анализировалось качество образования каждого обучающегося, и главный упор делался на повышение качества уровня образования и ликвидацию неудовлетворительных оценок. В отчете указывалось, что 50% поступивших соответствовали условиям приема, остальные были малограмотными и самоучками. В учебе широко применялся метод социалистического соревнования, как группового, так и индивидуального, который имел положительные результаты и способствовал росту числа ударников. В период

обучения в совпартшколе несколько увеличился процент по партийности среди обучающихся 1930–1932 годов.

В своей повседневной работе школа не ограничивалась только рамками учебного процесса, а активно связывала его с широкой внешкольной работой и практикой. Обучение студентов в СПШ проходило в строгом соответствии с поручениями ЦК и ЦКК. Производственная и учебно-производственная практика осуществлялась в соответствии с «социальным заказом», прежде всего по требованиям председателей колхозов. Студенты распределялись по районам и колхозам.

По данным статистических отчетов, можно увидеть, сколько студентов прошло обучение, сколько выпускников было подготовлено и в каких направлениях они работали по окончании СПШ (см. табл.).

**Сведения о Хакасской советской партийной школе за время с 1930 по 1934 год
(ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-38. Оп. 5. Д. 3. Л. 63)**

Год	Всего обучалось			Окончило СПШ			Направлены на работу				
	всего	хакасы	русские	всего	хакасы	русские	партийную	Советскую	политпросвет	совхоз	разное
1930	144	96	48	Нет сведений							
1931	275	160	115	15	15		7		4	2	2
1932	260	161	99	58	19	39	20		18	19	1
1933	144	84	60	61	34	27	21	21	9	2	2
1934	129	77	52	129	80	49	45	28	38	13	5
1935	154	72	84	107			8	13	34	28	13

Данные таблицы показывают, что представители коренного населения составляли преобладающее большинство среди обучающихся. Самым массовым периодом обучения в совпартшколах был 1932–1933 годы. За шесть лет школу закончили свыше 430 человек. Не все поступившие окончили СПШ, и не все по окончании школы были направлены на работу. Однако большее количество выпускников направлялось на районную партийную и политпросветительскую работу на предприятия в совхозы.

Подводя итоги, следует отметить, что советская партийная школа Хакасии сыграла важную роль в формировании поколения новых руководящих кадров, которые значительно отличались от предыдущих поколений руководителей. В совпартшколе они получили основы элементарной грамотности, повысили уровень общеобразовательных знаний, получили основы специализированных знаний, необходимых в процессе преобразований в различных отраслях экономики. Безусловным отличительным признаком этой новой генерации управленцев явилась обязанность быть верным идеалам, быть приверженцем тех ценностей, которые пропагандировала партия. Выпускники совпартшколы, направленные в колхозы и на предприятия районов Хакасии, оказывались под контролем областных партийно-советских структур. Решая многие вопросы, возникающие на местах, выпускники совпартшколы способствовали повышению качества управления на всех уровнях.

Источники и литература

1. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.
2. Аманжолова Д.А. Образование для управленцев: из опыта 1920–1930-х гг. // Российские регионы: взгляд в будущее. 2019. № 4. С. 21–36.
3. Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 360. URL: <https://marxism.online/stalin/ivs-vol-4/360/> (дата обращения: 12.10.2025).
4. Аманжолова Д.А. Этнополитическая элита РСФСР в 1920-е гг.: проблемы становления и позиционирования // Вожди и вождизм в России в новое и новейшее время: мат-лы Всерос. науч. онлайн-конф. М.: Московский педагогический государственный ун-т, 2025. С. 169–179.
5. Асочаков В.А. Культурное строительство в Хакасии (1917–1937). Абакан: Красноярское кн. из-во, Хакасское отд-ние, 1983. 180 с.
6. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. П-38. Оп. 5 Д. 22.

Р.И. ЭЙХЕ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Папков Сергей Андреевич, доктор исторических наук, с.н.с., профессор
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
sparkov@ya.ru

Представлена фигура Р.И. Эйхе как выразительный пример раннебольшевистского поколения большевистских лидеров – участников послереволюционных преобразований в России. Рассматривается модель выдвижения революционеров на ответственные посты в управлении. Дается оценка роли Эйхе в гражданской войне и характера приобретенного им советского опыта партийно-государственного руководства. Анализируется участие Эйхе в коллективизации и его карьера до ареста и казни в 1940 году.

Ключевые слова: большевизм, Роберт Эйхе, крайком ВКП(б), гражданская война, опыт управления, депортации, тройки НКВД

R.I. EICHE – REPRESENTATIVE OF THE EARLY BOLSHEVIK GENERATION OF SOVIET STATESMEN

Papkov Sergey Andreevich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Professor
Institute of History of the SB RAS, Novosibirsk, Russia
sparkov@ya.ru

The figure of R.I. Eikhe is presented as an expressive example of the first generation of Bolshevik leaders - participants in the post-revolutionary transformations in Russia. The model of promoting revolutionaries to responsible positions in the administration is considered. An assessment is given of the role of Eikhe in the civil war and the nature of the Soviet experience of party-state leadership he acquired. Eikhe's participation in collectivization and his career before his arrest and execution in 1940 are analyzed.

Keywords: Bolshevism, Robert Eiche, All-Union Committee of the Communist Party of the Soviet Union, civil war, management experience, deportations, NKVD troikas

Роберт Эйхе – известный большевистский деятель, член партии с 1905 г. – типичный представитель первого поколения советских руководителей, яркая и крайне противоречивая фигура в истории России и СССР, как и сама эта история. Вся политическая карьера и жизненный финал этого человека – сочетание невероятных коллизий, пережитых ранней генерацией советских управленцев, именуемой большевиками ленинского толка.

Типичные черты этого поколения выражались прежде всего в их социальном происхождении и отсутствии базового образования. Они мало чему учились в общепринятом смысле и с раннего возраста начинали тяжелую трудовую жизнь, открывавшую им доступную альтернативу в виде революционной борьбы. Важные сопутствующие факторы становления их личности – аресты, ссылки и тюремное заключение, - в которых они успевали усвоить некоторые догматы марксизма, но главным образом сформировать свой особый социальный характер. Недостатки в

образовании и профессиональных знаниях они компенсировали развитием собственной воли, упорства и самоотверженным служением партии, указавшей им перспективу завоевания лучшей жизни и средства достижения этой цели.

Все это входит в характеристику Эйхе, бывшего кочегара на пароходе, шахтера и чернорабочего, для которого революция стала главным и естественным источником политического выдвижения.

Гражданская война сыграла решающее значение в определении будущей карьеры Эйхе. Его основным занятием вплоть до конца 1920-х годов стала работа на командных должностях в продовольственных органах, сначала в Прибалтике, а затем в Сибири. Именно в этой сфере сформировались основные качества Эйхе и его специфические управленческие навыки, которые он использовал на партийной и государственной службе. Продовольственные комитеты (продкомы) – особый большевистский институт, созданный в гражданскую войну как средство систематического изъятия у крестьян продуктов их труда и как инструмент безжалостной расправы с держателями «излишков». В течение 1920–1923 гг. органы Сибпродкома во главе с Эйхе проводили массовые набеги вооруженных отрядов в сельских регионах Сибири, изымая продукты и создавая концлагеря [таково официальное их название – С.П.] для наказания тысяч крестьян, не сумевших оплатить разверстку или продналог в полном объеме.

Опыт продкомов, приобретенный Эйхе в начале 1920-х, послужил важной предпосылкой для нового этапа эскалации насилия над крестьянами в период коллективизации. Получив с 1929 г. пост первого секретаря Сибирского крайкома ВКП(б), Эйхе превратился в главного организатора грандиозного переворота в жизни сельского населения огромной территории.

В ходе реализации сталинского замысла «ликвидации кулаков» он, как и другие партийные вожди, выступил в роли апологета массового террора. Под его руководством кадры коммунистов Сибири смогли в короткие сроки провести масштабную кампанию экспроприаций в деревне и покончить с наиболее производительной частью крестьянского населения.

Впервые в российской истории десятки тысяч сельских жителей вместе с семьями были насильственно депортированы в таежную пустыню и зоны крупных промышленных строек. На просторах Сибири (Нарымский и Тарский север, шахты и рудники Кузбасса, лесоразработки на Енисее, зоны железнодорожного строительства и др.) вместе с лагерями Гулага возникли особые резервации – «спецпоселки», – где принудительный труд для тысяч семей на долгие годы стал их повседневной жизнью.

Коллективизация явилась серьезной проверкой для каждого большевика. Часть из них отшатнулась от руководства партии, увидев трагические последствия его действий в деревне, другие, как Эйхе, активно поддержали сталинский курс, приняв его догматическую оболочку за истинное воплощение марксизма.

Коллективизация вместе с тем создала очередной политический кризис в виде опасности крестьянских мятежей по образцу вооруженных протестов против продразверстки 1920–1921 гг. Для пресечения этой угрозы сталинское руководство прибегло к крайним мерам, резко увеличив применение способов расправы с «кулаками», а сам Эйхе, как глава региона, был наделен функциями диктатора. От Политбюро ЦК ему было дано право лично утверждать или отклонять приговоры о казнях, выносимые карательными органами.

Масштаб насилия над крестьянством и волна разорения экономики деревни как результат немалых усилий, инициативы и политического экстремизма Эйхе, оказал влияние и на сибирских коммунистов.

Осенью 1930 г. первый секретарь крайкома ВКП(б) неожиданно встретил решительный отпор значительной группы сибирских руководителей. Проявился явный раскол в правящей верхушке – худшее, что могло случиться для авторитарного режима. Группа управленцев в составе заместителей Эйхе по партаппарату и в советских органах (председатель Сибкрайисполкома и его заместитель, второй секретарь крайкома, председатель краевой контрольной комиссии, заведующие отделов крайкома ВКП(б) и ряд других) предложила ЦК ВКП(б) убрать Эйхе из Сибири из-за его методов и стиля руководства. Поскольку заявление группы маскировалось критикой личных качеств первого секретаря, ее демарш удалось быстро погасить. Эта акция официально была объявлена выступлением «беспринципной групповщины», а массовая печать и партийные собрания закрепили этот имидж в общественной среде.

Сталин посчитал полезным оставить Эйхе на занимаемом посту. Все участники группировки были удалены из Сибири и назначены в другие регионы, где их советская служба продолжалась до известного срока – 1937–1938 гг.

Сохранив свои позиции во власти, Эйхе смог завершить в Сибири цикл сталинских экспериментов в экономике и социальной сфере: дополнительные массовые депортации крестьян 1931–1933 годов позволили расширить применение принудительного труда на промышленных и сырьевых объектах, а в деревне окончательно утвердить колхозную систему.

Сибирский регион радикально изменил свой облик. Он превратился в одну из основных ресурсных баз СССР с комплексом крупных промышленных предприятий, новых угольных шахт, рудников и тысячами колхозов, поставляющими в города дешевую сельхозпродукцию.

Эйхе стал одним из наиболее влиятельных региональных руководителей, управляющих централизованной экономикой. Он решал теперь множество стратегических и оперативных вопросов, расставлял многочисленные кадры, встречался с хозяйственными руководителями, деятелями науки и культуры, создавая для некоторых из них приемлемые условия существования. Вокруг него сформировался круг активных партийных сторонников, работников управленческого аппарата и общественных деятелей – проводников его линии и стиля руководства.

К середине 1930-х годов значительно вырос и политический вес Эйхе как организатора многоплановой работы крупной партийной организации региона. Сталин и Политбюро ему доверяют исполнение наиболее сложных и деликатных задач.

В 1934 г., в момент обострения продовольственного кризиса в СССР, Эйхе вновь получил от Политбюро ЦК особые полномочия для очередных операций в деревне. Ему было предоставлено право единолично, «по примеру 1930 года», утверждать смертные приговоры сельским «саботажникам хлебазаготовок». Сибирское продовольствие, вырванное у колхозной деревни и последних единоличников, помогло Сталину и его группе преодолеть острый период и подготовить объявление о полной победе социализма в СССР.

На следующий год заслуги Эйхе перед партией были отмечены значительным повышением статуса: по решению пленума ЦК ВКП(б) его ввели в состав высшего

руководства на правах кандидата в члены Политбюро. Весной 1935 г. ему был вручена высшая награда – орден Ленина.

По мере того, как большевистская партия шла по пути дальнейшего перерождения, превращаясь в послушный инструмент Сталина и его окружения, в среде ветеранов большевизма все глубже становился невидимый раскол. По инициативе аппарата ЦК новое поколение коммунистов вытесняло старые кадры из ключевых постов и послушно поддерживало чистки в собственных интересах. Для руководителей типа Эйхе, приближенных к Сталину и его Политбюро, наступило время подтверждения своей лояльности, когда борьба с остатками партийной оппозиции была объявлена одной из главных политических задач.

С осени 1936 г. кампания разоблачений бывших троцкистов и других «неустойчивых элементов» партии приобрела характер мероприятия особого значения.

В сибирском регионе Эйхе был одним из вдохновителей яростных нападок на последних представителей оппозиции, многие из которых отбывали ссылку в крае, занимая незначительные хозяйственные должности на предприятиях и в учреждениях, или находились на особом режиме изоляции под надзором НКВД. Его публичные инвективы и заявления этого периода создавали для слушателей лживую картину вредительства со стороны бывших коммунистов и призывали к окончательной расправе над ними.

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Эйхе выступил с решительной поддержкой инициативы Сталина о проведении кампании по изъятию вредителей и прочих враждебных элементов. «Мы в Западной Сибири вскрыли много вредителей и вскрыли вредительство раньше, чем в других краях, – сказал он, – но мы сильно опоздали с вскрытием этих подлых врагов».

Перечисляя особые условия Сибири, в которых, по его мнению, следовало быть особенно бдительными к потенциальным врагам, Эйхе цитировал фальшивые протоколы допросов «шпионов» и «вредителей» с их поразительными «признаниями» о подготовке терактов с закладкой фугасов, организации аварий на шахтах, о намеренном отравлении рабочих газом на химических и угольных предприятиях. Многочисленные потери в экономике, трагические жертвы и аварии он вслед за Сталиным объяснял «трудностями классовой борьбы» и тем, что «трудности эти осложняются отчаянным сопротивлением отживающих классов нашей страны, поддержкой этих классов извне».

С весны 1937 г., возвратившись с февральско-мартовского пленума, Эйхе с головой погрузился с процесс разоблачения врагов и вредителей в организациях и учреждениях. Начался основной цикл массовых арестов, жертвами которых становились самые различные общественные группы.

В июле 1937 г. по решению Политбюро была создана первая судебная тройка в управлении НКВД по Западной Сибири. Эйхе был включен в ее состав и вместе с другими ее членами – начальником УНКВД С.Н. Мироновым, его заместителем А.И. Мальцевым, прокурором И.И. Барковым и другими – по ночам выносил за каждое заседание от 100 до 200 приговоров, главным образом к смертной казни и 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Общая динамика приговоров по Западной Сибири до конца ноября 1937 г. составляла в среднем по 6 500 осужденных в месяц.

Участие Эйхе в кампании террора заключалось также в его личном участии в разоблачении некоторых бывших коммунистов. Несколько раз он посещал управления НКВД, чтобы присутствовать на допросах статусных арестованных:

крупного военачальника, руководителя отдела крайисполкома, бывшего красного партизана...

Пройдя круг чекистских «мероприятий», Эйхе был призван Сталиным в Москву, чтобы возглавить Наркомат земледелия СССР. Но его карьера здесь продолжалась всего около шести месяцев. В апреле 1938 г. он был арестован по обвинению в причастности к «латышской фашистской организации», подвергнут жестоким пыткам и в феврале 1940 г. расстрелян.

Жизненный путь и трагический финал революционера-ленинца Эйхе отразил наиболее типичные черты политической судьбы первого поколения большевиков, захвативших власть в России и пытавшихся организовать новый тип общественного устройства. Это поколение не стремилось создать социальные институты, проверенные опытом более успешных стран. Оно сделало ставку на государство и его исключительное право контроля над обществом, на централизм и персональное лидерство вождей, в полном соответствии с представлениями и программой основателя своей партии. Но все усилия этих людей в итоге привели к утверждению диктатуры наиболее расчетливых и циничных политиканов. Такой результат оказался в свою очередь подготовил политическое устранение и гибель самих строителей этого режима.

Источники и литература

1. Эйхе Р.И. Ликвидация кулачества как класса. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 16 с.
2. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 3–29.
3. Серебренников С.В. Партийная и государственная деятельность Р.И. Эйхе, 1905–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994. 286 с.
4. Папков С.А. Заговор против Эйхе / Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Составитель И.В. Павлова. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1991. С. 26–37.
5. Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя, 1915–1938: сб. документов и материалов / сост. В.А. Гончаров, А.И. Кокурин. М.: Индрик, 2009. 491 с.
6. Папков С.А. Ленинский НЭП в облике произвола. Как коммунисты вводили продналог в сибирской деревне / Голоса Сибири. Выпуск восьмой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 297–324.
7. Красильников С.А. Р.И. Эйхе и его мартовский Пленум (Новосибирск, 16–18 марта 1937 г.) // Исторический курьер. 2019. № 1(3).
8. Тепляков А.Г. Опричники Сталина. М.: Эксмо, 2009. 432 с.

РОБЕРТ ШТИЛЬМАРК: МЕТАПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН XX ВЕКА

Селецкая Наталья Владиславна, старший научный сотрудник
МБУК «Лесосибирский краеведческий музей», Лесосибирск, Россия
seleckaya78@mail.ru

Статья анализирует поколенческую стратификацию российского общества через призму истории и вводит понятие «метапоколенческий феномен», характеризующее историческую личность на примере личности Роберта Штильмарка. В качестве источников рассматриваются роман «Горсть света», воспоминания и письма писателя из ссылки. Предлагаемая категория анализа позволяет по-новому взглянуть на прошлое, показывая, как выдающиеся личности выходят за рамки поколенческой идентичности и приобретают вневременные черты.

Ключевые слова: поколение, Роберт Штильмарк, метапоколенческий феномен, место памяти, историческая травма, культурная идентичность, историческая память

ROBERT STILMARK: THE META-GENERATIONAL PHENOMENON OF THE TWENTIETH CENTURY

Natalia Vladislavna Seletskaya, Senior Researcher
Lesosibirsk Museum of Local Lore, Lesosibirsk, Russia,
seleckaya78@mail.ru

The article analyzes the generational stratification of Russian society through the prism of history and introduces the concept of a "metapenerational phenomenon" that characterizes a historical personality using the example of Robert Stilmark. The novel "A Handful of Light", the writer's memoirs and letters from exile are considered as sources. The proposed category of analysis allows us to take a fresh look at the past, showing how outstanding personalities transcend generational identity and acquire timeless features.

Keywords: generation, Robert Stilmark, metapenerational phenomenon, place of memory, historical injury, cultural identity, historical memory

Феномен поколенческой идентичности в социокультурном контексте начинает оформляться в XIX веке, когда в литературных произведениях как отечественных, так и зарубежных авторов появляются такие концепты, как «герои нашего времени» и «сыновья века» [3, с.9-30]. Ю.В. Матвеева отмечает, что поколенческое сознание как социально-философская категория начинает активно проявляться после Первой мировой войны. В России аналогичный процесс приобрел особую остроту в результате Октябрьской революции 1917 года, которая вызвала тотальный общественный разлом, включая разрушение поколенческих связей и формирование новых поколенческих парадигм [9, с. 3]. Матвеева считает, что с 1920-х годов проблема поколений стала активно проявляться в различных областях гуманитарного знания, таких как художественная литература, философия, культурология и социология [9, с. 4].

В научном сообществе принято считать, что термин «поколение» был впервые введен в оборот французским социологом Фернандо Мантре в 1920 году. Этот

концепт, будучи созвучным с литературными представлениями о поколенческих феноменах того времени, нашел свое выражение в следующем определении: «Поколение может быть определено исключительно через призму верований и желаний, психологии и морали. Это... духовное единство, состояние коллективной души» [19, с. 21]. Концепция «коллективной идентичности поколений» Карла Мангейма, изложенная в его работе «Проблема поколений» (1928), раскрывает, как исторические и социальные условия формируют общие черты у людей, принадлежащих к одному поколению. Мангейм подчеркивает, что поколение – это не просто группа людей одного возраста, а социально-историческая общность, сформированная общими переживаниями. «Люди, взрослеющие в один исторический период, сталкиваются с одинаковыми ключевыми событиями (войны, кризисы, технологические прорывы), что создает основу для общей идентичности (...)» [5, с. 11–12]. П. Нора в работе «Поколение как место памяти» анализирует связь поколений с памятью. Он рассматривает, как коллективная и индивидуальная память формируются в зависимости от принадлежности к поколению. Время и место рождения, развития и взросления человека влияют на его восприятие истории и идентичность. Нора вводит понятие «места памяти» (*lieux de mémoire*) как символических пространств, где сосредоточены коллективные воспоминания. Память, по его мнению, не статична, а постоянно пересматривается и реконструируется. Каждое поколение формирует уникальный набор таких мест, отражающих его исторический контекст [7, с. 48–51]. При этом, использование понятия «место» является условной характеристикой. Так, принадлежность к конкретной поколенческой группе также является «местом памяти» [7, с. 60–72]. В последней трети XX столетия в научном дискурсе о поколении произошел значимый качественный сдвиг, который отразил усложнение и диверсификацию концептуальных подходов к данному феномену [1, с. 42–48].

В российской науке первые шаги в применении накопленного теоретического материала к предметным историческим исследованиям были предприняты не историками, а представителями смежных дисциплин, таких как социология и филология [5, с. 84]. В 1998 году М.О. Чудакова в работе «Заметки о поколениях в советской России» предложила типологизацию поколенческих общностей, сформировавшихся в различные исторические периоды на основании характера взаимоотношений отцов и детей [10, с. 73–91]. Социолог Юрий Левада выделял поколения на основе «исторических шоков», которые формируют коллективную память и идентичность [4, с. 7–14]. Однако во всех предложенных теориях скрывается определенная условность, так как авторы предполагают, что наибольшее влияние на личность имеет время и место рождения, формирования основ мировоззрения, тогда как большинство выдающихся людей, обладают внепоколенческими и метапоколенческими характеристиками [1, с. 45].

На наш взгляд, метапоколенческий феномен – это историческое, социальное или культурное явление, которое выходит за рамки жизни одного поколения, оказывая долгосрочное влияние на несколько поколений и формируя их ценности, поведение или мировоззрение. На наш взгляд, ярким примером метапоколенческого феномена в истории России XX века является фигура Роберта Александровича Штильмарка (1909–1985), чья жизнь и творческая биография тесно связана с историей Лесосибирска. Его жизнь, охватившая периоды революций, репрессий, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления, стала символом сопротивления и адаптации к меняющимся условиям.

По факту своего рождения, Роберт Штильмарк, безусловно, принадлежит к поколению «революционного перелома». В его автобиографическом романе «Горсть света» отражены как личные самые ранние воспоминания писателя о революции и событиях гражданской войны, в которой принимал участие его отец, так и воспоминания матери писателя о Первой мировой войне и последующих событиях. Так, передавая в творческой форме события собственного рождения и крещения Роберт Александрович делает аналитические заключения о природе многих своих последующих бед: «Увы, ни старый епископ, ни молодые родители, ни крестный отец-француз из пожилых коллег Алексея Александровича не предвидели, сколько сможет принести в России будущего... неправославно звучащее имя! Получалось-то все как будто складно: Рональд Алексеевич Вальдек...» [12, с. 8]. Роберт Штильмарк в 1924 году окончил Петропавловское мужское училище при евангелическо-лютеранском кафедральном соборе святых апостолов Петра и Павла в Москве [2, с. 21]. На выпускном экзамене по литературе пятнадцатилетний Штильмарк прочитал стихи собственного сочинения. Брюсов, впечатленный его талантом, предложил поступление в Высший литературно-художественный институт без экзаменов [2, с. 22–23]. Эти биографические факты дают нам право говорить о том, что личность будущего писателя впитала в себя многие ценностные характеристики русского «серебряного века», которое характеризуется поликультурностью, высоким уровнем образования, общим драматизмом судеб. После обучения будущий писатель работал референтом и заведующим отделом скандинавских стран ВОКС, преподавал всемирную литературу в Высшей школе НКВД. Позднее он стал журналистом в «Известиях» и ТАСС, редактором журналов «Иностранная литература» и «Молодая гвардия» [15, с. 25]. Несомненно, что, прибывая в среде, одновременно творческой и приближенной к военной службе, Штильмарк ощутил на себе влияние и поколения «верных ленинцев», и «комиссаров», которых отличал высокий героизм, обостренное чувство долга и бескорыстного служения идее. Сохраняя в себе черты человека «серебряного века» и «поколения без отцов», Штильмарку удавалось сочетать лучшие качества интеллигента и, одновременно, разведчика [14, с. 1–31]. В 1941 году Штильмарк добровольно отправился на фронт и участвовал в боях под Ленинградом, где служил помощником командира разведывательной роты. В 1942 году, после ранения, он начал преподавать в Ташкентском и Московском училищах [14, с. 71–94]. В 1943 году он окончил Ленинградское военно-топографическое училище и был назначен старшим преподавателем военной топографии в Генеральном штабе с званием капитана [15, с. 154].

Такие важные поколенческие черты, как коллективизм и взаимовыручка, абсолютная жертвенность, устойчивость к страданиям, пренебрежение к социальным барьерам, так как перед лицом смерти, в окопах стирались различия между людьми разных национальностей, профессий, возрастов, стали гранями характера писателя навсегда [11, с. 45–67]. Они помогли не только пережить ужасы войны, сохранив человечность, но и подготовили к дальнейшим трагическим перипетиям жизни в ГУЛАГе и ссылке. Жизнь после ада войны продолжилась в аду лагеря, но уникальность личности позволила сохранить голос, самоиронию и здравый смысл. 5 апреля 1945 года Роберт Штильмарк был арестован за клевету на советскую реальность. Суд приговорил его к десяти годам лагерей по статье 58-10 УК РСФСР [16, с. 93]. В лагере в 1950–1951 годах, он создал роман «Наследник из Калькутты». Идею его подал лагерный «авторитет» Василий Павлович Василевский, пытавшийся использовать «политического» Штильмарка в качестве литературного раба [17, с. 7–8].

Таким образом, можно говорить о том, что Штильмарк попадает в «поколенческий разрыв» послевоенного поколения [6, с. 123–135], часть из которого сразу стали победителями, а часть были вычеркнуты из героической памяти. Творчество стало для Штильмарка актом внутреннего сопротивления системе и способом психологической адаптации одновременно. Будучи осужденным за клевету, создал в лагере роман, ставший не только литературным, но и историческим памятником эпохи, который сохранил авторский код: в тексте зашифрована фраза «лжеписатель, вор, плагиатор», направленная против попыток присвоения его творения [20].

Еще одной важной особенностью личности Роберта Штильмарка является трансмиссия ценностей. Сын писателя, Феликс Штильмарк (1931–2005), продолжил диалог с наследием отца, но в ином ключе – через экологическую деятельность. Участвуя в создании заповедников (Сохондинский, Таймырский, Юганский), он развивал идеи охраны природы, ставшие ответом на технократический пафос советской модернизации [21, с. 1–2]. Творчество Роберта Штильмарка, включая автобиографический роман «Горсть света», и природоохранная деятельность Феликса Штильмарка образуют единый метапоколенческий нарратив [7, с. 53–67]. Если отец через художественные тексты сохранял культурную память эпохи, то сын через экологические проекты защищал природу, создавая альтернативу тотальной эксплуатации ресурсов [22]. При этом травмы репрессий, войны и 1990-х продолжают влиять на общество через семейные нарративы и культурные установки, создавая «эффект тени» прошлого [10, с. 73–91].

Феликс Штильмарк называл своего отца «очарованным странником»: «До конца своих дней отец оставался подлинным «очарованным странником». Он постоянно ездил, то на Соловецкие острова, то на о. Саарема в Эстонию, то куда-нибудь в Сибирь, не говоря уже о дальнем и ближнем Подмосковье. (...) Отцу всегда хотелось поделиться этой своей любовью с другими» [13, с. 4]. Феномен Штильмарка иллюстрирует, как разнонаправленный, пусть и травматический опыт одного поколения трансформируется в созидательную практику следующего, формируя непрерывность культурной и исторической памяти [23].

Таким образом, метапоколенческий феномен личности демонстрирует, как решения, кризисы или инновации прошлого продолжают влиять на современность, формируя «длинные волны» развития цивилизации. Революции, войны и идеологические сдвиги создали сложную систему преемственности и разрывов, где каждое поколение вынуждено переосмысливать наследие предков в контексте новых вызовов [6, с. 134–135]. Понимание этих процессов позволяет не только анализировать прошлое, но и прогнозировать траектории развития общества в будущем.

Источники и литература

1. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–48.
2. Дружников Ю. Наследник из Туруханска: Из историй, которые всплывают у нас на кухне // Русская Америка. 2005. № 323. С. 21–23.
3. Ингалд Т. Антропология истории: между опытом и теорией // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 9–30. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/027/forum.pdf>. (дата обращения: 10.10.2025).
4. Левада Ю.А. Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14.

5. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 11–12.
6. Мангейм К. Проблема поколений // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 123–135.
7. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение, 1998. № 30. С. 48–72.
8. Сафонов Д.А. «История поколение» как направление исторических исследований. URL: https://sci-conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf5/s1.pdf#page=84 (дата обращения: 14.10.2025).
9. Феномен поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков: монография: / А.В. Антошин, А.С. Ахмадуллина, О.Ю. Багдасарян [и др.]; под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Д.В. Спиридонова; Уральский федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та; СПб.: Алетейя, 2022. 441 с.
10. Чудакова М.О. Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 73–91.
11. Шмидт В. Поколенческие разрывы в постсоветской России // Социологический журнал. 2017. № 3. С. 45–67.
12. Штильмарк Р. А. Горсть света. Роман-хроника в двух частях. М.: Терра-книжный клуб, 2001. С. 8.
13. Штильмарк Р. А. Горсть света. Роман-хроника в двух частях. М.: Терра-книжный клуб, 2001. С. 4.
14. Штильмарк Р.А. Горсть света. Ч. 3, 4. М.: Терра-книжный клуб, 2001. 234 с.
15. Штильмарк Р. А. Горсть света. Роман-хроника в двух частях. М.: Терра-книжный клуб, 2001. 236 с.
16. Штильмарк Р.А. Письмо к сыну Штильмарку Ф.Р. от 10.03.1953 // Архив МБУК «Лесосибирский краеведческий музей». Штильмарк Р.А. № 15. 154 с.
17. Штильмарк Р.А. Письмо к сыну Штильмарку Ф.Р. от 10.03.1953 // Архив МБУК «Лесосибирский краеведческий музей». Штильмарк Р.А. № 14. 29 с.
18. Штильмарк Р.А. Повесть о страннике Российском / послесл. акад. Н.И. Конрада. М.: Географгиз, 1962. 154 с.
19. Mentré F. Les générations sociales. Paris: Bossard, 1920. 450 p.
20. История написания романа «Наследник из Калькутты». Историческая притча // Притча ру. URL: https://pritchi.ru/id_9818 (дата обращения: 10.10.2025).
21. Знаменитые люди – Феликс Штильмарк. URL: https://asabest.ru/calend-people-feliks_shtilymark Asa Best (дата обращения: 09.10.2025).
22. Авилова К.В. История науки: Феликс Робертович Штильмарк. URL: <https://bio.1sept.ru/article.php?ID=200600210> (дата обращения: 08.10.2025).
23. Роберт Штильмарк: биография, лучшие книги, цитаты URL: <https://readly.ru/author/216> (дата обращения: 11.10.2025).

СЕКЦИЯ 2. СМЕНА И КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

УДК 94

СТУДЕНЧЕСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ 1920-х гг.: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Бакшеев Андрей Иванович, кандидат исторических наук, доцент
Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-
Ясенецкого Минздрава России, Красноярск, Россия
baksh-ai@yandex.ru

В статье показаны основные требования, предъявляемые государством к студенчеству в период 1920-х гг., стратегии поведения советского студенчества для того, чтобы соответствовать образу «нового советского студента», осуществлен анализ критериев «пролетарской» идентичности студента как необходимого условия получения высшего образования.

Ключевые слова: студенты, студенческое поколение, «пролетарская» идентичность, социальное происхождение, пролетарское студенчество

STUDENT GENERATION OF THE 1920s: CONSTRUCTING A PROLETARIAN IDENTITY

Baksheev Andrey Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia
baksh-ai@yandex.ru

The article shows the main requirements imposed by the state on students in the 1920s, the behavioral strategies of Soviet students in order to correspond to the image of the "new Soviet student", an analysis of the criteria of the "proletarian" identity of a student as a condition for obtaining higher education.

Keywords: students, student generation, "proletarian" identity, social origin, proletarian students

Введение. Изменения, происходившие в Советской России в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции, были хоть и краткосрочными, но масштабными и глубинными. Они затронули все сферы жизни, все сословия, в том числе и молодежь. Студенчество, как один из важных отрядов советской молодежи, не было монолитным как в социальном, так и в политическом отношении, далеко не однотипны были и стратегии поведения отдельных групп студентов. Каждый студент 1920-х гг. прошел свой путь в высшую школу, многие из них затем вошли в новую советскую элиту. Поэтому понять психологию и образ жизни студенческого поколения тех лет означает приблизиться к пониманию ментальных особенностей людей, живших в период советской эпохи.

Новая власть поставила достаточно жесткие требования, прежде всего, к социальному составу студенчества. Был спланирован ряд мер, воплощение которых в жизнь должно было привести к росту числа в вузах выходцев из рабочих и крестьян. Государство создавало образ «нового» студента, влиявшего на конструирование студентами своей новой социальной идентичности. В основу этого образа было заложено утверждение, что самым желанным студентом в пролетарском государстве мог быть только пролетарий как по своему происхождению, так и по своей сути. В пролетарских студентах, рабфаковцах, в будущих «красных командирах социалистического производства», руководство Наркомата образования видело появление неких «новых людей», наглядное воплощение так называемого «социалистического типа личности» [1, с. 57].

Цель исследования: анализ конструирования пролетарской идентичности студенческим поколением 1920-х гг.

Результаты и их обсуждение. Молодежь 1920-х гг. использовала разнообразные стратегии поведения для того, чтобы соответствовать образу «нового советского студента» и тем самым иметь возможность получить высшее образование и успешно, бесконфликтно интегрироваться в новое советское общество. Паттерны поведения, позволявшие приспособиться к новым условиям, конструировались самими студентами в соответствии с государственной образовательной политикой.

Рабоче-крестьянское происхождение стало одной из главных гарантий получения высшего образования, хотя и оно не всегда помогало окончить вуз. Необходимость применения категории «пролетарий» определялась попыткой найти свое место в социуме. Как отмечают исследователи, рабочими считались не только по факту рождения в рабочей семье. Необходимый для поступления рабочий стаж можно было получить, поработав год-два на производстве. Чаще всего пролетарский статус студента должна была подтвердить путевка, выдаваемая партийными, комсомольскими или профсоюзными организациями. Довольно часто пользовались смешанными критериями – происхождение и стаж [2, с. 39].

Несмотря на то, что к социальному составу студенчества ставились достаточно жесткие условия, значительная часть выходцев из бывших привилегированных классов смогла поступить в вузы. В связи с этим, отметим, что в жизни советских граждан большую роль играла анкета. Наиболее важным в те времена считался пункт «социальное происхождение». Лишь в следующем десятилетии рядом с ним в скобках появилось уточнение – «прежнее состояние родителей». Поэтому молодежь без колебаний отвечала: «отец – служащий, мать – домашняя хозяйка» [3, с. 158].

Также собственную историю нужно было приспособить к требованиям новой государственной идеологии, а свои биографические данные представить надлежащим образом, потому что дискредитирующий эпизод присутствовал в биографии почти каждого молодого человека. В любой семье мог найтись нежелательный родственник: эмигрант или «буржуй», кулак или депортированный, белогвардеец или участник антисоветских восстаний, социально-опасный или нетрудовой элемент, о котором категорически не нужно было упоминать в анкетах. Такие анкеты довольно часто подделывались, и в вузы поступали дети из т. н. «социально враждебных» семей.

Также была распространена практика социальной маскировки, которая началась сразу же после введения политики пролетаризации, когда необходимость приспособления к новым условиям, желание получить специальность и более-менее устроить свою жизнь побудила многих получать фальшивые документы, которые можно было достать по знакомству или за взятку. Причем довольно часто документы,

свидетельствующие о «нужном» социальном происхождении, выдавали коммунисты и комсомольцы на местах, зная истинное происхождение человека. И не всегда за них давали взятки. Иногда это делалось из сострадания к молодому человеку, судьба которого зависела от такой справки, и который уже доказал преданность новой власти. Как отмечает А.А. Рожков, эти справки были равнозначны понятию «путевка в жизнь» и означали поворотный момент в биографии молодого человека, что открывало для него путь к вертикальной социальной мобильности и к началу карьеры молодого советского специалиста [4, с. 4].

Многие направления в вузы были выданы демобилизованным красноармейцам, происхождение которых, по понятным причинам, никто не выяснял. Часть студентов приходила в институты через промышленное производство, проработав на заводах или фабриках пару лет и получив необходимый «стаж» и новый социальный статус – служащего или рабочего, а вместе с ним направление на обучение, в том числе и на рабфак. В июле 1924 г. местные инспекции народного образования даже получили указание обращать особое внимание на комплектование рабфаков, поскольку именно через рабфаки потомки «социально враждебных» классов могли легко попасть в советские вузы [5, с. 8].

В самих вузах в течение 1920-х гг. проводилась систематическая целенаправленная работа с целью очищения студенческих рядов как от академически неуспевающих (в этот период их называли «академическим балластом»), так и от «социально-враждебных элементов», не обращая внимание на их академическую успеваемость. Тем более, что классовая сущность составляла тогда всю основу деятельности государственных органов молодой советской республики [6, с. 103].

Соккрытие «социально враждебного» происхождения рассматривалось как тяжкое преступление. Помогали выявлять «социально враждебных» студентов отряды «легкой кавалерии» – «особый тип летучего «неофициального» контроля», специальные группы комсомольцев, которые должны были «влезть в самое сердце злоупотреблений... застать врага на месте преступления...» [7, с. 143]. Именно так определил их назначение инициатор создания этого массового молодежного движения Н.Н. Бухарин в своем докладе на VIII съезде ВЛКСМ. Отряды «легкой кавалерии» создавались при комсомольском бюро каждого вуза для «выявления социального положения студенчества», а представительство от них было обязательным во время работы различных комиссий по чистке студенческого состава. Но даже в политических отчетах часто можно встретить утверждение, что проверки, чистки и перерегистрации не могли дать таких результатов, которые смогли бы кардинально изменить облик студенчества [8, с. 110].

Поэтому главное назначение этой деятельности мы видим не только в исключении «социально-враждебных элементов», но и в психологическом давлении, моральном прессинге, в запугивании студентов, поскольку тех, кого оставляли в вузах, такие меры заставляли не только улучшать академическую успеваемость, но и успешнее приспосабливаться к новым требованиям, даже если они противоречили взглядам и воспитанию молодых людей. Это был надежный способ преодоления открытого сопротивления студентов и воспитания единственно верного советского мировоззрения без каких-либо проявлений собственной инициативы. Заметим, что наиболее быстро поддавались такому «перевоспитанию» молодые люди – выходцы из сельской местности [9, с. 12].

Важным условием получения высшего образования было наличие так называемой «пролетарской» идентичности, одними из главных критериев которой

являлись внешний вид, одежда, речь и, особенно, общественная активность, демонстрирующая преданность господствующему в стране коммунистическому режиму.

Тяжелое материальное положение, да и отсутствие желания следить за собой сформировали характерную внешность студенчества того времени. В среде пролетарских студентов с большим презрением относились к тому, что с внешней стороны напоминало буржуазное прошлое. Настороженное восприятие сословно-имущественной знаковости – костюма в первые годы нэпа привело к тому, что аскетизм и демократизм в одежде ассоциировался с принадлежностью к «трудовым элементам», а модный изысканный стиль воспринимался как знак принадлежности к бывшим верхам общества. Поэтому в стенах советского вуза модные вещи носить стало нежелательно и проблематично, а то и опасно [10, с. 39]. Эту истину быстро усвоили представители более богатых слоев населения, которые с помощью одежды и показательно неопрятной внешности старались не выделяться из общей массы советского студенчества.

Со временем пролетарское студенчество стало уделять больше внимания своему облику, и прямая корреляция между типом одежды и социально-классовой принадлежностью к концу 1920-х гг. постепенно теряла свою актуальность, в отличие от первых послереволюционных лет, когда резкое неприятие моды считалось признаком принадлежности к новым советским социальным группам. К концу 1920-х гг. попытки модно одеваться перестали восприниматься в молодежной среде негативно, способствовали этому и дискуссии на страницах периодических изданий, и выступления советских лидеров, и улучшение бытовых и материальных условий жизни студенчества.

Заключение. Таким образом, студентом в советском государстве мог быть только молодой человек, происходивший из рабоче-крестьянской среды или из слоев населения, которые при предыдущем режиме имели маргинальный статус и пытались отождествлять себя с «пролетариатом». Этой категории советской молодежи необходимо было приспособиться к своей новой биографии, поскольку это означало возможность представить себя в нужном для поступления в вуз качестве. Для выходцев из «социально-враждебной» среды распространенным явлением стало утаивание своего социального происхождения, чаще всего путем получения фальшивых документов. Гарантиями успеха также могли стать характерная внешность и стиль поведения, особенно мастерство владения официальным дискурсом, участие в общественной жизни и т. д. Внешние проявления при этом не всегда соответствовали внутреннему содержанию, но они должны были постоянно демонстрировать окружению именно революционную сущность нового советского студенчества. От мастерства маневрирования, умения приспосабливаться часто зависели не только успешность интеграции в советское общество, но и сама жизнь человека.

Источники и литература

1. Хабльева Л.Ч. Государственная политика в сфере высшего образования в 1920–1930-е гг. // Историческое обозрение: сб. науч. ст. Владикавказ, 2010. С. 56–63.
2. Короткова М.С. Советская студенческая интеллигенция и общественный договор: проблемы принятия и участия (1917–1929 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 35–46.

3. Андреев Д.А. Советский студент первой половины 1920-х: особенности самопрезентации // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 156–166.
4. Рожков А.Ю. Студенты 1920-х годов: образ жизни и социальный облик // Научные труды Открытого института региональных социальных исследований. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 2–16.
5. Стребкова Н.В. Рабочие факультеты как инструмент становления системы советского высшего образования в 1920–1930-е годы (на примере высших учебных заведений г. Саратова) // Вестник Белгородского института развития образования. 2017. № 3(5). С. 6–11.
6. Бакшеев А.И. Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 4, № 3. С. 102–110.
7. Синанов Б.А. «Чистки» как инструмент «пролетаризации» советских учебных заведений (1928–1929 гг.) // Методика и практика научного исследования: мат-лы II Всерос. летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых. Владикавказ, 2008. С. 140–147.
8. Рожков А.Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 107–114.
9. Бакшеев А.И. Социально–психологическое мышление Сибирского крестьянства в период НЭПа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 8. С. 11–13.
10. Урмаева К. А. Повседневная жизнь преподавателей и студентов в 20-е гг. XX в. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2007. № 3–4. С. 35–43.

К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОМ ВАРИАНТЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ ПО ВЕРСИИ А.В. ЧАЯНОВА

Гайдин Сергей Тихонович, доктор исторических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
gaydinsergey@rambler.ru

Бурмакина Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

На рубеже XIX–XX вв. Россия столкнулась не только с кризисом традиционного аграрного общества, но и с социально-экономическими последствиями государственной политики модернизации. Это обусловило появление политических партий, которые вели борьбу за преобразование страны в соответствии с интересами разных слоев российского общества. В этот период А.В. Чаяновым была разработана концепция преобразования крестьянской жизни на основе семейно-трудового хозяйства и крестьянской кооперации.

Ключевые слова: А.В. Чаянов, концепция семейно-трудового хозяйства и крестьянской кооперации, Россия в 1984 г., крестьянская диктатура, традиционные ценности, уничтожение городов, олигархия одаренных энтузиастов, военно-трудовая повинность, талантливая молодежь, индивидуальное крестьянское хозяйство, частное предпринимательство, государственная промышленность

ON THE QUESTION OF AN ALTERNATIVE OPTION FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIA ACCORDING TO A.V. CHAYANOV

Gaidin Sergey Tikhonovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
gaydinsergey@rambler.ru

Burmakina Galina Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

At the turn of the 19th and 20th centuries, Russia faced not only the crisis of its traditional agrarian society but also the socioeconomic consequences of state modernization policies. This led to the emergence of political parties that fought to transform the country in line with the interests of various segments of Russian society. During this period, A.V. Chayanov developed a concept for transforming peasant life based on family-labor farming and peasant cooperatives.

Keywords: A.V. Chayanov, the concept of family and labor farming and peasant cooperation, Russia in 1984, peasant dictatorship, traditional values, destruction of cities, oligarchy of gifted enthusiasts, military labor service, talented youth, individual peasant farming, private entrepreneurship, state industry

На рубеже XIX–XX вв. российское общество решало вопрос о путях дальнейшего развития страны. Назначенный в 1891 г. на должность министра финансов С.Ю. Витте считал, что нужно было проводить ускоренную индустриализацию России, чтобы преодолеть ее отставание более чем на два века от промышленно развитых стран [1, с. 60]. По мнению сотрудника Министерства финансов Д.И. Менделеева, для этого нужно было перераспределить, скованное общиной и круговой порукой, сельское население, в промышленное производство с

высокой добавленной стоимостью [2, с. 352]. Столыпинская реформа, направленная на разрушение общины и на введение частной собственности крестьян на землю, способствовала быстрому разорению малоземельного крестьянства и пополнению рядов российского пролетариата.

В этих условиях, созданные в стране политические партии кадетов, октябристов, РСДРП, эсеров и др. предлагали пути развития России в соответствии с интересами тех слоев общества, от имени которых они выступали. Но большевики, которые делали ставку на рабочий класс, мечтали об индустриализации страны, создании коллективного сельскохозяйственного производства, мировой пролетарской революции, сумели не только взять власть в октябре 1917 г., но и отстоять ее в гражданской войне. Однако из нее советская Россия вышла в состоянии политического, социального, экономического и мировоззренческого кризисов. Значительная часть крестьянства выступала против дальнейшего изъятия продовольствия для снабжения городов и населения губерний пострадавших от засухи.

В этот самый сложный для населения страны период, в Москве в 1920 г. была издана повесть А.В. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» [3]. Автор писал от имени человека, принимавшего участие после победы мировой революции в воплощении социалистических идей в должности заведующего отделом Мирового совнархоза. Однако его герой чувствовал, что «что как-то не все ладно было в этом воплощении». Интрига повести заключается в том, что у автора, перенесенного во времени на 60 лет в Россию 1984 г., появилась возможность увидеть практическую реализацию одного из возможных вариантов построения справедливо устроенного с точки зрения крестьян общества.

Литературоведы обычно относят повесть к категории фантастических произведений, но ее одновременно можно рассматривать как попытку социального прогноза. В пользу этого свидетельствует творческий путь А.В. Чаянова, который после окончания в 1911 г. Московского сельскохозяйственного института занимался изучением крестьянской кооперации и издал «Очерки по теории трудового хозяйства», а в 1915 г. возглавил правление Центрального товарищества льноводов. А.В. Чаянов предлагал передать земли в трудовую собственность крестьян без права купли-продажи и считал, что необходимо стимулировать добровольное кооперирование крестьянских хозяйств. В советский период в 1918 г., А.В. Чаянов – стал профессором Петровской сельскохозяйственной академии, а в 1919 г. он возглавил НИИ сельскохозяйственной экономики.

А.В. Чаянов, как утверждал литературовед И.В. Кукулин в статье, посвященной проблемам альтернативного социального проектирования в советский период, относился к числу лояльных к советской власти людей, которые считали что после ее победы необходимо обсуждение вариантов дальнейшего развития страны [4]. Поэтому, по нашему мнению, повесть А.В. Чаянова, можно воспринимать, как облеченную в литературную форму попытку представить ее развитие на основе его собственных взглядов. Тем более что директор Госиздата В.В. Воровский, который критиковал взгляды А.В. Чаянова в предисловии к его повести, констатировал, что «он пишет искренно то, во что верит и чего желает» [5].

Как оказалось мировая социалистическая система, созданная в ходе мировой социалистической революции, не выдержала проверки временем из-за амбиций лидеров и противоречий, связанных с сохранением исторически сложившихся традиций и менталитета населения разных стран. В частности, догматами социализма не удалось вытравить из германской души идею военного реванша. Во Франции была установлена олигархия ответственных советских работников, которая выродилась в капиталистический режим. В Америке была восстановлена парламентская система с сохранением государственного сельского хозяйства и денационализацией промышленного производства. Объединенное японо-китайское государство выбрало монархическую форму правления.

Что касается Советской России, которая по составу населения была крестьянской страной, то к 1932 г. крестьянские классовые объединения, сумели получить большинство во ВЦИК и на Съездах советов. В 1934 г., по инициативе их лидера Митрофанова, создали крестьянский Совнарком, который сумел объяснить делегатам Съезда Советов опасность городского населения для сохранения, созданного крестьянами демократического режима. Таким образом, промышленные рабочие были объявлены врагами крестьянской демократии, и Съезд принял декрет об уничтожении городов с численностью населения свыше 20000 жителей.

После подавления в 1937 г. выступления «жителей городов» против смены модели развития, за которую рабочий класс боролся под руководством большевиков, вместо диктатуры пролетариата была установлена «крестьянская диктатура», которая при помощи взрывчатки приступила к ликвидации мест проживания рабочего класса. Была уничтожена городская застройка Москвы, других городов, в руины был превращен храм Христа Спасителя. А промышленные и транспортные предприятия из городов были эвакуированы на новые железнодорожные узлы по всей России. В результате этого на сотни верст вокруг Москвы протянулось сплошное сельскохозяйственное поселение, прерываемое квадратами общественных лесов, полосами кооперативных выгонов и огромными климатическими парками.

Оставшиеся города из мест проживания были превращены в центры сельских уездов, социальные узлы сельской жизни, обустроенные для проведения общественных собраний и праздников. Здесь размещались уездные и волостные театры, уездные музеи с волостными филиалами, народные университеты, спортивные организации всех форм и видов, хоровые общества, все, вплоть до церкви и политики. Каждый крестьянин, пользуясь современным транспортом, мог быстро оказаться в «своем» городе. Таким образом, был сформирован более сгущенный или более разреженный тип поселения земледельческого населения и фактически ликвидировано деление страны на город и деревню.

В районах хуторского расселения, где семейный надел составлял 3-4 десятины, крестьянские семьи жили в небольших крестьянских домах, обнесенных тыном, облик которых не менялся с XVI в. Люди после обеда по православному обычаю отдыхали на сеновалах. А на ярмарки ездили на расписных телегах, запряженных лошадьми. В обществе было принято поддерживать традиции, пришедшие из далекого прошлого. Жители играли в бабки, мальчишки свистали в глиняные золоченые петушки времен Великого Новгорода или правления Ивана Грозного, охранники временной тюрьмы были одеты в стрелецкую форму.

Автор утверждал, что власть крестьянских советов на первых порах возглавляла олигархия одаренных энтузиастов. Ее представители считали, что идея социализма была порождена психологией измученного подневольной работой городского пролетариата, который утратил способность к индивидуальной творческой работе и который представлял идеальный строй как отрицание капитализма. Но в

этом идеальном строе пролетариату по-прежнему отводилась роль исполнителей, и только его лидеры обладали правом на творчество.

В отличие от рабочих, российское крестьянство смогло избежать глубокого воздействия капитализма и еще в императорский период избрало дорогу развития крестьянской кооперации. Поэтому в России была реальная возможность строить общество, которое соответствовало чаяниям, ценностям и традициям российского крестьянства.

Но олигархии одаренных энтузиастов пришлось потратить несколько десятилетий для того, чтобы разбудить в пассивном политическом смысле крестьянстве общественное сознание и социальную энергию. Для этого пришлось держать крестьян в психическом напряжении, посредством внесения в законодательные учреждения законопроектов, угрожавших их интересам. Но, в конечном счете, была создана сильная государственная власть, которая опиралась не на методы государственного принуждения, а на привлечение общества к решению возникающих проблем. Но в случае угрозы крестьянской демократии ее пулеметы «...работали не хуже большевистских».

Для воспитания подрастающего поколения в системе крестьянских ценностей была введена двухлетняя обязательная военно-трудовая повинность юношей и девушек. В процессе трудовой службы, которая не имела военной направленности, и включала в себя спорт, гимнастику, пластику, работу на фабриках, походы, маневры, земляные работы, молодежь получала не только физическую закалку, но у нее происходило формирование нравственной дисциплины, необходимой для граждан крестьянской державы.

Чтобы выявлять и максимально использовать возможности каждого индивида для общего блага, в стране были созданы общества, охватывающие миллионы людей, которые отслеживали таланты и способности своих членов и которые, скорее всего, выполняли функции, возложенные в СССР на пионерские и комсомольские организации.

Для закрепления приобретенных ценностей, каждый из молодых людей обязан был совершить путешествие, чтобы убедиться в преимуществе, созданной в России системы, которая обеспечивала высокий уровень благополучия населения и технического развития страны. Автор писал, что благодаря государственной политике поддержки науки и производства, в России были развиты автомобиле- и авиастроение, широко использовались автомобили, пассажирские аэропланы и грузовые аэролеты. Развертывание 4500 магнитных силовых станций - метеорофоров позволило управлять магнитным полем и погодой, в нужное время вызвать дожди для текущих и генеральных поливов сельскохозяйственных культур, а в случае военного нападения противников создавать вдоль границ ветровую защитную завесу и поражать их искусственными смерчами.

Что касается развития экономики, то в отличие от большевиков, которые смотрели на крестьянское хозяйство как на «протоматерию» для создания крупных коллективных хозяйств, в основу экономики крестьянской России было положено индивидуальное крестьянское хозяйство, которое считалось самым совершенным типом хозяйственной деятельности, где каждый работник являлся творцом.

Автор был удивлен тем, что при высочайшем развитии науки и техники на полях работали тысячи крестьян с традиционными орудиями труда. На что ему было заявлено, что для продовольственного обеспечения населения страны при действии закона убывающего плодородия почвы, в земледелии приходилось использовать большое количество ручного труда, вплоть до индивидуализации ухода за каждым колоском.

В целях развития промышленного производства, государство оставило за собой лесную, нефтяную и угольную промышленность и, обладая монополией на топливо, получило рычаги воздействия на крестьянскую кооперацию, которая занималась развитием обрабатывающей промышленности. Государство защитило ее от конкуренции со стороны капиталистических фабрик, которые были обложены высокими налогами, но оставило частное предпринимательство в форме «остаточного ручного капитализма» для производства продукции, которую не могли выпускать коллективно управляемые предприятия, для внедрения талантливыми предпринимателями технических изобретений, которые создавали конкуренцию кооперативной промышленности и заставляли кооператоров совершенствовать производство. Для развития частной инициативы государство использовало сдельную плату, премии для индивидуумов и руководителей коллективов, доплаты крестьянам за внедрение необходимых для государства отраслей деятельности, таких как выращивание тутовых деревьев в северной части страны.

В целях непрерывного развития науки, как важнейшей составляющей технического прогресса, государство занималось выявлением талантливой молодежи и созданием ей условий для научно-технического творчества. Для этого на базе Архангельского монастыря было создано "Братство святого Флора и Лавра", которое имело два десятка своих отделений в разных частях страны, оснащенных библиотеками, лабораториями и картинными галереями. Государство щедро финансировало отдельных изобретателей и предпринимателей, работающих в новых областях хозяйственной жизни.

Выбор модели развития России альтернативной большевистской произошел в рамках советской политической системы и усилиями конкретного лидера – «вождя» был закреплен установлением «диктатуры крестьянства», которая пошла на уничтожение диктатуры и сокращение численности самого пролетариата, используя для этого уничтожение городов и пулеметы, в случае необходимости. Созданная в форме олигархии одаренных энтузиастов она вынуждена была «дотягивать» пассивную массу крестьянства до состояния индивидов активно участвующих в развитии общества, что можно бы квалифицировать как «воспитание нового человека» на основе традиционных крестьянских ценностей, традиций. Таким образом, для реализации альтернативной модели страны были использованы методы, схожие с теми, которыми пользовалась диктатура пролетариата.

Источники и литература

1. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его Императорскому Высочеству Великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912.
2. Менделеев Д.И. Отношение между сельским хозяйством и другими видами промышленности // Д.И. Менделеев. Сочинения. Т. XXI.
3. Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // URL: http://az.lib.ru/c/chajanow_a_w/text_0020.shtml (дата обращения: 11.10.2025).
4. Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или почему в современной России не прижились левые политические практики. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/6/alternativnoe-soczialnoe-proektirovanie-v-sovetskom-obshhestve-1960-1970-h-godov-ili-pochemu-v-sovremennoj-rossii-ne-prizhilis-levye-politicheskie-praktiki>. (дата обращения: 12.10.2025).
5. Тимофеев М. Предчувствие утопии: репрезентации города будущего в повести А.В. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) и в газетном романе Вл. Федорова «Чудо грешного Питирима» (1925) // URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2021/1/predchuvstvie-utopii-reprezentaczii-goroda-budushhego-v-povesti-a-v-chayanova-puteshestvie-moego-brata-alekseya-v-stranu-krestyanskoj-utopii-1920-i-v-gazetnom-romane-vl-fedorova.html> (дата обращения: 12.10.2025).

МИНУСИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ: МОТИВ РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА В МЕМОРИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ

Зарко Матео Эль-Грумете, главный библиотекарь отдела краеведческой работы
Минусинская городская централизованная библиотечная система, Минусинск, Россия
mateozarko@gmail.com

В статье представлен краткий обзор оригинальных старинных каменных надгробий на старом городском кладбище Минусинска, в оформлении которых присутствует образ дерева. Приведен пример первичной классификации, по разным критериям: период создания, материал, способ изготовления.

Ключевые слова: кладбище, памятник, надгробие, архитектура, скульптура, родословное древо, мрамор, консервация, реставрация

MINUSINSK NECROPOLIS: THE MOTIF OF THE FAMILY TREE IN MEMORIAL ARCHITECTURE IN THE CONTEXT OF GENERATIONAL CHANGE

Zarko Mateo El Grumete, Chief Librarian at the Local History Department,
Minusinsk Municipal Centralized Library System, Minusinsk, Russia
mateozarko@gmail.com

This article presents a brief overview of the original antique stone tombstones in the old municipal cemetery of Minusinsk, which feature the image of a tree. An example of a primary classification is provided, based on various criteria: period of creation, material, and manufacturing method.

Keywords: cemetery, monument, tombstone, architecture, sculpture, family tree, marble, conservation, restoration

Старое городское кладбище Минусинска формировалось в несколько этапов, и самые ранние захоронения в этом районе, предположительно, производились уже в конце 1840-х гг. Официально оно закрыто для захоронений в 1983 г. и с тех пор пришло в упадок. Однако здесь имеются старинные надгробия с обилием декоративных деталей, выполненные в конце XIX – начале XX века, в том числе в крупных городах страны, с редкими клеймами мастеров. В настоящей работе подробнее остановимся на одном художественном элементе – дереве как символе рода – и в основном на одном типе старинных надгробий, который в целом олицетворяет собой этот символ, – надгробии в виде объемного дерева. Таким образом получится проследить эволюцию этого типа надгробий через несколько семейных поколений и исторических эпох на протяжении четырех десятилетий.

На сегодняшний день обнаружено более 70 надгробий в виде объемного «дерева с усеченными ветвями и проросшим из него крестом». Тип крайне распространен на Урале, в европейской части России, во многих европейских странах, встречается и за океаном в США. В каждом регионе мастера по-своему изображают подобные деревья и пни, однако символика сохраняется и безошибочно считывается – оборвавшаяся жизнь: рано или поздно, внезапно или ожидаемо, но, как правило, для семьи любая смерть всегда преждевременна.

В Минусинске подобные памятники – это в первую очередь самые старые, дореволюционные экземпляры, представляющие собой классический образец традиции: внушительного размера скульптуры из благородного камня лабрадорита, установленные на захоронениях известных купцов и чиновников дореволюционного времени. Монолит обработан в двух техниках. На поверхности ствола и сучков достаточно правдоподобно симитирована древесная кора – матовая, неровная, шероховатая, с корявыми бороздами и прожилками – так, что памятник буквально сливается с окружающей средой, вписывается в лесной пейзаж (в этой части кладбища преобладает крупная растительность, взрослые и старые лиственные и хвойные деревья). Спилы усеченных (обрубленных) ветвей отполированы до блеска, вследствие чего становится видна (особенно под направленным точечным светом) красота камня (особенность, отличающая его от мелкозернистого гранита, с которым его иногда путают) – синие и красные сверкающие звездчатые вкрапления (эффект ночного неба). В нижней части конструкции (на стволе) оформлен объемный отполированный картуш для биографической надписи и/или эпитафии. В верхней части (на кресте) мог быть изображен картуш для эпитафии: либо монолитно с крестом, либо прикрепленный на металлическом штыре – в таком случае сегодня о наличии картуша напоминает только срез этого штыря, а картуш утрачен. Обнаружено три таких конструкции – наиболее крупных (до 2,5 м в высоту) и сохранившихся почти в нетронутом виде (надгробия Черновым (одно на двоих), А. Ф. Метелкину, А. М. Толмачеву) и одна разбитая на две части и поваленная, но подлежащая восстановлению (М. А. Толмачевой). У всех остальных более мелких конструкций (до 1,7 м в высоту при «надстройке» воображаемого креста) кресты утрачены полностью или частично (всегда сбиты, и затем либо разбиты на части, либо остались лишь фрагментарно).

Второе, более молодое «поколение» надгробий в виде дерева в Минусинске представлено изделиями из мрамора, устанавливаемыми вплоть до конца 1920-х годов. Такие памятники в целом по размеру уступают лабрадоритовым, но превосходят их по разнообразию размеров, дизайну и по количеству. Они изготовлены двумя основными способами: резные из монолита и литые из крошки. Все установлены, как правило, на «подушку» из песчаника – своим весом опираются на фигуру, вырезанную в виде нескольких сложенных бревен. Каменные кресты почти всегда утрачены либо сбиты и сохранились фрагментарно, металлические кресты могут быть утрачены (срезаны на металлолом или переиспользованы как самостоятельные на других более свежих захоронениях) либо вынуты из гнезда и оставлены рядом. Наиболее миниатюрные мраморные надгробия-деревья достигают в высоту, без креста, до 50 см. Два типа мраморных деревьев обнаружены в Минусинске в единичном экземпляре. Это резное надгробие из монолита, с прямым, относительно тонким (по сравнению с другими) изящным стволом с прожилками и со «спутанными» корнями, склеенное с кубическим основанием из песчаника, навершие утрачено. Рядом с ним находится второе единичное в Минусинске надгробие – дерево, литое из мраморной крошки, в виде мощной столбообразной колонны, также без навершия, сучья оформлены очень условно ровными пятаками. Это памятники двум женщинам под одной фамилией, скончавшимся в начале 1910-х годов. Вероятно, изначально на этом месте было обустроено семейное захоронение, к настоящему моменту превращенное в мусорный завал, из-под которого и было извлечено надгробие с «корнями».

Третье поколение надгробий в виде дерева с усеченными ветвями можно назвать отличительной особенностью Минусинска, поскольку в других регионах, в том числе

в Красноярске, такой дизайн, по крайней мере пока, не встречался автору статьи, и при словесном описании даже опытным исследователям некрополей сложно представить себе подобную конструкцию. Такой тип надгробия появляется в городе с началом Первой Мировой войны, достигает расцвета и массового распространения в годы Гражданской войны и прослеживается вплоть до деградации до конца 1920-х годов. Скульптура из песчаника поначалу выполнялась относительно большого размера, повторяя классическую конструкцию из крепкого благородного камня – максимально, насколько позволяли особенности намного более хрупкого материала. На сегодня все кресты с таких надгробий сбиты (объективно это не создавало для вандалов никакого труда, по сравнению с лабрадоритовыми аналогами, не поддающимися даже грубой физической силе, без специального инструмента), разрушены, утрачены, переиспользованы как самостоятельные надгробия на других захоронениях. Яркая отличительная особенность от дореволюционных образцов: на крестах часто вырезались, дополнительно к картушу с эпитафией, объемные банты и ленты; на самом стволе могло быть оформлено «полотнище» – «переброшено» через основание креста, спускаясь по двум сторонам и создавая поверхность для биографической надписи, взамен традиционного «бумажного свитка». Единичные стволы «обвиты» листьями и гроздьями винограда. На «срезе» обрубленной ветви на лицевой стороне по центру ствола над картушем нередко вырезано изображение святого (мужской или женский образ) или херувима (голова ангела-младенца с двумя крыльями). В целом это упрощение и переосмысление мотива «древа с усеченными ветвями», часто скульптура уменьшалась до предельного размера. Без утраченных наверший в виде креста некоторые оставшиеся «пеньки» достигают всего 50 см в высоту. Для сооружений из таких хрупких материалов, как песчаник, главный враг – это не столько природные и погодные условия, под воздействием которых он осыпается, но время. То есть нам нужно стараться как можно скорее и точнее зафиксировать надписи на таких надгробиях, чтобы захоронение не осталось безымянным. Иначе уже не удастся найти никакой информации об усопшем и восстановить связь поколений, ведь, возможно, ныне живущие родственники, в том числе проживающие в других регионах, разыскивают своего предка.

Следует отметить, что реальная картина много богаче по сравнению с представленным в статье перечнем типов надгробий в виде дерева. Нередко дерево, его части и иные растительные элементы используются как элементы крупных сложносоставных конструкций, а также изображаются на плоскости (надгробия в виде плиты). Более основательная классификация еще впереди – после того, когда будет обнаружено, расчищено и проанализировано как можно больше надгробий, и, возможно, удастся установить места их изготовления и имена мастеров.

Источники и литература

1. Бызова Е. Минусинский некрополь: прошлое, достойное сохранения и бережного ухода // Власть Труда. – №№ 18 741, 18 742. – 21, 28 авг. – 2025.
2. Зарко М. Э.-Г. Минусинский некрополь // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы III Всероссийской научно-практической конференции 14–15 ноября 2024 года, Таганрог / отв. ред. В. А. Агеева. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2024. – С. 113–119.
3. Зарко М. Э.-Г. Проект «Минусинский некрополь» как пример сохранения и популяризации исторических кладбищ и захоронений // Город, пригодный для жизни: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 20–22 ноября 2024 года / отв. за вып. Д. Е. Лемытская. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. – С. 350–353.

**ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ
(КОНЕЦ 1850-х – НАЧАЛО 1930-х гг.)**

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
Agro_iwa@mail.ru

Задача работы состоит в реконструкции динамики поколенческой истории российской деревни в период между реформой 1861 г. и массовой коллективизацией. Показано, что на протяжении исследуемого периода последовательно появилось 5 крестьянских поколений. Для каждого из них определены этапы формирования и периоды пиковой социально-политической активности. Отражен гендерный аспект поколенческой истории.

Ключевые слова: Крестьянство, поколенческая история, крестьянская революция, нэп, коллективизация

**GENERATIONAL HISTORY OF THE RUSSIAN VILLAGE
(LATE 1850s – EARLY 1930s)**

Ilinykh Vladimir Andreevich, Doctor of Historical Sciences,
Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia
Agro_iwa@mail.ru

The purpose of the article is to reconstruct the dynamics of the generational history of the Russian village in the period between the reform of 1861 and mass collectivization. It is shown that during the period under study, 5 peasant generations appeared sequentially. For each of them, the stages of formation and periods of peak socio-political activity are determined. The gender aspect of generational history is reflected.

Keywords: Peasantry, generational history, peasant revolution, NEP, collectivization

Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

Исторические судьбы российского крестьянства в значительной мере определяли цивилизационную специфику страны. Одним из важных аспектов изучения крестьянства является анализ его поколенческой истории. Т. Шанин наглядно продемонстрировал важность ее изучения, когда в одном из своих устных выступлений указал на то, что крестьянские волнения 1902 г., знаменовавшие собой начало перманентной крестьянской революции, произошли через 40 лет после реформы 1861 г. За это время произошла смена дееспособного поколения. Пророк Моисей водил евреев по пустыне сорок лет, чтобы те перестали быть рабами. В начале XX в. в России бывших крепостных заменила генерация, не знавшая крепостничества и придерживающаяся иных поведенческих практик.

Наиболее существенный вклад в изучение поколенческой истории крестьянства внесен в рамках реализации проекта РНФ «Поколение “революционного перелома” в

судьбе российской деревни первой трети XX века». В подготовленной по его итогам коллективной монографии осуществлена реконструкция особенностей поведенческих практик и ментальных установок генерации крестьян, родившихся в период с 1885 по 1900 г. [1]. В работе основное внимание уделяется участию представителей искомого поколения в Первой русской революции, а также общинной революции 1917 г. Крестьянское повстанческое и партизанское движение в 1918–1922 гг. фактически остается за рамками анализа. Применительно к периодам нэпа и коллективизации генерация «революционного перелома» отходит на второй план и уступает место авторам обобщенных характеристик. Исследовательский фокус смещается на поколение крестьян, появившееся на свет в начале XX в. («детей революции»). В книге игнорируются поколения крестьян, родившихся в период между концом 1850-х гг. и серединой 1880-х гг.

Задача настоящей статьи состоит в реконструкции динамики поколенческой истории крестьянства основных аграрных регионов России в период между реформой 1861 г. и началом 1930-х гг. включительно.

Стандартных показателей протяженности периода рождения одного поколения и времени появления следующего не существует. Интервал между поколениями может составлять 10, 15, 20 либо 30 лет [2, с. 28]. Экстраординарные факторы (революции, радикальные реформы), которые приводят к трансформации аграрного строя, могут вызвать досрочную смену поколений, отличающихся по своим ментальным установкам. При этом новая генерация появляется за несколько лет до свершения трансформационного сдвига. Дети осознают окружающую социальную действительность не менее чем через 5 лет после рождения. Так, деревенские дети, появившиеся на свет накануне коллективизации, осознали себя уже в условиях функционирования колхозного строя, который для них являлся обыденной реальностью, а единоличное существование крестьянства стало для них преданием. Для крестьян, рожденных ранее, ведение ими или их родителями единоличного хозяйства оставалось важным и значимым пластом их доколхозной жизни. В условиях ординарного развития происходит постепенное замещение поколений, границы между которыми размываются.

Принципиальное значение для поколенческой истории имеет протяженность отдельных циклов существования поколения. Хосе Ортега-и-Гассет выделял пять 15-летних этапов, из которых два являются сроком деятельного существования генерации [3, с. 280]. Н. Хоув и В. Шираус определили «жизнь» генерации в 80 лет, состоящую из четырех 20-летних периодов. При этом достигшее сорокалетнего возраста поколение начинает бороться с предыдущим за господство в социуме [4, с. 58–68].

Цикличность жизни крестьянина имеет свою специфику. Дееспособность с точки зрения социума он приобретает, когда становится главой отдельного дворохозяйства. Обычно это происходит после выдела его семьи из отцовской. Согласно устной консультация ведущего специалиста по сибирской крестьянской семье второй половины XIX – начала XX в. В.А. Зверева, выдел для сына, не призванного на военную службу как правило происходил не раньше достижения им возраста 25–27 лет (женитьба в среднем в 21–22 года, затем от 1 до 2 лет до рождения первого ребенка, еще минимум 3 года, чтобы созреть для выдела ментально). При этом новая состоящая из мужа, жены и малолетних детей, являлась относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких

молодых семей в составе отцовского двора чаще всего приводила к его превращению в зажиточное. До достижения относительной состоятельности нового хозяйства должно было пройти около 15 лет, зажиточности – около 20 лет. Его глава к этому времени достигал как минимум 40 или 45 лет соответственно. Таким образом маломощные и зажиточные крестьянские дворохозяйства как правило принадлежали к разным поколениям. Соответственно межпоколенческий конфликт между ними имел в т.ч. и социальное измерение.

Для российской деревни в исследуемый период нами предлагается следующая последовательность поколений (по годам рождения): **А**) конец 1850-х – первая половина 1880-х гг.; **Б**) вторая половина 1880-х – конец 1890-х гг.; **В**) начало 1900-х – середина 1910-х гг. **Г**) конец 1910-х – середина 1920-х гг.; **Д**) конец 1920-х – конец 1930-х гг. Генерации **А** и **Б** мы определяем как первое и второе пореформенные поколения, генерацию **В** – поколением «великого перелома», **Г** – первым советским поколением, **Д** – поколением «детей коллективизации».

Экстраординарными событиями, после которых появились генерации **А**, **Г**, **Д**, стали реформа 1861 г., аграрная революция 1917–1918 гг., коллективизация. Хронологические рамки появления поколения **Б**, на первый взгляд, являются весьма условными, так как в это время никаких качественных изменений аграрного строя не произошло. Тем не менее данный период имеет для поколенческой истории операциональное значение. Согласно проведенным нами подсчетам по материалам сборника биографических материалов «Лидеры смуты» [5] на каждый из 1880–1884 гг. в среднем приходится 10 рождений командиров/атаманов вооруженных групп, на 1885–1889 гг. – 23, 1890–1894 гг. – 37, 1895–1899 гг. – 33 рождения. До 1880 г. на свет появилось незначительное их число. На лиц, родившихся после 1900 г., биографические справки в сборнике отсутствуют. Таким образом, в 1885–1899 гг. родилась большая часть лидеров и вожаков крестьянского повстанческого и партизанского движения 1918–1922 гг. Формирование генерации **В** завершилось в годы Столыпинской аграрной реформы.

Первое пореформенное поколение, вышло на историческую арену в ходе крестьянского движения 1902 г. и 1905 – 1907 гг. Важную роль представители данной генерации играли в годы Столыпинской аграрной реформы. Средний возраст крестьян, выделившихся на хутора и отруба, а также переселившихся в Сибирь варьировался от 30 до 40 лет (родившихся между 1866 и 1883 гг.). Кульминацией влияния поколения стала общинная революция 1917–1918 гг. Его репрезентанты в это время фактически возглавляли крестьянскую общину, которая являлась организатором аграрного движения. Согласно материалам составленной исследователями из Тамбова БД «Вожаки и участники крестьянских выступлений 1880-х – 1921 гг.», средний возраст персоналий участвующих в крестьянских выступлениях 1917–1918 гг. составлял 43,8 лет. (1874 г.) [6, с. 186]. В рамках повстанческого и партизанского движения представители данной генерации отошли на второй план, но тем не менее осуществляли важные функции тылового обеспечения вооруженных отрядов крестьян. В годы нэпа его репрезентанты были отстранены от власти в деревне. В 1925 г. возраст более 41 года (до 1884 г.) имело 18,5% председателей сельсоветов. К началу 1930-х гг. их доля стала еще меньше [7, с. 5].

Часть представителей второго пореформенного поколения будучи детьми, подростками и молодыми людьми принимала участие в аграрных беспорядках 1902 и 1905–1907 гг. Крестьяне, рожденные в 1885–1898 гг., составляли основную часть

солдат призванных в Русскую армию в годы Первой мировой войны. Фронтовики приняли активное участие в общинной революции. Звездный час поколения **Б** пришелся на повстанческое и партизанское движение 1919–1922 гг. Крестьяне, вступившие в свой активный возраст (от 19 до 37 лет), являлись наиболее активными его участниками: вожаками (см. выше) и рядовыми боевиками.

У данной генерации в годы нэпа была сосредоточена выборная власть в деревне. В 1925 г. в РСФСР возраст от 25 до 40 лет (1885–1900 гг. рождения) имело 58% членов сельсоветов, 67% их председателей, 60% делегатов волостных съездов советов, 74% членов волисполкомов [7, с. 5]. Впрочем, репрезентанты поколения могли занимать различные политические позиции. Они составляли значительную часть коммунистов, сельских функционеров, активистов. На момент партийной переписи 1927 г. в РСФСР в 1885–1899 гг. родились 51,4% членов и кандидатов в члены ВКП(б) [8, с. 158]. В то же время иные репрезентанты того же поколения противостояли провластным группам, боролись с ними за обладание сельсоветами и земельными обществами. На наш взгляд в условиях нэпа конфликт внутри второго пореформенного поколения имел более острый характер нежели соперничество между генерациями.

Часть представителей данного поколения были зажиточными, а потому подверглись лишению избирательных прав, а впоследствии раскулачиванию. В Западной Сибири на доля сельских жителей принадлежавших к генерации **Б** приходилось 42,5% «лишенцев» [9, с. 54]. По нашим расчетам, осуществленным на основе БД о репрессированных крестьянах на спецпоселении того же региона, которая была любезно предоставлена С.А. Красильниковым (см. [9, с. 264]), удельный вес глав семей спецпереселенцев, рожденных в 1885–1900 гг., составлял 46,2%. 39,8% «лишенцев» и 34,6% глав семей депортированных крестьян из них родились до 1885 г. и таким образом принадлежали к поколению **А**.

Представители поколения **В** в годы революции (в т.ч. общинной) и Гражданской войны были детьми, подростками и молодыми людьми. На историческую арену они вышли в годы нэпа. Большевистский режим делал ставку на молодежь, продвигал ее в низовые структуры власти. Во время осенних выборов в советы 1924 г., которые осуществлялись административными методами, доля крестьян в возрасте до 25 лет составляла 22,4% членов сельсоветов, 17,4% их председателей, 24,1% делегатов волсъездов. По итогам более демократичных выборов начала 1925 г. молодых людей в низовых советах стало меньше. Возраст до 25 лет имело 16,6% членов сельсоветов, 14,5% председателей, 17,9% делегатов волсъездов [7, с. 5].

К концу 1920-х гг. в ситуации в деревне произошли изменения. Поколение **В** в системе низового управления деревней при поддержке партийно-государственных структур стало активно вытеснять предыдущую генерацию. В 1929 г. возраст до 29 лет включительно (родившихся в 1900 г.) имело 46,4% членов сельсоветов, 50,1% их председателей, 47,7% делегатов районных съездов советов [10, с. 66, 68, 74]. Однако вытеснение было далеко от завершения.

Коллективизация привела к нарастанию межпоколенческих конфликтов. Молодежь более охотно шла в колхозы, активно участвовала в осуществлении антирелигиозной политики властей. При этом генерация «великого перелома» не была единой. В Западной Сибири 16,7% сельских «лишенцев» и 18,2% глав депортированных семей родились после 1900 г. Жертвами коллективизации стала также часть поколения **Г** и даже **Д**. Подростков и детей, в т.ч. грудных, отправляли на

спецпоселение вместе с родителями. В 1931 г. на сто семей спецпереселенцев по нашим расчетам приходилось более 170 детей.

Вышеизложенная поколенческая история имеет преимущество маскулинное содержание. Во-первых, взаимоотношения внутри крестьянского социума имеет патриархальный характер. Во-вторых, непосредственное участие в вооруженных конфликтах (войнах, восстаниях) принимают в основном мужчины. В то же время в событийном ряде истории крестьянских поколений в исследуемый период присутствует гендерный аспект. Женщины, принадлежащие к первому пореформенному поколению, принимали активное участие в грабежах барских усадеб в 1902, 1905–1907 гг. В дореволюционный период пиковых значений участие крестьянок в «аграрных беспорядках» достигло в годы осуществления Столыпинской аграрной реформы. Права общины на землю отстаивало по определению В.Л. Дьячкова «отчаянное поколение "лишних" невест, появившееся на свет в "женской атаке" 1870-х гг.» [6, с. 187]. Демографической «женской атакой» называется преобладание в приросте населения женщин над мужчинами в когорте родившихся 1871–1877 гг. (см. [11]). Во время Первой мировой войны на авансцену социальной жизни деревни выдвинулись солдаты, которые стали весьма многочисленной и активной группой сельского населения. Значительная их часть представляла второе пореформенное поколение.

Одной из задач Советского государства в деревне в 1920-е гг. была эмансипация крестьянок, которая должна была проявляться в т.ч. в их активном электоральном поведении. Участие женщин в выборах в советы постоянно росло. В РСФСР в 1925 г. в избирательной кампании в сельской местности приняли участие 20% женщин, в 1929 г. – 47% [10, с. 38]. Однако женская эмансипация в деревне в конце 1920-х гг. обернулась для большевистского режима неожиданными последствиями. По стране покатились волны открытых выступлений протеста сельских жителей, основными участниками которых стали крестьянки (так называемые бабьи волынки). Большая их часть была не молодухами или старухами, а бабами, представляющими в основном поколение Б.

В дальнейшей судьбе рассматриваемых поколений крестьян важную роль сыграла Великая Отечественная война. Основную часть фронтовиков составляли представители поколений В и Г. Мобилизации подлежала также часть мужчин, рожденных в 1890-е гг. В колхозах трудились женщины из этих поколений, подростки из поколения Д, пожилые люди представляющие поколения Б и А.

Раскрестьянивание российской деревни, по нашему мнению, в основном завершилось через 40 лет после начала массовой коллективизации (см. [11, с. 140]). К этому времени в дееспособный возраст вступило крестьянское поколение Д, которое как указывалось выше социализировалось уже в условиях колхозного строя.

Источники и литература

1. Российская деревня первой трети XX века: поколение "революционного перелома" / В.Б. Безгин, А.Ю. Вязинкин, Ипполитов В.А., Д.А. Сафонов [и др.]. М.: Квадрига, 2025. 504 с.
2. Пушина Л.Ю. Поколение как социокультурная общность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2011. № 3. С. 28–34.
3. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. общ. ред. А.М. Руткевича. 2-е изд. М.: Весь Мир, 2000. 704 с.

4. Howe N., Strauss W. The History of America's Future, 1584 to 2069. NY: William Morrow & Company, 1991. 544 p.
5. Лидеры смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2017. 560 с.
6. Дьячков В.Л. Электронная база данных «Вожаки и участники крестьянских выступлений 1880-х – 1921 гг.»: структура и исследовательские возможности // Революция и бунт в российской истории: мат-лы всерос. науч. конф. М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2017. С. 183-190.
7. Власть Советов. 1925. № 20.
8. Всесоюзная партийная перепись 1927 года. Вып. 6: Численный состав ВКП(б) на 10 января, партийный стаж и возраст членов ВКП(б) и кандидатов в члены. М., 1927. 198 с.
9. Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 392 с.
10. Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. М., 1929. С. 105.
11. Дьячков В.Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1. С. 128–141.
12. Ильиных В.А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130–141.

**ВЛИЯНИЕ ССЫЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ НА РАЗВИТИЕ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ**

Ищенко Оксана Владимировна, доктор исторических наук
Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
iovfu@yandex.ru

В статье рассматриваются отдельные аспекты влияния поколения ссыльных народников на развитие социал-демократического движения в Сибири на рубеже XIX–XX вв., отраженные в мемуарной литературе. Сделан вывод о связи оценки этого влияния не только с личным опытом авторов воспоминаний, но и с идеологическими установками времени их написания.

Ключевые слова: народники, ссылка, революционеры, социал-демократы, молодежь, В.К. Штильке, Сибирь

**THE INFLUENCE OF THE EXILED NARODNIKS ON THE DEVELOPMENT
OF THE SOCIAL DEMOCRATIC MOVEMENT IN SIBERIA AT THE TURN
OF THE 19th–20th CENTURIES IN THE MEMORIES OF THE PARTICIPANTS
OF THE EVENTS**

Ishchenko Oksana Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences
Surgut State University, Surgut, Russia
iovfu@yandex.ru

The article examines certain aspects of the influence of the generation of exiled narodniks on the development of the social democratic movement in Siberia at the turn of the 19th–20th centuries, reflected in the memoir literature. It is concluded that the assessment of this influence is related not only to the personal experience of the authors of the memoirs, but also to the ideological attitudes of the time of their writing.

Keywords: narodniks, exile, revolutionaries, social Democrats, youth, V.K. Shtilke, Siberia

В научно-исследовательской литературе достаточно широко и полно освещено влияние ссыльных революционеров в конце XIX – начале XX в. на сибирскую молодежь. Выделение в качестве особого сегмента массовой и довольно длительной народнической ссылки определяет значимость выявления роли и места народников в формировании взглядов молодого поколения сибирских революционеров.

В советский период времени сложилась устойчивая концепция, согласно которой народничество представляло собой политическое течение, «основанное на ошибочной идеологии, догматичной программе и неверной тактике действий» [1, с. 194–195], которое в последние десятилетия XIX в. неуклонно эволюционировало в либеральном направлении, вытесняясь с исторической сцены под напором марксизма [2, с. 7].

Подход к народничеству как к мелкобуржуазному течению с позиций ленинской оценки его роли в освободительном движении обусловил критически-снисходительное отношение к самим народникам, как наивным идеалистам, чьи теории не были реализованы на практике. Однако большое влияние народнических

идей на формирование нового поколения революционеров отрицать было невозможно. Народническая пропаганда формировала новый взгляд на гражданина, как свободного человека, борющегося за народное счастье [2, с. 79]. Образ мученика, готового отдать жизнь за свои идеалы, стал примером для подражания революционной молодежи [3, с. 406]. Биографии таких героев должны были не только отразить этапы их жизненного пути, но и вызывать желание повторить этот путь [4].

В этом отношении, анализ воспоминаний, затрагивающих те или иные аспекты деятельности ссыльных народников в Сибири, показывает, как преломлялись в них идеологические установки, обусловленные временем написания мемуаров, и как оценивалась ими степень влияния народников на развитие революционного движения.

В данном исследовании речь пойдет только об одном человеке – известном сибирском общественном деятеле Василии Константиновиче Штильке. Краткие вехи его биографии следующие.

В.К. Штильке родился в 1850 г. в Барнауле, учился в Барнаульском горном училище, затем в Томской мужской гимназии. После окончания гимназии уехал в Санкт-Петербург, где проложил обучение в Медико-хирургической академии. В столице он сблизился с народниками, принимал участие в пропаганде среди крестьян, за что во второй половине 1870-х годов века был выслан на родину в Барнаул. Здесь он развернул большую общественную работу, став в 1884 г. инициатором создания «Общества попечения о начальном образовании в Барнауле». Благодаря его активной деятельности были открыты две бесплатные начальные школы при которых действовали воскресные школы для взрослых, несколько библиотек, проводились народные чтения и др. В.К. Штильке занимался преподавательской деятельностью в качестве домашнего учителя, вел уроки истории и словесности в Барнаульском горном училище. В период первой революции в России был фактически выслан из Барнаула [5].

На протяжении всей своей деятельности В.К. Штильке поддерживал тесные контакты с другими ссыльными народниками, привлекая их к преподавательской и общественной работе. В полицейских донесениях неоднократно отмечалось «вредное влияние» Штильке на молодежь [6, с. 108].

Указания на это нередко встречаются и в воспоминаниях. Так, дочь Штильке Римма отмечала, что к отцу часто приходили его ученики, которые «были социалистами и членами его политического кружка», среди которых особенно выделялся П.Е. Семьянов, как «видный подпольщик, умеющий вдохновлять и увлекать своим примером, той работой, за которую он берется» [7, д. 33, л. 3]. Впоследствии Семьянов стал одним из главных организаторов социал-демократического движения на Алтае [8, с. 40].

«Моим главным политвоспитателем был политссыльный народник В.К. Штильке. С 1885 г. я состоял членом его ученического политкружка», – писал в мемуарах бывший воспитанник Барнаульского горного училища Г.Н. Малетин [7, д. 75, л. 10]. В составленной алтайскими краоведами биографии Штильке тоже отмечалось его влияние на политическое воспитание учеников: «Учащаяся молодежь всегда присутствовала на всех народных гуляниях по совету В.К. Он говорил, что учащиеся всегда должны быть там, где скопляется народ и должны всемерно стремиться заводить связи и тесное общение. И сеять среди них разумное, доброе, вечное» [7, д. 55, л. 17].

Автобиография А.А. Яренского содержит сведения о начале его революционной деятельности в 1895 г., когда в горном училище был создан политкружок учащихся под руководством ссыльных народовольцев. К руководителям кружков автор относил В.К. Штильке и других политссыльных-народников: М.О. Курского, А.А. Силина, А.Я. Сулина, С.П. Швецова [7, д. 76, л. 55–56].

Основной массив сохранившейся в фондах Истпарта мемуарной и биографической литературы был написан в 1920–1930-е гг. Установки эпохи не могли не отразиться на содержании этих документов, поэтому в них нередко преувеличивалась степень влияния социал-демократов. «Через воскресные школы велась пропаганда идей научного социализма. Одновременно с совместными заседаниями учителей и учеников воскресных школ велись занятия с первыми рабочими ячейками партии», – отмечал в воспоминаниях неустановленный автор [7, д. 34, л. 2].

В мемуарах Н.Н. Балашова содержатся явно преувеличенные сведения о том, что в Барнауле в 1900 г. был основан «подпольный политический учительский союз» во главе с особой «учительской социал-демократической группой», в которую входил и В.К. Штильке. На этот союз, по мнению автора, было возложено руководство районными крестьянскими социал-демократическими группами: «Согласно директив первого марксистского кружка, он обязан был вовлечь в свой состав всех сельских учителей Алткрая. Союз должен был вести также массовую политическую работу среди крестьян, рабочих и учащихся» [7, д. 76, л. 66]. Упоминание о том, что одна из старейших крестьянских социал-демократических ячеек была основана в 1884 г. В.К. Штильке имеется и в воспоминаниях А.А. Яренского [7, д. 76, л. 60].

Подобная «перековка» бывших народников в действующих социал-демократов не подтверждается другими документами. Так, например, тот же А.А. Яренский пишет: «Несмотря на то, что мы, горняки, все получили политвоспитание под руководством политссыльных народников, несмотря на то, что первоначально вели агитацию и пропаганду в народническом направлении, однако, постепенно все проникались духом революционного марксизма ... и делались ярыми его последователями. Надо видеть было какое глубокое огорчение мы этим причиняли нашим учителям» [7, д. 76, л. 56].

В то же время общее влияние деятельности ссыльных народников на воспитание масс, способствовавшее их политизации, отмечали многие участники этих событий. «Огромную роль в развитии Барнаула сыграл общественный деятель В.К. Штильке. Он боролся за народное просвещение, строил школы, библиотеки, народный дом, устраивал народные чтения, воскресные занятия... Около его работы развивалось параллельно революционное движение, опирающееся на крепкий фундамент культурного просвещения», – писали «пятогодники» в «Краткой истории революционного движения в Барнауле за 1905-1917 гг.» [7, д. 43, л. 19-20]. Хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края материалы «к биографии и о революционной деятельности» В.К. Штильке тоже содержат указания на то, что он развернул в Барнауле «культурническую деятельность, носившую революционный характер» [7, д. 55, л. 17].

Таким образом, анализ воспоминаний показывает содержание в них разной оценки влияния ссыльных народников на развитие революционного движения в Сибири, что связано не только с личным опытом авторов, но и с господствующими идеологическими установками эпохи написания мемуаров.

Источники и литература

1. Иванов А.А. Старейшее издание исторического факультета // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2014. № 7. С. 191–203.
2. Федорова В.И. Народническая ссылка Сибири в общественно-политической и идейной борьбе в России в последней четверти XIX в. Красноярск: Изд-во КПКУ, 1996. 160 с.
3. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011. 448 с.
4. Киселев А.А. Источники формирования образа «героя» у членов партии социалистов-революционеров начала XX века // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20603> (дата обращения: 16.09.2025).
5. Кладова В.П., Скубневский В.А. Василий Штильке: гражданский подвиг. Барнаул. Новосибирск, 2020.
6. Скубневский В.А. Василий Константинович Штильке – общественный деятель и просветитель // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст., посвященный 70-летию д-ра исторических наук, проф. В. И. Шишкина. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2018. С. 104–113.
7. Государственный архив Алтайского края. Ф. П-1061. Оп. 1.
8. Ищенко О.В. Влияние состояния здоровья на деятельность революционеров (на примере мемуарно-биографических произведений первой трети XX века) // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 12. С. 36–42.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И МОЛОДЕЖИ 1980-Х ГОДОВ ЧЕРЕЗ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ»

Комлева Лидия Николаевна, аспирант

Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия

komleva-lidiya@mail.ru

В данной статье рассматривается роль журнала «Советский Красный Крест» в формировании межпоколенческих связей в период с 1980 по 1991 гг., а именно поколения ветеранов Великой Отечественной войны и молодежи 1980-х гг. Показано, как журнал способствовал формированию исторической памяти, патриотизма, передаче человеческих ценностей от старшего поколения молодому. Приводятся примеры публикаций.

Ключевые слова: Советский Красный Крест, Великая Отечественная война, ветераны, молодое поколение

THE CONNECTION BETWEEN GENERATIONS OF VETERANS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE YOUTH OF THE 1980s THROUGH THE PAGES OF THE MAGAZINE «SOVIET RED CROSS»

Komleva Lidiya Nikolaevna, Postgraduate Student

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

komleva-lidiya@mail.ru

This article examines the intergenerational connections in publications published in the Soviet Red Cross magazine between 1980 and 1991, specifically between the generations of World War II veterans and young people of the 1980s. It demonstrates how the magazine contributed to the formation of historical memory, patriotism, and the transmission of human values from the older to the younger generation. Examples of publications are provided.

Keywords: Soviet Red Cross, Great Patriotic War, veterans, young generation

Одним из важнейших исторических событий является Великая Отечественная война. Она принесла горе каждой советской семье и не только повлияла на жизнь советских граждан, но и в корне изменила ход дальнейшей мировой истории. На сегодняшний день одним из важнейших направлений политики в Российской Федерации является сохранение исторической памяти. Так, 18 января 2023 года, В.В. Путин на встрече с ветеранами Великой Отечественной войны заявил: «... историческая память должна сохраняться именно для того, чтобы таких трагедий, которые переживал наш народ во время Великой Отечественной войны, никогда не повторялось. Есть и практический смысл, чтобы мы могли вовремя реагировать на возникающие в отношении нашей страны угрозы» [1]. Стремление не повторить трагедию невозможно без воспитания общества, способного вовремя распознать угрозу и дать отпор.

На сегодняшний день поколение, чье детство и юность пришлось на 1980-е гг., является взрослой частью населения нашей страны. Но как в преддверии перестройки и на протяжении всего ее периода у молодого поколения формировалась способность в любой момент встать на защиту своего государства? В данной статье предлагаем рассмотреть вопрос роли журнала «Советский Красный Крест» в формировании исторической памяти советской молодежи в 1980-е годы.

В ноябре 1979 года на президиуме V пленума Исполкома СОКК и КП СССР О.П. Остальский в своем докладе отметил: «Ведь им, сегодняшним школьникам и студентам, продолжать дело отцов – строить коммунистическое общество в нашей стране, бороться за мир во всем мире» [2, с. 7]. Коммунистическая партия и Советское правительство уделяло особое внимание совершенствованию идейно-политического, трудового и нравственного воспитания учащейся молодежи.

Одной из форм реализации вышеуказанного направления являлся ежемесячный журнал «Советский Красный Крест», который издавался Союзом общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (Далее – СОКК и КП СССР) с 1923 года. Журнал играл важную роль в пропагандистской работе СОКК и КП СССР. Выписывать его было необходимо каждой первичной организации Красного Креста, также подписаться на журнал мог любой гражданин. На начало 1980 года тираж журнала достиг 956 тысяч экземпляров [3, с. 2].

В содержание журнала входили публикации о Великой Отечественной войне, например, разделы: «К 35-летию Великой победы», «Страницы подвига» в мартовском номере журнала за 1980 год. В разделе «К 35-летию Великой победы» содержится статья под названием: «Подвиг милосердия», в которой рассказывается о сестре милосердия, которая ценой своей жизни спасала раненных бойцов на поле боя во время Великой Отечественной войны [4, с. 6]. В разделе «Страницы подвига» содержится статья «Катюша», рассказывающая о враче из Москвы – Деминой Екатерине Илларионовне, проходившей службу во время Великой Отечественной войны в морской пехоте в должности медсестры [5, с. 8].

Публиковались статьи и о деятельности самого Общества Красного Креста в годы войны, описывались подвиги членов Общества, например, медсестры З.И. Маресевой, посмертно получившей звание Героя Советского Союза [6, с. 5]. Позднее появился целый раздел: «Фронтовики – активисты Красного Креста», где также размещались статьи о членах Общества Красного Креста и их подвигах в годы войны [7, с. 8].

Журнал опубликовывал примеры помощи ветеранам Великой Отечественной войны. Так, в 1983 году вышла статья под названием «Не остаются одинокими», где Н. Богдановская, председатель первичной организации Общества Красного Креста при жилищно-эксплуатационной конторе-24 Выборгского района г. Ленинград, рассказывает о ветеранах, оставшихся в одиночестве, имеющих ранения и увечья, которые нуждаются во внимании. В статье указано, что в микрорайоне сложилась традиция, которая заключается в том, что если соседи по дому или лестничной площадке узнают о том, что кто-то из ветеранов заболел, то они навещают его, покупают продукты и лекарства, вызывают врача, были отмечены и фамилии активистов Общества Красного Креста, а также благодарности от ветеранов [8, с. 15].

Были и наоборот, случаи помощи ветеранов для молодежи, которые находили свое отражение в журнале «Советский Красный Крест». В статье «Ветераны на уроках мужества» была описана встреча выпускников 1938 года в Сумском медицинском училище. Многие из выпускников той встречи были участниками

Великой Отечественной войны, удостоены боевых наград, все они остались верны своей медицинской профессии. Отдельное место в статье уделено Е. Соляник, находившейся на заслуженном отдыхе, но продолжающей трудиться в поликлинике № 3 г. Сумы, передавая свой опыт молодому поколению [9, с. 11].

В 1985 году в журнале появился раздел «К 40-летию великой победы», где также опубликовывались рассказы и воспоминания о подвигах солдат, врачей и медсестер. В данном разделе в течение года были опубликованы следующие статьи: «Светлых тебе горизонтов, героическая Керчь!», «Севастополь – город славы», «Солдаты бессмертия», «Бессмертие Сталинграда», «Не дрогнула героическая Тула», «Весна нашей победы», «Дорогами мужества и славы», «Крепость, ставшая легендой», «Все для фронта, все для победы», «Золотая звезда хирурга», «Анна, Мария, Клавдия».

Для поколения молодых читателей, подобные статьи в журнале становились важным источником, формировали уважение к старшему поколению, играли важную роль в сохранении исторической памяти и в патриотическом воспитании.

По окончании Великой Отечественной войны, многие граждане получили инвалидность. Забота о таких гражданах всегда была одной из важных задач Советского Красного Креста. Так, начальник планово-финансового управления Исполкома СОКК и КП СССР А.И. Воронов на президиуме V пленума Исполкома СОКК и КП СССР указал на то, что одной из наиболее важных задач общества является оказание медико-социальной помощи инвалидам войны и труда, одиноким людям, страдающим хроническими заболеваниями. Также он указал, что почти три с половиной тысячи патронажных медицинских сестер ухаживают за больными на дому и престарелыми [10, с. 9].

Журнал «Советский Красный Крест» также опубликовывал статьи по вышеуказанной тематике. Так, в разделе, периодически появлявшемся на страницах журнала, «Инвалидам войны – заботу и внимание», в одном из выпусков журнала была опубликована новость о деятельности госпиталя в д. Боровляны Беларуси [11, с. 14]. Публиковались и другие новости, касающиеся помощи активистов Красного Креста данной категории граждан.

К концу 1980-х годов в журнал был добавлен раздел «Пересилить беду», где публиковались истории жизни отдельных граждан, имеющих инвалидность, в т.ч. участников Великой Отечественной войны. Также публиковались проблемы, с которыми они сталкивались, например, нехватка инвалидных колясок. В этом же разделе были опубликованы письма в редакцию от подписчиков, а также различные варианты технических средств помощи.

Следует пояснить, что в письмах в редакцию от подписчиков, как правило, поступали письма от лиц, имеющих инвалидность, которым была необходима консультация в том или ином вопросе, либо общение. Например, одно из писем: «Я инвалид с детства. До 15 лет была неподвижна. Хочу иметь настоящих друзей, которые смогут дружить со мной не из жалости, а искренне» [12, с. 23].

В технических средствах помощи всем гражданам предлагалось придумать и предложить в редакцию какое-либо приспособление, которое может помочь лицам, имеющим инвалидность, облегчить выполнение действий, затруднительных для них. Например, приспособления для захвата мелких пирующих предметов, либо предметов со скользкой поверхностью [13, с. 23].

На протяжении всего исследуемого периода забота о ветеранах Великой Отечественной войны была важной задачей государства и Советского Красного

Креста. В 1990 году прошел VI пленум Центрального Комитета Общества Красного Креста РСФСР, где главным девизом был: «Старость не должна быть горем, она должна стать покоем». На повестке пленума был один из важных вопросов – обслуживание беспомощных людей. В качестве примера был приведен Ульяновск, где была создана программа «Забота», которая включала в себя: решение жилищного вопроса, снабжение нетрудоспособных продуктами, дровами, медицинское и торговое обслуживание [14, с. 5].

Таким образом, журнал «Советский Красный Крест» стал своего рода связующим звеном между поколением ветеранов Великой Отечественной войны и молодежью конца эпохи застоя и начала перестройки. На страницах журнала можно увидеть, как осуществлялась передача опыта, укрепление ценностей и сохранение исторической памяти. Молодое поколение, являющееся членами Общества Красного Креста, на примере активистов Общества военного времени смогли увидеть пример профессионального мастерства и перенять лучшие качества. Заметное место заняли статьи о поддержке лиц, имеющих инвалидность, что объединило разные поколения целью заботы друг о друге.

Источники и литература

1. Путин призвал сохранять историческую память // РИА Новости: ежедн. интернет-изд. 2023. 18 янв. URL: <https://ria.ru/20230118/pamyat-1845725875.html> (дата обращения: 26.09.2025).
2. Прошина Л. Им продолжать дело отцов // Советский Красный Крест. 1980. № 1 (444). С. 7.
3. К намеченной цели // Советский Красный Крест. 1980. № 1 (444). С. 2–4.
4. Подвиг милосердия // Советский Красный Крест. 1980. № 3 (446). С. 6.
5. Катюша // Советский Красный Крест. 1980. № 3 (446). С. 8.
6. К намеченной цели // Советский Красный Крест. 1980. № 5 (448). С. 5.
7. В дни войны // Советский Красный Крест. 1982. № 5 (472). С. 8.
8. Богдановская Н. Не остаются одинокими // Советский Красный Крест. 1983. № 1 (480). С. 15.
9. Винниченко Н. Ветераны на уроках мужества // Советский Красный Крест. 1984. № 1 (492). С. 11.
10. Прошина Л. День вчерашний, день завтрашний... // Советский Красный Крест. 1980. № 1 (444). С. 9.
11. Здравница в Боровлянах // Советский Красный Крест. 1980. № 8 (451). С. 14.
12. Зиганшина О. Зовущие строки // Советский Красный Крест. 1988. № 9 (548). С. 23.
13. Технические средства помощи // Советский Красный Крест. 1988. № 9 (548). С. 23.
14. Рыльская Л. Старость не должна быть горем, она должна стать покоем // Советский Красный Крест. 1990. № 2 (605). С. 5.

ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Мезит Людмила Эдгаровна

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия

mezit@yandex.ru

В статье показана роль пионерской организации в формировании новых ценностей у подрастающего поколения в раннесоветский период и сложности их принятия (непринятия) сельским социумом. Раскрывается противоречивость государственной политики в отношении детей в исследуемый период, причины ее эволюции. Идеологии государства в исследуемый период общественное воспитание рассматривали как оптимальный путь к формированию нового человека, поэтому массовым общественным организациям принадлежала ведущая роль в данном процессе.

Ключевые слова: пионеры, традиционные ценности, коммунистическое воспитание, общественное воспитание

PIONEER ORGANIZATION AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF NEW VALUES OF THE YOUNGER GENERATION

Mezit Lyudmila Edgarovna

V.P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia,
mezit@yandex.ru

The article shows the role of the pioneer organization in the formation of new values in the younger generation in the early Soviet period and the difficulties of their acceptance (non-acceptance) by rural society. The contradictory nature of state policy towards children in the period under study and the reasons for its evolution are revealed. The ideology of the state in the period under study considered public education as the optimal way to form a new person, therefore mass public organizations played a leading role in this process.

Keywords: pioneers, traditional values, communist education, public education

Для победивших большевиков, стремившихся построить новое общество в раннесоветский период детям отводилась особая роль. «Революция не революция, если она не проявит величайшего участия к детям – они и есть то будущее, во имя которой революция творится» [1, с. 1].

Поэтому первые пионерские отряды создавались сразу после окончания Гражданской войны при молодежных и профессиональных клубах, детдомах, что было продиктовано необходимостью обеспечить идеологическое влияние на членов новой организации. В школах раннесоветского периода сильным было влияние учителей старой формации.

Теоретические основы деятельности пионерской организации разрабатывались под руководством правящей партии, с участием педагогов, психологов и в советский период неоднократно подвергались изменениям, в соответствии с курсом правящей коммунистической партии.

Проблемы истории создания и развития пионерской организации в Красноярском крае хорошо изучены в исторической литературе [2; 3].

Цель исследования – проанализировать на региональном материале, как формировалось новое поколение, в соответствии с декларациями теоретиков детского коммунистического движения.

Исследование опирается на качественную теорию поколений К. Мангейма [4, с. 28]. Социолог полагал, что поколение формируется, когда люди испытывают воздействие «социальных и интеллектуальных симптомов процесса динамической дестабилизации». Несомненно, что массовое переживание переломных моментов истории формирует в людях одного поколения (например, поколения «дети революции») определенные мировоззренческие и поведенческие паттерны. То есть поколение – это не только демографическое понятие, описываемое преимущественно в количественных параметрах, оно также насыщено мощным социальным, политическим, интеллектуальным содержанием.

Первые пионерские отряды в Енисейской губернии стали возникать с 1923 г. в городах. Первоначально насчитывалось 14 отрядов с охватом 470 пионеров в возрасте 10–14 лет. В 1925 г. пионерская губернская организация насчитывала в своих рядах уже более 7 тысяч пионеров. В августе 1926 г. в пионерской организации региона действовало 503 пионерских отряда, в которых насчитывалось 18 тысяч пионеров [5, л. 52; 6, л. 6]. К середине 1930-х гг. большинство советских детей в возрасте 10-14 лет были членами пионерской организации, это были «дети революции».

Идея превосходства общественного воспитания над семейным в раннесоветский период была доминирующей и работах педагогов, организаторов народного образования. Н.К. Крупская, например, называла ослабление влияния той сословно-деспотической модели семьи, которая сложилась в дореволюционной России, условием «выварки всего молодого поколения в котле коммунистической общественности» [7, с. 3]. Многие радикальные идеологи и педагоги даже массовую детскую беспризорность принимали за исторически неизбежную форму распада семьи.

Психолог и педагог А.Д. Залкинд объяснял молодежи, что, согласно пролетарской морали, следует «почитать только того отца, который стоит на революционно-пролетарской точке зрения». Других же отцов, по его мнению, должны перевоспитывать сами дети. Более того, так как «интересы революционного класса важнее блага отца», после безуспешной борьбы с родителями дети вправе покинуть их. Впрочем, эта радикальная теоретическая установка, характерная для середины 1920-х, была отвергнута советской властью на рубеже 1920–1930-х гг.

Поэтому общественное служение, активное участие в жизни страны для пионеров было важнейшей целью деятельности организации. Даже лексика пионерских печатных изданий была военизированной, конфронтационной: «Борьба с неграмотностью», «Фронт хлебозаготовок» и т. п.

В традиционной иерархии русской деревни (Енисейская губерния была аграрным регионом) дети должны были полностью подчиняться воле старших в семье, доме. Поэтому закономерно, что трудно складывалось пионерское движение на селе. С 1924 г. в селах губернии стали появляться пионерские отряды в с. Большая Мурта, Сорокино. Уяр, Шало, Заледеево [5, л. 35об.]. Многие родители запрещали детям вступать в пионеры, носить красный галстук [5, л. 54].

Как свидетельствуют архивные документы, в Сухобузимском районе губернии крестьяне с интересом наблюдали за работой возникшего пионерского отряда.

Наблюдали, как они занимаются гимнастикой, играми и считали, что до страдной поры – это полезное времяпрепровождение, но в дальнейшем ребята должны были вернуться к семейным обязанностям [8, л. 23].

Советская печать охотно публиковала рассказы о том, как передовые дети успешно отвергают негативный опыт крестьян старших поколений. Пионерам поручалось «перевоспитать в коммунистическом духе и свою семью», читать книги неграмотным, добиваться, чтобы в семье читали газеты и т. п. [9, л. 32–33].

Тем не менее, деятельность, направленная против традиционных семейных ценностей, явно обострила конфликт поколений, все более превращавшийся в поколенческий разлом. Утверждалось разное понимание ценностей, жизненных ориентиров родителями и детьми. Молодежь (по крайней мере, наиболее активная ее часть) связывала ценность с «новой идеей, выступающей в качестве индивидуального или социального ориентира», крестьяне старших поколений – с «типом “достойного” поведения, с конкретным жизненным стилем».

Вовлечение молодежи в социалистическое созидание привело к тому, что дети пионеры стали равноправными субъектами в общественно-политических мероприятиях. Как вспоминала учительница О. Быстрова, работавшая в школе в сер. 1920-х гг. о делах пионерского отряда деревни Шуш Шарыповского района, в которой в 1922 г. была образована коммуна. Пионеры возникшие в 1923 г. оказывали большую помощь коммуне в сборе урожая, заготовке хлеба. Пионеры приходили на помощь. Когда надо было провести общий сбор крестьян на собрание. Каждый брал по 10 домов, обходил их и уведомлял о предстоящем собрании. Они рисовали лозунги «Почему ты не сдал хлеб государству?» и размещали на ворота недоимщиков. Ребята с воодушевлением работали в коммуне. Сельские жители неоднозначно воспринимали многие начинания пионеров.

Так, в Новоселовском районе в 1925 г. на митинге в честь годовщины Октября, пионеры пели песни, выполняли вольные упражнения, декламировали стихи и т. п. Для крестьянского схода это было непривычно, так как уделом ребят считалось «сидеть за печкой», а не участвовать во взрослых мероприятиях [5, л. 75].

Можно согласиться с Катрионой Келли, что создание героев – объектов поклонения советских ребят не только отражали линию партии, но и формировали образец поведения (деятельности) для подростков [10, с. 17]. Поэтому Алеша Манаенко пионер с. Березовка Курагинского района, 13-летний внук председателя местного товарищества по совместной обработке земли, образованного в 1928 г., был злодейски убит. Преступление, в соответствии со сложившейся официальной традицией, подавалось как злодеяние кулаков, препятствующих социалистическим преобразованиям в деревне. Имя Алеши было занесено в краевую Книгу Почета пионерской организации, стало образцом поведения настоящего пионера на длительный период времени [2, с. 46].

Стихотворение Э. Багрицкого «Смерть пионерки» (1932 г.) и другие произведения формировали у подрастающего поколения верность коммунистическим идеалам, романтизировали смерть за общее дело построения социализма, что углубляло внутрисемейный поколенческий раскол, так как незначительный социальный опыт ребят не всегда позволял им самостоятельно сформулировать свое отношение к происходящему.

Тем не менее задача воспитания ребенка в «новой» семье не отрицалась совсем лишь на том основании, что коммунистические идеологи считали современные государство и общество все еще неспособными полностью взять на себя

воспитательские обязанности. Воспитание ребенка расценивалось в пионерском движении как общественное поручение подготовки ребят к полноценному участию в социалистическом строительстве. У крестьян старших поколений попытки разрушения традиционной семьи вызвали явную неприязнь, прежде всего проявлявшуюся по отношению к комсомольцам, игравшим роль преобразователей вызывающе грубо и примитивно. Их разрушительная практика сеяла в умах крестьян сомнения в оправданности и пропагандируемых ими созидательных преобразований. Даже партийная публицистика вынуждена была признать одной из главных проблем деревни конфликт «отцов» и «детей».

Пионеры по возрасту – «дети революции», поэтому формировать их мировоззрение на идеологемах правящей партии было значительно эффективнее, чем проводить «перековку» старших.

Источники и литература

1. Троцкий Л.Д. В борьбе за новый быт // Правда. 1923. 16 мая.
2. Ануфриев А.М., Сухих М.Ф. Пионерский салют. Красноярск, 1982. 156 с.
3. Бибикова В.В.
4. Мангейм К. Избранное. Очерки социологии знания. М., 1998. 162 с.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф. П-8. Оп. 1. Д. 72. Л. 52.
6. ГАКК. Ф.П-10. Оп. 1. Д. 169.
7. Крупская Н.К. О пионердвижении на данном этапе // За коммунистическое просвещение. 1930. № 158. С. 3–9.
8. ГАКК. Ф. П-995. Оп. 1. Д. 40. Л. 23.
9. ГАКК. Ф. П-996. Оп. 1. Д. 105. Л. 32–33.
10. Келли К. Товарищ Павлик. Взлет и падение мальчика-героя. М.: НЛО, 2009. 311 с.

**СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ
В ИСТОРИИ ДОБРОВОЛЬНОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1879–1923 гг.)**

Перельгин Андрей Юрьевич, преподаватель
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
ЗАТО Железногорск, Россия
anduopt@yandex.ru

В статье на примере истории становления и развития добровольной пожарной охраны Енисейской губернии исследуется феномен смены поколений как движущей силы институциональных изменений. Анализируются ключевые этапы, на которых конфликт «отцов и детей», выраженный в столкновении традиционных управленческих моделей с новыми общественными инициативами, определял вектор эволюции пожарного дела. Доказывается, что смена поколенческих парадигм выступала не дестабилизирующим, а конструктивным фактором, способствовавшим адаптации социального института к вызовам модернизации и политическим трансформациям.

Ключевые слова: смена поколений, конфликт, добровольная пожарная охрана, Енисейская губерния, Красноярское вольно-пожарное общество

**GENERATIONAL CHANGE AND INSTITUTIONAL CONFLICT
IN THE HISTORY OF THE VOLUNTARY FIRE GUARD
OF THE YENISEI PROVINCE (1879–1923)**

Perelygin Andrej Jurevich
Siberian Fire and Rescue Academy of EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk, Russian Federation
anduopt@yandex.ru

This article examines the phenomenon of generational change as a driving force behind institutional transformations, using the history of the establishment and development of the voluntary fire guard in the Yenisei Province as a case study. It analyzes key stages at which the conflict of "fathers and children," manifested in the clash between traditional management models and new public initiatives, determined the vector of the firefighting service's evolution. It is argued that the shift in generational paradigms acted not as a destabilizing, but as a constructive factor that facilitated the adaptation of the social institution to the challenges of modernization and political transformations.

Keywords: generational change, conflict, voluntary fire guard, Yenisei Province, Krasnoyarsk Voluntary Fire Society

Историография, посвященная становлению и развитию пожарного дела в России, традиционно развивалась в двух основных направлениях: во-первых, это труды, акцентирующие внимание на государственной политике и административном управлении в сфере пожарной безопасности, и, во-вторых, работы, исследующие роль общественных инициатив и местного самоуправления. Значительный вклад в изучение последних внесли такие авторы, как С.Ф. Викулов, В.Н. Виноградов,

В.Н. Лукин и Т.В. Мусиенко, в коллективной монографии которых системно представлена эволюция добровольной пожарной охраны в общероссийском контексте [1]. Однако феномен межпоколенческого конфликта как движущей силы институциональных трансформаций в рамках региональной истории пожарного дела до сих пор не становился предметом специального рассмотрения. Представленное исследование развивает идеи, затронутые в работах указанных авторов, но фокусируется на уникальном сибирском материале, предлагая новый ракурс – анализ смены поколенческих парадигм в истории добровольной пожарной охраны Енисейской губернии.

Проблема смены и конфликта поколений, традиционно рассматриваемая в социально-психологическом и культурологическом ключе, обладает значительным эвристическим потенциалом и в исторических исследованиях, особенно при анализе процессов институционального строительства. История добровольной пожарной охраны Енисейской губернии в период с 1879 по 1923 год представляет собой репрезентативную модель, где изменение поколений стало не фоном, а активным фактором, определявшим формы, темпы и результаты развития критически важного для региона социального института. Это был период, когда «старая» модель, основанная на государственной монополии и сословной патриархальности, вступила в противоречие с «новой» парадигмой, базировавшейся на общественной самоорганизации, прагматизме и техническом прогрессе.

Зарождение первого в Енисейской губернии Красноярского вольного пожарного общества (КВПО) в 1879 году изначально было актом конфронтации поколений. Инициатива исходила от прогрессивно настроенных представителей местной элиты – городского головы П.Я. Прейна и гласного Думы А. Яковлева [2, л. 34], которые, по сути, бросили вызов инерционной системе государственного управления. «Отцами» в этом конфликте выступала сложившаяся бюрократическая среда и консервативная часть обывателей, удовлетворенная существующим, хотя и крайне неэффективным, положением дел.

Профессиональная пожарная команда Красноярска, созданная в середине XIX века, к 1870-м годам демонстрировала полную несостоятельность. Ее быт и служба были архаичными: пожарные содержались в казармах практически безвылазно, использовались на непрофильных работах, а их техническое оснащение оставляло желать лучшего [3, л. 19]. Эта система, олицетворявшая «старую гвардию», была неспособна адекватно реагировать на вызовы времени – рост населения, уплотненную деревянную застройку и участвовавшие катастрофические пожары.

Молодое поколение управленцев и купечества, вдохновленное либеральными реформами Александра II и успехами добровольческого движения в Европейской России, инициировало создание принципиально иного института. Устав КВПО 1879 года [4] был принципиально новым документом: он вводил четкую организационную структуру, дифференциацию членства (действительные, почетные, члены рабочей силы, соребнователи) и, что важнее всего, закладывал основы публичности и подотчетности через ежегодные отчеты и собрания. Это был конфликт между закрытой управленческой системой («отцы») и открытой, самоуправляемой организацией («дети»).

Однако первый опыт закончился институциональным поражением «молодых». Катастрофический пожар 1881 года в Красноярске, который КВПО не смогло локализовать, обнажил не столько слабость новой модели, сколько недостаток ресурсов и мощь укорененных проблем (отсутствие водопровода, скученность

построек). Общество, не успев окрепнуть, прекратило существование в 1883 году [5, л. 8]. Это была тактическая победа «старой» системы, доказавшая, что одного энтузиазма недостаточно. Однако сам конфликт инициировал процесс осмысления необходимости реформ, заложив идейный фундамент для будущего возрождения.

Второй акт «драмы поколений» развернулся в 1890-е годы. На смену первопроходцам пришло новое поколение добровольцев, извлекшее уроки из неудачи предшественников. Их деятельность характеризовалась не романтическим порывом, а прагматизмом, стратегическим планированием и стремлением к системной интеграции.

Уставы возрожденного Красноярского добровольного пожарного общества (КДПО, 1895 г.) и Енисейского добровольного пожарного общества (ЕДПО, 1891 г.) [6] демонстрируют качественный скачок в сознании. В них впервые на уровне губернии закрепляются этические нормы и корпоративная ответственность. Вводится дисциплинарная практика, вплоть до исключения за проступки, «порочащие честь общества». Это была внутренняя поколенческая трансформация: движение от стихийного объединения к строгому социальному институту со своими правилами и санкциями.

Ключевым проявлением смены поколенческой стратегии стала многогранная деятельность КДПО, вышедшая далеко за рамки тушения пожаров. Новые лидеры, такие как купец П.К. Гудков, понимали, что устойчивость института зависит от его экономической и политической интеграции. Они активно лоббировали строительство хозяйственно-противопожарного водопровода, организацию склада кровельного железа, создание Общества взаимного страхования [7, 8]. Фактически, «дети» 1890-х – 1900-х годов вели конструктивный конфликт с городскими властями («отцами»), заставляя их принимать решения в интересах общественной безопасности.

В этом противостоянии КДПО выступало не разрушителем, а двигателем прогресса. Общество инициировало введение противопожарных норм, устройство электрической сигнализации, телефонного оповещения, создание санитарного отряда [11]. Оно системно работало над распространением добровольчества в сельской местности, понимая, что будущее института – в его универсальности. Агент-монтер Г.Н. Кошельников, объезжавший уезды с инспекциями и ремонтом техники, олицетворял новый тип пожарного – технически грамотного, системного организатора, пришедшего на смену архаичному «служивому».

Конфликт с «отцами»-чиновниками был перманентным, особенно вокруг вопроса о передаче городских полицейских команд в общественное управление. Хотя полностью этой цели достичь не удалось, сама дискуссия и активность КДПО привели к формированию эффективной модели государственно-общественного партнерства, уникальной для сибирского региона.

Революция 1917 года и Гражданская война стали апогеем конфликта поколений, принявшего форму тотального отрицания и насильственного разрыва преемственности. Молодое поколение «красных» пожарных-активистов, вдохновленное революционной риторикой, выступило против всего институционального наследия «старого режима», олицетворявшегося как царскими чиновниками, так и прежним руководством пожарных обществ.

Это был уже не конструктивный конфликт за улучшение системы, а ее революционное уничтожение. Опытные брандмейстеры и брандмейстеры, носители знаний и традиций («отцы»), были массово отстранены от должностей по политическим мотивам [13]. Их место заняли «малоподготовленные энтузиасты», для которых прежний уклад был символом отжившего строя.

Верхушкой этого конфликта стало решение 1919 года о ликвидации Всероссийского пожарного общества (преемника ИРПО) [14]. Имущество обществ было конфисковано, а их деятельность запрещена. Это был акт символического и реального паррицида в институциональной сфере: новая власть, олицетворявшая «молодое» и «радикальное» поколение, целенаправленно уничтожала созданную «отцами» структуру, объявив ее буржуазной и контрреволюционной.

Результатом стала глубочайшая институциональная деградация. Прервалась связь поколений, была утрачена преемственность знаний, разрушена материально-техническая база. Пожарное дело, по свидетельствам источников, пришло в упадок: заводы перепрофилированы, техника изношена, кадры разрознены. Конфликт, достигший своей крайней, разрушительной фазы, привел не к обновлению, а к системному коллапсу, последствия которого предстояло преодолевать уже следующему, послевоенному поколению.

История добровольной пожарной охраны Енисейской губернии наглядно демонстрирует, что смена и конфликт поколений являются неотъемлемым и мощным фактором исторического и общественного развития. На разных этапах этот конфликт принимал различные формы:

На этапе зарождения (1879–1883) это был конфликт «инициативы и косности», когда молодая общественная модель столкнулась с инерцией государственной системы.

На этапе расцвета (1891–1917) конфликт трансформировался в «конструктивное противостояние», где новое поколение системных организаторов через лоббирование и партнерство заставляло менять устаревшие подходы «отцов»-управленцев.

В период революционных потрясений (1917–1923) конфликт принял форму «катастрофического разрыва», когда радикальное молодое поколение, отрицая весь предшествующий опыт, разрушило институт до основания.

Таким образом, смена поколений выступала в роли и «созидательной разрухи», вынуждавшей институт адаптироваться и развиваться, и «тотальной разрухи», способной в моменты социальных катаклизмов уничтожить накопленный культурный и организационный капитал. Опыт Енисейской губернии свидетельствует, что устойчивость любого общественного института зависит от его способности канализировать энергию межпоколенческого конфликта в конструктивное русло, обеспечивая преемственность при необходимой адаптации к вызовам времени.

Источники и литература

1. Добровольная пожарная охрана: история и современность / С.Ф. Викулов, В.Н. Виноградов, В.Н. Лукин [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т ГПС МЧС России, 2022. 295 с.
2. Протоколы заседаний Красноярской городской думы. 1875 г. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 124.
3. Воспоминания Н.И. Пожарского // Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). Ф. 4. Оп. 2. Д. 12.
4. Устав Вольно-пожарного общества в г. Красноярске Енисейской губернии. 1879 г. // КККМ.
5. Записка П.Я. Прейна в Красноярскую городскую думу от 3 июня 1881 г. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 145.

6. Устав Красноярского Добровольного Пожарного Общества. Красноярск. Типография А.Д. Жилина. 1895.
7. Отчет о деятельности КДПО за 1902 год // ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3.
8. Отчет о деятельности КДПО за 1903 год // ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4.
9. Доклад П.С. Троицкого в Красноярскую городскую думу. 1907 г. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 211.
10. Отчет о деятельности КДПО за 1909 год // ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 10.
11. Отчет о деятельности КДПО за 1910 год // ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 11.
12. Постановление Городской противопожарной комиссии г. Красноярска. 1915 г. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 245.
13. Добровольная пожарная охрана: история и современность / С.Ф. Викулов, В.Н. Виноградов, В.Н. Лукин [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т ГПС МЧС России, 2022. 295 с.
14. Декрет СНК РСФСР «Об организации государственных мер борьбы с огнем» от 17 апреля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 38. Ст. 499.
15. Перелыгин А.Ю. О роли П.К. Гудкова в развитии добровольной пожарной охраны в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // Гришаевские чтения: мат-лы VII Междунар. науч. конф., посвящ. памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева, Красноярск, 7–8 ноября 2024 г. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2025. С. 137–141.
16. Перелыгин А.Ю. Источники и методы исследования истории развития добровольной пожарной охраны Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // Университетский научный журнал. 2025. № 85. С. 209–217.

X: ПОСЛЕДНЕЕ СОВЕТСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ 1990-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ИЗДАНИЙ)

Рябов Юрий Владимирович, кандидат исторических наук

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

i@yvyabov.ru

Статья посвящена исследованию феномена «Поколения X» в российском контексте 1990-х годов. Автор анализирует особенности последнего советского поколения через призму материалов глянцевого издания того периода. В работе рассматриваются различные подходы к определению границ «Поколения X», его характерные черты и самоидентификация. Особое внимание уделяется анализу публикаций журналов «Птуч», «ОМ» и «Матадор» как исторического источника. Исследование показывает многогранность феномена «Поколения X», в том числе некоторые особенности формирования культурных кодов. Автор приходит к выводу о значимости данного поколения как связующего звена между советским прошлым и постсоветским настоящим и важности привлечения глянцевого издания как уникального и ценного исторического источника.

Ключевые слова: история России, XX век, 1990-е годы, история повседневности, поколение X, молодежная культура

X: THE LAST SOVIET GENERATION IN THE MIRROR OF THE 1990s (BASED ON MATERIALS FROM GLOSSY MAGAZINES)

Ryabov Yuriy Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

i@yvyabov.ru

The article is devoted to the study of the “Generation X” phenomenon in the Russian context of the 1990s. The author analyses the characteristics of the last Soviet generation through the lens of materials from glossy magazines of that period. The work examines various approaches to defining the boundaries of “Generation X”, its distinctive features and self-identification. Special attention is given to the analysis of publications in the magazines “Ptuch”, “OM” and “Matador” as a historical source. The study reveals the multifaceted nature of the «Generation X» phenomenon, including certain aspects of the formation of cultural codes. The author concludes that this generation is significant as a connecting link between the Soviet past and the post-Soviet present, and emphasises the importance of using glossy magazines as a unique and valuable historical source.

Keywords: the history of Russia, the twentieth century, the 1990s, alltagsgeschichte, Generation X, youth culture

В связи с популярностью темы 1990-х гг. не только в различных исследованиях, но и в массовой культуре, а также дискуссиями о «Поколении Z», представляется интересным взглянуть на «Поколение X» – последнее советское поколение, во многом сформировавшее облик самих 1990-х годов, в том числе и в его социокультурном аспекте. Изначально выражение «Generation X» было использовано

в 1950-е гг. венгерским фотографом Робертом Капой в собственном фотоэссе о молодежи, выросшей после Второй мировой войны (впоследствии это поколение назовут «Тихим» или «Молчаливым»). В 1964 г. британскими социологами Джейн Деверсон и Чарльзом Хэмблеттом была опубликована книга «Generation X» о тогдашней молодежи и их культуре, став первым значимым социально-демографическим исследованием, использовавшим данный термин. Однако, широкую популярность выражение «Поколение X» получило после выхода в 1991 г. романа канадского писателя Дугласа Коупленда «Generation X: Tales For An Accelerated Culture», где автор закрепил его за людьми, родившимися примерно в 1960-е – 1980-е гг.

В 1990-е гг. в связи с популярностью романа как на Западе, так и в России, выражение «поколение X» начинает использоваться в качестве самоназвания теми, кто вписывался в вышеуказанные временные рамки, разделял описанные Коуплендом приметы поколения и чувствовал свою сопричастность к нему, в том числе применительно к российскому обществу. Однако вопрос о российском «Поколении X» являет собой весьма обширное проблемное поле – исследователи предлагают разные критерии, определяющие данное поколение, которое, в свою очередь, не всегда совпадает с формулировкой «последнее советское поколение». Такая разница мнений обусловлена многообразием подходов и методик в исследовании поколений, в том числе в рамках разных научных направлений, а также спецификой западного «Поколения X», не всегда совпадающего с российским. Так, в исследовании А. Юрчака «последним советским поколением» названо поколение «семидесятников», чье начало активной трудовой деятельности пришлось на годы брежневского «застоя» – то есть люди начала-середины 1950-х гг. рождения. Такую точку зрения разделяют Д. Травин, В. Гельман и Д. Рали – в их исследованиях к «последнему советскому» поколению отнесены те, кто смог полностью воспользоваться преимуществами карьерного роста периода «застоя», испытав в то же время и негативные стороны жизни государства и общества в данный период [1, с. 292]. Существует и другой набор критериев – по-настоящему последним советским поколением следует называть тех, кто успел пройти, как минимум, через советские институты (детский сад, школа, университет) или даже приступить к профессиональной самореализации в еще советских реалиях.

Однако и здесь провести нижнюю и верхнюю возрастные границы крайне непросто. Социолог М. Анипкин считает, что последнее советское поколение – это родившиеся в начале 1970-х гг., приблизительно в 1971–1973 гг. Доктор социологических наук Е. Омельченко придерживается, по ее же словам, часто критикуемой хронологии, где нижняя граница рождения последнего советского поколения сдвинута до 1960-х годов, а верхняя – до конца 1980-х [2, с. 11]. В исследовании Т. Дробышевой приводятся более четкие рамки: 1969 – 1984 гг. [3, с. 3]. Встречаются и иные варианты нижней границы – 1961 [4, с. 135], 1964 [5, с. 64], [6, р. 493], 1965 [7, с. 119], 1977 [8, с. 25], 1980 [9, с. 37]. При этом следует учитывать предложенный Карлом Маннгеймом подход, согласно которому поколение можно рассматривать как социологический феномен в виде группы людей с присущими ей значимыми социологическими характеристиками – таким образом, общие ценности и ощущение совместной социально-исторической судьбы одного поколения оказываются важнее физического возраста [1, с. 290]. Упомянутые исследования социологов М. Анипкина и Е. Омельченко следует отметить особенно в силу их актуальности, обобщения итогов значительного количества отечественных и

зарубежных исследований, дополненных собственными значимыми результатами. Какие же характеристики «Поколения X» выделяют данные исследователи? М. Анипкин характеризует его как «потерянное поколение», чья «потерянность» выражается в следующих аспектах: «демографический провал», российско-советская идентичность, ощущение отсутствия перспектив социального роста (поколенческий ресентимент) и политическая отчужденность [1, с. 297]. Схожие характеристики отмечает и Е. Омельченко, говоря о «Поколении X» как самом малочисленном, чей активный возраст пришелся на период глобального переустройства общества, повлекшего за собой кризис институтов среднего и высшего профессионального образования, рост молодежной безработицы и т.д. Также, со ссылкой на Х. Пилкингтон, в качестве определяющего опыта последнего советского поколения, отмечается наркотизация молодежи, что соотносится с профилем поколения X в западном контексте. При этом указывается, что на обыденном уровне употребление наркотиков у молодежи было обычной практикой, но молодежь не принимала пассивно дискурс «наркотизированности», а активно перерабатывала его в зависимости от пола, региона, возраста и групповых норм, присущих сверстникам [2, с. 17].

В рамках данного исследования постараемся взглянуть на некоторые из названных черт «Поколения X» через дискурс российских глянцевого журналов 1990-х гг. – именно здесь можно зафиксировать первые попытки уловить дух времени, определить свое отношение к прошлым поколениям, осознать и описать самих себя. Выбор такого специфического источника отнюдь не случаен – именно глянцевые журналы 1990-х гг. во многом создавали систему смыслов, формирующую восприятие реальности: потребления, красоты, гендера и социального успеха в переходный период постсоветской эпохи. Из всего многообразия отечественной печатной продукции 1990-х гг. автором были выбраны журналы «Птюч», «ОМ» и «Матадор». Данные издания не являлись адаптациями западных журналов (несмотря на обилие переводных материалов в первых двух), и, что самое главное, во многом делались самими «иксерами» для «иксеров», ставя задачу не просто освещать тренды, но и создавать точки интереса, саму новую реальность и культуру [10]. О «Поколении X» на страницах упомянутых журналов зашла речь практически с самых первых выпусков – в 1995 г., когда в каждом из них вышли соответствующие материалы о новом поколении и одноименном романе Дугласа Коупленда. Перевод выдержек из романа, опубликованных в одном из номеров «Птюча», предваряется рассуждениями о молодежи 1990-х, заявивших о себе «не поступками и не философскими теориями и лозунгами, а ненавязчивой манерой поведения и особым, неповторимым стилем».

Отмечалось, что лидеры нового поколения – «актеры, музыканты и модели, которым чуть за 20, без проблем умеют принять красивую, немного болезненно искривленную позу, и рядом с их кроватью не радиотелефон, а пепельница полная окурков». Иными словами, «Поколение X» интересует не финансовый успех, а нечто более возвышенное, что подтверждается следующим пассажем: «Стерильный Том Круз – символ 80-х с культом prosperity – на фоне роскошного особняка уже давно вызывает легкую отрыжку». Новыми идолами поколения провозглашались Курт Кобейн, Ривер Феникс и Джонни Депп. Также представителям «поколения X» приписывалось желание «укрыться, чтобы спрятать от чужих взглядов свой мир, свои иллюзии, галлюцинации <...> поколение новых молодых выработало собственные правила поведения, которые поражают постороннего человека своей неадекватностью, непрактичностью и стиранием грани между привычными понятиями добра и зла» [11, с. 20]. Журнал «Матадор» в 1995 г. описывал «иксеров»

так: «Обаяние молодости. Никогда не любили «Битлз», вместо самодельной монополии с детства играли в компьютерные игры, впервые побывали за границей раньше, чем получили паспорт, в школе изучали перестройку, любовью начали заниматься в четырнадцать лет без особых переживаний, но под угрозой СПИДа» [12]. Один из редакторов журнала «ОМ» Андрей Бухарин в №2 за 1995 г., говоря о новом поколении, отмечал, что «все смешалось сегодня у нас», имея ввиду, что кто-то все еще пытается быть панком, но чаще встречаются амбициозные и энергичные яппи. При этом «среди молодых есть и другие <...> они умны, иногда образованны и всегда стильны <...> не в их правилах грызть землю зубами, чтобы вырвать себе место под солнцем <...> их интересует сама жизнь, и они загадка для окружающих <...> они и есть те, кому на Западе был приклеен броский ярлык «поколение Икс» [13].

Помимо западных идолов, олицетворявших «Поколение X», российский глянец рассказывал о достойных внимания отечественных «иксерах». Журнал «Матадор» несколько лет подряд вел рубрику «Действующие лица», где рассказывал о новых талантах в сфере моды, литературы, музыки и кино (среди героев – актер и режиссер Сергей Бодров-младший, электронный продюсер DJ Грув (Евгений Рудин), основатель, идеолог и продюсер клуба «Титаник» Олег Цодиков и т. д.). В свою очередь, журнал «ОМ» в рамках рубрики «Готовясь к XXI веку», пытался нарисовать коллективный портрет нового поколения, задавая героям из числа молодежи (от обычных студентов до преуспевающих диджеев и бизнесменов) два вопроса: «Чего вы хотите достичь в XXI веке? Что вы делаете завтра (конкретно завтра?)» [14-16]. Опубликованный в журнале «ОМ» за 1995 г. материал-размышление журналиста Анзора Канкулова также отмечал следующие черты «Поколения X»: пассивность, уклонение от социальной ответственности и предписанных ролей, стремление оградить свой мир от посторонних. Объединяющим для нового поколения фактором было названо желание «возродить дух никогда не виденных шестидесятых, когда, как казалось, все было проще и лучше», в том числе через принадлежность к рейв-культуре [17, с. 55]. Следует отметить, что в уже упомянутом выпуске «Птюча» со ссылкой на журнал «Фасе» говорилось: «Новое поколение не имеет собственной программы. У них нет ничего нового. От 50-х оно переняло увлечение черно-белым изображением, от 60-х – поп-артовскую палитру, от 70-х – небрежно зачесанные волосы и блеск диско. От всех вместе – коллективную жизнь в клубе взамен одинокого времяпрепровождения на вилле в 80-е» [11, с. 20].

И в самом деле, на протяжении всей второй половины 1990-х гг. отмечается ретроспективный интерес ко всем перечисленным десятилетиям, вспыхивающий по самым разным поводам. Говоря о 1980-х гг., отмечалось, что они практически никуда и не успели уйти [18], что это «время детства и юности почти всей редакции» [19], а применительно к моде прямо заявлялось, что в России нет «90-х, а есть 80-е» [20]. «Птюч» ностальгировал по 1970-м в 1998 г. [21], а в 1999 г. объявил 1970-е «десятилетием года» [22]. По таким поводам редакцией журналов составлялись подборки материалов, посвященных кино, музыке, литературе и моде той или иной эпохи. Тема же 1960-х вообще шла красной нитью через все 1990-е, а один из выпусков программы «До 16 и старше» за конец 1999 г., фиксировал, что «для нашей страны 90-е были переломной эпохой, почти революцией – и мода на 60-е переживалась как реальные 60-е» [23]. Таким образом, «Поколение X» не спешило порывать с прошлым, более того, для российских «иксеров» рефлексия советского занимала важное место в молодежной культуре 1990-х гг., находя выход в самых

разных ее проявлениях. В музыке это была мода на easy listening, советская «космическая» тематика первых российских рейв-вечеринок «Gagarin Party», сэмплирование советских фильмов и исторических персонажей, ремиксы и каверы песен мэтров советской эстрады типа Иосифа Кобзона и Юрия Антонова. Помимо коммерческих целей, здесь присутствовала искренняя ностальгия – для молодежи 1990-х гг. музыка 1970-х гг. была музыкой их детства, о чем неоднократно говорили и сами исполнители в различных интервью [24]. Это хорошо согласуется с выявленной М.А. Анипкиным двойственной советско-российской идентичностью, где «советское» относится у «последнего советского поколения» главным образом к полю межличностного взаимодействия, к частной жизни [1, с. 298].

Рассмотрим также аспект наркотизации «Поколения X», во многом поддерживаемый в 1990-е гг. модой на рейв-культуру и волной общеевропейского наркобума. В рамках освещения наркотических веществ и наркозависимости глянцевого журналы, в том числе «Птюч», «ОМ» и «Матадор» публиковали материалы, подробно рассказывающие о видах наркотических и психотропных веществ, специфике их воздействия на человека, культуре потребления тех или иных наркотических веществ в разных странах; о наркотиках в искусстве; многочисленные интервью – как с людьми, разово принимавшими какое-либо наркотическое вещество до наркозависимых или выступающих за либерализацию государственной политики в отношении наркотиков [16]. Специфика связи наркотиков с рейв-культурой практически исчерпывающе освещена в выпуске «Матадор» № 3 за 1995 г. – журналист Валерий Панюшкин в статье «Цвет жизни» являет изнанку ночной жизни самых актуальных московских и петербургских клубов, включая «Птюч-клуб» и «Титаник».

Материал сопровождается кратким словарем, в который включен ряд ключевых понятий: «Чилаут – комната отдыха или место для общения. Также место, где отлеживаются наркоманы»; «Бумага – кусочек промокашки с незатейливым рисунком, пропитанный диэтиламином лизергиновой кислоты и предназначенный для употребления вовнутрь»; «Рейв – большой праздник, как правило, под музыку хаус и употреблением большого количества наркотиков» и т.д. [12, с. 41] Сравнивая наркотические предпочтения разных поколений отечественной молодежи, журналист отмечает: «...битники, хиппи и панки пили водку, ели циклодол и кололись самопальным маком. А теперь другие, новые наркотики – каждый третий путешественник везет через границу в бумажнике промокашки, пропитанные ЛСД. И таможенные псы их не чувствуют». Само «Поколение X» при этом названо «поколением рэйва и промокашек». Сама ситуация с оборотом наркотиков в молодежной среде также описывалась как удручающая: «Пик популярности кислоты в клубах прошел год назад, теперь в моде кокаин, настоящий (говорят) колумбийский героин, американский крэк. Найти драгдилера в клубе или возле клуба проще простого. Цена грамма кокаина 150-200 долларов, белого героина – 200-250» [12, с. 44]. В этом же материале находится ключ к пониманию логики редакций молодежных журналов, изобилующих материалами о наркотических веществах. Главный редактор журнала «Птюч» (где была целая рубрика «Drugs») Игорь Шулинский в разговоре с Валерием Панюшкиным утверждал, что западная молодежь вообще не считает экстази наркотиком, а также рассуждал: «В нашем журнале <...> никогда не будет никакой моральной оценки наркотиков. Откройте любой журнал, западный: все говорят о наркотиках. Это модная тема, и мое дело не высказывать отношение к этому, а делать качественный репортаж. Никакого заигрывания не происходит, просто мы

единственный журнал, который говорит так, как говорит наш читатель. <...> Наш журнал, и надеюсь, что и ваш журнал, как любой западный журнал, если вы хорошо читаете по-английски, не позволит себе ни слова назидательности <...> Вообще, не хотелось бы никого ни на что «подсадить», будь то хорошее или плохое».

Молчаливо соглашаясь с Игорем Шулинским, журналист на страницах «Матадора» все же возражает ему: «...личный опыт показывает, что западная молодежь, в основном по финансовым соображениям, предпочитает гашиш и алкоголь, прогрессивные наркологи говорят, что наркотики амфетаминовой группы (конечно же экстази – наркотик) разрушают целые участки мозга <...> от алкоголя бывает белая горячка и дети-уроды, от марихуаны замедляется процесс образования морщин, но гниет печень, на героин можно подсесть с первой же дозы, а от экстази электрическая активность мозга постепенно сводится к хроническому гаймориту» [12, с. 46]. Так или иначе, редакторы журналов «ОМ» и «Птюч» подавали такую открытость как разновидность борьбы с наркотиками и наркозависимостью, рассчитывая на сознательность и ответственность своей целевой аудитории. Следует отметить, что на страницах указанных журналов действительно размещались агитационные материалы о вреде наркотиков, контакты реабилитационных центров, а также изобилующие натуралистичностью интервью с бывшими наркозависимыми. При этом нередко журналы обращали внимание на кажущиеся им несовершенства законодательства Российской Федерации в сфере незаконного оборота наркотиков, остро реагируя на некоторые изменения и нововведения [10].

В попытках осмыслить «Поколение X», журналы обращались и к общим страхам – так, в Птюч №6 за 1999 г. к числу таковых были отнесены: коммунисты, маньяки, гопники, милиция, а также страх смерти, одиночества, старости, СПИДа и «передоза». При этом страх перед коммунистами иллюстрируется воображаемой ситуацией, в которой «нас всех пошлют на картошку, нельзя будет поехать за границу и получать оттуда информацию, всех загонят в комсомол, клубы закроют, радио будет работать до полуночи, а ди-джеи будут бороться за орден героев труда». Нетрудно заметить, что даже в конце 1990-х гг. у определенной части общества потенциальная реставрация коммунизма вызывала определенные опасения.

Тем более сильными таковые были в середине десятилетия – так, в журнале «Матадор» за 1995 г. был опубликован материал «Последний император» о М.С. Горбачеве и распаде СССР. Достоин цитирования вывод статьи: «В итоге же всего запутанного *qui pro quo* свершилось чудо, явственно демонстрируя, что, избрав генсека ЦК КПСС в качестве бессознательного орудия для Своей воли, Господь не оставил Россию: неадекватностью Михаила Сергеевича русская телега, хотя и захав черт знает куда, исхитрилась все же выскочить из наезженной колеи (кто сядет в автомобиле в глубокую колею, пусть оценит), ведущей в очень плохом направлении. <...> Сам президент СССР вряд ли осознает, что божественным произволением он совершил чудо – может быть, так и надо, ибо сознательное чудо неотделимо от мученичества, а уж странно желать такого исхода для простеца Михаила Сергеевича» [25, с. 70].

Таким образом, можно уверенно говорить о сложности и многогранности портрета «Поколения X», к тому же за рамками остались многие другие важные факторы, влиявшие в 1990-е гг. на формирование его идентичности: например, проблема отношения полов, развитие интернета, ожидание нового тысячелетия и т.д.

В целом, «Поколение X» представляет собой сложный и многогранный феномен, изучение которого требует комплексного междисциплинарного подхода.

Использование глянцевого издания 1990-х гг. как уникального исторического источника, позволяет проследить процесс самоидентификации поколения и формирование его культурных кодов.

«Поколения X» представляет особую важность как связующее звено между советским прошлым и постсоветским настоящим, что делает его анализ актуальным для понимания современной российской истории и социокультурных процессов.

Источники и литература

1. Анипкин М.А. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 1(117). С. 290–308.
2. Омельченко Е.Л. Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16, № 2. С. 10–28.
3. Дробышева Т.В. Образ своего поколения в представлениях разных групп россиян (на примере поколений «Беби-бумеров», «X» и «Миллениум») / Т.В. Дробышева, М.Ю. Войтенко, М.М. Дробышева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 220–230.
4. Новикова В.С. Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 128–143.
5. Мичкова Н.С. Экзистенциальные картины мира представителей поколения «X» и поколения «Миллениум»: особенности переживания бессмысленности / Н.С. Мичкова, С.А. Ошемкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 2. С. 60–78.
6. Rikel A.M. Perception of Social Maturity Criteria, Self-perception and Value Orientations among Russian Millennials // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Vol. 17, No. 3. P. 491–503.
7. Панькова Н.М. Аксиологические противоречия представителей поколений X и Z // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума: в 2 т., Симферополь, 5–7 ноября 2020 г. Т. 2. Симферополь: Ариал, 2021. С. 118–122.
8. Рогочая Г.П. Политические ценностные ориентации поколений X и Z в контексте теории поколений // Социально-политические исследования. 2024. № 1(22). С. 21–37.
9. Ядова М.А. Российское поколение икс: «модернисты» и «традиционалисты» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 37–46.
10. Рябов Ю.В. Девяностые глазами девяностых (взгляд на эпоху через призму глянца 1990-х гг.) // Наука: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 9–11 апреля 2025 г. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2025. С. 284–290.
11. Generation X // Птюч. 1995. № 2. С. 20–21.
12. Панюшкин В. Цвет жизни // Матадор. 1995. № 3. С. 40–56.
13. Бухарин А. Письмо редактора // ОМ. 1995. № 2. С. 7.
14. ОМ. 1996. № 10–11.
15. ОМ. 1997. № 4.
16. ОМ. 1998. № 7-8.
17. Канкулов А. «Поколение X» // ОМ. 1995. № 2. С. 55.
18. Канкулов А. Плюс-минус восьмидесятые или никогда не говори никогда // ОМ. 1996. №6. С. 48, 132.
19. Вишневский С. Письмо редактора // ОМ. 1998. № 7-8. С. 6.
20. Империя моды. Спецпроект // Матадор. 1998. № 4-5. С. 76–80.
21. Птюч. 1998. № 4.
22. Птюч. 1999. № 3.

23. «До 16 и старше». Первый канал, 1999 г. URL: https://youtu.be/_rPBMGPSKmY (дата обращения: 20.12.2025).
24. Рябов Ю.В. Рефлексия советского в российской молодежной культуре 1990-х годов // Степановские чтения. Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы: мат-лы II Междунар. науч. конф., приуроченной к Году педагога и наставника в России, Красноярск, 18–19 мая 2023 г. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. С. 262–271.
25. Соколов М. Последний император // Матадор. 1995. № 1. С. 67–70.

ПОДГОТОВКА ЮРИСТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В 1920–1930-е ГОДЫ

Семусhev Денис Владимирович

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Новосибирск, Россия

semushev-dv@ranepa.ru

Статья посвящена особенностям подготовки юридических кадров в 1920–1930-е годы в Сибири. Рассматривается социальный заказ на юридическую подготовку работников органов юстиции советской власти, изменения в системе юридического образования. Делается вывод о формировании нового поколения юристов, отобранных по классовым и идеологическим критериям, подготовленных в системе практико-ориентированного образования и в новой юридической доктрине.

Ключевые слова: история юридического образования Сибири, образовательный ценз, социальный заказ, юридические курсы, правовые школы, РСФСР, 1920-1930 гг

TRAINING OF A NEW GENERATION OF LAWYERS IN THE 1920S AND 1930S

Semushev Denis Vladimirovich

Siberian Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

semushev-dv@ranepa.ru

The article is devoted to the peculiarities of training legal professionals in Siberia in the 1920s–1930s. It examines the social demand for legal training of employees of the justice bodies of the Soviet authorities and the changes in the legal education system. The article concludes that a new generation of lawyers was formed: they were selected based on class and ideological criteria and trained in a practice-oriented education system in accordance with the new legal doctrine.

Keywords: history of legal education in Siberia, educational qualifications, social demand, legal courses, law schools, RSFSR, 1920–1930s

В исторических исследованиях, затрагивающих советский довоенный период (1917-1941), в отношении подготовки юридических кадров сделан акцент на комплектование ими органов юстиции (в основном судебно-следственных и прокурорских работников) и других органов советской власти. Сформировавшийся в тот период социальный заказ заключался в юридической подготовке и переподготовке уже принятых в органы советской власти работников. Наличие юридического образования при принятии в органы советской власти не требовалось.

Инструкция отдела юстиции Сибревкома об организации народных судов в освобождаемых местностях Сибири от 24 января 1920 года, для занятия должности судьи не устанавливает прохождения какого-либо испытания или необходимости иметь юридическое образование [1, л. 22]. Для постоянных народных судей были установлены требования: обязательно обладать активным и пассивным избирательным правом и, вариативно: либо «иметь политический опыт работы в пролетарских организациях, партии, профессиональных союзах, кооперативах,

фабрично-заводских комитетах и Советских учреждениях» либо «иметь теоретическую или практическую подготовку для должности Народного Судьи».

Конституция РСФСР 1918 и 1925 годов предоставляла право избирать и быть избранным только классу трудящихся и солдатам и содержала прямой запрет для лиц, использующих наемный труд с целью извлечения прибыли, лиц, живущих на нетрудовые доходы, священнослужителей, частных торговцев, а также для «служащих и агентов бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений». Таким образом, устанавливался классовый ценз и ценз непринадлежности в прошлом к карательной системе буржуазного государства. Данное ограничение активного и пассивного избирательного права было устранено с принятием Конституции РСФСР 1937 года, в которой предусмотрено обладание избирательным правом независимо «прошлой деятельности».

Строительство социалистического общества в 1920–1930-е годы характеризовалось абсолютной новизной решаемых задач в сфере государства и права. Марксистско-ленинская идеология и методология не имели готовых ответов на вопросы о роли государства и права в ситуации, когда власть стала принадлежать классу трудящихся. Поиск роли юриспруденции, как профессиональной деятельности и как науки, осуществляли руководители центральных органов юстиции.

Во второй половине 30-х годов XX века сформировалась унифицированная марксистская концепция понимания права, возобладало позитивистское правопонимание, сторонники которого воспользовались теоретико-методологической неразработанностью вопросов правового регулирования в послереволюционный период: советская теория государства и права формировалась постфактум – на базе уже существующей государственно-правовой практики, решения в сфере правового регулирования вырабатывались не в ходе научных дискуссий, а в процессе политической борьбы и политического дискурса, что приводило к закреплению и сакрализации политически обусловленных решений. Право стало рассматриваться как инструмент реализации государственных программ и обеспечения порядка в ходе преобразований. Для этого требовался юрист, как строитель социалистического государства, чья задача заключалась в применении и развитии марксистско-ленинских правовых идей в качестве работника аппарата государственного принуждения (судебно-следственный работник), применяющего право как инструмент классовой борьбы и реализации государственной политики.

Прежняя система юридического образования была разрушена, как не соответствующая новым ценностным установкам задолго до формирования указанного социального заказа. К моменту установления советской власти на территории Сибири в 1920 году юридическое образование было представлено в составе двух юридических факультетов – одного, открытого в 1898 году в Томском (императорском) университете, и второго, открытого в 1918 году при создании Иркутского университета. Обучение юристов было полностью прекращено в Томском университете с закрытием в 1922 году факультета общественных наук. Причиной упразднения факультета в Томске стал дефицит профессорско-преподавательских кадров новой идеологической формации и нехватка средств местных бюджетов на содержание высшей школы.

Юридическое образование в Иркутском государственном университете просуществовало до 1931 года в составе факультетов, периодически преобразуемых из одних в другие (юридический, гуманитарный, общественных наук, права и советского хозяйства, советского строительства), пока не было прекращено в связи с

выделением в 1931 году из состава университета в качестве самостоятельного учреждения – Сибирского института советского права, который в 1934 г. был переведен в Свердловск, при этом его возглавлял бывший заместитель окружного суда.

В 1936 году в соответствии с постановлением ЦИК СССР №2, СНК СССР №389 от 5 марта 1935 года «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования» для подготовки и переподготовки работников юстиции были организованы правовые школы, окончание годичных (в последствии двухгодичных) курсов приравнялось к среднему юридическому образованию [2]. Такие школы на территории Сибири в 1936-1937 годах были созданы в Иркутске, Новосибирске и Красноярске. Как отмечается В.А. Печерским уровень образования в Красноярской школе был низким по следующим причинам: в учебном заведении не сложился педагогический коллектив, школа испытывала постоянный дефицит учебных пособий, короткий срок обучения правовым дисциплинам – один год, низкий уровень общего образования у курсантов [3].

Таким образом, в то время как в центральных органах партии и советской власти шел поиск понимания новой роли практической и теоретической юриспруденции, до образования правовых школ на территории Сибири организованная подготовка и переподготовка судебно-следственных работников велась на краткосрочных юридических курсах.

В докладе председателя Сибирского краевого суда в Сибирскую краевую контрольную комиссию ВКП (б) в октябре 1926 года отражаются сведения о следующей системе подготовки и переподготовки (повышения квалификации) судебных работников. Выделяются четыре основных метода подготовки и повышения квалификации: юридические курсы, 2-х недельные окружные курсы-сезды народных судей, разъяснения краевого суда по вопросам практического применения и понимания законов, личный инструктаж при ревизиях. Личный состав Сибирского краевого суда на 1 августа 1926 года составлял 58 человек, из которых коммунистами были – 49 сотрудников. Из них «бывших дореволюционных судей» только 4 человека; лиц, имеющих высшее юридическое образование – всего 6 человек, а 35 человек имели только низшее образование. В справке отмечено: «что касается общеобразовательного ценза – 60% с низшим не должно внушать тревоги, так как в составе судей более 60% рабочих и крестьян, которые естественно учились до революции» [4, л. 5].

В окружные комитеты ВКП(Б) Сибирского края агитационно-пропагандистский отдел направил предложение уделить внимание при подборе курсантов из рабочих с предприятий и крестьян в порядке выдвижения. Отбор посылаемых на юридические курсы провести на месте в особых испытательных комиссиях (в составе представителей АПО Окружкома, Суда и ОНО), в качестве минимума необходимых знаний следует требовать: умение читать и писать, знание арифметики в пределах четырех действий над целыми числами, наличие политической подготовки в объеме программы нормальной партшколы [5, л. 8].

В докладе за 1927/8 учебный год бывшего судьи Иркутского губернского суда, с 1927 года заведующего Сибирскими краевыми юридическими курсами отмечается, что со времени существования курсов к переподготовке судебно-следственных работников добавилась целевая установка на подготовку новых работников из выдвиженцев от производства, в связи с чем изменился учебный план и программы, создана вторая группа учащихся из выдвиженцев. Учебная нагрузка второй группы

(выдвиженцев) больше первой на 92 часа за весь курс обучения, русским языком и арифметикой занимались весь учебный период по дням отдыха по 2 часа. Из числа 16 преподавателей курсов, только 7 являются штатными преподавателями юридических дисциплин в университете, остальные – практические работники органов юстиции и преподаватели советской партийной школы [6, л. 27].

В заключении можно сделать вывод, что для формирования нового поколения юристов советской власти пришлось полностью отказаться от прежней системы юридического образования на базе дореволюционной юридической науки, выстроив взамен новую юридическую доктрину и практико-ориентированную систему образования, основанную на привлечении к преподаванию руководящего состава органов юстиции для обучения представителей класса трудящихся, отобранных по классовым и идеологическим критериям.

Источники и литература

1. ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 58.
2. Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в советской России // Вестник ИГЭУ. 2005. № 2. Л. 81–91.
3. Печерский В.А. Деятельность Красноярской юридической школы в 1937–1941 гг. // Вестник ТГУ. 2016. № 411. С. 107–115.
4. ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 645.
5. ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 780.
6. ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1032.

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Тихоньких Виктор Петрович

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия
victor.tikhonkikh @ mail.ru

Конфликт поколений рассматривается как актуальная проблема современного общества и зависимость его развития от разрешения конфликтов. Несмотря на многочисленные исследования факторов и последствий конфликта поколений эта проблема по-прежнему не теряет своей актуальности. Цель данной работы заключается в анализе основных причин конфликта поколений и выявлении его характеристик и социальных последствий.

Ключевые слова: конфликт, поколение, взаимодействие, сознание, развитие, преемственность поколений, разрыв поколений.

GENERATIONAL CONFLICT AS A REFLECTION OF THE SOCIAL REALITY OF SOCIETY

Tikhonkikh Viktor Petrovich

N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia
victor.tikhonkikh @ mail.ru

Generational conflict is considered as an urgent problem of modern society and the dependence of its development on conflict resolution. Despite numerous studies of the factors and consequences of generational conflict, this problem still remains relevant. The purpose of this work is to analyze the main causes of generational conflict and identify its characteristics and social consequences.

Keywords: conflict, generation, interaction, consciousness, development, continuity of generations, generation gap

На становление поколений влияют социальные, культурные и исторические условия в которые включена поколенческая общность, имеющая свои социально-психологические, идейно-нравственные и этнокультурные характеристики, сходные духовные ценности, социальный опыт и образ жизни. Возникшее поколение определяет дальнейший ход истории и задает ему тон. Ряд исследователей считает, что в сложно организованном обществе исторические события формируют поколения не в масштабах всего общества, а лишь в отдельных его группах, прежде всего в политических и культурных сферах. Так, К. Мангейм показал, что общие впечатления юности оказывают разное влияние на разные по статусу и культуре группы общества, которые реагируют на одинаковый импульс влияния исходя из своих интересов. Особенно важно в его анализе противопоставление поколения и класса в виде так называемого горизонтального и вертикального сегментирования исторически развивающегося общества [1].

Возрастная классификация поколений была предложена в XIX в. демографом А. П. Рославским-Петровским. Он условно разделил все население на подрастающее

поколение – до 15 лет, цветущее поколение от 16 до 60 лет и увядающее поколение – старше 60 лет [2, с. 265–268]. Демограф Б.Ц. Урланис рассматривает понятие «поколение», также как возрастную категорию, как социальную совокупность лиц одного возраста. При этом связывает поколение с работоспособностью в соответствии с возрастом. Дорабочий возраст – до 15 лет, рабочий возраст – от 16 до 59 лет и послерабочий возраст – старше 60 лет. Общий год рождения соединяет людей в единое общественное целое [3, с. 10–11].

В современном отечественном обществоведении существует несколько подходов к пониманию понятия «поколение». Антропологи выделяют в понимании поколения генетические и генеалогические характеристики людей. Этнографы определяют поколение как этническую группу определенного возраста, сплоченную едиными традициями и общественными институтами. Культурологический подход предполагает рассмотрение поколения как социальной общности людей в определенном возрасте. С позиций историко-культурологического подхода в формировании поколения основную роль играют конкретные исторические события, а люди одного поколения обладают общими духовно-нравственными идеалами и принадлежат к определенному типу субкультуры [4, с. 267]. И. С. Кон рассматривает молодежь как отдельное поколение со специфическими взглядами на мир [5].

В российской социологии интерес к проблеме поколений, их конфликтности и систематизации возник период оттепели, в 60-е годы XX века. В 70–80-е годы XX века появились работы И.С. Кона, В.В. Никитенко, А.И. Афанасьевой, В.К. Егорова, Л.Н. Когана, Б.С. Павлова и др. в которых понятие «поколение» получило наиболее систематическое описание. И.С. Кон в статье «Возрастные категории в науках о человеке и обществе» рассматривает понятие «поколение» с общесоциологической точки зрения и отмечает следующие особенности: степень происхождения от общего предка – генеалогические поколения отцов, сыновей, дедов, внуков и т. д.; людей, родившихся приблизительно в одно и то же время и потому в любой момент своей жизни находящихся в одном и том же возрасте, т.е. сверстники, которые относятся к реальному поколению или к одной возрастной когорте; современников – одновременно живущих людей разного возраста – условное поколение, при этом условные поколения могут конструироваться как по хронологическому, календарному принципу, так и символически, через соотнесение с какими-то историческими событиями [6, с.79].

Каждое поколение накапливает определенную сумму экономических, культурных, научных знаний и традиций, которые далеко не все принимаются следующим поколением, поскольку оно приобретает свой собственный сложившийся взгляд на мир. Молодое поколение как самодостаточный демографический и социальный фактор перед тем, как вступить в новую современность и взять на себя ответственность за жизнь общества, воспитывается своими «отцами», предыдущим поколением. Однако противоречия и столкновение интересов, не понимание друг друга представителей разных поколений в силу различия их интересов и условий становления, противоположности их политических взглядов, культурных и бытовых ценностей, принадлежности к разным субкультурам, ведет к различного рода конфликтам. Между людьми разной типа субкультуры, рода занятий, жизненного опыта, социальных пристрастий неизбежно возникают трения, которые можно характеризовать как межпоколенческий конфликт.

Особое место здесь занимают социокультурные традиции так как личность утверждает свою тождественность как через усвоение существующих традиций,

ценностей, так и через разрушение старых традиций и ценностей. Конфликт «отцов и детей» справедливо считается вечным и неотъемлемым элементом жизни в любом обществе. Весьма характерно это отражено в романе И. С. Тургенева «отцы и дети» [7, с. 8]. В. Туснина определяет, что основами конфликта поколений являются разные ценности, социально-экономический кризис в стране, падение нравственности, неуважение к возрасту, сложившиеся индивидуальные ценности игнорирующие ценности семьи, политическая нестабильность, предпочтение нового [8, с. 157].

Проблема конфликтности поколений обостряется в периоды общественных трансформаций, государственного реформирования и осуществления модернизации страны. Ценности, представления и навыки предшествующих поколений вступают в противоречие с реальностью, молодое поколение становится «носителем новых устремлений, выражающим новые потребности» [9, с. 107]. В это время проявляются положительные свойства конфликта, смена видов деятельности, появляется необходимость освоить новое, с чем лучше справляется молодое поколение. Конфликт становится источником и движущей силой общественных преобразований, когда общество вступает в активную фазу преобразований что определяет стимулы к появлению нового. В таком случае конфликт социально полезен. В это же время возникают конфликты деструктивного содержания, когда разрушается сложившийся социальный порядок.

Социолог Ален Турен считает, что «Конфликт имеет значение и утверждает себя в качестве реального общественного конфликта только в той мере, в какой действующие лица, каждое со своей стороны, стремятся управлять областью своего взаимодействия». И добавляет: «конфликт не означает ни противоречия, ни бунта, а является социальной формой самовоспроизводства общества; конфликт не связан с какой-либо одной сферой социальной деятельности, он повсюду и должен признаваться во всех областях общественной жизни» [10, с. 27].

Различают различные уровни проявления конфликта поколений: межличностные и межгрупповые, бытовые ссоры на основе семейных проблем, конфликты в коллективе организации. На уровне общества и государства конфликт может выйти на уровень общего социального конфликта и приобрести форму бунтов, неповиновения отдельных социальных слоев общества, революции [11].

Развитие общества не может строиться лишь на отрицании прошлого, а требует использования достижения своих «отцов». Без этого общество было бы статичным, а не стационарным. Абсолютизация конфликта как фактора развития общества отрицает еще более важную роль в развитии сотрудничество поколений. Важным условием обеспечения целостности исторического развития общества является преемственность поколений. Старшие поколения, накопив жизненный опыт и необходимую социальную информацию, передают их младшему поколению [12, с. 39–48].

Преемственность поколений возникает, когда модели поведения, отношения и ценности сохраняются на протяжении нескольких поколений. Положительная преемственность имеет место, когда положительные ценности и модели поведения передаются от поколения к поколению. Негативная преемственность возникает, когда передаются нежелательные модели поведения. Помимо тормозящей роли взрослое поколение выполняет роль сберегающую. И молодые люди должны осознавать, что без почвы под ногами, без корней, они не смогут реализовать свои цели и желания.

Важнейшим механизмом преемственности и конфликтности поколений выступают семейные отношения, которые во многом зависят от конкретного

исторического уровня развития общества. В меньшей степени конфликтность проявляется в семьях традиционного общества. В которой интересы семьи ставились выше личных амбиций, а уважение к старшим считалось не просто вежливостью, а моральным долгом. Важным фактором является и то, что жизненные пути в традиционном обществе более предсказуемые и менее разнообразны. Молодежь, как правило, следует по стопам своих родителей, занимаясь тем же ремеслом или работая на той же земле. Это снижает вероятность конфликтов, связанных с выбором профессии или жизненного пути, так как старшее поколение задает представление о жизненном пути своих детей [13, с. 81–86].

В монографии И. В. Пономарева «Возрастная социализация в традиционном обществе» на основе теории Л.С. Выготского показано, что само сознание человека формируется в онтогенезе на результате индивидуальных переживаний, вызванных социальными отношениями, которые ему доступны. Такой подход позволяет косвенно судить о строении сознания и личности индивида в традиционном обществе по тем структурам, функциям и социальным институтам, которые в этом обществе имеются [14, с. 156–160].

В современной России все чаще звучит мысль о необходимости возрождения традиционных ценностей и восстановления нарушенных механизмов преемственности в культуре семейной жизни. Одной из ключевых задач преемственности традиций предшествующих поколений является разрушение негативных моделей и создание позитивных изменений. Это требует готовности осмыслить прошлое и предпринять целенаправленные усилия для создания иного будущего. Следование традициям не отменяет важность конфликта поколений как механизма общественного развития.

Источники и литература

1. Мангейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. М.: Юристъ, 1994. 704 с.
2. Исаева М.А. Поколение // Энциклопедия гуманитарных наук. 2011. № 1. С. 265–268.
3. Урланис Б.Ц. История одного поколения. М.: Мысль, 1968. 269 с.
4. Исаева М.А. Поколение // Энциклопедия гуманитарных наук. 2011. № 1. С. 265–268.
5. Кон И.С. Молодежь как социальная категория: доклад на VII Всемирном социологическом конгрессе. Варна, 1970. М., 1970. 14 с.
6. Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 76–86.
7. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике: сб. ст. / сост., авт. вступ. статьи и коммент. И.Н. Сухих. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 384 с.
8. Туснина В., Перица К. Конфликт поколений – проблема отцов и детей // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. Т. 3. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2013. С. 155–158.
9. Социология молодежи / под ред. В.Т. Лисовского. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 460 с.
10. Конфликтология / А.Я. Кибанов [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2008. 300 с.
11. Прокудина О.О. Причины конфликта поколений // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 7. URL: <https://human.snauka.ru/2016/07/16031> (дата обращения: 11.10.2025).
12. Майкова Э.Ю. Автономия личности: вектор социального сопротивления // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Философия». 2013. № 4. С. 39–48.
13. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Загирова Э.М. Традиционная семья: специфика социологического дискурса и методологические приоритеты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 81–85.
14. Пономарев И.В. Возрастная социализация в традиционном обществе. М.: Институт Африки РАН, 2009. 201 с.

**КАЛМЫКИ ПРИНИМАЮТ КРЕЩЕНИЕ
(О НЕКОТОРЫХ ПОПЫТКАХ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРАВОСЛАВИЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПОДЧИНЕНИЯ
«ИНОРОДЧЕСКОГО» НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ОЙРАТОВ)**

Уметбаев Тимур Шамилевич, кандидат исторических наук
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
kolbakty@mail.ru

В статье рассмотрены отдельные попытки государства использовать православие как инструмент политики подчинения «иностранного» населения на примере ойратов в XVII в.

Ключевые слова: калмыки, крещение, ойраты

**KALMYKS ARE BAPTIZED
(ABOUT SOME ATTEMPTS TO USE ORTHODOXY AS AN INSTRUMENT
OF THE STATE POLICY OF SUBJUGATION OF THE "NON-NATIVE"
POPULATION ON THE EXAMPLE OF THE OIRATS)**

Timur Shamilevich Umetbaev, Candidate of Historical Sciences
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
kolbakty@mail.ru

The article examines individual attempts by the state to use Orthodoxy as an instrument of a policy of subjugation of the "non-native" population, using the example of the Oirats in the 17th century.

Keywords: Kalmyks, baptism, Oirats

Одним из актуальных вопросов в истории тюрко-монгольских народов является оценка роли православия в XVII–XVIII вв. как инструмента государственной политики в повышении уровня взаимодействия с Россией. Крещение, в том числе насильственное, использовалось властями Российского государства в XVII в., а впоследствии и властями Российской империи в XVIII в., для повышения степени воздействия на подчиненное «иностранное» (в нашей заметке – тюрко-монгольское) население.

Одной из основных задач властей в XVII в. стала политика крещения казанских тюрков (татар), которые перед этим, в период после падения Казанского ханства, оказали сопротивление продвижению России в приволжском регионе вплоть до 1584 года [1, с. 168]. Но эта политика не привела к успеху, за исключением возникновения небольшой группы крещеных татар, численность которых, констатирует Р. М. Мухаметшин, в 1719 г. составила до 30 тыс. человек [2, с. 427].

Политика христианизации в Поволжье также имела очень ограниченный успех. Восстания башкир вызвали приведение в боевую готовность даже отдаленных крепостей Сибири. Не случайны неоднократные наказания из красноярской канцелярии приказчику Саянского острога из-за угрозы распространения восстания башкир на

другие регионы, в частности в 1738 и 1740 годы [3, л. 20], а также в 1756 г., когда потребовалось «удержание оказавшихся в подозрении» [4, л. 5об].

Гораздо более благоприятные условия сложились для христианизации тюрков в Южной Сибири, поскольку, констатирует крупный исследователь Л.И. Шерстова, «ислам к XVII в. только лишь затронул часть северо-западных тюрков Обь-Иртышья» [5, с. 117]. Но именно ислам, полагает автор, способствовал сохранению «особого этнокультурного комплекса» и предотвращал русификацию, которой интенсивно подверглись ряд тюркоязычных волостей Южной Сибири, «в меньшей степени испытывавших приток поволжско-татарских ссыльных мусульман» [5, с. 126].

Не имело успеха распространение православия среди якутов. Как отмечает Г.И. Спасский, несмотря на то, что к началу XIX века некоторые якуты и приняли христианство, их большая часть осталась «в шаманстве» [6, л. 9об].

Таким образом, христианизация, вне зависимости от результата, составляла один из инструментов государственной политики империи в повышении лояльности своих нерусских подданных. Одним из объектов воздействия этой политики стала и часть ойратов, оказавшаяся в пределах Российской империи.

В отечественной историографии этому вопросу было посвящено немало страниц. На первом этапе (XVII – первая половина XIX вв.), в период накопления исторической информации об ойратах и калмыках, отдельные аспекты взаимоотношений с русскими властями были затронуты в работах Г.Ф. Миллера, П.И. Рычкова, Н.Я. Бичурина и Г.И. Спасского. На втором этапе (середина XIX – первая половина XX вв.) исследователи вплотную подошли к изучению данного вопроса (В.Н. Витевский, Н. Пальмов и др.). Впервые комплексно исследовал события, связанные с историей православия у ойратов, архимандрит Гурий.

Во второй половине XX в. изучению этого вопроса не придавалось исключительного значения, хотя в работе ряда авторов (М.М. Батмаева, К.П. Шовунова и др.) эти аспекты были затронуты. Интерес к этой проблеме обострился на рубеже XX–XXI вв. При этом, как верно отмечал в своей монографии В.И. Колесник, принятие рядом знатных калмыков православия было обусловлено, главным образом, прагматическими соображениями, и среди массы калмыцкого населения особого успеха не имела. Значительным событием в истории изучения данного вопроса стало появление монографии К.В. Орловой, в которой автор многоаспектно рассмотрел вопросы периодизации процесса принятия православия, политические выгоды для калмыцких князей, внутрикалмыцкие межконфессиональные противоречия.

Рассмотрение вопроса о христианизации ойратов как инструмента государственной политики требует учета этапов развития кочевого общества и социально-культурной ойратской среды на стыке формационного и цивилизационного подходов, с учетом единства многофакторности исторического процесса. Это позволяет лучше понять определенные исторические закономерности, связанные с неудачами в использовании указанного инструмента.

Также, как и все кочевые народы, ойраты не могли не испытать последствия удельного (улусного) кризиса, приводившего, как отмечал З.В. Тоган, к распаду кочевых государств [7, с. 202–203]. Во многом, полагал Г.И. Спасский, только личности Аюки и Дондук Омбо удерживали калмыков в едином государственном управлении [6, л. 5об].

Вместе с тем, на наш взгляд, на рубеже XVI–XVII вв. ойратский этнос оказался в стадии перехода из второй стадии кочевания в третью со всеми

признаками этого процесса, отмеченными в исследовании С.А. Плетневой [8, с. 77], – появлением собственного литературного языка и высокохудожественной литературы [9, с. 5]; широким проникновением мировой религии, о чем свидетельствует появление монастырей и распространение ламаизма [10, с. 51], возникновением общей ойратской культуры, захватом чужих либо строительством собственных городов [11, с. 28], осознанием себя в качестве единой этнической общности, что выражалось, в частности, в общих посольствах [11, с. 42] и т. д. Не случайно, что в периоды внутрисполитических кризисов в Джунгарском ханстве политические соперники стремились не к созданию самостоятельных улусов, а к захвату верховной власти.

Результатом этих процессов стало преодоление в XVII в. улусного (удельного) кризиса, который у ойратов привел к созданию Джунгарского ханства, ставшего в Центральной Азии противовесом Цинской империи (сказать больше – ойраты представляли прямую угрозу маньчжурскому владычеству). Фактор маньчжуро-цинского противостояния в XVII-XVIII вв., на наш взгляд, во многом обеспечил относительно стабильную колонизацию Сибири Россией.

Наконец, правовые институты Джунгарского и Калмыцкого ханств походили друг на друга, поскольку в основе своей содержали принципы Великого уложения (Их Цааз) [12, л. 7]. Калмыцкие орды, – писал Г.И. Спасский, – «которые гораздо прежде переселились в страну около Волги, сохранили неизменно их древнейшие учреждения и своих князей между всеми монгольскими народами даже до их побегу, и служили им при сем описании народного устройства образцом» [12, л. 3]. Только во второй половине XVIII века эти правовые институты у западных ойратов были окончательно адаптированы к законам Российской империи. Уже в 1760-х годах, чтобы иметь своего депутата в Верховном суде, хан должен был получить на то разрешение Коллегии иностранных дел [12, л. 7–7об].

В 1724 году принял крещение Баксадай-Доржи, в 1741 году – вдова Дондук-Омбо ханша Джан [13, с. 157–158]. В источниках отражено, что принятие православия частью калмыцкой знати обусловлено и интересами распространения российской правовой системы крепостных отношений, поскольку калмыки, принявшие православие, уже рассматривались в качестве собственности православных калмыцких владельцев, которые ставят вопрос о сборе и возвращении убегающих «крещеных» калмыков. Так, в 1741 году ставропольский комендант А. Змеев доносил В.А. Урусову, что часть калмыков княгини А. Тайшиной оставили христианство и, забрав много скота, бежали в Яицкий городок и «живут в прежней своей идолопоклонной вере... с некрещеными калмыки...». Это потребовало организации их поимки и возвращения княгине [14, л. 24]. Двадцать душ калмыков, задержанных в Малой Казахской Орде, просила отдать ей «крещеная» княгиня [14, л. 24].

Но христианизация торгоутов не стала массовым явлением, связи с Далай-ламой продолжались, что давало русским властям повод для постоянного беспокойства о возможности возвращения западных ойратов в Джунгарию, о чем, в частности, сообщали официальные документы делопроизводственной переписки [15, л. 3]. А в 1771 году, когда угроза стала реальностью, по Сибирской линии сосредоточили 18 драгунских эскадронов, в числе которых были пожелавшие остаться в Сибири донские казаки, запорожцы, башкиры и мишары [16, л. 25].

Еще одну возможность власти попытались использовать при переходе части ойратов Джунгарского ханства в Российскую империю вследствие событий, связанных с крушением последней «степной империи». При этом при начале

перехода выяснилось, что власти оказались не вполне готовы к этому процессу, поскольку при размещении ойратов, в частности, у Зилаирской крепости, как сообщает А.И. Тевкелев и П.И. Рычков в Сенат, опасались их столкновений либо союза с башкирами [17, л. 1об]. Для ряда зайсанов, вышедших из Джунгарского ханства, принятие крещения становилось неременным условием получения подданства императрицы, в частности, для 13 зайсанов, о чем докладывал генерал-майор Крофт [17, л. 1об].

Вместе с тем, как показали дальнейшие события, эти попытки не увенчались успехом. Процесс принятия христианства среди ойратов не приобрел массового характера и был связан с политическими конъюнктурами. Калмыки, находившиеся в третьей стадии кочевания, являвшиеся наследниками великой монгольской цивилизации, остались верны той религии, которая создала неповторимое своеобразие ойратской культуры. Их образ жизни и мышления существенно отличался от образа жизни и мышления русского населения.

В то же время, полностью отрицать позитивное значение православия как инструмента политики в развитии русско-калмыцких отношений нельзя. Оживился культурный обмен, в результате которого православие стало одним из факторов, обеспечивших в перспективе включение калмыков во внутреннюю структуру Российской империи.

Источники и литература

1. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991. 320 с.
2. Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001.
3. Архив г. Минусинска. Ф. 22. Оп. 1. Д. 7.
4. Архив г. Минусинска. Ф. 22. Оп. 1. Д. 40.
5. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
6. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 95.
7. Тоган З.В. Введение во всеобщую историю тюрков // Байкара Т. Заки Валиди Тоган. Уфа: Китап, 1998. 328 с.
8. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982. 192 с.
9. Бадмаев А.В. Зая-Пандита (списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты»). Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1968. 120 с.
10. Хронографическая повесть «О победе над басурманским сибирским царем Кучумом Муртазеевым» // Летописи сибирские. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1991. 272 с.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. 598 с.
12. Государственный архив Красноярского края. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 84.
13. Колесник В.И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003.
14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 393. Оп. 13. Д. 974.
15. РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 3.
16. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 163. Оп. 1. Д. 42.
17. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 869.

СЕКЦИЯ 3. ПОКОЛЕНИЯ В ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 93/94

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО: ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА ДМИТРИЕВИЧА СЕВЕРЬЯНОВА

Гергилев Денис Николаевич, доктор исторических наук, доцент
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия
turilak@yandex.ru

Кудашкин Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, доцент
Братский государственный университет, Братск, Россия
kudashkinslava@rambler.ru

Ахтамов Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия
akhtamov@gmail.com

В статье рассматривается жизненный путь и деятельность доктора исторических наук, профессора Михаила Дмитриевича Северьянова. Авторы проводят обзор научных трудов М.Д. Северьянова, посвященных истории Сибири, аграрным отношениям, НЭПу. Авторы отмечают вклад Михаила Дмитриевича в развитие науки: участие в работе диссертационных советов, проведение научной конференции «Духовно-исторические чтения», подготовка кандидатов и докторов наук. Также в статье рассматривается общественно-политическая и спортивная деятельность М.Д. Северьянова.

Ключевые слова: историография, аграрная история, биография, научно-исследовательская деятельность, монография

A SCIENTIST'S ANNIVERSARY: THE LIFE AND SCIENTIFIC WORK OF MIKHAIL DMITRIEVICH SEVERYANOV

Gergilev Denis Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
turilak@yandex.ru

Kudashkin Vyacheslav Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Bratsk State University, Bratsk, Russia
kudashkinslava@rambler.ru

Akhtamov Evgeny Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
akhtamov@gmail.com

This article examines the life and work of Mikhail Dmitrievich Severyanov, Doctor of Historical Sciences and Professor. The authors review his scholarly works on the history of Siberia, agrarian relations, and the New Economic Policy (NEP). They also highlight Mikhail Dmitrievich's contributions to the development of scholarship, including his participation in dissertation councils, holding the "Spiritual and Historical Readings" scientific conference, and training candidates and doctors of science. The article also examines Severyanov's socio-political and athletic activities.

Keywords: historiography, agrarian history, biography, research, monograph

В год, когда Михаилу Дмитриевичу Северьянову исполняется 75 лет, особенно ярко видна его принципиальная жизненная позиция, которую можно выразить девизом: «Не врать и не бояться!». Этот подход, являющийся заповедью ученого, помог ему пройти яркий путь, став успешным исключительно благодаря интеллектуальному труду, сибирскому характеру и умению не пасовать перед трудностями. Пограничник, спортсмен, депутат, доктор наук – в любом качестве он проявлял себя как лидер, а для коллег и учеников остается позитивным человеком и увлекательным собеседником, чьи глубокие исторические познания подкреплены комплексным видением отечественной истории.

Михаил Дмитриевич Северьянов родился 22 ноября 1950 г. в деревне Наратай Братского района Иркутской области. Родители Михаила Дмитриевича: Дмитрий Петрович и Екатерина Васильевна Северьяновы. В 1968 г. Михаил Дмитриевич окончил Озернинскую среднюю школу Братского района. Во время учебы с 1967 г. по 1968 г. занимал должность секретаря комитета ВЛКСМ Озернинской средней школы. С августа 1968 г. по апрель 1969 г. работал учеником электрика, электриком 4 разряда Наратайского ЛПХ комбината «Братсклес». За время работы зарекомендовал себя с положительной стороны в 1968-1969 гг. занимал должность секретаря комитета комсомола Наратайского ЛПХ [1].

С мая 1969 г. по июнь 1971 г. проходил службу в Погранвойсках КГБ на советско-китайской границе. После призыва в пограничные войска Михаил Дмитриевич попал в учебное подразделение. За высокие показатели в боевой и политической подготовке, дисциплинированность и активное участие в общественной работе старшина М.Д. Северьянов неоднократно поощрялся командованием политотделом отряда, округа. Проходя срочную службу в июне 1970 г. М.Д. Северьянов был принят в члены КПСС [2].

После завершения службы в армии, Михаил Дмитриевич получил высшее образование на историческом факультете Иркутского государственного университета имени А.А. Жданова. С первого курса университета стал работать в студенческом профкоме. К концу первого курса возглавил студенческий совет общежитий, при этом, в организации быта общежитий помогал армейский опыт [3].

С первого курса Михаил Дмитриевич участвовал в научной деятельности. На историческом факультете было много студенческих научных кружков. Самым крупным был Кружок изучения истории КПСС, который вел Н.Н. Щербаков – крупный историк партийного строительства, истории КПСС. Михаил Дмитриевич активно участвовал в работе кружка на протяжении всего обучения в институте. Также работал в комсомоле по профсоюзной линии, был освобожденным заместителем, председателем профкома ИГУ. В это время Михаил Дмитриевич заботился об организации учебного процесса, производственной практики, отдыха студентов, условий жизни в общежитиях, материальной помощи студентам. И до конца своего обучения был председателем студсовета пятого общежития, где жили историки, журналисты и филологи. Михаил Дмитриевич, будучи студентом, увлекался спортом. Его любимый вид спорта – это волейбол, которому он отдавал очень много времени, входил в сборную команду университета. Его рост, физическая подготовка и техника – позволяли играть на профессиональном уровне [3].

По окончании университета М.Д. Северьянов был направлен на обучение в целевой аспирантуре для Сибирского технологического института (СибТИ, г. Красноярск). С ноября 1976 по ноябрь 1979 гг. обучался на дневном отделении в аспирантуре Иркутского государственного университета.

В 1980 г. Михаил Дмитриевич защитил кандидатскую диссертацию «Партийное руководство добровольным переселением крестьян в Восточную Сибирь (1925 июня 1941 гг.)». 28 октября 1980 г. Михаилу Дмитриевичу была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. С декабря 1979 г. работал старшим преподавателем кафедры истории КПСС Красноярского государственного университета. Михаил Дмитриевич занимал эту должность вплоть до сентября 1982 г.

Василий Васильевич Гришаев известный отечественный историк характеризовал М.Д. Северьянова, как человека с хорошими организаторскими способностями, хорошего лектора и перспективного ученого [4]. Стоит отметить, что В.В. Гришаев был научным руководителем М.Д. Северьянова. Долгие годы их связывала настоящая дружба [3]. В мемуарах В.В. Гришаев вспоминает, как помог своему первому ученику М.Д. Северьянову устроиться на кафедру истории КПСС Красноярского государственного университета (КрасГУ). Произошло это после распределения в другой вуз. В.В. Гришаев лично рекомендовал способного и образованного М.Д. Северьянова ректору В.С. Соколову, который, несмотря на сложности, помог решить кадровый вопрос.

Так, благодаря поддержке В.В. Гришаева и ректора В.С. Соколова, Михаил Дмитриевич Северьянов оказался на кафедре истории КПСС КрасГУ, где сразу проявил себя как одаренный организатор, лектор и перспективный ученый.

В 1982 г. М.Д. Северьянов возглавил кафедру философии и истории в Красноярском инженерно-строительном институте, где быстро завоевал авторитет и был избран секретарем парткома. Теплые отношения В.В. Гришаева и М.Д. Северьянова продолжались долгие годы. В одной из бесед В.В. Гришаев высказал мнение о том, что хорошая научная работа не обязательно должна быть сосредоточена на изучении истории некой масштабной территории – достаточно подготовить глубокое исследование истории отдельного предприятия или района. Так у М.Д. Северьянова появилась идея написания работы по истории Саянского района Красноярского края. По традиции, научные дискуссии проводились на даче у Василия Васильевича. Результатом научного сотрудничества стала и докторская диссертация Михаила Дмитриевича.

Книга «На земле Саянской» была опубликована в 1987 г. Эта книга стала одной из первых работ в Советском союзе, в которой освещалась проблема истории сельских районов. В историческом очерке были проанализированы основные этапы развития Саянского района. Книга оказала значительную помощь саянским краеведам при изучении истории своих сел, деревень и простым жителям района, которые интересовались своей родословной. В этот же период времени по инициативе Михаила Дмитриевича Северьянова был организован Саянский районный музей. За книгу «На земле саянской» молодой ученый стал лауреатом VIII всесоюзного конкурса молодых ученых и специалистов по общественным наукам [1].

Книга «На земле саянской» довольно скоро стала библиографической редкостью, при этом потребность в ней продолжала сохраняться. Поэтому уже после развала СССР в 1992 г. она была переиздана под названием «В плену у города». Благодаря этому работа «На земле саянской» стала одной из значимых в отечественной историографии по истории сельских районов [5].

В конце 1980-х годов Михаил Дмитриевич находился в центре политической жизни Красноярска. В бюро горкома КПСС он зарекомендовал себя как авторитетный ученый-историк, рассудительный партийный деятель. В 1990 году был избран делегатом XXVIII съезда КПСС. В интервью перед съездом Михаил Дмитриевич

отметил, что в национальной политике принципы федерализма и самоопределения – переходная ступень к распаду СССР. В предвыборной программе М.Д. Северьянов отмечал, что РСФСР в сфере народного хозяйства – локомотив Советского союза, а могущество всей страны прирастает Сибирью [6]. После распада Советского союза, Михаил Дмитриевич сохранял приверженность коммунистической партии, ее идеям [3].

В 1991 г. в Красноярске вышла в свет монография М.Д. Северьянова «НЭП и современность: полемические заметки». Данная работа стала одной из первых научно-исследовательских работ, в которых были преодолены стереотипы классической советской науки в освещении новой экономической политики Советского государства в 1920-е гг. В научный оборот впервые были введены данные о голоде в Сибири в 1921–1922 гг., среди источников впервые использовалась эмигрантская литература. Автором были высказаны предложения по развитию историографии и источниковедения о новой экономической политике (НЭП). Также были проанализированы последствия НЭПа и проведен анализ, устанавливающий связь ситуации 1920-х гг. с современной социально-экономической ситуацией в стране [7].

В 1992 г. была опубликована работа «А в мыслях только боль за Отчизну» в которой автор анализирует роль интеллигенции в революционной трансформации красноярского общества [8].

В 1994 г. Михаил Дмитриевич защитил докторскую диссертацию по теме: «Социально-политические аспекты осуществления новой экономической политики в сибирской деревне (1921–1929 гг.)». 17 февраля 1995 г. Михаилу Дмитриевичу была присвоена степень доктора исторических наук.

В 1996 г. по инициативе М.Д. Северьянова на базе кафедр общественных наук Красноярской государственной архитектурно-строительной академии вышел первый выпуск материалов сборника научно-практической конференции «Духовно-исторические чтения». Конференция стала ежегодной и в ней в разные годы принимали участие ученые из Китая, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Барнаула, Новосибирска, Томска, Красноярска, Абакана, Кызыла, Братска, Иркутска, Ангарска, Улан-Уде и Читы. Довольно широк спектр научных проблем участников конференции: философия, история, социология, право, культурология, экономика, филология, архитектура и градостроительство. Основной специализацией конференции было изучение общественных отношений в Приенисейском регионе. Довольно полно была проанализирована история социокультурного освоения региона, взаимоотношения власти и религии, власти и населения, духовная жизнь населения [9].

В 1998 г. было издано учебное пособие «Размышление о революции». В этой работе М.Д. Северьянов всесторонне рассмотрел проблемы соотношения эволюции и революции, социализма и революции, государства и революции, роль интеллигенции и некоторых других слоев общества в революционных событиях. В пособии освещены такие важные вопросы как: кто делает революцию – власть, революционеры или народ. Также объясняются основные социально-политические теории и формы власти. Вводится в научный оборот понятие об идеократическом однопартийном тоталитарном государстве и его исторической обреченности; даны определения терминов «революция», «бунт», «реформа». Прилагаются статьи мыслителей прошлого, таблицы из учебника В. В. Макаренкова и В. И. Сушкова [10].

Работа в постсоветский период, особенно в сфере науки и образования, была сопряжена со значительными трудностями, которые, однако, стали мощным

стимулом для глубоких преобразований. Основные сложности заключались в необходимости преодоления идеологического наследия: как видно на примере монографии о НЭПе, ученым приходилось ломать устоявшиеся стереотипы «классической советской науки», вводить в оборот ранее запретные темы (голод) и источники (эмигрантская литература). Это требовало не только научной смелости, но и методологической перестройки.

Работы М.Д. Северьянова, такие как «А в мыслях только боль за Отчизну» и «Размышление о революции», показывают, что интеллигенция остро переживала распад СССР и пыталась понять его исторические корни, анализируя революции и роль власти. Это была сложная интеллектуальная работа по переоценке ценностей.

Несмотря на экономические и социальные трудности 1990-х годов, ученым удавалось сохранять и развивать научную жизнь. Инициатива по созданию ежегодных «Духовно-исторических чтений», объединивших исследователей из разных городов и стран, свидетельствует об огромных усилиях по поддержанию профессионального диалога в условиях, когда прежние системы координат рухнули.

Таким образом, главная трудность постсоветского периода заключалась не в простом отсутствии ресурсов, а в необходимости одновременного решения нескольких задач: преодоления идеологического багажа, осмысления текущего исторического момента и сохранения научного сообщества в условиях трансформации всех общественных институтов. Деятельность М.Д. Северьянова является ярким примером того, как эти трудности преодолевались через активную научную, публицистическую и организационную работу, что в итоге способствовало становлению новой, более независимой и критической научной парадигмы.

В 2001 г. в Красноярске была опубликована работа М.Д. Северьянова «Капитализм в Советской России 1917–1937». В первой части монографии выносятся на обсуждение идея о государственном капитализме в советской России в 1917–1937 гг. Автор в числе немногих отечественных ученых обосновывает оригинальную концепцию о том, что в рассматриваемый период в Советской России в основании экономических отношений был государственный капитализм. В монографии широко используются исторические источники, в том числе анализируется литература белой эмиграции, которая ранее не размаривалась в исторических работах. Все это позволило автору довольно полно и беспристрастно проанализировать один из наиболее трудных вопросов отечественной исторической науки [11].

В 2006 г. было издано учебно-методическое пособие «К познанию социальной истории России» по курсу «Методика исследований в социальной работе» для студентов гуманитарных специальностей. В пособии изложены формационная, стратификационная, цивилизационная и другие методологии исследования, общенаучные и социально-исторические методы познания. Данное учебное пособие на долгие годы стало важным руководством по научной работе для начинающих исследователей.

В 2009 г. в издательстве Тувинского государственного университета вышла монография «Новая экономическая политика в сибирской деревне (1921–1929): итоги и проблемы изучения». В 2010 г. в издательстве Тувинского государственного университета была опубликована работа «Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930)». В данной монографии рассмотрены вопросы землепользования, землеустройства и освоения Сибири в 1861–1930 гг. Учитывая многогранность каждого из рассматриваемых

вопросов, автор попутно исследовал особенности сибирской общины, земельного строя в Российской империи и в СССР [12].

Научная работа М.Д. Северьянова в данный период характеризуется углубленной теоретической разработкой оригинальных концепций и активным методологическим поиском, направленным на комплексное и многомерное изучение социальной истории России. Его деятельность демонстрирует эволюцию от смелых новаторских гипотез к созданию систематизированной методологической базы для будущих исследователей.

Продолжение изучения сибирской деревни в монографиях 2009 и 2010 гг. демонстрирует переход от общих концепций к детальному, многоплановому анализу на конкретном материале. Такой подход, учитывающий особенности землепользования, общины и переселенческой политики, позволяет достичь большей глубины и достоверности исторических реконструкций.

Таким образом, методологический поиск М.Д. Северьянова был направлен на синтез смелого теоретизирования с тщательной эмпирической работой и систематизацией научного инструментария. Его работа в 2000-е годы представляет собой модель зрелого научного творчества, сочетающего генерацию новых идей с фундаментальным исследованием конкретных проблем и педагогической деятельностью по передаче накопленного метода.

Заслуга профессора М.Д. Северьянова заключается в том, что именно он предложил оригинальное решение этой проблемы. Спустя два года, в 2013 г., он выдвинул идею проекта «Живые книги с говорящими автографами», суть которого заключалась не в простом обзоре содержания, а в «озвучивании» творческого и жизненного пути авторов через изучение их автографов и биографий. Эта инициатива не только вернула ценную коллекцию в научный оборот, но и заложила основу для новой формы научно-просветительской работы, направленной на сохранение памяти о вкладе ученых в отечественную науку.

В 2015 г. была опубликована монография «Присяянье на перепутье эпох: люди, события, факты». Данная книга стала третьим изданием дополненного и переработанного исторического очерка «На земле саянской» и «В плену у города» [13]. В 2021 г. была опубликована в соавторстве с Ларисой Анисимовой монография «Земельные отношения в российской деревне: история и современность». В этой работе исследователями был всесторонне проанализирован вопрос использования в России сельскохозяйственных угодий. Монография состоит из нескольких частей: в начале были кратко рассмотрены земельные отношения в первом и втором тысячелетии до аграрной реформы 1861 г. Далее были оценены аграрные реформы 1961 и 1906 гг. также дан анализ земельных преобразований в период существования Советского Союза. Большое внимание было уделено вопросу преобразования отечественного сельского хозяйства в постсоветский период. В основу монографии легли общероссийские и сибирские источники и большой пласт научной литературы по исследуемой проблеме [14].

За время своей научной деятельности Михаил Дмитриевич Северьянов проявил себя, как отличный педагог и наставник. Под его руководством было защищено 20 кандидатских и 2 докторские диссертации. Кандидатские диссертации защитили: А.С. Жулаева «Образ жизни крестьян Восточной Сибири (1920–1926 гг.)» (Красноярск, 1999), Луцаева Г.М. «Партизанское движение в Сибири (лето 1920–1924 гг.)» (Красноярск, 2000), С.В. Максимов «Социальные ожидания народа в контексте политического процесса в Енисейской губернии в условиях

революционного кризиса 1917–1918 гг.» (Красноярск, 2000), Леона А.В. «Структура исторического сознания в условиях социокультурного кризиса» (Красноярск, 2004), Т.В. Грязнухина «Творческая и общественная деятельность художественной интеллигенции Сибири в конце XIX-начале XX веков» (Красноярск, 2004), Л.Ю. Анисимова «Эволюция функций русской крестьянской семьи в Приенисейском регионе в 1920-е гг.» (Красноярск, 2004), С.Н. Вострова «Изменения в социальной психологии крестьян Восточной Сибири в период сплошной коллективизации (1929–1933 гг.)» (Красноярск, 2005), А.А. Нихочина «Становление и реализация государственной политики в отношении детей в Российской Федерации в 1991–2004 гг. (на материалах Красноярского края)» (Красноярск, 2006), А.П. Доброновская «Религиозная жизнь населения Приенисейского региона на переломе эпох (1905–1929 гг.)» (Красноярск, 2007), И.И. Крылов «Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921–1929 гг.» (Красноярск, 2007), Г.В. Кручко «Становление и развитие системы социальной защиты населения Красноярского края (1988–2004 гг.)» (Улан-Удэ, 2008), А.В. Сэден «Формирование и развитие молодежной политики в РФ (на примере республики Тыва) (конец XX – начало XXI столетия)» (Улан-Удэ, 2010), Д.Н. Гергилев «Развитие системы административного управления в Сибири (XVIII-первая треть XIX вв.)» (Кемерово, 2010), Е.Н. Бен «Научная биография исследователя Сибири Вячеслава Петровича Косованова» (Томск, 2011), В.В. Никуленков «История печатных средств массовой информации Красноярского края: 1987–2002 годы» (Улан-Удэ, 2012), А.Ю. Николаева «Формирование и реализация государственной политики в отношении женщин в Российской Федерации в 90-е гг. XX в. (на материалах Красноярского края)» (Иркутск, 2013), Е.И. Лобынева «Государственная культурная политика в СССР в 60–80-е гг. XX в. (на примере Красноярского края)» (Красноярск, 2016), Е.А. Ахтамов «Социально-экономические аспекты истории Енисейского речного пароходства (1985–2001 гг.)» (Улан-Удэ, 2016), Е.Е. Гарин «Участие частей и соединений, сформированных на территории Красноярского края, в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг.» (Красноярск, 2022). Докторские диссертации защитили: Д.Н. Гергилев «Административно-территориальное управление Сибирью в XVIII – начале XX в.» (Красноярск, 2021), О.М. Долидович «Продовольственный вопрос в Восточной Сибири в период Первой мировой войны (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.)» (Красноярск, 2021). Кроме того, Михаил Дмитриевич неоднократно выступал в роли оппонента и рецензента при защите докторских и кандидатских диссертаций [15].

С июля 2019 года является председателем диссертационного совета по историческим наукам в Сибирском федеральном университете. Также является членом объединенного диссертационного совета Сибирского федерального университета и Тувинского государственного университета, созданного в августе 2015 года.

Данный период характеризуется как время признания, систематизации накопленного опыта и укрепления научной школы. Если предыдущие этапы были посвящены преодолению идеологических догм и выдвижению новаторских концепций, то теперь деятельность М.Д. Северьянова обретает черты научного лидерства, направленного на обобщение знаний и подготовку новых поколений ученых.

Ключевым результатом периода становится не просто личное авторство, а создание и руководство целой научной школой. Подготовка кандидатов и докторов наук, руководство диссертационным советом свидетельствуют о переходе на новый

уровень ответственности – формирование научного сообщества и обеспечение преемственности знаний.

Активное участие в работе диссертационных советов, вхождение в редакционные коллегии ведущих рецензируемых журналов подтверждают высокий авторитет М.Д. Северьянова и признание его профессионального вклада на общероссийском уровне. Среди наград и дипломов можно отметить: Действительный член академии социального образования (22 октября 1999 г.), Член Союза журналистов России (2020 г.), Действительный член Академии военных наук (24 декабря 2021 г.), медаль за вклад в развитие Тувинского государственного университета, Почетный профессор Тувинского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования, медаль «За безупречный труд и отличие» (6 июля 2023 г.), медаль «Ветеран труда», Герб города Красноярска со знаком «За выдающийся вклад в развитие города Красноярска» (декабрь 2010 г.), памятный знак «70 лет Красноярскому краю» в связи с заслугами в развитии физической культуры и спорта Красноярского края.

Таким образом, этот период является закономерным итогом многолетней научной деятельности, в ходе которой ученый не только внес новаторский вклад в сибирскую историографию, но и способствовал консолидации научного сообщества, укреплению экспертных институтов и воспитанию плеяды учеников.

Профессионализм и компетентность Михаила Дмитриевича нашли применение в активной работе в редакционных коллегиях журналов, входящих в перечень ВАК: «Проблемы социально-экономического развития Сибири», «Сибирский антропологический журнал» и «Северные архивы и экспедиции». Михаил Дмитриевич – автор более 200 работ, среди которых более 30 монографий.

Помимо научно-исследовательской деятельности значительных успехов М.Д. Северьянов добился в спорте. В студенческие годы играл за команды иркутских и красноярских учебных заведений по волейболу. В 1982 году волейбольная команда Красноярского государственного университета, за которую выступал М.Д. Северьянов во Владивостоке выиграла Универсиаду Сибири и Урала, Средней Азии и Дальнего Востока, а Михаил Дмитриевич был признан лучшим нападающим турнира. В дальнейшем М.Д. Северьянов занялся тренерской деятельностью, у него есть европейский сертификат тренера по волейболу. Под его руководством команда КрасГАСА в 2003–2007 гг. стала трехкратным чемпионом Красноярского края, двукратным чемпионом студенческой спартакиады, серебряным призером чемпионата России Студенческой волейбольной лиги, в 2007 г. серебряным призером пятого чемпионата Европы среди учащихся высших учебных заведений [16].

Подводя итог необходимо отметить основные положительные черты юбиляра. Работы Михаила Дмитриевича Северьянов по аграрной и политической истории России, межнациональным отношениям и социальной политике в новейшее время отличаются глубиной анализа и тщательной проработкой материала.

На основании всего изложенного можно сделать вывод, что Михаил Северьянов является выдающимся ученым-историком, чей вклад в науку характеризуется уникальным сочетанием глубины исследовательского таланта и педагогического мастерства. Его способность выходить за рамки устоявшихся концепций, вводить в научный оборот новые источники и воссоздавать живую историческую картину позволила по-новому осветить ключевые периоды отечественной истории, от НЭПа и революций до современных аграрных отношений. Будучи прекрасным наставником, создавшим собственную научную школу, Михаил

Дмитриевич Северьянов не только обогатил историческую науку фундаментальными работами, но и подготовил плеяду последователей, обеспечив преемственность знаний. Таким образом, его многогранная деятельность служит важным ориентиром для научного сообщества, связывая прошлое с современностью и способствуя извлечению ценных уроков истории для будущего развития нашего государства.

Источники и литература

1. Северьянов М.Д. Страницы истории и жизни / Сибирский федеральный университет. Красноярск: СФУ, 2010. 270 с.
2. Русаков Э.И. Нашей губернии – 190 лет: о проведении краеведческих чтений в краевой научной библиотеке (Красноярский край) // Красноярский рабочий. 2012. 6 дек. (№ 176). С. 3.
3. Интервью с Николаем Ивановичем Дроздовым, доктором исторических наук, профессором. 03.10.2025.
4. Кто есть кто в КрасГУ: краткий биографический справочник / сост. (отв. сост.) В.В. Гришаев, В.И. Петрищев, И.А. Прядко. Красноярск: КГУ, 1999. 378 с.
5. Северьянов М.Д. На земле саянской: исторический очерк. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1987. 141 с
6. Никуленков В. Россию сохраняют патриоты: о Михаиле Дмитриевиче Северьянове – докторе исторических наук, профессоре, заведующем кафедрой «История России» в СФУ // Красноярская газета. 2010. 26 нояб. (№ 77). С. 3.
7. Северьянов М.Д. НЭП и современность: полемические заметки. Красноярск: КГУ, 1991. 318 с.
8. Северьянов М.Д. А в мыслях только боль за Отчизну.... Красноярск: Офсет, 1992. 176 с.
9. Лебединский В.Р. Кому нужен этот гуманитарий: о высшем образовании в Красноярском крае // Красноярская газета. 2013. 12 апр. (№ 26). С. 2.
10. Северьянов М.Д. Размышления о революции. Красноярск: Красноярская архитектурно-строительная академия, 1998. 187 с.
11. Северьянов М.Д. Капитализм в Советской России 1917–1937. Красноярск: КрасГАСА, 2001. 268 с.
12. Северьянов М.Д. Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930 гг.). Кызыл: ТывГУ, 2010. 246 с.
13. Маяцких И. Сквозь призму времен. Автор книг о Саянском районе (Красноярский край) М. Северьянов рассказал о работе с архивами и об интересных фактах из истории района // Присяянье: общественно-политическая газета Саянского района. 2014. 7 авг. (№ 32). С. 3.
14. Анисимова Л.Ю., Северьянов М.Д. Земельные отношения в российской деревне: история и современность. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 342 с.
15. Лисина Е.А., Северьянов М.Д. Историческое образование и наука в Приенисейском регионе в 40-е гг. XX – начале XXI вв. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2. С. 90–97.
16. Лебединский В.Р. Убежденность, азарт, интерес, жажда жизни! Биография заведующего кафедрой истории России СФУ Михаила Северьянова // Красноярская газета. 2012. 21 сент. (№ 62). С. 2.

**ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЕВРАЗИЙСТВА
И НЕОЕВРАЗИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент
Академия ФСО России, Орел, Россия
angrebyonkin@mail.ru

В статье предпринята попытка проследить преемственность в творческом наследии представителей евразийства и неоевразийства. Сделан вывод о том, что неоевразийцы сохранили тезис о цивилизационно обусловленном противостоянии Запада и евразийского пространства, о необходимости создания мощного государства на этом пространстве. В то же время возрастание роли исламских государств обусловило возникновение взгляда на ислам как на потенциальный фактор евразийской интеграции.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, поколение, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилев, А. Г. Дугин, Э. А. Баграмов

**PHILOSOPHY OF THE HISTORY OF THE REPRESENTATIVES
OF EURASIANISM AND NEO-EURASIANISM IN THE CONTEXT
OF GENERATIONAL CHANGE IN SOCIO-POLITICAL THOUGHT**

Grebenkin Alexey Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Academy of the Federal Guard Service of Russian Federation, Orel, Russia
angrebyonkin@mail.ru

This article attempts to trace the continuity in the creative heritage of representatives of Eurasianism and neo-Eurasianism. It is concluded that the Neo-Eurasians retained the thesis of a civilizationally determined confrontation between the West and the Eurasian space, and the need to create a powerful state in this space. At the same time, the increasing role of Islamic states has led to the emergence of a view of Islam as a potential factor in Eurasian integration.

Keywords: eurasianism, neo-eurasianism, generation, N. S. Trubetskoy, P. N. Savitsky, L. N. Gumilev, A. G. Dugin, E. A. Bagramov

Философия истории представителей классического евразийства во многом базировалась на взглядах основоположников отечественной геополитической мысли, представлявших первое ее поколение. Вслед за Н. Я. Данилевским, принципиально отвергавшим европоцентризм и деление народов на развитые и отсталые, евразийцы (в частности, Н. С. Трубецкой) отстаивали тезис о «равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара» [6].

По мнению О. С. Исаевой, представителей классического евразийства объединяли надделение православия статусом ключевого фактора общественного развития, а также «приоритет целого над частным, подчинение частей целому, но при этом их сосуществование в органическом единстве, когда одно существует за счет другого и при этом вместе» [3, с. 114]. Стремление представить многочисленные

народы, населявшие евразийский континент, как единое целое воплотилось в принципе соборности, сакрализирующем общественное бытие и обуславливающим телеологичность всех процессов, протекающих в рамках социума. При этом развитие общества лежало не столько в политической, сколько в религиозной плоскости, причем в качестве прообраза своего «духовного ордена» евразийцы указывали нестяжателей.

Географическая целостность России-Евразии в представлении евразийцев обусловлена экономическим, политическим, этническим и социокультурным единством земель, входивших в состав Российской Империи, а в 1920-е – 1930-е гг. занятых Советским Союзом. Понятие «месторазвитие», автором которого являлся П. Н. Савицкий, объединяло географический и социально-исторический факторы. Ни один из этих факторов не объявлялся главенствующим, однако, в отличие от немецких исследователей, признававшими приоритет за преобразующей силой человеческого сообщества, евразийцы полагали, что люди вынуждены подчиняться природной среде. Разнообразие форм культурного бытия отдельных народов обусловлено спецификой ландшафта, в котором они живут. Таким образом, философия истории фактически превратилась в геософию.

Политическое единство евразийского пространства, по мнению евразийцев, объективно обусловлено. Идеология этатизма в их представлении носила сакральный характер – чиновники всех рангов служили России-Евразии. Переход от имперской государственности к советской являлся закономерным и позитивным шагом, позволившим отказаться от подражания европейским формам политического развития и избрать новый, самостоятельный путь. Для представителей евразийства было характерно стремление развести пути исторического развития Европы и России-Евразии, вывести Российское государство из-под влияния западной политической традиции. Дальнейшее развитие и укрепление Советского Союза евразийцами рассматривалось в исключительно положительном ключе, однако, как отмечает современный исследователь В. П. Кошарный, «достижение полного культурного и идейного единства связывалось с будущим евразийским идеократическим государством» [4, с. 106].

По мнению евразийцев, ключевую роль в формировании российской цивилизации играл туранский этнический тип, смешавшийся после установления монгольского ига со славянским, сохранивший его культурный код и давший начало Московскому царству, а затем и Российской империи. Таким образом, начальным этапом развития России является не киевский, а монгольский период ее истории. Военно-политическое наследие империи Чингисхана предопределило доминирование военного элемента в системе государственного управления и слабое развитие демократии.

После исчезновения евразийства как единого течения ключевые положения его философии истории были развиты другими мыслителями, образовавшими новое поколение – неоевразийцев. Современный исследователь Ф. Б. Алиев утверждает, что неоевразийцы, подобно евразийцам, характеризуют евразийскую цивилизацию не как произвольное соединение элементов западной и восточной культуры, но как органическое единство, обусловленное воздействием географических и культурных факторов и сочетающееся с сохранением специфики всех образующих его компонентов.

Л. Н. Гумилев, который носит почетный титул «последнего евразийца» и занимает промежуточное положение между евразийцами и неоевразийцами,

положительно оценивал предложенный евразийцами принцип полицентризма. Он творчески развил тезис евразийцев о географической обусловленности деления «Запад – Восток» и утверждал, что главной детерминантой демаркации Запада (Европы) и Востока (Евразии) является сугубо климатический фактор – январская изотерма. Кроме того, Гумилев позаимствовал у своих предшественников идею месторазвития и создал на ее основе концепцию «вмещающего ландшафта», обуславливающего специфику развития этносов. Как и евразийцы, Гумилев давал отрицательную оценку процессам европеизации. Он писал: «Евразийский тезис: ...надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних. Так вот, турки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами» [5, с. 16].

Одним из наиболее ярких представителей современного неоевразийства является А. Г. Дугин. По его мнению, различия Европы и России-Евразии носят цивилизационный, геополитический характер. Дугин полагает, что фактор географической привязки играет в жизни народов большую роль, нежели особенности культурного и исторического развития. С другой стороны, Дугин унаследовал и мистическую, внерациональную интерпретацию евразийского единства. Как и евразийцы, он уделял большое внимание роли туранского элемента в отечественной истории, однако не ограничивался монгольским периодом, а пытался найти точки соприкосновения в древнейшем прошлом, говоря об ариях и Гиперборее. Имперская составляющая идеологии евразийства приобрела в трудах Дугина гипертрофированную форму: «Русские останутся народом только в рамках Новой Империи... Новая Империя должна быть евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе – Мировой» [2, с. 213].

Культурные аспекты философии истории евразийства развивал Э. А. Баграмов. Подобно классическим евразийцам, он предлагал наряду с сугубо географическим фактором учитывать нюансы геополитического, исторического, экономического и культурного характера. Баграмов акцентировал внимание на территориальной обусловленности различий между Европой и Россией-Евразией. В силу этого он настаивал на необходимости возрождения единого государства на постсоветском пространстве. При этом большое значение придавалось религиозному фактору, причем, по мнению Ф. Б. Алиева, осуществлялось «сопоставление православной религиозности с суфийским мистицизмом» [1, с. 14]. В этом Алиев, как и неоевразийцы-практики Н. Назарбаев и М. Шаймиев (а также такие теоретики, как Г. Д. Джемаль и А. В. Ниязов), кардинально расходился с Н. С. Трубецким, который полагал, что ислам не может выступать в качестве интегрирующей силы.

Подводя итоги, следует сказать, что неоевразийцы сохранили основные идеи своих предшественников, творчески адаптировав их философию истории к изменившимся геополитическим и историческим реалиям. Антизападный посыл, идея создания евразийского мощного государства обретают особую актуальность в свете событий последних лет. Растущая роль исламских государств, с которыми и СССР, и Россия всегда старались поддерживать дружеские отношения, наложила серьезный отпечаток на неоевразийские концепции и обусловила их тесную связь с политической практикой.

Источники и литература

1. Алиев Ф.Б. Неоевразийство: проблемы и тенденции. С. 1–20. URL: <https://www.iolr.org/wp-content/uploads/2012/05/Алиев-Ф.Б.-Неоевразийство-Проблемы-и-тенденции.doc.pdf>. (дата обращения: 25.10.2025).
2. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 2000. 928 с.
3. Исаева О.С. Идеи классических евразийцев в неоевразийских учениях // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 2. С. 111–121.
4. Кошарный В.П. Философия русской истории евразийцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер. «Гуманитарные науки. Философия». 2014. № 3 (31). С. 102–110.
5. Савкин И. «...Если Россия будет спасена, то только через евразийство». Интервью с Л. Н. Гумилевым // Начала. Религиозно-философский журнал. 1992. № 4. С. 4–16.
6. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920. 82 с.

СОХРАНЕНИЕ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Занданова Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
zandanova@mail.ru

Кулакова Яна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
yanikk1989@mail.ru

В статье рассмотрен процесс формирования сибиреведческого направления в изучении истории России в Иркутском государственном педагогическом институте с 1930-х по 2020-е гг. Показано, как на протяжении десятилетий под влиянием крупного ученого В.И. Дулова готовились научные кадры, складывалась научная тематика, вырабатывались подходы к научному исследованию.

Ключевые слова: Иркутский государственный педагогический институт, история России, сибиреведение, В.И. Дулов, В.Г. Тюкавкин

PRESERVATION OF GENERATIONAL TRADITIONS STUDYING THE HISTORY OF SIBERIA AT THE IRKUTSK STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE

Zandanova Larisa Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
zandanova@mail.ru

Kulakova Yana Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
yanikk1989@mail.ru

The article examines the process of the formation of the Siberian studies direction in the study of Russian history at the Irkutsk State Pedagogical Institute from the 1930s to the 2020s. It is shown how, over the decades, under the influence of a major scientist V.I. Dulov, scientific personnel were trained, scientific topics were formed, and approaches to scientific research were developed.

Keywords: Irkutsk State Pedagogical Institute, History of Russia, Siberian Studies, V.I. Dulov, V.G. Tyukavkin.

«Каждое новое поколение должно приходить в мир не для того, чтобы утверждаться через опрокидывание сложившихся традиций, а затем, чтобы вписаться в них и приумножать деяния тех, кто жил и творил прежде».

В.Г. Тюкавкин

Стремительно меняющиеся приоритеты в исторической науке, научных позициях и огромный информационный поток не способствуют частому и осознанному обращению к ее истокам. Из нашей памяти уходят не только имена

людей, внесших большой вклад в формирование научных представлений о прошлом нашей страны, но и не возникает потребности в знании того, что, в сущности, и является этим вкладом. Все это и обусловило обращение к истории сибиреведческого направления, развивавшегося на протяжении многих десятилетий в Иркутском государственном педагогическом институте, а также к конкретным персональным заслугам его создателей и продолжателей. За свою историю вуз сменил несколько статutow и названий: 1931 г. - Иркутский государственный педагогический институт; 1997 г. – Иркутский государственный педагогический университет, 2009 г. – Восточно-Сибирская государственная академия образования, 2014 г. – Педагогический институт Иркутского государственного университета.

Так сложилось, что Иркутск, как часть Прибайкалья, в силу своего географического положения и исторического пути развития стал перекрестьем не только путей освоения и развития Восточной Сибири, но и ядром ее духовного наполнения и научного изучения.

История Педагогического института как центра развития образования и подготовки кадров началась в 1909 г. с учреждения Учительского института, в котором были аккумулированы наиболее образованные кадры. Преподаватели сотрудничали с ВСОРГО в проведении научного изучения истории коренных народов Сибири, ее заселения и хозяйственного освоения. Так начали появляться первые исследования, складываться тематика и направления изучения сибирской истории.

О пути развития сибиреведения в ИГПИ написано немало. Преемственность традиции научного исследования истории Сибири, формирование базовых понятий: актуальность темы исследования, создание репрезентативной источниковой базы, добросовестная работа с источником, знание научных трудов предыдущих поколений, получение научно обоснованных выводов, приближение полученных результатов к практике – вот те основные постулаты, которые передавались от одного поколения историков к другому [1–10].

В процессе складывания сибиреведческого направления исторических исследований (именно так, на наш взгляд, можно определить сложившуюся общность интересов в определении тематики и понимании проблем, целей и задач изучения истории Сибири, не претендуя на термин «историческая школа») в ИГПИ на сегодняшний день можно выделить три этапа. Первый – 1930-е – первая половина 1950-х гг., время, когда в вузе, после выделения из ИГУ в самостоятельную структуру, шел процесс становления педагогического коллектива и закладывались основы его научной деятельности. Второй этап – середина 1950-х – 1980-е гг. – формирование комплексных научных направлений, создание значительного количества работ по истории региона. И, наконец, третий этап приходится на постсоветское время, с 1990-х годов по наши дни.

Начало сибиреведению положено заведующим кафедрой истории СССР М. А. Гудошниковым, который приехал для работы в пединституте из Москвы в 1931 г. Будучи кандидатом юридических наук, он увлекся исследованием областничества, Ленского расстрела, Октябрьской революции в Сибири [11, л. 48, 48об]. Моисей Андреевич предлагал коллегам вплотную приступить к изучению истории г. Иркутска, но поскольку их научные интересы разнились, то и научная школа и даже направление, как таковое, не сложились.

В 1934 г. в вузе состоялся первый выпуск исторического факультета, вчерашние студенты – В.И. Дулов, О.И. Кашик, Л.И. Черенцовполнили его преподавательский состав. Наиболее подготовленным к научной деятельности был

В.И. Дулов, который еще в студенческие годы получил положительную оценку за работу «Крестьянство Сибири в революции 1905–1907 гг.». В 1942 г., в сложное военное время, Всеволод Иванович защитил по этой теме кандидатскую диссертацию. [12, л. 11]. Именно В.И. Дулов стал родоначальником той ветви сибиреведения, которая вывела кафедру истории на высокий исследовательский уровень, позволивший ей в дальнейшем получить признание среди сибирских коллег.

Исследования, проводимые В.И. Дуловым в послевоенный период, отличались разнообразием. В 1951 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную социально-экономическому развитию Тувы, которая стала первым обобщающим трудом по истории этого региона, а сам автор стал первым доктором исторических наук в Восточной Сибири.

Также Всеволод Иванович собирал материалы о сибирской ссылке, революционных событиях, произошедших в Сибири. В первой половине 1950-х гг. под его руководством в ИГПИ стало складываться комплексное научное направление «История народного хозяйства Сибири XIX–XX в.», которое охватило широкий спектр вопросов.

Вместе с В.И. Дуловым досоветскую историю Сибири изучали А.С. Кузнецов и О.И. Кашик. История совхозов Иркутской области стала темой исследования А.П. Косых [13, л. 4].

Среди всех учеников профессора, которые оставались благодарными ему за поддержку их начинаний на протяжении всей жизни, самым близким по научным интересам, мировоззрению и духовной основе для Всеволода Ивановича стал В.Г. Тюкавкин. Виктор Григорьевич окончил Иркутский государственный университет, с 1954 г. по приглашению В.И. Дулова стал работать в педагогическом институте. Он проработал в нем 20 лет, из которых 10 – доцентом, а с 1967 г. – профессором, был деканом историко-филологического факультета. После смерти В.И. Дулова, в 1964 г., В.Г. Тюкавкин возглавил кафедру истории.

Общение с таким крупным ученым, каким уже тогда был В.И. Дулов, а также изменения в общественной ситуации в стране способствовали творческому росту молодого ученого. Он стал работать над темой, связанной с переселением крестьян в Восточную Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы, мало изученной к тому времени, и под руководством профессора Дулова в 1958 г. защитил по ней кандидатскую диссертацию [14].

Большой вклад В.И. Дулов и В.Г. Тюкавкин внесли в написание 5-томной «Истории Сибири». Главный редактор научного труда, получившего Государственную премию СССР, в письме к В.И. Дулову писал: Я благодарю тебя и историков-иркутян за огромное дело, которое они сделали для «Истории Сибири». Во всяком случае, у нас здесь, в институте Истории СОАН СССР сложилось одинаковое впечатление, что вы – самая сильная группа историков Сибири» [15, с. 515].

Докторская диссертация, посвященная дискуссионной теме о путях развития сибирской деревни периода империализма, была защищена В.Г. Тюкавкиным в Институте истории АН СССР, когда автору было всего 38 лет [16]. Так в Иркутске появился еще один, самый молодой в Сибири, доктор исторических наук.

Работая заведующим кафедрой истории СССР, профессор Тюкавкин возглавлял написание научных трудов сотрудниками кафедры, был редактором многих сборников статей, стал автором первого учебника для школьников по истории Иркутской области [17]. Много внимания он уделял научно-исследовательской работе студентов. В частности, на одном из заседаний партбюро исторического

факультета ИГПИ было отмечено, что «хороший учитель формируется только в атмосфере научного творчества. Только в сложившихся коллективах, обладающих сильным научным руководителем и организатором, формируются настоящие традиции, могут создаваться научно-исследовательские лаборатории, научные направления, научные школы. Такие коллективы, как правило, успешно справляются с организацией учебного процесса, обеспечивают высокий уровень преподавания, вносят существенные усовершенствования в содержание читаемых курсов, создают учебники и руководства для студентов, учащихся и учителей.

У всех профессоров и доцентов есть ученики и последователи, которые составляют могучую силу и бесценное богатство ученого. Смысл жизни ученого не только в разработке новых теоретических ценностей, но и в создании достойной смены, способной развивать и совершенствовать новые идеи» [18, л. 43–44].

Последние слова – научно-педагогическое кредо поколения историков Пединститута, которое было сформировано под влиянием интеллектуальной среды, существовавшей на кафедре истории.

Именно тот год стал для Тюкавкина поворотным в судьбе: он был приглашен на работу в Московский госпединститут им. В.И. Ленина, где впоследствии до 2002 г. возглавлял кафедру истории России досоветского периода. Уехав из Иркутска, Виктор Григорьевич не прервал свои связи с иркутянами. Он обратил внимание коллег на более способных к научной деятельности студентов. Так в последствии после окончания аспирантуры на кафедру пришли А.В. Даниленко и Л.В. Занданова, а многие выпускники тех лет, которых он также рекомендовал в аспирантуру, став кандидатами наук, пополнили ряды кафедры всемирной истории, выделившейся из единой исторической кафедры, и кафедр других вузов.

После отъезда В.Г. Тюкавкина под руководством А.С. Кузнецова изучение переселенческой тематики продолжила старший преподаватель Е.Д. Федорова. Однако превалирующей темой исследований во второй половине 1970-х – первой половине 1990-х гг. стало промышленное развитие Восточной Сибири, возглавляемой профессором С.Ф. Хроленком.

В аспирантуре, а затем и в докторантуре МГПИ им. Ленина (сейчас – МПГУ) под руководством В.Г. Тюкавкина в 1986 г. была подготовлена и защищена кандидатская, а затем в 1998 г. – докторская диссертации Л.В. Зандановой [19, 20]. Именно с этого времени начинается новый виток научной деятельности кафедры, при которой была и существует поныне аспирантура и докторантура по отечественной истории.

Новое поколение историков получило возможность расширить не только тематические рамки исследований, но и на новой источниковой и методологической основе обратиться к исследованиям, позволяющим более конкретно представить общественно-политическое и социокультурное пространство Восточной Сибири, а также рассматривать ее историю на локальном уровне, что дает возможность лучше представить прошлое нашего региона. Как говорил В.Г. Тюкавкин, «история чем детальней, тем она интересней».

Объектом исследования молодых ученых в это время становится история Байкальской Сибири – уникальной по своей региональной специфике территории, ее центральной части, которой является Приангарье. В частности, интерес вызывают миграции населения, приведшие к образованию уникального межкультурного пространства, и историко-культурная ситуация в регионе, которая обусловила специфику повседневной жизни, практик выживания, культурных традиций. Это и

социокультурные особенности модернизационных процессов XX в., связанные с индустриальным освоением восточных районов, центром которых стала Восточная Сибирь [21–30].

Одно из приоритетных направлений, разрабатываемых сотрудниками кафедры, не встречающееся ни в одном из учебных заведений нашего региона, – включение в репрезентативный формат источниковой базы разного рода источников и устных свидетельств, отражающих коллективную и индивидуальную память поколений, позволяющих воссоздать картину реальной жизни сибирского социума в XX в., осуществить их фиксацию на аудио-, видео- и цифровые носители. К исследованиям привлекаются как студенты, так и аспиранты. Соответствующий опыт приобретен в ходе реализации ряда проектов, поддержанных государственными фондами в виде грантов, таких как «Сохранение и изучение традиционной культуры русских старожилов Ангаро-Енисейского бассейна в зоне затопления Богучанской ГЭС» (РФФИ, 2005); «Сохранение и изучение русского фольклора Приангарья в зоне затопления» (РГНФ, 2205), 2005), «Сохранение историко-культурного наследия исчезающих деревень в зоне затопления Богучанской ГЭС на р. Ангара» (РГНФ, 2011) и др.

В рамках проектов были осуществлены и осуществляются до сих пор экспедиции по сбору материалов, ведется их обработка и введение в научный оборот и учебный процесс через организацию научных конференций, издание полученных результатов, защиту бакалаврских и магистерских выпускных квалификационных работ, кандидатских диссертаций с использованием полученных материалов.

Масштабность проблемы, широта хронологического охвата, большое разнообразие исторических и социокультурных явлений определяют и многочисленный спектр научной проблематики, по которой идут исследования: демографическое и аграрное развитие Сибири, экономика края в контексте модернизационных процессов, культура и социальное развитие общества. Особое внимание уделяется раскрытию общероссийской истории сквозь призму сибирского фокуса и анализ регионального материала.

Для того, чтобы традиции иркутского сибиреведения не были прерваны, ученые Иркутского пединститута приняли решение регулярно проводить научные конференции в память их основателей. Так родились Дуловские чтения. Первые Чтения состоялись 28 апреля 1988 г. в 75-ю годовщину со дня рождения ученого. С тех пор конференции в статусе Всероссийских проводятся кафедрой истории и методики регулярно, они посвящены не только юбилейным датам, связанным с Всеволодом Ивановичем Дуловым, но и его учеником – В.Г. Тюкавкиным.

Таким образом, изучение истории Сибири в рамках формирования научного направления, начатое первым поколением историков ИГПИ, являлось цельным направлением, включающим в себя вопросы социально-экономического развития Восточно-Сибирского региона, многие проблемы учеными поднимались впервые и разрабатывались на впервые вводимых в научный оборот источниках.

Большое значение имело то, что накопленные знания получали практическое применение при создании обобщающих работ и документальных сборников, а также учебных пособий, предназначенных для учителей и школьников по изучению истории Иркутской области и Сибири в целом.

Научное и нравственное кредо ученых первых поколений передавалось тем, кто идет этой тропой вслед за ними. Главным в нем было – не фальшивить, а быть честными по отношению к себе и к истории.

Источники и литература

1. Дулов А.В. Изучение истории Иркутской области в XX в. // Вторые Романовские чтения: мат-лы науч. конф. Иркутск, 2000. С. 37–45.
2. Дулов А.В. Корреспонденция профессору В.И. Дулову по проблемам истории Сибири // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: мат-лы всерос. науч.-теоретической конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. В.И. Дулова. Иркутск: Изд-во Вост.-Сиб. акад. образования, 2013. С. 4–21.
3. Дулов В.И. Научно-исследовательская работа историков Иркутска // Вопросы истории. 1947. № 11. С. 149.
4. Занданова Л.В. В.Г. Тюкавкин – ученик и продолжатель дела В.И. Дулова // Учителя, ученики...: мат-лы регион. науч.-теоретической конф., посвящ. 90-летию В.И. Дулова: в 2 кн. Иркутск: ИГПУ, 2003. Кн. 1. С. 16–20.
5. Занданова Л.В. В.И. Дулов и В.Г. Тюкавкин – основатели исторической школы сибиреведения ИГПУ // Доклады и выступления участников Первой региональной научно-практической конференции школьников и учителей. Иркутск: ИГПУ, 2005. С. 88–93.
6. Занданова Л.В. Продолжая традиции учителей: иркутское сибиреведение на современном этапе // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): сб. ст. Ч. 2. М.: Прометей, 2008. С. 11–22.
7. Кулакова Я.В. Развитие сибиреведческих исследований в педагогических институтах Восточной Сибири (30–80-е гг. XX в.) // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: мат-лы междунар. науч. конф.: в 3 ч. Ч. 1. Чита, 2017. С. 200–204.
8. Лачаева М.Ю. Историческая наука в годы Великой Отечественной войны // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов 20-й междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 2. Иркутск: ВСИ МВД России, 2015. С. 222–225.
9. Савинова О.Ю. Становление и развитие Иркутской исторической школы сибиреведения (1950–1980): к вопросу о постановке проблемы // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1 «История. Философия. Социальные науки». Иркутск, 2004. Вып. 4. С. 156–158.
10. Савинова О.Ю. Жизнь и научно-педагогическая деятельность В.И. Дулова // Учителя, ученики...: мат-лы регион. науч.-теоретической конф., посвящ. 90-летию В.И. Дулова: в 2 кн. Иркутск: ИГПУ, 2003. Кн. 1. С. 5–9.
11. Личное дело М.А. Гудошникова.
12. Личное дело В.И. Дулова.
13. Личное дело А.П. Косых.
14. Тюкавкин В.Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1958. 359 с.
15. Лаптев Н.М. Иркутские «потомки» Геродота(к вопросу об иркутской исторической школе) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 214. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 514–525.
16. Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма: дис. ... докт. ист. наук. М., 1966. 692 с.
17. Панов В.Н., Тюкавкин В.Г. Очерки по истории Иркутской области. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 230 с.
18. ГАНИИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 113.
19. Занданова Л.В. Сельскохозяйственное переселение в Восточную Сибирь в послевоенный период, 1949–1959: дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 186 с.
20. Занданова Л.В. Сельскохозяйственное переселение в Сибирь (конец 40-х – середина 60-х гг. XX века): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 500 с.
21. Паламарчук А.В. Исторический опыт взаимоотношений государства и церкви в Юго-Восточной Сибири (1920–1930-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 369 с.

22. Салахова Л.М. Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири середины 1950–1980-х гг.: опыт Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003. 308 с.
23. Пипченко Т.К. Социально-политическая жизнь городов Восточной Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 209 с.
24. Корякина Л.С. Государственная политика в отношении зажиточного крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Восточной Сибири (на материалах Иркутской области и Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 253 с.
25. Бедулина И.П. Становление и развитие государственной архивной службы Иркутской области (1920-1938 годы): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2008. 226 с.
26. Ковригина С.В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945–1953 гг.: на материалах Приангарья: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009. 298 с.
27. Урожаева Т.П. Миграция и адаптационные процессы в новых городах Иркутской области в 1970–1980-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2013. 348 с.
28. Дикун А.С. Династия Сибиряковых и ее роль в развитии экономической, общественной и культурной жизни Восточной Сибири в XVIII–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2013. 233 с.
29. Кулакова Я.В. Становление и развитие исторического образования в педагогических вузах Восточной Сибири в 1918 – середине 1980-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2018. 262 с.
30. Афанасова Е.Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920-1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири): дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. 561 с.

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ ОСВОЕНИЯ И ЗАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Кабакова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент
Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, Омск, Россия
nataya-kabakova@rambler.ru

Рассматривается вклад сибирского историка, профессора А.Д. Колесникова в изучение проблем исторической демографии. Отмечено, что важное место в трудах ученого занимало исследование вопросов, связанных с освоением и заселением Западной Сибири, с определением роли государства в организации этих процессов. Сделан вывод об актуальности трудов А.Д. Колесникова для современной исторической науки.

Ключевые слова: А.Д. Колесников, исторические исследования, население, государственная политика, Западная Сибирь, историческая демография

THE STATE'S POLICY IN ORGANIZING THE DEVELOPMENT AND SETTLEMENT OF WESTERN SIBERIA IN THE 17TH CENTURY: RESEARCH APPROACHES

Kabakova Natalya Vasilievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian State Automobile and Road University, Omsk, Russia
nataya-kabakova@rambler.ru

The contribution of the Siberian historian, Professor A.D. Kolesnikov, to the study of historical demography is considered. It is noted that the study of issues related to the development and settlement of Western Siberia, as well as the role of the state in organizing these processes, occupied an important place in the scientist's works. The relevance of A.D. Kolesnikov's works for modern historical science is concluded.

Keywords: A.D. Kolesnikov, historical research, population, state policy, Western Siberia, historical demography

Историки, занимающиеся изучением прошлого Сибири, хорошо знают работы профессора, доктора исторических наук Александра Дмитриевича Колесникова (1919–2012). Его жизненный путь и научное наследие на протяжении долгого времени является темой, к которой продолжают обращаться исследователи [1–3]. А.Д. Колесников принадлежал к поколению, на долю которого пришлось войны (Гражданская, Финская, Великая Отечественная) и периоды мирного созидания, времена реализации грандиозных проектов и напряженного труда. Родившийся в сибирской глубинке, в крестьянской семье, Александр Дмитриевич первым в своем роду не только получил достойное образование, но выбрал путь ученого. Его труды охватывали разнообразные исторические направления, но первоначальная тема, которой были посвящены его диссертации, находилась в области исторической демографии. В 1967 г. А.Д. Колесников защитил кандидатскую диссертацию («Заселение и освоение Среднего Прииртышья в XVIII – первой половине XIX в.»), в 1973 г. – докторскую диссертацию («Изменения в размещении и численном составе

русского населения Западной Сибири в XVIII – начале XIX веков»). Одновременно с докторской диссертацией историком была опубликована монография «Русское население Сибири в XVIII – начале XIX вв.» [4], которую не случайно называют настольной книгой сибиреведов. Поразительным является весьма солидный объем источников, которые изучил в различных архивах страны в «докомпьютерную эпоху» А.Д. Колесников, а затем структурировал извлеченные из этих документов сведения для подтверждения выводов, сделанных в монографии. Впоследствии тема, скрупулезно разработанная историком в собственных диссертациях, продолжала развиваться им как в специальных статьях, так и в трудах, посвященных краеведческому направлению [5].

Отметим, что изучение проблем, связанных с заселением, освоением Западной Сибири, размещением и составом в регионе русского населения (особенно относительно XVII и XVIII вв.) не стояло в списке приоритетных направлений научных исторических исследований в советской историографии второй четверти XX в. Не выделялось в эти десятилетия в качестве самостоятельного понятие «русский народ», поскольку в официальной науке и идеологическом ракурсе приветствовался термин «советский народ». Да и хронологический период, к которому обращался А.Д. Колесников, считался у историков малопривлекательным из-за многочисленных трудностей, связанных с отсутствием, либо со слабой разработанностью исторических источников XVII – первой половины XIX в., трудоемкой работы с ними. Все перечисленные обстоятельства вызывают почтительное отношение как к гражданской позиции Александра Дмитриевича, так и уважение к огромному объему работы с историческими материалами, который ему удалось осуществить.

Заслуживает внимания и освещение А.Д. Колесниковым государственной политики, осуществляемой в решении вопросов, связанных с развитием народонаселения на территории Западной Сибири в период с XVII и до середины XIX в. Осмысление роли государства и деятельности местных органов власти в рамках реализации данной политики у историка не вписывалось в общепринятую парадигму, располагавшуюся в ракурсе традиционного формационного подхода. В отличие от предписанного критического рассмотрения политики властных структур, «угнетавших» крестьянское население в пору господства феодально-крепостнических отношений, А.Д. Колесников стремился к объективной оценке роли государства и в организации процесса заселения, и при дальнейшем освоении Западной Сибири вновь прибывающими (условно русскими) жителями, представителями служилых сословий и крестьянством.

В своих работах А.Д. Колесников неустанно повторял, что процесс присоединения и освоения огромного восточного региона носил мирный (за редкими исключениями) характер; здесь создавались условия для добрососедского сосуществования пришельцев и аборигенов. Государство, являясь верховным собственником земли в Сибири, позволяло земледельцам, выполняющим определенные феодальные повинности, подыскивать и распахать свободные участки земли, пользоваться землей. Подобная политика порождала высокую подвижность сибирского крестьянства, особенно в первоначальный период освоения, когда в наличии были огромные пространства свободных земель и еще не сформировалась крестьянская община.

Обращаясь к XVII в. – периоду первоначального освоения Сибири, А.Д. Колесников подчеркивал, что в организации переселений на данную

территорию, власти применяли различные методы. В первые годы в северных уездах России комплектовались отряды из охотников, подбирались «по прибору и указу» крестьяне и высылались с семьями в новый край на жительство. Но подобный насильственный способ применялся лишь поначалу как неизбежный для формирования базы будущего развития вновь приобретенных мест. В дальнейшем правительство стало высылать указы в Поморье о вызове охотников для переселений в Сибирь, предписывая не чинить им в этом препятствий, отправляло специальных людей для вербовки желающих перебраться на новые далекие места. Благоприятным образом влияли и рассказы тех, кто уже побывал в Сибири и сообщал о богатстве местных угодий, об условиях жизни. Все это привлекало жителей Поморья, способствовало увеличению переселенческого потока. Кроме того, новыми районами, откуда прибывали переселенцы, стали Урал и Прикамье, располагавшиеся относительно недалеко от Сибири. Эта близость в значительной степени облегчала переезды. Переселенцы получали и помощь от государства в определении места жительства, льготы, субсидии, а позднее проводилось межевание земель, нарезались земельные участки. Подобная политика являлась также способом регулирования переселений, поощряя переезды в определенные районы и препятствуя в другие.

Описывая политику властей по обустройству переселенцев, историк в своих работах называет районы «оседания» хлебопашцев, приводит многочисленные примеры основания новых слобод, деревень. Отметим, что нередко в определении «возраста» ряда населенных пунктов, расположенных на территории Западной Сибири, А.Д. Колесников стал первооткрывателем.

А.Д. Колесников отмечал, что рост числа жителей, особенно крестьянства, привел к тому, что усилия администрации очень быстро стали направляться на то, чтобы обложить их налогом, устроить в Сибири обработку государственной десятинной пашни. Правительство издавало законы, направленные на урегулирование вопросов, связанных как с налогообложением, так и с налаживанием различных сфер жизни в новом краю, в том числе и для ссыльных. Уже в XVII в. государство начало проводить переписи жителей (дозоры), которые были призваны не только установить точную численность местного населения, но и наладить фискальную систему.

В своих трудах А.Д. Колесников давал оценку мероприятиям, осуществлявшимся правительством в интересах обороны края, защиты растущего населения. Это создание военных отрядов, сооружение опорных пунктов и крепостей, заградительных линий. Власти заботились о прокладке новых трактов, их заселении и обслуживании. По словам А.Д. Колесникова, вся эта деятельность со стороны государства свидетельствует о его значительной роли в организации процесса заселения и освоения Сибири.

В продолжение трудов профессора А.Д. Колесникова в наши дни проводятся научные исследования по темам, которыми он занимался. В 2014 г. коллективом авторов была издана монография, в которой воссоздавалась история Тары в период с XVI и до XIX в., раскрывалась роль этого старейшего сибирского города в процессе присоединения Прииртышья к Российскому государству [6]. В 2020–2022 гг. омскими исследователями осуществлялась работа в рамках научного проекта на тему «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)», итогом которой стала публикация монографии [7]. Среди тем, затронутых в книге, были и сюжеты, связанные с развитием народонаселения края. В недавно опубликованной статье [8], посвященной русскому заселению и освоению территорий Среднего Прииртышья в период с XVII до XIX в.,

Н.А. Седельникова, сосредоточив внимание на развитии севера Омской области, дала оценку государственной политике в организации процесса заселения и освоения данной территории.

Исследования А.Д. Колесникова не теряют своей актуальности и в настоящее время. К ним обращаются современные исследователи, разрабатывая многие темы, над которыми трудился историк.

Источники и литература

1. Евсеева Г.И. Ученые-ветераны Великой Отечественной войны. «Сохранить в памяти и передать потомкам». Александр Дмитриевич Колесников // Омский научный вестник. 2000. № 4. С. 68–70.
2. Кабакова Н.В. Сибиряк, солдат, ученый, преданный Родине и готовый сражаться за нее до конца. Штрихи к портрету А.Д. Колесникова // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2021. Т. 8, № 1 (29). С. 61–73.
3. Новиков С.В. Александр Дмитриевич Колесников (1919–2012 гг.): Патриарх исторической науки в Сибири // Омский научный вестник. Сер. «Общество. История. Современность». 2023. Т. 8, № 4. С. 71–79.
4. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XX вв. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во. Ом. отд-ние, 1973. 440 с.
5. Колесников А.Д. Омская пашня: заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. Омск: Моя земля, 1999. 105 с.
6. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегах Иртыша. Омск: Амфора, 2014. 332 с.
7. Тарское Прииртышье в Петровскую эпоху: статика перемен. Омск: Наука. 376 с.
8. Седельникова Н.А. Русское заселение и освоение территорий Среднего Прииртышья в XVII–XIX веках // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 2. С. 522–538.

ПОКОЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ

Карелин Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ask_culture@mail.ru

В статье рассматривается деятельность отечественных исследователей, благодаря которым на рубеже XX–XXI вв. в условиях глубоких изменений в российской науке было создано новое историографическое направление – интеллектуальная история. Показана роль Л. П. Репиной как организатора и вдохновителя этого поколения. Кратко охарактеризованы научная деятельность ученых, а также взаимодействие этого сообщества в рамках институциональных объединений.

Ключевые слова: поколение, интеллектуальная история, историографическое направление, междисциплинарность, РОИИ, история идей, интеллектуальная культура, коммуникации

GENERATION OF REPRESENTATIVES OF INTELLECTUAL HISTORY IN MODERN RUSSIA: DEVELOPMENT AND INFLUENCE

Karelin Anton Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer
Kemerovo state university, Kemerovo, Russia
ask_culture@mail.ru

Abstract text: the article considers the activity of domestic researchers, thanks to which on the eve of XX–XXI centuries. under the conditions of profound changes in Russian science, a new historiographical direction was created – intellectual history. The role of L. P. Repina as the organizer and inspiration of this generation is shown. The scientific activities of scientists are briefly described, as well as the interaction of this community within the framework of institutional associations.

Keywords: generation, intellectual history, historiographical trend, multidisciplinary, ROII, history of ideas, intellectual culture, communications

В конце XX – начале XXI вв. в отечественной исторической науке в методологическом плане значительно обогатились подходы к гуманитарным исследованиям, что закономерно привело к становлению и последующему развитию новых историографических направлений. В связи с чем заметным событием, оказавшим впоследствии серьезное влияние на историческую науку современной России, стало усиление внимания ряда выдающихся специалистов к интеллектуальной истории. Надо сказать, что поколение историков, о котором пойдет речь, сумело не просто интегрировать зарубежные концепции, но и на основе собственных исследований создать полноценное историографическое направление, обосновав самостоятельное предметное поле исследований.

Наряду с этим несколько ранее в зарубежной гуманитаристике под влиянием исследований в области социальной истории и истории ментальностей произошел пересмотр методологических оснований интеллектуальной истории. Это позволило

переориентировать направление исследований на связь изучаемых идей с культурными и социальными контекстами, а также отказу от ограничения теоретико-методологических перспектив одной научной концепцией. Более обновленная интеллектуальная история демонстрировала намерение отойти от классических теорий исторического процесса и отказаться от построения событийной истории. Указанные изменения закономерно привели к созданию в 1994 г. Международного общества по интеллектуальной истории (ISIH).

Тем самым, благодаря этой своего рода перезагрузке и открытости новой российской науки поколению историков, о которых речь пойдет ниже, удалось полноценно использовать эти возможности, когда в 1990-е гг. происходил взвешенный анализ современных на тот момент зарубежных концепций. Так, одним из последствий регулярных контактов с зарубежными историками, включавших прямые дискуссии стало издание в середине 1990-х гг. таких исторических альманахов, как «Одиссей» (под редакцией А. Я. Гуревича) и «Средневековая Европа глазами современников и историков» (под редакцией А. Л. Ястребицкой), что во многом стало отправной точкой развития отечественной интеллектуальной истории.

Соответственно журнал «Одиссей» стал важной площадкой для актуализации новых подходов в гносеологии и методологии исторического исследования. В 1996 г. в нем были опубликованы статьи под авторством Г. И. Зверевой «Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории» и Л. П. Репиной «Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории», которые определили направление дальнейших исследований. Благодаря глубокому анализу зарубежной и отечественной историографической ситуации признавалось сильное влияние на нее постмодернистских идей [1, с. 25], а также были сделаны выводы о возрождении интеллектуальной истории благодаря лингвистическому повороту второй половины XX в. И в тоже время было определено проблемное поле новой интеллектуальной истории, суть которого заключалась в преимущественном внимании исследователей к историческому нарративу: к языку, структуре, содержанию текста, создаваемого исследователем в процессе прочтения исторических свидетельств [2, с. 25].

Как следствие, можно увидеть, что становление интеллектуальной истории в России 25-30 лет назад происходило в насыщенный новыми идеями и подходами период, когда осваивались новые научные области и познавательные подходы: антропологическая и социальная история, микроистория, гендерная история и другие. При этом российские ученые-гуманитарии стремились критически оценить, переработать и адаптировать научный инструментарий зарубежных коллег к своим целям. Помимо этого, поколение интеллектуальных историков объединяло умение выбирать и использовать теоретические и методологические предложения, которые конструировались в процессе научных дискуссий и находили реализацию в конкретных научных исследованиях.

На рубеже 1990–2000-х гг. перед исследователями в области интеллектуальной истории стояла необходимость объединения профессиональных сообществ и групп историков, а также развитие систему коммуникаций и специализированных изданий. Кроме того, представители интеллектуальной истории, которая находилась на стадии формирования, продолжали преимущественно уделять внимание работе над конкретным материалом, в то время как все более актуальной становилась задача концептуального синтеза.

Без сомнения, важнейшей фигурой для интеллектуальной истории в институциональном аспекте является Л. П. Репина, начавшая проявлять научный интерес к социальной истории и ее новейшим интерпретациям уже на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Она сыграла ключевую роль в качестве организатора и вдохновителя для представителей поколения этого историографического направления. Ее академическая и организационная деятельность положительно отразилась не только на деятельности специалистов столичных городов, но и позволила объединить исследователей из многих регионов России. Работавшие с ней люди отмечали ее умение объединять людей общими интересами и перспективами, выдвигать идеи и научные проекты, привлекающие широкий круг профессионалов [3, с. 260].

В конце 1990-х после успешной защиты докторской диссертации по теме «Социальная история в историографии XX в.: научные традиции и новые подходы» Л. П. Репина стала заместителем директора по научной работе Института всеобщей истории РАН (далее – ИВИ РАН). Вскоре в 1998 г. в этом институте был организован Центр интеллектуальной истории. Затем в ноябре 2001 г. Л. П. Репина стала инициатором создания и президентом Российского общества интеллектуальной истории (далее – РОИИ). Ученый секретарем РОИИ является также крупный специалист в области интеллектуальной истории О. В. Воробьева. С момента основания РОИИ получило возможность широкой издательской деятельности (альманах «Диалог со временем» и информационно-аналитическое издание «Вестник РОИИ»), а также проведения научных семинаров и ежегодных конференций по проблемам интеллектуальной истории. В настоящее время отделения общества действуют в 36 регионах Российской Федерации.

Более того, создание альманаха «Диалог со временем», первый том которого был выпущен в 1999 г. под редакцией уже авторитетных на тот момент специалистов в этой области Л. П. Репиной и В. И. Уколовой, стало значимым событием, объединившим поколение представителей интеллектуальной истории. Так, в статье «Что такое интеллектуальная история?» Л. П. Репина привела расширенную трактовку этого понятия, признавая неразрывную связь как между историей самих идей и идейных комплексов, так и условий и форм интеллектуальной деятельности [4, с. 5-6]. Таким образом, была определена методологическая направленность в сторону междисциплинарности и продемонстрированы пути построения в дальнейшем проблемного поля для исследований.

Как ретроспективно отмечали сами представители поколения интеллектуальной истории, в частности Г. И. Зверева, одним из магистральных направлений работы Центра интеллектуальной истории РАН и РОИИ являлось издание коллективных монографий и сборников статей, затрагивавших темы образов прошлого, образов времени, интеллектуальной культуры в историческом контексте и исторической памяти. Более того, их активная деятельность позволила интегрировать тематику интеллектуальной истории в образовательные программы ведущих вузов (Российский государственный гуманитарный университет, Уральский федеральный университет, Томский государственный университет и др.). Со временем РОИИ быстро превратилось в крупное научное сообщество, объединившее работу гуманитариев-профессионалов из разных регионов России. Благодаря деятельности членов Общества из разных городов и регионов сложились автономные центры производства интеллектуальной истории с выпуском собственной научной продукции и системой коммуникаций [5, с. 291].

Тем самым, в институциональном формировании сообщества представителей интеллектуальной истории и разработке в ее рамках новых предметных полей принимал участие широкий круг специалистов: В. Ю. Апрыщенко, Е. А. Вишленкова, В. В. Высокова, О. Б. Леонтьева, С. И. Маловичко, Д. В. Михель, Ф. В. Николаи, Д. В. Тимофеев и др.). Были сделаны попытки создания интеллектуального пространства в рамках локального подхода, выводя на новый уровень региональную историю. Это сосредотачивало внимание на интеллектуальных контекстах малых локусов, то есть изучение восприятия и трансляции идей в разных социальных слоях [6].

В 2000-е гг. в рамках интеллектуальной истории уделялось все больше внимания развитию методологии. В частности, В. С. Балакиным обосновывалось необходимость широкого применения в исследованиях интеллектуальной культуры социокультурного метода. По его мнению, такой подход позволял более успешно выявлять механизмы социального взаимодействия в науке и способствовать пониманию социального контекста интеллектуальной деятельности как культурно-исторической ситуации [7, с. 9].

Вместе с тем на развитие междисциплинарного подхода в исследованиях связи восприятия исторических событий, самого образа прошлого и отношения к нему с социальными явлениями положительное влияние оказали философы А. А. Линченко и А. И. Макаров, акцентируя внимание на историософском анализе исторического знания. Рассматривая социальную память и историческое сознание как динамичные системы, А. А. Линченко показал, что они представляют собой постоянные процессы их реконфигурации, зависящие от контекста социальной среды и деятельности, полей и средств передачи памяти [8, с. 199].

В свою очередь А. И. Макаров в рамках синтетического подхода исследовал феномен надындивидуальной (трансперсональной) памяти, объединяющей социальный, культурный и историко-генетический аспекты внешнего контроля над сознанием индивида. При этом он установил, что феномен социальности в контексте надындивидуальной памяти неразрывно связан с коммуникативной функцией культуры [9, с. 25]. Впоследствии, рассматривая различные трактовки феномена памяти в области философии, психологии, филологии, культурологии сама Л. П. Репина уделила внимание концепции надындивидуальной памяти [10].

Особого внимания заслуживает публикация в 2014 г. итогов коллективного фундаментального исследования «Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время [11]», которая стала результатом реализации одного из серии научных проектов в сетевой программе исследований, разработанной РОИИ и Центром интеллектуальной истории ИВИ РАН. Выход этого труда стал ярким показателем концептуализации и систематизации многочисленных методологических подходов, а также эффективной коммуникации представителей рассматриваемого историографического направления. В этой связи авторским коллективом был сделан акцент на том, чтобы писать не столько «историю идей», сколько «историю людей», рассматривать деятельность интеллектуалов Нового времени как «генераторов» и распространителей идей и инноваций. Это позволило в свою очередь показать, как культурное наследие Нового времени трансформировалось перед лицом вызовов и катастроф XX столетия [12, с. 136].

Таким образом, деятельность Л. П. Репиной стала ключевой в процессе объединения представителей интеллектуальной истории на рубеже веков. Несомненно, важную роль сыграли одновременно многие факторы: организаторские

способности и творческий потенциал Лорины Петровны, широкие возможности знакомства с зарубежными исследованиями, включая приглашение зарубежных коллег (О. Г. Эксле, А. Мегилл) и публикацию их трудов[3, с. 261], открытость данного сообщества для новых творческих подходов, поддержка и сотрудничество в реализации исследовательских проектов увеличивающегося числа представителей интеллектуальной истории из разных регионов страны, а также наличие административного ресурса в лице ИВИ РАН.

Говоря в целом, потребность в поиске новых методов исследований в условиях системных изменений в российской науке поколения основателей интеллектуальной истории спустя три десятилетия обеспечило этому историографическому направлению в первой четверти XXI в. прочную позицию в гуманитарном знании. Кроме того, основатели интеллектуальной истории изначально демонстрировали открытость к сотрудничеству, что привело к развитию по всей стране специализированных профессиональных обществ и научных центров, ведущих активную издательскую деятельность, а также включению интеллектуальной истории в образовательные программы университетов. Безусловно, поколение этих исследователей значительно обогатило методологически российскую науку и во многом благодаря умению доступно и интересно подать информацию способствовало формированию у молодых людей устойчивого интереса к постижению истории.

Источники и литература

1. Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Coda, 1996. С. 25–38.
2. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Coda, 1996. С. 11–24.
3. Апрыщенко В.Ю, Савчук В.С. От медиевистики к историографии и интеллектуальной истории: юбилей Л. П. Репиной // Новое прошлое. 2017. № 3. С. 258–264.
4. Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной, В.И. Уколовой. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 5–12.
5. Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4. С. 288–302.
6. Булыгина Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века. Краснодар: Кубанькино, 2006. С. 27–34.
7. Балакин В.С. Интеллектуальная история науки: проблема и перспективы исследования // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 6 (106). С. 7–10.
8. Линченко А.А. Целостность исторического сознания: вопросы истории и методологии. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2014. 248 с.
9. Макаров А.И. Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 216 с.
10. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 82–99.
11. Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время. М.: Аквилон, 2014. 848 с.
12. Пузанов В.В. Новая книга по интеллектуальной истории // Вестник Удмуртского университета. 2014. Вып. 3. С. 135–136.

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (1940–1969 гг.)

Карпушкина Дарья Валерьевна, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

Darya13079@bk.ru

В статье рассматривается вопрос развития красноярской промышленности с 1940 по 1969 г. Хронологические рамки исследования объясняются периодом началом эвакуации в край и город предприятий с территорий европейской части СССР и завершением работы Л. В. Киренского в должности депутата Верховного Совета СССР и директора Института физики СО АН СССР. Цель статьи – показать, как эволюционировала промышленность г. Красноярска к 1969 г. и какие проблемы у нее были уже к 1960 г.

Ключевые слова: Красноярский край, научно-промышленный комплекс, жилищный вопрос, «хрущевки», региональная история

GENERATIONAL CHANGE AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL COMPLEX OF THE KRASNOYARSK REGION (1940–1969)

Karpushkina Darya Valeryevna, Postgraduate Student

Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia

Darya13079@bk.ru

The article discusses the development of the Krasnoyarsk industry from 1940 to 1969. The chronological framework of the study is explained by the period of the beginning of the evacuation of enterprises from the territories of the European part of the USSR to the region and the city and the completion of L. V. Kirensky's work as a deputy of the Supreme Soviet of the USSR and director of the Institute of Physics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. The purpose of the article is to show how the Krasnoyarsk industry had evolved by 1969 and what problems it had by the 1960s.

Keywords: Krasnoyarsk Region, scientific and industrial complex, housing issue, "Khrushchev" apartments, regional history

К 1950-м гг. советское руководство стало рассматривать науку как неотъемлемую часть производственной силы государства. Ранее свое развитие получили прикладные науки, напрямую связанные с советским оборонным строительством и производством. Однако другие предприятия сталкивались с проблемой отсутствия у них внутренних структур, занимающихся научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами. Отсутствие этих структур тормозило обновление технологий и внедрение новейших разработок в производственные процессы.

Конечно, промышленность в г. Красноярском крае появилась задолго до эвакуации в край множества производств из европейской часть советского государства, да и вообще территорий, которые могли попасть под нацистскую

оккупацию. К 1950-м гг. Красноярский край превратился в один из промышленных центров СССР. В 1952 г. был запущен в эксплуатацию завод «Сибэлектросталь». Первоначально он носил название «Опытно-промышленный завод черной металлургии» и был специально построен под способ, разработанный в Сибирском металлургическом институте В. П. Реминым [1, с.66]. Данное предприятие было открыто в связи с открытием Коршуновского месторождения и Бородинского разреза, где добывался бурый уголь. Первоначально он функционировал в рамках эксперимента – сработает или не сработанный ранее упомянутый метод, однако в дальнейшем «Сибэлектросталь» стала базой черной металлургии Урала, Сибири и Дальнего Востока, получило статус союзного значения.

Оказался на территории г. Красноярска и Сибирский завод тяжелого машиностроения – «Сибтяжмаш». Он был создан в 1939 г. и в 1941 г. производственное оборудование машиностроительного завода «Красный профинтерн» из Орджоникидзграда Орловской области было эвакуировано в г. Красноярск. Так был создан Красноярский паровозостроительный завод. В дальнейшем заводом было освоено изготовление вооружения, боеприпасов, электромостовых кранов и других изделий [2]. На данный момент «Сибтяжмаш» прекратил свою деятельность и является объектом дискуссий для дальнейшего использования оставленных промышленных корпусов [3]. Эвакуированных предприятий было множество, среди них Красноярский комбайновый завод (прекратил свою деятельность), Красноярский целлюлозно-бумажный комбинат (прекратил свою деятельность), Красноярский завод лесного машиностроения (аналогично) и другие. Можно сказать, что благодаря Великой Отечественной войне началось становление г. Красноярска и края в целом как промышленного центра.

Нельзя сказать, что до начала войны в крае не было никакой промышленности, однако же многие производства находились в европейской части. Помимо отсутствия крупного производства, в крае не существовало науки, которая эту промышленность могла бы обеспечивать какими-либо разработками, которые бы упрощали бы работу. Эвакуированные заводы привозились на поездах, и по воспоминаниям красноярцев, заставших военное время, представляли из себя «груды металла», которую нужно было собрать в рекордно короткие сроки, так как нужно было запускать станки и помогать фронту. Все это совпало с началом становления академической науки в г. Красноярске. Стоит отметить, что смена поколений, свежий взгляд со стороны, возможно и привел к становлению города как одного из промышленных центров нашей страны. Л. В. Киренский, основатель и первый директор Института физики, еще в 1940-м г. отмечал, что без научной базы г. Красноярск так и останется на периферии и не сможет развиваться дальше – город остро нуждался в научном центре.

Сотрудничество красноярской уже на тот момент промышленности и науки началось еще когда будущий Институт физики представлял из себя несколько лабораторий, размещенных на базе институтов – Красноярского педагогического, Медицинского института и Сибирского лесотехнического института, в 1958 г. переименованного в Сибирский технологический институт. В 1942 г. магнитная лаборатория, размещенная в Красноярском пединституте, изготовила для Завода №477 – эвакуированного авиазавода №477 НКАП, рассортировщик сталей, который должен был упростить и ускорить отсортировку авиационной стали от обычной. Это подтверждается самис договором, заключенным в Заводом №477, так и воспоминаниями людей, заставших Л. В. Киренского до его смерти. , начала

существование магнитная лаборатория в рамках Красноярского педагогического института. Почти сразу же был заключен договор с Заводом №477 (в годы войны эвакуированный авиазавод №477 НКАП) – этому заводу лаборатория изготовила рассортировщик сталей, который в дальнейшем был изготовлен для других предприятий [1]. В том числе и вне территории РСФСР – например, для завода №39, который находился в г. Фергана Узбекской ССР [3]. Ни в договоре, ни в акте к нему не упоминается, что как шла работа над рассортировщиком, а это был труд целой группы молодых специалистов, почти студентов. Таких договоров с заводами было несколько, одним из них было изготовление такого изделия для г. Фергана Узбекской ССР, Завод №39.

К 1950-м гг. лаборатории зарекомендовали себя не только в РСФСР, но и в других союзных республиках. Открылся Институт физики в 1956 г. [4]. К началу 1960-х гг. красноярская промышленность была сформирована, т.к. многие ее предприятия появились еще в 1930–1940-е гг. Исследователи отмечают, что уже к концу 1950-х гг. отмечаются проблемы в укомплектованности их необходимым оборудованием и снабжением. Конечно, эти проблемы никуда не исчезли и в 1960-е гг. Так, в 1961 г. возникла проблема выбросов цементной пыли Красноярским цементным заводом в Кировском районе города. Вопрос о ликвидации выбросов был поднят директором завода В. Самодуровым еще в 1959 г., однако решение этого вопроса задержалось до 1961 г. Часть оборудования завода была устаревшей и не подлежала установке на нее специальных фильтров [5].

Л. В. Киренский, бывшего в 1961 г. депутатом Верховного Совета СССР, был вынужден писать А. Н. Косыгину с просьбой помочь в обеспечении Красноярского завода искусственного волокна целлюлозой, т.к. завод не может выполнить план на 1961 г. из-за отсутствия выделенного фонда на целлюлозу и сорванных поставок из Японии, вместо целлюлозы которой была выделена Приозерская целлюлоза в счет Рязанского завода – 1500 тонн, вместо необходимых 3500 тонн японской. К марту этого года Красноярский завод искусственного волокна вынужден был сокращать производство, т.к. обеспечен был всего на 40% [6].

В целом можно сказать, что развитие промышленности и науки в г. Красноярске началось с прибытием в город нового поколения специалистов, которые приезжали сюда по распределению после учебы или вместе с эвакуированными заводами, на которых в дальнейшем и работали. В военный период промышленность работала на фронт, в послевоенное перестроилась на гражданское производство. Смена поколений нашла себя и в науке, а в г. Красноярске так получилось, что наука и промышленность строились одновременно. Возможно, если бы не активность нового поколения, Красноярский край не был бы таким, каким он известен сейчас.

Источники и литература

1. ОАО «Сибирский завод тяжелого машиностроения» // «Лаборатория Новостей»: сайт. 2003. URL: <https://newslab.ru/info/dossier/oao-sibirskij-zavod-tyazhelogo-mashinostroeniya> (дата обращения: 10.11.2025).
2. Сибтяжмаш. Концепция застройки территории Сибирского завода тяжелого машиностроения // Архитектура. Урбанистика. Инжиниринг: сайт. URL: <https://www.proa2.ru/project/sibtyazhmash/> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Акт о выполнении работы от 6 июля 1943 г. // Мемориальный музей академика Л. В. Киренского: сайт. 2009. URL: <http://photo.kirensky.ru/dokumenty/arhivnye-dokumenty-memorialnogo-muzeya-l-v-kirenskogo/papka-4.3/001/view> (дата обращения: 10.11.2025).

4. Об организации Института физики АН СССР в г. Красноярске [Электронный ресурс] // Мемориальный музей академика Л. В. Киренского: сайт. 2009. URL: <http://photo.kirensky.ru/dokumenty/arhivnye-dokumenty-memorialnogo-muzeya-l-v-kirenskogo/papka-4.4> (дата обращения: 10.11.2025).
5. ГАКК. Ф.Р -2272. Оп. 1. Д.8. Л.147,148.
6. ГАКК. Ф.Р -2272. Оп. 1. Д.9. Л. 167–169.
7. Павлюкевич Р.В. Деятельность Красноярского совнархоза по развитию черной, цветной металлургии (1957–1965 гг.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. Вып. 4. Красноярск, 2015. С. 228–234.
8. Павлюкевич Р.В. Развитие сети научных учреждений Красноярского экономического района в 1957–1965 гг. // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. Вып. 4. Красноярск, 2014. С. 262–268.

**П.М. СОФРОНОВ И ПОКОЛЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1-й ВОЛНЫ
(ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)**

Кравцов Константин Сергеевич, доктор физико-математических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
ks.kravtsov@gmail.com

Турилова Мария Валерьевна, кандидат филологических наук
Независимый исследователь, Калуга, Россия
mariaturilova@mail.ru

В статье представлен обзор работ об иконописце П. М. Софронове и его связях с поколением русской эмиграции первой волны.

Ключевые слова: икона, история России, П. М. Софронов, русская эмиграция первой волны

**P. M. SOFRONOV AND THE GENERATION OF RUSSIAN EMIGRATION
OF THE 1st WAVE (LITERATURE REVIEW)**

Kravtsov Konstantin Sergeevich, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Assistant Professor
M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ks.kravtsov@gmail.com

Turilova Mariia Valer'evna, Candidate of Philological Sciences
Independent Researcher, Kaluga, Russia
mariaturilova@mail.ru

The article provides a review of literature about the icon painter P. M. Sofronov and his connections with the generation of Russian emigration of the first wave.

Keywords: icon, Russian, Russian emigration of the 1st wave, Russian history, P. M. Sofronov

В статье представлен обзор работ об иконописце Пимене Максимовиче Софронове (1898–1973) и его связях с поколением русской эмиграции первой волны.

В автобиографии «Курсив мой» писательница русской эмиграции Н. Н. Берберова изображает поколение литераторов, чья молодость пришлась на предреволюционные, революционные и постреволюционные годы в России. О годах, наступивших в России после революции, она пишет так: «Конец появился в воздухе сначала как некая метафора, тоже коллективно-абстрактная, которая, видимо, становилась день ото дня яснее. <...> Литературная политика (до конца тридцатых годов) была частью политики общей – сначала Ленина – Троцкого, затем Зиновьева – Каменева – Сталина и, наконец, Сталина – Ежова – Жданова. И в итоге были уничтожены люди, рожденные около 1880 года, люди, рожденные около 1895 года, и люди, рожденные около 1910 года» [1, с. 186–187]. Некоторые эмигрировали, их называют русской эмиграцией первой волны.

Доктор культурологических наук Т. В. Юрьева в ряде статей 1996–2006 гг., перечень которых указан в автореферате ее докторской диссертации [2, с. 41–47], монографии (2005) [3] и диссертации (2006) [4] писала о православном иконостасе в системе мировой культуры. В некоторых статьях 2005–2006 гг. особо исследуются

иконостасы русского зарубежья [5], в том числе «Парижской школы» [6] [7] [8], отдельных иконописцев – учеников П. М. Софронова, например Д. С. Стеллецкого [9].

Ряд статей автора 2018–2023 гг. также посвящен иконописцам поколения русской эмиграции первой волны: П. М. Софронову (2019–2020) [10] [11], Д. С. Стеллецкому (2018) [12], Л. А. Успенскому (2018) [13], В. А. Цевчинскому (2022) [14], И. Я. Билибину (2023) [15].

Американский исследователь Р. Р. Робсон в статье «Библиотека и “Целебник”: идентичность и искусство в коллекции П. М. Софронова» (2014) [16] сообщает основные факты биографии иконописца, а также подробно рассказывает о работе иконописца за рубежом: жизни и учебе в Эстонии, переезде в Ригу (1927), знакомстве с И. Н. Заволоко, который ввел его в круг русской эмиграции, общении с Русским студенческим христианским движением. Об иконописце говорили, что он «не смыслит в живописи» (Юлия Рейтлингер); русские эмигранты высмеивали его в светских салонах. Однако с 1931 г. он жил в Париже, вступил в общество «Икона», сошелся с художниками из русской эмиграции (Дм. Стеллецким, Н. Гончаровой), реставрировал и писал иконы, давал уроки в «Русском Доме» и читал лекции в Свято-Сергиевском Православном богословском институте. Имел учеников (например, Г. Морозова). Пользовался покровительством княгини Н. Г. Яшвиль (1930–1939), жил в Праге и преподавал в Кондаковском институте (1932). В Сербии реставрировал иконы и росписи храмов (1933–1939). В 1939–1945 гг. жил в Риме, писал иконостасы для Ватикана и имел учеников, а затем переехал в США. Там он совершил множество поездок по стране, писал иконостасы и иконы для храмов, давал уроки, коллекционировал книги. В 1969 г. побывал в СССР. Умер и похоронен в США [16]. Монографии и другие статьи автора также дают картину жизни русской эмиграции [17] [18] [19].

В статье протоиерея Андрея Лобашинского «Пимен Максимович Софронov – художник-изограф» (2016) подробно рассматриваются детство иконописца в эстонской деревне Тихотка, обучение в иконописной школе Г. Е. Фролова, жизнь в Риге, Париже, Праге и Югославии [20].

Эти исследования показывают, что иконописец всю жизнь учился своему ремеслу, совмещал основы древнерусской иконописи и современные живописные техники, преподавал традиционное православное иконописание и во всех странах тесно общался с представителями русской эмиграции первой волны, к которой принадлежал и он сам.

Мы благодарим Его Высокопреосвященство Митрополита Калужского и Боровского Климента, духовенство Калужской Митрополии, руководство, преподавателей, студентов Калужской духовной семинарии за возможность выполнения, обсуждения, проверки этой работы.

Источники и литература

1. Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография / предисл. А. Кузнецовой. М.: АСТ; Астрель, 2010. 765 с.
2. Юрьева Т.В. Православный иконостас как культурный синтез: автореф. дис. ... д-ра культурологических наук. Саранск, 2006. 48 с.
3. Юрьева Т.В. Православный иконостас как культурный синтез. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2005. 249 с.
4. Юрьева Т.В. Православный иконостас как культурный синтез: дис. ... д-ра культурологических наук. Саранск, 2006. 370 с.

5. Юрьева Т.В. Иконостасы русской эмиграции // Церковное искусство: модернизм и традиции: мат-лы конф., 26–29 апреля 2004 г. / науч. ред. Ю. Г. Бобров; Российская академия художеств, Санкт-Петербургский гос. акад. ин-т им. И.Е. Репина. СПб., 2005. С. 27–31.
6. Юрьева Т.В. Иконостасы русского зарубежья. «Парижская школа», XX в. // «Икона»: альманах общества «Икона» в Ярославле. Ярославль: Канцлер, 2005. № 1. С. 17–24.
7. Юрьева Т.В. Некоторые парадоксы ощущения столичности в среде русской эмиграции в Париже // Столицы и столичность в истории русской культуры. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. С. 41–45.
8. Юрьева Т. В. Церковь Николая Чудотворца в Булонь-Бийянкур, Париж // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. Материалы и исследования. К 450-летию реставрации и всероссийского прославления чудотворной иконы «Никола Великорецкий». М. : Сканрус, 2006. С. 410–418.
9. Юрьева Т.В. Иконостасы Д.С. Стеллецкого // X Научные чтения памяти И.П. Болотцевой: сб. ст. Ярославль: Аверс Пресс, 2006. С. 144–160.
10. Юрьева Т.В. Иконописец Пимен Софронов: причудский период творчества // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2 (17). С. 215–219.
11. Юрьева Т.В. Особенности американского периода творчества иконописца П.М. Софронова // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 214–220.
12. Юрьева Т.В. Иконостасы Русского Зарубежья: Д.С. Стеллецкий // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 234–243.
13. Юрьева Т.В. Иконостасы русского зарубежья: иконописец и богослов Л.А. Успенский // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 385–391.
14. Юрьева Т.В. Иконостасы русской эмиграции: иконописец В.А. Цевчинский // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 98–111.
15. Юрьева Т.В. Обращение к сакральному в иконостасах и фресках И.Я. Билибина // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 222–230.
16. Робсон Рой Р. Библиотека и «Целебник»: идентичность и искусство в коллекции П.М. Софронова / пер. с англ. М. В. Туриловой // О вере и суевериях: сб. ст. в честь Е.Б. Смилянской / сост. В.Е. Борисов, отв. ред. Д.И. Антонов; НИУ ВШЭ. М.: Индрик, 2014. 352 с. С. 279–302.
17. Robson R. Old Believers in Modern Russia. DeKalb, Northern Illinois University Press, 1995 (переиздана в 2007).
18. Robson R. Solovki: The Story of Russia Told Through its Most Remarkable Islands. New Haven, Yale University Press, 2004.
19. Robson R. Art and Politics at the Vatican Congregation for the Oriental Churches, 1917–45 // Russian History/ Histoire Russe. 2011. № 1 (38). Р. 42–57.
20. Лобашинский А., протоиерей. Пимен Максимович Софронов – художник-изограф // Богословско-исторический сборник / под общ. ред. митрополита Калужского и Боровского Климента (Капалина). 2016. Юбилейный выпуск (№ 8). Калуга: Калужская духовная семинария, 2016. 272 с. С. 169–182.

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РАЗВИТИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1879–1930-х ГОДОВ)

Михеенков Егор Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент
Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия
megasv74@mail.ru

В настоящей статье анализируются этапы современной отечественной историографии изучения истории пенитенциарной системы Западной Сибири, показывается роль, показывается степень научной разработанности данной тематики, оценивается вклад исследователей истории пенитенциарной системы Западно-сибирского региона по введению в научный оборот новых источников.

Ключевые слова: пенитенциарная система, Западная Сибирь, историографические аспекты изучения

CONTEMPORARY DOMESTIC HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE WESTERN SIBERIA (1879–1930)

Mikheenkov Yegor Gennadyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian State Medical University, Tomsk, Russia
megasv74@mail.ru

This article analyzes the stages of modern domestic historiography of the study of the history of the penitentiary system of Western Siberia, shows the role, shows the degree of scientific development of this subject, assesses the contribution of researchers of the history of the penitentiary system of the Western Siberian region to the introduction of new sources into scientific circulation.

Keywords: penitentiary system, Western Siberia, historiographical aspects of the study

История изучения пенитенциарной системы на различных этапах ее развития в последние годы привлекает все большее внимание исследователей как на всероссийском, так и на региональном уровнях. Не утихают споры о хронологии исследований, датах создания пенитенциарной системы Российского государства, роли пенитенциарной системы в жизни российского общества. Хотелось бы отметить, что изучение истории пенитенциарной системы Западной Сибири имеет важное значение не только в контексте исторического развития, но и для законодательной и правоприменительной практики в целом.

В рассматриваемый период времени на территории Западной Сибири сменилось как минимум пять политических режимов (дореволюционных правительств России; Временного правительства; контрреволюционных правительств периода Гражданской войны: Временного Сибирского правительства и Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака; Советской власти). При этом каждый из них пытался приспособить деятельность пенитенциарной системы для решения собственных политических задач. В связи с этим, изучение исторического опыта развития пенитенциарной системы региона приобретает особый исторический интерес и несомненную актуальность.

Историография изучаемой тематики выглядит двойственно. С одной стороны, имеется значительное количество работ посвященных изучению пенитенциарной системы в целом. С другой стороны, исследований специфики становления и развития пенитенциарной системы Западной Сибири не так уж много.

Первые работы, изучающие данную тематику, появляются в середине 1920 – начале 1930-х годов. В основном это касается публикаций членов большевистской партии на страницах журналов «Каторга и ссылка», «Красный архив», «Сибирские огни», а также в изданиях Всесоюзного общества политкаторжан и спецпоселенцев, испытавших все сложности тюремного содержания как в царских тюрьмах, так и в тюрьмах «белых» режимов [1–4]. При этом в большинстве своем они были написаны в форме воспоминаний о событиях тех дней.

Вместе с тем, данные работы имели свое рациональное начало. Во-первых, они показывали условия отбывания наказаний политических и уголовных преступников в тюрьмах дореволюционной России, а позднее и антибольшевистских режимов Западной Сибири. Во-вторых, данные работы важны в качестве реконструкции отдельных аспектов карательной политики «белых» режимов, например, - так называемых «барж смерти», активно применяемых против пленных красноармейцев в 1918–1919 годах. В-третьих, в указанных работах тюрьма рассматривается как своеобразная подготовка революционных кадров. В-четвертых, данные работы позволяют сформировать представление о масштабах репрессий «белых» режимов Сибири в годы Гражданской войны в отношении своих политических противников.

С середины 1930-х годов изучение истории пенитенциарной системы Западной Сибири практически не проводилось. Фрагментарные упоминания о ее существовании можно было встретить лишь в контексте борьбы трудящихся с контрреволюционными режимами [5, 6].

Новый этап изучения пенитенциарной системы региона традиционно связывается с преодолением культа личности И.В. Сталина, началом реабилитации жертв политических репрессий, восстановлением принципа справедливости в системе исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, что позволило расширить горизонты исследований, акцентировать внимание как на развитии уголовно-исполнительной политики и особенностей ее реализации в различных регионах РСФСР, так и исправительно-трудового законодательства.

Началом нового периода изучения пенитенциарной истории связывается с выходом пятитомного исследования М.Н. Гернета «История царской тюрьмы» [7]. И хотя оно посвящено дореволюционной истории тюремной системы в нем подробно освещаются численность, состав заключенных, рассматривается их быт и нравы, особенности применения дореволюционного законодательства к различным категориям осужденных. Отметим, что многие выводы исследователя актуальны и сегодня. Недаром, среди вышедших в последние три десятилетия работ по изучаемой тематике в каждой из них имеется упоминание уважаемого автора.

Значительный вклад в изучение тематики внесли не только исторические, но и историко-правовые исследования. Среди них следует выделить выполненную в Томске под руководством основателя школы исправительно-трудового права профессора А.Л. Ременсона кандидатскую диссертацию А.С. Кузьминой [8]. В ней впервые рассматривается становление и развитие советских исправительно-трудовых учреждений в 1920-е гг., правовая регламентация их деятельности, организация режима, труда осужденных, отдельные аспекты воспитательной работы с осужденными. Однако период революции и Гражданской войны в Сибири автором по

идейно-политическим соображениям не затрагивался. Вместе с тем кандидатская диссертация А.С. Кузьминой, как и последующее учебное пособие [9] изданное Омской высшей школой МВД в 1980 г. стали отправной точкой в изучении пенитенциарной системы Сибири.

Значительный вклад в изучение истории пенитенциарной системы на всероссийском уровне внесли работы М.Г. Деткова [10], А.И. Зубкова, Ю.А. Калинина, В.Д. Сысоева [11], Л.П. Рассказова [12], Ю.А. Реента [13], И.В. Упорова [14], Л.Ф. Пертли [15], А.Л. Печникова [16] и других исследователей. В них собран значительный исторический материал развития учреждений и органов лишения свободы в Советский период времени, проведен анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность пенитенциарной системы страны, выявлены отдельные вопросы социально-правового положения сотрудников пенитенциарной системы на различных исторических этапах, показана специфика воспитательной работы с различными категориями осужденных. Вместе с тем, несмотря на значительный архивный материал, впервые вводимый авторами в научный оборот, вопросам развития пенитенциарной системы Западной Сибири в них уделялось незначительное место.

Непосредственно вопросы истории развития пенитенциарной системы Западной Сибири находились в центре внимания сибирских исследователей О.Н. Бортниковой, А.В. Быкова, С.П. Звягина, Д.Р. Тимербулатова. Так, в монографии О.Н. Бортниковой впервые на конкретно-историческом материале произведена попытка рассмотреть вопросы реализации уголовного и пенитенциарного законодательства России на территории Западной Сибири, анализируется социально-правовое положение заключенных, делается вывод об общности исторического развития пенитенциарных систем Тобольской и Томской губернии [17]. К сожалению, несмотря на всю значимость проведенного автором исследования в нем отсутствуют вопросы становления и развития пенитенциарного персонала учреждений, да и хронологические рамки ограничиваются дореволюционным периодом.

Среди исторической литературы последних лет выгодно отличается монография А.В. Быкова, посвященная становлению пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е годы [18]. В ней автором на основе богатого архивного материала предпринята попытка не только проанализировать отдельные аспекты реализации пенитенциарной политики Советского государства, но и рассмотреть различные аспекты жизни осужденных: медицинское, социально-бытовое обеспечение, культурно-воспитательную работу. Однако основной аспект в работе делается на территории Омской и Новосибирской областей, что значительно сужает территориальные рамки исследования.

Развитию пенитенциарной системы западносибирского региона посвящены диссертационные исследования С.П. Звягина [19] и Д.Р. Тимербулатова [20]. И если в докторской диссертации С.П. Звягина развитие пенитенциарной системы рассматривается в целом в контексте правоохранительных органов «белых» режимов Сибири, то кандидатская диссертация Д.Р. Тимербулатова посвящена функционированию пенитенциарной системы в годы Гражданской войны. Данные работы в значительной мере восполняют лакуны в исторических исследованиях периода 1917–1919 годов, позволяют проанализировать карательную политику контрреволюционных режимов, возможность приспособить существовавшее ранее дореволюционное законодательство в постоянно менявшихся политических условиях 1918–1919 годов, показать бытовые условия отбывания наказания в виде лишения свободы.

Определенный вклад в разработку тематики внесли исследования томских ученых, выполняемые в 2012–2019 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований под руководством профессора В.А. Уткина: Д.В. Волошина, Е.Г. Михеенкова [21], В.Н. Уйманова [22]. Отметим, что два из них (В.Н. Уйманова и Д.В. Волошина) стали прологом для написания и успешной защиты докторских диссертаций по истории и истории педагогики [23].

Определенный вклад в изучение тематики внесли материалы Всероссийских и международных научных конференций, проходивших в последнее время в Томске, Омске, Новокузнецке, Рязани, Москве [24].

Вместе с тем, несмотря на всю значимость и актуальность опубликованных научных работ, тема «История пенитенциарной системы Западной Сибири» изучена недостаточно полно. До сих пор окончательно не проанализирована реализация центрального российского пенитенциарного законодательства на территории западносибирского региона; социально-правовое положение сотрудников пенитенциарного ведомства в различные исторические эпохи; особенности режима отбывания наказаний в различных пенитенциарных учреждениях и бытовые условия в них. Все это позволяет надеяться на последующее развитие тематики и появление крупных обобщающих исследований в ближайшее время.

Источники и литература

1. Вегман В.Д. Колчаковские застенки «В Сибири ужас и смерть...» // Сибирские огни. 1935. № 1. С. 46–53.
2. Виленский-Сибиряков В.Д. Политкаторжане (Каторга и ссылка в русской революции). М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и спецпоселенцев, 1925. 63 с.
3. Николаев В.И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. 1927. № 5. С. 12–23.
4. Омские события при Колчаке // Красный архив. Т. 7. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 201–246.
5. Мототов В.С. Большевики Сибири в период Гражданской войны (1918–1919). Омск: Омское областное гос. изд-во, 1949. 144 с.
6. Плотникова М.Е. Борьба трудящихся Томской губернии с интервентами и белогвардейцами в 1918 году: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1953. 15 с.
7. Гернет М.Н. История царской тюрьмы в 5 т. Т. 3. 1870–1900. – М.: Госюриздат, 1961. 430 с.
8. Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1972. 29 с.
9. Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924): учеб. пособие. Омск, 1980. 120 с.
10. Детков М.Г. Тюремь, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-1М, 1999. 448 с.
11. Зубков А.И., Калинин Ю.А., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: история и современность / под ред. С.В. Степашина, П.М. Крашенинникова. М.: Норма, 1998. 172 с.
12. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар: Краснодар. юрид. ин-т МВД России, 1999. 490 с.
13. Реент Ю.А., Жигалев А.В. Исправительно-трудовая система советской России в довоенный период (1921–1940): монография. М.: Проспект, 2022. 192 с.
14. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 610 с.

15. Пертли Л.Ф., Кузьмин С.И. История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях в России. М.: Инфра-М РИОР, 2010. 113 с.
16. Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства, 1649 – октябрь 1917 гг.: историческая хроника. М.: Щит-м, 2004. 325 с.
17. Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг.: монография. Тюмень: Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 1999. 304 с.
18. Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг.: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2011. 180 с.
19. Звягин С.П. Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистских правительств на Востоке России (1918–1922 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2003. 52 с.
20. Тимербулатов Д.Р. Пенитенциарная система Западной Сибири при антибольшевистских правительствах (май 1918 – декабрь 1919 г.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 306 с.
21. Волошин Д.В., Михеенков Е.Г. Персонал пенитенциарных учреждений Сибири в конце XIX в. – начале 1940-х годов: историко-правовое исследование: монография. Томск: Офсет центр, 2019. 278 с.
22. Михеенков Е.Г., Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Томской губернии 1879 – середина 1930-х годов: историко-правовые аспекты: монография. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 277 с.
23. Волошин Д.В. Генезис подготовки пенитенциарных кадров в России в 1879–1945 гг. в контексте парадигмального подхода: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. 41 с.; Уйманов В.Н. Массовые репрессии в Западной Сибири (1919–1941 гг.) и кампания по реабилитации репрессированных: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013. 54 с.
24. Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сб. статей / ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик [и др.]. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2024; Право и политика: история и современность: мат-лы Пятой всерос. науч.-практ. конф. (13–14 декабря 2014 г.) / отв. за вып. Т.Е. Грязнова, Л.М. Алтынбаева. Омск: Омская академия МВД России, 2014; Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: мат-лы науч.-практ. конф., 17–18 ноября 2011 года / отв. ред. А.Г. Антонов; Кузбасский институт ФСИН России. Новокузнецк: Изограф, 2012; VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-І «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»): сб. тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 15–17 нояб. 2023 г.): мат-лы всерос. науч.-практ. конф. и круглых столов: в 9 т. Т. 8. Рязань: Академия ФСИН России, 2023; Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Москва, 25 апреля 2024 г.). М., 2024.

**ШТРИХИ ЖИЗНИ УЧЕНЫХ И ДИПЛОМАТОВ – КИТАЕВЕДА
М. С. КАПИЦЫ И ЭКОНОМИСТА-МЕЖДУНАРОДНИКА Л. М. КАПИЦЫ
КАК ПРИМЕР ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СЛУЖЕНИЯ НАУКИ И ОТЕЧЕСТВУ**

Никуленков Василий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент
ФИЦ КНЦ СО РАН, Красноярск, Россия
nikulenkov.vv@ksc.krasn.ru

Статья посвящена памяти дочери выдающегося отечественного ученого, дипломата и востоковеда Михаила Степановича Капицы – Ларисы Михайловны Капицы, ушедшей из жизни в сентябре 2025 года. Отмечается вклад М.С.Капицы и Л.М.Капицы в изучение истории, экономики и международных отношений Китая в период становления советской науки о странах Востока. Рассматриваются ключевые этапы научной биографии Капицы, подчеркиваются его достижения в развитии теории международных отношений и практики советской дипломатии, особое внимание уделяется публикациям и научным работам, оказавшим значительное влияние на формирование современного подхода к изучению китайской проблематики. Анализируются роль Капицы в укреплении научно-культурных связей между СССР и Китаем, а также значение его трудов для понимания специфики современных китайско-российских отношений.

Ключевые слова: Л.М.Капица, М.С.Капица, поколение ученых, советское китаеведение, научная школа

**STROKES FROM THE LIFE OF SCIENTISTS AND DIPLOMATS –
SINOSCIENTIST M. S. KAPITSA AND INTERNATIONAL ECONOMIST
L. M. KAPITSA AS AN EXAMPLE OF CONTINUITY OF SERVICE
TO SCIENCE AND THE FATHERLAND**

Vasily Valentinovich Nikulenkov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Krasnoyarsk, Russia
nikulenkov.vv@ksc.krasn.ru

This article is dedicated to the memory of Larisa Mikhailovna Kapitsa, daughter of the outstanding Russian scientist, diplomat, and orientalist Mikhail Stepanovich Kapitsa, who passed away in September 2025. The article acknowledges the contributions of M. S. Kapitsa and L. M. Kapitsa to the study of the history, economy, and international relations of China during the formation of Soviet scholarship on the countries of the East. The key stages of Kapitsa's academic biography are examined, highlighting his achievements in the development of international relations theory and the practice of Soviet diplomacy. Particular attention is paid to publications and scholarly works that significantly influenced the development of the modern approach to the study of Chinese issues. Kapitsa's role in strengthening scientific and cultural ties between the USSR and China is analyzed, as well as the significance of his works for understanding the specifics of contemporary Sino-Russian relations.

Keywords: L.M. Kapitsa, M.S. Kapitsa, generation of scholars, Soviet Sinology, academic school

С глубоким прискорбием узнал о кончине Ларисы Михайловны Капицы. Выпускница нашей общей альма-матер – МГИМО, разносторонний, талантливый ученый, Лариса Михайловна внесла весомый вклад в сокровищницу отечественной науки. Многие сделала для обеспечения преемственности поколений российских международных, щедро делилась богатейшим опытом и знаниями со студентами, аспирантами, молодыми коллегами-преподавателями. Ее ученики продолжают плодотворно трудиться в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации – в центральном аппарате и загранучреждениях. Признание получили заслуги Л.М.Капицы и на дипломатической стезе. Долгие годы она достойно представляла Родину в системе Организации Объединенных Наций, способствовала продвижению наших приоритетов на ооновской площадке. С теплотой вспоминаю о своем общении с Ларисой Михайловной, о годах совместной работы в Нью-Йорке. Выражаю искренние соболезнования. Прошу принять слова сочувствия и поддержки. Эти слова, сказанные министром иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавровым посвящены дочери выдающегося советского и российского китаевода, который впервые стал автором советской монографии по внешней политики Китая – М.С. Капицы.

Развитие советского китаеведения связано с именами многих ученых, среди которых особую значимость занимает фигура Михаила Степановича Капицы. Его научные труды и практические инициативы способствовали формированию целостного представления о Китае и динамике двусторонних отношений между двумя странами. Несмотря на относительную изученность некоторых аспектов творчества Капицы, общий вклад его в советское востоковедение остается недостаточно оцененным. Научные работы его дочери – Л.М. Капицы также требуют осмысления и будущей оценки специалистами в области международных отношений. Очень важно комплексно подойти к вкладу семьи Капица в изучение международных отношений, к их вкладу в педагогическую и научную деятельность нашей страны. Данная работа ставит своей целью восполнить этот пробел, представив комплексный анализ ключевых достижений ученых в данной области.

Первая значительная советская публикация, детально рассматривающая внешнюю политику Китайской Народной Республики, появилась в 1958 году. Это была монография дипломата М.С. Капицы под названием «Советско-китайские отношения» Монография основывалась на его докторской диссертации и представляет собой подробный анализ исторического контекста двусторонних отношений, включая сложный период конца 1920-х – начала 1930-х годов. Хотя формально эта работа не являлась прямой реакцией на вышедшие примерно в тот же период книги китайского историка Пын Мина («Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза» и «История китайско-советской дружбы, она фактически вступала с ними в диалог, предлагая собственную интерпретацию событий. Книга Капицы характеризовалась высоким уровнем исследовательской проработанности и точности изложения материала. Таким образом, можно говорить о том, что М.С.Капица стал пионером изучения внешней политики Китая. Эта книга была одной из первых серьезных попыток систематизировать исторический материал о взаимоотношениях СССР и Китая начиная с первой половины XX века. Работа содержала богатый фактологический материал, отражавший важные события в рамках двустороннего сотрудничества. Она помогла создать основы советской китаистики, заложив теоретико-методологические подходы к изучению сложных процессов взаимодействия двух великих держав.

Михаил Степанович Капица родился в селе Юрковцы Хмельницкой области УССР в ноябре 1921 г. Уже в молодости проявил интерес к востоковедению, начав обучение сначала в Харьковском институте иностранных языков, а затем продолжив образование в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (ныне МГЛУ). После окончания института продолжил учебу в Высшей дипломатической школе Министерства иностранных дел СССР, завершив ее в 1948 году. Эти годы стали началом активной дипломатической службы, связанной преимущественно с Китаем.

В течение 1940-х годов Капица последовательно выполнял обязанности секретаря Посольства СССР в Китае, накапливая опыт непосредственного участия в политических процессах в этой стране. Именно тогда начали формироваться фундаментальные взгляды будущего исследователя, впоследствии воплотившиеся в его многочисленных трудах по советско-китайским отношениям. Особое значение имело знакомство с внутренней жизнью китайского государства, результатом которого стала защита диссертации «Советско-китайские отношения накануне и в годы второй мировой войны, 1937–1945 гг.» в 1952 году. Эта работа положила начало серии исследований, направленных на всестороннее осмысление исторического опыта взаимоотношений СССР и Китая.

Научные интересы Капицы охватывали широкий спектр проблем, однако центральное место занимали вопросы изучения советско-китайских отношений, международной обстановки на Дальнем Востоке и проблемах формирования внешнеполитического курса КНР. Так, вторая книга Капицы «КНР: два десятилетия – две политики» (1969) проанализировала изменения в стратегии и тактике внешней политики Китая в послевоенный период, выявляя факторы, влияющие на международную обстановку. Книга оказалась востребованной и послужила основой для дальнейших исследований динамики китайских реформ. В книге «КНР: три десятилетия – три политики» (1979) был обобщен значительный массив данных о внешней политике Китая в течение трех десятилетий существования КНР. Ее особенностью стало выявление закономерностей и тенденций изменений внешнеполитического курса Поднебесной, что позволило выявить преемственность и эволюционные процессы китайской политики.

Кроме указанных основных произведений, Капица опубликовал ряд статей и докладов, посвященных различным аспектам международной политики региона, проблемам регионального сотрудничества и взаимовыгодного партнерства между СССР и Китаем. Кроме чисто академической деятельности, Капица активно участвовал в практической работе советских органов власти, занимаясь организацией культурных обменов, поддерживая взаимодействие между университетскими центрами обеих стран. Благодаря его усилиям установились прочные связи между ведущими вузами Москвы и Пекина, начались совместные программы подготовки кадров и проведение совместных конференций. В результате возросла эффективность образовательных проектов, улучшилась координация действий ученых и педагогов двух стран. Особое значение имели выступления Капицы на заседаниях Международного форума ученых, проходивших в Москве и других городах. Выступая с лекциями и сообщениями, он популяризовал идеи интеграции науки и образования, настаивал на важности комплексного анализа актуальных вопросов региональной и международной политики. Именно его позиция легла в основу последующего сближения позиций сторон в ходе переговоров по важным экономическим и политическим вопросам.

Лариса Михайловна Капица – выпускница Московского государственного института международных отношений (МГИМО), окончившая его в 1967 году по специальности «Международная экономика» получила диплом и поступила в очную аспирантуру по кафедре мировой экономики, выбрав специализацию «Экономика развивающихся стран». Завершив аспирантуру успешно, в 1971 году защитила кандидатскую диссертацию, после чего получила назначение преподавателем той же кафедры, где вела занятия по широкому спектру дисциплин, таких как мировая экономика, экономика Латинской Америки, африканских и арабских стран, а также развитие и размещение мировых производительных сил. За успехи в преподавательской деятельности в 1977 году ей присвоили ученое звание доцента. В дальнейшем ее карьера пошла вверх: в 1985 году она перешла на службу в секретариат Организации Объединенных Наций, заняв должность руководителя секции развивающихся экономик Департамента по экономическим и социальным вопросам. Затем она работала руководителем другой важной секции департамента – социальной политики и институтов. В 2000 году Лариса Михайловна заняла руководящую позицию в Европейской экономической комиссии ООН, исполняя обязанности директора оперативного подразделения. Эту ответственную должность она исполняла вплоть до 2003 года. Вернувшись в Россию, с 2004 года она вновь приступила к преподавательской деятельности, теперь уже в статусе доцента кафедры мировой экономики, ведя лекции по экономической дипломатии, экономике США, сравнительной экономике, региональным особенностям экономики и глобальной экономике. Помимо основной деятельности, она также занимается консультационной деятельностью в рамках Европейского экономического комитета ООН и Программы развития ООН. Научные интересы Лилии Михайловны сосредоточены вокруг социально-экономических проблем развития, особенностей американской экономики, моделей социально-экономического роста, экономики конфликтов и терроризма, а также феноменов неформальной экономики. Михаил Степанович, человек скромного происхождения, искренне признававшийся в этом, обладал способностью открыто проявлять уважение и восторг перед талантом и способностями окружающих. Лариса Михайловна вспоминает: «Еще ребенком я наблюдала, как к нам домой прибыл старый китайский профессор, бывший наставник папы по чунцинскому периоду. Отец буквально сиял от восторга, говоря о его воспитанности и эрудиции, заботливо подкладывал подушки на диван и сопровождал его везде. Называл его исключительно уважительным титулом «сьеншэн», что в Китае считается высшим почтением к учителю. Время, проведенное профессором в Советском Союзе, папа воспринимал как настоящий праздник».

Работы Михаила Степановича продолжают оставаться важными источниками знаний о прошлом и настоящем китайско-российских отношений, обеспечивая надежную базу для выработки стратегических решений в современном мире. В свете новых реалий современные исследователи обязаны учитывать наследие великого ученого и продолжать развивать направление, которое он начал создавать еще в середине прошлого столетия. Работы Ларисы Михайловны внесли значительный вклад в изучение системы ООН и международных отношений в целом. Коллеги и ученики отмечали ее способность пробуждать интерес к предметам, готовность поддержать и посоветовать как профессионально, так и лично. Светлая память о Ларисе Михайловне Капице сохраняется в сердцах студентов и преподавателей, которым посчастливилось работать с ней. Династия исследователей-международников представляет пример успешного воспитания и стремления создать научную школу, транслировать опыт и знания, оставить после своей работы память и благодарность учеников.

Источники и литература

1. Лавров С.В. Соболезнования Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова родным и близким Л.М.Капицы. 27.09.2025. 17:10. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/shots/vnutrivedomstvennye_novosti/nekrologi_pamyati_kolleg/2049603 (дата обращения: 24.12.2025).
2. Грешных В.К. Незабвенный МихСтеп // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 1 (22). С. 296–309.
3. Зайцев А.С. Дипломат и ученый памяти Михаила Степановича Капицы (1921–1995) // Азия и Африка сегодня. 2010. № 11 (640). С. 57–58. EDN: OIJGZR.
4. Лосюков А.П. Для меня Михаил Степанович Капица – одна из крупных вех... // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 13–14.
5. Малетин Н.П. В память о моем учителе и старшем друге М.С. Капице // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 5–12.
6. Томпакова Т.А. Мои воспоминания о М.С. Капице // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 15–17.

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В НАУКЕ

Осипова Елена Сергеевна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
elenalawosipova@mail.ru

Современное научное сообщество многообразно. Стремительное развитие цифровых технологий оказало воздействие на взаимоотношения между поколениями ученых, разделив и обострив границы между ними. В данном исследовании предпринята попытка определить границы поколений. Так же в статье подчеркнуты достоинства и недостатки, свойственные лицам, принадлежавших к определенному поколению ученых. Понимание свойств различных поколений должно способствовать поиску векторов взаимодействия между поколениями ученых ради общей цели: развития научного знания.

Ключевые слова: ученый, наука, преемственность поколений, молодые ученые, старшее поколение ученых.

SOMETHING ABOUT INTERGENERATIONAL CONTINUITY IN SCIENCE

Osipova Elena Sergeevna, Senior Lecturer
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
elenalawosipova@mail.ru

The modern scientific society is multifarious. The rapidly arising digital world has modified relations between scientists of different generations. It marked boundaries between scientists. This article describes two generations of scientists: the junior generation of scientists and the senior generation of scientists. Advantages and disadvantages of both scientist's generations are fixed in that research. The understanding of negative and positive sides of both generations helps to improve the intergenerational continuity.

Keywords: scientist, science, the intergenerational continuity, a junior scientist, a senior scientist

Преемственность поколений в науке всегда была имманентным свойством передачи накопленного научного знания. В определенные периоды становления государства влияние значения преемственности поколений повышается. Именно сегодня, когда происходит активное развитие и укрепление духовной, экономической и других сфер жизни, то повышается значение преемственности в науке, основанной на межпоколенческой коммуникации. Поэтому отдельные вопросы, связанные с преемственностью в науке приобретают особенно важное значение и требуют изучения.

Во-первых, следует понимать, какие характеристики следует учитывать при определении лиц, принадлежащих к одному поколению ученых?

1. Биологические. Поколение – род, племя, колено. [1, с. 669]. С точки зрения биологии новое поколение появляется тогда, когда человек достигает репродуктивного возраста и фактически способен воспроизвести последующее поколение людей.

2.Социологические. Каждое «новое» поколение сменяет предыдущее через 20 лет. Самым важным периодом социального становления личности является возраст 17-25 лет, когда происходит профессиональный рост.

3.Правовые. В 2020 году в Государственной Думе был зарегистрирован законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [2], предусматривающий, что молодыми учеными следует считать лиц не старше 35 и в ряде случаев 40 лет. Данный законопроект был принят в первом чтении, но затем, отправлен на доработку. Таким образом, статус молодого ученого пока не получил законодательного закрепления. Тем не менее, имеются различные подзаконные нормативно-правовые акты, регламентирующие данный вопрос. Так, согласно п.3 Положения о нагрудном знаке «Молодой ученый», утвержденным приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 13.08.2021 № 748 таким нагрудным знаком награждаются лица в возрасте до 35 лет включительно, а также без ученой степени в возрасте до 30 лет [3].

4.Профессиональные. Довольно часто интерес к научному знанию «просыпается» к 30 годам. К этому возрасту накапливается профессиональный опыт, который требует теоретической интерпретации; тогда появляется научный интерес.

5.Технологические. Развитие современных технологий и информационных технологий в том числе, обуславливает необходимость быстрой адаптации к меняющейся действительности. Научные достижения быстро «устаревают» и тем самым определяют границы между поколениями ученых, которые формируются в различных технологических условиях. Может полагать, что при разграничении поколений ученых следует обратить внимание на тот факт, поколения ученых в некотором смысле не являются равномерными по временным рамкам, поскольку соотносятся с временными рамками развития различных технологий.

Таким образом, учитывая профессиональные особенности научной деятельности, можно полагать, что понятие научного поколения более связано с социологической характеристикой человека, чем с биологической. Однако временные границы между поколениями не фиксированы, поскольку обусловлены технологическим развитием.

Во-вторых, очевидно, что развитие науки происходит в соответствии с законами диалектики, которые были изложены Гегелем. Когда накопление количественных изменений переходит в качественные, то тогда определяются границы между учеными разных поколений. Важно выявить качественные различия между поколениями ученых. Думается, что цифровая трансформация значительно повысила активность научной деятельности в мире [4, с. 407] и фактически обусловила разделение современных ученых на молодое и старшее поколение.

Молодым поколением ученых предлагается считать исходя из правовых начал, лиц до 35–40 лет. Данное поколение обладает рядом преимуществ, перед старшим поколением: обладают высокоразвитыми цифровыми компетенциями и заинтересованы в использовании новых технологий в научной деятельности; выполняют работу более интенсивно; понимают потребности современного общества; не отягощены «запасом» предшествовавших научных знаний, устаревшей методологии; чаще готовы взаимодействовать с учеными мирового сообщества и обмениваться с ними опытом. Социологи отмечают недостатки, свойственные некоторым лицам молодого поколения ученых: стремление к материальным достижениям и преобладание потребительских ценностей в структуре личности; более высокий уровень доверия к информации; плагиат научных разработок и др.

К ученым старшего поколения следует относить лиц старше 40 лет. В качестве достоинств лиц старшего поколения ученых отмечается: наличие большого профессионального опыта, видение профессиональных проблем в ретроспективе, высокая готовность делиться накопленным опытом с другими [5, с. 47–55]. Среди слабых сторон старшего поколения ученых названы: недобросовестное научное руководство, слабое владение цифровыми технологиями и прочее.

Несмотря на существующие различия между поколениями ученых, перед ними стоят одни и те же задачи – изучение различных сторон явления, теоретическое обобщение имеющегося знания и получение нового знания. А выполнение этих задач возможно только совместно обоими поколениями ученых. Поэтому преемственность между поколениями ученых является тем «мостиком», который позволяет им наиболее эффективно познавать действительность.

В общих чертах преемственность в науке понимается, как передача старшим поколением ученых последующим поколениям ученых опыта, научных знаний и методологии.

Старшее поколение обладает большим профессиональным опытом; знает основы фундаментальной науки; способно «видеть» научные проблемы в разрезе прошлого и настоящего. Поэтому такое поколение ученых должно передать молодым ученым свой практический опыт и накопленные знания. В большинстве случаев, значительная роль в выполнении такой задачи принадлежит различным научным школам, которые передают научные традиции, научный опыт и научные ценности молодому поколению ученых.

Наука предполагает занятие исследовательской деятельностью. Поэтому ученые – «вечные ученики», они учатся всю свою профессиональную жизнь. Следовательно и старшее поколение ученых учится. Иногда старшее поколение учится у молодого поколения. То есть процесс воздействия поколений взаимный. Старшему поколению ученых следует стремиться к объективности восприятию новых теорий и методов, которыми уже успело овладеть новое поколение ученых.

Итак, понимание положительных и отрицательных характеристик, присущих разным поколениям ученых должно способствовать формированию прочных связей между поколениями ученых, укреплению преемственности поколений в целом.

Источники и литература

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 2004. 983 с.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике: законопроект № 898664-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/898664-7> (дата обращения: 21.10.2025).
3. Положение о нагрудном знаке «Молодой ученый», утвержденное Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2021 г. № 748. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-13082021-n-748> (дата обращения: 21.10.2025).
4. Иванов П.И. Кто он такой, современный ученый?// Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 402–408.
5. Ахметова Э.И. Особенности преемственности поколений в научном сообществе (региональный аспект) // Социодинамика. 2004. № 2. С. 47–55.

ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОТ СЕМЕЙНЫХ ИСТОРИЙ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРАКТИКАМ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ

Прищепа Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
a.prischepa@list.ru

Лагойко Анастасия Геннадьевна, старший преподаватель
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
lagojko_ag@spbstu.ru

В статье рассмотрена взаимосвязь категории «поколение» с процессами цифровизации и сохранения исторической памяти. Авторы анализируют роль цифровых источников в формировании коллективных и семейных нарративов, выявляют особенности восприятия памяти разными поколениями. Продemonстрировано, что цифровые практики становятся новым каналом межпоколенческой трансляции ценностей и опыта.

Ключевые слова: поколение, цифровизация, историческая память, цифровые источники, семейные истории, коллективная память, цифровые нативы

DIGITAL GENERATION AND HISTORICAL MEMORY: FROM FAMILY STORIES TO NATIONAL MEMORIAL PRACTICES

Prishchepa Alexander Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia
a.prischepa@list.ru

Lagojko Anastasia Gennadievna, Senior lecture
Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia
lagojko_ag@spbstu.ru

The article examines relationship between the category of “generation” and the processes of digitalization and the preservation of historical memory. The authors analyze the role of digital sources in shaping collective and family narratives, identifying the specific features of how different generations perceive memory. The article shows that digital practices are becoming a new channel for the intergenerational transmission of values and experience.

Keywords: generation, digitalization, historical memory, digital sources, family stories, collective memory, digital natives

Категория «поколение» занимает особое место в гуманитарных науках, выступая важным инструментом анализа социальных изменений, культурных трансформаций и исторической памяти [1, с. 24–26]. Каждое поколение формируется в специфических условиях – политических, экономических, культурных и технологических, – что предопределяет его ценностные установки и способы восприятия прошлого. В последние десятилетия особую актуальность приобрело

изучение взаимосвязи поколенческих процессов с развитием цифровых технологий [2, с. 305–307].

Технологический прогресс не только выступает маркером смены эпох, но и задает новые формы коммуникации и трансляции исторического опыта. Если устная традиция и печатное слово были ключевыми каналами сохранения памяти в прежние столетия, то в XXI в. на первый план выходят цифровые источники и практики. Они обеспечивают доступ к архивам, формируют новые мемориальные пространства, способствуют интеграции семейных историй в коллективное национальное сознание.

Особый интерес представляет межпоколенческое восприятие цифровизации: разные возрастные группы по-разному осваивают цифровые инструменты, придавая им собственное значение. Таким образом, поколенческий подход позволяет глубже понять механизмы функционирования исторической памяти в условиях цифровой эпохи.

Цифровые источники и коллективная память. Историческая память о ключевых событиях XX в., в особенности о Великой Отечественной войне, занимает центральное место в формировании национальной идентичности и патриотического сознания в России. На протяжении десятилетий их сохранение обеспечивалось преимущественно традиционными средствами: государственными инициативами, мемориалами, музеями, устными свидетельствами участников событий. Однако в условиях цифровизации происходит качественный сдвиг – цифровые источники информации становятся важнейшим инструментом формирования и поддержания коллективной памяти.

Под цифровыми источниками понимаются электронные ресурсы хранения, распространения и верификации данных, доступные широкому кругу пользователей [2, с. 305–307]. К ним относятся государственные архивные порталы, специализированные онлайн-проекты («Дорога памяти», «Лица Победы»), виртуальные музеи, а также мультимедийные ресурсы библиотек и образовательных учреждений. Их значимость обусловлена не только масштабом вовлечения граждан в процессы мемориализации, но и возможностью прямого участия в создании «цифровых памятников» – через загрузку семейных историй, фотографий и воспоминаний.

Таким образом, цифровые источники выполняют двоякую функцию. С одной стороны, они становятся частью государственной политики, ориентированной на консолидацию общества и противодействие фальсификации событий прошлого. С другой, выступают площадкой для инициатив «снизу», где личные семейные свидетельства интегрируются в общее культурное пространство. Это усиливает преемственность поколений, обеспечивая включение как памяти очевидцев, так и новых форм ее осмысления, свойственных поколению «цифровых нарративов».

Семейная история как мост поколений. Особое место в сохранении исторической памяти занимает уровень семейного нарратива. Именно через воспоминания о предках, семейные реликвии и устные свидетельства осуществляется передача опыта от поколения к поколению.

Так, использование цифровых инструментов в образовательной и исследовательской практике способствует расширению возможностей сохранения семейной памяти. Студенты и школьники, осваивая цифровые методы, создают мультимедийные проекты, посвященные истории своих семей: видеопрезентации, интерактивные хроники, виртуальные выставки. Виртуальная и дополненная реальность позволяют реконструировать события прошлого, а цифровые архивы

обеспечивают долгосрочное хранение материалов [3, с. 14–16; 4, с. 70–71]. Таким образом, образовательный процесс становится не только каналом усвоения знаний, но и механизмом межпоколенческой передачи памяти.

История семьи в цифровом формате выполняет двойную функцию. Во-первых, она усиливает эмоциональную вовлеченность молодого поколения в исторический процесс, создавая ощущение сопричастности к судьбам предков. Во-вторых, она способствует демократизации исторической памяти: личные свидетельства, ранее находившиеся в частном доступе, становятся частью общенационального мемориального пространства.

Тем самым семейные истории, переведенные в цифровой формат, формируют своеобразный мост между поколениями – они сохраняют ценности прошлого, адаптируя их к восприятию современных «цифровых нативов», и одновременно включают индивидуальные воспоминания в коллективное культурное наследие.

Межпоколенческие различия в освоении цифровых технологий. Понимание роли цифровых технологий в сохранении исторической памяти невозможно без учета поколенческого измерения. Разные поколения не только по-разному воспринимают цифровую среду, но и придают различное значение формам ее использования в мемориальных практиках. В этом отношении категория «поколение» позволяет выявить как линии преемственности, так и потенциальные зоны конфликта.

Старшее поколение, являющееся носителем устной памяти о ключевых событиях XX в., в цифровой среде чаще всего выступает в роли информанта. Их свидетельства фиксируются и оцифровываются исследователями или родственниками, что обеспечивает сохранение уникальных индивидуальных опытов для последующих поколений. Однако для этой группы характерна ограниченная вовлеченность в самостоятельное использование цифровых технологий.

Люди среднего возраста занимают промежуточную позицию. С одной стороны, они выступают посредником между носителями устной памяти и молодыми пользователями цифровой среды, активно занимаясь оцифровкой документов, фотографий и воспоминаний. С другой стороны, представители этого поколения часто воспринимают цифровые технологии как инструмент систематизации и сохранения архивов, что придает их деятельности характер «сохранения традиции».

Молодое поколение – так называемые «цифровые нативы» – демонстрирует принципиально иной подход. Для них цифровая среда является естественным пространством коммуникации и самовыражения. Социальные сети, мультимедийные проекты, виртуальные музеи и платформы для пользовательского контента становятся инструментами не только сохранения, но и переосмысления памяти. Опыт пандемии COVID-19 показал, что переход к онлайн-форматам выявил различные модели адаптации поколений. Школьники быстро освоили цифровые инструменты обучения, родители проявляли обеспокоенность качеством образования и социальным развитием детей, а учителя взяли на себя функцию посредников между традиционной и цифровой средой [5, с. 71].

Так, цифровизация обостряет поколенческие различия в формах обращения с памятью. Если старшее поколение стремится к сохранению подлинных свидетельств, то молодое склонно к их интерпретации в соответствии с логикой цифровой культуры. В то же время эти различия не исключают преемственности: именно взаимодействие разных поколений в цифровой среде позволяет обеспечить полноту и многообразие исторической памяти, объединяя личное и коллективное измерения.

Заключение. Категория «поколение» демонстрирует высокий исследовательский потенциал в изучении трансформации исторической памяти в условиях цифровизации. Технологический прогресс выступает не только как внешнее условие сохранения и передачи знаний, но и как фактор, формирующий различные модели поколенческого опыта.

Цифровые источники становятся пространством взаимодействия разных поколений, где личное и общественное измерения памяти взаимно пересекаются. Особую значимость приобретают семейные истории, переведенные в цифровой формат. Они формируют «мост» между поколениями, интегрируя индивидуальный опыт в коллективное национальное сознание. Вместе с тем цифровизация памяти сопряжена с рисками: упрощением исторических нарративов, потерей контекста, возможностью манипуляции данными.

Таким образом, поколенческий анализ в сочетании с исследованием цифровых практик позволяет не только глубже понять механизмы сохранения и трансляции исторической памяти, но и выявить новые вызовы, стоящие перед современным обществом и гуманитарными науками.

Источники и литература

1. Горностаева Л.Г. О культурной памяти в контексте преемственности поколений // Вестник МГУКИ. 2007. № 2. С. 24–26.
2. Буримский Н.А., Голованов Р.В. Применение цифровых технологий в изучении истории // Молодой ученый. 2024. № 9 (508). С. 305–307.
3. Расулова М.А. Использование инновационных технологий на уроках истории // Достижения науки и образования. 2019. № 4 (45). С. 14–16.
4. Прищепа А.С. Цифровые технологии в образовании (на примере преподавания дисциплины «История») // Теория, методология и технологии современного гуманитарного магистерского образования: сб. науч. тр. II Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 15 апреля 2023 г. М.: Российский экономический ун-т им. Г.В. Плеханова, 2023. С. 69–72.
5. Лагойко А.Г., Грубич У.В. Влияние локдауна в период пандемии коронавирусной инфекции на школьный процесс в Финляндии // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6-1. С. 71.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ Н.М. КАРАМЗИНА: К ВОПРОСУ О ПОКОЛЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Харебин Денис Дмитриевич, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
expertus.2014@yandex.ru

Н.М. Карамзин занимает особое место в российской историографии и исторической науке. Его труды не только предопределили дальнейшее направление в изучении отечественной истории, но и оказали существенное влияние на формирование национального самосознания. Данная статья посвящена вкладу Карамзина в отечественную историографию, его методологии и взглядам, а также влиянию на последующие поколения историков.

Ключевые слова: историография, преемственность в истории, связь поколений, историческая память, История государства Российского, Н.М. Карамзин

HISTORIOGRAPHICAL TRADITIONS OF N.M. KARAMZIN: ON THE QUESTION OF GENERATIONS IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE

Kharebin Denis Dmitrievich, Senior lecturer
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
expertus.2014@yandex.ru

N.M. Karamzin holds a special place in Russian historiography and historical science. His works not only predetermined the further direction in the study of national history, but also had a significant impact on the formation of national identity. This article is devoted to Karamzin's contribution to Russian historiography, his methodology and views, as well as his influence on subsequent generations of historians.

Keywords: historiography, continuity in history, connection between generations, historical memory, N.M. Karamzin

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие».

А.С. Пушкин [1, с. 19]

Значение преемственности поколений и исторической памяти невозможно переоценить. Без них не существовало бы традиций, целостности и единства общества, а так же понимания корней и истоков нации и государства, что в свою очередь вытекает из самоидентификации народа. Именно поэтому, преемственность исторического знания встает во главу угла в новой концепции Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, принятой В.В. Путиным в 2024 году, и призванной, по словам советника Президента РФ А.А. Кобякова, дать *«мощный импульс формирования гораздо более правдивой истории России, основанной на подлинных исторических и беспристрастных методах»*, что в свою очередь должно стать фундаментом к усилению национального самосознания [2]. Принятый документ ставит своей основной целью *«формирование*

общественной гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [3].

Преемственность в истории неразрывно связана с таким явлением, как «историческая память», основная задача которой состоит в сохранении традиций, формировании коллективной идентичности и передачи ценностных, моральных и нравственных принципов от одного поколения к другому, что в свою очередь обеспечивает единство и целостность нации через осознание своего прошлого [4, 5]. До появления истории как науки, мифы и предания являлись основными источниками существования исторической памяти. Эти формы социальных норм, передаваемых из поколения в поколение, заложили тот исторический опыт, и знание об истоках государства Российского, который мы имеем на сегодняшний день.

Говоря о преемственности в исторической науке, в первую очередь, стоит отметить то, что связи между прошлым, настоящим и будущим обеспечивают не только накопление и наследование знаний, фактов и открытий, но и позволяют историкам двигать историческую науку вперед, и тем самым сохраняя и приумножая те знания, которые были накоплены предшествующими поколениями историков.

Все это происходит через преемственность поколений исследователей, что в свою очередь позволяет нынешнему поколению историков осмысливать, анализировать и приумножать те исторические знания, которые формируют историческую память поколений. Такие ученые-историки как Татищев, Карамзин, Соловьев и Ключевский, в своих трудах заложили основы той исторической памяти, которая лежит в фундаменте всей современной исторической науки.

Российская историческая наука прошла свой путь от средневековых летописей до самостоятельной научной дисциплины к первой половине XVIII – началу XIX вв. Учреждение Петром I, в январе 1724 года, Академии наук в Санкт-Петербурге, послужило толчком для зарождения российской исторической науки [6, с. XXX–XXXI]. Именно в это время в Россию начинают «проникать» идеи «естественного права» и «общественного договора», оказавшие большое влияние не только на политическую мысль, но и общественные настроения. Эти философские концепции, зародившиеся в Европе еще в XVII в., были разработаны видными философами своего времени Г.Гроцием (1583–1645), Т.Гоббсом (1588–1679) и Дж.Локком (1632–1704) [7, с. 102; 8, с. 109]. Так, приглашенные немецкие историки, такие как Герхард Миллер (1705–1783), Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738) и Август Людвиг Шлецер (1735–1809) стояли у истоков исторической науки в Российской Империи [7, с. 118–129; 6, с. 310–430, 180–196; 9, с. 277–279; 10, с. 61–75]. Созданная ими «Норманистская теория» до сих пор вызывает споры среди современных историков.

Однако «отцом» русской исторической науки, по праву, можно назвать Василия Никитича Татищева (1686–1750), который в своем многотомном труде «История Российская» (1768–1843) заложил основы перехода от описательной и объясняющей истории к истории научной [9, с. 276; 8, с. 102]. Используя многочисленные исторические источники (такие как обнаруженные им тексты «Русской правды» и «Судебника» Ивана IV 1550 г.), он стал пионером отечественного источниковедения [7, с. 107–110; 11, с. IV–VI], тем самым, опираясь в своей работе на рационалистическую методологию, что позволило ему рассматривать исторические события через призму человеческой деятельности. Своими исследованиями Татищев стал родоначальником не только источниковедения, но и исторической географии, этнографии и картографии. Осознавая необходимость

исторических познаний для дальнейшего развития Российской империи, он стремился убедить в этом и правительство. Впоследствии Н.Л. Рубинштейн (1897–1963) писал: *«"История" Татищева подвела итог предшествующему периоду русской историографии, она действительно явилась переходом к исторической науке на целое столетие вперед»* [12, с. 85]. Исторические взгляды Татищева повлияли на многих исследователей, среди которых мы можем выделить М.В. Ломаносова (1711–1765), Г. Миллера, И.Н. Болтина (1735–1792), Карамзина и др.

Имя единственного официального историографа русского императорского двора Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), неразрывно связано с отечественной исторической наукой, наравне с Татищевым, Соловьевым, Ключевским. Показав образ России, как величайшей державы, Карамзин тем самым оказал огромное влияние на формирования национального самосознания и патриотического отношения к истории своего Отечества. Его труды задали направление дальнейшему изучению отечественной истории.

Родившийся под Симбирском, в семье помещика, Карамзин получил основательное, по тем временам, образование: вначале домашнее, а затем и в пансионе при Московском университете [13, с. 294–295]. Поступив, после обучения, в лейб-гвардию Преображенского полка и дослужившись до звания поручика, Карамзин подает в отставку [14, с. 61], после чего начинает карьеру литератора и журналиста [15, с. 33–34].

К концу XVIII в. Карамзина серьезно увлекла идея создания труда по русской истории. В «Письмах русского путешественника», создаваемых в период путешествия Карамзина по Европе в 1789–1790 гг. [15, с. 32–33], он пишет: *«У нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием»* [16, с. 252]. К 1800-му году можно отнести серьезные занятия Карамзина историей, по этому поводу в письме к И.И. Дмитриеву (1760–1837) мы видим следующее указание: *«Я по уши влез в русскую историю: сплю и вижу Никона с Нестором»* [17, с. 4]. Загоревшись идеей создать русскую историю до XVII в., Карамзин обращается к императору Александру I для получения соответствующего дозволения и получения доступа к необходимым для этой работы источникам. Именным Указом от 31 октября (12 ноября) 1803 г., Карамзин был назначен историографом *«для сочинения полной истории Отечества»*. Удалившись от литературной деятельности, сначала в усадьбу Остафьево (имение своего тестя, князя А.И. Вяземского), а затем в Царское Село [18, с.35–37], Карамзин в течение последующих двадцати двух лет, вплоть до самой своей смерти, занимался исключительно подготовкой и написанием своего главного исторического труда – *«Истории государства Российского»* (1818–1829 гг. публ.) [15, с. 42]. Работа над

Рисунок 1 – Н.М. Карамзин. С гравированного портрета Уткина. Середина 1830-х

«Историей» шла достаточно интенсивно и уже к 1811 году, Карамзин написал около восьми томов [15, с. 49–52], которые увидели свет в 1816–1817 гг. [19].

Рисунок 2 – Имение князей Вяземских «Остафьево». Фотография начала 1900-х гг.

К этому времени Карамзин подвел итоги своим взглядам на историю и ее задачи, которые были обозначены им в предисловии к первому тому «Истории». Резюмируя их, отметим, что Карамзин, все же был далек от сугубо фактического и рационалистического подхода, в анализе исторических событий, считая, что главная задача исторической науки – нравственно-политическое воздействие на людей, а не поиск научной истины: история для Карамзина служит нравоучением [20, с. V-VI], он изучал и показывал историю через людей, творящих ее, уделяя, при этом, особое внимание психологи и характерам исторических деятелей, придерживаясь живописного стиля и рационализма в трактовке исторического процесса [20, с. XII-XIII].

Продолжая традиции изучения исторических источников, заложенные еще Татищевым, и стремясь к научной объективности, Карамзин ввел в научный оборот значительное число исторических памятников, ранее не только неизвестных широкой публики, но и профессиональным историкам. Среди таких источников можно назвать «Ипатьевский свод», «Судебник» Ивана III, «Стоглав» и многие другие. Вслед за М.М. Щербатовым (1733–1790), Карамзин использует в своей работе огромное количество новых текстов из записок иностранцев, касающихся истории России. Выписки из всех этих документов были опубликованы в примечаниях к «Истории», которые порой превосходили в объемах основной текст томов.

Определяя жанр, в котором была написана карамзинская «История», мы, скорее всего, можем говорить о нем, как о «действительной истории в лицах», поскольку от художественной литературы ее отличает отсутствие вымысла со стороны Карамзина, а от научной – строгой аргументации и беспристрастного анализа описываемых событий. По этому поводу сам Карамзин писал в предисловии к первому тому своего

сочинения: *«Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. <...> Искусное повествование есть долг бытописателя, а хорошая отдельная мысль дар...»* [21, с. XIII]. Отойдя от сугубо научного освящения исторических фактов и используя в своей работе смешанный подход, Карамзин соединил фактический анализ исторических событий с романтическим стилем изложения XVIII в. Можно смело говорить о том, что Карамзину удалось, умело сочетая свои незаурядные литературные качества и используя романтический стиль изложения, наравне с исторической строгостью, сделать свою многотомную «Историю» более доступной для широкого круга читающей публики [22], для которой труды Татищева и Щербатова были трудны для восприятия. Тем самым Карамзин впервые открыл отечественную историю для образованной публики того времени. Недаром Пушкин писал что *«Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найденная Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили»* [23, с. 276].

Однако, несмотря на то, что исторический труд имел колоссальный успех, содействовавший активизации интереса к отечественной истории в различных слоях русского общества, и снискал высокую оценку императора Александра I, Карамзин подвергся жесткой критике со стороны своих младших современников, представителей исторической науки XIX века. М.Т. Каченовский (1775–1842), Н.А. Полевой (1796–1846), М.П. Погодин (1800–1875) говорили об отсталости методологических позиций Карамзина и об устарелости выбранного Карамзиным подхода. По этому поводу Полевой в своей статье «История государства Российского. Сочинение Карамзина» писал:

*«Но стал ли он (Карамзин – прим. автора) наряду с великими историками древнего и нового времени? Может ли его история назваться произведением **нашего времени**? Сравнение его с древними и новыми историками, коих имена ознаменованы славою, мы увидим впоследствии, но теперь скажем только, что как сам Карамзин вообще был писатель не нашего века, так и Истории его мы не можем назвать творением нашего времени»* [24, с. 37]. Разбирая сочинение Полевого «История русского народа» Пушкин отвечает на его критику, касательно «Истории» Карамзина: *«Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в*

Рисунок 3 – Н.А. Полевой. Литография. 1830-40-е гг.

остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками» [1, с. 35].

Но при этом сам поэт разделял скептицизм по отношению к труду Карамзина и посветил ему две достаточно колкие эпиграммы [25, с. 66, 414]. Но, несмотря на это, карамзинская «История» сыграла свою значительную роль в развитии отечественной историографии, и глубоко повлияла на становление исторических взглядов молодого Пушкина.

Чересчур романтизированное и идеалистическое описание исторических событий, так же подверглось критике со стороны научного сообщества. Так, Каченовский, разбирая похождения Марины Мнишек, описанные Карамзиным в XII томе «Истории», отметил что они *«могут быть чрезвычайно занимательны в романе, казаться сносными в биографии»*, но нисколько не *«годятся для Истории Государства Российского»* [26, с. 104, 110].

Говоря о взглядах на историю России, Карамзин неразрывно связывал ее с самодержавием, рассматривая его как ту государственную форму, которая развивалась от полного самовластия царя к просвещенной монархии [27, с. 22, 48, 105]. *«Дворянство и духовенство, Сенат и Синод, как хранилище законов, над всеми – государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии <...>»* – сделает такой вывод Карамзин [27, с. 109]. Данный подход стал официальным и поддерживался государственной властью, несмотря на шквал критики со стороны историков и общественных деятелей. По этому поводу В.О. Ключевский (1841–1911) писал: *«Это убеждение, вынесенное из наблюдения над пространством, составом населения, степенью его развития, между народным положением России, Карамзин превратил в закон основной исторической жизни России по методу опрокинутого исторического силлогизма: самодержавие – коренное начало русского государственного современного порядка; следовательно, его развитие – основной факт русской исторической жизни, самая сильная тенденция всех ее условий»* [28, с. 490].

Защищая Карамзина, от нападок современников, Пушкин писал: *«Многие забывали, что Карамзин печатал свою Историю в России, в государстве самодержавном; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека»* [1, с. 22]. Однако поэт тоже не разделял точки зрения своего старшего товарища, уйдя в своих исторических суждениях намного дальше, при этом оставшись верным романтической традиции историзма Карамзина. Резюмируя, можно сказать, что историко-политическая концепция Карамзина представляет собой симбиоз монархической концепции Татищева, с одной стороны, и дворянской Щербатова, с другой.

Рисунок 4 – В.О.Ключевский. Гравюра В.В. Матэ. 1911 г.

Затрагивая вопросы, касательно используемой Карамзиным периодизации истории России, отметим, что в пику шлецеровской периодизации, во «Введении» к первому тому «Истории» он дает свою, обобщенную, переодизацию, которая в большей мере основывалась на отдельных положениях исторической науки XVIII в. Карамзин предлагает разделять историю России на три больших периода, а именно: древнюю – от Рюрика до Ивана III, среднюю – до Петра I и новую – послепетровскую эпоху [20, с. XV-XVI]. Однако отметим, что такое деление являлось сугубо условным. Придерживаясь одного из принципов, сформулированных во «Введении» – быть «весьма плодovitым в изложении причин, но до скупости умеренным в размышлениях» [20, с. XXV], Карамзин не дает более дробной периодизации отечественной истории.

Исторические труды Карамзина в достаточной степени повлияли на зарождение и формирование патриотического отношения населения Российской империи к своей истории. Стремясь показать Россию, как великую державу, со своим самобытным и уникальным укладом, Карамзин способствовал развитию национального самоопределения, в условиях тех политических изменений, которые царили в первой четверти XIX века. Впоследствии именно эта черта исторических воззрений Карамзина стала характерной для всей российской историографии вплоть до революции 1917 г.

Подводя итог вышесказанному важно отметить то, что Николаю Михайловичу Карамзину принадлежит одна из ключевых ролей в становлении и развитии российской историографии. Его «История государства Российского» имеет огромное значение для исторической науки. И, несмотря на критику в излишней романтизированности и устаревших методологических позиций, влияние труда Карамзина на развитие исторической науки и формировании национальной идентичности невозможно переоценить. Высокую научную значимость имеют его комментарии к «Истории», которые содержат в себе огромное количество выписок из рукописных источников, которые по большей своей части были впервые опубликованы Карамзиным.

Не одно поколение историков выросло на этом *«подвиге честного человека»*, который смело можно назвать символом стремления к истинному патриотизму, но и не только историческим, но и общекультурным достижением. Историография Карамзина послужила основой для дальнейших исследований и дискуссий среди различных поколений историков, и остаются актуальными до сих пор, особенно сейчас, в свете современных вызовов и вопросов, связанных с исторической памятью и национальной идентичностью остро стоящих перед нашим поколением.

Источники и литература

1. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. Критика и публицистика / под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. 590 с.

2. Владимир Путин утвердил государственную политику в области исторического просвещения // URL: <https://xn--80aa3ak5a.xn--p1ai/news/preemstvennost-istorii-rossii-i-edinstvo-rossiyskikh-narodov-vladimir-putin-utverdil-gosudarstvennuyu> (дата обращения: 12.10.2025).

3. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: указ Президента Российской Федерации от 08.05.2025 № 314. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 12.10.2025).

4. Снегирева Т.И. Сохраним памятники, сохраним историческую память // Россия и современный мир. 2000. № 1 (26). С. 48–54.
5. Шендрикова С.П., Царина М.А. Понятие исторической памяти в отечественной историографии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-istoricheskoy-pamyati-v-otechestvennoy-istoriografii> (дата обращения: 12.10.2025).
6. Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. LXVIII + 774 с.
7. Историография истории России до 1917 г.: учеб. для вузов: в 2 т. / А.Г. Кузьмин [и др.]; под ред. М.Ю. Лагачевой. М.: ВЛАДОС, 2004. Т. 1. 382 с.
8. Осиночкина Е.В. История учений о государстве и праве: учеб. пособие. Оренбург: ОГУ, 2009. 143 с.
9. Каменский А.Б. К вопросу о становлении русской исторической науки // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова: сб. статей / отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: РОССПЭН, 2012. 415 с.
10. Джаксон Т.Н. Он подготовил развитие исторической науки XIX века: Август Людвиг Шлецер // Историки России. XVIII – начало XX века / отв. ред. А.Н. Сахаров; Ин-т российской истории РАН. М.: Скрипторий, 1996. С. 61–75.
11. Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближайших его приемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым / пред. Г.Ф. Миллера. Изд. 2-е. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1786. 270 с.
12. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
13. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Культура, 1993. 769 с.
14. Манойленко Ю.Е., Манойленко А.С. Военный род Карамзиных // Военно-исторический журнал. 2016. № 11. С. 59–62.
15. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. 176 с.
16. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 717 с.
17. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. 2 т. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 2. 505 с.
18. Шереметев П.С. Карамзин в Остафьеве. 1811–1911. М.: Синодальная Типография, 1911. 103 с.
19. История Государства Российского. Т. 1. URL: <https://www.prilib.ru/item/416767> (дата обращения: 12.10.2025).
20. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1892. Т. 1. XXVIII. 144 с.
21. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. Кн. 1. Т. 1–4. 5-е изд. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1842.
22. Шевцова О.Н. Художественность «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и метафоры как средство усиления выразительности исторического текста // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennost-istorii-gosudarstva-rossiyskogo-n-m-karamzina-i-metafory-kak-sredstvo-usileniya-vyrazitelnosti-istoricheskogo-teksta> (дата обращения: 14.10.2025).
23. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники / под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. 463 с.

24. Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: статьи, рецензии 1825–1842 / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. Березиной, И. Сухих. Л.: Худож. лит., 1990. 592 с.
25. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. Стихотворения 1814–1822 / под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. 643 с.
26. Каченовский М.Т. История государства Российского. Т. 12 // Вестник Европы. 1829. Сентябрь-октябрь (№ 17–20).
27. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политических и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.
28. Ключевский В.О. Н.М. Карамзин (II). Из книги Исторические портреты. Деятели исторической мысли / сост., вступ. ст., прим. В.А. Александрова. М.: Правда, 1990. 624 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ТУРКМЕНСКИХ ЭТНОГРАФОВ
В 1970-е ГОДЫ: ЧАРЫ ЯЗЛЫЕВ И СВОЕОБРАЗИЕ
ЕГО НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Хоммиев Тойлы Бабагельдыевич, старший преподаватель

Туркменский государственный университет имени Махтумкули, Ашхабад, Туркменистан
hommyyewt@mail.ru

В данной статье рассматривается становление нового поколения туркменских этнографов в 1970-е годы и выделяется роль Ч.Язлыева, отличившегося своими новаторскими идеями и подходами. Особенности его научных исследований проявляются в здоровом критическом мышлении, оригинальных разработках и рациональном использовании архивных источников. Его труды, посвященные этнографии сариков, проживавших на берегах Мургаба, проблемам землевладения и водопользования у туркмен, организации сельских общин и историографии туркменской этнологии, внесли значительный вклад в развитие исторической науки.

Ключевые слова: поколение ученых, этнографы, Ч.Язлыев, сельская община, новые подходы

**FORMATION OF A NEW GENERATION OF TURKMEN ETHNOGRAPHERS
IN THE 1970S: CHARY YAZLYYEV AND THE SPECIFICITY
OF HIS SCHOLARLY RESEARCH**

Hommyyev Toyly Babageldiyevich, Senior Lecturer

Turkmen state university named after Magtymguly of Ashgabat, Turkmenistan
hommyyewt@mail.ru

This article examines the emergence of a new generation of Turkmen ethnographers in the 1970s, highlighting the role of Ch. Yazlyyev, distinguished by his innovative ideas and approaches. The distinctiveness of his scholarly research is manifested in his sound critical thinking, original methodological developments, and effective use of archival sources. His works devoted to the ethnography of the Saryk Turkmens living along the banks of the Murgab River, the issues of land and water ownership among Turkmens, the organization of rural communities, and the historiography of Turkmen ethnology have made a significant contribution to the development of historical science.

Keywords: generation of scholars, ethnographers, Chary Yazlyyev, rural community, new approaches

В 1970-е годы при содействии московских и ленинградских исследователей сформировалось новое поколение туркменских историков и этнографов. Эти ученые, прибывавшие в Ашхабад в командировки, преподавали в Туркменском государственном университете, передавая свой опыт молодым исследователям и направляя их в научную деятельность. В этот период такие молодые специалисты, как М.Б. Дурдыев, Р. Бабаджанов, Ч. Язлыев, А. Тачов и другие, оказали существенное влияние на развитие туркменской этнографической науки.

Одним из ученых, оставивших глубокий след в туркменской этнографии, является Чары Язлыев. Он родился 30 мая 1946 года в селе Аквекиль Бабадайханского этрапа Ахалского веляята. Происходил из многодетной семьи; несмотря на то, что в возрасте пяти лет потерял мать, проявил силу духа и стремление к знаниям. В школьные годы работал почтальоном в родном селе и писал заметки для районной газеты. В 1969 году с отличием окончил исторический факультет Туркменского государственного университета имени Махтумкули, после чего был оставлен преподавателем на кафедре. В том же году поступил в аспирантуру Института истории Академии наук Туркменистана.

Молодого специалиста направили на обучение в кафедру этнографии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, где он начал подготовку кандидатской диссертации под научным руководством профессора Г.Е.Маркова – выдающегося знатока туркменской этнологии. В 1973 году Ч.Язлыев успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Очерк хозяйства и общественной организации туркмен-сарыков Иолотанского оазиса в конце XIX – начале XX вв. (Исторический очерк)». В 1990 году в Ташкенте он защитил докторскую диссертацию на тему «Сельская община у туркмен (XIX – первая четверть XX в.)».

В 1992 году на базе исторического факультета по инициативе Ч. Язлыева был создан научно-методический центр, который занимался изданием научных трудов и брошюр и действовал до 1995 года. 30 сентября 1993 года Высшая аттестационная комиссия Туркменистана присвоила Ч. Язлыеву ученое звание профессора. Особо значимым событием стало избрание 16 октября 1993 года Ч. Язлыева членом-корреспондентом Академии наук Туркменистана по решению Президента страны. В тот момент ученому было всего 47 лет.

Ч. Язлыев – один из тех ученых, кто, несмотря на молодость, сумел заявить собственное слово в исторической науке. Он отличался высокой научной продуктивностью и целеустремленностью в исследовательской работе. Многочисленные труды Ч. Язлыева, включая несколько монографий и более ста научных статей, являются убедительным доказательством его плодотворной деятельности.

Ч. Язлыев исследовал широкий круг вопросов, связанных с этнографией и историей туркмен. Его научные интересы охватывали этническую историю туркменского народа, формы хозяйственной деятельности, социальную организацию, материальную и духовную культуру. Однако главным направлением, в котором ученый проявил наибольшую оригинальность и научную глубину, стала социальная история туркменского народа XVIII–XIX веков и вплоть до 1930-х годов XX века. Значительным результатом его многолетних исследований стала фундаментальная монография «Туркменская сельская община», изданная в 1992 году издательством «Ылым» [5, с. 300].

Монография «Туркменская сельская община» состоит из четырех разделов, введения и заключения. Уже во введении прослеживается характерная черта творческого стиля Ч.Язлыева – стремление к новому осмыслению привычных научных проблем. В прежних исследованиях сельская община рассматривалась преимущественно как реликт прошлого или как особый социальный институт, имевший вспомогательное значение в социально-экономическом развитии народов. Ч.Язлыев, опираясь на конкретные факты и этнографические материалы, собранные им среди туркмен, впервые доказал, что сельская община у туркмен выполняла

функции государства в условиях отсутствия централизованной власти. Это открытие стало значительным вкладом в развитие исторической науки [3].

Для подтверждения своих выводов ученый использовал широкий круг источников – не только научную литературу последних десятилетий, но и многочисленные архивные документы из Ашхабада, Ташкента, Москвы и Санкт-Петербурга. Особую ценность представляют материалы переписи сельских хозяйств 1914–1915 годов, впервые введенные в научный оборот именно Ч. Язлыевым. Он по праву считается одним из лучших специалистов по работе с архивными источниками среди туркменских исследователей.

В первом разделе книги анализируются формы хозяйственной и культурной жизни туркмен на протяжении последних столетий – вплоть до 1930-х годов XX века. В отечественной и зарубежной литературе туркмены чаще всего характеризовались как типичные кочевники-скотоводы. Ч. Язлыев убедительно доказал несостоятельность этого стереотипа, показав, что хозяйство туркмен было многоотраслевым. В зависимости от природных условий туркмены занимались земледелием, скотоводством, ремеслами, а в прибрежных районах – рыбной ловлей. Особенностью этого раздела является то, что в нем впервые дано точное описание структуры туркменской общины.

Второй раздел посвящен формам землевладения и водопользования у туркмен. В отличие от многих предшественников, автор выделил четыре основные формы пользования землей и водой, существовавшие до начала XX века: санашык (общинное), мюльк (частное), кяренде (арендное) и сылаг сув (временное, условное владение водой). Исследователь подробно рассмотрел формы собственности на пастбища, водоисточники и способы их распределения. Анализируя эти сложные социально-экономические вопросы, Ч. Язлыев показал, что у туркмен не сложилась монополярная феодальная собственность на землю и воду, что стало важным научным выводом. Подобная концепция была редкостью в историографии того времени.

Третий раздел, посвященный социальной структуре и системе управления туркменской общины, также содержит ряд оригинальных научных положений. Автор анализирует имущественное неравенство, социальные связи и отношения между различными слоями общества, формулируя ряд смелых и порой дискуссионных идей. Однако, как отмечают исследователи, способность Ч. Язлыева поднимать сложные вопросы и отстаивать собственную позицию является одним из его важнейших достоинств. В этом разделе он подробно рассмотрел особенности системы самоуправления туркмен до и после установления российского колониального правления. Его рассуждения о маслахате (совете старейшин) и особенностях ханской власти у туркмен основаны на подлинных исторических фактах и представляют собой новый подход к освещению туркменской истории. Ученый доказал, что до конца XIX века у туркмен не существовало наследственной ханской власти – руководителем мог быть избран любой человек, обладавший умом, храбростью и пользующийся уважением народа.

Четвертый, заключительный раздел монографии посвящен роли семьи в структуре туркменской общины. В нем рассматривается значение семьи не только как хозяйственной, но и как воспитательной ячейки общества. Особое внимание уделено семейным отношениям, роли родителей в формировании трудовой и моральной культуры молодого поколения.

Академик А. Джикиев отмечал, что в этом разделе следовало бы еще подробнее осветить функции сельской общины в повседневной жизни, однако в целом высоко

оценивал труд Ч.Язлыева как важный вклад в развитие туркменской исторической и этнографической науки [2].

В первые годы независимости проявился большой интерес к изучению истории Туркменистана. С введением преподавания национальной истории как самостоятельного предмета в школах, средних специальных и высших учебных заведениях значение данной книги еще более возросло. Она стала использоваться в качестве учебного пособия при изучении социально-экономической и политической истории Туркменистана XVIII–XIX веков и начала XX века, играя важную роль в формировании научного и образовательного представления о развитии туркменского общества в этот период.

Ч.Язлыев внес значительный вклад в развитие этнографических и историко-хозяйственных исследований Туркменистана. Его труды опираются на полевые этнографические материалы, собранные в 1969–1989 гг., а также на данные Туркменской археолого-этнографической экспедиции МГУ 1959 г., материалы ЦГВИА СССР и других архивов Туркменской ССР. В работах Язлыева использован широкий круг дореволюционной и советской литературы, что позволило ему провести комплексное исследование социальной и хозяйственной жизни туркмен в конце XIX – начале XX вв.

Особое место в его исследованиях занимает история и этнографические особенности туркмен-сарыков, проживавших в Иолотанском оазисе Марыйской области. В книге «История и хозяйственное развитие населения среднего Мургаба» подробно рассмотрено формирование современного населения региона, его родоплеменная структура и динамика хозяйственной деятельности – от скотоводства и земледелия до ремесла и торговли [4, с. 128].

Ученый оспаривает мнение ряда исследователей (Я.Р. Винникова, Г.Е. Маркова), утверждавших, что земледелие стало основным занятием иолотанских сарыков уже во второй половине XIX в. На основе новых этнографических и архивных данных Язлыев доказывает, что до 1890-х гг. ведущей отраслью их хозяйства оставалось скотоводство. Интерес представляют его наблюдения о социальных нормах и обычаях сарыков. В частности, он отмечает, что у них не существовало традиции «брачного права» (ника су), согласно которому вода для орошения участка предоставлялась только после женитьбы. В Иолотанском оазисе землю и воду получали все юноши, начиная с 15–16 лет, при условии участия в общественных работах по поддержанию ирригационной сети [1, с.122–123].

Особое внимание исследователь уделил атлычной организации у мургабских туркмен – своеобразной микрообщине в составе водоземельной общины, имевшей военно-хозяйственное и административное значение. Атлыки объединяли нескольких водопользователей и варьировались по размеру в зависимости от условий землевладения – на мюльковых и санашиковых землях.

В 1980-е гг. Ч. Язлыев сосредоточился на изучении эволюции водоземельной сельской общины Туркменистана. Итогом этих исследований стала докторская диссертация, посвященная особенностям сельской общины населения южных, юго-восточных и западных районов страны в XIX – первой четверти XX в. В ней он показал, что туркменская сельская община сформировалась в процессе оседания кочевых племен и существовала в особых условиях вплоть до коллективизации сельского хозяйства. Ученый выделил несколько типов хозяйственно-культурного уклада: кочевое скотоводческое, земледельческое и преимущественно оседло-

земледельческое, а также подчеркнул тесную связь сельской общины с племенной и военной организацией туркмен в прошлом.

Научные труды ученого, посвященные этнографии туркмен-сарыков, проживавших по берегам Мургаба, вопросам землевладения и водопользования у туркмен, организации сельской общины, а также историографии туркменской этнологии, внесли большой вклад в развитие исторической науки.

6 июля 2025 года историческая наука Туркменистана понесла тяжелую утрату – после непродолжительной болезни безвременно скончался профессор Чары Язлыев.

Источники и литература

1. Васильева Г.П. История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке конец XVIII – XX века. М.: Наука, 2003. 98 с.
2. Джикиев А. Ылма салдамлы гошант // Несил. 1992. 5 дек.
3. Рахимов Н. Түркмен жемагатының ылмы беяны // Түркменистан. 1992. 16 нояб.
4. Язлыев Ч. История и хозяйственное развития населения среднего Мургаба. Ашхабад: Ылым, 1985. 128 с.
5. Язлыев Ч. Туркменская сельская община. Ашхабад: Ылым, 1992. 300 с.

БЕЗ ПРОШЛОГО НЕТ НАСТОЯЩЕГО И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БУДУЩЕГО

А.Н. Чикин, В.Е. Караваев, Н.В. Панова

ОБУЗ 1 ГКБ, Ивановский государственный медицинский университет МЗ РФ,
Иваново, Россия

panova-pnv@yandex.ru

Изложены материалы по становлению 1-й городской клинической больницы города Иваново и ее более чем вековой деятельности как клинического учреждения, на базе которого процесс лечения пациентов сочетался с обучением будущих врачей. Представлена информация о некоторых врачах предыдущих поколений, посвятивших свою жизнь борьбе с инфекционными болезнями.

Ключевые слова: ивановская 1-я городская клиническая больница, история, традиции, педагогика, образование, кадры.

WITHOUT THE PAST THERE IS NO PRESENT AND THERE CANNOT BE A FUTURE

A.N. Chikin, V.E. Karavaev, N.V. Panova

Regional Healthcare Institution No. 1 City Clinical Hospital, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Ivanovo, Russia

panova-pnv@yandex.ru

This article presents materials on the development of Ivanovo's First City Clinical Hospital and its more than a century-long history as a clinical institution, combining patient treatment with the training of future physicians. Information is also provided about some of the physicians of previous generations who dedicated their lives to fighting infectious diseases.

Keywords: Ivanovo's First City Clinical Hospital, history, traditions, pedagogy, education, personnel

История ОБУЗ 1-я городская клиническая больница г. Иванова начала свой отсчет с 1897 г., когда на окраине города возле дороги в д. Глинищево была открыта городская больница на 20 коек для чернорабочих, 12 из которых предназначались для заразных больных [1]. Строительство и открытие больницы было обусловлено сложившимися эпидемиологическими обстоятельствами и требованием времени. Еще при проектировании и строительстве в Вознесенском посаде во второй половине XIX века больницы для мастеровых и рабочих (построена в 1861 г.) Я.П. Гарелин указывал, что «при громадном стечении рабочих, при дурных условиях их жизни и, вследствие этого, значительной заболеваемости больница необходима». Несмотря на то, что в 1894 году в больнице для мастеровых и рабочих был построен «заразный» корпус, коек для больных, в том числе и инфекционных – явно не хватало. С развитием и ростом заштатного города Иванова, с разрастанием старых и строительством новых фабрик и мастерских, с притоком новых рабочих сил постоянно возникали вспышки инфекционных заболеваний, особенно в условиях скученности, бедности и нищеты в рабочих казармах. Имеющихся инфекционных

коек постоянно не хватало, поэтому изоляцию и должный уход за всеми заразными больными осуществлять было невозможно. Ситуация с лечением инфекционных больных в городе была достаточно острой. Поэтому и было осуществлено строительство по инициативе и под руководством врача П.А. Алявдина ныне существующей Первой больницы, он же организовал сбор частных пожертвований для ее строительства. После окончания строительства одноэтажного деревянного корпуса он стал единственным врачом больницы. С 1898 года больницу возглавил врач, выпускник Московского университета А.Е. Напалков. В 1901 году к больнице пристроили здание из красного кирпича для родильного приюта. В корпусе с кафельным полом, высокими потолками, были большие окна, поэтому в палатах и в коридоре было много воздуха и светло. Кирпичный корпус способствовал оздоровлению земляков до середины 80-х годов XX века. За свое почти вековое существование его много раз перепрофилировали.

27 апреля 1910 года на 63-м году жизни скончался Иваново-Вознесенский купец, торговец тканями Иван Васильевич Небурчилов. Он завещал городу 1 млн. 900 тыс. рублей, что было по тем временам большой суммой. По завещанию умершего, распоряжаться этими средствами были назначены душеприказчики уважаемые ивановские фабриканты Дмитрий Бурылин, Николай Бурылин, Александр Гарелин, Николай Зубков, Сергей Полушин. Большая часть средств по решению Городской Думы была направлена на строительство корпусов для «заразных, терапевтических и хирургических больных». Решение по данному вопросу состоялось на заседании Иваново-Вознесенской городской Думы 7 августа 1912 года. В Постановлении значилось; «соглашаясь съ заключеніем врачебно-санитарной и финансовой комиссій, – одобрить предположенія душеприказчиковъ по духовному завещанію И.В.Небурчилова, изложенныя въ ихъ докладѣ отъ 1 августа 1912 г.. объ ассигнованіи на устройство родильнаго приюта 30000 руб., объ устройстве заразной больницы на 75 коекъ, терапевтической больницы на 20 коекъ и городской амбулаторіи, с обезпеченіемъ содержанія этихъ заведеній капиталомъ въ 500000 рублей; ... просить душеприказчиковъ для проектируемой терапевтической больницы устроить, вмѣсто корпуса № 7, корпусъ, предназначавшійся по проекту подъ хирургическое отдѣленіе;...». После согласований о строительстве, Городской Голова 13 декабря 1911 г. постановил об отведении земли около городской больницы (рис.1). В конце 1911 г., при участии представителей городского управления, врачей, архитекторов и экспертов, откомандированных Московским Архитектурным обществом, состоялось подведение итогов объявленного конкурса на лучший проект больницы. Среди 16 претендентов, участвовавших в конкурсе, победил архитектор Павел Трубников с проектом на 110 коек.

В 1912 проводились подготовительные работы: составление сметы, разбивка и нивелировка участка и др. 23 апреля 1913 года по окончания божественной литургии в Покровском соборе около 11,5 часов дня на Благовещенской улице, близ Единоверческой церкви состоялась закладка больницы. Закладка первого корпуса проходила торжественно при большом стечении горожан, гласных Ивановско-Вознесенской городской Думы и служащих городской Управы. Строительство осуществляла контора М.К.Млынарского. Стоимость строительства больницы с отоплением, водопроводом, канализацией, устройством электрического освещения и пр. определялась суммой 475 000 руб. По счетам строительной конторы М.К.Млынарского на выполненные работы и по произведенным с ним расчетам, объем работ составил 411 206 руб. 21 коп. К осени 1914г. были возведены 8

каменных корпусов, оставалось выполнить внутренние отделочные работы и весной 1915 г. предполагалась их сдача в эксплуатацию. Средства не были растрачены впустую, а даже и сэкономлены.

Но, планам не суждено было воплотиться в реальность, судьба больницы зависела от внешних обстоятельств. Началась Первая мировая война и дальнейшие события в стране, спутали все планы. 27 сентября 1914 г. Душеприказчики, в связи с обращением совета Общества Фабрикантов и Заводчиков Иваново-Вознесенского промышленного района, просили Иваново-Вознесенскую городскую Управу ускорить отделку корпусов № 2, 5 и 7, чтобы в случае необходимости в увеличении числа коек для больных и раненых воинов, воспользоваться временно этими корпусами для устройства лазарета. Однако осенью 1914 г. корпуса строящейся больницы постановлением Иваново-Вознесенского городского Распорядительного Комитета (от 30 сентября 1914 г.) были отведены под расквартирование войсковых частей. Вновь построенные корпуса использовали под казармы 199 пехотного полка, поэтому в народе их стали называть «небурчиловскими казармами».

В дальнейшем в этих корпусах организовали квартиры для профессорско-преподавательского состава Рижского политехнического института, эвакуированного в Иваново (было выделено 128 комнат). И только в 1927 году начались ремонтные работы и реконструкция корпусов под инфекционные и другие отделения под руководством главного врача (по совместительству) Л.М.Кибардина [2].

Лишь в 1930г. реализовали постановление Городской Думы об открытии больницы в г. Иванове, она стала 400-кочной многопрофильной (295 из них – предназначалась для лечения инфекционных больных). Практически одновременно с открытием реконструированных корпусов база больницы стала использоваться для подготовки врачебных кадров, так как с этого же года, был образован Ивановский государственный медицинский институт. В корпусах были размещены некоторые клинические кафедры, где учились и учатся по сей день врачебному мастерству, набираются опыта будущие доктора.

Прошло более ста лет, как на деньги ивановского купца Ивана Васильевича Небурчилова были построены восемь корпусов 1 городской клинической больницы (ГКБ), которые верой и правдой служат до настоящего времени не только горожанам, но и жителям всей области, нуждающимся в помощи. Пришло время поклониться одному из многих меценатов, на средства которого были выстроены восемь основных корпусов 1 ГКБ. К этому нас обязывает и то обстоятельство, что у Ивана Васильевича не было семьи и наследников. Не сохранилась и могила, в которой он был захоронен (у Крестовоздвиженской церкви, располагавшейся на месте площади Революции). Поэтому сохранившиеся до настоящего времени корпуса больницы и приносящие землякам огромную пользу в сохранении здоровья, являются лучшим памятником ему.

В клинике сложились определенные отношения и традиции, как между медицинскими работниками, так и между больничными и кафедральными коллективами. Медики больницы и преподаватели вуза являли собой коллектив единомышленников, радеющих за общее дело, постоянно внедряли в лечебно-диагностический процесс новые методы обследования и лечения, диагностики и профилактики, способствовали распространению знаний среди населения и коллег. История старейшего стационара города красноречиво свидетельствует о милосердии и спасении жизней тысячам больных.

Первым врачом со специальной подготовкой по инфекционным болезням была А.И.Минаева, она первой в городе проводила интубацию больных при дифтерийном крупе. Большую роль в развитие больницы внесла М.Ф.Вассерман, проработавшая в клинике более 50 лет, удостоенная звания Заслуженный врач РСФСР.

Сотрудники лечебного учреждения участвовали в важных событиях города и области, восстанавливали здоровье, сдерживая инфекционную заболеваемость и летальность соотечественников в годы Великой Отечественной войны (сыпной и возвратный тифы, туляремия) и в послевоенное время. Побеждали полиомиелит и корь, краснуху и эпидемический паротит. Им пришлось разбираться с экзотическими для нашей местности болезнями, такими как лихорадка Ку, завезенную с хлопком, геморрагическая лихорадка с почечным синдромом, завезена с кормами для общественного животноводства, лихорадка Денге, дизентерия, вызванная шигеллами Григорьева-Шига и др. [3].

Врачи принимали участие в ликвидации многих вспышек и эпидемий не только в городе и области, но и в других территориях страны. Например, В.И. Дунаева и Т.М. Орлова достойно представляли инфекционную службу области на ликвидации вспышки холеры в Астрахани, за что правительство отметило их труд орденами Трудового Красного Знамени [1]. В.Е. Караваев выезжал на борьбу с кишечными инфекциями в Киргизскую ССР, с полиомиелитом – в Чеченскую республику [4, 5].

За многие годы работы установилась тесная связь с работниками практического здравоохранения области, областной, городской и районными СЭС (ЦСЭН). Сотрудники активно осуществляют плановую и экстренную консультативную помощь в медицинских учреждениях города и области.

1-я городская клиническая больница была и есть единственной инфекционной больницей в городе. После пандемии новой коронавирусной инфекции жители города и области получили новый типовой госпиталь, где созданы хорошие условия для больных, персонала и студентов, обучающихся на клинической базе, но и старые корпуса еще верой и правдой продолжают служить горожанам на ниве сохранения здоровья.

Сменилось не одно поколение врачей, медицинских сестер, лаборантов, сотрудников вспомогательных служб, но традиции и наследие наших предшественников мы чтим и сохраняем. Стремимся поступательно их развивать, добавляя новые направления, прогрессивные и современные методы диагностики, лечения и способы коммуникации.

Источники и литература

1. Сухарев В.М., Вассерман М.Ф. Очерк развития и становления инфекционной службы первой городской клинической больницы. Иваново, 1996. 36 с.
2. Кибардин Л.М. Полвека. Воспоминания старого врача. Иваново, 1967.
3. Шибачева Н.Н., Орлова С.Н. Инфекционные болезни: взгляд в прошлое // Инфекции вчера, сегодня, завтра: сб. мат-лов науч.-практ. конф. Иваново, 2013. С. 24–26.
4. Караваев В.Е., Ормонов М.Р. Опыт применения оральной и парентеральной регидратации при острых кишечных инфекциях у детей в условиях жаркого климата // Здравоохранение Киргизии. 1990. № 4. С. 23–24.
5. К вопросу о вспышке полиомиелита в Чеченской Республике / В.Е. Караваев, З.Б. Аслаханова, М.И. Камоско [и др.] // Сб. науч. тр. Махачкала, 1996. С. 227–228.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «СОВЕТСКОМ» В ДИСКУРСЕ ВОСПОМИНАНИЙ
ПОКОЛЕНИЯ БЕБИ-БУМЕРОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ОМГПУ)**

Чуркин Михаил Константинович

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия
proffchurkin@yandex.ru

Чуркина Наталья Ивановна

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия
n_churkina@mail.ru

В статье, на материалах глубинного полуструктурированного интервью с акторами научно-образовательного сообщества поколения советских беби-бумеров раскрываются коллективные представления группы о советской эпохе и практиках адаптации к социокультурной среде СССР в рамках индивидуальных и коллективных биографий.

Ключевые слова: теория поколений, «советское», дискурс воспоминаний, беби-бумеры, научно-образовательное сообщество

**CONCEPTS OF "SOVIET" IN THE DISCOURSE OF MEMORY OF THE BABY
BOOMER GENERATION (BASED ON INTERVIEWS WITH THE SCIENTIFIC
AND EDUCATIONAL COMMUNITY OF OMSK STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY)**

Churkin Mikhail Konstantinovich

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia
proffchurkin@yandex.ru

Churkina Natalya Ivanovna

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia
n_churkina@mail.ru

This article, based on in-depth semi-structured interviews with members of the scientific and educational community of the Soviet baby boomer generation, reveals the group's collective perceptions of the Soviet era and practices of adaptation to the sociocultural environment of the USSR within the framework of individual and collective biographies.

Keywords: generational theory, "Soviet," memory discourse, baby boomers, scientific and educational community

Методологические основания теории поколений, были заложены еще в 1920-х гг. английским социологом К. Мангеймом [1] и французским философом М. Хальбваксом [2] и усовершенствованны во второй половине XX столетия А. Ассман [3], А. Шлезингер-младшим [4], Т. Шаниным [5], Н. Хоувом и В. Штраусом [6].

Критика поколенческого подхода, развернутая в «оптике» его фундаментального императива «коллективная память», начатая М. Блоком, Л. Февром и поддержанная позднее Р. Козеллеком строилась на позитивистском

тезисе о принципиальном отрицании коллективных представлений и коллективной памяти и невозможности установить устойчивые паттерны идентичности когорты, объединенной принадлежностью к одной возрастной группе [3, с. 370].

Между тем, подход к пониманию «поколения» в исследовательской парадигме социального конструкционизма, определяющим объекты исторической и социальной реальности как «воображаемые сообщества», позволяет утверждать, что поколение – продукт конструирования, фиксирующий представления членов группы о самих себе и окружающем мире. Б. Андерсон констатировал: «Воображаемое сообщество отличается от реального сообщества, потому что оно не может быть основанным на повседневном общении лицом к лицу его участников. Вместо этого, его участники удерживают в своем сознании ментальный образ своего сходства» [7, с. 31]. По мнению Т. Шанина «...субъекты, имеющие сходную историю жизни, склонны воспринимать действительность в сходных категориях, и эта склонность связана не только с другими общими характеристиками, например, с принадлежностью к социальному классу, цивилизации и т. д. [5, с. 13].

Сформулированные фронтменами поколенческой теории подходы были восприняты в качестве исследовательского алгоритма при подготовке в рамках гранта Фонда научного развития ОмГПУ монографии, посвященной политической и социокультурной идентичности научно-образовательного сообщества поколения советских беби-бумеров, где в качестве основного источника привлекались материалы глубинного полуструктурированного интервью, респондентами которого стали 11 преподавателей факультета истории, философии и права, родившиеся во временном диапазоне 1944–1962 гг. [8].

По истечении почти пятилетнего срока и возникшей ситуации отсроченной рефлексии, появилась возможность переосмысления текстов интервью в различных исследовательских ракурсах, в том числе и в аспекте представлений участников интервью о своем профаном и профессиональном опыте, стратегиях и практиках повседневного поведения и адаптации в социокультурных, идеологических, политических и научных обстоятельствах СССР 1950-х – начала 1990-х гг. Актуальным видится обращение к тому сегменту воспоминаний беби-бумеров, которые окрашены в ностальгические тона, поскольку эмоционально-экспрессивная интонация воспоминаний респондентов неизбежно встроена и сочетается с социокультурным контекстом советской эпохи, что позволяет выделить ключевые паттерны представлений о «советском» в мемориальном дискурсе поколения.

Репрезентации представлений в мемуарном дискурсе респондентов реализовывалось в условиях соприкосновения и наложения двух контекстов: жизненном отрезке, о котором вспоминают и текущей ситуации «вспоминанья», обусловленной рамками и содержанием программы интервью, индивидуальными особенностями памяти вспоминающих, а также возрастными особенностями, предопределяющими стереотипы самовосприятия.

Проведенное исследование позволяет выявить ключевые представления респондентов о составных элементах советской повседневности, выполнявшей важные адаптивные и социализирующие функции в период позднего социализма и определившей практики поведения поколения беби-бумеров.

Во-первых, основанием представлений поколения беби-бумеров об организации окружающего пространства и опыта социального встраивания является рецепция детского периода своей жизни, который маркируется как «счастливая пора», описывается в яркой эмоционально-экспрессивной риторике. Бытовой

дискомфорт, тяжелые последствия войны 1941–1945 гг., ограничения гражданских прав и свобод в СССР, в воспоминаниях респондентов носят периферийный характер, замещаясь позитивным восприятием окружающей действительности. Дискурс воспоминаний о детстве демонстрирует, что годы ранней социализации поколения беби-бумеров протекали за пределами системы координат главных сюжетов советской политической и социокультурной реальности середины XX в.: прошедшей войны и либерализации общественной жизни периода «оттепели». Атмосферный фон военного времени, безусловно, присутствует в воспоминаниях, но имеет при этом символический характер (ветераны-инвалиды, отцы-фронтовики, дворовые игры в войну) [8, с. 20; 23; 27]. Детские воспоминания о политических изменениях неотчетливы и фрагментарны (смерть Сталина, отказ от массовых политических репрессий), что во многом связано с закрытостью и изоляцией страны от внешнего мира, устойчивостью идеологических установок власти, адресуемых обществу и воспринимаемых детьми как данность, не предполагающая возражений [8, с. 22; 25]. Важно отметить, что советская пропаганда обладала в этот период исключительными инструментальными возможностями трансляции обществу, в том числе молодому поколению, таких представлений о комфорте, в рамках которых «сбор паслена на завалинке» [8, с. 21] с последующим его приготовлением воспринимался как стандартная гастрономическая практика, а донашивание одежды старших братьев и сестер [8, с. 39] как тривиальный и повсеместный детский опыт.

Во-вторых, представления о «советском» репрезентируются в воспоминаниях беби-бумеров в параметрах образовательного и производственного цикла их жизненной и профессиональной биографии. Школьные годы респондентов – время формирования поколенческих ценностей, рецептируются в воспоминаниях беби-бумеров в связи с государственным доминированием и «вхождением» в систему идеологических конвенций советской власти. Период обучения в школе для старшего (1946–1952 г.р.) и среднего (1953–1956 г.р.) сегмента поколения совпал по времени с политическими и культурными преобразованиями в стране и коротким «вегетарианским» периодом «оттепели» 1956–1964 гг. Конфликт просталинской и антисталинской моделей школьного образования и воспитания 1950-х – 1960-х гг., разворачивавшийся в атмосферном фоне условной свободы, лишь частично скорректировал базовые основания идентичности беби-бумеров, а также их представления о «советском»: «Помню разговоры с отцом, когда я был старшеклассником о том, как живет страна, об экономике. Отвечал, что мне не нравится, что меня везут в телячьем вагоне, без окон и дверей... Именно тогда партия перестала нравиться» [8, с. 68]; «Вообще не помню никаких «оттепельных» явлений. Играл в футбол, о прочем думал мало» [8, с. 83]. В целом интонация и содержание воспоминаний беби-бумеров о школьном детстве свидетельствуют о невысоком уровне включенности в политическую жизнь. Воспроизводство «советского» в мемуарном дискурсе поколения происходит со значительным смещением акцентов в область, которую можно определить как «школьные годы чудесные». Государство, судя по свидетельствам респондентов, создавало для учащихся ситуацию интенсивной социальной интеграции во взрослое пространство советской действительности через множество патетических мероприятий, детские организации, «обрастающие» характерными для институтов позднего СССР чертами бюрократизма. Такого рода формат повседневного школьного существования, отлился в выводы: «Волны либерализации не заметил. 15–16-летние перемен не ощущали»; «Вообще не помню никаких “оттепельных” явлений» [8, с. 83].

Образ «мира советского человека», представленный в разделе воспоминаний о студенческом времени и стартовом периоде профессиональной карьеры беби-бумеров, репрезентируется акторами дискурса с учетом поведенческих стратегий представителей поколения, сформированных в предшествующие годы. Консервация общественного уклада во второй половине 1960-х гг., соединенная со спецификой профессионального выбора (студенты и преподаватели гуманитарных факультетов), способствовало распространению в сообществе сценария «внезапности» [9], что выражалось в политической индифферентности и формальном коммуникативном согласии с государственными предначертаниями и установками. Мир «советского», конструируемый беби-бумерами в отношении периода их молодости и ранней зрелости предельно аполитичен, наполнен сюжетами повседневного быта и рутинных забот граждан страны, медленно впадающей в состояние социального, политического и культурного анабиоза.

В порядке общего заключения отметим, что представления о «советском» в дискурсе советских беби-бумеров, основаны на глубоком и устойчивом этатизме поколения как «воображаемого сообщества», формировавшийся на всех стадиях их личной и коллективной биографии. Сервильность власти и коллаборации с государством, желание в любых обстоятельствах следовать в русле его конвенций, определяло представления когорты об устройстве советского мира и его структурах повседневности как о норме.

Источники и литература

1. Mannheim, Karl, Das Problem der Generationen, in ders., Wissenssoziologie. Auswahl aus dem Werk, eingel. u. hg. von Kurt H. Wolff, 2. Auflage, Neuwied 1970. P. 509–565.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
3. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
4. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
5. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.
6. Strauss W., Howe N. Generations. New York: William Morrow & Co., 1991.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
8. Политическая и социокультурная идентичность научно-педагогического сообщества поколения советских беби-бумеров (по материалам воспоминаний преподавателей ОмГПУ) / М.К. Чуркин [и др.]. Омск: ОмГПУ, 2022. 258 с.
9. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.

ПЛЕЯДА ПОКОЛЕНИЙ УЧЕНЫХ В ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ПОЧВОВЕДЕНИЯ

Шпедт Александр Артурович, доктор сельскохозяйственных наук, доцент
Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского
отделения РАН», Красноярск, Россия
shpedtaleksandr@rambler.ru

Сорокина Ольга Анатольевна, доктор биологических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
geos0412@mail.ru

В статье речь идет о плеяде известных ученых-почвоведов, внесших огромный вклад в развитие не только сибирского, но и отечественного, почвоведения и обеспечившие себе самые почетные места в науке. Представлены воспоминания об ученых-почвоведов — основателях школ лесного почвоведения и агропочвоведения в Красноярском крае, их учениках и коллегах. Огромный опыт и знания они смогли передать своим ученикам.

Ключевые слова: поколение ученых, научные школы, лесное почвоведение, агропочвоведение, проблемы и развитие почвоведения

SCIENTISTS GENERATIONS IN THE SIBERIAN SOIL SCIENCE HISTORY

Shpedt Alexander Arturovich, Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor
Federal Research Center «Krasnoyarsk Science Center, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences», Krasnoyarsk, Russia
shpedtaleksandr@rambler.ru

Sorokina Olga Anatolyevna, Doctor of Biological Sciences, Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
geos0412@mail.ru

The article is devoted to a pleiad of famous soil scientists who made a huge contribution to the development of both Siberian and Russian soil science, securing for themselves the most prestigious positions in the field. It presents recollections of these soil scientists — the founders of forest soil science and agricultural soil science schools in the Krasnoyarsk territory, as well as memories of their students and colleagues. They were able to share their vast experience with their students.

Keywords: generation of scientists, scientific schools, forest soil science, agricultural soil science, problems and development of soil science

В данной работе речь пойдет о плеяде известных ученых-почвоведов, сделавших огромный вклад в развитие не только сибирского, но и отечественного, почвоведения и обеспечившие себе самые почетные места в нашей науке.

Плеяду этих ученых открывает Николай Васильевич Орловский (1899–1986), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, оставивший большое научное наследие. По широте научных интересов, сложности, необычности, красоте жизненного пути, мужеству и духовной силе Н.В. Орловский является «корифеем»

почвенно-агрохимической науки не только Сибири, но и всей России [1]. Для Николая Васильевича Орловского наука всегда была главным делом и занимала первое место в его жизни. Он был всесторонне развитым человеком, представителем той интеллигенции, которая всегда беззаветно служила Отечеству. У него во все времена было много учеников и почитателей его научного таланта, образованности, музыкальности, неизбывной энергии, организаторского таланта, требовательности и в то же время внимательного отношения к людям, полемического склада характера, веселого юмора. Соратники, друзья, ученики, коллеги и просто знакомые ему люди с любовью называли Николая Васильевича «Дед».

Николай Васильевич Орловский внес весомый вклад в аграрную науку, мелиоративное и лесное почвоведение, генетическое почвоведение, в вопросы классификации и картографии почв. Он основал замечательную школу лесных почвоведов, начал развивать микробиологическое направление в почвенно-агрохимической науке края. Одним из первых выдвинул идею педотрона, развивал моделирование почвенных процессов в контролируемых условиях, был организатором и участником множества научных конференций, совещаний, симпозиумов, съездов.

Большую известность получили работы Н.В. Орловского по засоленным почвам и путям их улучшения, которые послужили теоретической основой для системы мероприятий по осушению и сельскохозяйственному освоению засоленных почв. Также большое научное и практическое значение имели его рекомендации по борьбе с эрозией почв, которые были применены на многих территориях Сибирского региона, в том числе в Хакасии.

В Красноярске Н.В. Орловский начинал работать в Красноярском сельскохозяйственном институте заведующим кафедрой почвоведения и агрохимии [2]. Однако проработал на этой должности пару лет, и все оставшиеся долгие годы трудился в Институте леса СО РАН СССР, который в эти годы был переведен к нам из Москвы. В это время велась распашка земель на юге края и в Хакасии, и пыльные бури в результате дефляции почв долетали даже до Красноярска. Результаты исследований Николая Васильевича были активно использованы в земледелии целинных районов, благодаря чему пыльные бури прекратились. Он организовывал экспедиционные и стационарные работы по изучению почв, их генезису, классификации не только в Красноярском крае, но и на Алтае, в северном Казахстане, Приангарье.

С 1966 г. Николай Васильевич возглавлял подкомиссию по лесному почвоведению во Всесоюзном обществе почвоведов им. В. В. Докучаева. Он был членом Центрального совета Общества и его почетным членом. Им опубликовано более 100 печатных работ, включающих 15 монографий. В сборнике избранных трудов «Исследования почв Сибири и Казахстана» опубликованном в 1979 году подытожены научные труды ученого. За многолетнюю плодотворную трудовую деятельность в области почвоведения Николай Васильевич был удостоен золотой медали им. В. В. Докучаева. В Красноярском Академгородке на стене дома 1А в честь ученого установлена памятная доска, а в Алтайском государственном аграрном университете Почвенный музей носит его имя. Бюст Николая Васильевича увековечил в мраморе красноярский скульптор профессор Владимир Алексеевич Зеленев. В настоящее время бюст находится в музее имени Сурикова в Красноярске.

Начиная еще со школьной скамьи, он вел дневник. И все годы своей жизни он неумолимо записывал основные события. На заседаниях, в частных ли беседах

Николай Васильевич всегда кратко конспектировал, записывал основные моменты выступления и рассказов собеседников. В последние годы своей жизни Николай Васильевич писал мемуары «Страницы истории сельскохозяйственной науки XX века (воспоминания ученого)» [4]. Поэтому и факты, и речи, во всяком случае, смысл речей в его мемуарах переданы по возможности точно. В четырех рукописных книгах мемуаров описан жизненный и творческий путь многих известных почвоведов, агрохимиков. Николай Васильевич воссоздал атмосферу «Петровки» (Петровской сельскохозяйственной академии) 20-х годов, показал борьбу мнений в 30-40-х годах, описал множество людей с их судьбами, делами, мыслями. Написание этих мемуаров «Страницы истории сельскохозяйственной науки XX века» – гражданский подвиг Николая Васильевича. Эту книгу по праву называют увлекательным описанием трудной и удивительной жизни ученого, испытавшего все особенности и противоречия прошлого века. Сейчас они переданы на хранение в Государственный архив.

Ученики и коллеги Н.В. Орловского стали признанными учеными, под руководством и при консультации которых защищены кандидатские и докторские диссертации по разным направлениям почвенной науки.

Плеяду маститых ученых-почвоведов, учеников Н.В. Орловского, открывает один из его ярких представителей Лев Оскарович Карпачевский. Он – доктор биологических наук, заслуженный работник МГУ, лауреат нескольких почетных премий, автор более 300 печатных работ. Среди них статьи, учебники и монографии по лесному, молекулярному, мелиоративному, экологическому, историческому почвоведению, популярные издания о почвах и почвоведении, философские труды о закономерностях развития биосферы, о месте и роли почв в развитии человеческого общества и цивилизации, замечательные стихи.

Свою научную деятельность Л.О. Карпачевский начал в Сибири, в аспирантуре Алтайского сельскохозяйственного института под руководством Н.В. Орловского (1954–1958 гг.). Итогом его научной работы стала кандидатская диссертация на тему «Водно-физические свойства и элементы водного режима почв Алтайского края», блестяще защищенная в Почвенном институте им. В.В. Докучаева (1960). Актуальность данной работы была вызвана широкомасштабным освоением целинных и залежных земель в Сибири и Казахстане. Через сравнительно короткое время Л.О. Карпачевским была подготовлена и защищена докторская диссертация «Пестрота почвенного покрова лесных биогеоценозов» (1972), в которой автор доказал, что тезис «один тип леса – одна почва» неверен, а в пределах одного типа леса могут встречаться различные почвы, отличающиеся даже на уровне типа. С этого времени его имя стало широко известно среди российских почвоведов и за рубежом.

Профессор Л.О. Карпачевский был открыт для новых почвоведческих идей. Зачастую, он сам их формулировал, а еще чаще создавал условия для их рождения. Именно Лев Оскарович стоял у истоков или был негласным вдохновителем целого ряда направлений в почвоведении и связывал эту науку с философией, социологией и эволюционизмом. Являясь, по сути, ученым-теоретиком, он повседневно искал в почвоведении истину. Очень импонирует его идея компартментации: «Одним из главных следствий почвообразования можно считать формирование многоуровневой структуры из первоначальной смеси разных веществ. Ведущим процессом этого формирования можно считать компартментацию – образование активных центров, приводящее к разделению почвы на микроучастки, в которых концентрируются те или иные вещества. Активными центрами могут быть самые разные группы,

образующие кластеры в составе почвенной матрицы и на ее поверхности. Наличие компарментов обуславливает постоянную разность электрических полей в почвах и горизонтах» [3]. Вот и новое направление в почвоведении!

В плеяде ученых, последователей научных идей и активно реализующих направления исследований Н.В. Орловского были почвоведы, работавшие в лаборатории лесного почвоведения Института леса СО РАН.

Опираясь на имеющиеся микробиологические исследования наземных экосистем смежных регионов Сибири, обладая исключительной научной эрудированностью и прозорливостью, Н.В. Орловский организовал конкретные микробиологические исследования лесных почв на базе Института леса СО РАН в г. Красноярске. Для реализации своих идей на первых порах и в дальнейшем он привлек к этой работе выпускницу биолого-почвенного факультета Томского Государственного Университета З. В. Вишнякову. Она стала аспиранткой и одной из первых сотрудниц Николая Васильевича в почвенно-микробиологических исследованиях. В дальнейшем это направление успешно развивал его аспирант Н.Д. Сорокин. За годы исследований почвенными микробиологами был получен большой фактический материал по микрофлоре и микробиологическим процессам в различных типах почв Сибири [5]. Развивалась концепция элементарных почвенно-микробиологических процессов, являющаяся одной из основ современного понятия нанопочвоведения. Проведена детальная микробиологическая и микробиохимическая характеристика почв и ризосферы сосны, одной из основных лесообразующих пород сибирского региона. Обоснована возможность применения биологических показателей при оценке лесохозяйственных мероприятий. Определены основные биогенные факторы и особенности формирования почвенного плодородия, получены количественные критерии по биогенным факторам, характеризующим плодородие почв как динамическую систему.

Евгения Григорьевна Чагина – верная сотрудница и помощница Николая Васильевича, еще со времени его работы на Алтае. Исследователь особенностей почвообразования и генезиса почв, биологического круговорота вещества и энергии в лесных экосистемах Сибири. Соавтор многих работ с Н.В. Орловским. Прекрасный методист, аналитик.

Замечательной сотрудницей и верной помощницей Николая Васильевича во все годы работы была Эстелла Федоровна Ведрова. Она изучала деструкционные процессы в углеродном цикле лесных экосистем Сибири, формирование и трансформацию подстилки, ее роль в гумусообразовании и продуктивности лесных культур. Внесла огромный научный и методический вклад в осознание и решение «карбоновой» проблемы, которая в те годы так остро не звучала. Результаты ее исследований широко используют в настоящее время.

Длительное время под руководством и в сотрудничестве с Николаем Васильевичем работал Владимир Николаевич Горбачев, доктор биологических наук, профессор. Ученый-почвовед, специалист в области генетического, лесного и экологического почвоведения. Дал оценку лесорастительных свойств почв Сибири, лесных почв Нижнего и Среднего Приангарья, Енисейского края, обосновал эколого-геохимические особенности почвообразования в пихтовых лесах южной части Енисейского края.

Владимир Михайлович Корсунов – продолжатель идей и дел Николая Васильевича. Член-корреспондент РАН, директор Института общей и экспериментальной биологии СО РАН в Улан-Удэ, доктор биологических наук.

После Николая Васильевича был заведующим лабораторией лесного почвоведения. Специалист в области лесного почвоведения, генезиса, географии и экологии почв. Занимался разработкой методов рационального использования и охраны почвенного покрова. Вел исследования, посвященные вопросам экологии и генезиса почв Сибири, дал эколого-географический и генетический анализ зональным лесным почвам, внес существенный вклад в развитие генетического почвообразования Сибири, выявив специфику таежного почвообразования.

В плеяде ученых-почвоведов значительное место принадлежит Эльвире Петровне Поповой, которая внесла большой вклад в развитие почвенно-биологических исследований Средней Сибири в агропочвоведении под руководством П.С. Бугакова и в лесном почвоведении под руководством Н.В. Орловского. Обобщила результаты своих исследований в известной монографии «Биологические процессы в лесных почвах Сибири».

Аспирантом Николая Васильевича, а в дальнейшем его сотрудником и доктором биологических наук, стал Плешиков Федор Иванович. Он занимался изучением лесорастительных свойств почв ленточных боров Минусинской котловины и их относительной оценкой. Дал характеристику эколого-ценотических факторов лесных экосистем Енисейского меридиана, был соавтором научного издания «Система мониторинга лесов как основа их рационального использования и устойчивого развития».

Людмила Степановна Шугалей, ученица и аспирантка П.С. Бугакова, ныне доктор биологических наук, профессор. Она была одной из первых исследователей водного режима почв лесостепной зоны Красноярского края. Впоследствии являлась яркой представительницей замечательной школы лесных почвоведов, которую основал Н.В. Орловский. По его инициативе в условиях Красноярской лесостепи был заложен «столетний опыт» по влиянию основных лесобразующих пород на почвенные процессы, ответственным организатором и исполнителем которого была Л.С. Шугалей. Основными направлениями ее исследований являлись: трансформация почв и почвенного покрова под влиянием антропогенных воздействий: сельскохозяйственного освоения, искусственных лесонасаждений, рекреации, техногенеза, в частности, рекультивации земель, нарушенных при добыче угля открытым способом.

На «столетнем опыте» в комплексе с лесоведами и почвоведом, кроме других важнейших направлений, выполнены детальные «пионерные» исследования по почвенной биоте И.Н. Бескоровайной. На этих материалах ею были защищены кандидатская и докторская диссертации. В настоящее время Ирина Николаевна доктор биологических наук, профессор, ведущий ученый эколого-биологического направления в почвоведении Сибири.

Вадим Константинович Савостьянов, аспирант Николая Васильевича, ведущий ученый, организатор науки и общественный деятель Сибири. Ученик и последователь Николая Васильевича. Один из талантливых ученых по полезащитному влиянию лесных насаждений на почвенные режимы и плодородие почв. Инициатор, организатор и спонсор очень многих мероприятий, посвященных Н. В. Орловскому. В тесном сотрудничестве с ними работала рано ушедшая супруга Вадима Константиновича – Зинаида Алексеевна, изучившая по инициативе и под руководством Н.В. Орловского погребенные почвы Хакасии, внесшая большой вклад в археологическое почвоведение.

В тесном сотрудничестве с Н.В. Орловским работала плеяда его друзей и коллег по сибирскому почвоведению. В «Венке Памяти» замечательных ученых-естествоиспытателей Восточной Сибири, Красноярского края, республики Тыва одно из первых мест по праву принадлежит Михаилу Васильевичу Кириллову, прошедшему «горнило» войны. Не без основания коллеги считали его «Географом милостью Божьей». Видный ученый, кандидат геолого-минералогических наук, почетный член Всероссийского общества охраны природы, председатель Красноярского и почетный член географического общества СССР, инициатор создания Отделения общества почвоведов в Красноярском крае Михаил Васильевич вошел в историю науки как выдающийся исследователь [6]. По многим вопросам он постоянно сотрудничал с Николаем Васильевичем. За долгий творческий путь М. В. Кирилловым написано более 150 научных статей и учебно-методических пособий по физической географии, географии почв, охране природы Красноярского края и Тувы. Ряд его научных работ по физической географии, почвоведению, истории науки публиковались в Москве, Красноярске, Кызыле и других городах.

М.В. Кириллова связывали тесные деловые и дружественные узы с коллегой по совместным почвенным работам и творческой деятельности, тоже фронтовиком, ученым-почвоведом Петром Семеновичем Бугаковым. Их объединяла принципиальность и честность в работе, трепетное и серьезное отношение к науке о природе и почвах Сибири.

Доктор сельскохозяйственных наук, профессор П.С. Бугаков – основатель школы агропочвоведения в Красноярском крае, признанный лидер почвенно-агрохимической науки. После Николая Васильевича длительное время заведовал кафедрой почвоведения и агрохимии в Красноярском сельскохозяйственном институте, а затем в Красноярском ГАУ. Организовал и провел вместе с сотрудниками кафедры многолетние стационарные исследования водного режима, биологической активности почв, азотного, фосфорного и калийного питания растений, особенностей гумусного состояния и круговорота азота и зольных элементов в агрофитоценозах. Подготовил 15 кандидатов наук. С 1956 г. Петр Семенович один из организаторов Красноярского отделения Всесоюзного общества почвоведов, председателем которого он был до 1989 года. Являлся участником 8 съездов общества почвоведов. С 1977 г. по 1989 г. – член Центрального Совета Всесоюзного общества почвоведов.

Петр Иванович Крупкин, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, писал об Н.В. Орловском: «Я не был прямым его учеником, но, несмотря на это, считаю себя таковым, учеником «по жизни». Многолетнее общение с этим незаурядным человеком, порой «без галстуков», в самых различных ситуациях, многому научило меня. Я очень благодарен судьбе, которая позволила мне в течение не одного десятилетия общаться с этим мудрым, интеллигентным, принципиальным, бесстрашным, большим ученым. Светлая память о Николае Васильевиче навсегда останется в моем сердце» [4]. У них с Николаем Васильевичем были совместные работы и публикации по эрозионным процессам в почвах на юге нашего края. Большая работа в этот период была проведена П.И. Крупкиным по темам: определение оптимальных параметров свойств почв земледельческой территории Красноярского края; плодородие черноземов; диагностика питания полевых культур и применение удобрений в Сибири; микропестрота почвенного покрова и урожайность сельскохозяйственных культур; экспериментальная оценка почв и земель районов Красноярского края.

В сотрудничестве с Н.В. Орловским работал Николай Георгиевич Рудой, доктор сельскохозяйственных наук, профессор. Он был первым директором и организатором созданной в 1964 г. Красноярской агрохимической лаборатории. Основные направления исследований Н.Г. Рудого: изменение свойств черноземов при окультуривании; агрохимия осушаемых болот в Средней Сибири; оптимизация питания сельскохозяйственных культур; структура и организация почвенного покрова. Научные монографии, учебные и методические пособия Николая Георгиевича актуальны и популярны в настоящее время.

В конце XX века в Сибирском почвоведении возникло явление «Школа профессора П.С. Бугакова». В наше время мы можем с полной уверенностью говорить о школе почвоведов доктора биологических наук, профессора Валентины Владимировны Чупровой, с честью продолжившей дело своего учителя. Она работала некоторое время с Н.В. Орловским по теме влияния почвенных условий на состояние, устойчивость лесных полей защитных полос и изменение свойств почв в сухой степи Северного Казахстана. Длительное время заведовала кафедрой почвоведения и агрохимии КрасГАУ. Была очень дружна с Николаем Васильевичем и коллективом лаборатории лесного почвоведения. Валентина Владимировна имела очень широкий круг научных интересов в почвоведении, которые реализовывала со своими коллегами и учениками. Основными направлениями исследований были: изучение и оценка биологического круговорота и баланса углерода, азота и зольных элементов; продукционно-деструкционные процессы, циклы углерода и азота в агроценозах; режимы и направленность почвенных процессов, оценка плодородия почв по комплексу показателей в агроэкосистемах. Большое внимание она уделяла изучению вопросов трансформации почвенных свойств при агрогенном воздействии, а также воспроизводству плодородия различными методами (сидерация, применение различных субстратов, нетрадиционных агрохимических ресурсов и др.), бонитировке и агроэкологической оценке почв и земель [7]. Активно внедряла математические методы и информационные технологии в почвенных исследованиях. Научное наследие, многочисленные труды Валентины Владимировны всегда будут востребованы.

Талант, широкий научный кругозор, творческая инициатива, трудолюбие, глубокая личная и профессиональная порядочность целой плеяды выдающихся сибирских ученых-почвоведов живут, продолжают и развиваются в работах их учеников, коллег и последователей в разных направлениях почвенной науки.

Источники и литература

1. Бугаков П.С. Об истории и современном изучении почв Красноярского края. Красноярск, 1998. 65 с.
2. Бугаков П.С., Чупрова В.В. Комментарии к портретной галерее почвоведов. Красноярск, 1999. 40 с.
3. Карпачевский Л.О., Зубкова Т.А. Компартиментация в почвах // Почвоведение. 2005. № 1. С. 47–55.
4. Орловский Н.В. Страницы истории сельскохозяйственной науки XX века (воспоминания ученого). Красноярск, 2012. 496 с.
5. Сорокина О.А., Сорокин Н.Д. Н.В. Орловский – один из основателей микробиологического направления в лесном почвоведении Сибири // Творческое наследие проф. Н.В. Орловского, его использование и развитие: мат-лы научных чтений, посвященных 115-летию со дня рождения Н. В. Орловского (19–20 февраля 2014 г., г. Абакан). 19–20 февраля 2014, г. Абакан. Абакан, 2014. С. 102–107.
6. Сорокина О.А. Вклад М.В. Кириллова в развитие почвенно-географических исследований Сибири // География и геоэкология на службе науки и инновационного образования: материалы XIII Всероссийской с международным участием научно-практической конф. Красноярск, 20 апреля 2018 г. Вып. 13. Красноярск, 2018. С. 32–35.
7. Шпедт А.А. Природно-хозяйственная оценка почвенного покрова сельскохозяйственных земель Приенисейской Сибири: автореф. дис. ... д-ра с.-х. наук. Красноярск, 2009. 32 с.

СЕКЦИЯ 4. ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА

УДК 314.04

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И АКТИВНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОКОЛЕНИЯ X

Баранова Ирина Сергеевна, кандидат географических наук, доцент
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
i.s.baranova@mail.ru

Статья посвящена анализу влияния исторических условий на формирование демографической структуры поколений. Автор прослеживает становление социально-демографического поведения людей поколения X от рождения в 1960-70-х гг. до сегодняшних дней под воздействием качественных и количественных свойств изменяющейся внешней среды.

Ключевые слова: социально-демографическое поколение; население России; демографические процессы.

GENERATION X FORMATION AND ACTIVITY CONDITIONS

Baranova Irina Sergeevna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor
Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia
ivanov@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the influence of historical conditions on the formation of the demographic structure of generations. The author traces the formation of socio-demographic behavior of people of generation X from birth in the 1960s and 70s. to the present day under the influence of the qualitative and quantitative properties of a changing external environment.

Keywords: socio-demographic generation; the population of Russia; demographic processes

Историческая реальность в нашей стране такова, что рассмотрение вопроса смены поколений только с демографической точки зрения не показывает всей картины. Основные этапы развития России за последние сто лет не позволяют осуществляться классической смене поколений. Происходящие регулярно кардинальные политические, экономические и социальные перемены нарушают традиционные четверть вековые смены поколений. Российская специфика вынуждает рассматривать воспроизводство поколений в комплексе с социальной стороной их жизнедеятельности.

Динамика численности населения России, изменений его состава и продолжительности жизни, размещения и миграций находится под влиянием определенного исторического периода [2]. Социально-демографическое поколение сходно не только возрастом, закономерностями развития и способом воспроизводства, но и близким социальным и демографическим стереотипом поведения.

К поколению X в разных источниках относят людей, родившихся в период с 1963–1965 по 1980–1984 гг. Данный исторический этап в Советском Союзе характеризовался относительной стабильностью. Страна добивалась успехов во многих сферах жизни. Это было время строительства новых городов, освоения космоса, больших достижений в культурной и спортивной жизни. Как правило, стабильность оказывает позитивное влияние на формирование поколения, поскольку есть возможность передачи от старшего поколения следующему накопленных идеалов и ценностей, стереотипов сознания и поведения. У людей складывается чувство защищенности и уверенности в завтрашнем дне. В обществе снижается уровень политической и социальной напряженности.

Особенностью советского образования были незыблемость знаний и авторитет преподавателей и ученых. Ребенок воспитывался в безусловном уважении к представителю системы образования. Предполагалось, что однажды полученные знания и навыки не потеряют актуальность и будут применяться на протяжении всей жизни.

В данный период наблюдались и негативные явления. Замедление темпов экономического роста и производительности труда вызывали отставание в высокотехнологичных отраслях производства, ухудшение качества продукции и снижение эффективности производства. В этот период растет дефицит многих товаров народного потребления. Детство представителей поколения X пришлось на время возрастающих ограничений в возможностях потребления товаров и услуг. Это сформировало определенную настороженность в вопросах финансов и приобретения чего-либо. Поскольку приобретение любого продукта в их сознании в детстве было связано со значительными сложностями, физическими и временными затратами. Как правило, люди этого поколения предпочитают качественную, долговечную и практичную продукцию.

Кризисные явления в политической и социальной сфере помимо прочего изменили репродуктивные установки населения. Нестабильность и нехватка товаров широкого потребления приводили к тому, что люди стали избегать дополнительной ответственности и обязательств. Стали проявляться откладывание рождения ребенка на более поздний срок и уменьшение количества планируемых детей.

Взросление поколения X пришлось на период стремительного развития технологий и нарастания значительных политических трудностей. Продолжилось снижение темпов экономического роста и усиление расточительного характера экономики в сочетании с относительно невысоким уровнем жизни советских людей. Догматичная и архаичная политическая структура страны при ограничении доступа к западной культуре усиливала недовольство и скептическое отношение молодежи. Молодое поколение все меньше воспринимало официальную идеологию, не реагирующую на меняющуюся ситуацию в стране. Усмирение гражданской активности и идеологическое давление при неизменном общеполитическом курсе сформировали у представителей поколения X достаточно критичное восприятие окружающей реальности и политики, в частности. Ситуацию недоверия усугубляла холодная война и глобальное политическое напряжение.

Начавшаяся в 1985–1991 гг. перестройка в СССР для решения накопившихся проблем стала подтверждением правильности позиции скептицизма. Дальнейшие кардинальные перемены в экономической и политической структуре страны, попытки переписать историю и принизить значимость страны на мировой арене определенным образом завершили формирование ценностной структуры поколения X. Сложная

геополитическая обстановка и внутривнутриполитическая ситуация в стране продолжили негативное влияние на демографическую ситуацию, приведя к началу депопуляции в России в 1991 г.

В 1990-х гг. продолжают ломаться ключевые структуры общества, усугубляются противоречия между поколениями. Поколение X в этот период высокого уровня безработицы, спада производства и меняющейся отраслевой структуры экономики заканчивает или получает профессиональное образование. Крайняя степень нестабильности экономики и неясные перспективы в развитии страны порождают изменения в поведении людей, в том числе демографическом. В России снижается регистрируемая брачность и рождаемость, ухудшается общее состояние здоровья нации, продолжается депопуляция.

В 21 веке в стране начинают проводиться социально-экономические реформы (налоговая, пенсионная, земельная, федеративных отношений, банковская, трудовых отношений, электроэнергетики и железнодорожного транспорта, монетизация льгот). Высокие цены на топливные ресурсы способствовали экономическому росту и увеличению доходов россиян (численность находившихся за чертой бедности за первое десятилетие 21 века снизилась с 30 до 17 % населения). Происходит установление контроля государства над крупным бизнесом, что становится сигналом населению, что укрепляется государственность и вертикаль власти.

Усиление государства и социальной стабильности в обществе сопровождается формированием гражданской идентичности и патриотизма. Для поколения X это время рождения детей и постановки вопросов их воспитания. Уважение к традиционным ценностям, способность реализовать свой потенциал в современных условиях, готовность к мирному созиданию, ответственности за свою страну и общество, защите Родины являются основополагающими в воспитании поколения X и передаются ими следующему поколению. Этому способствует формирование государственных стандартов в образовании и системе ценностей посредством мер внутренней политики.

Люди поколения X застали переход от аналогового мира к цифровому. В период их обучения появились персональные компьютеры, в зрелом возрасте - интернет и мобильные телефоны [1, 3]. Для них характерны довольно высокая степень адаптации и прагматичность в отношении новых технологий. Пандемия COVID-19 с одной стороны спровоцировала экономическую нестабильность в мире и негативно повлияла на ВВП многих стран, с другой ускорила процессы цифровизации и компьютеризации. Составляющее основную часть трудоспособного населения страны поколение X оказалось в авангарде решения сопутствующих этим процессам проблем [4]. Очередные кардинальные изменения в обществе показали сформированную историческими условиями гибкость, упорство и самостоятельность данного поколения.

В 2019 г. в России начался этап реформирования пенсионной системы, предусматривающий постепенный подъем пенсионного возраста для людей, начиная с 1965 года рождения. Более поздний выход на пенсию может косвенно повлиять на снижение уровня рождаемости, поскольку снизится внутрисемейная поддержка по уходу за внуками. Кроме того, повышение пенсионного возраста снижает вероятность выхода на пенсию значительной части населения в связи с фиксируемой в России средней продолжительностью жизни, особенно среди мужчин. По данным на 1 сентября 2025 года у мужчин средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила 68 лет, у женщин – 78 лет. В России, как и во всем мире,

продолжительность жизни у людей имеет тенденцию к увеличению. Тем не менее, на сегодняшний день так называемый «ожидаемый период выплаты трудовой пенсии» у мужчин составит всего 3 года.

Прерывистость социально-исторического развития России в 20 веке дезорганизовывала устоявшуюся для разных периодов времени ситуацию, способствовала значительным преобразованиям общества и смены поколений. Исследование поколений в социально-исторической динамике позволяет определить направления воздействия на демографические процессы.

Источники и литература

1. Громова Л.А., Киселева Л.С. Сравнительный анализ восприятия цифрового мира женщинами поколений x, y, z // Женщина в российском обществе. 2018. № 3 (88). С. 85–96.
2. Имомов В.А. Изменение демографических процессов: тенденции, вызовы и перспективы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4-1. С. 637–639.
3. Колин К.К. Информационная культура и качество жизни в информационном обществе // Открытое образование, 2010. № 6. С. 84–89.
4. Кукулите Т.Г., Карпова Е.А. Особенности формирования и развития компетенций поколений X, Y, Z // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2019. № 1 (65). С. 10–16.

МЕЖПОКОЛЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА, 1785 ГОД

Гуляева Наталья Павловна, кандидат философских наук, доцент

Независимый исследователь, Дивногорск, Россия

carnivora@list.ru

Приведены результаты исследования случаев межпоколенной мобильности по исповедной росписи церквей города Красноярск за 1785 год. Мобильность выявлена в 6 из 388 домохозяйств. Таким образом, она не была распространена в Красноярске в конце XVIII века. Общая тенденция – смена статуса на более привилегированный, однако пути смены статуса в виду особенностей источника явно не прослеживаются.

Ключевые слова: исповедная роспись, межпоколенная мобильность, социальный статус, город, семья

INTERGENERATIONAL MOBILITY OF KRASNOYARSK RESIDENTS, 1785

Gulyaeva Natalia Pavlovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Independent researcher, Divnogorsk, Russia

carnivora@list.ru

There is the results of a study of cases of intergenerational mobility based on parish register from churches in Krasnoyarsk, 1785. Mobility was identified in 6 of 388 households. It's not widespread in Krasnoyarsk at the end of the 18th century. The general trend is a change to a more privileged one; the paths of status change are not clearly discernible due to the specific nature of the source.

Keywords: parish register, intergenerational mobility, social status, city, family

В данной работе приводятся результаты исследования случаев межпоколенной мобильности, выявленные при изучении исповедной росписи церквей города Красноярск за 1785 год. Всего обнаружено 6 семей, где зафиксирована сословная разница у представителей разных поколений.

В семью вдовы подканцеляриста Натальи Васильевны Кобяковой помимо нее самой входили ее дочь, племянники, их мать и жена одного из племянников (табл. 1).

Таблица 1 – Семья Натальи Васильевны Кобяковой

№ п/п	ФИО	Возраст	Семейное положение	Статус
1	Наталья Васильевна Кобякова	65	Вдова, глава семьи	Вдова подканцеляриста
2	Наталья Петровна Кобякова	25	Дочь № 1	Дочь подканцеляриста
3	Михаил Васильевич Кобяков	26	Племянник № 1	Крестьянин
4	Осип Васильевич Кобяков	15	Племянник № 1	Копиист
5	Матрена Васильевна	27	Племянница № 1	Вдова
6	Анна Алексеевна Кобякова	24	Жена № 3	Жена крестьянина
7	Авдотья Афанасьевна Кобякова	55	Вдова, мать № 3, 4, 5	Вдова, мать крестьянина

Примечательно, что старший из племянников, Михаил является крестьянином. Он жил на подворье тети и, хотя являлся старшим мужчиной в доме, в перечне членов домохозяйства указан только третьим, после хозяйки и ее дочери. Супруга Михаила идет после его брата и сестры Матрены. Сестра, овдовев, тоже оказалась на попечении тети. К сожалению, ее сословный статус не указан.

Последнюю строчку занимает мать Михаила, Осипа и Матрены. Логично предположить, что Петр – умерший супруг Натальи Васильевны, выбился в мелкие чиновники, скорее всего, из крестьян. Его брат Василий сохранил статус крестьянина, а Михаил унаследовал сословную принадлежность своего отца. Мы не знаем, когда и по каким причинам семья Василия оказалась на подворье его невестки, но примечательно, что брат Михаила, 15-летний Осип, значится копиистом. Не исключено, что дети Михаила останутся крестьянами, тогда как дети Осипа перейдут в чиновники. То есть, в данной семье наблюдается смена сословной принадлежности как минимум в двух поколениях: уже умерших братьев Петра и Василия и здравствующих Михаила и Осипа.

Изменение статуса на чиновничий прослеживается и в семье братьев Сабуровых (табл. 2).

Таблица 2 – Семья Степана и Якова Сабуровых

№ п/п	ФИО	Возраст	Семейное положение	Статус
1	Степан Васильевич Сабуров	49	Глава семьи, муж № 3, брат № 2	Военный иррегулярный
2	Яков Васильевич Сабуров	48	Брат № 1, муж № 10	Канцелярист
3	Дарья Прокопьевна Сабурова	42	Жена № 1	Жена военного иррегулярного
4	Яков Степанович Сабуров	19	Сын № 1	Копиист
5	Демид Степанович Сабуров	15	Сын № 1	Копиист
6	Михаил Степанович Сабуров	12	Сын № 1	Сын военного иррегулярного
7	Иван Степанович Сабуров	5	Сын № 1	Сын военного иррегулярного
8	Пелагея Степановна Сабурова	13	Дочь № 1	Дочь военного иррегулярного
9	Марфа Степановна Сабурова	8	Дочь № 1	Дочь военного иррегулярного
10	Устинья Андреевна Сабурова	39	Жена № 2	Жена канцеляриста
11	Акилина Захаровна Сабурова	74	Мать №№ 1, 2	Вдова, мать военного иррегулярного

В перечне домочадцев они записаны первыми номерами, а жена и дети старшего, Степана Васильевича, идут после младшего, Якова Васильевича. При этом Степан Васильевич – иррегулярный военный, а его брат и старшие дети – мелкие чиновники. Если в отношении Якова Васильевича можно предполагать, что смена рода занятий и сословной принадлежности была его личным выбором, то в отношении Якова Степановича 19 лет и Демиды Степановича 15 лет такое предположение не оправдано. Очевидно, что выбор был сделан за них отцом и, возможно, дядей. Соответственно, смена статуса затронула половину старшего поколения и распространилась на уже трудоспособных представителей младшего. Вполне вероятно, что тем же путем пойдут и два других сына Степана Васильевича – 12-летний Михаил и 5-летний Степан.

Не исключено, что нечто подобное произошло и с домочадцами Никиты Алексеевича Петухова (табл. 3), хотя в данном случае наблюдается смена статуса с казаков на мещан.

Таблица 3 – Семья Никиты Алексеевича Петухова

№ п/п	ФИО	Возраст	Семейное положение	Статус
1	Никита Алексеевич Петухов	71	Глава семьи	Казак
2	Евдокия Семеновна Петухова	67	Жена № 1	Жена казака
3	Алексей	39	Племянник № 1	Мещанин
4	Петр	32	Племянник № 1	Мещанин
5	Федор	30	Племянник № 1	Мещанин
6	Иван	25	Племянник № 1	Мещанин
7	Татьяна	32	Племянница № 1	Сестра мещан
8	Анна Максимовна	42	Жена № 3	Жена мещанина
9	Татьяна Никитична	30	Жена № 4	Жена мещанина
10	Андрей Петрович	7	Сын № 4	Сын мещанина
11	Афимия Петровна	2	Дочь № 4	Дочь мещанина
12	Федосья Лаврентьевна	28	Жена № 5	Жена мещанина
13	Мария Федоровна	2	Дочь № 5	Дочь мещанина
14	Степанида Викуловна	24	Жена № 6	Жена мещанина
15	Семен Иванович	5	Сын № 6	Сын мещанина

Никита Алексеевич и его супруга записаны казаками, а племянница и четыре его племянника с женами и детьми принадлежат мещанскому сословию. Принимая во внимание возраст племянников, изменить сословную принадлежность могли как они сами, так и их отец – брат Никиты Алексеевича. Однако мы не можем со всей определенностью утверждать этого, так как возможен и иной вариант. Допустим, племянники дети, не брата, а сестры главы домохозяйства, которая вышла замуж за мещанина. В последнем случае характер межпоколенной мобильности иной – через брак женщины.

Безусловным примером межпоколенной мобильности может служить семья Василия Степановича Муруева (табл. 4)

Таблица 4 – Семья Василия Степановича Муруева

№ п/п	ФИО	Возраст	Семейное положение	Статус
1	Василий Степанович Муруев	47	Глава семьи, вдовец	Крестьянин
2	Петр Васильевич Муруев	23	Сын № 1	Казак
3	Яков Васильевич Муруев	16	Сын № 1	Сын крестьянина
4	Марфа Васильевна Муруев	17	Дочь № 1	Дочь крестьянина
5	Аполлинария Васильевна Муруева	8	Дочь № 1	Дочь крестьянина
6	Маремьяна Семеновна Муруева	21	Жена № 2	Жена казака
7	Екатерина Петровна Муруева	1	Дочь № 2	Дочь казака

Глава семьи, его дочери и младший сын – крестьяне, тогда как старший сын с женой и дочерью принадлежат казачьему сословию.

Не менее очевидна межпоколенная мобильность и в семье Алексея Козьмича Юшкова (табл. 5).

Таблица 5 – Семья Алексея Козьмича Юшкова

№ п/п	ФИО	Возраст	Семейное положение	Статус
1	Алексей Козьмич Юшков	56	Глава семьи	Казачий пятидесятник
2	Домна Андреевна Юшкова	55	Жена № 1	Жена казачьего пятидесятника
3	Петр Алексеевич Юшков	26	Сын № 1	Купец
4	Ксения Матвеевна Юшкова	30	Жена № 3	Жена купца
5	Алексей Петрович? Юшков?	11	Сын № 3	Сын купца
6	Иван Петрович Юшков	9	Сын № 3	Сын купца
7	Виссарион Петрович Юшков	6	Сын № 3	Сын купца
8	Алексей Петрович Юшков	2	Сын № 3	Сын купца
9	Христина Петровна Юшкова	4	Дочь № 3	Дочь купца

Алексей Козьмич и его супруга – казаки, а их сын с женой и детьми – купцы. Отметим, что у 26-летнего купца супруге исполнилось 30 лет, а их старшему ребенку – 11. Маловероятно, чтобы Петр Алексеевич стал отцом в 15-летнем возрасте. Скорее, Алексей – сын Ксении Матвеевны от предыдущего брака. Не исключено, что именно женитьба Петра Алексеевича на молодой вдове и позволила ему изменить социальный статус.

Наиболее впечатляющим примером межпоколенной мобильности представляется семья Якова Семеновича Онашевина (табл. 6).

Таблица 6 – Семья Якова Семеновича Онашевина

№ п/п	ФИО	Возраст	Семейное положение	Статус
1	Яков Семенович Онашевин	80	Вдовец, глава семьи	Отставной солдат
2	Андрей Яковлевич Онашевин	52	Сын № 1	Отставной солдат
3	Марина Егоровна Онашевина	45	Жена № 2	Жена отставного солдата
4	Осип Андреевич Онашевин	19	Сын № 2	Купец
5	Прасковья Михайловна Онашевина	26	Жена № 4	Жена купца
6	Владимир Осипович Онашевин	2	Сын № 4	Сын купца

Сам Яков Семенович и его сын – отставные солдаты. Однако внук Якова Семеновича – 19-летний Осип, принадлежит купеческому сословию. Как и у Петра Алексеевича Юшкова, у Осипа Андреевича Онашевина супруга, Прасковья Михайловна, заметно старше его самого. Однако возраст сына Прасковьи не позволяет уверенно говорить о наличии предыдущего брака женщины. Скорее, старшее поколение Онашевиных позаботилось о выгодной женитьбе Осипа в весьма юном возрасте. Но для того, чтобы девушку из обеспеченной семьи выдали замуж за сына и внука отставных солдат требовались серьезные причины. Представляется вполне возможным, что Яков Семенович и Андрей Яковлевич смогли создать основательную материальную базу, которую дополнили и упрочили через брак своего наследника.

Таким образом, всего в 6 из 388 домохозяйств зафиксирована безусловная межпоколенная мобильность. То есть, это явление на конец XVIII века нельзя признать распространенным для города Красноярска. Все рассмотренные семьи сложные по составу, только одна – двухпоколенная, остальные – трехпоколенные.

Общая тенденция – смена статуса на более привилегированный: из крестьян в чиновники, из казаков в купцы и т. д. Однако пути смены статуса в виду особенностей источника явно не прослеживаются. Приведенные выше предположения необходимо проверить сопоставлением с данными метрических книг и, по возможности, фискальных документов.

**ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В ОТРАЖЕНИИ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 1930-х гг. НА СТРАНИЦАХ
«ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ПРАВДЫ»**

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор
Лаборатория исторических и социально-экономических исследований Сибири и
Центральной Азии ФИЦ КНЦ СО РАН, Красноярск, Россия
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
Институт гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра
УрО РАН, Пермь, Россия
dazishen@mail.ru

Работа посвящена проблемам периодической печати, как источника по истории китайских трудовых мигрантов в Восточной Сибири. Проблема рассматривается на примере газеты «Восточно-Сибирская правда». Для изучения выбран период начала 1930-х гг., когда СССР вступил в завершающий этап коренной модернизации внутренней и внешней политики. В это период происходит трансформация миграционных процессов, численность китайских трудовых мигрантов уменьшается, советские и партийные органы ищут новые формы и методы организации труда китайских мигрантов, адаптации их в советское общество. В силу комплекса причин история китайских трудовых мигрантов в Восточной Сибири в 1930-х гг. остается слабо изученной. Обращение к материалам периодической печати позволяет выявить неизвестные факты и проблемы китайского присутствия в СССР в этот исторический период.

Ключевые слова: Китайская трудовая миграция, Восточная Сибирь, газета «Восточно-Сибирская правда».

**PROBLEMS OF CHINESE MIGRANTS AS REFLECTED IN MATERIALS PUBLISHED
IN THE 1930S IN THE PAGES OF «VOSTOCHNO-SIBIRSKAYA PRAVDA»**

Datsyshen Vladimir Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Laboratory of Historical and Socioeconomic Research of Siberia and Central Asia, Federal
Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk, Russia
Institute of Social Demography, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
Institute of Humanitarian Research, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Perm, Russia
dazishen@mail.ru

This paper examines the problems of periodicals as a source for the history of Chinese labor migrants in Eastern Siberia. The issue is examined using the newspaper «Vostochno-Sibirskaya Pravda» as an example. The study focuses on the early 1930s, when the USSR entered the final stage of radical modernization of its domestic and foreign policies. During this period, migration processes were undergoing a transformation, the number of Chinese migrant workers was declining, and Soviet and party authorities were seeking new forms and methods for organizing the labor of Chinese migrants and integrating them into Soviet society. For a variety of reasons, the history of Chinese migrant workers in Eastern Siberia in the 1930s remains poorly studied. A review of periodicals reveals unknown facts and problems surrounding the Chinese presence in the USSR during this historical period.

Keywords: Chinese labor migration, Eastern Siberia, Vostochno-Sibirskaya Pravda newspaper

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Антропология культурного наследия китайской миграции в регионах России», проект № 25-28-01086

Китайская трудовая миграция в России, в том числе и в Восточной Сибири, начала активно развиваться в конце XIX в. В годы Первой мировой войны китайцы уже массово работали на различных предприятиях региона, в первую очередь на горнодобывающих предприятиях [1]. После окончания Гражданской войны в России китайский труд вновь был востребован [2]. Разрыв советско-китайских отношений в конце 1920-х гг. оказал большое влияние на дальнейшее развитие китайской миграции. В материалах партийной организации Восточно-Сибирского края было отмечено: «За последний год совершенно прекратился прилив на территорию края новых восточных рабочих» [3, л. 109]. Так, с начала 1930-х гг. большинство китайцев начали встраиваться в местное общество.

После того, как китайские рабочие перестали быть временными трудовыми мигрантами, а в Советском Союзе началась политика индустриализации, коллективизации и культурной революции, местные советские и партийные власти изменили свое отношение к китайцам. Советские коммунисты хотели, чтобы китайцы влились в советское общество. Следствием этого было повышение интереса к ним советского руководства, изменение характера публикаций советской печати, касавшихся китайских трудовых мигрантов.

В 1930 г. в результате реформирования административно-территориального устройства Сибири был создан Восточно-Сибирский край с центром в городе Иркутске. Главным печатным органом в Восточно-Сибирском крае (Ежедневная газета Оргбюро ЦК ВКП(б), Орг. Комитета ВЦИКа и Оргбюро ВЦСПС В.-Сибирского края) стала газета «Восточно-Сибирская правда».

Первой из выявленных публикаций о китайских мигрантах в «Восточно-Сибирской правде» было сообщение из Читы следующего содержания: «23 августа на станции Ерофей группа русских рабочих зверски избила китайца... В прошлом был случай избиения китайца, при чем администрация ограничилась одним увольнением, не мобилизовала общественное мнение против разгула шовинизма... Рабочие депо станции Ерофей на общем собрании осудили гнусный поступок шовинистов, избивших рабочего-китайца. Собрание требует сурового наказания черносотенцев... Характерно для местного руководства поведение секретаря партячейки Русицкого, считающего этот возмутительный факт простой дракой... На Черновских копиях в союз вовлечено только 45 процентов китайцев. Там же был случай избиения китайца старшим десятником; на Кручинских приисках китайца выдавали полноремы хлеба... Прокурор, узнавший об этом факте, ничего предосудительного не нашел» [4, 1930, 1 сентября, с. 3]. Таким образом, главная газета Восточно-Сибирского края с первых дней образования края указала, что в числе актуальных проблем вновь созданного региона было тяжелое положение китайских трудовых миграций, доавтвшееся новой власти от предыдущих эпох и нетерпимое в новых исторических условиях.

Первые публикации в «Восточно-Сибирской правде», в которых упоминались китайцы, были еще типичными для советских газет предшествующей эпохи, но уже отражали злободневные проблемы нового революционного времени. Опубликованная осенью 1930 г. статья называлась «Спекулянты привлечены к ответу», в ней говорилось: «Шофер Союзтранса Щукин задержан с перловой мукой в количестве... он был отправлен в отделение милиции с милиционером... Щукин уговорил милиционера зайти к китайцу Тан-Сию-ян и продал ему эту крупу, а сам бежал. Крупа у китайца отобрана. У китайца Вон-Ко-лин в поясе, намотанном вокруг себя, найдено 20 пачек папирос и 15 осмушек махорки. У него же найдено удостоверение на имя милиционера Донникова Г.А. Табак и удостоверение отобрано» [4, 1930, 19

октября, с. 4]. Таким образом в опубликованном осенью 1930 г. в «Восточно-Сибирской правде» материале были представлены «типичные» китайские «предприниматели» уходящей эпохи.

С конца 1930 г. одной из актуальных тем для советской периодики в Сибири стала борьба с «великорусским шовинизмом», препятствующим успешной интеграции китайских трудовых мигрантов в новое советское общество. 30 декабря 1930 г. была опубликована статья «Огонь по великодержавному шовинизму и местному национализму». Автор статьи, партийный функционер из числа китайских мигрантов, писал: «В наш Восточно-Сибирский край вошел целый ряд округов Дальне-Восточного края. Такие районы, как Читинский, Сретенский богаты золотом и приисками, на которых большая часть рабочих состоит из китайцев. Кроме того, несколько тысяч восточных рабочих занято в других отраслях промышленности. На местах и, в первую очередь, на отдаленных приисках, мы имеем значительное количество случаев извращения национальной политики... Партийные и профессиональные организации Восточно-Сибирского края должны заострить внимание всех низовых организаций на необходимости, не на словах, а на деле проводить решения партии по национальному вопросу, направив жестокий огонь против великодержавного шовинизма... Нужно добиться, чтобы из иностранных рабочих, работающих в СССР, сделать сознательных и стойких большевиков, строителей социализма» [4, 1930, 30 декабря, с. 2].

В опубликованных весной 1931 г. материалах Первой краевой партийной конференции было отмечено: «Развитие промкооперации в национальных районах, а также привлечение в артели китайцев и корейцев имеет крупное политическое значение. А работа в этом направлении совершенно отсутствует. Имеющие место случаи проявления великодержавного шовинизма на производствах не встречали решительного отпора со стороны партийных, комсомольских организаций и организованных кустарей» [4, 1931, 8 апреля, с. 2]. В опубликованной в «Восточно-Сибирской правде» «Резолюции секретариата Крайкома ВКП(б) о работе промкооперации» говорилось: «Поставить перед ВСПК СССР вопрос об издании литературы на бурятмонгольском, китайском и корейском языках, установить первоочередное снабжение сырьем и полуфабрикатом артелей, имеющих большой процент национальных меньшинств» [4, 1931, 8 апреля, с. 2]. Осенью 1931 г. вышла статья «Указания тов. Сталина забыты» с критикой одной из парторганизаций Бодайбинского района. В статье говорилось: «На прииске находится до 100 человек восточников (главным образом, китайцы), но работы среди них нет. Отсутствует и рост ячейки за счет националов, между тем, среди восточников есть рабочие с большим производственным стажем, красные партизаны и даже командиры красных партизанских отрядов в период гражданской войны» [4, 1931, 27 октября, с. 2].

В газете «Восточно-Сибирская правда» отражались политические кампании, в которые продолжали вовлекать в 1930-е годы китайских трудовых мигрантов. В конце 1920-х гг. китайские рабочие сдавали деньги на строительство нескольких военных самолетов. И в сентябре 1932 г. газета сообщала: «Обращение китайских и корейских рабочих – собрать средства на постройку самолета имени китайской Красной армии – нашел дружеский отклик в среде китайских и корейских рабочих. Рабочие китайцы прииска Дарасун подписались на 1200 руб., Балея – на 1500 руб. ... Из многих дальних районов края, где много восточных рабочих (Шахтома, Козлово, Курлея, Бодайбо, Усть-Кара и др. - сведений еще не поступало» [4, 1932, 11 сентября, с. 2].

Особый интерес для исследователей могут представлять опубликованные в «Восточно-Сибирской правде» автобиографические материалы. В конце 1933 г. были опубликованы «автобиография» китайского партийного активиста «Ван-Сю-Шен» под названием «Советская власть дала мне возможность работать». В материале была представлена следующая история: «Восемь лет я учился, а потом, когда отец поехал во Владивосток на заработки, я попал в Манчжурию. В городе Хун-цун служил мальчиком в большом магазине... В 1916 году я поехал во Владивосток к отцу, но его не нашел и тогда отправился на Донбасс. Русские начальники и хозяева встречали меня, как собаку. При царе нас, китайцев, вообще считали низшей расой и издевались, как хотели. В Донбассе, в шахте, я встретил Октябрьскую революцию. В 1918 году вместе с русскими рабочими бился против Деникина. В 20 году вступил в профсоюз горняков и стал участвовать в общественной работе. Посещал митинги, собрания, вел работу с восточниками, научился читать по-русски. В 1922 году я приехал на станцию Иннокентьевская. Работал вначале угольщиком, в 30 году стал десятником и теперь я заведующий складом топлива... В 1927 году я стал кандидатом партии, в 1929 году вступил в ряды ВКП(б). Сейчас я организатор партийной группы. Веду беседы с восточниками, вовлекаю рабочих в соцсоревнование и ударничество, выписываю из Москвы много литературы на китайском языке и раздаю рабочим. В честь шестнадцатой годовщины Октября я делаю годовую подписку на китайскую газету «Ударник» и обязуюсь быть ее активным рабочим...» [4, 1933, 6 ноября, с. 3].

В этом же номере газеты была представлена краткая история китайца «Чин-Лю-Цая»: «Ему 30 лет. 23 из них он проживал в помещичьем Китае и в царской России... Чин-лю-цай – китайский рабочий. За его спиной 25 лет работы на различных заводах... В России, на предприятиях русских заводчиков его угнетали и преследовали и как рабочего и как китайца» [4, 1933, 6 ноября, с. 3]. В публикации говорилось, что этот китаец родился в деревне рядом с Пекином в семье повара, до 14 лет жил в деревне, потом, отработав три года учеником на пекинском чугунолитейном заводе, уехал в Харбин на литейный завод. В 1917 г. он приехал в Черемхово, где прожил до 1930 г. Дальнейшее повествование представлено от первого лица: «3 года тому назад меня как квалифицированного специалиста литейщика перевели на завод им. Куйбышева... Когда на заводе увидели, как я работаю, мне решили дать бригаду... В моей бригаде 10 человек и все русские. Но никакой вражды с ними у меня нет... Вся бригада слушает меня. Работаем мы дружно, уважают меня в бригаде... В сентябре моя бригада выполнила план на 130 проц.... На заводе меня знают и за 3 года премировали 7 раз... В 1930 году получил на 50 рублей промтоваров. В 31 году посылали на курорт в Ялту. Очень понравилось... в прошлом году я вступил в партию, чтобы быть в первых рядах рабочих... зарабатываю 250-300 рублей... Подрастают дети пионеры» [4, 1933, 6 ноября, с. 3]. Жизненный путь китайца в данном материале так был подытожен: «Вся жизнь Чин лю-цай до октября 17 года – это живая страница, написанная кровью и потом, страница тяжелого прошлого, страница, раскрывающая весь ужас забитого, задавленного двойным гнетом – и классовым и национальным, трудящегося китайца. Октябрьская революция разорвала в клочки эту мучительную страницу жизни Чин-лю-цай, открыла ему широкую дорогу освобожденного труда. Ему 39 лет, 16 из них он прожил в социалистическом отечестве, в Стране советов... Человек «третьего сорта», китайский раб, угнетавшийся на китайских, европейских и русских заводах превратился в пролетария, ударника, большевика. Чин-лю-цай гражданин страны строящегося социализма» [4, 1933, 6 ноября, с. 3].

В газете «Восточно-Сибирская правда» публиковались информационные и рекламные материалы, отражающие жизнь китайских мигрантов в Восточной Сибири. В статье о работе интернациональных секций в Доме культуры было указано, что в актив китайской секции входили 12 человек, а также отмечалось: «Три раза в месяц китайская секция проводит по радио беседы, доклады и лекции» [4, 1935, 29 апреля, с. 4]. В 1935 г. газета сообщала, что Восточно-Сибирское краевое отделение «Союзкинохроники» готовило специальный номер киножурнала к съезду ударников. В специальном номере киножурнала был сюжет «выходной день одного из лучших ударников завода им. Куйбышева тов. Чин Мо-пая (Чин Лю-цая?)» [4, 1935, 5 июля, с. 4].

В размещенной в 1932 г. рекламе говорилось: «Рабфак горного института производит прием студентов на 1-й, 2-й и 3-й курсы... Кроме того происходит набор в специальную группу китайцев на 1-й курс которые принимаются с отрывом от производства и обеспечиваются повышенной стипендией. Срок подачи заявлений до 1-го октября сего года в отдел кадров рабфака, угол Набережной Ангары и улицы Декабрьских Событий 2-й этаж» [4, 1932, 18 сентября, с. 4]. В рекламном сообщении в 1935 г. говорилось: «Прием студентов в товароведческий институт». Институт товароведения. При 200 вакансиях в институт уже принято 157 человек. «В числе поступивших – 5 китайцев, 4 корейца, 1 эвенк, 21 бурят» [4, 1935, 17 августа, с. 4]. «Восточно-Сибирская правда» рекламировала и китайскую краевую газету: «Продолжается прием подписки на газету «Ударник», единственную в крае, выходящую на китайском яз. Трудящиеся китайцы, библиотеки и читальни, школы, техникумы и вузы, сдавайте подписку на газету «Ударник». Подписку принимают все почт. отд. и «Союзпечать» [4, 1935, 5 июля, с. 4].

Таким образом, опубликованные в первой половине 1930-х гг. в «Восточно-Сибирской правде» материалы дают представление о численности китайцев в некоторых районах и на предприятиях региона, раскрывают проблемы, с которыми сталкивались китайские мигранты. Благодаря публикациям мы можем выявить имена некоторых китайских мигрантов, а на страницах газет встречаются и портреты китайцев [4, 1933, 6 ноября, с. 3], героев репортажей. Есть китайцы и среди авторов, например, в числе авторов первых опубликованных в «Восточно-Сибирской правде» материалов был китаец по фамилии Го, известный под русским именем Федор Петрович Чуцкаев (1904-?). Это китаец занимал разные должности в Иркутском УНКВД, был членом ВКП(б), и взял себе фамилию известного революционера С.Е. Чуцкаева, занимавшего высшие государственные и партийные должности в Сибири и на Дальнем Востоке. В целом же, содержание газетных публикаций не только отражает политику партии и государства в отношении китайских трудовых мигрантов, но и раскрывает самые разные аспекты жизни китайцев в Сибири в 1930-х гг.

Источники и литература

1. Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: СФУ, 2008. 327 с.
2. Дацышен В.Г. Китайские рабочие в Иркутской губернии. К проблеме китайского труда в экономике Сибири // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы XIV междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск, Хэйхэ. 30 мая – 2 июня 2024 г.). Вып. 3 (14) / отв. ред. А.В. Друзяка. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. С. 125–131.
3. Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). Ф. 123. Оп. 2. Д. 24.
4. Восточно-Сибирская правда.

**ЕНИСЕЙСКИЙ СЕМЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ. ГОДОВОЙ ЦИКЛ
ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ В НАСЕЛЕНИИ ЕНИСЕЙСКОЙ
ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ**

Зверев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
sosna232@yandex.ru

Характеризуются масштабы распространения и ежемесячное, сезонное распределение демографических событий – зачатий, рождений, смертей, а также процесса естественного прироста народонаселения в городах и селениях Енисейской губернии позднеимперского периода. Раскрывается совокупное влияние основных факторов, определявших господство устаревшего режима и традиционного исторического типа семейного демографического календаря на Енисее.

Ключевые слова: история семьи, сельское население, городское население, воспроизводство населения, демографический календарь, рождаемость, смертность, естественный прирост населения.

**YENISEI FAMILY CALENDAR. ANNUAL CYCLE OF GENERATION RENEWAL
IN THE POPULATION OF YENISEI PROVINCE AT THE TURN OF THE 19th
AND 20th CENTURIES**

Zverev Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Institute of history, Siberian branch of the Russian Academy of sciences
Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk, Russia
sosna232@yandex.ru

The scale of distribution and monthly, seasonal distribution of demographic events – conceptions, births, deaths, as well as the process of natural population growth in the cities and villages of the Yenisei province of the late imperial period are characterized. The combined influence of the main factors that determined the dominance of the outdated regime and the traditional historical family demographic calendar on the Yenisei is revealed.

Keywords: family history, rural population, urban population, population reproduction, demographic calendar, birth rate, death rate, natural population growth

Работа выполнена в рамках темы государственного задания № FWZM-2025-0002 «Факторы стабилизации региональной семейно-демографической системы: ретроспективный анализ (конец XIX – первая четверть XXI в.)».

Недавно опубликована наша статья о процессе воспроизводства населения Енисейской губернии в конце имперского периода истории России [1]. Настоящая работа развивает тему естественного возобновления поколений жителей региона в условиях начальной фазы демографической модернизации жизни страны. Ее цель – установить ежегодное ежемесячное и сезонное распределение тех демографических

событий, чередование и характер которых детерминируют процесс замены поколений, а также раскрыть совокупное влияние основных факторов этого распределения. Речь идет о зачатиях, рождениях и смертях, о естественном приросте численности сельских и городских жителей изучаемого региона.

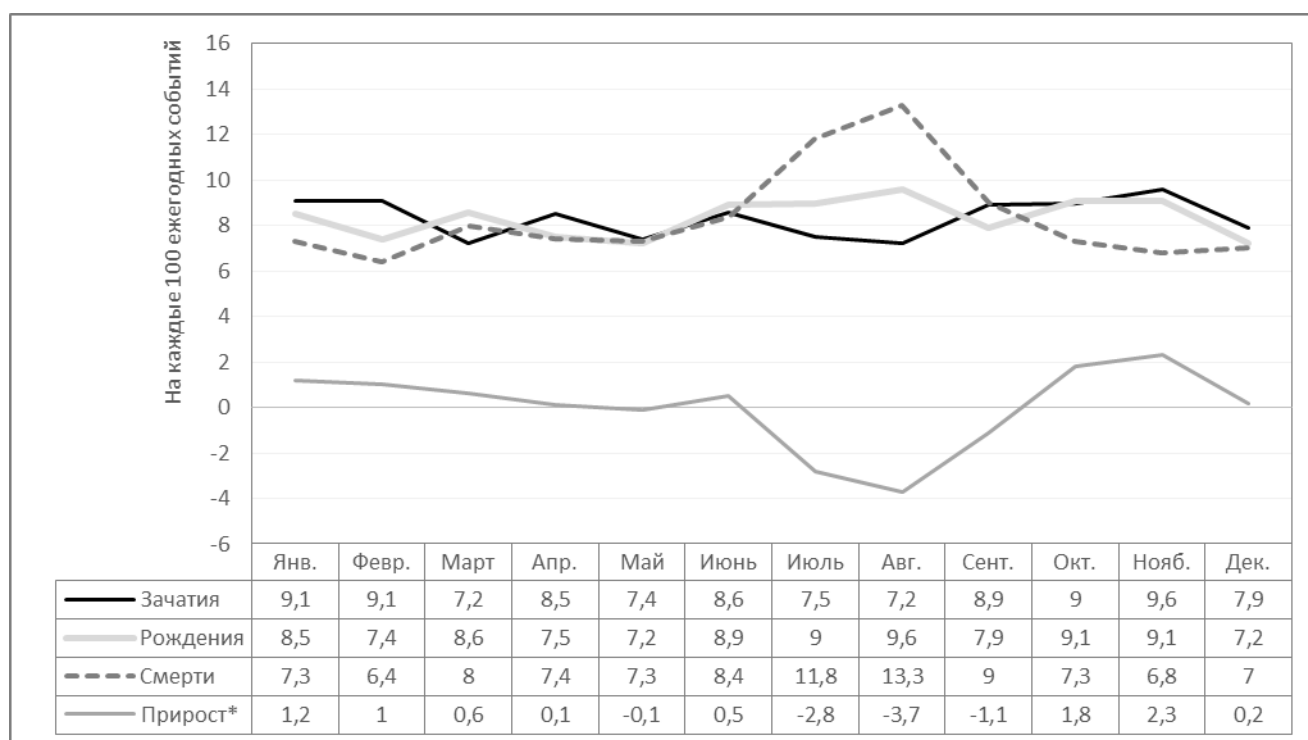
На рубеже XIX–XX столетий главную организующую роль в процессе воспроизводства населения и в селениях, и в городах продолжала играть семья. Поэтому воспользуемся в исследовании понятием *семейного демографического календаря*. Таковым можно считать стереотипный способ хронологической организации в течение года демографического поведения членов семьи в совокупности с результатами этого поведения, находящих выражение в параметрах репродуктивности, смертности, естественного прироста населения.

Некоторые аспекты семейного демографического календаря Приенисейского края уже нашли отражение в наших трудах [2; 3, с. 112–124] и статье Т.А. Кискидосовой [4]. Продолжая разработку темы, произведем расчеты, используя *официальные материалы* Центрального статистического комитета МВД по Енисейской губернии, включенные в повременное издание «Статистика Российской империи» за 1902–1903 гг. [5, с. 252–257; 6, с. 252–257]. Здесь отражены результаты агрегирования данных метрического церковного учета распределения браков, рождений и смертей по месяцам года в населении всего региона. Данные о количестве зачатий, использованные в статье, получены нами путем «отката» данных о рождениях на девять месяцев назад и являются приблизительными.

Кратко представим *историко-демографический «контекст»* темы. На рубеже XIX–XX вв. население Енисейской губернии росло в своей численности быстрее, чем количество жителей в Европейской России и Сибири. В 1902–1903 гг. среднегодовая численность приенисейского населения составляла 665,7 тыс. человек, из них 579,9 тыс. жило в селениях, 85,8 тыс. – в городах. Увеличение людности региона происходило преимущественно за счет естественного прироста, достигшего масштабов демографического «взрыва» (в 1902–1903 гг. – 19 ‰). Присущий традиционному обществу баланс очень высоких уровней рождаемости и смертности к концу периода стал нарушаться. Рождаемость оставалась высокой (в 1902–1903 гг. в целом по губернии – 54,6 ‰), но в городах уменьшалась. Смертность в это время в губернии равнялась 35,6 ‰, но сокращалась и в селениях, и особенно в городах (подсчитано по: [1, с. 1078, 1081]).

Переходя к анализу енисейского семейного демографического календаря, начнем с сельского населения (рис. 1).

Результаты расчетов, представленные на рисунке, показывают, что наибольшее количество *зачатий* в селениях на Енисее происходило с сентября по февраль включительно, в относительно сытый и свободный от интенсивных хозяйственных работ осенне-зимний сезон. Это было время активного сватовства и свадеб, знаменовавших начало сексуальных отношений молодых супругов. Временный спад количества зачатий в декабре приходился на Рождественский пост, когда церковь предписывала половую абстиненцию. Совсем мало зачатий приходилось на март (сказывался Великий пост), а также на май и июль-август, когда все силы крестьян уходили на полевые работы. Через девять месяцев после сезона зачатий, в июне-ноябре с перерывом на сентябрь, имел место сезон *рождений*. Женщины старались приурочить роды на конец лета – начало осени, когда стояла теплая погода и аккумулировались продукты питания на зиму.

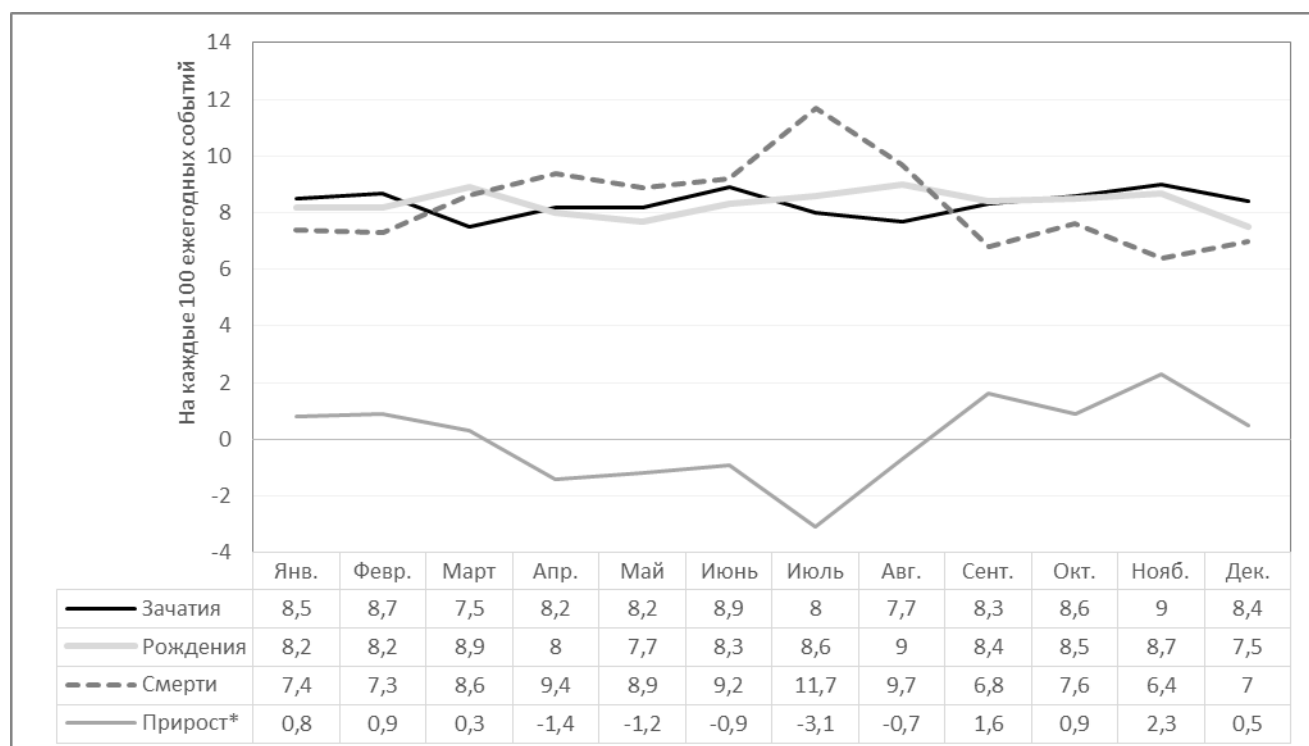
* Прирост исчислен как разность показателей рождаемости и смертности.

Рисунок 1 – Помесячное распределение демографических событий в сельском населении Енисейской губ. (1902–1903 гг.), %

Смертность ежегодно начинала подниматься в июне, в августе достигала своего пика, а в сентябре губительный сезон «семейных плачей и похоронных процессий» заканчивался. За четыре месяца умирало 42,5 % всех скончавшихся за год сельчан, большинство из них были младенцами, не дожившими до года. Их сводили в могилу эпидемии (чаще всего дизентерия) и индивидуальные заболевания, процветавшие в условиях летней жары, безнадзорности малышей из-за хозяйственной занятости матерей, слабого развития официальной медицины, пороков традиционной санитарной культуры народа (о них подробно и ярко свидетельствовал енисейский врач М.Ф. Кривошапкин [7, с. 39 (1-я паг.), 10 (2-я паг.)]). Сказывался также высокий уровень рождаемости летом: между количеством родившихся и умерших была прямая зависимость. Тем не менее, взлет смертности летом превышал сезонное увеличение рождаемости, поэтому в июле-сентябре, а также в мае происходила *естественная убыль* сельского населения. *Естественный же прирост* обеспечивался в холодные сезоны – с октября по апрель, а также немного в июне.

Демографический календарь горожан Приенисейского края (рис. 2) имел немало общего с календарем сельчан по причине однотипности условий бытования и характера демографических представлений и демографического поведения жителей в городских и сельских поселениях в традиционном обществе. Коэффициент линейной корреляции динамических рядов помесечных долей зачатий и рождений в двух видах поселений был высоким, равняясь 0,85. Ряды смертности и естественного прироста коррелировали на среднем уровне: соответствующие коэффициенты составляли 0,68 и 0,62. Главные особенности городского календаря суть таковы: 1) он имел более равномерное распределение всех демографических событий по месяцам года; 2) летний подъем смертности в городах был ниже, начинался и оканчивался раньше, весной сливался еще с одним всплеском, имевшим пик в апреле; 3) сезон естественной убыли численности населения в городах продолжался дольше, с апреля

по август включительно, и не имел перерыва, а прирост длился недолго – с сентября по март.

* Прирост исчислен как разность показателей рождаемости и смертности.

Рисунок 2 – Помесячное распределение демографических событий в городском населении Енисейской губ. (1902–1903 гг.), %

Специфические черты городского календаря объясняются меньшей зависимостью образа жизни горожан от природно-климатических циклов, от традиционного календаря сельскохозяйственных работ, предписаний религии и церкви, возrastавшим влиянием общей и санитарной грамотности. На масштабы, характер и сезонное распределение демографических событий в семейном демографическом календаре на рубеже XIX–XX вв. начинали влиять инновационные демографические явления – сокращение людности семейных домохозяйств, упрощение семейных структур, увеличение возраста вступления в брак, сокращение общей и младенческой смертности, взрывные масштабы естественного прироста населения, нарастание иммиграционных потоков и пр.

Источники и литература

1. Зверев В.А. Воспроизводство населения Енисейской губ. на заре демографической модернизации (конец XIX – начало XX в.) // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней. Красноярск, 2022. С. 1075–1084. URL: <http://200eg.krskstate.ru/viewpoint/0/id/60545> (дата обращения: 21.10.2025).
2. Зверев В.А. Городской демографический календарь в Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Культурологические исследования в Сибири. 2008. № 1 (23). С. 68–74.
3. Зверев В.А. Люди детные. Воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 278 с.
4. Кискидосова Т.А. Брачность, рождаемость и смертность православного населения сибирского города во второй половине XIX в. (на примере метрических книг православных церквей Минусинска) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 120–126.
5. Статистика Российской империи. СПб.: ЦСК МВД, 1907. Вып. 66. 277 с.
6. Статистика Российской империи. СПб.: ЦСК МВД, 1909. Вып. 70. XXIII, 277 с.
7. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: ИРГО, 1865. 378, 188, 68 с.

**ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ И СОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: РАЗРЫВ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ
КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX в.**

Карчаева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
me@karchaeva.ru

В статье проведено сравнение поколений «чиновничества» позднего периода Российской империи и первого десятилетия советской власти. Анализ социокультурного и ментального облика дореволюционных и советских служащих, находившихся в системе государственного управления в Восточной Сибири, показал существенные отличия их социального статуса. Разница в принципах подбора кадров объясняла имевшийся разрыв поколений социальной общности представителей государственного аппарата власти. Одной из примечательных черт, свидетельствующих о преемственности поколений государственных служащих до и после 1917 г., представляется их повседневная жизнь, обусловленная устоявшимися ритуалами делопроизводства, практикой кадровых назначений, а также особенностями сибирского быта, характерными как для дореволюционного периода, так и для советского времени первой трети XX в.

Ключевые слова: разрыв и преемственность поколений, чиновники, государственные служащие, Енисейская губерния, Иркутская губерния, Восточная Сибирь

**PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET CIVIL SERVANTS OF EASTERN
SIBERIA: THE GAP AND SUCCESSION OF GENERATIONS OF THE LATE
19th AND EARLY 20th CENTURIES**

Karchaeva Tatiana Gennadievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
me@karchaeva.ru

The article compares the generations of «officials» from the late period of the Russian Empire and the first decade of Soviet power. The sociocultural and mental characteristics of pre-revolutionary officials and Soviet employees differed in Eastern Siberia. The difference in the principles of personnel selection explained the existing generational gap. However, the social community of local government employees before and after 1917 shared common features. The similarities in their daily lives indicate the continuity of generations. The rituals of office work, the practice of personnel appointments, and the everyday life of Siberia did not differ in the first third of the 20th century.

Keywords: generational gap and continuity, officials, civil servants, Yeniseysk Governorate, Irkutsk Governorate, Eastern Siberia

Предпринимаемые ранее попытки определения универсального критерия для периодизации человеческой истории неоднократно актуализировали концепцию поколений в исторической науке [18, с. 3–5]. В рамках гуманитарного подхода понятие поколений вписывается в теоретический аппарат исторического анализа.

Современными исследователями вопросы становления и эволюции системы местного государственного управления в России все чаще разбираются с позиции истории человека, а точнее истории чиновничества [2, с. 63; 3, с. 21]. Государственные служащие (в дореволюционный период – чиновники, в советский – советские и партийные управленцы) могут рассматриваться в качестве социальной общности представителей государственного аппарата власти, имевшей и имеющей «стабильные» (постоянные) социальные характеристики. При этом в схожих чертах государственных служащих были отличия, зависящие от исторической эпохи, в которой проходило становление человека как профессионала и личности. Тем самым, идею поколений можно всецело применить и к чиновничеству.

Цель статьи – рассмотреть разрыв и преемственность поколений конца XIX и начала XX вв. на примере дореволюционных и советских государственных служащих Восточной Сибири. Заметим, что методологически настоящая публикация представляет собой теоретическое пояснение феномена поколений и базируется как на архивных документах, так и на примерах из имеющихся в исторической науке публикаций.

Принято считать, что дореволюционные чиновники конца XIX – начала XX вв. существенно отличались от «коллег» раннего советского периода. В Российской империи на государственную службу поступали, в основном, выходцы из дворянства и мещанства, обучавшиеся в городских училищах, гимназиях, семинариях, институтах и университетах, а в органы советской власти привлекались уже рабочие «от станка» и крестьяне «от сохи», значительно уступавшие предшественникам по уровню профессиональной компетентности [10, с. 232]. При этом для Восточной Сибири были еще характерны особенности территориального управления, кадровый дефицит и удаленность от политического центра. Следовательно, как уже доказано, кадровый состав местных управленцев по своим социальным характеристикам несколько отличался от Центральной России [2, с. 77–78; 3, с. 25; 4, с. 23–25]. Подтверждением этому также служит факт того, что в 1880-е и 1920-е гг. со стороны государства шел процесс поиска наилучшего варианта административно-территориального управления Сибири.

В поздний период Российской империи на местных государственных должностях в губерниях и областях Восточной Сибири находились люди, рожденные, как правило, в 1870–1890-х гг., а становление их личности приходилось на консервативное, а затем революционное время рубежа XIX–XX вв. [14, с. 1508].

Социокультурный и ментальный облик дореволюционных чиновников «очерченного» названными хронологическими рамками поколения определялся общественными ценностями интеллигенции того периода [9, с. 2]. Продвижение их по служебной лестнице зависело, как правило, от таких качеств, как преданность делу, исполнительность, образованность, опыт административной работы, строгость соблюдения законов и регламентов. Среди основных ценностей можно выделить патриотизм, верность долгу, законопослушность и служение государству, приверженность традициям и христианской морали.

Уровень образования чиновников Восточной Сибири был несколько ниже, чем в европейской части России, что обуславливалось сложностями с привлечением выпускников столичных университетов и институтов [15, с. 1860]. Например, Томский императорский университет, открытый в 1888 г., в связи с ограниченностью набора так и не стал основным центром подготовки профессиональных кадров для сибирской администрации. Конечно, интеллектуальный уровень сибирских

чиновников формировался больше путем самообразования и саморазвития – под влиянием чтения литературы, участия в научных обществах и культурных мероприятиях [16, с. 17].

Поведение чиновника на службе и в быту определялось, во многом, его местом в должностной иерархии, подчинялось строгой дисциплине, зависело от классного чина и материального обеспечения. Высокопоставленные чиновники, как правило, были приезжими, жили в съемных квартирах (получали квартирные деньги на их оплату), могли позволить себе предметы роскоши. Чиновники среднего и низшего звена были в большинстве своем сибирского мещанского происхождения, жили скромнее в «своих» домах или также съемных квартирах [14, с. 1511]. Игра в карты, походы в гости «для разговоров», личные конфликты были обыденностью среди чиновников поколения 1870–1890-х гг. [19, с. 330]. Их моральный облик подвергался критике со стороны общественности и журналистов [9, с. 2]. Однако следует отметить, что большинство из них честно выполняли свои обязанности и стремились служить на благо общества [10, с. 232].

Советская власть, пришедшая на смену царской, декларировала полный разрыв с ее наследием, но на практике была вынуждена учитывать накопленный дореволюционный опыт местной администрации. Поколение конца 1890-х и начала 1900-х гг., чья молодость пришлась на годы революции и становления советской власти, являлось ключевым поколением в формировании кадрового аппарата советского и партийного управления.

Кадровая политика СССР в 1920-е гг. базировалась на концепте «нового человека» [17]. Для поступления в структуры государственного управления требовалось, в первую очередь, пролетарское происхождение (активно привлекались женщины), физическое здоровье, моральная крепкость, независимость от религиозных предрассудков, грамотность хотя бы на начальном уровне, вера в победу коммунизма, а всему другому, как считалось, можно было научить.

Набор в советские и партийные структуры власти осуществлялся как из числа рабочих и крестьян, так и из представителей старой интеллигенции (специалистов или «спецов»), принявших новую идеологию (табл. 1).

Таблица 1 – Численность и социальный состав депутатов Красноярского городского совета в 1920-е гг., чел. [1, с. 35, 44; 5, л. 1–2 об., 6, л. 1; 7, л. 20–20 об., 8, л. 25–25 об.]

Избрано	Половой состав		Социальное положение						Партийность		
	мужчины	женщины	рабочие	служащие	крестьяне	кустари	красноармейцы	прочие	члены РКП(б) / ВКП(б)	члены ВЛКСМ	беспартийные
1922											
Члены – 153	н/с	н/с	71	32	н/с	н/с	н/с	14	113	0	40
1923											
Члены – 164	149	15	100	35	н/с	н/с	н/с	29	116	н/с	н/с
1924											
Члены – 182	167	15	114	42	н/с	н/с	н/с	26	122	н/с	н/с
1928											
Члены – 267	201	66	155	67	18	5	0	22	144	32	91
Кандидаты – 104	63	41	45	32	5	3	3	16	37	18	49
Прикрепившиеся – 202	91	111	96	48	6	1	0	51	39	12	151

Активно проводилась политика выдвижения «снизу», направленная на привлечение к управлению выходцев из народных масс, которые избирались в Советы, затем выбирались ответственными работниками в исполкомы, бюро и управления, возглавляли их отделы и подотделы. Недостаток образования у большинства «выдвиженцев» создавал определенные трудности. Поэтому активно действовала система партийного образования, включавшая в себя краткосрочные курсы, партийные школы [5, л. 1–2 об.]. Целью этой системы было не только дать необходимый минимум знаний, но и сформировать у служащих марксистско-ленинское мировоззрение и преданность делу революции, коллективистское сознание. Участие в выборах, демонстрациях, субботниках, спортивных мероприятиях – все это рассматривалось также как проявление гражданской активности. Заметим, что привлеченные к управлению «спецы» были вычищены кадровыми чистками ВКП(б) уже в конце 1920-х гг. [4, л. 1–3, 7].

С другой стороны, существовала и преемственность поколений дореволюционных чиновников и советских управленцев, например, в модели служебного поведения. В декретах советской власти и локальном законодательстве прописывались схожие с дореволюционными принципы организации делопроизводства, служебной дисциплины, расстановки кадров и построения работы в управлениях, бюро, отделах и подотделах [11, с. 75–76]. Уже к середине 1920-х гг. это привело к бюрократизму и формализму среди советских руководителей и представителей низового административного аппарата.

Культурная жизнь советских служащих в Восточной Сибири в 1920-е гг., значительный временной промежуток из которых занимал период Новой экономической политики, все-таки существенно не отличалась от досуга дореволюционных чиновников. Система клубных учреждений, в которых проводились лекции, концерты, спектакли, кинопоказы, была схожа с отдыхом интеллигенции 1900–1910-х гг. Для советских служащих были также характерны случаи пьянства и приверженность к азартным играм [12, с. 719–720]. В 1920-е гг. религиозные обряды (например, крещение, отпевание, «рождественская елка») еще не вышли из частной жизни советских людей [12, с. 720].

Таким образом, процесс смены поколений государственных служащих Восточной Сибири в конце XIX и начале XX вв. представлял собой больше разрыв, чем преемственность. В конце 1920-х гг. структуры власти формировались, в основном, новыми кадрами из рабочих и крестьян, идеологическая несовместимость с прошлым и классовый подход привели к отстранению из структур советской власти привлеченные ранее дореволюционные кадры. Однако уже в середине 1920-х гг. советским служащим были не чужды проблемы бюрократизма, характерные для дореволюционных чиновников. Ценностные ориентации дореволюционных чиновников в Восточной Сибири определялись, с одной стороны, государственной идеологией, а с другой – влиянием местной культуры и традиций. Изучение вопроса поколений на примере государственных служащих имеет важное значение для понимания особенностей формирования и совершенствования кадровой политики современной России.

Источники и литература

1. Андреев В.П., Петрухин М.М. Партийное руководство городскими Советами Сибири (1920–1932 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 222 с.

2. Андриянова Д.В., Костомаров В.М. Чиновничество и служащие Тобольского и Томского губернских управлений конца XIX – начала XX вв. в пространственном измерении // Журнал фронтирных исследований, 2023. Т. 8, № 2 (30). С. 62–80.
3. Архипова А.И. Социокультурный портрет вице-губернаторов Якутской области конца XIX – начала XX в. // Известия ИГУ. Серия «История», 2022. Т. 39. С. 20–27.
4. ГАИО. Ф.Р-44. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3, 7.
5. ГАКК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–2 об.
6. ГАКК. Ф.Р-631. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.
7. ГАКК. Ф.Р-631. Оп. 1. Д. 156. Л. 20–20 об.
8. ГАКК. Ф.Р-631. Оп. 1. Д. 343. Л. 25–25 об.
9. Дворяне // Красноярская мысль, 1911. 7 апр. (№ 1).
10. Карчаева Т.Г. Государственный служащий в системе государственного управления Сибири в дореволюционный и ранний советский периоды // Степановские чтения. Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы: мат-лы II Междунар. науч. конф., приуроченной к Году педагога и наставника в России. Красноярск, 2024. С. 230–233.
11. Карчаева Т.Г. Структура местных исполнительных органов власти в дореволюционной и советской Восточной Сибири: отличия и преемственность (1887–1917 и 1921–1930 гг.) // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность: мат-лы всерос. (с междунар. участием) науч.-теорет. конф. Иркутск, 2022. С. 72–77.
12. Карчаева Т.Г. Пристрастие к алкоголю как фактор снижения качества работы дореволюционных и советских управленцев в 1870–1930-е гг. (на материалах Восточной Сибири) // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ. Красноярск, 2022. С. 718–721.
13. Карчаева Т.Г. Кадровая документация по личному составу местных государственных учреждений Восточной Сибири в поздний дореволюционный и ранний советский периоды // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2024. Т. 50. С. 33–40.
14. Возрастной состав чиновников Енисейской губернии в конце XIX — начале XX веков: на материалах исторической базы данных / Т.Г. Карчаева [и др.] // Былые годы. 2025. Вып. 20 (3). С. 1506–1515.
15. Карчаева Т.Г., Луцаева Г.М., Савин О.И., Алексеев О.Г. Уровень образования чиновников Якутского областного управления в конце XIX – начале XX в. // Былые годы, 2024. Вып. 19 (4). С. 1855–1863.
16. Кирьянова М.Г., Карчаева Т.Г. «Приличен и был любим в Иркутске»: о службе и жизни сибирского чиновника Дмитрия Никаноровича Давыдова (1860–1920 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2025. Т. 53. С. 16–28.
17. Луначарский А. Какой человек нам нужен (Кто строитель социализма?) // Комсомольская правда. 1928. 22 июля (№ 169).
18. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экон. амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. 162 с.
19. Черепанов С.К., Гергилев Д.Н., Грязнухин А.Г. Анонимные источники о противоборстве в восточносибирской губернской администрации 1870-х гг. // Былые годы, 2018. Вып. 47 (1). С. 328–338.

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ В ГОРОДСКОМ ОКРУГЕ ГОРОДЕ ТЮМЕНИ: ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В XXI ВЕКЕ

Петров Юрий Владимирович, кандидат географических наук, доцент
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
petrov19811201@gmail.com

Смена поколений внутри общества крупнейших городов РФ происходит с отражением в составе половозрастной пирамиды значимых исторических событий. Каждая веха в XXI в. в демографическом облике города имеет свои рубцы, которые продолжают влиять и спустя время.

Ключевые слова: численность населения, рождаемость, смертность, естественный прирост, естественная убыль, механический прирост

GENERATIONAL CHANGE IN THE TYUMEN CITY DISTRICT: GEOGRAPHICAL DYNAMICS IN THE 21ST CENTURY

Petrov Yuriy Vladimirovich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor
Tyumen State University, Tyumen, Russia
petrov19811201@gmail.com

The generational change within the society of the largest cities of the Russian Federation occurs with the reflection of significant historical events in the composition of the gender and age pyramid. Each milestone in the 21st century in the demographic appearance of the city has its own scars, which continue to affect even after a while.

Keywords: population, birth rate, mortality, natural growth, natural decline, mechanical growth

Разность между показателями рождаемости и смертности отражает естественный прирост населения, в случае отрицательного значения – «естественная убыль населения. Привлекательность городской среды для семейной жизни способствует принятию решения о заведении детей. А качество функционирования городской системы здравоохранения, включая профилактику заболеваний, пропаганду здорового образа жизни способствуют снижению смертности населения, повышению ожидаемой продолжительности жизни человека. Поэтому наличие естественного прироста в муниципальных образованиях отражает качество проводимой социальной политики. В XXI в. в г. Тюмени в 2004 г. произошла смена естественной убыли населения на естественный прирост (рис. 1).

Выпадающий всплеск роста числа смертей в 2020–2021 гг. можно отнести на влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 [1]. Снижение рождаемости можно связать с очередной демографической волной смены поколений, соответственно, в фокусе внимания муниципальных властей должно стать стимулирование числа рождений в семьях.

Фиксация значений смертности на устойчивой позиции на протяжении длительного периода при общем увеличении численности населения города отражает эффективность городской системы профилактики заболеваемости, проведения

превентивных мероприятий и системы здравоохранения в целом. Вместе с тем, при общем снижении среднего числа заболеваний, увеличивается число выявленных злокачественных новообразований.

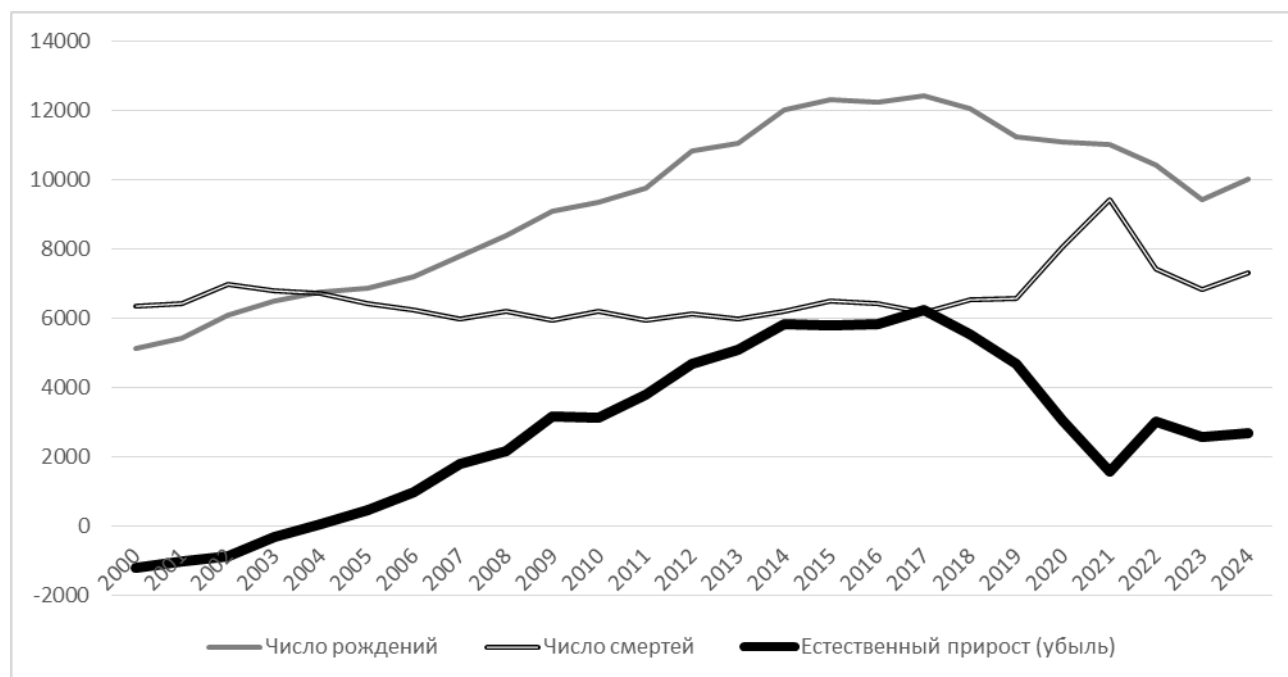

Рисунок 1 – Естественное движение населения: соотношение числа родившихся с умершими, смена естественной убыли на естественный прирост

Миграционное движение населения. Возможность удержать, прежде всего экономически активное население, отражает привлекательность муниципалитета, способствует увеличению приезжающих. В отличие от естественных процессов рождаемости и смертности, привлечение мигрантов, органичное закрепление их в сложившемся территориальном обществе [2; 3], увеличение экономической прибыли от их привлечения в муниципальную экономику является более управляемым территориальным процессом.

Положительное сальдо миграции (миграционный прирост), когда число прибывших превысило число выбывших сформировалось в 2003 г. (рис. 2) и, несмотря на последующие общественно-политические события, миграционная убыль населения больше не фиксировалась. При этом необходимо зафиксировать и рост мобильности населения, когда увеличиваются абсолютные значения и прибывших, и, что более заметно, выбывших. Нахождение баланса в числе, компетенциях прибывших, удержание в городе своих специалистов, планирующих переехать за пределы города – приоритетная задача для муниципалитета.

При рассмотрении миграционных процессов важно отражать и ситуацию с безработицей, чтобы ориентироваться на исключение утраты рабочих мест для коренного населения. Как показывает динамика показателей соотношения трудовых ресурсов с уровнем официально зарегистрированной безработицы (рис. 3) за период 2004-2024 гг., то по итогам 2024 г. сформировалась благоприятная ситуация – с максимально высоким историческим значением людей, отнесенных к группе трудовых ресурсов, на фоне исторически низкого значения безработицы. На этом фоне миграционный прирост должен закрывать дефицитные позиции на рынке труда и сдерживать инфляцию [4].

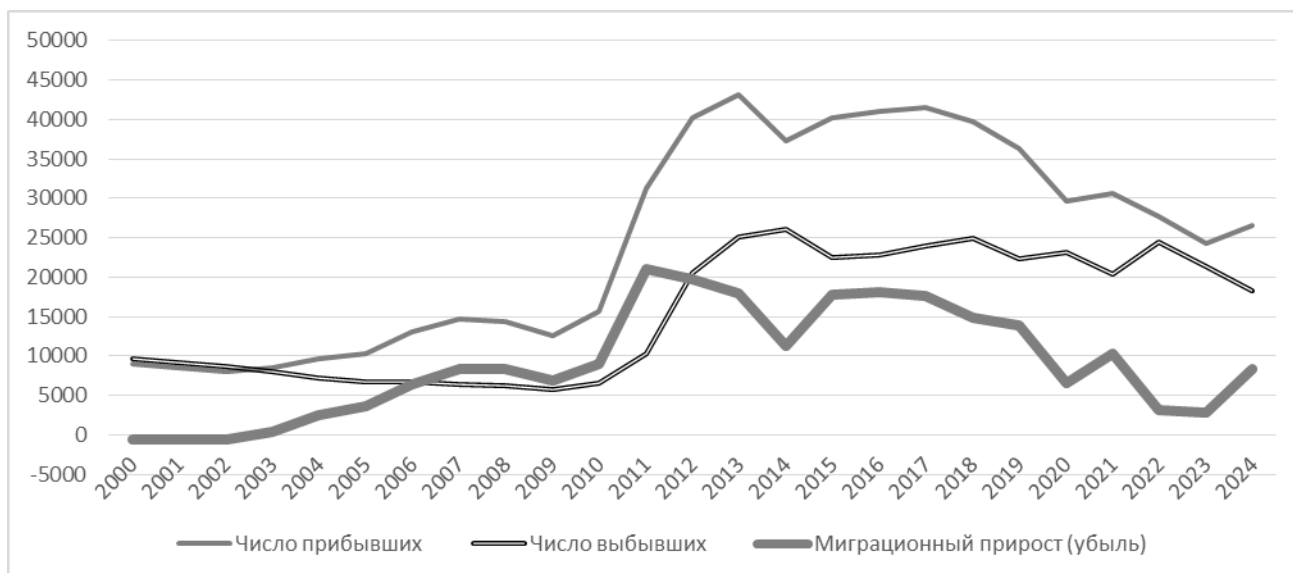

Рисунок 2 – Миграционное движение населения: соотношение числа прибывших, числа выбывших и сальдо миграции – миграционный прирост (убыль)

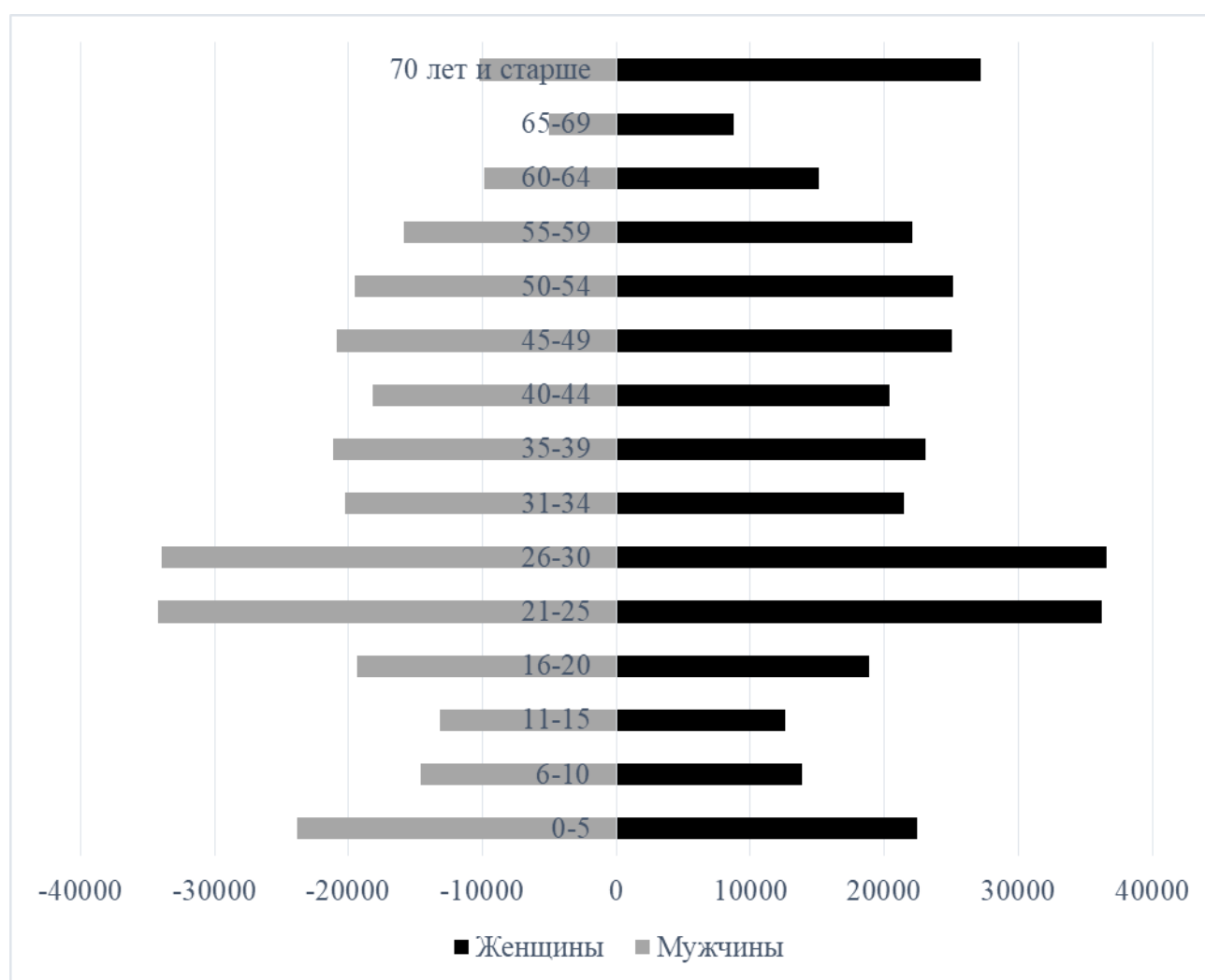

Рисунок 3 – Соотношение трудовых ресурсов с уровнем официально зарегистрированной безработицы на конец года

Эти выводы опосредованно подтверждаются динамикой среднемесячной заработной платы. На фоне относительно высокого уровня безработицы в 2020 г. отмечен наименьший рост зарплаты к предыдущему году (с 63457,9 до 66537,0 руб.), который при минимальном значении безработицы существенно ускорился в 2024 г. (с 90704,9 до 106269,6 руб.). Смена поколений определяет и корректировку социальных и экономических ценностей. При дефиците трудовых ресурсов низкая рождаемость приводит к росту экономических издержек и сопровождающейся ориентацией работодателей на привлечение приезжающих в качестве трудовой силы. Последнее приводит к тому, что само общество может существенным образом измениться, вследствие приезда людей другой национальности, вероисповедания, политических и культурных воззрений и т. п. Соответственно, экономическая составляющая должна соотноситься и с социальной составляющей. И ориентация на

увеличение рождаемости внутри определенного общества может со временем привести к наилучшим общественным характеристикам, приемлемым в данном городском обществе.

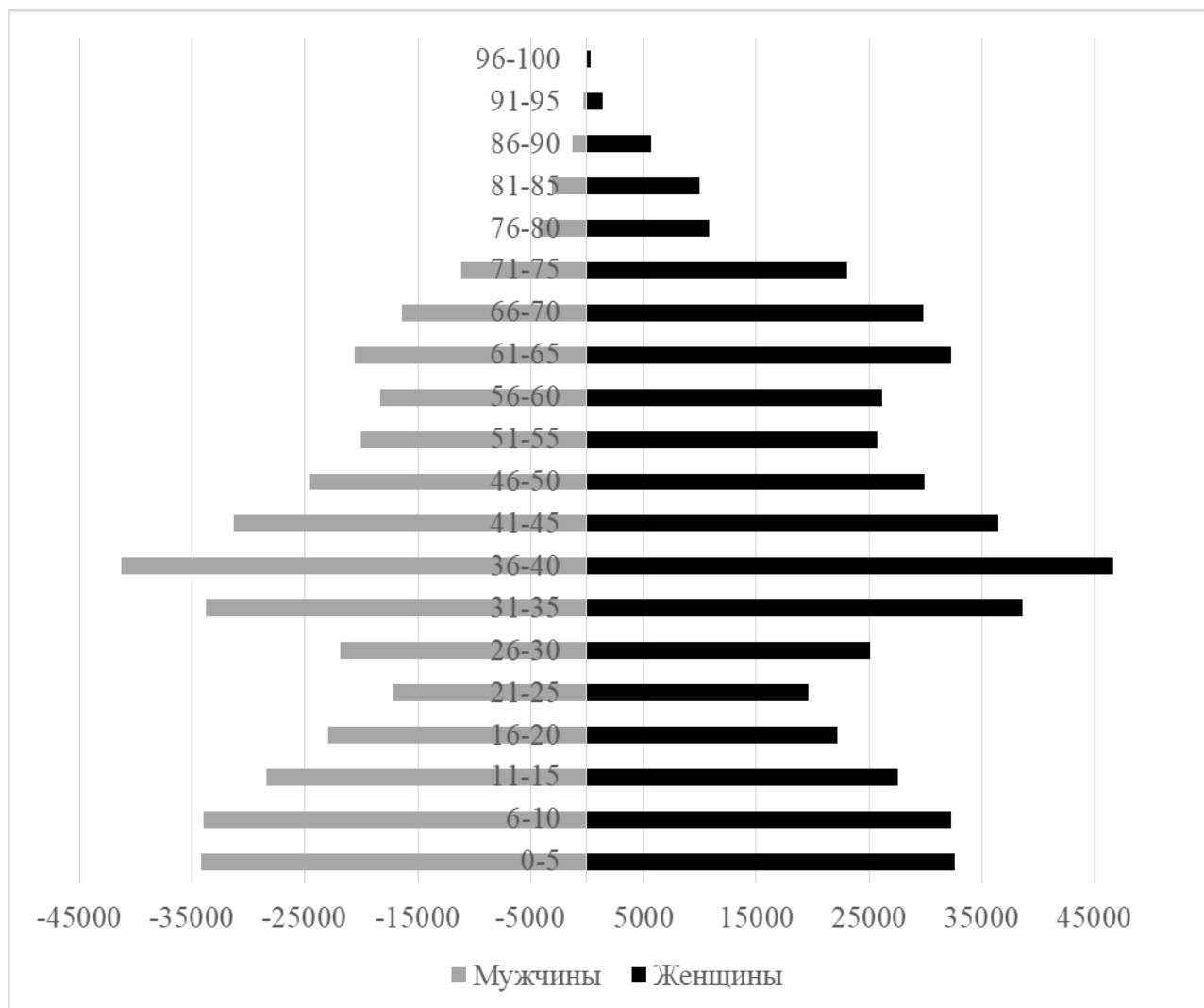
Половозрастная структура населения. Для отражения баланса в структуре населения между женщинами и мужчинами, между разными возрастными категориями применяется пирамида. При близости структуры к форме классической пирамиды формируется благоприятная оценка и прогноз. При уменьшении какого-нибудь из элементов в основании пирамиды возникают социально-экономические риски, которые требуют соответствующих мер реагирования и предупреждающего демографического стимулирования. В связи с длительным характером формирования баланса для сравнения представим 2 модели половозрастной структуры: на 01.01.2000 и на 01.01.2024 (рис. 4, а, б).

а

Рисунок 4 – Половозрастная пирамида населения г. Тюмени:

а – на 01.01.2010; б – на 01.01.2024

б

Окончание рис. 4

Современная демографическая ситуация в г. Тюмени отражает структурную межпоколенческую трансформацию. Рождаемость в конце 1990-х гг., в начале 2000-х гг. существенно провисла, что привело к вымыванию в фундаменте половозрастной пирамиды. И сформировавшийся дефицит приходится субъектам хозяйственной деятельности при растущей городской экономике преодолевать путем привлечения приезжей рабочей силы [5, 6]. При текущем максимальном уровне числа трудовых ресурсов в дальнейшем ожидается его снижение. Межпоколенческая диспропорция будет только усиливать свое негативное влияние на экономические, социальные аспекты жизни. И для того, чтобы текущая смена поколений не стала синдромом на десятилетия, уже сегодня необходимо принятие пожарных мер. Кризис демографический в поколении зуммеров не должен перетекать в альфа поколение. И социальные причины должны стимулироваться финансами, инвестиции в будущее поколения должны стать залогом низкой инфляции и высокой конкурентоспособности в будущем городской экономики.

Экономическое и социальное стимулирование рождаемости в семьях современного поколения должно быть масштабным. Простое повышение рождаемости, не достигающее показателей естественного замещения населения, не приемлемо.

Источники и литература

1. Кочуров Б.И., Блинова Э.А., Ивашкина И.В. Развитие российских городов после пандемии COVID-19 // Региональные геосистемы. 2021. Т. 45, № 2. С. 183–193.
2. Шарыгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2(41). С. 17–25.
3. Михайлов В., Рунге Й. Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62.
4. Шевченко Е.С. Влияние демографических процессов на уровень инфляции в регионах России // Пространственная экономика. 2021. Т. 17, № 1. С. 123–143.
5. Затолокин А.С., Петров Ю.В. Социальные аспекты ESG-стратегирования в контексте евразийских детерминант // Современная Евразия: общественно-географический анализ. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2023. С. 75–77.
6. Затолокин А.С., Петров Ю.В. Эколого-географические приоритеты трансформации социально-экономического развития Тюменской области (без автономных округов) // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 188–191.

СЕКЦИЯ 5. ДИНАСТИИ В ИСТОРИИ

УДК 32.019.5:94(575.4)

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ БИРУНИ О ДИНАСТИИ ХОРЕЗМШАХОВ МАМУНИДОВ

Аллабердиева Ляле Агагельдиевна, преподаватель
Педагогическое училище имени Хыдыра Дерьяева, Мары, Туркменистан
allaberdyeva85@mail.ru

В данной статье на основе научных трудов великого мыслителя Востока Абу Рейхана Бируни собраны и проанализированы исторические сведения, касающиеся правления династии Мамунидов. Благодаря творчеству Бируни, о третьем хорезмшахе из династии Мамунидов Абу-л Аббасе Мамуне, в отличие от его предшественников, известно достаточно много информации. Личное знакомство Бируни с хорезмшахом позволило ученому подробно описать темперамент и личные качества этого государя.

Ключевые слова: Мамуниды, Хорезм, хорезмшахи, Гургандж, Абу-л Аббас Мамун, Бируни

HISTORICAL INFORMATION OF BIRUNI ABOUT THE DYNASTY OF THE KHOREZMSHAHS OF THE MAMUNIDS

Allaberdiyeva Lale Agageldievna, Teacher
Khydyr Deryayev Pedagogical College, Mary, Turkmenistan
allaberdyeva85@mail.ru

This article, based on the scholarly works of the great Eastern thinker Abu Rayhan Biruni, collects and analyzes historical information regarding the reign of the Ma'munid dynasty. Thanks to Biruni's work, a considerable amount of information is known about the third Khwarazmshah of the Ma'munid dynasty, Abu'l-Abbas Ma'mun, unlike his predecessors. Biruni's personal acquaintance with the Khwarazmshah allowed the scholar to describe in detail the temperament and personal qualities of this ruler.

Keywords: Mamunids, Khorezm, Khorezmshahs, Gurganj, Abu-l Abbas Mamun, Biruni

Мамуниды – вторая династия, правившая Хорезмом [одно из ранних государственных образований на территории Средней Азии. Древняя историко-географическая территория под названием Хорезм относилась к современному Дашогузскому велаяту и северу Лебабского велаята Туркменистана, Каракалпакской Автономной Республике и Хорезмскому велаяту Узбекистана] с титулом «хорезмшахов». У этого государства было всего четыре правителя: Абу Али Мамун ибн Мухаммад (992 – 997 гг.), Абу-л Хасан Али ибн Мамун (997 – 1009 гг.), Абу-л Аббас Мамун ибн Мамун (1009 – 1017 гг.), Абу-л Харис Мухаммад ибн Али (1017 г.). Основателем династии считается Мамун ибн Мухаммад. В 995 – 1017 годах государство управляло Хорезмом и некоторыми областями северного Хорасана. Это

государство оставило яркий след в истории цивилизации, прежде всего, своим отношением к науке. Исторические источники дают основание говорить о том, что первая «Академия наук» Центральной Азии (персидское «Дар аль-Ильм» – «Дом мудрости», арабское «Байт аль-Хикма», «Хизанат аль-Хикма») была создана в городе Гургандже, во времена правления хорезмшаха Али ибн Мамуна, между – 997 – 1002 гг. Научный центр, основанный в городе Гургандже, известен в истории как «Академия Мамуна».

История хорезмшахов Мамунидов слабо отражена в письменных источниках. Поэтому научное наследие выдающегося ученого средневековья Абу Рейхана Бируни (973 – 1048 гг.) имеет большое значение в изучении истории династии Мамунидов. Жизнь и деятельность великого мыслителя востока Бируни, неразрывно связана с династией Мамунидов. Мамуниды были причиной первой эмиграции Бируни с родины в 995 г. и причиной возвращения на родину в 1004 г. Между 1004 и 1017 годами Бируни жил в городе Гургандже – столице государства Мамунидов, и пользовался покровительством хорезмшахов. Он также возглавлял «Академию наук», основанную Мамунидами. Благодаря творчеству Бируни, о хорезмшахе Абу-л Аббасе Мамуне (Мамуне II), в отличие от его предшественников, известно достаточно много информации. Бируни семь лет был приближенным – надимом – Мамуна II, поэтому подробно описывает его темперамент и личные качества.

Сведения Бируни о хорезмшахе Абу-л Аббасе Мамуне были сосредоточены в основном его труде «Китаб ал-мусамара фи ахбар Хваризм» («Беседа относительно известий о Хорезме»), сокращенно «История Хорезма». Однако она не дошла до наших дней. «История Хорезма» частично сохранилась в пересказе современника Бируни историка газневидского двора Абу-л-Фазла Бейхаки, автора «Истории Масуда». Бейхаки называет эту книгу «Машахир Хваризм» – «Знаменитые люди Хорезма». Кроме того, труд Бируни «Памятники минувших поколений» с полным основанием можно рассматривать как историческое исследование. Много исторических материалов содержит и его «Минералогия». Некоторые данные касающейся правления Абу-л Аббаса Мамуна имеются и в «Геодезии» Бируни [1].

Сведения, извлеченные из «Истории Хорезма» Бируни, можно свести к следующим частностям:

- отношение Абу-л Аббаса Мамуна к Бируни и ученым;
- характеристика третьего хорезмшаха из династии Мамунидов Абу-л Аббаса Мамуна;
- отношение Абу-л Аббаса Мамуна к султану Махмуду Газневи;
- конфликт между ними, согласие Абу-л Аббаса Мамуна добровольно прочитать хутбу на имя Махмуда;
- убийство Абу-л Аббаса Мамуна, хорезмшаха и зятя Махмуда, использование Махмудом этого события для захвата Хорезма.

Отношение Абу-л Аббаса Мамуна к Бируни и ученым. В обращении хорезмшаха с Бируни нужно, прежде всего, отметить чрезвычайное уважение к мудрецу, как обладателю знаний, превосходящих образования прочих ученых [3]. По его рассказу, хорезмшах Мамун II однажды ночью посылает человека позвать Бируни. Когда Бируни немного опоздал со сборами, хорезмшах подошел к его двери и хотел сам позвать его. Когда хорезмшах собирался спешиться, Бируни вышел из двери и в панике засвидетельствовал свое почтение. Видя, что ученый в растерянности, хорезмшах успокоил его, сказав несколько слов, восхваляющих знания:

«Знание – самое превосходное из владений, все стремится к нему, само же оно не приходит» [2, с. 810].

А потом хорезмшах сказал: «Не будь таких законов в бренном мире, не мне бы тебя звать, ибо высоко знание, а не я» [2, с. 810].

Также хорезмшах Мамун II питал к Бируни безграничное доверие. Мудрец выполнял важные, секретные дипломатические поручения хорезмшаха. Примером тому может служить случай, о котором Бируни упоминает в «Истории Хорезма»: «Повелитель верующих ал-Кадир биллах прислал Абу-л Аббасу халат, жалованную грамоту, стяг и почетный титул Око державы и Краса мусульманской общины [т. е. инсигнии независимого государя]. Хорезмшах рассудил, что не следует, чтобы эмир Махмуд принял это за обиду, вступил бы в спор и говорил, зачем он без моего посредства принял от халифа халат и пользуется такими щедротами и преимуществами. Во всяком случае, ради соблюдения добрых отношений, он послал меня [Бируни] встретить посла на полпути в пустыне. Я тайком принял от него щедрые дары, доставил в Хорезм и вручил ему [Абу-л Аббасу], а он велел их спрятать, дабы сохранить благоприятное положение. [Их] не показывали и лишь потом, когда сей царский дом должен был пасть, их объявили» [2, с. 809].

Характеристика третьего хорезмшаха из династии Мамунидов Абу-л Аббаса Мамуна. По мнению Бируни, величайшая добродетель хорезмшаха Мамуна II в том, что он защищает свой язык от скверных слов, оскорблений и суеверий. Настолько, что даже в моменты гнева худшее, что он говорил, – это «Эй, собака» [2, с. 808]. Ученый очень ценил эти качества хорезмшаха. «В хорезмшахе мягкости и доброты было весьма много. Однажды он пил вино, слушая игру на руде и делая много замечаний по части изящной словесности, ибо был человек весьма ученый и просвещенный. При нем был я и еще другой, которого звали Сахри, человек достаточно и образованный, он красно говорил и искусно составлял бумаги, однако был очень невежлив, ибо прирожденного чувства приличия в нем не было нисколько, а говорят, что прирожденное чувство приличия лучше, нежели заученная благовоспитанность. Сахри держал в руке чашу с вином и собирался выпить. Дежурные лошади, коих держали во дворце, [вдруг] заржали, и одна испустила громкий ветер. «В ус пьющему!» – произнес хорезмшах. Сахри по несдержанности и невоспитанности отшвырнул чашу. Я испугался, решил, что хорезмшах прикажет отсечь Сахри голову, но он не сделал этого, а рассмеялся, оставив его поступок без внимания и пошел стезей мягкосердечия и великодушия» [2, с. 809-810].

Хорезмшах Мамун II был добродетельным, воспитанным, храбрым и достойным правителем. Бируни подчеркивал щедрость Мамуна II. Всякий раз, когда у него была возможность, он дарил своему окружению ценных лошадей, одеяния и кошельки с дирхамами.

Хорезмшах Мамун II был весьма образованным человеком, разбирался в вопросах филологии, поэтики и риторики, любил музыку и поэзию – словом, обладал тем кругом знаний, которых требовало придворное воспитание. Мамун II говорил: «Мой помысел – книга и чтение ее, возлюбленная и любование ею, благородный человек и забота о нем» [2, с. 810].

Хорезмшах Мамун II, хотя и был, по словам Бируни, «человеком ученым, доблестным, деятельным и в делах настойчивым» [2, с. 808], тратил в основном время, энергию и казну не на дела государственные, а на увеселения и не только не способствовал укреплению хозяйственного и политического положения Хорезма, а сыграл немалую роль в ослаблении и того, и другого. Вспоминания предпоследний,

1016-й год правления Мамун II, Бируни без пристрастия пишет: «Но этот год закончился разорением и опустошением [страны], на что он, [Абу-л Аббас], долгое время не обращал внимания из-за занятости развлечениями» [1, с. 138].

Отношение Абу-л Аббаса Мамуна к султану Махмуду Газневи. Первоначально, по словам Бируни, между хорезмшахом и Махмудом Газневи «установилась крепкая дружба. Они заключили между собой договор и туда [в Хорезм] привезли благородную Калджи, дочь эмира Себук-тегина; она осталась в гареме Абу-л Аббаса. Завязалась переписка, обмен любезностями и взаимное одаривание. Во всех делах Абу-л Аббас держал сторону эмира Махмуда и до чрезвычайности соблюдал вежливую скромность настолько, что когда сидел за вином, то в тот день призывал самых именитых родичей, свитских, надимов и царевичей Саманидов, которые находились при его дворе, и прочих, приказывал с почестями привести и усадить послов, прибывших с разных сторон. Когда он брал в руки третью чашу, он вставал, поминал эмира Махмуда и снова садился» [2, с. 808-809].

В те времена Махмуд был занят умиротворением Караханидских ханов, преследуя цель обезопасить северные границы своих владений для большей свободы военных действий в Индии. Полагаясь на союзническую верность ему хорезмшаха, он пожелал, чтобы в переговорах с ханами на его стороне принял участие и посол из Хорезма. Однако осторожный Абу-л Аббас Мамун отклонил эту просьбу, не желая ввязываться в распри с ханами. Отказ этот резко ухудшил отношения между Газной и Хорезмом, и Махмуд решил использовать его как повод для осуществления своей давней мечты – официального присоединения Хорезма к сфере своих владений. Через своего посла он изложил это требование в принятой в ту эпоху форме: прочесть хутбу (публичную торжественную проповедь) в мечетях всех городов Хорезма с упоминанием в ней имени Махмуда как благословенного господина Земли Хорезмской.

Когда хорезмшах обратился за советом к Бируни, тот в довольно резкой форме предложил отвергнуть требование посла Махмуда: ««Забудь этот разговор, отвернись от лая и не прислушивайся ко всякой речи, требующей ответа» [2, с. 812].

Промедление с выполнением требования Махмуда привело последнего в ярость. Когда слухи об этом дошли до хорезмшаха тот с перепугу пренебрег советами Бируни и почти было согласился подчиниться диктату Газны. О реакции армии и знати Хорезма на это решение хорезмшаха рассказывает Бируни следующее: «Узнав об этих обстоятельствах, хорезмшах здорово испугался махмудовой мощи, которая взбудоражила всех сильных мира сего, и потерял сон. Поэтому он собрал войсковую старшину вместе с предводителями ра'ийатов и объявил, что хочет сделать по поводу хутбы, ибо ежели [это] не будет сделано, то он боится за себя, за них и за жителей области. Все зашумели, заявили, что мы-де никак не согласны, вышли наружу, развернули значки, обнажили оружие и начали поносить хорезмшаха непристойно. Пришлось потратить много усилий и лести, покамест они не успокоились. Причиной успокоения были сказанные им слова: «Мы вас испытывали насчет сего, дабы для нас стали известны ваши намерения и сердца». Хорезмшах уединился со мной и спросил: «Видел, что произошло? Кто они такие, что так дерзко идут против государя?» – «Я говорил государю, что нехорошо начинать это дело, но он не согласился, – ответил я...» [2, с. 813].

Так Абу-л Аббаса Мамун оказался между двух огней – гневом Махмуда и возмущением армии из-за трусости хорезмшаха. В отчаянии он снова обращается за советом к Бируни. Как мы увидим из нижеследующего рассказа Бируни об этом

совещании, Бируни указал Мамуну единственно возможный выход из создавшегося тупика – заключить союз с Караханидскими ханами, примирившимися к тому времени с Махмудом Газневи, но рассорившимися между собой, помирить их и привлечь на свою сторону с тем, чтобы создать единую оппозицию против Газны. Запись Бируни этого тайного совещания с ним хорезмшаха гласит следующее: «Хорезмшах позвал меня, удалил посторонних и сказал: «Дело не разрешится». – «Точно так», – ответил я. «Что же делать?» – «Теперь эмир Махмуд [для нас] потерян», – произнес я, – боюсь, что дело дойдет до меча». – «Как же тогда быть с таким войском, как у нас?» – «Не могу знать, – ответил я, – потому что враг очень велик и могуч; оружия и снаряжения у него много и воинов разного рода. Ежели его бойцам сто раз достанется трепка, то они все же будут сильнее, а коль скоро, не дай бог, он нас разобьет один раз, дело будет иное». Ему стало весьма досадно от этих слов, так что я заметил в нем некоторое неудовольствие, но я уже привык делать предостережения [и] сказал: «Есть еще одно обстоятельство, самое важное из всех; коль будет повеление, я доложу». – («Сказывай», – промолвил хорезмшах. Я сказал: «Туркестанские ханы в обиде на государя и дружны с эмиром Махмудом. С одним-то врагом трудно справиться, а когда оба соединятся, дело будет долгое. Ханов надобно привлечь на свою сторону. В настоящее время они заняты борьбой под Узгендом. Нужно приложить усилия, чтобы при посредстве государя между ханом и илигом был заключен мир. Они за это будут благодарны и помирятся; будет большая польза. Заключив мир, они никогда не станут противниками». – «Я подумаю», – произнес хорезмшах; он хотел, чтобы эту мысль приписали ему одному. Затем он старательно принялся за дело, отправил послов с дорогими дарами, дабы помирились при его посредстве. Мир заключили, и [ханы] были весьма признательны хорезмшаху, потому что его слова им больше приходились по душе, чем слова эмира Махмуда. Они прислали послов и говорили, что это примирение состоялось благодаря благословенным заботам и сочувствию хорезмшаха. Они заключили с ним договоры, и завязалась дружественная связь» [2, с. 813-814].

Махмуд Газневи в свою очередь повел дипломатическую атаку на ханов. Осторожные ханы стали вести двойную игру: они тайно доносили хорезмшаху обо всем, что требовал от них Махмуд Газневи, но в то же время твердо решили держаться нейтралитета, в чем заверили Махмуда Газневи. В связи с этим они отклонили просьбу хорезмшаха начать совместные разведывательные военные действия против Махмуда Газневи, заявив, что могут быть лишь посредниками между Газной и Хорезмом.

Такая позиция ханов вполне устраивала Махмуда Газневи и предоставляла ему полную свободу действий против Хорезма. Он вторично потребовал от хорезмшаха прочтения хутбы на его имя. «Этим посланием, – рассказывает Бируни, – хорезмшах был сильно напуган, поскольку он удостоверился, что не видно иного [выхода], кроме повиновения. Он снова принялся за дело с любезным видом и лестью и решил читать хутбу на имя эмира Махмуда в Несе и Фараве, которые в то время принадлежали им, и в других городах, исключая Хорезм и Гургандж, и послать восемьдесят тысяч динаров и три тысячи лошадей с шейхами, казиями и вельможами области, это дело разрешилось, сохранились дружественные отношения и не поднялась бы смута» [2, с. 863-817].

Подчинение хорезмшаха диктату Махмуда Газневи вызвало мятеж его войска, и в середине марта 1017 г. после поджога и захвата крепости Гурганджа хорезмшах Абу-л Аббаса Мамун ибн Мамун был убит восставшими. Эти события Махмуд

Газневи использовал как повод для войны с Хорезмом. Летом 1017 г. Хорезм был присоединен в состав государства Газневидов.

Все сказанное – это лишь частица огромного вклада Бируни в изучение истории Мамунидов. Даже беглый обзор проблематики гуманитарного наследия ученого позволяет, помимо признания его величайшим естествоведом средневекового мира, отнести его к числу выдающихся ученых в области исторической науки.

Источники и литература

1. Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. Т. 3. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами («Геодезия») / исслед., пер. и прим. П.Г. Булгакова. Ташкент: Фан, 1966. 361 с.

2. Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда (1030–1041) / Перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А.К. Арендса. Изд. 2-е, доп. М., 1969. 1007 с.

3. Булгаков П.Г. Жизнь и труды Беруни / АН УзССР, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни. Ташкент: Фан, 1972. 428 с.

ГОЛОС ПОЮЩИХ ПОТОКОВ И ГОР ГОРДЕЛИВЫХ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ДИНАСТИЯ ГАМЗАТОВЫХ

Войтович Айнур Ханлар кызы, подполковник полиции, преподаватель
Тюменский институт повышения квалификации МВД России, Тюмень, Россия
hazar22@rambler.ru

В данной статье рассказывается о семье великого аварского, дагестанского поэта Расула Гамзатова, как о писательской династии, из поколения в поколение воспевавшей в литературных строках историю и традиции своего народа и страны.

Ключевые слова: Гамзат Цадаса, Расул Гамзатов, Гаджи Гамзатов, аварцы, Дагестан, Кавказ, стихи, поэзия, литература, писатели, династии, поколения, семья

VOICE OF THE SINGING STREAMS AND PROUD MOUNTAINS: LITERARY DYNASTY OF THE GAMZATOV

Voitovich Ainur Khanlar kyzy, Lieutenant-colonel of police, Lecturer
Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia, Tyumen, Russia
hazar22@rambler.ru

The article describes the family of the great Avar and Dagestani poet Rasul Gamzatov as a literary dynasty from generation to generation chanted the history and traditions of their people and country.

Keywords: Gamzat Tsadasa, Rasul Gamzatov, Gadzhi Gamzatov, Avars, Dagestan, Caucasus, poems, poetry, literature, writers, dynasties, generations, family

*Не оставляйте своих колыбелей,
Старых, в которых баюкали вас,
Седел тугих, на которых сидели
Ваши отцы, объезжая Кавказ...*

Расул Гамзатов

из стихотворения «Горцам, переселяющимся с гор»

Расул Гамзатов пишет: «Поэзия родного народа! Еще в детстве твои звуки запали мне в душу... Ты с каждым годом вызывала во мне все большее восхищение и удивление. Каждый раз, когда я слышу твои звуки, мне тепло, как у очага в отцовской сакле, как в горах под буркой во время дождя... Текут многочисленные реки и ручейки, то широкие, то узкие, то шумные, то спокойные. Различна их глубина, но все они берут начало из горных родников. Народные песни – это горные родники, дающие начало ручейкам и рекам, сливающимся в бурном море советской поэзии. И я завидую тем нынешним и будущим певцам моей страны, которые прибавят к песням своего народа хоть одну свою песню» [1].

В этом красивом поэтическом образе отражена важная мысль поэта – единство и преемственность семьи. Поэт, словно голос ручья, а вместе эти ручьи сливаются в многоголосые мощные реки. Но не может быть широкого устья без маленького

истока. Любая творческая, писательская семья словно река, где исток-прародитель дает начало ручью, ручьи с каждым слиянием с каждым поколением становятся все более сильными реками.

Гамзат Цадаса. Начало писательской династии Гамзатовых положил Гамзат Цадаса – народный поэт Дагестана и отец Расула Гамзатова и Гаджи Гамзатова. Родился Гамзат Цадаса (Гамзат Магома-оглы Юсупил) в крестьянской семье в 1877 году в селении Цада, откуда и его псевдоним (Цадаса – из Цады). Рано потерял родителей, рос в постоянной нужде. Поэтому первые стихи Цадасы отличаются острой социальной сатирой в адрес богачей и правящей элиты. Первое стихотворение «Собака Алибека» написал в 1891 году. После революции 1917 года поэт становится голосом молодой советской власти. В 1920-е годы Цадаса редактор газеты «Красные горы», где впервые опубликовал свои стихи. В 1930-е годы редактор газеты «Горец», в это же время (в 1934 году) выпустил свой первый сборник стихов «Метла адатов», за который ему первому в Дагестане присвоили почетное звание «народный поэт Дагестана», с формулировкой, что награжден: «как старейший поэт, любимый широкими массами трудящихся горцев». В годы Великой Отечественной войны пишет патриотические стихи о тружениках тыла и героях фронта, за что награжден высокими государственными наградами.

Творчество Цадасы – стихотворные сказки, комедии, пьесы, драмы и исторические поэмы. Большинство произведений Гамзата рассчитаны на детскую аудиторию. Поэт создавал для детей сказки, стихотворения и басни. В том числе первым перевел на аварский язык стихи и сказки великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, после чего они стали широко известны жителям Дагестана. Цадаса писал на родном аварском языке, тем не менее его творчество активно переводилось на русский и другие языки, а в 1948 году по его басням даже было снято два мультфильма «Слон и муравей» и «Лев и заяц».

Кратко, но очень точно Цадаса как литератора охарактеризовал советский писатель, Герой Социалистического Труда, первый переводчик произведений аварского поэта на русский язык Николай Семенович Тихонов: «Это был самый острый ум современной Аварии, поэт, истреблявший словом врагов нового, мудрец, искушенный во всех тонкостях народного быта, беспощадный ко всему ложному, смелый борец с невежеством, глупостью, корыстью... Цадаса – не просто сочиняет стихи, он мыслит в стихотворном размере» [7].

Гамзат Цадаса воспитал достойных сыновей и продолжателей своего писательского дела – братья Расул и Гаджи Гамзатовы, также ярко, как и отец, вошли в историю дагестанской и вообще советской и российской литературы.

Расул Гамзатов. Это великое имя в истории советской, российской литературы, человек не требующий представления, еще при жизни обретший широкое признание и подробнейшие жизнеописания [5, 6, 10]. Расул Гамзатович Гамзатов выдающийся российский, советский, дагестанский, аварский поэт, публицист, переводчик, Герой Социалистического Труда, народный поэт Дагестана. Сборники его произведений переведены на многие языки мира и переиздавались уже десятки раз.

В данной статье мы не будем повторять имеющиеся фундаментальные биографические работы и углубляться в детали жизни и творчества Расула Гамзатовича, как отмечается: «Мы все гордимся Расулом и благодарны ему за то, что он своими дивными произведениями возвысил нашу литературу, привлек к ней внимание всей страны, всего мира. Нелегко писать так, как пишет он, но не менее трудно оставаться при всех обстоятельствах таким же простым и сердечным

человеком, каким является Расул Гамзатов» [10, с. 221], а лишь подчеркнем именно роль семьи и несомненное влияние отца на выбор сыном жизненного пути.

Как пишет Расул Гамзатов в автобиографической поэме «Родина горца» [3]:

*С открытым сердцем день встречал я каждый.
Все новое влекло мои глаза,
И начал сам стихи писать однажды
Я – средний сын Гамзата Цадаса.*

Первое стихотворение Расул Гамзатов написал в 1932 году в 9 лет, все последующие ранние стихи были посвящены в первую очередь именно семье и родному аулу, народу, Дагестану. В годы Великой Отечественной войны в темы молодого поэта добавились патриотические стихи, при том с интересными и местами также семейными образами. Так, например, говоря о династической литературной преемственности поэта-сына от поэта-отца, хочется отметить образ Дагестана в стихотворении «Мне ль тебе, Дагестан мой былинный» [4]:

*Дагестан, все, что люди мне дали,
Я по чести с тобой разделяю,
Я свои ордена и медали
На вершины твои приколю.*

*Посвящу тебе звонкие гимны
И слова, превращенные в стих,
Только бурку лесов подари мне
И папаху вершин снеговых!*

Мы видим самую искреннюю и трогательную любовь, так свойственную детям. Когда поэт хочет разделить с Родиной, как с самым близким человеком, например, с отцом то, что считает самым дорогим и значимым для себя – ордена и медали, как признание достижений и заслуг, и стихи, и песни, как самые ценные слова. И далее снова некий сыновий образ, когда поэт как ребенок хочет надеть одежду отца, и с гордостью ее носить, опять же как самое дорогое. Пусть это просто старенькие бурка и папаха, но это отцовские бурка и папаха, а значит самые дорогие и лучшие вещи. То есть в данном стихотворении Дагестан для поэта – это отец, которого он уважает и с которого берет пример во всем, в том числе в литературном творчестве.

Наиболее образно и ярко поэтическое влияние отца, наследование сыном от отца литературных традиций, навыков, поэзии как жизненного пути показано у Расула Гамзатова в поэме «Разговор с отцом» (далее по тексту выдержки из поэмы) [2]:

*И мысли мои обратились к оружию,
Которым отец побеждал многократно.
Мне гнев его нужен, мне смех его нужен,
Мне стих его нужен, простой и понятный...*

*Растил меня, путь мне указывал верный,
Учил не робеть и преград не бояться.
В поэзию ввел... Помог и теперь мне...
Так трудно во всем одному разобраться!..*

Я в дом поспешил, нетерпением охвачен,

*К рабочему месту отца... Вдохновенье
Меня обдавало волною горячей.
В дорогу, без отдыха! Без промедленья!*

Всю жизнь именно семья, родные, близкие люди были и вдохновением, и образами, и смыслами поэзии Расула Гамзатовича, как отмечает его друг, исследователь его творчества: «На самом деле Расул Гамзатов – нечто большее, чем наше представление о нем. Это «нечто большее» было путеводной звездой творчества Гамзатова» [6, с. 7]. Это большее – сила семьи, семейные традиции, ценности и даже жизненные пути, передающиеся из поколения в поколение.

Гаджи Гамзатов. Если старший сын Гамзата Цадаса выбрал художественный путь в литературе, то младший пошел дорогой научной. Гаджи Гамзатович Гамзатов – советский, российский литературовед, фольклорист, лингвист, востоковед, доктор филологических наук, академик Российской академии наук (что интересно – первый академик-филолог на Кавказе). Свои литературные исследования Гаджи Гамзатович начал с книги (кандидатская диссертация) о ранней поэзии своего отца – «Гамзат Цадаса: Жизнь и творчество до революции. 1877-1917», и всю жизнь посвятил литературоведческому труду в Институте истории, языка и литературы им. Г. Цадасы (созданному в честь его отца), пройдя путь от лаборанта до директора. В 1973 году подготовил и издал первое полное собрание сочинений своего отца – «Литературное наследие Гамзата Цадасы. Собрание сочинений в 6 томах». Расширив тему научных исследований и став лучшим специалистом по литературе Дагестана, Гаджи Гамзатович в 1979 году защитил докторскую диссертацию «Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Истоки, традиции и своеобразие художественной системы». В 2000 году Гаджи Гамзатову присвоено заслуженное звание академика РАН. Долгие годы Гаджи Гамзатович оставался ведущей фигурой во многих российских литературных организациях и процессах, его научному перу принадлежат десятки публикаций и монографий, посвященных как дагестанской литературе, так и в целом российской. Как и отец, Гаджи Гамзатов переводил на аварский язык произведения А.С. Пушкина и других классиков русской литературы.

Кратко и вместе с тем емко характеризует личность академика Гамзатова его ученик Ю.М. Тхагазитов: «Полет мыслей Гаджи Гамзатовича воссоздает удивительную гармонию целостного восприятия национально-художественной действительности. Смелость взгляда, независимость суждений, внутренняя убежденность – характерные черты научного почерка Гаджи Гамзатовича Гамзатова» [11].

Патимат Саидовна Гамзатова (Юсупова). Изучая биографию Расула Гамзатова, складывается впечатление, что писали, увлекались литературой, или вообще как-то работали со словом все его родственники. Патимат Гамзатова, супруга Расула Гамзатовича, выбрала иной культурный путь в жизни, нежели литература. Но, будучи человеком также крайне творческим, не могла не выразить свой труд в красивых словах. Вся ее трудовая деятельность была посвящена народному искусству Дагестана. С 1964 года и всю жизнь она трудилась в Дагестанском музее изобразительных искусств, став ведущим специалистом по народной культуре Дагестана. В 1970 году ей было присвоено звание «Заслуженный работник культуры ДАССР», в 1981 году – «Заслуженный работник культуры РСФСР», а с 2001 года Дагестанский музей изобразительных искусств носит имя Патимат Саидовны Гамзатовой. За годы культурной службы Патимат Саидовна объездила весь Дагестан

с этнографическими экспедициями, в ходе которых были собраны богатейшие коллекции как материальных традиций народов Дагестана, так и нематериальные произведения устного народного творчества, значительно обогатившие фольклорную часть литературного наследия Дагестана. Если говорить о писательской деятельности, то здесь литературные и культурные знания Патимат Саидовны проявились на стыке искусства и науки: при ее участии в Музее были изданы десятки различных публикаций по музейной тематике, описания коллекций и т.п. Например, в 1981 году был опубликован первый полный (на тот момент) каталог дагестанского народного и художественного искусства «Искусство Дагестана. Альбом», исторический очерк для которого, что интересно, написал сам Расул Гамзатович. И до сих пор благодаря вложенным усилиям Патимат Саидовны Дагестанский музей изобразительных искусств считается одним из лучших музеев этого профиля в России. Как написал в 1975 году в книге отзывов музея Расул Гамзатов: «Был во многих музеях мира. Лучшего музея не видел. Этот музей мне дороже Эрмитажа, Лувра и Ватикана. Здесь моя Патимат» [9].

Патимат Расуловна Гамзатова. Средняя дочь Расула Гамзатовича и Патимат Саидовны (как и другие дочери) унаследовала все лучшее от отца и матери. Историк искусства по образованию, она пошла по стопам матери со всем творческим вдохновением, свойственным отцу. Кандидат искусствоведения (с 1989 года), член-корреспондент Российской академии художеств (с 2007 года), заслуженный деятель искусств Республики Дагестан (с 2017 года). Автор двух подробных монографий и около сотни публикаций по искусству Дагестана, в том числе «Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. К проблеме культурного архетипа», книга, ставшая хитом своего времени и в силу популярности потребовавшая дополнительного повторного издания.

В контексте темы данной статьи уместно процитировать слова Патимат Расуловны из ее интервью информационному portalу «Это Кавказ»: «Я делаю то, что мне интересно. Хотя понимаю, что такая возможность во многом обеспечена моими родителями. Я могла бы вообще не знать, что есть такая профессия, искусствовед. Мой рост построен на том, что уже было построено моей семьей» [8].

Этими словами, этим смыслом о семье и совместном семейном росте и хочется закончить данную статью, дополнительно добавив: «Именно родной очаг, Родина, Дом, родной язык – преемственно родовые живительные истоки творчества Гамзата Цадасы, Расула Гамзатова, Гаджи Гамзатова... и они же продолжение их поиска праведного пути в большой и противоречивый мир» [11].

Источники и литература

1. Гамзатов Р.Г. Душа народа // Расул Гамзатов: информационный портал. URL: <https://www.rasulgamzatov.ru/stati/content/199-dusha-naroda> (дата обращения: 30.09.2025).
2. Гамзатов Р.Г. Разговор с отцом // Расул Гамзатов: информационный портал. URL: <https://www.rasulgamzatov.ru/poemy/content/128-razgovor-s-ottsom> (дата обращения: 30.09.2025).
3. Гамзатов Р.Г. Родина горца // Расул Гамзатов: информационный портал. URL: <https://www.rasulgamzatov.ru/poemy/content/129-rodina-gortsa> (дата обращения 30.09.2025).
4. Гамзатов Р.Г. Стихи из книги «И звезда с звездой говорит» // Фонд Расула Гамзатова: информационный портал. URL: https://fondgamzatova.ru/stihi_zvezda_s_zvezdoi (дата обращения: 30.09.2025).
5. Дементьев В.В. Расул Гамзатов: жизнь и творчество. М.: Современная Россия, 1984. 160 с.

6. Казиев Ш.М. Расул Гамзатов. М.: Молодая гвардия, 2018. 447 с.
7. Магомедов М.И. Художественный мир Гамзата Цадасы // Дагестанская правда: информационный портал. URL: <https://dagpravda.ru/obshestvo/hudozhestvennyj-mir-gamzata-cadasy> (дата обращения: 30.09.2025).
8. Опарин Д.А. Патимат Гамзатова: «Все мы связаны с русской культурой» // Это Кавказ: информационный портал. URL: <https://etokavkaz.ru/mudrost/patimat-gamzatova-vse-mu-svyazany-s-russkoi-kulturoi> (дата обращения: 30.09.2025).
9. Петенкина Т.П. Муза великого поэта: 90 лет со дня рождения Патимат Саидовны Гамзатовой // Информационный портал Дагестанского музея изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой. URL: <https://dagartmuseum.dag.muzkult.ru/news/74679724?mobile=1> (дата обращения: 30.09.2025).
10. Султанов К.Д. Расул Гамзатов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 224 с.
11. Тхагазитов Ю.М. Гаджи Гамзатов // Литературная Россия. 2011. URL: <https://old.litrossia.ru/2011/17/06150> (дата обращения: 30.09.2025).

РОЛЬ КУПЕЧЕСКОЙ ДИНАСТИИ КОЛМОГОРОВЫХ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ г. ТЮМЕНИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Галлямова Лариса Васильевна, преподаватель, аспирант
Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
lara.merkulova.99@mail.ru

В статье рассматривается влияние деятельности известной тюменской купеческой семьи Колмогоровых на социально-экономическое развитие города Тюмени. Нарращивая капитал за счет роста кожевенного производства и продажи кож, купцы вкладывали деньги в финансирование общественных мероприятий, сами активно участвуя в деятельности общегородских и благотворительных структур.

Ключевые слова: купечество, Тобольская губерния, Сибирь, кожевенное производство, общественная деятельность, Колмогоровы

THE KOLMOGOROV LEATHER DYNASTY IN THE DEVELOPMENT OF TYUMEN IN THE 19TH-20TH CENTURIES

Gallyamova Larisa Vasilyevna, Lecturer, Postgraduate Student
Surgut State University, Surgut, Russia
lara.merkulova.99@mail.ru

The article examines the impact of the activities of the famous Tyumen merchant family Kolmogorov on the socio-economic development of the city of Tyumen. By increasing their capital through the growth of leather production and the sale of leather, merchants invested money in financing public events, themselves actively participating in the activities of citywide and charitable structures.

Keywords: merchants, Tobolsk province, Siberia, leather industry, social activities, Kolmogorovs

На протяжении XVIII – XIX вв. на территории Тобольской губернии шел процесс формирования и развития купечества как особой социальной категории, активно участвовавшей в развитии торговли и промышленности. Одной из важных отраслей была обрабатывающая промышленность, в том числе кожевенное производство. Кожаные товары высоко ценились и поэтому их можно было продавать по всей стране. К концу XVIII в. в губернии действовало 69 кожевен [1, с. 24].

Одной из видных купеческих династий, занимавшихся кожевенным производством, была тюменская семья Колмогоровых, чья история началась с первых десятилетий XIX в. Ее основатель Филимон Степанович Колмогоров был родом из мещанской тюменской семьи, окончил Тюменское уездное училище. В возрасте 12 лет поступил учеником приказчика на кожевенный завод, где освоил технологию выделки кож. В 1846 г. он был записан в купцы III гильдии и стал заниматься развитием собственного кожевенного производства [2]

К 1860-м гг. кожевенный завод Ф.С. Колмогорова в Тюмени стал одним из крупнейших в губернии и лучших в стране [3]. На нем обрабатывалось около 100 тыс. кож в год [4]. Кожевенный завод был технически оснащен всем необходимым и даже

имел свой собственный водопровод. Продукция завода Колмогоровых была представлена на всероссийских ярмарках, таких как Дмитриевская, Тюменская, Ирбитская и др.

Предприниматель активно участвовал в различных публичных российских выставках. Так, например, в 1860 г. на Выставке произведений сельского хозяйства и промышленности Императорского Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге им была представлена алая, белая, черная юфть, а цена шкур варьировалась от 2 руб. 80 коп. до 4 руб. 30 коп. [5, с. 556]. В период Тюменской публичной выставки в 1871 г. он был награжден медалью.

Обширная география поездок Ф.С. Колмогорова способствовала заключению договоров с оптовыми покупателями. Купцу удалось получить подряд у военного ведомства и стать поставщиком кожи для армии. Только за период 1868-1869 гг. им было поставлено для армии около 80 тыс. кожаных изделий [6, с. 110], что позволило заметно увеличить свой капитал.

Помимо активной коммерческой деятельности Ф.С. Колмогоров был занят в общественном управлении Тюмени. С 1867 по 1869 гг. он был городским головой города, но длительные поездки по различным делам вызывали недовольство местной Думы и гражданского начальника губернии [6, с. 117]. Однако именно при Колмогорове был построен необходимый городу мост в Заречье, хотя и он дал повод для критики. Газеты писали, что новый мост имел непродуманно крутой спуск и подъем, поэтому «осенью, когда промерзнет, то опытная лошадь, при спуске буквально садится на задние ноги, сползает на всех четырех подковах...» [7]. Упрекали Ф.С. Колмогорова и в том, что кожевенное производство вредно влияло на экологию города, но тем не менее местное купечество смогло договориться с местной администрацией о том, чтобы не переносить кожевенные заводы дальше от города [8].

В 1877 г. Филимон Степанович стал директором Тюменского общественного банка, а в 1879 г. был избран членом его учетного комитета. Позже действующим членом учетного комитета при Государственном банке стал его сын Григорий Филимонович Колмогоров.

Занимаясь общественной благотворительностью, Ф.С. Колмогоров жертвовал деньги на развитие образования. Большой вклад был внесен им в развитие церковных школ [9]. Будучи старостой Тюменской Вознесенской церкви в 1890-1891 гг. купец выделил 3000 руб. для действовавшей при ней школы [10]. Представители семьи Колмогоровых в разные годы входили в состав попечительского совета Тюменской женской прогимназии, ежегодно внося 35 руб. членских взносов и периодически выделяя по 5 тыс. руб. для капитала прогимназии [11]. Принял участие Ф.С. Колмогоров и в сборе средств на покупку здания, где ранее проживал поэт В.А. Жуковский [12, с. 40-41].

Участвуя в решении социальных проблем города, Ф.С. Колмогоров стал одним из инициаторов открытия в 1886 г. в Тюмени общественной бани [13]. Во многом благодаря активной деятельности группы тюменских предпринимателей, в которую входил и Филимон Степанович, началось строительство железной дороги Екатеринбург-Тюмень, которая открылась в 1885 г. [3]

У Филимона Степановича Колмогорова было четыре сына – Григорий, Федор, Александр и Иван (последний умер в младенчестве). Сыновья пошли по стопам отца и постепенно включались как торговую, так и общественную деятельность. В 1885 г., например, все трое братьев Колмогоровых были избраны членами исполнительной комиссии для однодневной переписи [6, с. 208]. В 1897 г. Григорий Колмогоров являлся почетным членом Тюменского вольного пожарного общества, внося деньги на его

развитие, а его брат Федор в 1904 г. являлся почетным мировой судьей и был почетным блюстителем Вознесенского начального народного училища [14, с. 52].

После смерти Филимона Степановича его сыновья Федор и Григорий создают торговый дом «Ф.С. Колмогоров наследники» с основным капиталом в 150 тыс. руб., который действовал с 1893 по 1904 гг. [8] В собственности братьев был и пароход, с которым они вошли в состав товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли [15].

В начале XX в. кожевенное дело в Тюмени постепенно приходило в упадок, и в 1904 г. кожевенный завод Колмогоровых был продан В.А. Собенникову. Вероятнее всего, поводом для продажи семейного бизнеса послужило то, что сыновья Филимона Степановича не смогли конкурировать с другими промышленниками в условиях начавшегося экономического кризиса.

В период первой революции в России Г.Ф. Колмогоров был председателем комитета Союз самоохранения, который помогал полиции в деле наведения порядка в городе. В 1906 г. Г.Ф. Колмогоров умирает, а его брат Ф.Ф. Колмогоров, не имея такой энергии, как его брат и отец, оставляет предпринимательскую деятельность, переезжая в столицу [6, с. 358].

Таким образом, история тюменской предпринимательской династии Колмогоровых показывает достаточно типичный для представителей купечества подход к капиталу, часть которого тратилась на общественную благотворительность. Рост кожевенного производства способствовал экономическому развитию города, а строительство моста, бани, финансирование железной дороги, поддержка образования и др. – формированию его социальной сферы. И на сегодняшний день Тюмень помнит вклад купцов Колмогоровых, зримым выражением которого являются связанные с ними и сохранившиеся по сей день памятники архитектуры.

Источники и литература

1. Задорожная О.А. Кожевенные предприятия купцов Тобольской губернии (1775–1825 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 1(35). С. 24–29.
2. Тюменские городские головы 1867–1917 / Тюменская линия. URL: <https://t-l.ru/275685.html> (дата обращения: 10.10.2025).
3. От кожевенного царства до культурного центра / Тюменские известия. 2017. № 126 (22 июля). URL: <https://t-i.ru/articles/14618> (дата обращения: 27.09.2025).
4. Сибирский листок объявлений. 1879. 23 февр.
5. Корректировочные листы каталога Выставки произведений сельского хозяйства и промышленности Императорского Вольного экономического общества 1860 года. СПб.: Тип. II-го Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1861. 978 с.
6. Колмогоров А.Г. Мне доставшееся. Семейные хроники Надежды Лухмановой. М.: Аграф, 2013. 464 с.
7. Восточное обозрение. 1886. 1 мая.
8. Будни кожевенного короля Тюмени / Вслух.ru. URL: https://vsluh.ru/novosti/kultura/budni-kozhevennogo-korolya-tyumeni_391772/ (дата обращения: 10.10.2025).
9. Тобольские епархальные ведомости. 1894. 1 янв.
10. Тобольские епархальные ведомости. 1891. 1 янв.
11. Где учились тюменские барышни // Тюменская правда. 2019. 6 марта.
12. Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Часть CXLIV. 955 с.
13. Восточное обозрение. 1886. 10 апр.
14. Адрес-календарь Тобольской губернии 1904 год. Тобольск: Губ. Тип., 1904. 128 с.
15. Сибирская жизнь. 1898. 29 июля.

ДИНАСТИЯ КУПЦОВ ХВОРОСТОВЫХ В СУДЬБЕ АЧИНСКОЙ КАЗАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Дворецкая Анна Павловна, кандидат исторических наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
advoreckaya@mail.ru

В статье раскрывается феномен династической благотворительности в церковной истории Сибири на примере купеческого рода Хворостовых и строительства ачинской Казанской церкви (1826–1832 гг.). Через призму архивных документов автор детально анализирует, как на протяжении трех поколений семья Хворостовых не просто финансировала, но лично организовывала, контролировала и духовно осмысляла создание и поддержание главного храма района города – Заречья. Статья делает акцент на том, что благотворительность Хворостовых была не просто вложением целевого капитала, но и их социально-значимым деянием и культурной инициативой, что позволило династии навсегда вписать свое имя в историю Ачинска как его духовных покровителей и строителей.

Ключевые слова: Ачинск, купеческая династия, храмостроительство, благотворительность, сибирское зодчество XIX в

THE KHVOROSTOV MERCHANT DYNASTY IN THE FATE OF THE ACHINSKAYA KAZANSKAYA CHURCH

Dvoretskaya Anna Pavlovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
advoreckaya@mail.ru

The article reveals the phenomenon of dynastic charity in the church history of Siberia using the example of the Hvorostov merchant family and the construction of the Achinsk Kazan Church (1826-1832). Through the prism of archival documents, the author analyzes in detail how for three generations the Hvorostov family not only financed, but personally organized, supervised and spiritually comprehended the creation and maintenance of the main temple of the city district – Zarechye. The article emphasizes that the Hvorostovs' charity was not just an investment of endowment capital, but also their socially significant deed and cultural initiative, which allowed the dynasty to forever inscribe its name in the history of Achinsk as its spiritual patrons and builders.

Keywords: Achinsk, merchant dynasty, temple building, charity, Siberian architecture of the 19th century

В панораме города Ачинска есть место, которое на протяжении двух столетий остается его духовной доминантой. Казанская церковь, возвышающаяся «под горой за рекой Тепляткой», – это не просто памятник сибирского зодчества, но и символ уникального единства горожан, их веры и созидательной энергии купеческой династии Хворостовых.

В настоящее время это здание является памятником церковной православной архитектуры первой четверти XIX в. Оно представляет собой редкий для Сибири тип

церковного сооружения – одноэтажный, пятиглавый, крестово-купольный храм. Церковь является композиционным центром и вертикальной доминантой заречной части исторического центра города, вокруг которой сформировалась одноименная площадь (ныне площадь 1 Мая) и Базарный переулок (ныне ул. Назарова) [1, с. 180]. Памятник связан с именем праведного Даниила Ачинского [святый (в миру Даниил Корнилиевич Делие), 12 (23) декабря 1784 г., Новые Санжары Кобелякского уезда Полтавской губернии – 15 (28) апреля 1843, Енисейск). Святый праведный старец (память 28 апреля (15 ст. ст.) и 23 июня (10 ст. ст.), прославлен в Соборе сибирских святых в 1999 г.] и купеческой династией Хворостовых [Хворостовы, Андрей и Степан Даниловичи, ачинские купцы] [2].

Купеческие династии традиционно активно влияли на развитие религиозной жизни той или иной территории. Известны феномены династической долговременной церковной благотворительности в Сибири, когда строительство и поддержания храма, становится семейным делом, частью родовой чести и духовным наследием. Достойное место в плеяде таких поколений занимают и ачинские купцы Хворостовы.

Безусловно, их вклад в храмостроительство мотивировался не только личным благочестием, но и прагматичным стремлением обрести «небесное покровительство» для успеха в торговых делах. Однако благотворительность Хворостовых имела и глубокое общественное значение. Взяв на себя функции организаторов, финансистов и ответственных отчетных лиц, они консолидировали разрозненные группы горожан вокруг общей сакральной цели. Таким образом, строительство Казанской церкви, осуществленное «миром» на купеческий «капитал», стало актом городского самоуправления и воплощением местной солидарности. Это возвело статус Хворостовых на новый уровень: помимо гильдейского звания, они обрели непререкаемый авторитет как строители и попечители главной святыни Заречья ачинской Казанской церкви и как келейные хозяева, предоставившие кров почитаемому подвижнику – праведному Даниилу Ачинскому.

К XIX в. Ачинск сложился как ключевой торгово-перевалочный центр. Он относился к «транзитным городам», чье развитие целиком зависело от движения грузов. Расположенный на Московском тракте, он был крупной станцией между Томском и Красноярском. Город стал восточным форпостом Обь-Иртышского бассейна: с запада сюда водным путем поступали железо, соль и товары для приисков, которые затем гужевым транспортом распределялись по тракту. Обратно на запад отправлялись огромные партии чая – Ачинск был важным перевалочным пунктом на чайном пути из Китая [3, с. 94].

Через Ачинск также провозили хлеб из Красноярского уезда на Алтай и в низовья Оби. Это делало его центром земледельческого округа, хотя полностью «аграрным» городом он не был. Транзитная торговля вовлекала большинство горожан в сферу услуг, извоза и посредничества, что разрушало натуральное хозяйство и стимулировало экономику.

В 1835 г. в Ачинске было 1 140 жителей, 336 домов, две каменные церкви, одна деревянная. Также в городе находились присутственные места, училище, каменная кладовая для казны, тюремное помещение и этапный лазарет. В городе было 2 туземных купеческих капитала, 3 иногородних. Все 3-й гильдии. В городе работала ярмарка, привлекающая капиталы не только местные, но и томские. Сообщение по р. Чулыму шло от Урала до Иркутской губернии [4].

Как пишет первый губернатор Енисейской губернии А. Степанов: «Здесь всякий год производится построение судов для сплава по Чулыму хлеба и мест с

чаями. Ачинск час от часу лучше выстраивается; он весь, как будто, перенизан старыми и новыми зданиями. Он имеет приятное местоположение; стоит на высоте при опушке леса; перед ним большая река, за нею пространные луга. С правой и левой стороны синеют горы [5, с. 111, 112]».

Район Заречья был торговым сердцем Ачинска. Здесь располагалась пристань, откуда отходили суда, которые отправлялись за границу губернии с китайскими товарами с грузом до 59 т. пуд. Здесь проживали судоходные работники (около 1 тыс.), которые, получая свои задатки, имели возможность «делать издержки».

В Ачинске работала ярмарка, которая также привлекала народ в город. Имелся гостинный двор «с красным и мелочным товаром», вел торговлю ачинский купец Родионов – все это увеличивало оборот внутренней торговли. Торговля производилась «красным» товаром в городе, масло, сало, кожи отправлялись в Иркутскую и Томскую губернии. Как считал А.П. Степанов: «Ачинск в непродолжительном времени по его местному положению, может сделаться хорошим портовым городом... [5, с. 260, 261]».

Главным градоформирующим и архитектурным акцентом долгое время был Троицкий собор – первое каменное здание Ачинска, завершенное в 1802 г. Местоположение храма определилось въездами в город по Сибирскому и Енисейскому трактам со стороны Красноярска и Енисейска. Он располагался на главной площади, но, к сожалению, не сохранился до наших дней [6].

Но в 1820–1830-е гг. из купеческих и мещанских домов начинает формироваться Заречная часть [7]. Собственно в этом районе располагались и дома представителей династии Хворостовых. Дом А.Д. Хворостова находился за речкой Тептякой, на Береговой улице [8]. Там, во дворе в келье, поселившись в г. Ачинске (не ранее 1827 г. и далее до своего отъезда в с. Зерцалы Ачинского уезда), проживал праведный Даниил Ачинский [8, с. 21; 9, с. 28].

Как указано в книге Парфения: Старец переселился в г. Ачинск и соорудил себе келию самую маленькую (дом чиновника Чиблакова [9]). Потом перешел он в дом купца Алексея Хворостова, и у него также построил келию, и жил в ней несколько лет [11, с. 15]».

Позднее вокруг церкви формируется городской квартал, ограниченный улицами Береговой (Набережной-Чулымской), Казанской (Карла Маркса), пер. Базарный (Назарова).

По списку домовладельцев г. Ачинска за 1917 г. во второй части на Береговой улице находилось 29 усадеб в т.ч. наследников Ивана Иннокентьевича Хворостова. Сама церковь тоже имела адресацию по Береговой улице под номером 4. По улице Казанской располагались 4 и 5 приходские училища, а также еще 34 усадьбы [12]. Усадьбы представляли из себя деревянные дома, 1- и 2-х этажные в основном 5-ти и 7-стенные. Имелись флигели, амбары, завозни. Все из дерева [13]. Так, усадьба Ивана Иннокентьевича Хворостова в страховых ведомостях по г. Ачинску за 1913–1915 гг. числилась под номером 371: «Дом деревянный одноэт., 5 стенный, связка, крыт тесом на 2 ската». Или Алексея Алексеевича Хворостова в страховых ведомостях по г. Ачинску за 1913–1915 гг. числилась под номером 373: «Дом деревянный 2-х этажный, крыша на 4 ската (ветхий). Флигель деревян. 1этажн. кр. тесом на 2 ск. Амбар деревянный, кр. тесом. Завозня деревян. Крыша тесаная [13]».

Весной 1822 г. горожане и крестьяне собрались на сход, чтобы решить судьбу будущего храма. Как они указывают: «...весенние наводнения... расстояние до церквей слишком велико» [14, л. 45]. Результатом стал «общественный приговор», –

решительное намерение «...построить в городе Ачинске, под горой за рекой Тептяткой, новую каменную церковь». Сбор начался немедленно: на первых же порах добровольные пожертвования составили внушительную сумму в три тыс. руб. [14, л. 45].

Храм, заложенный 10 августа 1826 г. при личном участии епископа Иркутского Михаила, стал духовным и архитектурным сердцем Заречья. Как указывается в архивных документах: «Ачинские граждане избрали «в строители оной церкви известных в добропорядочном поведении и усердных к Богу ачинских мещан Алексея Данилова Хворостова и помощником к нему Семена Ермолаева Потюкова». Немного позднее был заключен контракт на строительство церкви «30 сентября 1826 г. мы, ниже подписавшиеся – купец ачинской третьей гильдии Алексей Данилович Хворостов и мастер каменных зданий, енисейский мещанин Иван Иванович Ишимцев, – заключили между собой контракт на строительство нового храма в городе Ачинске во имя Казанской Божьей Матери с двумя пределами» [14].

Главным строителем община избрала Алексея Даниловича Хворостова, мещанина, а позднее преуспевающего купца 3-й гильдии, владевшего кожевенным заводом и торговавшего пушниной, китайскими товарами и чаями. Хворостов видел в постройке не только удовлетворение религиозных нужд, но и способ архитектурно возвысить новый город. В документах он характеризуется добропорядочным в поведении и усердным к Богу [15].

Он являлся главным строителем и подрядчиком, на чьи средства и организационные усилия в основном велось строительство. Как показывают архивные документы, он заключал контракты, закупал материалы, вкладывал личные деньги и руководил процессом с момента получения разрешения в 1825 г. и до своей смерти в 1832 г. В процессе строительства на него возлагалась огромная ответственность, так как именно он регулярно предоставлял приходу и консистории отчеты о проделанной работе, привлекал к работе квалифицированных специалистов и тщательно контролировал качество используемых материалов.

Общая сумма израсходованных денежных средств по всем сборным книгам составила 10 750 руб. 25 коп. Фактически же было израсходовано 11 907 руб. 19 коп. Таким образом, Алексей Хворостов покрыл перерасход в размере 1 156 руб. 94 коп. из своих личных средств. В отчете консистория ходатайствовала о том, чтобы эта сумма была засчитана Хворостову и ему было разрешено завершить строительство.

На 8 января 1832 г. был составлен новый финансовый отчет по сборной книге. Собрано пожертвований: 2 706 руб. 29 коп. Израсходовано на церковные нужды: 3 077 руб. 82 коп. Перерасход Хворостова из личных средств составил еще 368 руб. 53 коп.

Таким образом, общая сумма личных средств, вложенных Алексеем Хворостовым в строительство, достигла 1 525 руб. 47 коп. (1 156,94 руб. + 368,53 руб.). Консистория признала, что эти деньги были потрачены «исключительно по его усердию к святой церкви».

Алексей Хворостов скончался, не успев полностью закончить строительство. Приговором Ачинского городского общества от 16 октября 1832 г. прихожане избрали новым строителем его брата – купца Стефана Хворостова для завершения работ (установки колокольни, ограды и других незаконченных элементов). 18 октября этого же года последовало предписание Иркутской консистории о получении сборной книги строителем Стефаном Хворостовым [14].

Далее эстафету церковного строительства и поддержания храма принимает церковный староста – сын купца Алексей Хворостов. Под его руководством в 1867 г. прихожанами был инициирован первый значительный ремонт храма, в ходе которого его внешний облик претерпевает изменение. Для непосредственного производства ответственных и технически сложных работ общиной церкви был приглашен подрядчик и заключил официальный, детализированный договор. Алексей Хворостов выступил во главе одной из сторон, подписывающей контракт с Маевским от имени прихода, что подчеркивает значительную роль купеческого сословия в финансировании и администрировании церковного строительства [16].

Ему же принадлежит еще одно деяние церковной благотворительности – постройка часовни Св. Пантелеймона при церкви. В то время он жил в городе Томске, но числился в ачинских купцах. Проект каменной часовни составил томский городской архитектор В.В. Хабаров.

В конце февраля 1886 г. епископ енисейский и Красноярский Исаакий получил прошение ачинского купца Алексея Алексеевича Хворостова, который уведомлял о том, что имеет «душевное желание, на свои собственные средства, устроить в память Великомученика Пантелеймона каменную часовню в ограде церкви во имя Казанской Богоматери в городе Ачинске» и просит «благословить представляемый при сем проект с копией часовни и приказать оный утвердить и постройку разрешить [1, с. 332, 333]».

Часовня стала первой постройкой в Ачинске, наиболее полно отразившей своеобразие нового кирпичного стиля, проникшего в архитектуру сибирских городов в последней четверти XIX века. Часовня стала значимым духовным центром для местных жителей, привлекая их своей красотой и величием.

Таким образом, купеческая династия Хворостовых внесла значительный вклад в архитектурное наследие региона, оставив после себя не только храм, но и другие объекты культурного значения. Их деятельность способствовала оживлению религиозной жизни населения г. Ачинска. Исследование их деятельности помогает глубже понять историю и культуру Сибири. В условиях региона, когда представители купеческого капитала были немногочисленны, такое масштабное деяние навсегда вписало фамилию Хворостовых в историю города прочнее, чем любые торговые обороты. Они строили не просто здание – они строили памятник себе и своему роду. Это наследие в камне пережило их деревянные дома и торговые лавки, обеспечив роду почетное место в летописи Ачинска даже спустя столетия.

Источники и литература

1. Градостроительство Сибири. СПб.: Коло, 2011. 784 с.
2. Лопаткин Г.С. Летопись града Ачинска. Ачинск, 2000. 543 с.
3. Резун Д.Я. Русские в Среднем Причулымье XVII–XIX вв. Новосибирск, 1984. 194 с.
4. Комлева Е.В. Приенисейские города в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: тенденции развития, численность и социальный состав населения. URL: <https://sibistorik.ru/project/kotel/006.html> (дата обращения: 09.09.2025).
5. Степанов А.П. Енисейская губерния. В 2 ч. СПб.: В тип. К. Вингебера, 1835. Ч. 1: II, 276 с.
6. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 36.
7. ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 241.

8. ГАКК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 3.
9. Майстренко В.А. Отзовись, брат Даниил! По дорогам святых. Красноярск: Енисейский благовест, 2009. 256 с.
10. Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг.: историко-публицистические очерки. Красноярск: Восточная Сибирь, 2011. 474 с.
11. Парфений. Сказание о жизни в бозе почившего старца Даниила, подвизавшегося в сибирской стране, в пределах города Ачинска. 1855 г. [Б.м.], 1858. 44 с.
12. АГА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 53. Л. 12–15.
13. ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 595. Л. 154–200.
14. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Гео, 2013. Т. 2. М–Я. 464 с.
15. ГАКК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 11.
16. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7467.

ЧЕТЫРЕХПОКОЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «УВЯДАНИЯ» КУПЕЧЕСКОГО РОДА ПО В.П. РЯБУШИНСКОМУ

Кныш Наталья Александровна, кандидат исторических наук
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия
nknisch@mail.ru

Прописана четырехпоколенческая модель «увядания» (утраты жизнеспособности) московских купеческих родов В.П. Рябушинского с ключевыми характеристиками каждого поколения. Деловой род с основателем крестьянского происхождения, достигая пика процветания к третьему поколению, начинает «увядать», теряя связи со своими народными корнями на бытовом и психологическом уровнях. И уступив идейное лидерство социалистической интеллигенции, деловая элита не сумела предложить убедительной альтернативы радикальным идеям и оказалась беззащитна перед революционным кризисом.

Ключевые слова: поколение, купечество, В.П. Рябушинский, «Судьбы русского хозяина»

A FOUR-GENERATION MODEL OF THE DECLINE OF THE MERCHANT FAMILY ACCORDING TO V.P. RYABUSHINSKY

Knysh Natalia Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia
nknisch@mail.ru

V.P. Ryabushinsky's four-generation model of the «withering» (loss of viability) of Moscow merchant dynasties is outlined, with key characteristics for each generation. A business clan, founded by a peasant, reaches its peak prosperity by the third generation, after which it begins to «wither», losing touch with its popular roots on both the everyday and psychological levels. Having ceded ideological leadership to the socialist intelligentsia, the business elite failed to offer a convincing alternative to radical ideas and proved defenseless in the face of the revolutionary crisis.

Keywords: generation, merchants, V.P. Ryabushinsky, «The Fate of the Russian Master»

В 1928 году в «Русском колоколе» была опубликована написанная в эмиграции работа Владимира Павловича Рябушинского «Судьбы русского хозяина». В ней автор описывает путь, который прошел, по его мнению, почти каждый московский большой купеческий род. И связан он с последовательной сменой четырех поколений купеческой семьи, в ходе которой происходили расцвет и утрата жизнеспособности купеческого рода. Ключевым критерием, определяющим переход от одной стадии к другой в этом процессе, является степень бытовой и духовной близости рода к народу: «В любой социальной группе верхушка является местом, где идеология класса разрабатывается и оформляется, то низы остаются хранителями преданий, духа, традиций – разрыв духовной связи с ними лишает верхи притока жизненных соков и обрекает их на увядание» [1, с. 154]. И прежде всего на увядание

предпринимательского духа, которое предшествовало физической гибели его носителей.

«Судьбы русского хозяина» представляют интерес как попытка одного из представителей деловой элиты, непосредственного участника описываемых процессов осмыслить изнутри причины произошедшего революционного кризиса. Предложенная модель систематизировала авторские наблюдения над жизненным циклом успешной деловой династии, укладывавшимся в четыре поколения. Основу модели В.П. Рябушинского составляет идея о том, что жизненная сила и деловая активность купеческого рода напрямую зависели от степени его бытовой и духовной связи с «народом», с носителем определенного культурного кода, трудовой этики и жизненного уклада.

Первое поколение (Отец. Основатель семейного дела) было представлено выходцем из «народной толщи», часто бывшим крепостным. Он и закладывал экономический фундамент будущей династии. До конца жизни основатель сохранял тот бытовой уклад, в котором вырос. Даже разбогатев, его образ жизни, хотя и становился лучше прежнего и обильнее, но по сути оставался неизменным. Такой хозяин не чувствовал себя ни духовно, ни в быту иным, чем рабочие его фабрики. Он гордился тем, «что вокруг него «кормится много народа» [1. с. 154]. И его уважали именно за то, что он создавал рабочие места и давал возможность заработать.

В.П. Рябушинский особо выделяет две характеристики отца-основателя. Это его крестьянское происхождение и религиозность: «все именитые купцы у нас из мужиков... все данные свидетельствуют о том, что родоначальники принадлежали как раз к тем деревенским семьям, которые отличались особенной ревностью к вере; немало среди них и старообрядцев» [1. с. 155].

Сама личность основателя, сочетающего деловую хватку с аскетизмом и социальной ответственностью, выступала основой морального авторитета и деловой репутации рода. Основатель до конца своих дней не расходился с той народной средой, в которой родился. Он жил ее интересами, разделял ее ценности и образ жизни.

Для В.П. Рябушинского личность основателя, вся его деятельность и роль в судьбе династии имеют созидательный характер, в отличие от последующих поколений, которые развивали или растрачивали созданное им.

Второе поколение (Сын. Масштабирование семейного дела). По наблюдению В.П. Рябушинского для успеха дела были необходимы два последовательных талантливых поколения и «Божие благословение», что мы бы назвали сегодня – благоприятной конъюнктурой.

Сын основателя еще во многом был похож на отца, но обычно превосходил отца «талантливостью, размахом и умом». Именно сын, перенимая дело, выводил фирму на всероссийский уровень. И в этом ему помогал особый склад ума и воли. Силу сына В.П. Рябушинский видит именно в практическом уме (сметка, смекалка, деловая хватка), противопоставляя его формальной образованности (книжное знание), в чутье, в интуиции, «в убийственном хладнокровии при удаче и неудаче; как будто все равно было, что наживать, что терять, а, конечно, было не все равно» [2, с. 163], в отсутствии паникерства и в упорстве. Практический ум как природная сила не мог быть передан по наследству через образование, и следующие поколения его теряют.

Воля проявлялась в выдержке и хладнокровии. Сыновья не были игроками, они были осторожными и медлительными в решениях, но неуклонными в их исполнении.

В этом они напоминали В.П. Рябушинскому «московских первых князей, особенно Ивана Калиту» [2, с. 164].

Во втором поколении начинает меняться жизненный уклад семьи, появляется роскошь, но одновременно активно развивается благотворительность (строительство церквей, школ, больниц, богаделен) и меценатство, которые рассматриваются как инструменты укрепления связи с обществом.

Сознательное отношение к делу сохраняется, но прежняя близость с народом и с «мелким хозяйчиком» утрачивается. Начинается расхождение с ними не только в образе жизни, но и, что важнее, в психологии. И этому способствуют два фактора: утверждение «духа капитализма», который, увеличивая деловую дисциплину и порядок, вытеснял патриархальность на фабриках, и приближение деловой элиты к дворянству и чиновникам, в то время как мелкие предприниматели по-прежнему подвергаются пренебрежению со стороны власти и интеллигенции.

Такое нарушение единства в хозяйственной среде постепенно привело к полному расхождению деловых верхов и низов. И этот губительный, с точки зрения В.П. Рябушинского, не только для идеи, но впоследствии и для самого существования собственности в России разрыв завершился при внуке основателя рода.

Третье поколение (Внук. Рефлексирующий. «Кающийся купец»). Внуки основателей достигали пика финансового могущества и общественного признания. Дело при этом часто отходило на второй план, уступая место общественной деятельности, коллекционированию, искусству и щедрой благотворительности. Происходило активное сближение с дворянской аристократией, усвоение ее манер, образованности и культурных ориентиров. На этом этапе на смену глубинному психологическому единству приходит формальная или патерналистская связь (благотворительность как долг, а не как органичная потребность).

Внук основателя получает университетское образование, говорит на нескольких языках, умен и талантлив, но его душа раздвоена. Старый идеал «благочестивого богача» кажется ему наивным, западная модель «неблагочестивого богача» – неприемлемой, а «гипноз интеллигентской среды» с ее гуманизмом и социализмом – обманом. И результатом нередко становилось горькое разочарование.

Если предшественники были людьми действия, то это поколение было рефлексирующим: постоянный самоанализ, мучительные размышления о своем месте и праве на богатство.

Главная черта третьего потерявшего духовные ориентиры поколения – рефлексия и душевный разлад, вызванный метанием между традицией, Западом с его прагматизмом и социализмом.

У четвертого поколения (Правнук. Западный капиталист. Индивидуалист-собственник. «Циник») уже метаний не было. Правнук родоначальника окончательно порывает с мировоззрением предка и проникается «всецело трезвым мирозерцанием западного капиталиста конца XIX века» [1, с. 156]. Он – реалист, который считал метафизические вопросы о богатстве бессмысленными. Его кредо: «Богат, и дело с концом; мое счастье». И «чего там заниматься метафизикой: почему я богат, для чего я богат?» [1, с. 156]. И рассуждал он так: «Я реалист, а не мечтатель, как бедный отец; да, чего греха таить, и покойный дед был со странностями. Штрафами, неумолимым увольнением неспособных рабочих он добился того, что наш товар стал почти беспорочным, выше всех по качеству. Это было очень разумно, совсем по-европейски, а он, чудак, часами у себя в моленной поклоны бил, каялся, плакал, у Бога прощения за свою строгость просил; деньги нищим (тем же

прогнанным пьяницам) раздавал; ясли, санатории для рабочих строил. Непонятно!» [1. с. 156].

Если первое поколение видело в богатстве ответственность перед Богом, то четвертое – только личное удовольствие «теперь нужно только наиболее рационально использовать деньги всецело и исключительно для себя» [1. с. 156]. Происходила окончательная утрата религиозно-нравственных ориентиров. Исчезало чувство вины перед бедными, а затем и сама идея служения: «Конечно, есть недовольные, бедные, социалисты, анархисты; но буржуазный слой прочен; мне самому и защищаться не нужно, на то есть полиция и войска...» [1. с. 156-158].

Индивидуалист-собственник, видящий в богатстве исключительно источник личного наслаждения, был уверен в незыблемости своего положения. Он полагался на государственные институты для защиты своего положения. На этом этапе, согласно В.П. Рябушинскому, род окончательно «увядает», теряя не только связь с народом, но и свою социально-хозяйственную миссию. Происходит и социальный разрыв между деловыми верхами и низами. Основатель жил одной культурой со своими рабочими, а правнук смотрит на них как на ресурс. Исчезает гордость за то, «что вокруг него «кормится много народа» [1. с. 154].

Сам Владимир Павлович Рябушинский (1873–1955) принадлежал к третьему поколению промышленно-финансовой династии Рябушинских. Его биография типична для представителей третьего поколения. Широкий кругозор: экономист, политик, публицист, издатель. Получив образование в Московской практической академии коммерческих наук и Гейдельбергском университете, он в соответствии с семейным разделением труда занимался банковским направлением вплоть до национализации семейных предприятий. Он из рефлексирующих. Остро переживал духовный кризис купеческого сословия, искал из него выход, в том числе и в общественной деятельности, и в написании таких текстов, как «Судьбы русского хозяина».

В этой работе В.П. Рябушинский с горечью констатирует, что в начале XX века стали появляться люди, желавшие возродить идеалы «хозяев», но «они опоздали... или пришли слишком рано; удержать лавину они, конечно, не смогли – и старый русский купец хозяйственно погиб в революции так же, как погиб в ней и старый русский барин» [1. с. 158]. Здесь прямая отсылка к брату, Павлу Павловичу Рябушинскому с приписываемой ему фразой «Купец идет!». Эта фраза стала крылатым выражением самоуважения и политического заявления делового сословия, направленного власти и «правлящему классу дворян». И прочитываться она должна так: «Мы, предприниматели – сила, и мы пришли во власть навсегда по праву своих трудовых заслуг перед Россией». Это фраза как политическое заявление, стала символом амбиций и заявки «молодых» московских капиталистов накануне революции.

Согласно концепции В.П. Рябушинского, «увядание» рода – это не чья-то злая воля, а закономерный и трагический процесс, имеющий внутренние и внешние причины. И если кто и виноват, то ключевая ответственность лежит на «верхах хозяйского класса». И главную причину В.П. Рябушинский видит в отрыве верхов от низов, когда разбогатевшая деловая элита (внуки и правнуки основателя) вместе с разрывом духовной и культурной связи с народной почвой, из которой вышли, потеряли и идейное влияние над «народной стихией». Этот разрыв с низами, с его внутренними причинами в основе, усугубили и внешние факторы: развитие

капитализма, враждебная к деловой элите интеллигенция, социалистические идеи и сближение крупных хозяев с дворянством и чиновниками.

Деловая элита, постепенно интегрируясь в круг дворянства и чиновничества, перенимала их ценности и отдалялась от своей сословной среды. Если основатель был непоколебим в своей вере и деле, то внук начинает разрываться между традицией, западным прагматизмом и социалистическими идеями, а правнук, обсмеивая религиозность деда и отрицая метания отца, сводит смысл богатства к эгоистическому потреблению. Уступив роль идейного лидерства среди низов социалистической интеллигенции, деловая элита неспособна была в критический момент предложить обществу убедительную альтернативу радикальным идеям. Разбогатевшая элита забыла о своей идейной и идеологической миссии. И оторвавшаяся от своей духовной и социальной почвы деловая элита, констатирует Владимир Павлович Рябушинский, обречена на вырождение.

Источники и литература

1. Рябушинский В.П. Судьбы русского хозяина // Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.: Мосты культуры, 2010. С. 149–160.
2. Рябушинский В.П. Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.: Мосты культуры, 2010. С. 161–194.

МАРИНА ВАРЛАМОВНА ВАКУТИНА – ИЗ ДИНАСТИИ РЕЧНИКОВ ВАКУТИНЫХ

Кухта Светлана Васильевна, заместитель директора
КГКУ «Государственный архив Красноярского края», Красноярск, Россия
svetla-90@mail.ru

В статье на основе документов Государственного архива Красноярского края восстановлена биография Марины Варламовны Вакутиной – участницы революционного движения в Енисейской губернии, профсоюзного и партийного работника 1920-1940-х гг., матери известных енисейских речников Александра и Игоря Вакутиных.

Ключевые слова: женское движение, революция, гражданская война, КПСС, биография, речники, водный транспорт, династия, историческая антропология, гендерная история.

MARINA VARLAMOVNA VAKUTINA – IS A REPRESENTATIVE OF THE VAKUTIN DYNASTY OF RIVER-TRANSPORT WORKERS

Kukhta Svetlana Vasilievna, Associate Director
Krasnoyarsk regional state archive, Krasnoyarsk, Russia
svetla-90@mail.ru

The article is based on the archival documents of the Krasnoyarsk regional state archive and describes the biography of Marina Varlamovna Vakutina, a participant in the revolutionary movement in the Yenisei Province, a trade union and party worker in the 1920s and 1940s, and the mother of the famous Yenisei riverworkers Alexander and Igor Vakutin.

Keywords: women's movement, revolution, civil war, CPSU, biography, memoirs, river workers, water transport, dynasty, historical anthropology, gender history

В Государственном архиве Красноярского края хранится большое количество личных дел членов ВКП(б)-КПСС, включающих автобиографии, анкеты, характеристики и другие официальные биографические документы. Эти материалы позволяют достоверно восстановить этапы жизни многих советско-партийных работников различных уровней, проследить их родственные связи и преемственность поколений, оценить вклад в развитие региона и масштаб деятельности. Среди таких документов – личные дела Марины Варламовны Вакутиной – профсоюзного и партийного работника 1920–1940-х гг., матери известных енисейских речников Александра Яковлевича и Игоря Яковлевича Вакутиных.

Марина Варламовна Чашина родилась 15 июля (ст.ст.) 1891 г. в д. Челноковой (Чашинной) Казачинской волости Енисейского округа Енисейской губернии в семье крестьянина-отходника [19, л. 260–261об.]. Варлам Чашин умер в 1905 г. «от ушиба на чужой работе», оставив без средств к существованию семь детей, старшей из которых была 13-летняя Марина. Двух младших сестер мать сразу отдала «в няньки», Марина же трудилась батрачкой и поденщицей в родной деревне, отдавая весь свой заработок на поддержание семьи. В 16 лет, не имея одежды и обуви, уехала из дома в

г. Красноярск. Работу в городе не нашла, но смогла устроиться прислугой к священнику Вологодскому в с. Торгашино. Спать ей удавалось по 3–4 часа в сутки, однако оплата была довольно высокой – 6 руб. в месяц [5;7].

В 1910 г. (официально брак был заключен в 1913 г.) Марина вышла замуж за Якова Васильевича Вакутина (1891–1937) – речника, механика туера «Св. Иннокентий». Муж постоянно находился в плавании, Марина стала портнихой-кустарем, брала заказы на дом, время от времени держала «нахлебников» – водников. В конце 1914–1915 гг. в город стали прибывать в большом количестве военнопленные в летнем обмундировании, для которых Вакутина шила одежду, спасая от неминуемой гибели в 40-градусные морозы [10, л. 1–7].

В годы Гражданской войны, перешивая шинели в тренчи и гимнастерки для военнопленных венгров, она втянулась в политическую работу, начав агитацию в пользу красных партизан. 19 февраля 1919 г. была арестована за «агитацию по разложению колчаковской армии», содержалась в тюрьме в одиночной камере, где подвергалась избиениям. Дома без денег и продуктов остались трое малолетних детей. Стараниями мужа 25 марта 1919 г. под залог в 20 тыс. руб. (под обеспечение двух домов одного знакомого водника) и ручательство священника Вологодского ее отпустили под политический надзор без права выезда из Красноярска. Проверяли ее в любое время суток, в ходе одной из таких проверок ложно сообщили, что судно, на котором работал муж, потоплено. В результате Марина Варламовна преждевременно родила ребенка и в бессознательном состоянии была доставлена в больницу. В фонде «Енисейское губернское управление» сохранилось дело о душевнобольной М. Вакутиной, находившейся летом 1919 г. в психиатрическом отделении губернской земской больницы [2].

С установлением советской власти в Красноярске в январе 1920 г. М.В. Вакутина столкнулась с новыми испытаниями: «Трудно пришлось мне, нужно было ухаживать за больными [тифом], а также нужно было и детей обеспечить, продукты для них и для себя достать, отопить квартиру, а дрова приходилось возить с острова, а муж мой тоже заболел тифом, работать из-за отсутствия времени я не могла, да и с заказами никто не приходил» [10, л. 12].

Весной 1920 г. М.В. Вакутина возглавила актив по борьбе с дезертирством водников, просила их оставаться на своих местах и не бросать речной транспорт ради поиска пропитания в деревне. Кроме того, она включилась в работу с беспризорниками, организовала детский дом для детей погибших родителей-бывших водников, уговаривала бездетных женщин взять на воспитание сирот. В 1922 г. в условиях нехватки денег и продуктов с четырьмя детьми переехал в затон, где получила ведомственную квартиру. Там она еще более активно включилась в общественную жизнь – ходила на рабочие собрания, в клуб, стала женорганизатором, избиралась депутатом в Красноярский городской Совет, делегатом на 4-й и 5-й губернские съезды Советов. С 1922 по 1929 гг. – депутат горсовета, председатель социально-бытовой секции, организатор общества кустарей и ремесленников города, член правления этого общества и т.д. С июня 1924 г. – заместитель заведующего женотделом 1-го горрайкома г. Красноярска, с ноября 1924 г. по май 1927 гг. – председатель месткома профсоюза народного питания в Красноярске. В 1927–1931 гг. – председатель окружкома и горкома профсоюза нарпит Красноярска [3, л. 1,2об; 4, л. 243; 10, л. 13–14].

С 1925 г. Марина Вакутина – член партии. Тогда же она задумалась о получении образования – училась в вечерней одногодичной совпартшколе, в

вечерних школах выдвиженцев и профдвижения, на курсах марксистов. С трудом совмещала учебу, работу и детей, но «все пережитое дало возможность лучше работать и разбираться в ряде вопросов» [10, л. 17об.].

В 1931–1933 гг. М.В. Вакутина – заведующая отделом питания кооператива водников. «[...] работать мне было тяжело, пусть было много энергии, но я никогда не ныла, недостатков и ошибок в процессе работы было много [...]», – так писала она об этом периоде [6, л. 1об.]. 20 января 1935 г. Марина Варламовна была утверждена в должности уполномоченной ЦК профсоюза работников потребкооперации Сибири и Урала по Красноярскому краю, проводила проверки по организации соцсоревнований и стахановского движения, подготовке торговых помещений к зиме и пр.

Затем некоторое время была инспектором краевого жилищного отдела, на посту которого обследовала жилищные условия и состояние городского жилфонда [14, л. 1–3]. С 1938 г. по 1943 г. работала в краевом отделе социального обеспечения заведующей сектором касс общественной взаимопомощи колхозников. На кассы была возложена задача «по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, укреплению трудовой дисциплины и повышению производительности труда в колхозах путем улучшения бытовых условий колхозников и колхозов». Кассы помогали содержать сирот, инвалидов, престарелых колхозников [15, л. 36; 18, л. 73].

В период Великой Отечественной войны ей пришлось выезжать в большинство районов края в колхозы и совхозы для разбора жалоб, а также в качестве уполномоченного на уборочных и посевных. В День Победы находилась на посевной компании в Назаровском районе. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [13].

Как во время работы, так и будучи на пенсии, часто писала в газеты края о колхозных кассах взаимопомощи, содержании детей-сирот, престарелых и инвалидов, лесных пожарах и других проблемах.

С мужем Марина Варламовна развелась еще в 1931 г., после чего никакой связи ни она, ни дети с ним не имели и никакой помощи не получали [11, л. 1–10]. Сын Вакутиных Александр Яковлевич (1913–1977) после окончания 8 классов поступил в Красноярское речное училище, на флоте с 1931 г. За участие в боях Великой Отечественной войны награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды. После войны участвовал в массовом перегоне судов в Енисейский бассейн по Северному морскому пути из других речных систем страны, занимая ответственный пост главного механика Арктической экспедиции. За это стал лауреатом Сталинской премии за «выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы» за 1949 г. Затем работал механиком-наставником и заместителем директора судоремонтного завода [9, л. 197–203об.; 20; 22].

Его старший брат Игорь Вакутин (1911–1994) родился на пароходе «Св.Иннокентий», с 1928 г. на флоте – моторист, помощник механика, механик. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны I степени. После войны судьба занесла его в Дунайское пароходство, откуда по ходатайству начальника Енисейского речного пароходства И.М. Назарова он вернулся в Красноярск. 26 лет Игорь Яковлевич проработал в должности механика-наставника пароходства и подготовил не один десяток профессиональных механиков. Его сын Виктор пошел по стопам отца, окончил Красноярское командное речное училище и Новосибирский институт инженеров водного транспорта, работал электромехаником в Енисейском речном пароходстве. Получил звание «Лучший электромеханик Министерства речного флота РСФСР» [1; 9, л. 187–193; 20; 21].

Дочь Вакутиных Вера Яковлевна (род. в 1920 г. в Красноярске) стала врачом, участвовала в ВОВ в звании ст. лейтенанта, награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Еще одна дочь, выйдя замуж за летчика, переехала в Среднюю Азию [7, л. 4–4об.; 23].

В 1968 г. «за продолжительную работу в профсоюзных и советских органах» Марине Варламовне установили персональную пенсию местного значения в размере 60 руб. в месяц. В 1975 г. пенсия была увеличена до 80 руб. К сожалению, по документам архива год смерти М.В. Вакутиной установить пока не удалось [16, л. 271, 278; 17, л. 143].

Жизненный путь Марины Варламовны Вакутиной во многом типичен для женщин – участниц революционного движения, молодость и взросление которых пришлось на непростой период начала XX в. Вступление в коммунистическую партию давало им социальный статус и открывало возможности для профессиональной самореализации. Несмотря на недостаток образования, они обладали исключительной трудоспособностью, инициативностью и желанием приносить пользу обществу и государству и воспитывали эти же качества в своих детях – будущих участниках индустриализации, Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления хозяйства.

В очередной раз хочется обратить внимание на то, что документы по личному составу и личного происхождения, отложившиеся в фондах бывшего партийного архива Красноярского краевого комитета КПСС, обладают большим потенциалом для изучения судьбы и роли «маленького человека», бывшего звеном большой партийно-советской системы и вносившего посильный вклад в развитие Красноярского края и всей страны.

Источники и литература

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 1687.
2. ГАКК. Ф. 595. Оп. 71. Д. 606.
3. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 617.
4. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 752.
5. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 516.
6. ГАКК. Ф. П-13. Оп. 2. Д. 42.
7. ГАКК. Ф. П-17. Оп. 2. Д. 352.
8. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 25.
9. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 11к. Д. 1219, 1220.
10. ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 50.
11. ГАКК. Ф. П-42. Оп. 10. Д. 451.
12. ГАКК. Ф. П-42. Оп. 10. Д. 654.
13. ГАКК. Ф. П-170. Оп. 14. Д. 89.
14. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 453.
15. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 819.
16. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 4041.
17. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 5014.
18. ГАКК. Ф. Р-1498. Оп. 2. Д. 396.
19. ГАКК. Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 346.
20. Рубцова Н. Фронтовики из династии Вакутиных / Речник Енисея. 2025. № 4 (6431) (21 февр.).
21. Игорь Яковлевич Вакутин // Память народа: интернет-портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero10174920> (дата обращения: 14.05.2025).
22. Александр Яковлевич Вакутин // Память народа: интернет-портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero1509566> (дата обращения: 14.05.2025).
23. Вера Яковлевна Вакутина // Память народа: интернет-портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93059912> (дата обращения: 14.05.2025).

КУПЕЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ КЫТМАНОВЫХ: БИОГРАФИИ И ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА

Селиванов Леонид Сергеевич, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

lselivanov1942@gmail.com

В статье рассматривается деятельность поколений крупного сибирского купеческого рода Кытмановых, внесшего значительный вклад в экономическое и культурное развитие северных территорий Енисейской губернии. Представители этой династии проявили себя в предпринимательстве, общественной жизни, занимали видные должности в органах местного самоуправления, активно участвуя в благотворительной и просветительской деятельности. В исследовании автор опирается на архивные документы, делает вывод о значении преобразований сделанных для Енисейского Севера поколениями купеческой династии.

Ключевые слова: Енисейский округ, купеческая династия Кытмановых, золотодобыча, Енисейское пароходство, культурные преобразования.

THE KYTMANOV DYNASTY OF MERCHANTS: BIOGRAPHIES AND CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE YENISEY NORTH

Selivanov Leonid Sergeyevich, Postgraduate Student

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

lselivanov1942@gmail.com

The article examines the activities of the generations of the Kytmanovs, a prominent Siberian merchant family, who made significant contributions to the economic and cultural development of the northern territories of the Yenisei Governorate. The members of this dynasty excelled in entrepreneurship, public life, held prominent positions in local government, and actively participated in charitable and educational activities. The author relies on archival documents and draws conclusions about the significance of the transformations made for the Yenisei North by the generations of the merchant dynasty.

Keywords: Yenisei District, Kytmanov Merchant Dynasty, gold mining, Yenisei Shipping Company, cultural transformations

История Енисейской Сибири всегда привлекает внимание, благодаря разнообразию тем, которые освещают исследователи. Ученые изучают археологические памятники, этнокультурную историю, процессы взаимодействия культур и другие аспекты, это и прошлое народов региона, и возможности интеграции разных направлений. Изучения купеческих родов определяется, прежде всего, тем, что социальный статус купца в регионе был значительно выше, чем в европейской части России, при практическом отсутствии дворянства, купечество являлось финансовой элитой сибирского общества, а семейные ценности, умения и знания ведения торговли, хозяйства передавались из поколения в поколение. Изучение биографий енисейских купцов дает возможность исследовать все сферы жизни северных территорий во всем многообразии.

Северные территории Енисейской губернии были представлены Енисейским округом и Туруханским краем, эти районы занимают самую обширную часть губернии, в связи с суровыми климатическими условиями и лесистостью территорий севера являлись самыми малочисленными. Крупным населенным пунктом считался уездный Енисейск. Город носил статус торгового и транспортного узла северных территорий Енисейской губернии. Развитие экономической модели Енисейского Севера напрямую зависело от хозяйственно-экономической деятельности купеческих династий. Это выражалось в функционировании торговых точек (лавок и магазинов), предприятий, организации судоходства, банковского дела, работе образовательных и культурных учреждений.

Енисейское купечество формировалось и развивалось под влиянием тех же реалий, что и сибирское купечество в целом. Социальное положение позволяло купцам получать почетные звания, занимать высокие должности, что способствовало их социальной мобильности. Многие енисейские купцы-предприниматели вели свой род из крестьян, считали своей обязанностью передать детям умения вести семейное дело. Наследование предприятия близкими людьми, их добросовестное отношение к семейному бизнесу считалось обязанностью следующего поколения, достойной гордости, а также накладывало моральную ответственность на потомков [12, с. 84]. В обществе уважали тех купцов, которые смогли создать коммерческое предприятие, используя имеющиеся ресурсы сибирского региона, применяя расчет, организаторский талант ведения хозяйства и другие качества, впоследствии, такие купцы смогли передать начатое наследникам, продолжателям семейного дела.

Енисейские купцы приобрели свои капиталы за счет золотопромышленности. Организация золотодобычи требовала определенного начального капитала, специальных знаний, способности налаживать работу и снабжение в хозяйствах, зачастую располагавшихся в труднодоступных местах. Благодаря развитию золотодобычи в Енисейском округе появляется необходимость в развитии транспортных коммуникациях, торговли, строительстве перевалочных баз (складов), дорог, увеличению жилищного фонда, трактиров и гостиниц. Именно строительству первых застроек и городской инфраструктуры Сибири способствовали купцы золотопромышленники.

Бурное развитие золотопромышленности в 40-е гг. XIX в. привлекло в Енисейский округ немало людей, энергичных, полных надежд обустроиться и начать свое дело. Таким предприимчивым человеком оказался основатель династии енисейских купцов Кытмановых – крестьянин Назимовской волости Енисейского округа Петр Михайлович Кытманов [4, с. 184]. Значительные средства он нажил на поставке приискам продовольствия и скупке пушнины в низовьях Енисея. Его сын Игнатий Петрович Кытманов продолжил накопления капитала и уже к 1870-м гг. имел золотые прииски в Северо-Енисейском горном округе основал фирму «Кытманов И.П. и Ко». Согласно посемейному списку 1874 г., который содержит сведения о составе семьи, был купцом 1-й гильдии, коммерции советником, получил потомственное почетное гражданство [8, л. 16–17]. В 1889 г. Игнатий Петрович разрабатывал в Северо-Енисейском горном округе 23 прииска, из них 17 собственных и шесть арендованных. В сезон 1890 г. с 20 приисков он получил 22 пуда 18 фунтов золота [4, с. 184]. По размерам золотодобычи предприятие Кытманова занимало второе место в Енисейской губернии. Большое внимание уделял обустройству приисков, вкладывал деньги в строительство дорог, мостов, больниц для рабочего люда. Можно отметить, что родной брат Игнатия Петровича Александр Петрович,

активно вел развертку полезных ископаемых в Туруханском крае. В газете «Биржа» от 1873 г. № 36 сообщалось: «Александр Петрович заявил за собой два прииска в 130–150 верстах от реки Дудинки: Дудинский для разработки медной руды и Александровский для разработки каменного угля [3]. Разработка полезных ископаемых расширяла возможности использования ресурсной базы Енисейского севера, и способствовала развитию потенциала региона. Большая заслуга в это была именно купцов, которые вкладывали деньги в экспедиции и развертку.

Еще одной сферой приложения капиталов Кытмановых был речной транспорт. Игнатий Петрович Кытманов с 1861 г. состоял в первой частной пароходной компании на Енисее. Кытмановым принадлежали пароходы «Енисей», «Опыт» и «Феникс». Суда использовали для перевозки грузов от Енисейска до Гольчихи (самая северная база Енисейского пароходства). Вывозили рыбу, пушнину, природные ископаемые, товары иностранного производства, которые сгружали в Гольчихе иностранные суда, идущие по Североморскому пути. Закупка рыбы в низовьях реки и ее перепродажа в Енисейске, а также торговля в низовьях Енисея товарами первой необходимости составляли важную часть предпринимательства семьи Кытмановых, в населенных пунктах по движению транспорта, открывались магазины, оптовые склады, строились перевалочные базы. Организация судоходства в низовья реки Енисея способствовала развитию торговли и транспортных коммуникаций по всему Енисейскому Северу [17, с. 165].

Игнатий Петрович Кытманов большое значение придавал образованию. В 1868 г. на его средства было открыто местное училище в селе Анцыферовском, Енисейского округа. Он выделил 50 000 руб. на строительство мужской гимназии, организовал детский приют в г. Енисейске [1, л. 1]. При открытии приюта городской голова И.М. Ячменев приветствовал всех благотворителей и особенно директора общественного банка И.П. Кытманова за предоставление каменного дома для приюта, стоившего ему 8000 рублей. «Игнатий Кытманов купил каменный дом на Набережной улице за 5000 руб., нанял за 3000 руб. подрядчика исправить его и в нем предложил обществу поместить Александровский приют» [13, с. 462]. Вклад И.П. Кытманова в строительство образовательных учреждений отражался на уровне реализации политики народного образования и возможности его получения в северных районах Енисейской губернии. Гимназия, построенная на деньги Кытманова, была самой северной в Енисейской губернии. Появления образовательного учреждения такого уровня делало уездный Енисейск привлекательным для обучения купеческих детей и перспектив развития культурных преобразований.

Игнатий Петрович был женат, имел шесть детей, воспитал в них любовь к общественному делу, дал им хорошее образование.

Наследники Игнатия Петровича Кытманова, сыновья Александр, Петр и Николай, продолжали дело отца и преуспели в разных начинаниях хозяйственно-экономической, просветительской и благотворительной деятельности.

Александр Игнатьевич Кытманов, активно участвовал в системе местного самоуправления. По выбору городской думы состоял членом Енисейской городской управы, замещающим должность городского головы г. Енисейска с 1885 по 1887 г., дважды избирался гласным Енисейской городской думы, с 1897 г. был назначен почетным мировым судьей Красноярского окружного суда [6, л. 16]. Меценат, жертвовал на народное образование. В Енисейске был попечителем общества начального образования, уездного училища, мужской и женской гимназии, членом

правления банка [6, л. 17]. На правах попечителя организовывал лекции для обучающихся и общественности города [8, л. 4].

А.И. Кытманов окончил Императорский Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата естественных наук, предметом изучения стала ботаника, которой он занимался всю свою жизнь [4, с. 185]. Насколько это было возможно в небольшом городе, отдаленном от крупных сибирских городов и от российских центров, занимался научной деятельностью. На основе поездок по Северным территориям Енисейской губернии и изучению флоры и деятельности коренных народов, издает свои труды: «О рыболовстве по р. Енисею от Енисейска до Гольчихи», «О лекарственных медицинских травах Енисейского округа», «Материалы для флоры сосудистых растений Енисейского округа Енисейской губернии». Им было открыто более 130 видов растений округа [14, с. 6]. Данная деятельность способствовала популяризации научных исследований и придавала большое значение для привлечения внимания к возможностям Сибири и использованию ее ресурсов для России в целом.

Наиболее известная работа Александра Игнатьевича «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии (1594–1893)», в ней отражены важнейшие культурно-экономические события, происходившие на территории города Енисейска и Восточной Сибири с 1594 по 1893 год. Большим достижением Александра Игнатьевича было создание Енисейского Общественного музея в 1883 г. Вернувшись в Енисейск после обучения, он сразу занялся работой по сбору предметов, имеющих историческое значение для края, которые послужили базой для открытия местного музея. Под руководством А.И. Кытманова музей становится публичным местом, где можно было сочетать научную и просветительскую деятельность [16, с. 655]. В музее были выставлены коллекции минералов, предметов быта коренных народов севера, личные естественно – исторические коллекции А.И. Кытманова, общественная библиотека [11]. Более 20 лет, являясь заведующим Енисейским музеем, Александр Игнатьевич проводил огромную работу по сбору экспонатов, уникальных этнографических предметов. За свою деятельность был неоднократно награжден: Золотой медалью с подписью «За усердие» на Аннинской ленте (1894); Бронзовой медалью (для ношения на груди на ленте из государственных цветов) за труды по первой переписи населения (1897); Орденом Святой Анны III степени (1901); Орденом Святого Святослава за внимание к усердной и полезной деятельности (1905) [5, л. 2].

После смерти А.И. Кытманова продолжили его начинания жена и дети. Анастасия Алексеевна Кытманова, жена А.И. Кытманова, в начале XX в. имела 1 пай в Северно Енисейской золотопромышленной компании. Будучи вдовой, Анастасия Алексеевна стала начальницей Енисейской женской гимназии, состояла несколько лет во главе Общества попечения о начальном образовании Енисейска, занималась благотворительностью в пользу бедных [15].

Сыновья Александра Игнатьевича и Анастасии Алексеевны продолжали семейные традиции, получили прекрасное образование, были активными общественниками, неравнодушными жителями города Енисейска, не смотря на смену политического режима, вследствие чего статус «сына купца» имел негативный оттенок, третье поколение династии с честью выдержала все испытания и проложила работать на благо развития региона. Николай Александрович – преподавал в школе естествознание, в 1920-х работал научным сотрудником, а затем до самой смерти в 1931 г. – директором Енисейского краеведческого музея.

Владимир Александрович Кытманов окончил юридический факультет Императорского Томского университета. Владимир, как когда-то его отец, вернулся в родной город и активно включился в экономическую и общественную деятельность. Известно, что в 1913 г. Владимир Александрович стал концессионером строительства городской электростанции. Он владел магазином, книжным складом, совместно с братьями – типографией [2, с. 219]. Электростанцию и типографию предприниматель передал городу. На 1915 г. являлся помощником присяжного поверенного (адвоката), в 1917 г. получил разрешение на ведение чужих дел в округе Красноярского окружного суда. Кроме того, будучи наследником известной купеческой династии, комплексно занимался предпринимательством. Состоял агентом Петроградского телеграфного агентства по Енисейскому уезду. В 1918 г. Владимир Александрович, работал директором «Акционерного общества пароходства по реке Енисею». Занимался общественной деятельностью: состоял гласным Енисейской городской думы, представителем в Енисейской уездной продовольственной управе от Енисейского сельскохозяйственного общества, председателем строительной комиссии городского театра [9, л. 152]. Имел благодарственный лист от Академии наук за предоставление сведений о мамонте, найденном по реке Гольчихе в Туруханском крае [2, с. 220].

Дмитрий Александрович, обучался на медицинском факультете Императорского Томского университета. Будучи переведенным на 5-й курс, в 1918 г. получил увольнение для работы фельдшером на пароходе «Сокол» Акционерного общества пароходства по реке Енисей, из-за болезни был уволен [10, л. 1]. В советское время Дмитрий Александрович продолжил заниматься медицинской деятельностью. В 1925 г. руководил врачебной экспедицией по обследованию туземного населения прилегающей территории к рекам Сым и Подкаменная Тунгуска [18].

Таким образом, на примере изучения деятельности династии Кытмановых можно сделать вывод: купеческие династии сыграли важную историческую роль в социально-экономическом развитии северных территорий Енисейской губернии. В условиях сурового климата и отдаленности от центральных регионов страны именно купечество обеспечивало хозяйственную жизнь региона, способствуя развитию торговли, промыслов и промышленности. Благодаря финансовой устойчивости и дальновидности купцов, создавались торговые дома, мануфактуры, лесопильные заводы, золотодобывающие предприятия. Представители купеческих семей активно участвовали в освоении природных богатств в Енисейской Сибири, финансировали строительство дорог, мостов, каналов, способствовали развитию инфраструктуры. Важную роль играли купцы и в культурной жизни: открывали школы, больницы, библиотеки, театры, оказывали поддержку беднейшим слоям населения, а также поддерживали талантливую молодежь, оплачивая их обучение. Поколения династии Кытмановых, как и многих енисейских купеческих династий стали движущей силой экономического роста и культурного развития северных районов Енисейской губернии, формируя устойчивые связи между центром и окраинами Российской Империи.

Источники и литература

1. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.
2. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска) / А.В. Аксенова, Н.В. Гониная, А.П. Дворецкая, А.А. Терскова. Красноярск, 2019. 537 с.
3. Биржа. 1873. № 36.
4. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 2012. 316 с.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5085. Л. 2. Список почетных жителей г. Енисейска, представленных к награде, среди которых значится почетный гражданин Александр Кытманов. 1894 г.
6. ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3483. Л. 16–17. Формулярный список о службе почетного мирового судьи округа Красноярского окружного суда, коллежского асессора Александра Кытманова. 1905 г.
7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5085. Л. 16–17. Посемейный список коммерции советника и енисейского I гильдии купца Игнатия Петровича Кытманова. 1874 г.
8. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6656. Л. 4. Разрешение А.И. Кытманову прочесть лекцию о жизни растений. 1888 г.
9. ГАКК. Ф. 897. Оп. 1. Д. 1. Л. 152.
10. ГАКК. Ф. р-1178. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–6.
11. Енисейский общественный местный музей. Отчет о деятельности музея с 1 октября 1883 года по 1 октября 1908 года и краткий перечень коллекции музея. Красноярск: Типогр. М.И. Абалакова, 1909. С. 6.
12. Климова О.Г. Историография истории купеческих родов Сибири второй половины XIX – начала XX века // Гуманитарный вектор. Чита, 2020. Т. 15, № 3. С. 82–88.
13. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год. Красноярск, СФУ. 2016. 660 с.
14. Кытманов А.И. Материалы для флоры сосудистых растений Енисейского округа Енисейской губернии. Томск, 1894. 68 с.
15. Отчет Общества пособия бедным г. Енисейска с 1-го декабря 1902 г. по 1-е января 1904 г. Енисейск. С. 449.
16. Селиванов Л.С. Вклад А. И. Кытманова в становление Енисейского общественного музея как пространства изучения и распространения краеведческих знаний // III Степановские чтения. Формирование и развитие научного знания в России и мире: история и современность: мат-лы III Междунар. науч. конф., приуроченной к 300-летию основания Российской академии наук. Красноярск, 2024. С. 652–660.
17. Селиванов Л.С. Влияние енисейского пароходства на развитие северных территорий Енисейской губернии во второй половине XIX века // Инновационные тенденции развития российской науки. Красноярск, 2025. Ч. 3. С. 161–166.
18. Фактория Сым. URL: <http://naenisee.ru/region/eniseyskiy/area/543> (дата обращения: 10.10.2025).

КУПЕЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ КОКОВИНЫХ И МОНГОЛИЯ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

Ширапов Алдар Амаголонович, кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
agmaren@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию истории семьи кяхтинских купцов Коковихых, внесших значительный вклад в развитие торгово-экономических связей между Российской империей и Монголией в XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: Российская империя, Монголия, торговля, купечество, династия

THE KOKOVIN MERCHANT DYNASTY AND MONGOLIA (19TH – EARLY 20th CENTURIES)

Shirapov Aldar Amagolonovich, Candidate of Historical Sciences
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia
agmaren@mail.ru

This article is devoted to the study of the history of the Kyakhta merchant family Kokovin, who made a significant contribution to the development of trade and economic relations between the Russian Empire and Mongolia in the 19th – early 20th centuries.

Keywords: Russian Empire, Mongolia, trade, merchants, dynasty

Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации» № 125091010220-3.

На протяжении многих столетий представители купечества играли важную роль в истории Российского государства. Отечественная история знает немало примеров выдающихся купеческих династий – Абрикосовы, Бахрушины, Мамонтовы, Перловы, Рябушинские, Третьяковы и многие другие. Во многом их усилиями, в области торговли и промышленности, было создано общероссийское экономическое пространство. Купцы прокладывали торговые маршруты, открывали учебные заведения, основывали населенные пункты, строили промышленные предприятия, создавали банки и т.д. К числу важнейших слагаемых успеха российского купечества, несомненно, можно отнести преемственность поколений в семейном бизнесе. Одним из убедительных примеров тому служит история кяхтинских предпринимателей Коковихых, внесших немалый вклад в развитие торговых связей России с Монголией.

Купеческая семья Коковихых являлась коренными уроженцами знаменитой Кяхтинской слободы, расположенной на границе с Монголией. Ввиду заключенных в начале XVIII в. соглашений с Цинской империей приграничная Кяхта заняла место главного центра российской-китайской торговли. Всемирную известность Кяхта получила в первой половине XIX в., благодаря экспорту китайского чая в Россию и европейские страны. Так, если в 1802 г. через Кяхту было ввезено 21,5 тыс. пудов байхового чая, то спустя 11 лет, в 1813 г., эта цифра равнялась 67,5 тыс. пудов [1, с. 30]. На пике своего развития, в 1850-х гг., торговый оборот Кяхты составлял более

30 млн руб. в год. На территории слободы были официально зарегистрированы 58 российских фирм [2, с. 50]. При этом, не смотря на географическую близость, местные купцы практически не вели торговли с Монголией. Причиной тому служили законодательные запреты, введенные правительством Цинской империи. Пекинские власти опасались, что в результате развития торговых операций с Россией Монголия выпадет из сферы влияния Китая. Дозволялся лишь ограниченный товарообмен в приграничной полосе между местными жителями. Российские подданные продавали монголам металлические изделия, хлеб, сукно, кожи [3, с. 90]. Коренным образом ситуация изменилась во второй половине XIX в., в результате вступления Цинской империи в период тяжелого политического и экономического кризиса, вызванного поражением в Опиумных войнах. Российские дипломаты смогли успешно воспользоваться проблемами Китая и заключили ряд выгодных соглашений в области взаимной торговли и демаркации границ. Так, согласно положениям Пекинского договора 1860 г. русские купцы получили право вести торговые операции на территории Монголии [4, с. 163]. Российские предприниматели смогли достаточно быстро оценить все выгоды, которые обещало открытие монгольского внутреннего рынка. Богатая природными ресурсами Монголия обещала стать ценным источником сырья для русской промышленности, а также выгодным рынком сбыта отечественных фабричных изделий. В результате товарооборот между двумя странами вырос с 218 тыс. руб. в 1861 г. до 1 млн 640 тыс. руб. в 1885 г. [5, с. 78] Одним из наиболее успешных игроков на монгольском рынке была кяхтинская фирма – Торговый дом «Коковин и Басов».

Основателем династии Коковых является кяхтинский купец 3-й гильдии А.А. Коковин занимавшейся торговлей с китайскими предпринимателями. В 1848 г. занимал пост заседателя в кяхтинской ратуше. После своей смерти, в 1850 г., им был оставлен в наследство капитал в размере 4,7 тыс. руб. Семейный бизнес продолжил его единственный сын – М.А., при котором Коковины стали одной из наиболее состоятельных фамилий в Кяхте [6, с. 25]. На наш взгляд причина данного успеха заключается в продуманной бизнес-стратегии М.А. Коковина, одного из первых российских предпринимателей, оценивших экономический потенциал монгольского рынка. Так, в 1860 г., им совместно с кяхтинским купцом 1-й гильдии И.А. Басовым была открыта первая в столице Монголии – Урге, русская торговая лавка [7, с. 80]. По свидетельству современников, офис торгового дома «Коковин и Басов» в Урге отмечался как – «лучшее и единственное двухэтажное здание в торговой части Хуреня (прим.авт.: главная торговая площадь) [8, с. 99]. Основной капитал компании достигал внушительной суммы в 500 тыс. руб. Помимо торговли китайским чаем, торговый дом «Коковин и Басов», на территории Монголии активно занимался скупкой местных товаров – скота, мехов, шерсти, кожи [6, с. 26]. Полученное сырье частично поставлялось на российские фабрики, частично перерабатывалось на месте на принадлежащих фирме заводах. Так, к концу XIX в., компания располагала на территории Монголии четырьмя мойками шерсти, двумя кожевенными и одним овчинно-шубным заводами и одной салотопной фабрикой [7, с. 80]. Благодаря удачным торговым операциям в Монголии М.А. Коковин уже к концу 1870-х гг. считался одним из наиболее уважаемых кяхтинских купцов. Свидетельством тому служат данные, согласно которым он входил в крайне ограниченный круг лиц, для которых был открыт постоянный кредит в местной городской управе [9, л. 22]. В начале XX в. М.А. Коковин принял решение о дополнительном расширении своего дела, сосредоточив усилия на развитии индустрии коммерческой транспортировки грузов. В 1905 г. им была основана компания «Товарищество Байкальского пароходства и торговли». К 1911 г. в его собственности находились 14 пароходов и 20 барж, а также объекты воднотранспортной инфраструктуры в Верхнеудинске, Иркутске, Троицкосавске-Кяхте [6, с. 26]. Одним из приоритетных направлений в деятельности фирмы стала проект по организации водного

торгового маршрута из России в Монголию, осуществить который в полной мере помешали события Синьхайской революции 1911 г. и Первой мировой войны [10, с. 171].

К началу 1907 г. М.А. Коковин, находясь уже в преклонном возрасте, в интересах сохранения и приумножения семейного бизнеса передал часть полномочий своим детям. 31 декабря 1907 г. он продал свою фирму Г.А., М.М., А.М. и Ф.М. Коковыминым. Во главе новой компании, сохранившей старое наименование – торговый дом «Коковин и Басов», в должности «товарищ учредителя» встала его – Г.А. Коковина. Главными направлениями деятельности фирмы провозглашались: «покупка и продажа товаров всякого рода как за свой счет, так и в комиссионном порядке, в Европейской России и за границей, особенно в Монголии. Исполнение всякого рода комиссионных и экспедиторских поручений, скупка пушнины, покупка-продажа движимого и недвижимого имущества, эксплуатация лесных и горных богатств, частные подряды, разного рода сделки, не противоречащие закону». Основным капиталом компании составлял 500 тыс. руб. [11, л. 1, 6] Наследники М.А. Коковина успешно продолжили его дело. К 1915 г. годовой оборот торгового дома «Коковин и Басов» равнялся 2 млн 500 тыс. руб. Особенно удачно дела обстояли в Монголии, где удалось сохранить прежние позиции на внутреннем рынке страны. Только в Урге в собственности фирмы было три объекта недвижимости. Как особо отмечалось в справке, выданной Кяхтинским отделением Государственного банка Российской империи – «торговая репутация (фирмы Коковых) безупречна» [12, л. 3, 3 об., 4].

Таким образом, история семьи кяхтинских купцов Коковых, является прекрасным примером успешной предпринимательской династии, внесшей немалый вклад в развитие российско-монгольских экономических связей.

Источники и литература

1. Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту / Издание кяхтинского купечества. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. 90, 27 с.
2. Мишакова О.Э. Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 46–50.
3. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 240 с.
4. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1889. 271 с.
5. Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 136 с.
6. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. Т. 2. Кн. 2. Ж-К. Новосибирск: Наука, 1994. 183 с.
7. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: очерки истории русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1994. 401 с.
8. Позднеев А.М. Монголия и монголы: результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 года. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. 697 с.
9. ГАРБ. Ф-261. Оп. 1. Д. 192. Л. 22.
10. Майский И. Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз»). Иркутск: Гос. изд-во, Иркутское отд-ние, 1921. [2], IV, 332, 128, II, III, [1] с.
11. ГАРБ. Ф-261. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1, 6.
12. ГАРБ. Ф-222. Оп. 1. Д. 235. Л. 3, 3 об., 4.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИГЕНЕЗА В ЗОНЕ КОНТАКТОВ МЕЖДУ НОМАДАМИ И СЕВЕРНЫМИ ЦАРСТВАМИ СЕВЕРНОГО КИТАЯ

Шульга Даниил Петрович, доктор исторических наук, научный сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
alkaddafa@gmail.ru

Зооморфные мотивы могут восприниматься как основное содержание декора колесниц на могильнике Мацзяюань (поздний этап периода Чжаньго). Данный памятник демонстрирует активное культурное взаимодействие здешнего населения, китаизированных «западных жунов» с культурами «скифо-сибирского круга», а кроме этого – ярко демонстрирует нам закономерности развития ранних государств номадов к северу от бассейна Хуанхэ накануне возвышения сюнну.

Ключевые слова: звериный стиль, колесницы, ранние кочевники, сюнну, царство Цинь

ON THE FEATURES OF POLITICAL GENESIS IN THE CONTACT ZONE BETWEEN NOMADS AND THE NORTHERN KINGDOMS OF NORTH CHINA

Shulga Daniil Petrovich, Doctor of Historical Sciences, Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
alkaddafa@gmail.ru

Zoomorphic motifs can be perceived as the main content of the chariot decoration at the Majiayuan burial ground (late Zhanguo period). This monument demonstrates the active cultural interaction between the local population, the sinicized «Western Rong» and the cultures of the «Scythian-Siberian area». Furthermore, it vividly demonstrates the patterns of development of the early nomadic states north of the Yellow River basin on the eve of the rise of the Xiongnu.

Keywords: animal style, chariots, early nomads, Xiongnu, Qin kingdom

Работа выполнена в рамках проекта 24-48-03017 Междисциплинарное исследование коллекции текстиля из Ноин-улинских курганов 20, 22, 31 (раскопки российско-монгольской экспедиции 2006-2012 гг., Монголия).

Начиная с 2006 года, серия открытий на археологическом памятнике Мацзяюань [Данный памятник неоднократно упоминался в работах русскоязычных исследователей [1; 2], однако до сих пор ощущается недостаток обобщающих публикаций.] (в Чжанцзячуань-Хуэйском автономном уезде, в окрестностях г. Тяньшуй, провинция Ганьсу), позволила получить новые сведения о культурной ситуации на периферии Центральной равнины в период Сражающихся царств. Эта местность, расположенное на западном склоне гор Луншань, имеет стратегически важное географическое положение. Здесь, очевидно, пролегал древний путь, через район реки Цяньшуй соединявший регион Гуаньчжун (центральная часть провинции Шэньси) на востоке с западной частью Ганьсу. Таким образом, территория,

прилегающая к могильнику Мацзяюань может рассматриваться как форпост, связывающий Гуаньчжун с коридором Хэси.

Археологический памятник Мацзяюань (в Чжанцзячуань-Хуэйском автономном уезде, провинция Ганьсу), представляет собой захоронение аристократа периода Сражающихся царств. Когда погребение было вскрыто, исследователей поразило обилие золотых украшений, сопровождавших усопшего. Также в погребении обращают на себя внимание искусно декорированные колесницы, расположенные в длинных «коридорах». Захоронение датируется рубежом периода Сражающихся и эпохой возвышения династии Цинь, т.е. приблизительно IV-III вв. до н.э. Погребенный был представителем западных жунов, к востоку от ареала которых располагалось царство Цинь.

Найденные артефакты отличаются стилистическим своеобразием, демонстрируя сложную культурную ситуацию и, подчас, эклектичное сочетание элементов. Что касается внутреннего устройства погребений, это ступенчатые ямы, в которых погребальная камера расположена на дне или в подбое. Очевидно, что перед нами достаточно типичный для жунов обряд. Керамическая погребальная утварь представлена посудой. Среди таковой: горшки гуань с двумя ушками, ли с тремя лопатообразными «ножками» и керамические котлы-треножки дин (все они достаточно типичны для западных жунов).

Бронзовые изделия несут на себе явный отпечаток традиций Цинь. Примером здесь может служить бронзовый сосуд ху «коконообразной» формы, декорированными ручками и поясами узоров, найденный в гробнице МЗ. В целом влияние культуры Центральной равнины прослеживается в бронзовых ритуальных сосудах (таких как дин, дунь и янь), по форме схожих с таковыми у «хуася», бронзовых клевцах гэ, лаковом декоре колесниц и их конструктивных элементах (таких как элементы оси, колес и балдахины).

Влияние ранних кочевников евразийских степей ярко выражено в золотых и серебряных украшениях, золотых предметах поясной фурнитуры, серебряных нашивных деталях обуви. Также обращает на себя внимание специфический звериный стиль, который заметен в т.ч. в убранстве колесниц. В целом, устройство погребения и артефакты в Мацзяюань происходят из трех основных источников. Это местные традиции жунов, воздействие скифоидных культур и влияние соседнего государства Цинь, а также других царств Центральной равнины на востоке. Последние, в некоторой степени отличались от циньской традиции, и хотя попали в Ганьсу через Цинь, сохранили некоторую специфику. Таким образом, Мацзяюань не только отражает собой ситуацию на периферии Чжоуского мира, но и представляет собой пример формирования «варварского» общества с сильной социальной стратификацией. Напомним, что в то же самое время подобные процессы происходили у сюнну, которые, по мнению автора, являлись «наследниками» культур раннего железного века в Северном Китае.

Хотя могильник Мацзяюань и испытал различные культурные влияния, в пределах одного артефакта смешение стилей встречается редко. В этой связи обращают на себя внимание колесницы. На основе анализа более чем сорока обнаруженных к настоящему времени экземпляров, их можно, с опорой на наработки китайских исследователей, разделить на четыре категории. Во-первых, «роскошные» колесницы, богато украшенные золотом и серебром; во-вторых, лакированные или нелакированные экземпляры, украшенные элементами из меди, бронзы или олова; в-третьих, лакированные колесницы без металлических декоративных элементов; в-

четвертых, нелакированные деревянные, наиболее простые из обнаруженных. Форма этих колесниц варьируется, например, у них может быть круглая или квадратная форма. В то же время, основная конструкция не сильно отличается от таковой у одноосных конных повозок Центральной равнины. Некоторые экземпляры в Мацзяюань даже имеют навесы, и конструкция его, украшение ручки и навершие спицы зонта – все это заимствовано из традиций Центральной равнины, подобно бронзовой колеснице и лошадям в мавзолее первого императора Цинь.

С точки зрения назначения «колесницы» [примечание: Автор использует ковычки, осознавая, что не все одноосные повозки автоматически становятся колесницами. Как мы знаем, огульное наименование всех находок колесницами привело к длительной дискуссии вокруг наследия Синташты.] в Мацзяюане, видимо, можно разделить на три группы. Во-первых, это боевые колесницы [Примечательно, что ко времени создания памятника Мацзяюань северные кочевники, как минимум родственные «западным жунам» по культуре, в т.ч. складывающаяся общность сюнну, уже совершенно перешли в военном деле к верховым лошадям. В то же время, считать использование колесниц в означенный период крайним анахронизмом не стоит – даже в Средиземноморье их массовое боевое применение фиксируется, скажем в 190 г. до н.э. при Магнезии.], во-вторых, церемониальные экземпляры, в-третьих, повозки, служившие для хозяйственных нужд и как повседневный транспорт. Помимо конструкции, наиболее характерными чертами мацзяюаньских колесниц, заимствованными с Центральной равнины, является лакированная поверхность и функциональные элементы отделки. Традиция лакировки колесниц на Центральной равнине восходит к династии Шан. В ряде случаев мы даже можем судить о цветах. Судя по хорошо сохранившемуся экземпляру в яме для лошадей и колесниц («чэмакэне») № 1 на могильнике цзиньской знати Бэйчжао (провинция Шаньси), колесницы могли быть окрашены в три цвета: красный, черный и малахитово-зеленый. На чжоуском могильнике Цзицэнго (уезд Суйсянь городского округа Суйчжоу провинции Хубэй) колесницы в основном окрашены в красный и черный цвета. Лакированные деревянные артефакты из гробниц государства Чу периода Сражающихся царств нередко имеют хорошую сохранность, поэтому можно говорить о том, что в данном царстве были распространены детали колесниц, покрытые черным и красным лаком. В Мацзяюане для колесниц использовался преимущественно черный и красный лак, заметно реже – малахитово-зеленый, темно-лазурный и белый. Все вышеперечисленные цвета характерны и для находок с Центральной равнины. На боковой панели колесницы № 3 из могилы № 1 изображена личина «божества», похожая на представленную в «Трактате на шелке из царства Чу» (раздел о «двенадцати месяцах»), данный письменный памятник был создан в ту же эпоху [3, с. 2–4]. Особенно примечательно то, что концы осей колесниц в Мацзяюане часто оснащены типичными для «хуася» наосниками и чеками, которые не встречаются в степных районах. Но при том, что конструктивно колесницы Мацзяюаня вполне вписываются китайский канон, поверхность их украшена большим количеством золотых, серебряных, медных и железных элементами с орнаментами, не встречающимися на Центральной равнине, но характерными для степного искусства финала РЖВ [Ранний железный век.].

Таким образом, опираясь на вполне осязаемые вещественные источники мы можем констатировать, что взаимоотношения оседлых царств Китая с «северными варварами» накануне возвышения сюнну (IV–III вв. до н.э.) было гораздо сложнее представлений о «вечном столкновении принципиально разных цивилизаций».

Скорее речь идет о конвергенции, в которой заметны разные элементы (политические, художественные и военные).

Источники и литература

1. Кан Ин Ук. Феномен «Золотой статуи человека для жертвоприношений небу» в культуре хунну // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». Т. 22. № 3, 2023. С. 99–113.

2. Комиссаров С.А. Элитные захоронения эпохи Хань в Сяобоацзы (Шэньси, Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2025. Т. 31. С. 632–639.

3. У Сяоцзюнь. Шань дянь шан дэ сюн лу, мэнху юй е шаньян: Мацзяюань мачэ цаююань чжуанши дэ лайюань юй чуаньбо туцзин [吳曉筠。山巔上的雄鹿、猛虎與野山羊：馬家塬馬車草原裝飾的來源與傳播途徑 // 故宮學術季刊，第三十四卷第一期] Олени, тигры и горные козлы на горных вершинах: происхождение и распространение степных украшений на колесницах могильника Мацзяюань // The National Palace Museum Research Quarterly. 2016. Вып. 34, № 1. С. 1–51.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ В СРЕДЕ СИБИРСКОГО ДУХОВЕНСТВА В СЕРЕДИНЕ XIX в. – НАЧАЛЕ XX в.

Шушканова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика
М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия
shushkanovae@yandex.ru

На примере Енисейской епархии рассматриваются отдельные вопросы преемственности поколений в среде духовенства с середины XIX века. К началу XX века нарастал процесс стирания сословных рамок внутри духовной корпорации, менялось отношение духовенства к своему месту в церковной организации, своей роли в общественной жизни России, трансформировалось отношение к гражданской власти.

Ключевые слова: Енисейская епархия, духовенство, общественные отношения, революция

THE SUCCESSION OF GENERATIONS AMONG THE SIBERIAN CLERGY IN THE MIDDLE OF THE 19th CENTURY AND THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Shushkanova Elena Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian State University of Science and Technology named after Academician
M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Russia
shushkanovae@yandex.ru

The example of the Yenisei Diocese shows how the succession of generations among the clergy has changed since the mid-19th century. By the beginning of the 20th century, the process of blurring class boundaries within the clergy was gaining momentum, and the clergy's perception of their place in the church organization and their role in Russian society was evolving.

Keywords: Yenisei Diocese, clergy, social relations, and revolution

Хотя самостоятельная епархия в Енисейской губернии появилась только в 1861 г., церковная жизнь Приенисейского края начиналась параллельно с освоением этой территории российскими землепроходцами. Священнослужители в массе своей попадали в Сибирь по распоряжению синодальных властей. Но с учетом неуклонного роста приходских общин, их удаленности от российского центра и тягот пастырского служения в суровых условиях, духовенство стало укореняться на новых территориях и формировать из своей среды поколения потомственных служителей. Так, к началу XX в. в числе наиболее известных были фамилии Рачковских, Потылицыных, Фигуровских, Пальминых и других.

Традиция потомственного церковного служения на Руси имела давнюю историю и усилилась по мере оформления сословий в России. Интересно, что русское духовенство представляло собой классический формат сословной корпорации, сохраняя его более других сословий вплоть до революции 1917 г. Так, известный

историк Миронов Б.Н. замечает, что «сословные черты у духовенства развивались настолько быстро, что в первой половине XIX в. любой русский легко обнаруживал в человеке духовное лицо по речи, манерам, внешности, даже если оно было в гражданском платье или полностью раздетым» [1, с. 73].

Как известно, главным признаком сословности является наследственный статус в обществе и профессия. Что и наблюдалось в среде духовенства: после смерти священников их место переходило к детям, обычно к старшему сыну, которого отец заблаговременно готовил к служению. Причем сыновья могли не только наследовать профессию, но и сам приход. Даже девицы из семей лиц духовного звания в большинстве своем не выходили из своей корпорации, вступая в брак с церковнослужителями. Учитывая, что количество детей в семьях того времени было высоким, а возможности найти себе не крестьянское занятие, особенно в сельской местности, было маловероятным, духовная корпорация в Енисейской губернии имела постоянный приток новых членов.

Потомственное служение также отчетливо просматривалось в вышних эшелонах церковной организации: например, из девяти дореволюционных епископов Енисейской епархии только один был выходцем не из семьи священника.

Однако во второй половине XIX в. в значительной степени под воздействием «Великих реформ» процесс разрушения сословности затронул и духовенство. Даже несмотря на то, что священнослужителей в Енисейской епархии не хватало (например, остро ощущался недостаток диаконов), многие дети священнослужителей стали искать себе занятия за пределами церковной стези.

Рост социальной мобильности духовенства хорошо просматривается на примере состояния духовных семинарий. Только немногие из окончивших семинарию, стали связывать свою дальнейшую жизнь со священнослужением. Газета «Красноярец» в 1908 г. сообщала, что Енисейскую духовную семинарию окончили 16 человек, из них 6 уехали учиться в академию, 9 человек пошли учительствовать и лишь один стал служить священником [2, с. 1]. И такая ситуация наблюдалась по всей стране.

Важно отметить, что происходил не просто отток детей духовенства из своей потомственной среды, но менялся корпоративный дух, настроение внутри этой среды. Среди семинаристов рос скептицизм, нигилизм и распространялись протестные настроения. Первая российская революция вспыхнула не внезапно, ее признаки появились задолго до 1905 года. Это проявлялось в том числе в сообщениях российской прессы о массовых случаях волнений в духовных семинариях и даже подготовках терактов в стенах учебных заведений.

А в 1903 г. это произошло в городе Красноярске, который являлся центром Енисейской епархии. Поводом к беспорядкам послужило исключение из семинарии одного из воспитанников. В ответ часть старших семинаристов выступила с откровенно хулиганскими действиями: вначале на занятиях прозвучали свистки, затем в инспектора семинарии полетел кусок штукатурки, а после учащиеся стали бить стекла, лампы, зеркала, выламывать оконные рамы и портить мебель. С мятежными семинаристами встретился ректор семинарии Асташевский Н.П., который в своей записке в Святейший Синод так описывал требования бунтарей: «Я узнал, что поводом к устройству беспорядков послужило недовольство их инспектором и столом. И в частности воспитанники жаловались на то, что инспектор Николай Владимиров воспрещает им курить табак, стесняет их свободу и не позволяет им собираться в кружки и как только заметит таковые, то просит разойтись,

раздражается при делаемых им замечаниях...» [3, с. 131]. Таким образом, на примере духовных учреждений, которые готовили будущих священников, наглядно просматриваются социальные перемены внутри духовного сословия. Оно утрачивало свою монолитность, смирение и единство, становясь более размытым и неконсолидированным.

Состояние российского духовенства на рубеже XIX – XX веков безусловно характеризовалось сменой поколений. В предшествующих XVII – XVIII веках духовенство в целом оставалось в рамках традиционализма и существенных мировоззренческих, а тем более политических перемен в его среде не происходило. В синодальный период Церковь фактически являлась составной частью государственной власти и светские власти активно привлекали церковные учреждения и духовенство к несению общегосударственных дел. Самыми известными из государственных заказов для Церкви было ведение актов гражданского состояния (метрические ведомости) и образовательная деятельность. Но, кроме этого, были другие: надзор за общественным порядком, борьба с пьянством, популяризация кредитных обществ, благотворительная деятельность, медицинское попечительство и пр., и пр. Власть широко использовала духовенство в качестве посредника между собой и локальными сообществами. Духовенство идеально подходило для этой роли: имело высокий уровень образования, плотную систему территориального размещения в рамках епархии, и, что немаловажно, находилось в жестких границах церковной дисциплины. Наконец, в силу идеи христианской аскезы, оно априори воспринималось готовым к государственной службе, причем безвозмездной.

Однако в рассматриваемый период в среде духовенства нарастало скрытое недовольство растущими обязанностями и достаточно низким уровнем жизни духовенства, особенно сельского. Кроме того, размывание сословий объективно ставило вопрос о расширении свобод в обществе. Первая русская революция показала, что это был важнейший вопрос общественной повестки, а главное, что в стороне от него не отстояли церковные пастыри. Ленин В.И., который пристально следил за оппозиционными настроениями общества, констатировал в 1905 г., что «как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновничьего произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям бога» [4, с. 144].

Подтверждает вышесказанное 35 съезд духовенства Енисейской епархии в декабре 1905 г. Этот съезд, очень непохожий на прежние собрания духовенства, был буквально пронизан идеями глубоких церковных преобразований. Об этом говорит круг вопросов, которые предполагалось вынести на обсуждение: об участии пастырей в выборах Государственной Думы, об отношении к возможному отделению церкви от государства (желательно оно или нет), о правах духовенства, о выборных началах в церкви, о добровольном выходе из духовного звания, о вторичном вступлении священников в брак и т. д.

Еще одной площадкой волеизъявления духовенства служили пастырские собрания в епархиях. Уже сам факт регулярного проведения таких собраний на низовом уровне церковной организации говорит о том, что традиционалистская социальная парадигма духовенства стала шататься. На этих собраниях стали достаточно свободно и открыто обсуждаться важнейшие проблемы текущей жизни. Причем не только внутрицерковные: на пастырском собрании в Красноярске в 1906 г.

священник Фокин И.И. призывал к преодолению отстраненности от общественных проблем: «Давно пора русским пастырям сбросить с себя тяжкий сон косности и апатии, значительного безразличия к окружающей жизни и ее явлений, давно пора начаться активной деятельности... Грешно спать... Времена безмятежного жития прошли». А далее священник говорил о том, что церковь должна стать силой оздоровления общества, что для этого духовенство должно сплотиться. Речь, опубликованная в епархиальных «Ведомостях», так и называлась: «В единении сила!» [5, с. 214].

Таким образом, под влиянием разных факторов, в том числе и в результате роста образованности священников, и в силу их вовлеченности в политическую жизнь страны (особо это заметно на примере деятельности III и V Государственной Думы) шло определенное изменение в настроениях духовенства. На смену поколения синодального периода духовенства шло поколение пастырей, которые, сохраняя приверженность вере и основополагающим догматам православия, несколько иначе оценивали свое место в системе общественных отношений, ставили вопрос о расширении гласности и свободы мнений по различным вопросам текущей жизни. Это отчетливо проявилось в революционных событиях 1917 г., когда значительная часть церковных иерархов Российской империи публично поддержала отречение Николая II.

В Красноярске 5 марта 1917 г. епископ Никон (Бессонов) собрал совещание из городских священнослужителей для обсуждения ситуации в стране и определения к ней отношения духовенства. Обсудив события в Петрограде, собрание приняло решение отправить от имени владыки приветственную телеграмму главе нового правительства со следующим текстом: «Счастлив заявить, что красноярское городское духовенство, все служащие духовно-учебных заведений и епархиальных учреждений единогласно приветствуют новое правительство и готовы всемерно помогать ему. Не имею возможности созвать съезд епархиального духовенства, но глубоко уверен, что и оно, как один человек, будет поддерживать настоящее правительство, которое, верим, даст Отечеству нашему победу над врагом и внутреннее процветание. С нами Бог!» [6, с. 13–14].

Источники и литература

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: в 2 т. Т. 1. СПб., 2000. 548 с.
2. Красноярск. 1908. № 196. С. 1.
3. Шушканова Е.А. Архиерейский дом Красноярска и его епископы (XIX – начало XX века). Красноярск, 2015. 368 с.
4. Енисейские епархиальные ведомости. 1906. № 6.
5. Ленин В.И. Социализм и религия // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 12.
6. Енисейские епархиальные ведомости. 1917. № 4.

СЕКЦИЯ 6. ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 94(571.5):316

«КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ БАМА: ЖИЛИЩНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Байкалов Николай Сергеевич, доктор исторических наук, доцент
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия
baikalov@bsu.ru

В ходе строительства БАМа и социально-экономического освоения, прилегающих к железной дороге территорий сформировалась новая социальная общность – бамовцы, в составе которой можно последовательно выделить три поколения: старших бамовцев – участников ударной комсомольской стройки; бамовцев 1990 – 2000-х годов и современных жителей притрассовой зоны. Каждое из этих поколений участвовало в заселении и освоении новой территории, создании новых производств и возведении новых населенных мест. Бамовцы накопили уникальный жилищный опыт от проживания в палаточных лагерях и временных поселках до обустройства в капитальном жилье новых городов железнодорожников. Анализ данного опыта позволяет выделить типовые траектории жилищной мобильности, характерные для каждого из названных поколений.

Ключевые слова: Байкало-Амурская железнодорожная магистраль; бамовцы; позднесоветское поколение; новые города и поселки; жилищная история; жилищная мобильность

«HOUSING QUESTION» IN BAM URBAN SETTLEMENTS: RESIDENT MOBILITY AND GENERATIONAL ANALYSIS

Baikalov Nikolai Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
baikalov@bsu.ru

During the construction of the Baikal-Amur Mainline (BAM) and the socioeconomic development of the areas adjacent to the railway, there was emerged a new social community – the BAMers. Three generations can be consistently identified within this community: the older BAMers, who participated in the Komsomol's shock construction project; the BAMers of the 1990s and 2000s; and the current residents of the railway area. Each of these generations participated in the settlement and development of the new territory, the creation of new industries, and the construction of new settlements. BAMers have accumulated unique housing experience, ranging from living in tent camps and temporary settlements to settling in permanent housing in the new railway workers' towns. An analysis of this experience allows us to identify typical trajectories of housing mobility, which characterized for each of these generations.

Keywords: Baikal-Amur Railway Mainline; BAMers; last-Soviet generation; new urban settlements; housing history; housing mobility

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-78-10123.

Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (далее, БАМ) стало настоящим символом позднесоветской эпохи. На Всесоюзную ударную комсомольскую стройку устремились молодые люди со всех концов СССР. Были сформированы четыре всесоюзных и более 20 республиканских комсомольских отряда, в задачи которых входило не только возведение железной дороги и объектов инфраструктуры, но и идеологическое сопровождение стройки. По наблюдениям ряда историков БАМ как идеологический проект был вызван определенной усталостью советского общества от мобилизационного давления командно-административной системы и стремлением советского руководства укрепить веру граждан в социалистические идеалы и ценности [1; 2]. В результате БАМ получил не только беспрецедентную материальную поддержку, но и мощное информационное и пропагандистское сопровождение.

Главными героями комсомольской стройки были транспортные строители и железнодорожники, которые десантами высаживались в необжитом северном крае, прорубали первые зимники и обустраивали палаточные лагеря и временные поселки. Партийный призыв на «стройку века», как ее тогда именовали СМИ, нашел широки отклик у советской молодежи. Организованными и стихийными потоками в районы прохождения будущей магистрали хлынули люди, мечтавшие построить там новую жизнь. Социологические опросы разных лет, а также анализ личных документов и воспоминаний строителей показывают, что люди приезжали на БАМ по самым разным соображениям и причинам [3; 4; 5]. Многими двигало желание заработать, приобрести жилье и машину, сделать быструю карьеру по профессиональной или общественной сфере, создать семью, обрести новых друзей, испытать себя в трудном деле и пр. Но все эти мотивы объединял главный – желание уйти от неприглядной советской действительности и построить новое общество с опорой на лучшие идеалы социализма. В районах нового освоения сложились локальные сообщества, объединенные идентичностью строителей БАМа. Бамовцы, как они сами себя называли и продолжают называть, стали последним поколением советских идеалистов, мечтавших о покорении бескрайних сибирских просторов, рождении новых городов, обновлении советского общества, создании отдельной республики БАМ.

Внутри бамовцы как представители «бамовской общности» и носители «бамовской» идентичности разделяются на группы и субидентичности по профессиональному, территориальному, хронологическому и прочим критериям [6, с. 227-254]. Одним из важнейших дифференцирующих признаков является время прибытия на стройку. Элитой бамовцев является поколение первостроителей – обросших ореолом легендарности рабочих строительных специальностей и комсомольцев БАМа, которые первыми прибыли в тайгу, стали организаторами строительных предприятий, основателями новых городов и поселков, передовиками и ударниками труда. Вслед за пионерами на БАМ поехали «обычные» строители, которые оказались в относительно более обжитых условиях временных поселков, но также внесли свой вклад в сооружение магистрали. Следующим поколением бамовцев стали «дети БАМа» и их ровесники, по разным причинам приехавшие в районы БАМа после завершения комсомольской стройки и сдачи дороги в постоянную эксплуатацию. Наконец, последним поколением бамовцев сегодня называют «внуков бамовцев» и людей, пополнивших население зоны БАМа в последние годы, в том числе в ходе сооружения БАМа-2.

Каждое из этих поколений оказалось в той или иной степени задействованным в становлении и развитии городских поселений вдоль магистрали, сформировав свой набор практик получения жилья, заселения, переселения и т.д. Совокупность изменений жилищных условий и, как следствие, жилищных статусов индивидов составляет суть жилищной мобильности. Сегодня мы можем говорить об отдельных векторах и траекториях жилищной мобильности, присущих разным поколениям бамовцев.

У поколения «старших» бамовцев, которые приняли непосредственное участие в комсомольской стройке, наблюдается самая богатая событиями жилищная история. Первые десанты строителей забрасывались вертолетами в тайгу, где в условиях транспортной изоляции должны были прорубать просеки для скорейшей прокладки автодорог. Жилищами рабочим служили двухслойные армейские палатки, вмещавшие более 20 человек каждая.

С появлением первых зимников на трассу стали доставляться вагон-дома. «Вагончики», как их называли и строители в личных беседах, и официальные документы строительных предприятий, считались более высоким по рангу жильем, чем палатки. Переезд в вагончик часто воспринимался как улучшение жилищных условий. Чаше других в архивных документах фигурируют автовагоны серий ППВТ-10 и ВПТ-8, «улучшенные вагоны с электрообогревом» ОП-6АМ, а также вагоны КСО («прорабские вагончики»). В ежегодных кадровых отчетах строительных трестов и управлений указывалось число работников, проживавших в вагонах. При этом отдельному учету подвергались «семейные вагончики» (выделенные на одну или несколько семей) и «холостяцкие вагончики», именуемые также вагонами-общежитиями [7, л. 93].

Вагончиков на всех не хватало, поэтому нередко первые бамовцы поселялись в самостоятельно выстроенных жилищах («самострой», «нахаловки»). Архивы донесли до нас несколько наиболее распространенных видов такого жилья. Утепленные или расширенные пристройками жилые вагончики часто именовали балками. Каркасно-засыпные дома с двойными дощатыми стенами, между которыми помещался теплоизоляционный материал, называли засыпухами (засыпушками, насыпнушками).

С налаживанием транспортных коммуникаций и домостроительного производства строители начали обустраивать для себя временные поселки из домов сборно-щитовых серий, прозванных на БАМе «щитовухами» («щитовушками»). В первые два года на БАМ поставлялись дома серий ИП-420/11 и ОЩ-60А, температурный уплотнитель в которых позволял сохранять минимальное тепло в помещении при 30 градусах мороза, что делало данные постройки непригодными для проживания. После многочисленных жалоб Бирюсинский и Хорский ДОКи организовали производство домов 161-й серии, рассчитанных на более низкие температуры [8, л. 45].

Наиболее комфортабельными во временных поселках строителей считались брусчатые и рубленые дома. Первоначально такие дома обогревались печным способом и не имели благоустройства. С развитием временных инженерных сетей они подключались к тепло- и водоснабжению. Однако их строительство долгое время находилось под негласным запретом. Стройбанк требовал возводить жилые дома только сборно-разборных серий, мотивируя такую позицию необходимостью быстрой передислокации временных поселков вслед за укладкой железнодорожного пути. Брусчатые дома в большинстве бамовских поселков строились в небольшом количестве и обычно предназначались для начальства («жирные ряды»). Однако в

отдельных случаях встречались исключения. Доля брусчатых и рубленых домов в поселках и микрорайонах тоннельщиков достигала 50% всего временного жилфонда [9, л. 85–91].

Возведение постоянного жилья в населенных пунктах БАМа началось с запаздыванием от проектных сроков. Одной из самых распространенных стала серия крупнопанельных домов ИС-122, после ряда усовершенствований которой ее теплоизоляционные и сейсмоустойчивые качества были улучшены. По данным ГлавБАМстроя на участке Усть-Кут–Тында из проектируемого объема капитального жилья площадью в 500 тыс. кв. м около 70 тыс. кв. м приходилось на 122 серию, 30 тыс. кв. м – на 135 серию, 140 тыс. кв. м – на московскую крупнопанельную серию, а остальные 250 тыс. кв. м были ориентированы на кирпичные здания по причине недостатка панельных конструкций [10, л. 40].

Таким образом, типичной траекторией смены жилья первостроителями БАМа были последовательные переезды из палатки в вагончик или балок, из балка в щитовую квартиру или брусчато-рубленый дом. Кульминацией и наградой за долгие годы жилищно-бытовой неустроенности должна была стать благоустроенная квартира в многоэтажном доме. При этом далеко не все бамовцы могли получить такое жилье в советское время, поскольку постоянный жилищный фонд предназначался для железнодорожников, и транспортные строители, находясь в ведении Минтрансстроя, не могли на него претендовать. Кроме того, в разговорах с местными жителями неоднократно встречались случаи отказа от переезда в новый дом из-за обустроенности и укорененности жильца на старом месте, нежелания менять привычный уклад, невозможности использовать прилегающую к многоэтажному дому территорию для установки теплиц, гаражей, бань, сараев и прочих хозяйственных построек.

Часто в воспоминаниях бамовцев фигурируют замечания к низкому качеству новостроек, подтверждающиеся архивными документами (актами приемки домов заказчиков, материалами ревизий народного контроля, архитектурным надзором, жилищных комиссий, проверками прочих служб). Еще одним объяснением нежелания заселяться в постоянные квартиры в многоэтажных домах была психологическая установка строителей на временное пребывание в районе строительства магистрали.

Опыт проживания в неблагоустроенном или полублагоустроенном жилье, самостоятельно выстроенном из подручного материала доме сформировал у данного поколения бамовцев бытовой аскетизм, готовность мириться с неудовлетворительными, местами экстремальными жилищными условиями и приспосабливаться к ним. Этот же опыт позволил первым строителям БАМа легче перенести резкое ухудшение качества жилого фонда в 1990-е годы, когда с распадом советского государства система ЖКХ притрассовых районов оказалась в упадке, на местный бюджет были переданы жилье и объекты инфраструктуры, прежде подведомственные Минтрансстрою и МПС.

Жилищная мобильность бамовцев 1980-х годов в общих чертах совпадает с первостроителями, отличаясь лишь тем, что первым жильем у них чаще являлись щитовые дома или «нахаловки», а не палатки и вагон-дома. Исследования показывают, что в районах самовольного строительства чаще всего размещались стихийно прибывшие на строку переселенцы, а в «семейных» или «холостяцких» бамовских общежитиях и бараках поселялись организованно набранные строители [11, с. 998-1016]. Отдельного внимания заслуживает опыт создания молодежных

жилищных кооперативов, продемонстрировавший в ряде поселений БАМа свою эффективность.

Кардинальным образом отличается жилищная история постсоветских бамовцев. Пик социализации и обретения собственного жилья у представителей второго поколения бамовцев, так называемых «детей БАМа» пришелся на 1990-е годы, когда основной объем строительных работ на магистрали был завершен, многие строители выехали из региона и в притрассовых городах и поселках образовалось много пустующих домов и свободных квартир, в первую очередь, во временном жилом фонде, который остался от строительных организаций Минтрансстроя и перешел на муниципальный баланс. Данное жилье выделялось работникам тех или иных предприятий, занималось новыми жильцами самовольно, покупалось и приватизировалось «за бесценок». Спрос на ветхое жилье на БАМе вырос с началом реализации программ переселения из ветхого и аварийного жилья, которые получали финансовую поддержку в первой половине 2010-х годов. Местные жители нередко рассматривали данные жилищные сертификаты как возможность выехать за пределы зоны БАМа и приобрести жилье на «большой земле». Для подтверждения своего права на жилищную субсидию достаточно было регистрации по месту жительства в ветхом и аварийном бамовском жилье, что привело к росту различных махинаций и неформальных практик. Ответной реакцией стало ужесточение требований к претендентам на субсидию, поэтапно вводимое правительством, начиная с 2011 года [12, с. 91–97].

Одним из главных ограничений стал отказ от выдачи жильцам денежной субсидии, и ее замена на предоставление жилплощади в неаварийных жилых домах тех же поселений. В результате потребовалось срочное наращивание мощностей имевшегося жилого фонда за счет ускоренного возведения малоэтажных многоквартирных домов по непроверенной в условиях северных районов «сэндвичной» технологии. Одновременно в бамовских городах и поселках интенсифицировались работы по сносу и рекультивации временных. Таким образом, вектор жилищной мобильности третьего поколения бамовцев направлен на переселение из ветхого и аварийного советского жилья в капитальные благоустроенные квартиры советских многоэтажек или современных малоэтажных домов.

В заключении следует подчеркнуть, что поколенческий анализ применительно к жилищной истории горожан имеет большие перспективы. На примере трех поколений бамовцев видно, как их жилищный опыт, представления, притязания и привычки определяли ту или иную траекторию жилищной мобильности, что, в конечном итоге, сказалось на формировании современного архитектурно-планировочного облика и состоянии жилого фонда поселений БАМа. Многие из первостроителей как представители поколения советских идеалистов не смогли вписаться в рыночные отношения и сделать успешную карьеру после распада СССР. До сих пор в населенных пунктах притрассовой зоны встречаются бамовские «старожилы», по разным причинам продолжающие осознанно жить во временках или обветшавших постоянных домах. Дальнейшая судьба жилого фонда городских поселений БАМа будет зависеть от перспектив социально-экономического развития притрассовых районов, большую часть которых сегодня эксперты связывают с разработкой месторождений минерального сырья и транспортно-логистическими функциями железной дороги.

Источники и литература

1. Knabe B. Die Baikal-Amur Magistrale. Ihr Bau und die Erschließung ihres Umlandes // Osteuropa. 1984. № 34. P. 426–439.
2. Ward Chr. J. Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2009. 256 p.
3. Аргудяева Ю.В. Труд и быт молодежи БАМа: настоящее и будущее. М.: Мысль, 1988. 174 с.
4. Белкин Е.В., Шереги Е.В. Формирование населения в зоне БАМ. М.: Мысль, 1985. 170 с.
5. Железко С.Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМ. М.: Статистика, 1980. 184 с.
6. Baikarov N.S. BAM and BAMers: peculiarities of identity formation // Facing Challenges of Identification: New Approaches to Identities of Buryats and Their Neighbor Peoples / edited by Kamil M. Wielecki, Ivan Peshkov. Warsaw: Faculty of «Artes Liberales» University of Warsaw, 2020. P. 227–254.
7. Архивный отдел муниципального образования «город Северобайкальск». Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 158. Л. 93.
8. Российский государственный архив экономики. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 1114. Л. 45.
9. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-1880. Оп. 1. Д. 86. Л. 85–91.
10. Государственный архив Амурской области. Ф. Р-2080. Оп. 1. Д. 137. Л. 40.
11. Байкалов Н.С. «Обживая стройку века»: пространство повседневности и жилищная мобильность строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1970–1980-е гг.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 998–1016.
12. Байкалов Н.С. Переселение из ветхого и аварийного жилья в районах БАМа: причины, проблемы, решения // Власть. 2018. № 5. С. 91–97.

СОСТОЯНИЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Батурин Александр Сергеевич, преподаватель

Центральная музыкальная школа (филиал) – Академия исполнительского искусства «Сибирский», Кемерово, Россия

Alex-910891@mail.ru

В статье автор называет и дает характеристику основных моделей всех видов автотранспорта в послевоенное время, которые эксплуатировались в регионе и их численность. Выявляются «плюсы» и «минусы» использования автомобилей, и сравнение с иностранными марками. В конце работы приводятся основные причины увеличения автопарка.

Ключевые слова: Кемеровская область, автомобилестроение, автомобильный транспорт, Великая Отечественная война, отечественные автомобили, иностранные автомобили

THE STATE OF ROAD TRANSPORT IN THE KEMEROVO REGION AFTER THE END OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Baturin Alexander Sergeevich, Lecturer

Siberian Branch of the Central Music School – Academy of Performing Arts, Kemerovo, Russia

Alex-910891@mail.ru

In the article, the author names and characterizes the main models of all types of motor transport in the post-war period, which were used in the region and their numbers. The "pros" and "cons" of using cars are identified, and a comparison with foreign brands is made. At the end of the work, the main reasons for the increase in the vehicle fleet are given.

Keywords: Kemerovo region, automobile industry, automobile transport, Great Patriotic War, domestic cars, foreign cars

В условиях послевоенного времени экономика СССР была довольно серьезно подорвана. Такую тенденцию можно увидеть на формировании автомобильного парка как Кемеровской области, так и всей страны.

Автомобильный транспорт пришел на смену гужевому и имел ряд преимуществ, такие как быстрота перемещений, наименьшая зависимость от внешней среды, ремонт самой машины. Плюсы гужевого были лишь в том, что он был более бюджетный, так как далеко не каждый человек или предприятие мог приобрести в свою собственность автомобиль.

Однако тенденция использования гужевого транспорта постепенно снижалась. Причиной тому было то, что автомобильный транспорт был более эффективнее в использовании и проще в обслуживании. Смотря на реалии послевоенного времени и курс на восстановление экономики, гужевой транспорт откровенно мало мог помочь.

Начиная с 1950-х гг. автомобильный транспорт начал вытеснять железнодорожный по отдельно взятым критериям. Конечно же, достоинства и

недостатки были у обоих видов транспорта. Главными преимуществами автотранспорта являлось быстрота передвижений практически без ограничений и наименьшее капиталовложение относительно организации перевозок. Железнодорожный транспорт имел преимущества в том, что практически не зависел от климатических условий перевозок, возможность большей перевозки грузов, особенно на дальние расстояния и более низкий ущерб окружающей среды, когда автомобильный транспорт является самым опасным для природы. При этом, как писал А.А. Конов, в 1950–1980-е гг. на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке развернулось масштабное строительство новых железнодорожных линий, разгрузочных и подъездных путей к промышленным районам, что требовало постоянного увеличения производства локомотивов и расширения инфраструктуры для их обслуживания [2, с. 14].

Таким образом, автомобильный транспорт наиболее актуален для перевозок на ближнее расстояние и в благоприятных климатических условиях, в то время как железнодорожный наименее к этому приспособлен. Плюс ко всему, автомобиль при желании может приобрести, по сути, любой человек, с поездом такое практически невозможно.

Немаловажную роль в этом восстановлении играли легковые автомобили. Логично, что на момент окончания войны в стране была видна их нехватка, из-за того, что изначально производство было небольшим и имелись иностранные модели, которые достались по ленд-лизу во время войны. Капитальные ремонты не проводились, так как не было на этой ни средств, ни возможностей. Проводился только текущий ремонт, когда автомобиль не мог передвигаться.

Однако парк легковых автомобилей в этих условиях формировался довольно стремительно (табл. 1), что, прежде всего, зависело от спроса руководства на легковой транспорт, крайне необходимого для оперативного перемещения. Легковой автомобиль был нужен больше для комфортного и быстрого передвижения. Постепенно формировался другой фактор. Он был связан с растущим вниманием к благосостоянию населения. Это была уже устоявшаяся мировая практика. Ее стало перенимать и советское руководство. Обо всем этом свидетельствовали задачи первого послевоенного пятилетнего плана в 1946–1950 гг., которые были связаны с восстановлением народного хозяйства страны.

Таблица 1 – Динамика увеличения численности легкового автомобильного парка

Год	Общее количество	Самая распространенная модель
1946	371	ГАЗ-А
1951	1457	«Москвич»
1954	4067	«Москвич»

В конце 1945 г. постановлением Совнаркома СССР был создан Кемеровский автомобильный трест, обязанности которого входили перевозка грузов и обслуживание населения пассажирскими перевозками. Новому тресту это давалось непросто: новые автомобили не поступали. Предполагалось, что подвижной состав и производственную базу трест получит за счет перераспределения действовавших в разных отраслях области автомобильных подразделений. В итоге, процесс создания растянулся на долгие годы. Ведомства, за счет которых должен был расти и укрепляться транспорт общего пользования, неохотно расставались со своими машинами и отдавали не самые лучшие единицы. О гаражах и ремонтных мастерских и говорить нечего – их просто не было в то время даже в лучших автохозяйствах. За

10 лет со дня образования трест получил 700 грузовых машин, 135 автобусов и более 150 специальных и легковых машин [3].

На 1 января 1947 г. общее число автомобилей в Кемеровской области насчитывалось 5750 единиц, из которых на ходу было 4592 машины [1, л. 3]. Это свидетельствует о том, что в область из центральной части страны поставлялся транспорт для более серьезного развития экономики региона и в первую очередь разных видов промышленности. Легковых автомобилей насчитывалось 450 единиц или 9,8 % (табл. 1). Были как советские, так и иностранные марки машин, основная часть которых досталась по ленд-лизу. Если рассматривать отечественные, то самой распространенной моделью был ГАЗ-А, число которого составляла 135 единиц [1, л. 3]. Эта модель была первой, которую выпустил Горьковский автомобильный завод [4, С. 71].

Второй по численности моделью на дорогах Кемеровской области в конце 1940-х гг. был ГАЗ-М-1. На 1 января 1947 г. количество автомобилей составляло 92 единицы [1, л. 3]. Вторым легковым автомобилем, выпущенным на предприятии после модели А, был «Молотовец-1» (далее – М-1), который в народе прозвали «эмкой». Первые М-1 сошли со сборочной линии в марте 1936 г. под бурные аплодисменты [4, с. 102].

Третьим по численности был автомобиль ЗиС-101 [1, л. 3]. Серийный выпуск начали в ноябре 1936 г. Число его составляло 29 единиц.

Отдельно выделяются и иностранные марки, число которых была равна 93 машинам. Большая часть иностранных автомобилей (42 единицы) была представлена марками «Виллис», которые появились в СССР путем ленд-лиза из США, но после окончания войны не были возвращены обратно из-за нерабочего состояния (табл. 2).

Таблица 2 – Численность легкового автомобильного транспорта на 1 января 1947 г.

Модель	Численность	%
ГАЗ-А	103	41,2
ГАЗ-М-1	76	30,4
ЗиС-101	29	11,6
«Виллис»	42	16,8

У каждого отдельного вида автомобильного транспорта процесс восстановления шел по-разному. У легковых машин он продолжался до 1950 г., где господствовала модель ГАЗ-А. У грузовых автомобилей этот процесс продлился до 1951 г., когда происходит увеличение в 3 раза, что не встречалось в дальнейшем. Это может быть связано с поднятием промышленности, в которой грузовой автотранспорт занят непосредственно. В этот же год завершается восстановительный процесс и у автобусов, когда их численность увеличивается в 4,5 раза. Специальные автомобили же становились достаточно долгое время – до 1961 г., где их численность увеличилась в 3 раза.

Таким образом, общее количество автомобилей за период 1947 – 1952 гг. резко увеличилось почти в 4 раза. На то, конечно, были свои причины. В течение этих 5 лет досрочно завершилась четвертая пятилетка, которая выполнила план чуть больше, чем за 4 года и еще успела его перевыполнить. Также причиной служит и то, что в СССР оставались те автомобили, которые были переданы по ленд-лизу и не были возвращены обратно и по их принципу наша страна смогла производить свои и подавляющее большинство машин были советского производства. А это значит, что СССР смог выйти из некоего экономического кризиса послевоенного времени. Таким

образом, можно сделать вывод, что автомобильный транспорт являлся неотъемлемой частью поднятия уровня экономики Кузбасса.

В основном, автомобили использовались для работы на предприятиях. Доставлялись они из центральной части страны, а также те, которые были на территории Кузбасса в довоенное и военное время. В силу того, что после войны шло развитие промышленности, появлялось большое количество новых автомобилей, особенно специальных.

Довольно актуальным и неоднозначным является вопрос, связанный с тем, какие автомобили были качественнее: советские или иномарки. На данный вопрос нельзя ответить однозначно, так как здесь играли роль ряд критериев: удобство, обслуживание, наличие запчастей, внешний вид и, конечно же, доступность гражданам.

Источники и литература

1. ГАК. Ф. Р-304 Оп. 6 Д. 7. Л. 3.
2. Конов А.А. Железнодорожный транспорт Урала и Западной Сибири в 1956–1991 гг.: модернизация тепловозной тяги // Genesis: исторические исследования. 2019. № 7. С. 14–19.
3. Текущий архив Государственного предприятия Кузбасса «Пассажиравтотранс». Автомобильному транспорту Кузбасса – 60 лет!
4. Сигельбаум Л. Машины для товарищей. Биография советского автомобиля / пер. с англ. М.И. Лейко. М.: РОССПЭН, 2011. 432 с.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОКОЛЕНИЙ КАК ФАКТОР РАБОЧЕЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.
(НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Бершадская Светлана Вячеславовна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
bsv97@yandex.ru

На примере деятельности библиотеки Государственного музея Приенисейского края в первые годы после восстановления Советской власти в г. Красноярске (Енисейской губернии) рассматриваются отдельные особенности рабочей повседневности, преемственное взаимодействие представителей разных поколений в процессе организации библиотеки.

Ключевые слова: Енисейская губерния; Красноярск; 1920-е гг.; Государственный музей Приенисейского края; библиотека музея; рабочая повседневность; взаимодействие поколений; М.И. Пальмин

**HOW CROSS-GENERATIONAL INTERACTION BOOSTED DAILY WORK
ROUTINE AT THE BEGINNING OF 1920s
(BY THE EXAMPLE OF YENISSEI PROVINCE)**

Bershadskaya Svetlana Vyacheslavovna, Senior lecturer
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
bsv97@yandex.ru

This paper examines how daily work routine of the librarians of the State Museum of Pre-Yenisei Krai was formed and solidified by cross-generational interaction. The article argues that investigating the communal working practices of Siberian museums and libraries allows for a better understanding of the shared practices of the early Soviet society history.

Keywords: Yenisei Province; Krasnoyarsk; 1920s; State Museum of Pre-Yenisei Krai, museum library; daily work routine; cross-generational interaction, Mikhail Palmin

Объектом данного исследования является деятельность библиотеки Государственного музея Приенисейского края в начале 1920-х гг. Цель – рассмотреть историю создания библиотеки, предпринять первую попытку реконструкции отдельных особенностей рабочей повседневности сотрудников в контексте влияния взаимодействия на рабочий процесс представителей разных поколений трудового коллектива.

Несмотря на существенный объем исследований, посвященных различным аспектам деятельности Государственного музея Приенисейского края в 1920-е гг. [1–5], выявление межпоколенческого взаимовлияния [6] как фактора формирования рабочей повседневности сотрудников библиотеки Государственного музея Приенисейского края в период ее становления, учеными не предпринималось. Актуализирует обращение к заявленной проблематике устойчивый рост интереса общества и государства к проблемам изучения профессиональных локальных сообществ и человеческого потенциала в историческом контексте [7–10]. Основным

методом исследования, выполненного в рамках микроисторического анализа [11–12], является проблемно-хронологический. Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива Красноярского края, отчеты о деятельности Государственного музея Приенисейского края за период 1920–1926 гг. из фондов научного архива Красноярского краеведческого музея, выявившие нахождение в составе трудового коллектива сотрудников в возрастной группе от 17 до 67 лет.

Начиная с января 1920 г. – с первых дней восстановления в Красноярске советской власти – одним из направлений работы Государственного музея Приенисейского края стала организация Книгохранилища, планировавшегося как самостоятельное учреждение [13]. Идея получила поддержку местных органов власти. Заведующим отделом Народного образования Енисейского Губернского революционного комитета (далее ГубОНО) тов. Дружицким [14] был отдан приказ об учреждении в г. Красноярске Енисейского Центрального Книгохранилища при Отделе народного образования Енисейского Губернского революционного комитета [15].

Заведование Енисейским Центральным Книгохранилищем было поручено созданной в структуре ГубОНО Научной комиссии по заведованию научными учреждениями (Науком), в ведении которой находился и сам музей Приенисейского края. Были выделены средства на организацию и содержание Книгохранилища [16], благодаря чему удалось сформировать штат сотрудников и определить порядок работы. Основу фондов Книгохранилища составили фонды библиотеки Енисейской губернской Земельной Управы [17].

При основании Книгохранилища инициаторы его создания пытались подыскать в полуразрушенном городе такое здание, которое удовлетворяло бы определенным критериям: безопасности в пожарном отношении, прочности сооружения, положению в центре города. Однако, в результате пришлось остановиться на помещении, ранее занятым высшим начальным училищем в том же здании, где находился и Государственный музей Приенисейского края. Большая часть помещения была в этот момент была занята польскими солдатами, пустовал только один холодный зал. И организаторы Книгохранилища рассчитывали, что с уходом поляков можно будет занять еще 2–3 смежных комнаты [18]. Таким образом, Енисейское Центральное Книгохранилище в силу острой нехватки подходящих в городе помещений, с момента своего основания оказалось тесно связано с музеем. А в декабре 1921 г., «в силу разного рода соображений», по постановлению ГубОНО было слито с Государственным музеем Приенисейского края и стало одним из его отделов [19] (далее по тексту – библиотека музея/библиотека).

В 1920–1922 гг. работа сотрудников библиотеки проходила всего в двух комнатах. Инвентарь составили полученные из учетно-распределительной комиссии ГубОНО 2 стола, 6 стульев, перевезенные вместе с книгами 19 шкафов и приобретенный 1 письменный стол и 1 этажерка. «Дровяной кризис» в зимний период заставлял сотрудников собираться в одну комнату, обогреваемую железной печкой, а затем и вовсе перебираться «далеко» в приемную музея, куда и приходилось «таскать стопки книг» [20]. Все работы приходилось выполнять при недостатке канцелярских принадлежностей, бумаги и пр. Небольшие улучшения условий профессиональной деятельности произошли только в 1921 г., когда инвентарь библиотеки пополнился навесными шкафами в три яруса [21], а затем в 1923–1924 гг., когда музей смог выделить для библиотеки еще одну комнату для читального зала [22]. И только в 1925–1926 гг. в библиотеке появились новые полки и стеллажи общей длиной 446,5 метров [23], что, несомненно, улучшило условия труда. Однако, в целом, на

протяжении всего рассматриваемого периода явная недостаточность рабочих площадей и оборудования оставались негативными факторами рабочей повседневности.

Другим существенным обстоятельством формирования трудовых будней являлась их интенсивность. С первых дней основания, фонды пополнялись быстро, так как книги поступали «в спешном революционном порядке» [24]. К 1 июля 1920 г. было зарегистрировано 1600 книг [25]. В начале 1921 г. в фондах числилось 15000 названий, 60000 томов [26, с. 253], к концу 1921 г. – 18000 названий и 80000 томов [27]. На 1 октября 1926 г. в фонде библиотеки музея было учено названий – 20215, экземпляров – 25808, книг – 35797, годовых комплектов газет – 296, всего переплетов – 47755 [28].

Сложнейшие условия профессиональной деятельности способствовали текучести персонала. Только за период 1920-1921 гг., несмотря на царящую в городе безработицу, в библиотеке сменилось до 40 человек служащих. В начале 1921 г. в штате библиотеки было 5 чел. [26, с. 253] – заведующий, помощник заведующего, два каталогизатора и служитель. С конца 1921 г. и до конца рассматриваемого периода работу библиотеки музея в основном обеспечивал один человек – Михаил Иванович Пальмин, бывший библиотекарь Енисейской губернской Земельной Управы, фонды библиотеки которой составили основу фондов Енисейского Центрального Книгохранилища. М.И. Пальмин специального библиотечного образования не имел, что было достаточно распространенной проблемой отдельных профессиональных сообществ в досоветский период [29], однако, ко времени поступления на службу уже имел опыт библиотечной работы.

Михаил Иванович Пальмин родился в 1882 г. в с. Белый Яр, Ачинского уезда, Енисейской губернии в семье священника. Окончил Красноярскую Духовную Семинарию, затем Казанский ветеринарный институт. С 1917 г. по 1918 г. работал в библиотеке Казанского ветеринарного института. По возвращению в г. Красноярск, с 1918 г. по 1920 г. работал в библиотеке Енисейской губернской Земельной Управы; в Обществе врачей Енисейской губернии стал выборным библиотекарем, так же был членом совета Красноярского подотдела РГО [30]. В декабре 1921 г. был принят на службу в Государственный музей Приенисейского края [31] на должность «научного сотрудника». На этой должности Михаил Иванович оставался на протяжении всего рассматриваемого периода [32–34].

В отчетах музея за период 1920-1926 гг. отмечается участие в работе по созданию и организации работы библиотеки всех сотрудники Государственного музея Приенисейского края. Не вызывает сомнения тот факт, что совместная ежедневная трудовая деятельность сотрудников музея и человека, обладавшего опытом библиотечной работы, диверсифицировала спектр профессиональных навыков, способствовала профессиональному становлению. Так, например, М.Д. Соловьева, принятая на работу в музей в 1920 г. на должность «сотрудника-практиканта» [35], поработавшая на должностях заведующей сельско-хозяйственным отделом музея [36], в итоге связала свою трудовую деятельность с именно с библиотекой музея и более 30 лет проработала ее заведующей [1, с. 272].

Таким образом, в первые годы после восстановления Советской власти в условиях Красноярска рабочая повседневность сотрудников библиотеки Государственного музея Приенисейского края определялась тяжелейшими условиями профессиональной деятельности, к которым следует отнести колоссальный объем работ, крайнюю ограниченность финансирования, острую нехватку оборудования и

помещений, температура которых стремилась к отрицательной в зимний период. Тем не менее, М.И. Пальмин, а также сотрудники музея – представители разных поколений – в то или иное время принимавшие непосредственное участие в работе по организации ее деятельности, смогли сделать практически невозможное. Коллективные усилия всех участников рабочего процесса стали одним из основных условий сохранения книжного фонда Красноярска в кризисный исторический период. В рамках одной статьи невозможно охватить все аспекты, связанные с деятельностью музейных библиотек в первые годы после восстановления Советской власти, поэтому в данной работе решались исключительно обозначенные во введении цели.

Источники и литература

1. Соломатова Т.В. Из истории научной библиотеки музея. Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. С. 267–279.
2. Ахтамов Е.А. Красноярский Краевой краеведческий музей // Труды Братского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири». 2005. Т. 1. С. 60–62.
3. Китова Л.Ю. Формирование в Красноярске центра изучения археологических памятников Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-2 (60). С. 85–93.
4. Вдовин А.С., Макаров Н.П. Афонтова гора и педагогическая археология: дневник членов красноярского школьного археологического кружка им. И.Т. Савенкова (1924–1925 годы) // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 208–224.
5. Шиндина А.Б. К вопросу о сохранности книжного наследия г. В. Юдина в первые годы советской власти // IX Юдинские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Красноярск, 2021. С. 182–187.
6. Ипполитов В.А. Активисты поколения «революционного перелома» в конце 1920-х годов: социально-политический портрет (по материалам Тамбовского и Козловского округов) // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 2. С. 390–422.
7. Корзун В.П., Рыженко В.Г. Интервью А.В. Ремнева (29.04.2010) «О профессиональном историческом сообществе в тематическом научном пространстве» // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2015. № 4 (8). С. 194–201.
8. Мазур Л.Н. Человеческий капитал как объект исторического исследования // Человеческий капитал, 2020. № 11 (143). С. 34–49.
9. Еремеева А.Н., Заман М.Х. Однокурсницы. Зинаида Ермолаева и Нина Ключева: путь в профессию // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 191–199.
10. Мамышева Е.П., Гергилев Д.Н., Луцаева Г.М. Педагогические династии Енисейской Сибири (на материалах Хакасии, Тувы, Красноярского края) // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 278–294.
11. Шлюмбом О., Кром М., Зоколл Т. Микроистория: Большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 7–26.
12. Гонина Н.В. Микроистория как путь самопознания // Крестьяноведение. 2022. Т. 7, № 4. С. 182–190.

13. НА КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 6.
14. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 71.
15. НА КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 69–70.
16. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 72, 80 об.
17. НА КККМ. Оп.01. Д. 358. Л. 72.
18. НА КККМ. Оп.01. Д. 358. Л. 73.
19. НА КККМ. Оп.01. Д. 358. Л. 70.
20. НА КККМ. Оп.01. Д. 357. Л. 42.
21. НА КККМ. Оп.01. Д. 358. Л. 73–74.
22. НА КККМ. Оп.01. Д. 361. Л. 5.
23. НА КККМ. Оп.01. Д. 364. Л. 7об.
24. НА КККМ. Оп.01. Д. 358. Л. 72–73.
25. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39. Л. 22.
26. Отчет Енисейского Губернского экономического Сопещения Совету Труда и Обороны с мая по октябрь 1921 г. Красноярск: Гос. тип., 1922. 333 с.
27. НА КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 74.
28. НА КККМ. Оп. 01. Д. 364. Л. 7об.
29. Родигина Н.Н., Козлова И.С. Повседневная жизнь сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв.: методология исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2 (70). С. 84–89.
30. ГАКК. ФР-93. Оп. 4. Д. 18. Л. 6, 47–49.
31. НА КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 2.
32. НА КККМ. Оп. 01. Д. 363. Л. 8.
33. НА КККМ. Оп. 01. Д. 358. Л. 75.
34. НА КККМ. Оп. 01. Д. 361. Л. 5.
35. НА КККМ. Оп. 01. Д. 357. Л. 3.
36. НА КККМ. Оп. 01. Д. 360. Л. 7.

**ТРИ ПОКОЛЕНИЯ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО
КОМПЛЕКСА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ПО ТРУДАМ СОВЕТА
ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ**

Гергилев Денис Николаевич

Институт Российской истории Российской академии наук, Москва, Россия.

turilak@yandex.ru

Павлюкевич Руслан Витальевич

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

autocrator@yandex.ru

Проводится обзор эволюции представлений о направлениях развития экономического комплекса Красноярского края, отраженных в проектах, разрабатываемых советом по изучению производительных сил при госплане СССР. За основу взяты проекты 1960, 1970 и 1980 гг.

Ключевые слова: экономика, Красноярский край, плановые органы управления, СОПС, проекты развития

**THREE GENERATIONS OF PROJECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF THE NATIONAL ECONOMIC COMPLEX OF THE KRASNOYARSK
TERRITORY BASED ON THE PROCEEDINGS OF THE COUNCIL
FOR THE STUDY OF PRODUCTIVE FORCES**

Gergilev Denis Nikolaevich

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

turilak@yandex.ru

Pavlyukevich Ruslan Vitalievich

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

autocrator@yandex.ru

An overview is given of the evolution of ideas about the directions of development of the economic complex of the Krasnoyarsk Territory, reflected in projects developed by the Council for the Study of Productive Forces under the USSR State Planning Committee. The projects of 1960, 1970 and 1980 are taken as a basis.

Keywords: economy, Krasnoyarsk Territory, planning authorities, SOPS, development projects

Понятие «поколение» является достаточно новым для исторической науки, хотя уже давно используется в родственных и смежных науках, таких, к примеру, как социология или политология. При этом следует заметить, что данное понятие в социогуманитарных науках применяется преимущественно по отношению к человеку, к людям. Это, в принципе, логично, так как чаще всего под поколением понимается совокупность людей, родившихся в один промежуток времени и выросших в схожих условиях, а также прямая линия предков или потомков. В то же время данное понятие можно распространить и шире, ведь понятие «поколение»

используется и для обозначения группы объектов (например, машин, приборов или концепций), созданных в один период на основе схожих технологий и подходов.

Исходя из этого, целью представленного исследования выступает попытка рассмотреть разработанные совещанием по развитию производительных сил при Госплане СССР проекты развития народно-хозяйственного плана Красноярского края 1960, 1970 и 1980 гг. с позиции поколенческого анализа – рассмотрев элементы преемственности и факторы в рамках, которых они возникали. Тем более что с позиции демографии поколения, как правило, выделяются в рамках десятилетий, что совпадало с логикой данных программ.

Плановость выступала одним из центральных элементов управления всем народнохозяйственным комплексом СССР. Начиная с первых дней своего существования, советская власть готовила и продвигала все новые проекты по его освоению, в основе которых лежал принцип планирования. В целом не будет преувеличением сказать, что плановость и плановые органы стали центральным элементом всей советской системы управления.

Плановая система была отражением самой сущности Советского государства. Ее «мозгом» выступал Госплан СССР, образованный в 1923 г. на базе Государственной общеплановой комиссии (Госплана РСФСР), которая, в свою очередь, была создана на основе работавшей в 1920–1921 гг. Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). Пятилетки выступали ключевым элементом в рамках данной системы, но помимо них создавались и более долгосрочные программы, и планы. Важную роль в их формировании играл СОПС (Совет по изучению производительных сил). Он являлся научно-исследовательским учреждением при АН СССР, а позднее, в 1960-е гг., перешел в подчинение Госплану СССР. С этого момента его основной функцией, стало быть, головной организацией в территориально-экономических исследованиях, разрабатывать Генеральные схемы развития и размещения производительных сил и связанные с ними предплановые материалы. Чаще всего он разрабатывал десятилетние и более программы развития как отдельных отраслей промышленности, так и территорий. На основе этих программ происходила разработка пятилетних планов. Каждый из данных проектов создавался в определенных условиях и имел определенные задачи, но в то же время в них присутствовала логика преемственности.

С конца 1950-х гг. Красноярский край вступил в очередную фазу индустриальной модернизации. Под влиянием Великой Отечественной войны и вызванной ею эвакуации здесь была заложена основа для дальнейшего промышленного освоения региона. 1950-е гг. ускорили процессы трансформации региона из чисто сырьевого объекта в развитый промышленный субъект страны. Здесь появились предприятия химической, металлургической промышленности, машиностроения, начался процесс подготовки к строительству Красноярской гидроэлектростанции. В этих условиях в конце 1950-х гг. СОПС приступил к подготовке труда «Красноярский экономический район и вопросы управления его промышленностью» [1]. Фактически это был глобальный проект развития всего хозяйства региона. Основными факторами его формирования выступали функционирование системы СНХ, строительство ГЭС, а также фигура Н. С. Хрущева и его взгляды на развитие народнохозяйственного комплекса страны. Также следует заметить, что руководство разработкой проекта, который в 1964 г. был доработан, осуществлял Н. Н. Некрасов – член-корреспондент АН СССР, уроженец Сибири (родился в Иркутске).

Центральным фактором, по мнению авторов проекта, определявшим логику развития всего хозяйства Красноярского края, должны были выступать доступные и дешевые энергоресурсы. В частности, отмечалось, что в результате влияния ГЭС население в Красноярском промышленном узле вырастет до 2 млн человек в 1965 г. против 900 тыс. в 1954 г. Кроме того, предполагалось при разработке всех планов и проектов учитывать научно-экономические исследования [1, л. 15–16].

Исходя из этого, основную ставку в развитии эксперты предлагали сделать на химию (в первую очередь нефтехимию), в рамках которой предполагалось строительство шести новых крупных предприятий. В доработанном проекте 1964 г. добавлялось обоснование сооружения завода пластмасс и укрепления завода искусственного каучука. Вообще именно в проекте конца 1950–1960-х гг. на первый план выходила идея «Большой химии», и уже за ней шли все остальные отрасли региона. Среди главных проблем и угроз для развития региона в данных проектах выделялись заметные диспропорции в развитии отраслей хозяйства и нехватка человеческих ресурсов [1, л. 20–40].

Следующим проектом, фактически проектом второго поколения планов СОПСа, мы можем назвать «Комплексную схему развития Красноярского края в 1971–1980 гг.» [2]. В первую очередь следует обратить внимание на те элементы, которые можно назвать аспектами преемственности в рамках данных проектов. Это была центральная роль науки в освоении природных богатств страны. Следует заметить, что данная идея отражала общие настроения и воззрения, господствовавшие в Госплане, но также являлась отражением той реальности, в которой находились страна и регион. К этому моменту экономика страны во многом исчерпала возможности экстенсивного развития хозяйства, что, во-первых, продемонстрировали неудачи эпохи Н. С. Хрущева, а во-вторых, этого требовала логика дальнейшего уже позднеиндустриального витка индустриальной модернизации. В этих условиях ставка на науку была логичным и обоснованным шагом.

Другим элементом преемственности выступало восприятие энергетики края вместе с наличием богатых природных ресурсов как одного из центральных факторов, который необходимо учитывать при развитии региона. Более того, здесь это направление получает дальнейшее развитие. Если в проектах 1960-х гг. край условно делили на три основных промышленных узла – Енисейский, Красноярский и Минусинский, – то теперь к ним предполагалось добавить четвертый – Саянский [2, л. 9–15]. Появление в проектах данного узла было вызвано дальнейшим развитием проектов по строительству гидроэлектростанций. К началу 1970-х гг. Красноярская ГЭС уже была реальностью, и ее эффект стал очевиден, что вызвало необходимость проработать возможности узла, который сформируется вокруг уже строящейся Саяно-Шушенской ГЭС.

Новым элементом проектов, точнее относительно новым, было предложение рассматривать отдельно Север и Юг края. Отмечалось, что развитие Юга на данный момент приоритетнее в связи с наличием ГЭС и большей доступностью. Относительно Севера отмечалось, что развивать его нужно, но это требует большего количества ресурсов, чем имелось на тот момент. Другим элементом преемственности следует назвать отмечаемые основные слабости в развитии региона и угрозы проектам в лице острых диспропорций развития и нехватки трудовых ресурсов. Здесь же мы видим дальнейшее развитие этой идеи по сравнению с проектами 1960-х гг. В «Комплексной схеме развития производительных сил»

значительное внимание посвящено вопросам развития социальной сферы и сельского хозяйства [2, л. 16-27].

Другим отличием проектов 1960-х и 1970-х гг. выступает роль и значение химической промышленности. Если в проектах 1960-х гг. она выступала в качестве центральной отрасли в крае, ей уделялось гораздо больше внимания, чем, к примеру, металлургии или машиностроению, то в проектах 1970-х гг. она заметно уходит на второй план. Подобная ситуация во многом была следствием фигуры Н. С. Хрущева и его последующей отставки. Все мы помним, как 7 мая 1958 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, принявший постановление «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства», сыгравшее большую роль в расширении и углублении химизации страны. В целом следует заметить, что проекты 1970-х гг. были глубже и более проработанными, чем проекты 1960-х гг., что отражают даже их объемы.

Наконец, финальным проектом, который мы рассмотрим, стала схема развития производительных сил на 1980–2000 гг. [3]. Из всех трех поколений проектов именно данный был самым широким и комплексным, отраженным в нескольких отдельных томах и постоянно дорабатывавшимся. По этой причине в основу анализа была взята его первая, изначальная версия, разработанная в 1982 г. Его авторами помимо собственно СОПСа выступили ИЭиОПП (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН), ЦЭНИИ (Центральный научно-исследовательский институт экономики), Красноярская плановая комиссия и другие.

Первым ярким отличием от предыдущих итераций проектов выступает замена понятия экономических районов и узлов на территориально-производственные комплексы. Их появление было отражением господствовавших идей в советской экономической науке в области развития производительных сил. В рамках проекта развития 1982 г. на территории края выделялось три ключевых территориально-производственных комплекса: Канско-Ачинский, Саянский и Нижнеангарский.

Как и ранее, одним из ключевых достоинств Красноярского края в рамках данных проектов виделись доступность дешевой электроэнергии в крае благодаря как действующим, так и перспективным гидроэлектростанциям. Даже выделение имеющихся ТПК происходило именно на этой основе. При этом, в отличие от предыдущих двух проектов, здесь впервые указывались экологические риски, связанные с развитием гидроэнергетики. Отмечалось, что строительство новых каскадов приведет к дальнейшему сокращению запасов рыбы, сельскохозяйственных угодий и, что важнее, может привести к определенным климатическим изменениям. Появление данных опасений являлось следствием опыта и той реальности, с которой столкнулся Красноярский край после строительства ГЭС. Впрочем, авторы проекта при этом не призывали к отказу от их строительства, а лишь учитывать возможные отрицательные последствия. Тем не менее отражение данных тем уже свидетельствовало о значительных изменениях в работе плановых комиссий, о более вдумчивом комплексном подходе к работе.

Ключевыми отраслями экономики Красноярского края здесь, виделись те же, что и в проектах предыдущего поколения: электроэнергетика, цветная металлургия, топливная, лесная и деревообрабатывающая промышленность. При этом, вновь, как и в 1960 гг. возвращается интерес к химии, но в основном в контексте топливной и лесной промышленности.

Шире, по отношению к прежним итерациям, здесь виделся и список слабостей и недостатков в работе местного народнохозяйственного комплекса. Среди них назывались ведомственная разобщенность, слабое развитие транспортной инфраструктуры, но главной проблемой назывался кадровый дефицит [3, л. 24]. Следует заметить, что нехватка кадров называлась и раньше, в проектах 1970-х гг., но именно здесь авторы проектов попытались осуществить анализ причин этой проблемы, центральной из которых был назван тот факт, что среднемесячная зарплата, хоть и выше средней по стране, но не компенсирует более высокую стоимость жизни здесь [3, л. 25]. Поэтому центральной рекомендацией для решения этого вопроса выступало развитие социальной сферы, которому в проекте 1980-х гг. отводилось значительное внимание.

Таким образом, анализ трех поколений проектов развития народнохозяйственного комплекса показывает эволюцию и прогресс представлений о Красноярском крае и изменения в работе плановых органов страны. С одной стороны, многие из ключевых аспектов оставались неизменными. Красноярский край постоянно рассматривался как преимущественно промышленный регион. Ключевыми отраслями его экономики неизменно назывались энергетика, цветная металлургия, лесная промышленность. Среди слабостей назывались сложное географическое положение, что осложняло развитие транспортной сети, и нехватка рабочих кадров. В то же время сами проекты постепенно менялись: с каждой новой итерацией они становились все сложнее и разветвленнее. Если проекты 1960-х гг. в основном делали ставку на промышленность, то уже в проекте 1982 г. мы видим заметное внимание к вопросам экологии, сельского хозяйства и социальной среды. Дальнейшее развитие данных проектов тем не менее натолкнулось на крах советской системы, однако отдельные наработки тех лет находят свое отражение в современных программах экономического развития региона.

Источники и литература

1. Российский государственный архив экономики. Ф. 399. Оп. 1. Д. 1558.
2. Российский государственный архив экономики. Ф. 399. Оп. 3. Д. 922.
3. Российский государственный архив экономики. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1834.

**УТРАТА «ЧУВСТВА ХОЗЯИНА» И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПОКОЛЕНИЕМ
КРЕСТЬЯН, ПРОЖИВАВШИМ ВО ВРЕМЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР,
КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ В СЕЛЬСКОМ
ХОЗЯЙСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

Есин Роман Сергеевич, советник директора по воспитанию
МБОУ Школа № 106, Железногорск, Россия
Silvarium@mail.ru

История сталинской коллективизации уже не один десяток лет изучается учеными. В историографии можно выделить различные оценки в отношении построения коллективных хозяйств. Одним из распространенных мнений является то, что сталинская коллективизация привела к потере «чувства хозяина» у крестьян, что в свою очередь привело к снижению их производительности. С такой оценкой согласны не все исследователи. В статье демонстрируется, что «чувство хозяина» не всегда влияет на производительность, а коллективизация со временем дала рост производства в деревне.

Ключевые слова: коллективизация, Красноярский край, колхозы, поколение

**THE LOSS OF THE "FEELING OF OWNER" AND INDEPENDENCE OF THE PEASANT
GENERATION DURING COLLECTIVIZATION IN THE USSR AS A FACTOR
AFFECTING PRODUCTIVITY IN AGRICULTURE
(ON THE EXAMPLE OF THE TERRITORY OF THE MODERN KRASNOYARSK KRAI)**

Esin Roman Sergeevich, Counselor of the Director on Education
MBOU School No. 106, Zheleznogorsk, Russia
Silvarium@mail.ru

The history of Stalin's collectivization has been studied by scholars for decades. Historiography offers various assessments of the establishment of collective farms. One common view is that Stalin's collectivization led to a loss of "ownership" among peasants, resulting in a decline in their productivity. However, not all researchers agree with this assessment. This article demonstrates that "ownership" does not always correlate with productivity, and that collectivization eventually led to increased agricultural production in the countryside.

Keywords: collectivization, Krasnoyarsk Region, collective farms, generation

Тема «поколений» изучается ряд десятилетий. В публицистике, западных и прозападных энциклопедиях разработка теории поколений приписывается Т. Штраусу и Н. Хау. Однако и русские исследователи занимались этим вопросом. Так в толковом словаре С.И. Ожегова даются следующие определения «поколения»: 1) родственники одной степени родства по отношению к общему предку (предкам); 2) одновременно живущие люди (особи) близкого возраста; 3) группа людей, близких по возрасту, объединенных общей деятельностью (Выросло новое поколение ученых); 4) переносное: серия приборов, механизмов, изделий в ее отношении к предшествующим или последующим сериям [1, с. 58].

Кроме того, как и западные исследователи, российские ученые изучали и изучают отдельные поколения подробно, с выявлением общего и отличного, их особенностей.

Отдельной темой является изучении психологии крестьян, живших в период построения коллективных хозяйств в СССР.

Масштабную работу в этом направлении провели многие исследователи.

Так В.В. Гришаев в своих работах по истории коммун провел анализ мотивов объединения крестьян в коммуны, продемонстрировал психологическую атмосферу в них [2–4].

Кроме него значительный вклад в исследование вопроса внесли такие историки как В. А. Ильиных, Н. Я. Гущин, В. П. Данилов и др. [5, с. 112–134; 6].

Изучение особенностей психологии крестьян на территории современного Красноярского края провели С. Н. Вострова и Р.С. Есин [7, 8].

Многие ученые, в том числе и на региональном уровне, выделяют у поколения коллективизации такие качества как коллективизм и отсутствие «чувства хозяина» (самостоятельность и чувство собственности) делают вывод о том, что данные изменения сделали крестьян равнодушными к результатам их труда. Так, уральский историк И. Г. Серебрякова, пишет: «Лишение сельского труженика самостоятельности способствовало развитию в крестьянской среде равнодушия, безынициативности, привело к изменению трудовой психологии, к утрате крестьянином самоуважения, ответственности за результаты труда» [9, С. 21]. Далее И.Г. Серебрякова пишет про насильственную мотивацию государством крестьян на работу. Примерно такую же позицию занимает красноярский историк С. Н. Вострова говоря о «чувстве хозяина» [7, с. 187].

Полагаем, что по ряду причин с точкой зрения указанной выше можно согласиться лишь отчасти.

Используя метод аналогии и понимая его ограниченность можно сравнить в контексте мотивации труда строителей пирамид в Древнем Египте и крестьян времен коллективизации.

Не так давно было распространено мнение, что пирамиды строили рабы. Однако многие исследователи задавались вопросом, как рабы, при их крайне низкой мотивации движимые только насильственным способом могли построить одно из чудес света. Но как оказалось великие достижения не совершались и не совершаются только рабами. Так, например, согласно исследованиям последних десятилетий, в древнем Египте пирамиды строили не рабы, а свободные люди, о чем в интервью «РБК Life» рассказал директор Центра египтологических исследований РАН Сергей Иванов: «строители каждый день ходили на работу, их кормили и поили, у них был собственный некрополь» [10].

Таким образом видно, что пирамиды строились без применения насилия со стороны государства, свободными египтянами, что не были собственниками пирамид, но применили колоссальные усилия для их постройки. Таким образом видно, что не всегда чувство собственности влияет на производительность.

Но даже если согласится с тем, что «чувство хозяина» имело важное значение для отношения крестьян к результатам своего труда, то этой идее противоречат цифры.

Так, за счет освоения новых земель во время коллективизации на территории Красноярского края в 1936 г. вдвое (по сравнению 1917 г.) увеличились посевные площади, втрое выросли посевы яровой пшеницы [11, с. 291].

Эти результаты были достигнуты благодаря коллективизации в первой половине 1930-х гг., когда шел рост процента коллективных хозяйств относительно единоличных, что отражено в двух таблицах ниже (См. таблицы № 1 и № 2).

Таблица 1 - Процент коллективизации в округах, расположенных на территории современного Красноярского края в 1929 – январе 1930 г. [12]

Округ	Процент коллективизации в октябре 1929 г.	Процент коллективизации на 30 января 1930 г.
Красноярский	5,24	25
Канский	–	22
Хакасский	–	15
Минусинский	3,5	12–13
Ачинский	4,2	6,2

Известно, что коллективизация не сразу дала результаты по росту производства сельскохозяйственной продукции в СССР. Но из таблиц и информации о производительности приведенной выше видно, что с ростом процента коллективизации постепенно начался и рост производительности аграрного сектора экономики.

В итоге можно заключить, что изменения в психологии поколения крестьян, прошедших коллективизацию были значительными. Чувство сопричастности крестьян с тем, что они делали изменилось, но не исчезло. История других народов и статистика производительности в сельском хозяйстве СССР демонстрируют, что «чувство хозяина» не всегда приводит к равнодушному отношению людей к результатам своего труда, и снижению производительности, а только насильственные методы не дают значительных достижений.

Таблица 2 - Процент коллективизации в основных районах, располагавшихся на территории современного Красноярского края в 1932 г. [13, л. 5; 14, л. 5; 15, л. 38; 16, л. 26, 464, 10; 17, л. 100]

Район	1932 г.
Красноярский	50,4 %
Ачинский	Нет данных
Канский	50,4 %
Минусинский	73,18 %

Источники и литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999.
2. Гришаев В.В. Красный хлебодор: история сибирского колхоза. Красноярск, 1973.
3. Гришаев В.В. Коммунары Сибири. Красноярск, 1987.
4. Гришаев В.В. История сельскохозяйственных коммун. Красноярск, 1986.
5. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987.
6. Данилов В.П. К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации // Исторические записки. 1966. Т. 70. С. 3–4.
7. Вострова С.Н. Изменения в социальной психологии крестьян Восточной Сибири в период сплошной коллективизации: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2005.
8. Есин Р.С. Отношение крестьянства к сталинской коллективизации в начале 1930 г. на территории районов современного Красноярского края // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. №1. С. 154–163.

9. Серебренникова И.Г. Социальная психология крестьянства Урала в период сплошной коллективизации (1929–1933 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.
10. Египтолог Хавас раскрыл, кто построил пирамиду Хеопса // РБК Life. 2025. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6867767b9a79476be31497b3> (дата обращения: 25.10.2025).
11. Очерки истории Красноярской партийной организации / редкол. Н.П. Силкова [и др.]. Красноярск, 1982.
12. Коллективизация сибирской деревни, январь-май 1930 г. [сборник документов] / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т истории, Ком. гос. архивной службы Администрации Новосибирской обл., Гос. архив Новосибирской обл. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 64–93.
13. Ф.П.-46. Оп. 2. Д. 2.
14. Ф.П.-1818. Оп. 1. Д. 4.
15. Ф.П.-70. Оп. 6. Д. 7.
16. Ф.П.-54. Оп. 1. Д. 166.
17. Ф.П.-17. Оп. 1. Д. 149.

**ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ ХАКАСИИ ВО ВРЕМЯ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)**

Кискидосова Т.А.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия
tak_74@mail.ru

Статья посвящена трудовому воспитанию учащихся школ в Хакасии в годы Великой Отечественной войны. Основой трудовой деятельности детей стало сельскохозяйственное производство. Все школы области были ориентированы на трудовое воспитание учащихся и оказании помощи фронту.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Хакасия, школьники, дети, школа, трудовое воспитание

**LABOR EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN IN KHAKASSIA DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)**

Kiskidosova T.A.

Khakass Research Institute of Language, Literature, and History, Abakan, Russia
tak_74@mail.ru

The article is devoted to the labor education of school students in Khakassia during the Great Patriotic War. Agricultural production became the basis of children's labor activities. All schools in the region focused on teaching students to work and helping the front.

Keywords: Great Patriotic War, Khakassia, schoolchildren, children, school, labor education

В обстановке военного времени в школах Хакасской автономной области стали больше времени отводить трудовому воспитанию детей и подростков. С начало войны в планах общеобразовательных школ вводились новые дисциплины – основы сельского хозяйства и допризывная военная подготовка. Введение в школьную программу курса основ сельского хозяйства означало подготовку и использование труда учащихся в сельскохозяйственном производстве. В средних школах для учащихся 7–10-х классов вводилось обязательное обучение сельскохозяйственным работам. Предполагалось, что к концу учебного года ученики полностью освоят программу занятий по агрономии. Старшекласников обучали производственным правилам агротехники и освоению работ на простейших сельскохозяйственных машинах. Специально организовывали группы для изучения тракторов [1, л. 15]. Изучение тракторного дела было необходимо для подготовки подростков к выполнению полевых работ. Необходимо учитывать, что устройства трактора и танка имеют определенную схожесть и в перспективе учащиеся могли управлять танками. Одновременно учащиеся получали военно-патриотическое воспитание. Таким образом, образовательный процесс был максимально адаптирован к условиям военного времени [2, с. 60].

В условиях военного времени, при острой нехватке трудовых ресурсов учащиеся выполняли различные виды работ и трудились наравне со взрослыми. В

1942 г. в Абакане состоялось областное совещание по вопросу трудовой деятельности подростков Хакасии и Красноярского края. На совещании было принято решение о включении подростков во Всесоюзное социалистическое соревнование за получение передового Красного знамени Государственного Комитета Обороны. Участники совещания приняли обязательство в 1942 г. заработать трудодней больше установленного минимума. Каждый школьник и пионер обязывался прополоть площадь посевов не менее 5 га, скосить паровой косилкой ежедневно не менее 6-7 га, силами молодежи построить в колхозах и совхозах области 400 крытых токов, организовать массовый сбор лекарственных трав. Партийные органы власти приняли решение мобилизовать молодежь на повышение производительности труда в период сенокоса, паровспашки, прополки и уборки урожая с тем, чтобы *«дать фронту и стране больше хлеба, мяса, молока и для окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков»* [3, л. 12]. Подростки Хакасии брали на себя обязательство, что совместными с молодежью вспахать 30 тыс. га паровой земли. Для выполнения этой задачи требовалось поставить к каждому плугу не менее 2 тыс. подростков. На каждом конном плуге вспахивать около 1 га в день. Подростки Хакасии выступили с обращением ко всем подросткам и учащимся Красноярского края: *«Дорогие сверстники! Позаботимся об урожае 1943 г. Самая лучшая наша помощь фронту – героически трудиться на колхозных и совхозных полях. Мы обязуемся, что в 1942 г. каждый учащийся 4–5 класса выработает не менее 50 трудодней, 6-7 класса – 150 трудодней, 8–10 классов – 200 трудодней. Пионеры и школьники! Следуйте нашему примеру, включайтесь во Всесоюзное соревнование школ за лучшее участие в сельскохозяйственных работах»* [3, л. 23]. В газете «Советская Хакассия» было опубликовано письмо-призыв к абаканским школьникам следовать примеру уйбатских школьников выращивать кроликов, кур и гусей, а также сушить картофель, морковь и свеклу для снабжения Красной армии. Учеников призывали овладевать агротехническими специальностями, чтобы заменить взрослых, ушедших на фронт [4, 31 марта, с. 1]. Всего в 1942 г. учащиеся Хакасии собрали и выкормили более 10 тыс. кур, отправили бойцам Красной армии – до 2 тыс. голов овец, свиней и кроликов [3, л. 22].

В период каникул учеников привлекали к общественно-полезной работе. В школах под руководством учителей из учащихся формировали бригады, которые выезжали в совхозы и колхозы и оставались там до начала учебного года. Они выполняли большой объем работ и вырабатывали большое количество трудодней. Школьные бригады являлись хорошей помощью колхозникам в сезон полевых работ [5, л. 46]. Во время летней оздоровительной компании в пионерских лагерях и на пришкольных участках наряду с военно-физкультурным воспитанием была организована помощь колхозам и совхозам. Педагоги усилили работу по прививанию у подрастающего поколения отзывчивости к свершению общественно-полезных дел. Важную роль отводили повышению трудоспособности и энергии для свершения трудовых подвигов в свободное от уроков время. Во время каникул стало традицией привлекать детей к работам на огороде и в поле, сбору ягод и лекарственных растений, на борьбу с сельскохозяйственными вредителями и т. д. Для учащихся 1–4-х классов при каждой школе организовывали пришкольные участки с отводом специальных грядок для передачи с них урожая в фонд обороны страны [6, л. 79].

Школьников привлекали к работе в подсобных хозяйствах. Екатерина Ивановна Пенькова вспоминала, что их детей из поселка Шипилинского вывозили в село Половинка, где было подсобное хозяйство золотодобывающих рудников. Там

выращивали картофель, морковь, капусту, свеклу. Е. И. Пенькова рассказывала: *«Мы наравне со взрослыми помогали выращивать овощи, а осенью собирали урожай. Все дети были заняты работой, без дела никто не сидел»* [7].

Активной трудовой деятельностью занимались даже ученики начальной школы. Например, за лето 1942 г. учащиеся начальных классов Саралинской школы собрали 230 кг грибов, 362 кг ягод, 1652 кг лекарственных растений. Широко практиковалась отправка школьников в качестве помощи колхозникам в напряженные периоды сельскохозяйственных работ. Специально формировали ученические бригады под руководством учителей, которые выезжали в колхозы и совхозы. На протяжении всего лета до конца каникул школьники вместе с учителями трудились, чтобы повысить сбор урожая. В летние каникулы 1942 г. около 15 тыс. учащихся школ Хакасии под руководством 690 учителей работали на колхозных полях. Ученики выработали 275665 трудодней, учителя – 13763 трудодня. По неполным данным всего во время летних полевых работ они отработали на сумму 126811 руб. [8, л. 10]. Летом 1943 г. показатели заметно повысились: учащиеся выработали 731425 трудодней. В среднем на одного школьника приходилось по 18–20 трудодней. Только на сборе колосьев работали 5780 чел., объединенных в 341 отряд. Они собрали 2626 ц зерна [9, л. 117]. В учебное время во время уборочных работ старшеклассников снимали с занятий и направляли на работы в колхозы и совхозы. Например, осенью 1942 г. в Ширинском районе на поля колхоз Алтын-Чуль во время хлебоуборки 26 школьников зарабатывали трудодни, пропуская занятия в школе. Между ними проводились соревнования и многие перевыполнили нормы выработки. С начала сентября отряд из 28 учеников отправили в колхоз Хызыл-Аал [10, с. 4]. В условиях острой нехватки рабочих рук, на работу в поля выходили школьники.

Во внеучебное время школьников старались приобщить к проведению различных мероприятий, связанных с помощью фронту, семьям военнослужащих и т.д. Старшеклассников отправляли на заготовку дров, сбор металлолома, строительные работы и др. В школах учителя организовывали «посиделки», как у взрослых с целью подготовки теплых вещей для воинов Красной армии. Под руководством учителей ученики собирались в школах, где вечерами они перерабатывали шерсть, вязали носки, варежки и шарфы бойцам. Одновременно они готовили посылки с подарками для фронта. Например, в 1942 г. только в Ширинском районе школьники подготовили свыше 2,5 тыс. теплых вещей, более 130 посылок с новогодними подарками для защитников Родины [11, л. 1 об.].

Многие учащиеся Хакасии принимали активное участие в тимуровском движении. Пионеры-тимуровцы помогали семьям военнослужащих: заготавливали дрова, производили побелку квартир и утепляли дома, подвозили воду и т. д. Учащиеся оказывали помощь в воскресниках, работали на огороде и в поле, собирали лекарственные травы и металлолом и др. Учителя абаканской школы № 10 Галина Петровна Хантель и Нина Алексеевна Миллер рассказывали, что учителя вместе с учениками шефствовали в госпитале. Каждому классу прикрепляли отдельную палату, и школьники навещали раненых бойцов. Всем коллективом школы организовывали концерты, вязали солдатам теплые носки, стряпали пироги, писали письма, приносили овощи с огорода [12].

Таким образом, в годы военного лихолетья жители тыла, в том числе и подрастающее поколение, перестроились к экстремальным условиям. Повсеместно в школах большая роль отводилась трудовому воспитанию учащихся. Труд

школьников в основном использовался в сельскохозяйственном производстве. Подростки и дети, лишившись полноценного детства, трудились наравне со взрослыми и помогали Красной армии. Оказывая огромную помощь фронту, они верили, что приближают Победу.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Хакасии (НАРХ). Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 418. Л. 15 об.
2. Очирова В.Н. Отечественные историки о военном детстве сибиряков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 58–64.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 1038.
4. Призыв к абаканским ребятам // Советская Хакассия. 1942. 31 марта (№ 76).
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 752.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 400.
7. Информант Пенькова (Марьясова) Е.И., 1934 г.р., записал Конев Илья в 2017 г. // Музей МБОУ «СОШ № 10».
8. НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 425.
9. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1026.
10. Кокова Е. Школьники на полях колхозов // Советская Хакассия. 1942. 23 сент. (№ 223).
11. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 883.
12. Информант Миллер Н.А., записала Конева Зинаида Федоровна в 2016 г. // Музей МБОУ «СОШ № 10».

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ НАТУРАЛЬНОЙ ДОРОЖНОЙ ПОВИННОСТИ

Коношенко Андрей Михайлович, преподаватель
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
konoshenko@yandex.ru

В статье рассматриваются этапы становления натуральной дорожной повинности населения как способа содержания дорог в Российской империи. Приводятся данные о попытке в Восточной Сибири перевода натуральной повинности в денежную. Освещаются аспекты отбывания натуральной дорожной повинности крестьянами Енисейской губернии в XIX в.

Ключевые слова: натуральная дорожная повинность, Восточная Сибирь, Енисейская губерния

TO THE QUESTION OF HISTORY OF THE NATURAL ROAD SERVICE

Konoshenko Andrey Mikhailovich, Lecturer
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
konoshenko@yandex.ru

The article examines the stages of the development of the population's natural road service as a method of maintaining roads in the Russian Empire. It provides data on an attempt to convert the natural service into a monetary one in Eastern Siberia. The article also highlights the aspects of the natural road service fulfilled by the peasants of the Yenisei Province in the 19th century.

Keywords: the natural road service, Eastern Siberia, Yenisei Province

До появления водного и наземного парового транспорта перевозка грузов и проезжающих осуществлялась сухопутными гужевыми средствами передвижения. Возможность же передвижения напрямую зависела от технического состояния проезжей части, которую необходимо было поддерживать в пригодном для езды состоянии.

В Соборном уложении царя Алексея Михайловича, изданном в 1649 г., статьями главы IX «О мытах и о перевозах и о мостах» обязанность содержания участков дорог, проходящих по владельческим землям, возлагалась на вотчинников и помещиков [1, с. 15]. В государевых землях следить за транспортной инфраструктурой должны были «верные головы и целовальники или откупщики» [1, с. 16]. За самовольное затопление или перепахивание дороги, виновный должен был проложить новый путь, а в случае неудобства нового маршрута – восстановить старый [2, с. 62]. В Соборном уложении определялся правовой статус дорог, чего не отражалось в документах предшествующих периодов [2, с. 203].

В правление императора Петра I наступил следующий этап в вопросе дорожного ремонта. Высочайшей резолюцией на докладные пункты Камер-коллегии «О содержании дорог» от 13 ноября 1724 г. в основу российской системы содержания дорог была положена шведская. Ремонт путей, проходивших через деревни производился местным населением в весеннее и осеннее время, свободное от

сельскохозяйственных работ, под надзором земского комиссара. Крестьян также обязывали ремонтировать тракты, которые делились на участки с помощью столбиков с названиями сел и деревень, назначенных для ремонта [4, № 4591, с. 362–363].

Новый этап дорожного строительства в Российской империи начался в первой трети XVIII в. и был мотивирован организацией Второй Камчатской экспедиции. В инструкции руководителю экспедиции В. Берингу, изданной 16 марта 1733 г., предписывалось организовать регулярное почтовое сообщение сибирских городов с Москвой [5, № 6351, С. 63]. Так было положено начало формирования московско-Сибирского тракта.

По губернской реформе Екатерины II 1755 г. дороги, мосты и переправы через реки передавались в ведение нижних земских судов [6, № 14392, с. 252]. Земский исправник в случае необходимости ремонта мостов и дорог должен был «...велеть поправлять тем, кому надлежит, без упущения времени, и к тому принудить может.» [6, № 14392, с. 254]. Как и в более ранних документах, ремонт дорожной инфраструктуры возлагался на крестьян в качестве натурально дорожной повинности [7, с. 25].

К проблеме состояния дорог в Российской империи вновь обратились в правление императора Павла I. Сенатским указом, изданным 31 августа 1797 г., во всех российских губерниях рекомендовались к применению правила о устройстве и содержании дорог, существовавшие в то время в Лифляндской, Литовской и Курляндской губерниях. Эти правила были составлены в Риге периода Лифляндского рыцарства еще в январе 1668 г. и ратифицированы в Стокгольме в сентябре 1671 г. [8, с. 96]. Обязанность поддержания дорог в исправном состоянии, по указанным правилам, возлагалась на крестьян. Характерно то, что дорога делилась на участки учетом особенностей местности. Например: один локоть (1 шведский локоть – приблизительно 0,6 метра) возвышенной насыпной дороги равнялся трем локтям твердой дороги; один локоть твердой кряжевой дороги равнялся ста локтям песчаной дороги и т.д. Вся протяженность дорог рассчитывалась в локтях по указанному принципу, в зависимости от рельефа, суммировалась и делилась на участки между селениями, с учетом близости к последним [9, № 18120, с. 714]. Уже через пять лет, после путешествия по России, Александр I констатировал неудовлетворительное состояние дорог и именным указом повелевал в густонаселенных губерниях применять правила 1797 г. и в расчетах использовать не шведские, а российские меры длины [10, № 20319, с. 188], данный указ не распространялся на Сибирь [8, с. 96].

Устройство и содержание дорожной сети в Сибири должно было регламентироваться уставом «О содержании сухопутных сообщений в Сибири», утвержденным в 1822 г. В соответствии с уставом создавалось управление сухопутными сообщениями, а натуральная дорожная повинность заменялось денежной. Сумма сбора, рассчитывалась на три года и не должна была превышать для енисейской губернии два рубля на одного человека [8, с. 110]. Для выполнения дорожных работ предполагалось сформировать рабочие команды, которые делились по назначению: 1) на содержание дорог; 2) на постройку зданий и средств переправы; 3) для улучшения дорог. [11, № 29130, С. 488]. В Восточной Сибири было сформировано только две команды, общее количество рабочих в которых не превышало ста человек. Их задачей было обустройство участка Якутского тракта вблизи Иркутска [12, с. 368].

Устав исполнялся непродолжительное время, уже в 1828 г. его действие было приостановлено [13, с. 458]. Принятию такого решения способствовал генерал-губернатор Восточной Сибири А.С. Лавинский, заявлявший о дороговизне и неэффективности рабочих команд. К тому же, после введения устава, ремонт второстепенных дорог так и оставался обязанностью крестьян [12, с. 368]. Натуральная дорожная повинность была восстановлена в Восточной Сибири 31 декабря 1828 г. [14, № 2567, с. 1239].

В Енисейской губернии капитальный ремонт дороги осуществлялся в конце весны — начале лета, когда крестьяне заканчивали основные весенние сельскохозяйственные работы [15, л. 2]. Ему предшествовал подготовительный этап, приходившийся зимой. В это время крестьяне заготавливали и вывозили на места ремонта пиломатериал для мостов и гатей. Также в зимний период заготавливалась галька и камень для дорожного покрытия. [16, с. 182].

Отбывать повинность обязаны были мужчины в возрасте от 18 до 50 лет [17, л. 3]. Для летнего исправления дороги отводился месяц, но фактически работы продолжались в течение двух месяцев, так как крестьяне трудились в две смены. После завершения ремонта дорогу осматривал земский исправник, который либо принимал результаты работы крестьян, либо заставлял доделывать неисправности. На время отбывания дорожной повинности крестьяне самостоятельно обеспечивали себя пропитанием и инструментом для работы.

Кроме летнего ремонта крестьяне привлекались для расчистки дороги от снега в зимний период. Во время дождей и весенней распутицы в случае острой необходимости крестьян также привлекали к восстановлению дороги.

Поддержание дорог в состоянии, пригодном для движения по ним является одной из главных задач государства. Решение этой проблемы в Российской империи осуществлялось через натуральную дорожную повинность населения. Для крестьян эта обязанность являлась одной из самых тяжелых, так как требовала от них временных затрат и определенного технического оснащения. Как отмечал Н.В. Латкин, поддержание тракта с помощью отбывания натуральной повинности было обременительно для крестьян, в то же время «...не стоившего казне, можно сказать, ни одного рубля денег» [5, с. 387]. Попытки властей перевести натуральную повинность в денежную не увенчались успехом, так как это оказывалась более дорогостоящая мера.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 1. 1649–1675: [№№ 1–618]. СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. XXXI. 1029. 13 с.

2. Толстоба С.Н. Публично-правовая ответственность за ненадлежащее содержание дорог и дорожных сооружений по Соборному уложению 1649 г. // Актуальные проблемы полицейского права: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Омск, 1–2 июня 2021 г. Омск: Омская академия МВД РФ, 2021. С. 60–62.

3. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / отв. ред. К.Н. Сербина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 271 с.

4. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 7. 1723–1727: [№№ 4137–5219]. СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. 925 с.

5. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 9. 1733–1736: [№№ 6294–7142]. СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. 1025 с.
6. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 20. 1775–1780: [№№ 14233–15105]. СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. 1034 с.
7. Кузьмин Е.П. Законы, коррупция и дорожный вопрос в России XVIII века // Марийский юридический вестник. 2015. № 4(15). С. 23–26.
8. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как сановная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII – XIX вв.: монография / под ред. Е.И. Соловьевой. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. 372 с.
9. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 24. 6 ноября 1796–1798: [№№ 17530–18301]. СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. 872 с.
10. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 27. 1802–1803: [№№ 20099–21111]. СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. 1122. 87 с.
11. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 38. 1822–1823: [№№ 28858–29724]. СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. 1355 с.
12. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 г. Т. 2. СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1872. VII, 752 с.
13. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск, 1883. 779 с.
14. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 2-е. 1828 г.]. Т. 3. [№№ 1677–2574 / 31]. СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. 1642 с.
15. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.609 Оп. 1. Д. 2009.
16. Hansteen Christopher Souvenirs d'un voyage en Sibérie; trad. du norvégien par Mme Colban et revus par MM. Sédillot et de La Roquette. Paris: Perrotin, 1857. 428 p.
17. ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1428.
18. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. Спб.: Тип. и литогр. В.А. Тиханова, 1892. II, III, 466 с.

ОБРАЗ ПОКОЛЕНИЙ ПОКОРИТЕЛЕЙ ЦЕЛИНЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ЖУРНАЛЕ «СИБИРСКИЕ ОГНИ» 1954 г.

Левина Жанна Ефимовна, доктор исторических наук, доцент, профессор
Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия
zhlevina55@yandex.ru

На основе малоизученных источников выделяются особенности образов поколений покорителей целинных земель Омской области. Выявлено, что в характеристике представителей «поколения победителей» и «молчаливого поколения», осваивавших целинные земли в 1954 г., «базовые» материальные потребности не фигурируют. В качестве основных индивидуальных мотивов показываются потребности, связанные с личностным развитием.

Ключевые слова: история Сибири, история поколений, освоение целины, антропологический поворот, «маленький человек», иерархия потребностей

THE IMAGE OF GENERATIONS OF CONQUERORS OF THE VIRGIN LANDS OF THE OMSK REGION IN THE MAGAZINE «SIBERIAN LIGHTS», 1954

Levina Zhanna Yefimovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor
Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia,
zhlevina55@yandex.ru

On the basis of poorly studied sources, the features of the images of generations of conquerors of the virgin lands of the Omsk region are distinguished. It is revealed that in the characteristics of the representatives of the «generation of winners» and the «silent generation» who developed virgin lands in 1954, «basic» material needs do not appear. The main individual motives are the needs associated with personal development.

Keywords: the history of Siberia, the history of generations, the development of virgin lands, the anthropological turn, the «little man», the hierarchy of needs

В отечественных гуманитарных исследованиях выделены этапы изучения проблемы поколений [1], востребованные классификации, наиболее исследованные поколения [2, с. 269] Анализ образов поколений покорителей целинных земель Омской области в публикации старейшего толстого литературного журнала России «Сибирские огни» за 1954 г. направлен на создание более полного представления о системе ценностей советской культуры, формирование объемной картины исторического развития страны и выделение особенностей региона. Выбор источника обусловлен особенностями периодической печати и журналистского очерка, не только предъявляющих событийно-фактическую ленту и господствующие в обществе идеологемы, но и дающих представление о качественных характеристиках эпохи.

Первые земледельцы, начавшие осваивать степные земли в начале XX в., показывались в 1954 г. как безземельные крестьяне, бежавшие из тупика бедности в поисках счастья. В характеристике этого поколения преобладают витальные ценности. Деятельность и результаты периода оценивались в соответствии с советской концепцией дореволюционной Сибири. Земли осваивались с большим трудом,

примитивным способом, урожаи были низкими, богатая степная почва истощалась. [3, с. 127] Безликая масса, движимая индивидуальными материальными потребностями, в новых условиях повторяла судьбу предыдущих поколений, разделившись на удачно интегрировавшихся в новые условия «кулаков» и не осуществившую планы «бедноту». Экономическое неравенство подтверждалось фактами, полностью повторяя данные советской печати 30-х годов. По подсчетам 1939 г. в селе Лотошном Красноозерского района Алтайского края, до коллективизации 75% лучших, удобно расположенных земель принадлежали 40 кулацким семьям. 25% наделов 476 бедняцко-середняцких хозяйств, раздробленных на мелкие полоски, находились зачастую в 10-15 км от села. [4, с. 26] В 1954 г. журнал сообщал о сибирских бедняках и середняках, составлявших 84% крестьянства, но владевших 11% земли, в то время как в распоряжении кулаков находились 80% угодьев. Образ Сибири, рисовавшийся М. Горьким как «необъятный край необъятного горя» (1939 г.) сохранялся в 1954 г.: «Нет, при капиталистическом строе не было крестьянину-труженику приволья и на сибирских просторах». [3, с. 128]

Представители второго поколения, участвовавшего в сибирской реализации советского проекта освоения новых земель в 30-е годы, изображаются мудрыми наставниками, старающимися не повторить ошибок, допущенных предшественниками. [3, с. 131]

В характеристике третьего поколения, прибывшего осваивать целинные земли в 1954 г., «базовые» материальные потребности не фигурируют. Обращаясь к социальному аспекту, автор показывает благополучие и ясные перспективы прежней жизни своих героев. Среди приехавших 12 марта 1954 г. в Омск москвичей, были электрослесарь московского метрополитена Александр Палюткин, бывший помощник начальника станции метро «Автозавод им. Сталина» Адель Нидиляева, агент по снабжению трикотажной фабрики, молодые строители из Щербаковского района столицы, столяр Василий Михайлов, автослесарь Анатолий Чистяков, каменщики Александр Хлебов и Дмитрий Андреев из Коминтерновского района. хорошо знавшие как выглядит Москва с высоты двенадцатого этажа, но впервые видевшие сибирскую степь. [3, с. 126, 127]

Для некоторой части молодежи, уехавшей когда-то в Москву из Смоленской, Рязанской области, «тянувшейся к земле», отъезд на целину стал способом возвращения к деревенской жизни. В качестве основных индивидуальных мотивов показываются потребности, связанные с личностным развитием. Творчество и самореализация раскрываются в двух сюжетных линиях. Научный поиск связан с жизнью и деятельностью директора совхоза Крутикова. Конструирование образа, характерное для показа в журналистике «маленького человека», включало социальный аспект и значимые данные биографии. За двадцать пять лет работы Петр Семенович освоил около десяти профессий. Работал погонщиком быков, прицепщиком, трактористом, электромонтером, бухгалтером. Заочно сумел закончить Омский сельскохозяйственный институт. Хотел участвовать в освоении земель Алтайского края, но «не отпустили из области». Одним из первых вызвался «строить» новые хозяйства на Омской земле. Одновременно, более десяти лет, искал способы борьбы с пыреем. Привлек к изучению растения всю семью. Экспериментировали, выращивая сорную траву на собственном огороде. Итогом многолетней работы стал собственный метод очищения полей от «врага» зерновых культур. Административную деятельность и исследовательскую работу совмещал с учебой в заочной аспирантуре Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства.

Организаторская практика первых целинных дней не помешала директору получить отличную оценку по спецкурсу «земледелие», но ставила под вопрос срок экзамена по иностранному языку. Заболев ангиной, вынужденную паузу использовал для работы над рукописью об освоении пырейных залежей для московского издательства. [3, с. 133] Освоение целины для Крутикова означало возможность исполнить «мечту» о применении своего метода на больших территориях. [3, с. 127] Творческое совершенствование методов и приемов защиты зерновых культур акцентируется в 1954 г. на сюжете, активно разработанном советскими средствами массовой информации в конце 1930-х гг. Особое внимание в тот период уделялось успехам сибирской науки в селекционной работе и результатам экспериментов омского ученого Н.В. Цицина, «впервые в истории нашей селекции» скрестившего «злостный» сорняк с «культурной пшеницей», [5, с. 57, 62].

Самоактуализация, потребность в раскрытии своего потенциала, творческом самовыражении связана с метрополитеновцем Александром Палюткиным, который привез из Москвы не только охотничье ружье, порох и пуд дрови, но и семена цветов. В столице, на Потылихе, у него был маленький садик, в Сибири он мечтал развести большой настоящий сад. [3, с. 127] Традиционная для русской и советской литературы, тема сада яркой линией проходит по всему очерку. За несколько дней садовод-любитель сумел заразить своей мечтой новых знакомых: «мысль о садах в степи овладевает не только Палюткиным, но и другими его товарищами – новоселами этих мест». [3, с. 131] В Черлакском овцесовхозе комсомольцы прежде, чем приступить к работе, успели осмотреть плодовый сад. Палюткин долго не отрывал глаз от яблонь, стоявших в снегу до самых крон: «Что грезилось ему в эту минуту? Покинутый маленький сад на Потылихе? Или тот сад, который будет разбит на усадьбе совхоза «Сибиряк»? [3, с. 133] Образ сада, символизирующего прошлое и будущее в очерке 1954 г., очень близок к представлению этого направления растениеводства советскими масс-медиа 1939 г., когда сады и садоводство Сибири подавались не только как феномены, имеющие экономическое, научное, эстетическое значение, но и превращались в один из символов преобразования Сибири в «цветущий социалистический индустриально-аграрный край».

Автор не упоминает о достижениях науки и практики 30-х гг. в областях, связанных с интересами основных персонажей, мотивировавших их участие в целинной компании. Борьба с сорняком и разведение садов из государственных планов, уже реализованных профессионалами и профильными учреждениями, превращаются в личные мечты и увлечения, которые только предстоит осуществить любителям и энтузиастам. Герои, принадлежащие, согласно популярной классификации, к «поколению победителей» (П.С. Крутиков) и «молчаливому поколению» (А. Палюткин), представлены людьми, вдохновленными идеями и целями предвоенного времени. Идентичными показываются потребности тридцатилетнего добровольца-метрополитеновца и председателя совхоза, с почти тридцатилетним трудовым стажем. Структура, сюжеты, факты, оценки во многом совпадают с формой подачи материала справочной литературой 1939-1940 гг.

Источники и литература

1. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 3. С. 7–25.
2. Воронцова Ю.А. Теоретическая основа теории поколений // Ученые записки ОГУ. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 3(72). С. 269–273.
3. Араличев И. За Иртышом // Сибирские огни. 1954. № 3. С. 127–133.
4. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Сибирь: путеводитель. М.: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 46 с.
5. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Главный павильон: путеводитель. М.: Изд-во ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 79 с.

**ОЦЕНКА СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ В МОНГОЛИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНФОРМАЦИОННОГО
АГЕНТСТВА «МОНЦАМЭ»)**

Суржко Антон Валерьевич, кандидат исторических наук
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского
отделения Российской академии наук», Красноярск, Россия
surzhkoanton@yandex.ru

В статье проанализирована оценка наследия Советского Союза в современной Монголии, представленная в изданиях одного из крупнейших монгольских информационных агентств «Монцамэ». Проведен сравнительный анализ сквозь призму смены поколений монгольских граждан, заставших поздний социалистический и последовавшие за ним периоды.

Ключевые слова: советско-монгольские отношения, российско-монгольские отношения, СССР, МНР, «Монцамэ», смена поколений

**ASSESSING SOVIET LEGACY IN MONGOLIA THROUGH THE PRISM
OF GENERATIONAL CHANGE (BASED ON MATERIALS FROM
THE MONTSAME NEWS AGENCY)**

Surzhko Anton Valerievich, Candidate of Historical Sciences
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Federal Research Center «Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences», Krasnoyarsk, Russia
surzhkoanton@yandex.ru

This article analyzes the assessment of the Soviet Union's legacy in modern Mongolia, as presented in a publication by «Montsame», one of Mongolia's largest news agencies. A comparative analysis is conducted through the lens of generational change among Mongolian citizens who lived through the late socialist and subsequent periods.

Keywords: Soviet-Mongolian relations, Russian-Mongolian relations, USSR, Mongolian People's Republic, «Montsame», generational change

В настоящее время, согласно официальным документам, российско-монгольские отношения развиваются в русле «всеобъемлющего стратегического партнерства». Укрепление дружественных отношений между Россией и Монголией представляется особо значимым ввиду формирования единого торгово-экономического пространства на азиатском континенте, участниками которого также являются Китай, Казахстан и КНДР.

Колоссальное влияние на становление и развитие суверенного монгольского государства оказал Советский Союз. В этой связи представляется важным сформировать понимание того, как менялась оценка советского политического, социально-экономического и культурного наследия в монгольском обществе. Этот вопрос теснейшим образом связан с проблемой смены поколений, поскольку

социалистический период в истории двух государств с каждым годом становится все дальше, все меньше остается живых и активных участников рассматриваемых событий. В этой связи большую роль в формировании позиции современного поколения играют средства массовой информации. Цель настоящей статьи заключается в анализе того, как менялась оценка советского наследия в Монголии в материалах одного из крупнейших государственных информационных агентств «Монцамэ».

Говоря непосредственно о советском наследии в Монголии, то переоценить его представляется достаточно сложно. Прежде всего, Советский Союз сыграл одну из ключевых ролей в становлении Монголии как суверенного государства. В годы Второй мировой войны при активной военной поддержке СССР Монгольская Народная Республика сохранила свою независимость. Позиция советского политического руководства также позволила ей защититься от посягательств на свою государственность со стороны Китая. В 1961 г. МНР стала членом ООН, а еще через год вступила в СЭВ, завершив тем самым процесс оформления своего международно-правового статуса. Советский Союз неоднократно предоставлял монгольской стороне кредиты, оказывал практическую помощь в строительстве и эксплуатации десятков современных промышленных предприятий, развитии транспортных коммуникаций, объектов социальной инфраструктуры. Помимо этого, советская сторона активно участвовала в процессе подготовки кадров высшей квалификации для нужд развивающегося монгольского государства [1].

В тоже время, в системе советско-монгольских отношений существовали некоторые негативные моменты. Прежде всего, политическое руководство МНР было вынуждено следовать в русле идеологических установок Советского Союза, как неформального лидера всего социалистического лагеря. Это ограничивало модернизацию монгольского общества исключительно социалистическим путем, зачастую приобретавшим догматический характер. Кроме того, находясь в экономической зависимости от СССР, Монголия была весьма ограничена во внешней политике, фактически не имея возможности развивать сотрудничество с капиталистическими государствами [2].

По указанным выше причинам, в социалистический период оценки советского влияния на монгольское государство и общество, представленные в монгольской прессе, были весьма однообразными и тенденциозными. Так, выступая на XXIV съезде КПСС в 1971 г. (в год 50-летия установления советско-монгольских отношений), первый секретарь ЦК МНРП и глава монгольского правительства Ю. Цеденбал, выражал «самую сердечную благодарность ... за защиту наших [монгольских – прим. автора] завоеваний, за постоянную чистосердечную братскую помощь, за искреннюю дружбу и тесное сотрудничество». На следующий день его речь была растиражирована всеми крупными монгольскими издательствами, в том числе – входящими в структуру «Монцамэ» [3, с. 174].

Подобная оценка советского влияния в целом находила отклик у большинства монгольских граждан. Например, известный монгольский дипломат, служивший послом в Казахстане, Узбекистане и Грузии Д. Баярхуу так вспоминал о своем юности, проходившем в социалистический период: «наше поколение хвасталось построением социализма, шло в Эрдэнэт с союзным манифестом, шло в Эрдэнэт, чтобы пользоваться благами монголо-советской дружбы и расти как русские братья» [4].

Далее обратимся к той оценке, которую советское наследие получает на страницах изданий «Монцамэ» в настоящее время, т. е. по прошествии полной смены

поколений, выросших без внешнего политического давления. На официальном сайте информационного агентства за 2015–2025 гг. Советский Союз упоминается около 150 раз. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что конфликт на Халхин-Голе, союзнические отношения СССР и МНР в годы Второй мировой войны остались в рамках прежней системы интерпретации. Еще в 1981 г. в Улан-Баторе был установлен памятник маршалу Г.К. Жукову. В настоящее время о военачальнике пишут как о человеке, «сыгравшем особую роль и внесшем ценный вклад в победу в войне на Халхин-Голе», «своим воинским мастерством внесшем особый вклад в достижение победы» [5]. Не менее высоко оцениваются и заслуги других советских военачальников. Например, о маршале К.К. Рокоссовском говорится, что он «внес значительный вклад в организацию и укрепление Народно-революционной армии МНР» [6], а генерал И.А. Плиев характеризуется как «пример для подражания для молодежи», внесший «выдающийся вклад в строительство ... дружбы между монгольским и русским народами» [7].

Благодаря помощи Советского Союза Монголия достигла одного из самых больших своих достижений в области науки и техники – в 1981 г. отправила в космос своего гражданина Ж. Гуррагча. Полет проходил на советском космическом корабле «Союз-39» под командованием советского же космонавта В.А. Джанибекова. «Монцамэ» уделяет достаточно большое внимание годовщинам этого события. «Историческое событие сделало МНР 10-й страной в мире, отправившей человека в космос», при помощи СССР Монголия «стала пятой страной в мире, эксплуатирующей свои приборы в космосе» [8]. К юбилею В.А. Джанибекова издательство отмечало, что «монгольский народ всегда высоко ценил его вклад в освоение космоса и его роль в превращение совместного монголо-русского полета из мечты в реальность» [9].

В современной Монголии по-прежнему высоко оценивается вклад советских учебных заведений в дело подготовки высококвалифицированных национальных кадров: «за историю нашей страны более 60 тыс. выходцев из России [имеются ввиду выпускники советских учебных заведений – прим. автора] трудились во всех отраслях, получив высшие и специальные квалификации» [10]. Приводятся высказывания российского историка и общественно-политического деятеля Е.И. Лиштованного о «заслуге тысяч монголов, окончивших вузы и техникумы в СССР... как результат исторического сотрудничества двух стран» [11].

Не забывают монголы и о вкладе СССР в промышленно-индустриальное развитие страны. Например, отмечалось, что еще в 1920-е гг. при содействии Советского Союза «в нашей стране был построен первый сталелитейный завод, впоследствии были введены в эксплуатацию типография, электростанция, узкоколейная железная дорога Улан-Батор – Налайха, железная дорога Чойбалсан – Соловьевск и железная дорога Наушки – Улан-Батор» [12]. Однако большой акцент в прессе на этих достижениях не делается. Во-многом это связано с тем, что в настоящее время многие «старые предприятия, построенные по советским технологиям выработали свой ресурс, техника устарела и пришла в негодность» [13].

Государственные и партийные деятели СССР, его политический строй и идеологические установки в целом остаются вне сферы внимания публикаций «Монцамэ». Однако некоторая политическая ориентация в них, безусловно, просматривается. Так, перестройка в СССР и распад социалистического лагеря трактуются как необходимое условие для начала процесса демократизации в Монголии [14]. В этой связи, высокую оценку получают такие деятели

позднесовесткой эпохи как М.С. Горбачев («человек, положивший конец холодной войне») и Э.А. Шеварднадзе [15].

Таким образом, представляется справедливым вывод, сделанный исследователем А.В. Михалевым, что попытки переосмысления советско-монгольских отношений в негативном ключе в современной Монголии оказываются на периферии общественно-политического дискурса [16, с. 138]. Монгольское государство проводит последовательную политику по сохранению советского наследия, поскольку оно неразрывно связано с легитимностью его существования, соответствует политическим интересам обеих стран на данном этапе взаимоотношений.

Источники и литература

1. Суржко А.В. Вклад регионов Сибири в развитие советско-монгольских отношений (1946-1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Красноярск, 2025. 23 с.
2. Ганжуров В.Ц. Россия – Монголия: история, проблемы, современность. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. 181 с.
3. Советско-монгольские отношения. 1921–1974: документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 2. М.: Международные отношения, 1979. 616 с.
4. Бидний үеийнхэн түмэн буруутай, харин Та нар? // UNEN.mn. URL: <https://www.unen.mn/a/100207> (дата обращения: 01.11.2025).
5. Монгол, Оросын төрийн тэргүүн нар Г.К.Жуковын хөшөөнд хүндэтгэл илэрхийлэв // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/199586> (дата обращения: 01.11.2025).
6. К.К. Рокоссовскийн дурсгалын хөшөө, «Эх орны баатар» музейн нээлтэд оролцов // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/210591> (дата обращения: 01.11.2025).
7. ЗХУ-ын хошой баатар, БНМАУ-ын баатар И.А.Плиевийн хөшөө Зайсанд сүндэрлэв // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/72400> (дата обращения: 01.11.2025).
8. Сансрын хамтарсан нислэгээр 36 туршилт судалгаа явуулж байжээ // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/257556> (дата обращения: 01.11.2025).
9. Сансрын нисэгч Владимир Жанибековт баяр хүргэв // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/260282> (дата обращения: 01.11.2025).
10. Орост төгсөгчдийн дурсамжаар хоёр орны түүхийг өгүүлэв // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/171280> (дата обращения: 01.11.2025).
11. Гадаад дахь Монгол оюутнуудын талаар нарийн судалгаа хийх шаардлагатайг онцлов // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/171563> (дата обращения: 01.11.2025).
12. ЗХУ-ын тусламжийг гэрэл зургаар өгүүлж байна // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/284060> (дата обращения: 01.11.2025).
13. Технологийн шинэчлэл хийх шаардлагатай болжээ // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/51573> (дата обращения: 01.11.2025).
14. Ардчиллаар овоглосон 30 жил // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/209193> (дата обращения: 01.11.2025).
15. ЗХУ-ын удирдагч асан М.Горбачев таалал төгсжээ // MONTSAME.mn. URL: <https://montsame.mn/mn/read/302947> (дата обращения: 01.11.2025).
15. Михалев А.В. Символы советского присутствия в постсоциалистической Монголии // Политическая наука. 2020. № 2. С. 126–142.

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

УДК 9.332.05.

ДИНАМИКА ТОВАРООБОРОТА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОРГОВОЙ СЕТИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (1953–1965 гг.) КАК ОТРАЖЕНИЕ СМЕНЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПОКОЛЕНИЙ

Баранова Александра Сергеевна, ассистент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия.

a-s-baranova@mail.ru

На материалах Красноярского края 1953–1965 гг. исследуется развитие торговли как индикатор социальных изменений. Анализ показывает переход от экономики дефицита к основам массового потребления, где потребление стало инструментом социализации. Сделан вывод, что количественный рост и структурные изменения торговой сети стали материальной основой для нового образа жизни в послевоенном обществе.

Ключевые слова: советская торговля, Красноярский край, оттепель, розничный товарооборот, общество потребления, структура потребления, поколенческий сдвиг

THE DYNAMICS OF TRADE TURNOVER AND THE TRANSFORMATION OF THE RETAIL NETWORK IN THE KRASNOYARSK TERRITORY (1953–1965) AS A REFLECTION OF THE GENERATIONAL CHANGE OF CONSUMERS

Baranova Alexandra Sergeevna, Assistant

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia.

a-s-baranova@mail.ru

This study, based on materials collected in the Krasnoyarsk Territory between 1953 and 1965, examines the development of trade as an indicator of social change. The analysis shows the transition from the economy of scarcity to the fundamentals of mass consumption, where consumption has become a tool of socialization. It is concluded that quantitative growth and structural changes in the retail network provided the material basis for a new way of life in post-war society.

Keywords: Soviet trade, Krasnoyarsk Territory, thaw, retail turnover, consumer society, consumption structure, generational change

Торговля является одним из индикаторов социальных изменений и роста благосостояния. Трансформация периода «оттепели» нашла свое отражение в сфере потребления, где статистические данные о товарообороте и развитии торговой сети Красноярского края в 1953-1965 гг. выступают ценным источником. Динамика этих показателей может отражать не только количественный рост товаров и товаропроводящей сети, но и качественные изменения – смену доминирующей потребительской модели.

Для понимания изменений важно учитывать исходный контекст. В послевоенное время капиталовложения перераспределялись в пользу тяжелой и оборонной промышленности в обход социальной сферы, что закономерно приводило к ухудшению уровня жизни населения. Выходом из ситуации были постановления, направленные на развитие подсобных хозяйств предприятий и индивидуального огородничества [14, с. 723]. Параллельно государство также волновало качество товаров народного потребления, в частности продовольственных и рост их поставки населению [16, с. 350–362; 15, с. 235; 17, с. 354], что было проблемой в связи с кризисом подсобных хозяйств многих предприятий и учреждений края [18, с. 59–60].

Ключевым поворотным моментом стала отмена карточной системы и переход к свободной торговле в декабре 1947 г. Если в период Великой Отечественной войны карточная система позволяла осуществлять контроль за расходом продовольственных товаров в масштабах государства, то после ее окончания она явилась фактором, сдерживающим дальнейшее развитие экономики [18, с. 170–171]. Отметим, что переход к свободной торговле в Красноярском крае не отменил централизованного распределения в последующие годы, но дополнил его коммерческим сектором. За счет ресурсов кооперации, колхозов и личных подсобных хозяйств государство стремилось смягчить продовольственный кризис и укрепить государственную систему снабжения [18, с. 215–216].

После смерти Сталина были намечены новые планы по дальнейшему развитию, согласно которым, при сохранении высокого уровня развития тяжелой промышленности, необходимо было, тем не менее, оказать поддержку развитию производства предметов потребления [1, с. 49]. Эти вопросы и прочие (бытовое обслуживание населения [3, с. 53; 2, с. 87–88], сеть магазинов и предприятий общественного питания [3, с. 53], качество товаров [3, с. 30] и их ассортимент [2, с. 85]) были рассмотрены на съездах и пленумах ЦК КПСС.

В эволюции торговой системы важную, но меняющуюся роль играла колхозно-базарная торговля. В 1945–1953 гг. она была важным источником продуктов питания для городского населения, а ее роль за время войны возросла в несколько раз [18, с. 64–65]. Еще в 1955–1956 гг. колхозная торговля Красноярского края продолжала играть значимую роль в товаропроводящей сети, однако в последующие годы ситуация изменилась: уже в 1960-е гг. заметно падение объемов продаж мяса, овощей и зерна [11, с. 83]. Причины сложившейся ситуации включают в себя неудачи целинной кампании, нерешенности кормовой проблемы, меры по сокращению личных подсобных хозяйств (последнее значительно ударило по снабжению продовольственными товарами предприятий общественного питания) [11, с. 86]. В результате доля государственной и кооперативной торговли в товарообороте в целом по государству вытесняет колхозную. Это касалось даже продажи продовольственных товаров, где ее доля в указанные годы была на 5–6% выше, чем по данным таблицы (табл. 1).

Таблица 1 - Доля государственной, кооперативной и колхозной торговли в товарообороте страны (1945–1956 гг.) (сост. по: [12, с. 338])

Год	В процентах к итогу		
	Государственная	Кооперативная	Колхозная
1945	42	12	46
1950	64	24	12
1956	65	28	7

Несмотря на то, что количественно происходит рост торговой сети Красноярского края, что должно соответствовать потребностям растущего населения, на практике данного количества не хватало. В 1961 г., например, на 1 рабочее место в торговой сети в Красноярском крае приходилось в среднем 250 человек, при норме по РСФСР 150 человек [4, л. 20], в 1962 г. 233 человека [5, л. 10], в 1963 – 205 [6, л. 13], в 1964 – 199 [7, л. 6]. Даже при положительной динамике этого было недостаточно.

Рост товарооборота в условиях увеличения числа торговых предприятий, населения края – процесс закономерный. Розничный товароборот государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание в Красноярском крае составлял в 1950 г. – 462,5 млн руб., 1958 г. – 919,0 млн руб., 1960 г. – 1105,4 млн руб., 1962 г. – 1248,5 млн руб., 1963 г. – 1318,6 млн руб [13, с. 444]. Этот процесс сопровождался специализацией торговой сети. В годы войны специализированной торговой сети был нанесен урон, помещения магазинов по продаже пром-, спорт-, ювелир- товаров переходили в подчинение иных необходимых учреждений и предприятий [18, с. 44]. Послевоенное восстановление специализированной торговой сети часто сталкивалось с проблемами несоответствия техническим требованиям и структурой ассортимента [18, с. 209]. Аналогичные проблемы сохранялись и в 1950-е гг., например в 1958 г. в Красноярске и ряде других городов были проблемы с ассортиментом молочной продукции, неприспособленность магазинов приводила к торговле кислым молоком [8, л. 120].

Несмотря на проблемы и низкий темп специализация продолжалась. Всего на 01.01.1960 было специализировано около 27 % магазинов, особенно плохо специализировалась торговая сеть в рабочих поселках и сельской местности [10, л. 71].

Одновременно с этим происходило также изменение в структуре розничного товарооборота. Доля непродовольственных товаров в товарообороте возросла и достигала почти 50 %. Подобная тенденция началась с окончания войны и продолжилась в 1950-х и 1960-х гг. (табл. 2) [19, с. 196]. Это свидетельствует о трансформации общества, когда удовлетворение базовых потребностей в питании уступает новому образу жизни, где есть место потреблению с целью удовлетворения более сложных социальных и культурных запросов, а также стремлению к комфорту.

Таблица 2 – Доля продовольственных и непродовольственных товаров в общем объеме товарооборота в 1945–1958 гг., % (сост. по: [18, с. 196; 9, л. 37–39])

Товары	1946	1947	1948	1955	1956	1957	1958
Продовольственные	70,86	67,61	59,21	51,6	52,1	52,29	53,79
Непродовольственные	29,14	32,39	40,79	48,4	47,9	47,7	46,21

Анализ развития торговли в Красноярском крае в послевоенные десятилетия наглядно демонстрирует трансформацию потребительского поведения, отражающую смену поколенческих моделей. Эта эволюция прошла путь от экономики выживания к формированию основ массового потребления, где ключевым индикатором изменений стало не только количественное расширение торговой сети, но и качественное изменение структуры спроса.

Поколение «отцов», сформировавшееся в условиях военного времени и послевоенной разрухи, практиковало стратегию выживания, основанную на жесткой экономии и самообеспечении. Карточная система, колхозно-базарная торговля и массовое развитие личных подсобных хозяйств были не просто экономическими механизмами, а формами адаптации к дефициту. Переход к бескарточной торговле в

1947 г. и последующее развитие отрасли торговли ознаменовали начало постепенных изменений. Одним из свидетельств этого перехода стал структурный сдвиг в розничном товарообороте, где доля непродовольственных товаров достигла почти 50%. Потребление переставало быть исключительно способом удовлетворения физиологических нужд, становясь инструментом социализации, элементом досуга и частью формирующейся городской культуры. Запросы смещались от простого наличия вещей к их качеству и разнообразию.

Таким образом, развитие торговой сети Красноярского края в 1953-1965 гг. стало основой для глубокого поколенческого сдвига. Увеличение количества магазинов, специализация сети и изменение структуры товарооборота создали инфраструктуру, которая позволяла новому поколению реализовывать свои потребительские практики. Этот переход от культуры дефицита к формирующейся культуре потребления стал основой для дальнейшей трансформации советского общества.

Источники и литература

1. XX съезд коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1 / отв. по вып. В. Гуревич. М.: Госполитиздат, 1956. 640 с.
2. XXII съезд коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. В 3 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1962. 608 с.
3. Внеочередной XXI съезд коммунистической партии Советского Союза. 22 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1959. 592 с.
4. ГАКК. Ф-Р-1478. Оп. 3. Д. 372. Л. 20.
5. ГАКК. Ф-Р-1478. Оп. 3. Д. 386. Л. 10.
6. ГАКК. Ф-Р-1478. Оп. 3. Д. 407. Л. 13.
7. ГАКК. Ф-Р-1478. Оп. 3. Д. 429. Л. 6.
8. ГАКК. Ф-Р-1478. Оп. 3. Д. 647. Л. 120.
9. ГАКК. Ф-Р-1478. Оп. 3. Д. 650. Л. 37–39.
10. ГАКК. Ф-Р-1478. Оп. 3. Д. 652. Л. 71.
11. Гонина Н.В., Павлюкевич Р.В. Колхозные рынки Красноярска в 1955–1966 годах // Крестьяноведение. 2021. № 3. С. 79–89.
12. Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах: стат. сб. М.: Гос. стат. Изд-во, 1957. 370 с.
13. Народное хозяйство РСФСР в 1963 году: стат. ежегодник / Центральное статистическое управление РСФСР. М.: Статистика, 1964. С. 444.
14. О выделении земель для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих: постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7 апреля 1942 г. // Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. 888 с.
15. О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов: постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 22 августа 1945 г. № 2139 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 235.

16. О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольственных товаров и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями: постановление Совета Министров СССР от 9 ноября 1946 г. № 2445 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 350–362.

17. О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольственных товаров и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями: постановление Совета Министров СССР от 9 ноября 1946 г. № 2445 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 354.

18. Пашина Н.В. Торговля и снабжение населения Красноярского края в послевоенный период (1945–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Красноярск, 2018. 260 с.

РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ ЦАРСТВУЮЩЕГО ДОМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Бегишева Анастасия Сергеевна, магистрант

Глазовский государственный инженерно-педагогический университет
имени В.Г. Короленко, Глазов, Россия
koty418@yandex.ru

Кабилова Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент

Глазовский государственный инженерно-педагогический университет
имени В.Г. Короленко, Глазов, России
irina.kabirova@gmail.com

Статья посвящена поколению россиян XVII века. Центральное внимание уделяется царицам Н.К. Нарышкиной, А.С. Грушецкой и царевне Софье, отразившим дух времени бунташного века. Прослеживается влияние женщин царствующего дома на судьбу страны и европеизацию государства.

Ключевые слова: женщины, преобразования, модернизация, европеизация, царица, Нарышкина Н.К., Грушецкая А.С., царевна Софья

RUSSIAN WOMEN OF THE REIGNING HOUSE OF THE SECOND HALF OF THE XVIIth CENTURY

Begisheva Anastasia Sergeevna, Master's Student

Glazov Engineering and Pedagogical University named after V.G. Korolenko, Glazov, Russia
koty418@yandex.ru

Kabirova Irina Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Glazov Engineering and Pedagogical University named after V.G. Korolenko, Glazov, Russia
irina.kabirova@gmail.com

The article is devoted to the generation of Russians of the 17th century. The central attention is paid to the queens N.K. Naryshkina, A.S. Grushetskaya and tsarevna Sofia, who reflected the spirit of the time of the rebellious age. The influence of the women of the reigning house on the fate of the country and the Europeanization of the state is traced.

Keywords: women, transformation, modernization, Europeanization, queen, Naryshkina N.K., Grushetskaya A.S., Tsarevna Sofya

Российских людей, живших в XVII веке, можно смело отнести к категории «поколение». Недаром XVII век называли «бунташным веком». На протяжении этого времени все социальные слои населения по-своему решали экономические, политические, социальные, национальные, культурные проблемы, как внутреннего, так и внешнего характера, которые им выдвигала жизнь. Решение проблем сформировало особое мышление людей, обусловило сходство их жизненного опыта.

В XVII веке в России зарождались элементы культуры Нового времени, для которой был характерен отход от церковных традиций и канонов. Культура активно впитывала западноевропейские тенденции. Шел процесс модернизации, тесно связанный с европеизацией – проникновением европейских традиций, произведений

и стилей в Россию. Наибольшее влияние имели государства Швеция и Речь Посполитая, с которыми Россия вела войны. Из Польши, а также из присоединенной Левобережной Украины в страну усиленно шел поток новых идей, культурных форм, эстетических пристрастий и просто полезных и удобных в быту вещей. Однако большая часть населения была привержена российскому укладу жизни, определяемому Домостроем, когда женщине отводилась зависимое от мужчины положение.

Тем не менее во второй половине XVII века именно представительницы слабого пола смогли заявить о себе, решая сложные государственные проблемы. Можно сказать, что «женщинами-реформаторами» того времени были царицы Н.К. Нарышкина, А.С. Грушецкая и царевна Софья.

Царица Наталья Кирилловна Нарышкина, европейка по образованию, разделяла прогрессивные для женщины того времени взгляды. Внешность, характер, а также умственные способности Н.К. Нарышкиной заставляют нас предположить, что ее сын Петр Алексеевич был похож больше на нее. По описаниям иностранцев, Наталья Кирилловна высокого роста, с большими черными глазами на выкате, имела круглый рот и высокий лоб. Она обладала возвышенным характером и сильным умом. В отличие от девушек своего времени, вела более свободную жизнь [1, с. 83].

С детства Наталья Кирилловна воспитывалась у боярина Артамона Матвеева, любимца царя Алексея Михайловича. Будучи западником и человеком просвещенным, Артамон установил европейские порядки у себя дома. Его дом был по-европейски украшен, а домочадцы получили образование, которое было общепринятым в Европе. [2, с. 260]. Алексей Михайлович встретил впервые Наталью Кирилловну в доме ее воспитателя и сразу же влюбился. Он женился на ней, несмотря на козни царского двора [2, с. 260–261].

Наталья Кирилловна начала вводить новые порядки при дворе. Она была первой царицей, которая посетила театральное представление, могла танцевать и участвовала в дипломатических приемах, что было неслыханным явлением для того времени [3, с. 299]. До Нарышкиной русские царицы в большинстве своем вели затворнический образ жизни, если и «выезжали на люди», то в закрытой карете. Новая царица решила показать себя людям, и в одну из своих поездок «приоткрыла» окно кареты. Народ, привыкший, что царица - лицо недосягаемое, был шокирован таким поступком. Новость дошла до царя. Алексей Михайлович поговорил со своей супругой, и та уступила желанию народа [1, с. 83]. Известно, что Наталья Кирилловна во время празднования своих именин приняла у себя все боярство, и раздавала ему пироги из собственных рук, что было в диковинку для русских цариц времен Домостроя [4, с. 140]. За годы брака Наталья Кирилловна родила царю троих детей: сына Петра и дочерей Наталью и Федору [2, с. 261]. Царица окружила своих детей с самого их рождения европейскими вещами, поэтому нет ничего необычного в том, что уже с детства будущий государь Петр Алексеевич «тянулся» ко всему западному [5, с. 544].

Царь Алексей Михайлович недолго прожил в браке со своей молодой женой, он умер, оставив Наталью молодой вдовой, а маленьких детей – сиротами. Из-за небольших возможностей семьи Нарышкиных Петру пришлось дать классическое по тем временам образование: выучить богословию, грамоте. Данным вопросом государыня занялась лично. Одним из самых известных учителей Петра был Никита Зотов, выбранный его матерью. Он учил мальчика грамоте и не только, Петр очень любил книжки с иллюстрациями, которые ему показывал учитель. Зотов заметил

интерес мальчика к иллюстрациям и сказал об этом царице-матери. Наталья Кирилловна распорядилась, чтобы выдали исторические книги из дворцовой библиотеки и заказала несколько новых иллюстраций живописного дела мастерам. В книгах были изображены города, оружие, здания [5, с. 545–546].

После смерти бездетного царя Федора Алексеевича на трон избрали малолетнего Петра Алексеевича [6]. В 1682 году произошло восстание стрельцов, где Наталья Кирилловна проявила небывалую храбрость для женщины: она сама вышла к разъяренным стрельцам и показала своего сына царевича Петра. На глазах этой женщины, подстрекаемые Софьей стрельцы, убили ее родственников Нарышкиных. Но молодая царица не сдавалась, она смогла сохранить самообладание [7].

После стрелецкого бунта в стране стало два царя: Петр и Иван, и регентом при них – царевна Софья. Петр Алексеевич был сослан со своей матерью в село Преображенское под Москвой. Влияние матери на царя было огромным, Наталья Кирилловна даже сама выбрала невесту своему сыну [8, с. 133].

О влиянии матери на жизнь Петра свидетельствует их переписка. Известно только одно письмо Натальи Кирилловны к сыну, уже государю Петру Алексеевичу. В нем она писала, как скучает по нему, когда он в отъезде, но при этом понимает, что он заботится о благе государства, как и следует поступать истинному государю. Будучи женщиной образованной, Наталья Кирилловна в письме приводит изречения известного древнегреческого философа Феокрита. Из этого письма видно, что мать поддерживала любые начинания своего деятельного сына, хоть и очень беспокоилась о нем [9].

Письма самого царя к матери проникнуты уважением и сыновьей любовью. Обычно в письмах Петр просил благословения на работу у своей матушки, спрашивал как ее здоровье. Нередко государь рассказывал о своих делах, и царица-мать была в курсе государственных дел сына. Все письма матери Петр адресовывал следующими словами: «Государыне моей матушке, Царице Наталье Кирилловне», что говорит о ее высоком статусе [8, с. 128–130].

Еще одной необычной царицей того времени была Агафья Грушецкая – жена царя Федора Алексеевича. За короткий период своего правления он сделал многое, осуществив преобразования в разных жизненных сферах. Его по праву считают российским реформатором, первым из русских царей, провозгласившим основной целью своих деяний соблюдение «общего блага». Будучи царевичем, Федор был обучен иностранным языкам, разбирался в живописи, музыке, поэзии. Своим учителем царь считал Симеона Полоцкого, который повлиял на Федора Алексеевича в плане ориентации на европейскую культуру при посредничестве Польши.

Федор Алексеевич впервые увидел свою суженую во время крестного хода. Ему бросилась в глаза необычная девушка, одетая на польский манер с распущенными волосами, прикрытыми меховой шапочкой, в необычном платье, с живым и насмешливым взглядом. Государь выяснил, что девушка – некто Агафья Грушецкая, дочь смоленского шляхтича польского происхождения, ставшего московским дворянином. Родня Федора Алексеевича – Милославские – не одобрила царский выбор. Ему подыскивали невесту, более выгодную с точки зрения расстановки сил при дворе. Досадуя, И. Милославский стал распространять слухи, что якобы мать Агафьи «и она в некоторых непристойностях известны». В дом девушки были посланы доверенные лица, долженствующие выяснить правдивы наветы или нет. Но свою судьбу Агафья решила сама. Она вышла к гостям и заявила, что все слухи – ложь. Поступок для девицы XVII века неслыханный, и вскоре Федор Алексеевич повенчался с Агафьей Семеновной.

Агафья благотворно влияла на супруга. Она оказалась женщиной активной и деятельной, принимая участие в управлении страной. По многим вопросам царь советовался с ней. При дворе по ее инициативе была введена мода на польское платье, бритье волос по-польски и изучение польского языка [10, с. 763]. Царь, а за ним и все приближенные, стали носить длинные волосы на голове и брить бороды, отращая лишь аккуратные усы. В этих преобразованиях Петр Великий оказался не первым. Агафья ввела в моду женские шапки, которые открывали волосы, и их можно было носить распущенными или укладывать в замысловатые прически.

До Грушецкой русские женщины, как и мужчины, носили охабни - неудобную одежду. Государыня велела их отменить, а мужчинам носить польские кунтуши и сабли на боку. Но самым значимым нововведением царицы считается открытие в Москве польских и латинских школ, где дети обучались латыни и польскому языку, что свидетельствует о явной образованности русской царицы, и ее понимании процессов в области развития культуры [7].

Царица Агафья Грушецкая – женщина, сумевшая понять и почувствовать передовой дух времени. Будучи православной и рожденной в России, она переняла нормы и взгляды европейского общества и считала необходимым и полезным для российского государства преобразования в разных сферах жизни.

Царевна Софья – первая женщина в России, предпринявшая попытку стать самодержцем, феномен русской истории. Выросшая при дворе своего отца Алексея Михайловича, она впитала входящую в русскую жизнь западную культуру. Софья получила «мужское», по тем временам, образование, обучаясь грамоте вместе с братьями. Ее учителем был западник Симеон Полоцкий. Благодаря ему, царевна выучилась говорить по-польски, читала жития святых на польском языке. [2, с. 262]

Царевне были не чужды роскошь и культура византийского двора. Ее идеалом была византийская царевна Пульхерия, правившая при своем неспособном брате [4, с. 86–87]. Обладая большим умом и другими полезными для правителя качествами, Софья смогла завоевать популярность в дворянской среде [8, с. 26]. Ее учитель, Симеон Полоцкий, посвятил ей произведение «Венец Веры», в котором подчеркивал ум царевны и ее начитанность. То, что Софья читала церковные книги, говорит о ее знании латинского языка [2, с. 262–263]. После стрелецкого бунта 1682 года, царевна стала фактически правительницей России, регентом при малолетних государях Петре и Иване. С этого момента во всех указах Софья именовалась как «великая государыня, благоверная царевна и великая княжна», то есть она обрела статус правительницы [8, с. 110–125]. Одним из нововведений Софьи стало то, что в Домостроевской Руси, она, женщина из царского рода, осмелилась открыто принимать участие в публичных церемониальных выходах. Так было 11 июня 1682 года на провожании образа Знамения Богородицы в полки, в Казань. Так было и 16 июня во время выхода на богомолье в честь коронации. Так было и 5 июля, когда Софья села в Грановитой палате на трон и начала спорить с раскольниками. Она произвела переворот в народном сознании.

В правлении Софьи была учреждена Славяно-греко-латинская академия – первое высшее образовательное учреждение в России. Вместе с Софьей вышел в свет весь «терем». Теперь женщины царского рода ходили по Москве открыто, не скрывая свой образ от посторонних, как того требовали старые порядки [4, с. 91]. Царевна была яркой противницей старой веры, чего только стоят «Двенадцать статей» против раскольников, в которых приводятся различные виды пыток и казней, в том числе и сжигание в срубе за отказ принятия новой веры [11]. В числе документов периода регентства Софьи есть «Указ об уплате денег амбурцу торговому иноземцу Елизарю Избранту...» за разные

заморские обиходные вещи, то есть царевна Софья знала толк в западной моде [12, с. 23].

Царевна Софья - одна из первых женщин XVII века, открывшая двери «терема». Первая правительница в стране, где женщина была кем угодно: дочерью, женой, матерью, но не правительницею. Она перевернула представления о женщине как о существе, подчиненном воле родителей и мужа, была равнодушна ко всему европейскому, новому, но при этом не посягала на многовековые устои своего народа.

Таким образом, представительницы поколения русских людей XVII века, в лице трех женщин-правительниц послужили развитию на русской почве западных идей, моды и культурных особенностей. Две царицы и одна царевна, благодаря своему уму и талантам, смогли привнести в средневековую русскую жизнь элементы Нового времени западного образца и поспособствовали дальнейшей модернизации государства в духе поколения господствующего класса XVII века.

Источники и литература

1. Рейтенфельс Яков. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме третьему о Московии. Падуа, 1680 г.: Изданием книгопродавца Петра Мария Фрамботти: С разрешения старших / пер. с лат. Алексей Станкевич; [Печ. под наблюдением д. чл. А.И. Станкевича]. М.: Тип. О-ва распространения полез. кн., арендуемая В.И. Вороновым, 1905 (обл. 1906). X, 228 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003730118?page=48&rotate=0&theme=white (дата обращения: 21.10. 2025).

2. Мордовец Д. Русские исторические женщины: Популярные рассказы из русской истории: в 2 т. Т 1. М.: Книжный Клуб Книголек, 2018. 640 с.

3. Адамович Н., Серегина Н. Интимная Русь. Жизнь без Домостроя, грех, любовь и колдовство. М.: МИФ, 2024. 336 с.: ил.

4. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 246 с.

5. Ключевский В.О. Русская история. М.: Эксмо, 2018. 912 с.: ил.

6. Объявление о кончине Государя Царя и Великого князя Федора Алексеевича и об избрании на всероссийский престол благоверного государя царевича и великого князя Петра Алексеевича. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/329032?ysclid=mgxzxrdix8786766556#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 21.10. 2025).

7. Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVII/1680-1700/Dnevnik_izb_bojar/text1.php?ysclid=mgxzwvu5ln63317777 (дата обращения: 21.10. 2025).

8. Петр I. Честь, Слава. Империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. М.: Эксмо, 2022. 480 с.

9. Письмо царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной к Петру I. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVII/1680-1700/Naryskina_N_K/briefe_petr_i_1693_1694.php?ysclid=mgj08hwgix540880164 (дата обращения: 21.10. 2025).

10. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Москва: Изд. АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1260 с.

11. «Двенадцать статей» Царевны Софьи. URL: https://rpssc.ru/publications/history/sofia_12/?ysclid=mh3bwouvam426337511 (дата обращения: 21.10. 2025).

12. Указ царей Ивана и Петра и царевны Софьи об уплате денег амбурцу торговому иноземцу Елизарю Избранту за разные взятые у него про государев верховой обиход заморские вещи. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003621540?page=182&rotate=0&theme=white (дата обращения: 21.10. 2025).

Д.А. ХВОРОСТОВСКИЙ – ЛИЦО ОПЕРЫ ПОКОЛЕНИЯ «НУЛЕВЫХ»

Власова Полина Алексеевна, студент

Сибирский федеральный университет, Красноярск Россия

polinavlasova@yandex.ru

Научный руководитель: Жулаева Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

Статья посвящена изучению становления творческой личности Д.А. Хворостовского и его влияния на культуру и оперное искусство 1990-х – 2000-х гг. Особое внимание уделяется созданным в 2000-х гг. музыкальным проектам. Исследуется культурный феномен Д.А. Хворостовского и его влияние на оперное поколение «нулевых», определяются его характерные черты.

Ключевые слова: Д.А. Хворостовский, оперное искусство, культурный феномен, музыкальная культура 2000-х, музыкальное наследие

D.A. KHVOROSTOVSKY – THE FACE OF THE OPERA OF THE «ZERO» GENERATION

Vlasova Polina Alekseevna, Student

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

polinavlasova@yandex.ru

Scientific supervisor: Zhulaeva Anna Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

The article is devoted to the research of Dmitri Khvorostovsky's artistic career and his influence on culture and opera in the 1990s – 2000s. Special attention is given to the musical projects created in the 2000s. The article explores the cultural phenomenon of Dmitri Khvorostovsky and his impact on the opera generation of the 2000s identifying its distinctive features.

Keywords: D.A. Khvorostovsky, opera art, cultural phenomenon, musical culture of the 2000s, musical heritage

Со смерти Д.А. Хворостовского прошло семь лет, а тот след, который он оставил в оперном искусстве и культуре всей страны действительно бесценен. В честь Хворостовского были названы такие объекты, как Красноярская академия музыки и театра, Международный аэропорт Красноярска, Красноярский государственный театр оперы и балета и другие.

Деятельность Д.А. Хворостовского сегодня не только не забывается, но и активно популяризируется. Так, с 2019 г. в Красноярске ежегодно проводится фестиваль искусств «Дмитрия Хворостовского» с участием мировых звезд оперы, в том числе близких друзей Д.А. Хворостовского (Чо Суми, Ильдар Абдразаков, Владимир Сулимский), где также организуются различные выставки и оперные спектакли. Значимым этапом в сбережении памяти о знаменитом исполнителе стало создание в 2019 г. Красноярского фонда развития искусства имени

Д.А. Хворостовского, основной деятельностью которого является проведение образовательных курсов и мастер-классов для профессионального роста молодых исполнителей. Кроме того, важной составляющей мемориализации жизни Д.А. Хворостовского выступает создание постоянно действующей экспозиции в музее-усадьбе Г.В. Юдина, фотовыставки «Дмитрий Хворостовский. В объективе ТАСС» в пассажирском терминале Международного аэропорта Красноярск и временной выставки в Красноярском художественном музее имени В.И. Сурикова.

Таким образом, наследие, оставленное Д.А. Хворостовским, бережно сохраняется и развивается в современном мире, обретая новые формы и способствуя привлечению большего количества неравнодушных к опере слушателей. Следовательно, изучение вопроса становления творческого пути Д.А. Хворостовского и феномена его популярности станет важным шагом к определению тенденций, характерных для поколения оперных исполнителей «нулевых».

Стоит начать с того, что огромное влияние на еще студента Красноярского института искусств оказала его педагог – Екатерина Константиновна Иофель, заведующая кафедрой сольного пения и оперной подготовки в 1978–1998 гг. Профессионализм Е.К. Иофель был виден не только в грамотном управлении работой кафедры и поддержании высокого уровня качественной успеваемости на протяжении долгого периода времени, но и в выпуске таких известных оперных исполнителей современности, как Дмитрий Хворостовский, Николай Путилин, Анастасия Лепешинская [2, л. 14]. В методике преподавания ей было важно научить студента не просто технике вокала, а проживанию исполняемого им произведения. Именно Е.К. Иофель привила Д.А. Хворостовскому профессиональные качества артиста-певца, научила осмысленному пению каждой строчки, исполнению произведений эмоционально и заряжено, проникая в роль и чувствуя каждую ноту [10, с. 30]. Ее поддержка и мудрые наставления во многом повлияли на формирование уникального образа уверенного в себе и ни боящегося трудностей артиста, который к тому же имел богатую конкурсную историю.

За относительно короткий срок в 1987 г. Д.А. Хворостовский получает 1-ю премию Всесоюзного конкурса вокалистов им. Глинки в Баку, в 1988 г. Гран-при Международного конкурса в Тулузе, а в 1989 г. становится Победителем престижного международного конкурса «Певец мира» в Кардиффе, а крупная звукозаписывающая фирма «Philips Classic» заключает с ним контракт. С победы в конкурсе «Певец мира» начинается новый период в карьере молодого исполнителя – он получает признание не только в СССР, но и других странах. В 1990-х годах Д.А. Хворостовский выступает в известных театрах Нью-Йорка (Метрополитен-опера), Милана (Ла Скала), Лондона (Ковент-Гарден), Баварии (Munich State Opera) и других, где его встречают с бурными овациями западная и европейская публика [4, с. 88], а также выпускает компакт-диски с «Античными ариями» и романсами Г. Свиридова и С. Рахманинова [5; 6].

На 2000-е годы активного творчества приходится создание крупных оперных проектов, которые предназначались для российской публики, так как во многом ассоциировались у исполнителя с детством и Родиной, поэтому стали наиболее ценными. Одним из значимых проектов в жизни Д.А. Хворостовского стала программа – «Песни военных лет», осуществленная совместно с дирижером Константином Орбеляном. В 2004 г. на Красной площади дан концерт с этой программой, а также другими оперными произведениями на иностранных языках, который вызвал настоящий фурор и стал «праздником» для всей страны [7]. Это уже

говорит о том, что Д.А. Хворостовский в эти годы становится особенным и ценным исполнителем для российской культуры «нулевых». Затем, в 2006 г. был создан проект «Хворостовский и друзья», целью которого стало приобщение российского слушателя к лучшим образцам мирового искусства и знакомство с известными оперными исполнителями. Так, с Д.А. Хворостовским в разные периоды времени выступали: Рене Флеминг, Чо Суми, Сондра Радвановски, Йонас Кауфман, Анна Нетребко и другие [9, с. 8]. Они с восхищением и любовью в интервью отзывались о Дмитрие Хворостовском, называя его «феноменальным певцом и большим другом» [11, с. 10]. Еще одним новым музыкальным проектом, вышедшим в 2009 г., написанным для Д.А. Хворостовского Игорем Крутым, стал «Дежавю». Новый альбом включал в себя 24 композиции на русском, итальянском и французских языках, особенностью которого стало сочетание классического вокала и популярной музыки для привлечения аудитории, которая не интересуется оперой [3, с. 7]. Следовательно, период 2000-х гг. был насыщенным и успешным в работе Д.А. Хворостовского с новыми направлениями и форматами, обращенными к российской публике с целью расширения ее интереса к классическому и современному оперному искусству.

Отдельно, стоит уделить внимание тому, что Д.А. Хворостовского определенно можно назвать культурным феноменом современности. Во-первых, Д.А. Хворостовский имел выдающиеся вокальные способности, которыми восхищались многие музыкальные критики. Они отмечали его красочный и «темный» тембр, сильный и одновременно плавный голос, удивительный контроль дыхания, что позволяло ему играть роли с разным диапазоном, совмещая лирических и драматических персонажей в репертуаре. Кроме того, одной из особенностей его исполнения была точная интонация, благодаря которой любая публика могла различать все реплики артиста [13, с. 2]. Во-вторых, удивительный голос оперного исполнителя часто соотносят с его располагающей внешностью и сногсшибательной харизмой. Например, в американском журнале «Opera News» отмечается, что Д.А. Хворостовский обладал, с одной стороны, мужественностью, притягивающей поклонников, а, с другой стороны, хладнокровием, властью и достоинством, которые позволяли держать определенную дистанцию с аудиторией [12, с. 2]. В-третьих, он мастерски умел владеть сценой, полностью отдаваясь актерской игре эмоционально и физически. Д.А. Хворостовский предпочитал, прежде всего, глубокий психологизм в проработке оперных персонажей, нежели чисто внешний вокальный эффект. Он серьезно и с большим энтузиазмом подходил к каждой роли, основываясь на собственном восприятии героя, благодаря этому создавались сильные образы, которые впечатляли зрителя и вызвали восторг [8, с. 5].

Последнее, что хотелось бы отметить, так это, что Д.А. Хворостовский, относясь к оперному поколению 1990-х – 2000-х гг., являлся при этом эталоном для начинающих оперных исполнителей 2000-х гг. Характерным для оперного артиста в эти годы были выступления не только в России, но и в других известных театрах Европы, Азии, США [1]. Кроме того, в эпоху цифровизации и появления новых популярных музыкальных стилей, оперному исполнителю приходилось искать разные способы привлечения аудитории. Так, создание персонального имиджа было характерно для исполнителей этого времени путем работы со СМИ и маркетинговыми инструментами (выпуск компакт-дисков, участие в интервью, съемка в кино), а также расширения репертуара (сочетание классики с романсами, ариями, военными или народными песнями). Это способствовало формированию в

массах 2000-х гг. определенного образа оперного исполнителя, чье творчество не имело географических границ, становилось более доступным и эмоционально близким для людей, не интересующихся оперой, а сценический образ стал запоминающимся не только благодаря наличию невероятной харизмы или открытости к публике у самого исполнителя, но и успешной деятельности этого исполнителя в информационном пространстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что творческий путь Д.А. Хворостовского представляет собой культурный феномен в оперном искусстве 1990-х – 2000-х гг. Сформировавшись как артист, под влиянием выдающегося педагога Е.К. Иофель, Д.А. Хворостовский прошел стремительный путь от побед на международных конкурсах к статусу мировой оперной звезды. Особую значимость его наследие обрело в 2000-е гг., когда оперный исполнитель сознательно обратился к российскому зрителю через масштабные проекты («Песни военных лет», «Хворостовский и друзья», «Дежавю»). Сочетание безупречной техники вокала, удивительной харизмы, актерского психологизма, эффектной внешности позволило ему не только стать эталоном оперного исполнителя своей эпохи, но и сформировать новый образ артиста, успешно преодолевающего границы между академическим искусством и массовой культурой. Активная популяризация его наследия и продолжающееся влияние на современных исполнителей подтверждают, что Хворостовский остается одной из самых значимых фигур в мировом оперном искусстве, чьи творческие принципы продолжают определять развитие вокального искусства и актерского мастерства.

Источники и литература

1. Биография Ильдара Абдразакова: сайт Мариинского театра. URL: https://www.mariinsky.ru/company/opera_men/abdrakov1 (дата обращения: 25.10.2025).
2. ГАКК. Ф.Р-2431. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.
3. «Дежавю» – это не попса, а практически та же классика» // Известия. 2009. 18 нояб. (№ 213). С. 7.
4. Дмитрий Хворостовский. Голос, покоривший мир: альбом из собрания Красноярского краевого краеведческого музея / под ред. В.М. Ярошевской, Я.Г. Стародубцевой. Красноярск: Поликор, 2018. 312 с.
5. Красноярский краевой краеведческий музей. КККМ ОФ 11037/18.
6. Красноярский краевой краеведческий музей. КККМ ОФ 10853/41.
7. Красноярский краевой краеведческий музей. КККМ ОФ 11573/6.
8. Месть шута // Вечерняя Москва. 2000. № 239 (22 дек.). С. 5.
9. Хворостовский и друзья // Вечерняя Москва. 2010. № 233 (10 дек.). С. 8.
10. Шишкова-Шипунова С.Е. Дмитрий Хворостовский. Голос и душа. М.: Вече, 2019. 302 с.
11. «Я здесь не только для того, чтобы привезти икры, водки и матрешек» // Известия. 2006. 6 февр. (№ 20). С. 10.
12. Dmitri Hvorostovsky // Opera News. № 10. April 2012. P. 2.
13. Elements of Style // Opera News Magazine. № 8. February 2012. P. 2.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВКЛАДА Г.Н. ПОТАНИНА В РАЗВИТИЕ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Гузева Виктория Максимовна, студент

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

vguzeva417@gmail.com

Данное исследование включает в себя оценку отечественной историографии о вкладе сибирского исследователя Г.Н. Потанина в развитие русско-китайских отношений через организацию научных экспедиций в Китай, Монголию и Тибет. В дореволюционный период еще никто не пытался критически осмыслить результаты научных экспедиций исследователя, в советское время историки делали акцент на его общественно-политической деятельности. Современная же отечественная наука характеризуется резким увеличением работ, акцентирующих внимание на вкладе Потанина в китаеведение и развитие русско-китайских отношений.

Ключевые слова: Н.Г. Потанин, отечественная историография, русско-китайские отношения, экспедиции

ON THE ISSUE OF STUDYING THE CONTRIBUTION OF G.N. POTANIN TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

Guzeva Viktoria Maksimovna, Student

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

vguzeva417@gmail.com

This study includes an assessment of Russian historiography about the contribution of the Siberian researcher G.N. Potanin to the development of Russian-Chinese relations through the organization of scientific expeditions to China, Mongolia and Tibet. In the pre-revolutionary period, no one had yet tried to critically comprehend the results of the researcher's scientific expeditions; in Soviet times, historians focused on his socio-political activities. Modern Russian science is characterized by a sharp increase in works focusing on Potanin's contribution to Sinology and the development of Russian-Chinese relations.

Keywords: N.G. Potanin, Russian historiography, Russian-Chinese relations, expeditions

Русско-китайские отношения включают в себя множество аспектов, в том числе связанных с изучением Китая и его регионов русскими. Во второй половине XIX в. было собрано множество сведений о Китае, Монголии и Тибете дипломатами, купцами, географами, этнографами и многими другими исследователями. В частности, это связано с созданием Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов Русского географического общества. Их деятельность была актуальна в связи с возросшей необходимостью налаживания торговых путей. Кандидат исторических наук Л.Г. Арсеньева пишет о том, что к середине XIX в. экспедиции были организованы для осуществления политических, торговых и административных целей, однако к ним приурочивались и научные исследования [1, с. 217].

Доктор исторических наук В.Г. Дацышен в контексте изучения развития экономических отношений пишет о том, что в 1880-х гг. в Сибири поднимался вопрос

о поиске новых торговых путей в Китае. Одним из членов обсуждения данной проблемы был исследователь Внутренней Азии, а также Тибета и Китая Г.Н. Потанин [2, с. 158]. Григорий Николаевич считается основоположником сибирского областничества, а также известен как почетный гражданин Сибири. Благодаря многолетним и обширным экспедициям Г.Н. Потанина наука обрела бесценные и уникальные сведения об удаленных уголках Северной, Центральной и Восточной Монголии, части Северного Китая, западной окраине провинции Сычуань с сопредельным Тибетом, горной системе Нань-шаня и многих других территориях и природных объектах. Исследователь был действительным членом Императорского Российского географического общества. Он также собирал этнографические материалы о народах, населявших изучаемые земли.

Изучение вклада Григория Николаевича в развитие русско-китайских отношений является актуальным вопросом сегодняшней исторической науки, прежде всего, на фоне укрепления современных взаимодействий между двумя государствами. Г.Н. Потанин – ученый, внесший значительный вклад в знание о Китае и его окрестностях во второй половине XIX в. Целью данного исследования является оценка отечественной историографической картины о вкладе Г.Н. Потанина в развитие русско-китайских отношений через экспедиции, научные труды и общественную деятельность.

В дореволюционный период никто еще критически не осмысливал труды о Китае, Монголии и Тибете, написанные Г.Н. Потаниным. Прежде всего это связано с тем, что сам Григорий Николаевич прожил до 1920 г. Однако уже в 1898 г. М.А. Лялиной были обработаны и систематизированы сочинения исследователя в работе «Путешествия Г.Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголии» [3]. Из этого следует, что информация, извлеченная из путешествий по Внутренней Азии и Китаю, была актуальна для конца XIX в. и требовала публикации. В биографическом очерке М.А. Лялина уделяет внимание жене Потанина, с которой он отправился в экспедицию. Действительно, для ученых той эпохи было не свойственно брать в поездки свою семью. В 1910 г. вышло второе издание, просмотренное и исправленное Г.Н. Потаниным, с его предисловием, в котором говорится о политической обстановке в Монголии.

Таким образом, в дореволюционный период не было попыток критически осмыслить очерки путешествий Г.Н. Потанина и его вклад в развитие русско-китайских отношений, потому что еще не прошло достаточного времени, чтобы оценить роль и значение трудов исследователя. Однако был издан труд о его экспедициях на Восток, что говорит о значимости материалов, собранных Потаниным. Подтверждением этого тезиса является опубликованный в 1915 г. сборник статей к восьмидесятилетию Г.Н. Потанина, в котором содержатся избранные статьи из сочинений, в том числе и про путешествия [4].

В октябре 1917 г. происходит революция, ставшая точкой отсчета нового этапа отечественной историографии. Через два месяца в г. Красноярске выходит шестой номер журнала «Сибирские записки», издателем которого является В.М. Крутовский – товарищ Г.Н. Потанина. Публикации, содержащиеся в «Сибирских записках» нельзя относить к советской историографии, так как сам Крутовский занимал пост министра внутренних дел Временного Сибирского правительства, то есть придерживался идеологии, отличной от большевизма. Этот журнал является примером историографии, которую нельзя отнести ни к дореволюционной (ввиду

хронологии), ни к советской (из-за идеологии), поэтому он относится к отдельной категории.

В шестом номере «Сибирских записок» публикуется статья К. Козьминой, посвященная Г.Н. Потанину. Автор говорит о вкладе путешественника следующим образом: «Я не буду подробно останавливаться на чрезвычайной ценности материалов, вывезенных Потаниным из [...] экспедиций по Китаю и Монголии. Этими трудами Гр. Н. получил европейскую известность, он собрал богатейшие коллекции по ботанике, зоологии, геологии, археологии и этнографии; он доставил ценные данные о русской торговле на Восток, он записал громадное количество сказок, поверий, легенд, религиозных воззрений и обрядов» [5, с. 137]. Эпитеты, использованные К. Козьминой, объясняются ее членством в Красноярском Союзе Областников. По сути Г.Н. Потанин являлся идеологом сибирского областничества, и члены этого Союза считали его идейным вдохновителем, поэтому критический анализ его научной деятельности также ограничен, так как Козьмина и другие корреспонденты данного журнала являлись идейными последователями Григория Николаевича. Следует отметить, что в периодической печати времен Гражданской войны Г.Н. Потанин в большей степени фигурирует как политическая фигура, а не как ученый и исследователь Восточной Азии.

Советский период отечественной историографии характеризуется немногочисленным количеством трудов, посвященных экспедициям Г.Н. Потанина и его вкладу в развитие межгосударственных отношений между Российской империей и Китаем. Это можно объяснить тем, что история русско-китайских отношений начала рассматриваться в контексте межимпериалистической борьбы, и акценты были расставлены, главным образом, на проблемы в Маньчжурии и на Дальнем Востоке. Так, академик С.А. Жебелев в 1923 г. опубликовал первую часть «Введения в археологию», в которой пишет следующее: «Немало было сделано Россией в течение XIX в. для археологического изучения областей Дальнего Востока, входящих в состав Китайской Империи. Во второй половине века предприняты были путешествия в Монголию Пржевальским и Г.Н. Потаниным, в труде которого «Очерки северо-западной Монголии» содержится, между прочим, богатый материал по археологии и этнографии страны» [6, с. 129]. Несмотря на то, что С.А. Жебелев отзывается о деятельности Потанина в позитивном ключе, автор не производит более детальный обзор его сочинений и не упоминает исследователя в дальнейшем своем повествовании.

В 1925 г. историк Н.К. Лебедев посвятил Г.Н. Потанину параграф в разделе «Исследование Азии» в своем труде «Завоевание земли». Автор не дает никакого критического анализа ни личности, ни вкладу Потанина, а старается сделать краткое описание результатов его экспедиций [7, с. 174–178]. Подобный очерк о экспедициях Потанина можно встретить в приложении к журналу «Вестник знания» [8, с. 488]. Этот факт дает ценные сведения о том, что в начале советского периода к Григорию Николаевичу относились не только как к областнику и «деятелю освободительного движения», но и как к ученому, не забывая о том, какой он внес вклад в знание о Китае, Тибете и Монголии.

Академик В.А. Обручев опубликовал монографию «Григорий Николаевич Потанин», являющуюся биографическим исследованием и описывающую жизненный путь сибирского деятеля [9]. В книге содержится большое количество иллюстраций, связанных с открытиями Г.Н. Потанина, а также повествуется о самих экспедициях. Однако в тексте не говорится о том, как результаты научной деятельности

путешественника отразились на знании русских о Китае, Тибете и Монголии, и тем более нет анализа какой вклад внесли открытия Потанина в развитие русско-китайских отношений.

Переходя к региональному уровню советской историографии, нельзя не упомянуть Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд, проводившийся в г. Новосибирске в 1927 г. На нем выступал профессор М.К. Азадовский с темой «Роль и место фольклора в краеведческих изучениях». Было отмечено, что докладчик опирался на слова Г.Н. Потанина о том, что этнография и фольклор являются служителями истории, в связи с чем между сибирскими исследованиями возникла дискуссия, в ходе которой З.С. Гайсин высказал мнение, до этого никем не озвученное: «Г.Н. Потанин имел возможность производить свои исследования благодаря тому, что он владел рядом туземных языков и тем самым добился доверия туземцев, а добиться этого доверия очень трудно» [10, с. 181-182]. Уникальность этой мысли состоит в том, что она объясняет мирный характер экспедиций Григория Николаевича в отличие, например, от знаменитого путешественника Н.М. Пржевальского, использовавшего вооружение и военнотружеников в своих командировках на Восток.

Академик А.П. Окладников – одна из значимых фигур советской историографии, так как под его редакцией был издан пятитомный труд «История Сибири с древнейших времен до наших дней», который охватывает многие аспекты исторического развития региона. Интересно, что в третьем томе «Сибирь в эпоху капитализма» фигура Г.Н. Потанина рассматривается только с политической точки зрения, то есть делается акцент на общественной деятельности областника [11, с. 149]. При этом, в главе «История изучения Древнейшего прошлого Сибири» первого тома Григорий Николаевич упоминается именно как исследователь и ученый: «Материалы Потанина имели большое значение для изучения истории древней Сибири, в частности для изучения вопросов этногенеза и ранних передвижений тюркских и монгольских племен» [12, с. 21].

Таким образом, в советский период Г.Н. Потанин не был забыт ни как общественный деятель, ни как исследователь Азии. Историки ссылались на его труды в своих работах, а также В.А. Обручев посвятил Потанину отдельную монографию. Однако количество подобных работ немногочисленно, а публикации, которые бы оценивали вклад сибиряка в развитие русско-китайских отношений через научные открытия, вовсе отсутствуют. Это можно объяснить тем, что в исторической науке развитие русско-китайских отношений во второй половине XIX – начале XX вв. рассматривалось через призму идеологии, в которую не вписывались научные экспедиции в Китай. В основном работы, в которых было бы подробное описание экспедиций на Восток, публиковались в первой половине существования советской государственности. Позже на Н.Г. Потанина обычно давались ссылки в научных трудах, связанных с географией.

Современный этап отечественной историографии значительно отличается от предыдущих. Он характеризуется популяризацией фигуры Г.Н. Потанина во всех ее аспектах, в том числе связанных со вкладом ученого в русско-китайские отношения. Все большее внимание уделяется роли Потанина в становлении российского китаеведения. В.С. Мясников, академик РАН, подчеркивает, что Потанин стоял у истоков комплексного изучения Китая в контексте русско-китайских отношений [13].

Особенно ярко видна тенденция увеличения количества работ по изучению научного вклада Г.Н. Потанина на региональном уровне. Первые научные

конференции, посвященные исследовательской деятельности Г.Н. Потанина, стали проводиться уже в середине 80-х гг. XX в. В 1990 г. были организованы «Первые Потанинские чтения», которые стали традиционными и для сегодняшних реалий [14, с. 19].

Доктор исторических наук В.Г. Дацышен является специалистом в области русско-китайских отношений и в своих работах также упоминает Г.Н. Потанина не только как исследователя, но и как фигуру, участвующую в развитии торговых отношений между двумя государствами [15, с. 43]. Также необходимо отметить такие работы академика М.В. Шиловского как «Полнейшая самоотверженная преданность науке» и «Подвижник Сибири Г.Н. Потанин», в которых автор говорит о том, что именно разработанные по специальной методике экспедиции принесли сибирскому областнику мировую известность [16; 17, с. 6].

Следует отметить, что именно г. Томск является центром научного сообщества, которое продвигает знание о сибирском исследователе, так как Григорий Николаевич жил в этом городе, и сейчас его книги, рукописи и переписка хранятся в библиотеке Томского государственного университета. На сайте Научной библиотеки ТГУ размещена статья «Образы Китая в очерках Г.Н. Потанина», автором которой является В.А. Доманский [18]. Особенностью данной работы является то, что автор расставляет акценты на восприятие Потаниным Китая и его жителей.

Томский исследователь И.А. Голев одним из первых попытался дать оценку степени изученности вопроса о научном наследии Г.Н. Потанина [19]. Следует отметить, что научные интересы Ивана Александровича сосредотачиваются вокруг фигуры сибирского путешественника. Поэтому среди многочисленных работ И.А. Голева можно найти и те, которые были бы связаны со вкладом Потанина в русско-китайские отношения. Примером таких трудов является статья «Памятники китайской культуры в коллекциях Г.Н. Потанина», написанная совместно с доктором исторических наук Н.М. Дмитриенко. В этой работе говорится о том, что в экспедициях исследователь записывал сведения о торговых отношениях россиян и китайцев, собирал материалы по этнографии, географии, биологии и т.д. [20, с. 263]. Авторы раскрывают недостаточно изученный вопрос о собирательской и исследовательской деятельности Потанина в отношении памятников китайской культуры. Потанин собрал значительные коллекции буддийских культовых предметов, образцов китайского прикладного искусства, книг и рукописей, гербариев, которые хранятся в музеях Сибири.

Можно выделить не только историков, но и специалистов в других сферах науки, которые занимаются изучением вклада Г.Н. Потанина в развитие русско-китайских отношений. Так, кандидат филологических наук Н.Е. Генина в своих публикациях анализирует материалы о Китае в личной библиотеке Потанина, хранящейся в Томском государственном университете, что позволяет лучше понять специфику его восприятия китайской культуры [21].

В 2023 году Томский государственный университет при поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-00447) начал реализацию проекта «Творческое наследие Г.Н. Потанина: диалог Востока и Запада» под руководством профессора И.А. Поплавской. Проект направлен на комплексное изучение архивных материалов и библиотеки Потанина, включая более 3000 книг, многие из которых посвящены Китаю. Исследователи вводят в научный оборот ранее неизвестные материалы, позволяющие по-новому осмыслить личность Потанина как ученого-энциклопедиста и его вклад в диалог западной и восточной культур. Этот проект

необходим из-за неравномерного изучения наследия Потанина. Основное внимание традиционно уделялось его географическим и этнографическим работам, тогда как вклад в китаеведение и синологию остается недостаточно освещенным. И.А. Поплавская подчеркивает, что «научный мир до сих пор не осознает целостно масштабы его личности» [22].

Таким образом, современная историография признает многогранный вклад Потанина в развитие русско-китайских отношений. Во-первых, его экспедиции способствовали расширению географических знаний о сопредельных с Китаем территориях, что имело стратегическое значение для российской политики в регионе. Во-вторых, его этнографические и фольклорные исследования раскрыли культурные связи между народами России, Монголии и Китая. В-третьих, собранные им материалы о торговле и экономических отношениях служили информационной базой для российской дипломатии и коммерции.

Отечественная историография значительно расширила понимание вклада Г.Н. Потанина в развитие русско-китайских отношений. От одностороннего восприятия его как путешественника и этнографа наука перешла к комплексной оценке его роли в становлении российского востоковедения, формировании концепции евразийского культурного диалога и развитии практических связей между Россией и Китаем. Продолжающиеся архивные и источниковедческие исследования обещают дальнейшее углубление знаний о масштабе его деятельности и ее значении для современных русско-китайских отношений.

Источники и литература

1. Арсеньева Л.Г. Изучение российскими географами (ВСОРГО) Внутренней Азии (вторая половина XIX в.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 216–220.
2. Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М.: Директ-Медиа, 2014. 593 с.
3. Лялина М.А. Путешествия Г.Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголии. СПб.: А.Ф. Девриен, 1898. 224 с.
4. Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина: избранные статьи и биографический очерк. Томск: типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1915. 115 с.
5. Козьмина К. Григорий Николаевич Потанин // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 132–141.
6. Жебелев С.А. Введение в археологию: в 2 ч. Ч. 1. История археологического знания. Петроград: Наука и школа, 1923. 199 с.
7. Лебедев Н.К. Завоевание земли: популярная история географических открытий и путешествий в 3 т. Т. 3. Девятнадцатый век и наше время. М.: Гос. изд-во, 1925. 416 с.
8. Вселенная и человечество: ежемесячное приложение к журналу «Вестник знания». Кн. 9. История географических открытий. Период научных исследований / под ред. Г.Г. Шенберга. Л.: П.П. Сойкин, 1928. С. 457–535.
9. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин: Жизнь и деятельность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 288 с.
10. Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда: в 5 т. Т. 1. Протоколы и резолюции / отв. ред. Г.И. Черемных. Новосибирск: Красное знамя, 1927. 272 с.
11. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука, 1968. 530 с.
12. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 1. Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. 454 с.

13. Мясников В.С. Россия и Восток. Становление отечественного китаеведения. Часть вторая // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 2017. URL: https://www.perspektivy.info/history/rossija_i_vostok_stanovlenije_otechestvennogo_kitajevdenija_chast_vtoraja_2017-04-20.htm (дата обращения: 21.10.2025).
14. Башкатов В.З. Потанинские чтения. Краткий комментарий // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарный специальный выпуск. 1998. Т. 266. С. 19–20.
15. Дацышен В.Г. Чайная торговля в истории русско-китайских отношений (1861–1917 гг.) // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 37–48.
16. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск: ИД Сова, 2004. URL: <https://sibistorik.ru/project/potantin/index.html> (дата обращения: 21.10.2025).
17. Шиловский М.В. Подвижник Сибири Г.Н. Потанин // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 5–8.
18. Доманский В.А. Образы Китая в очерках Г.Н. Потанина // НБ ТГУ: сайт. URL: https://wiki.lib.tsu.ru/wiki/Образы_Китая_в_очерках_Г.Н._Потанина (дата обращения: 20.10.2025).
19. Голев И.А. К истории изучения научного наследия Г.Н. Потанина (1920-е – начало 1990-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 51. С. 237–244.
20. Голев И.А. Памятники китайской культуры в коллекциях Г.Н. Потанина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 55. С. 260–270.
21. Генина Н.Е. Материалы о Китае в личной библиотеке Г.Н. Потанина // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 111–121.
22. Научный мир до сих пор не осознает целостно масштабы личности Потанина // Новости Томского государственного университета: сайт. 2023. URL: <https://news.tsu.ru/news/nauchnyy-mir-do-sikh-por-ne-osoznaet-tselostno-masshtaby-lichnosti-potantina/> (Дата обращения 23.10.2025).

**ГЕРОИ КУРАГИНСКОГО РАЙОНА ПРОШЛЫХ ПОКОЛЕНИЙ:
ОБ ЭКСПЕДИЦИИ А.М. КОШУРНИКОВА 1942 г.**

Гусейнов Джавидан Нураддин оглы, магистрант
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
azzzzluge@gmail.com

Научный руководитель: Северьянов Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук,
профессор
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В статье рассматривается экспедиция инженера-изыскателя Александра Михайловича Кошурникова по поиску железнодорожного пути через Саяны в 1941 г. как яркий пример самоотверженного освоения Сибири и героизма изыскателей прошлых поколений. Анализируются исторический контекст, личность руководителя экспедиции, ход работ, трагические обстоятельства гибели и значение подвига для развития региона. Ключевой аспект статьи - анализ сохранения исторической памяти о героизме и самоотверженности инженеров-изыскателей А.М. Кошурникова, К.А. Стофато и А.Д. Журавлева, трагически погибших при проведении изысканий для строительства железной дороги Абакан-Тайшет. В качестве источника используется личный архивный фонд Гелия Николаевича Боголюбова, хранящийся в Государственном архиве Красноярского края, позволяющий оценить вклад ученых-исследователей в увековечивание памяти об этих героях.

Ключевые слова: экспедиция Кошурникова, героизм, изыскатели, освоение Сибири, история Сибири, транспорт, индустриализация, Советский Союз

**HEROES OF THE KURAGINO DISTRICT OF PAST GENERATIONS:
ABOUT THE A.M. KOSHURNIKOV EXPEDITION OF 1942**

Guseynov Javidan Nuraddin ogly, Master`s student
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
azzzzluge@gmail.com

Scientific supervisor: Severyanov Mikhail Dmitrievich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

The article examines the 1941 expedition led by surveying engineer Alexander Mikhailovich Koshurnikov to find a railway route through the Sayan Mountains as a vivid example of selfless exploration of Siberia and the heroism of past generations of surveyors. The historical context, the personality of the expedition leader, the progress of work, the tragic circumstances of the deaths, and the significance of the feat for the development of the region are analyzed. A key aspect of the article is the analysis of the preservation of historical memory about the heroism and self-sacrifice of surveying engineers A.M. Koshurnikov, K.A. Stofato, and A.D. Zhuravlev, who tragically died during surveys for the construction of the Abakan-Taishet railway. As a source, the personal archival collection of Geli Nikolaevich Bogolyubov, stored in the State Archives of the Krasnoyarsk Territory, is used, allowing to assess the contribution of researchers to perpetuate the memory of these heroes.

Keywords: Koshurnikov's expedition, heroism, explorers, development of Siberia, history of Siberia, transport, industrialization, Soviet Union

Курагинский район – богатая территория не только полезными ресурсами и экономическим потенциалом, но и историей, а точнее людьми прошлых поколений, сыгравших большую роль в ее освоении и развитии. Среди них особое место занимают три советских ученых, инженера, изыскателя – Александр Кошурников, Константин Стофато, Алексей Журавлев, которые, рискуя жизнью, осуществляли поиск наилучшего железнодорожного пути через Саяны. К сожалению, они погибли в 1942 г. на реке Казыр при изыскании трассы от Нижнеудинска до Абакана, но значение их открытий для социально-экономического развития Курагинского района, Красноярского края, Сибири и России было огромно. Железная дорога Абакан-Тайшет, построенная в 1949–1950-е гг., имеет высокий экономический потенциал, являясь транспортной артерией для перевозки грузов и пассажиров. В честь памяти Александра Кошурникова, Константина Стофато и Алексея Журавлева их именами названы железнодорожные станции, располагавшиеся на указанной железнодорожной линии, в Курагинском районе – населенные пункты, музеи и школы. Их героизм, самоотверженность и упорство стали важной составляющей национального характера.

Историографический обзор по теме показал, что исторические сюжеты трагической экспедиции, возглавляемой А.М. Кошурниковым, рассмотрены в литературе и периодической печати [21; 23].

Обращение к фондам Государственного архива Красноярского края позволило сделать вывод о том, что существенную роль в сохранении исторической памяти для последующих поколений о геодезической партии героя своего поколения А.М. Кошурникова имеют документы из личного фонда человека – представителя последующего поколения – Гелия Николаевича Боголюбова.

Цель статьи – на примере личного архивного фонда Гелия Николаевича Боголюбова, хранящегося в Государственном архиве Красноярского края, провести оценку сохранения исторической памяти о героизме и самоотверженности ученых-исследователей (инженеров и изыскателей) А.М. Кошурникова, К.А. Стофато, А.Д. Журавлева.

Заметим, именно эти качества были свойственны «межвоенному поколению» в СССР; их становление пришлось на сложные 1920–1930-е гг. Анализ архивного наследия, представленного в личном фонде П-1004 «Боголюбов Г.Н.» позволяет не только реконструировать детали биографий и профессиональной деятельности А.М. Кошурникова, К.А. Стофато, А.Д. Журавлева, но и понять, как память о научном подвиге этих людей транслируется в современной исторической перспективе.

Боголюбов Гелий Николаевич (1930–1999) был почетным железнодорожником, жил и работал в Курагинском районе. Ему самому, как ребенку военного поколения досталась непростая жизнь. Он родился в Ленинграде, 11-летним мальчиком «увидел» войну и блокаду, в марте 1942 г. с семьей был отправлен в Сибирь в ссылку, так как в ноябре 1941 г. был арестован и расстрелян его отец (в 1965 г. – реабилитирован), с 13 лет в пос. Жаровске Артемовского (ныне Курагинского) района работал в леспромхозе, будучи совершеннолетним вступил в комсомол и профсоюз, в силу своих высоких трудовых и личностных качеств удачно продвигался по партийной и профессиональной линии, после лесозаготовок затем 30 лет отработал на железной дороге, являлся почетным железнодорожником [22].

Проживая на территории Курагинского района, он узнал о трагической участи строительства железнодорожной магистрали Абакан-Тайшет. Значительную часть

своей профессиональной деятельности он посвятил процессу сохранения памяти об экспедиции А.М. Кошурникова 1942 г. В рамках исследовательской работы он совершил пешее путешествие по трассе Абакан-Тайшет, преодолев расстояние в 647 км за 22 дня. Герой Александр Кошурников стал для него олицетворением героизма и эталоном человеческих качеств. При участии и содействии Г.Н. Боголюбова был воздвигнут монумент в поселке Кошурниково [22].

Мужество и самоотверженность экспедиции Кошурникова, трагически погибшей при изысканиях для жизненно важной трассы Абакан-Тайшет в годы войны, стали символом героизма русских исследователей, осваивавших Сибирь, а их подвиг увековечен в названиях объектов на «Трассе мужества»; Кошурников, Стофато и Журавлев, советские инженеры-изыскатели, в 1942 году отправились в экспедицию для поиска кратчайшего и экономически выгодного маршрута, необходимого для связи Восточной Сибири с Кузбассом и обеспечения сырьем военного производства, рассматривая наиболее перспективным Нижнеудинский вариант трассы вдоль реки Казыр и изучая возможность строительства тоннеля через Саянский хребет, осознавая сложность и опасность работы в суровых природных условиях Восточного Саяна.

Обзор архивных документов Государственного архива Красноярского края показал, что они достаточно полно свидетельствуют о жизни и профессиональной деятельности А.М. Кошурникова, о трагической экспедиции 1942 г., а также являются примером сохранения исторической памяти последующих поколений.

В первую группу можно отнести архивные дела с документами, отражающими деятельность по установке памятника А.М. Кошурникову, созданию мемориала и организации музея его имени. Среди них переписка, архитектурные проекты, фотографии, газетные вырезки, письма посетителей, проездные билеты, схемы, они охватывают период подготовки, строительства и функционирования этих мемориальных объектов. По хронологии документы охватывают события 1970-1990-е гг. (с отдельными документами, относящимися к более раннему периоду). Примерами можно назвать такие архивные дела, как «Переписка о подготовке и об установлении памятника Кошурникову А.М. 1972-1981», «Архитектурный проект мемориала Кошурникову А.М. 1973», «Письма школьников и посетителей о работе музея Кошурникова А.М. 1975–1986 [4; 5; 8].

Вторую группу архивных дел, включающих документы по названной теме, составляет переписка Г.Н. Боголюбова с людьми, связанными с А.М. Кошурниковым и его экспедицией – родственниками, коллегами и другими лицами, знакомыми с ним или интересующимися его деятельностью. Хронологические рамки документов второй группы – 1975–1990 гг., и это письма, записки, а также копии подобных документов и выдержки из них [1].

Третью группу формируют документы, напрямую касающиеся экспедиции А.М. Кошурникова и обстоятельств, приведших к ее трагическому завершению. Это бесценные свидетельства, позволяющие шаг за шагом восстановить ход событий того рокового 1942 года. Среди материалов группы – фотокопии актов о находках, листы из дневника экспедиции, газетные вырезки, схемы и документы, освещающие работу спасательного отряда. Хронологически группа охватывает период с 1941 по 1995 гг., с особым вниманием к 1942 г. [3; 7; 8; 10; 12–15; 17; 18]. В качестве примеров можно привести дело №23, содержащее фотокопию акта о найденных вещах экспедиции Кошурникова А.М. 1942 г., дело №26 с фотокопиями листов из дневника экспедиции

и дело № 27, документирующее поиски группы Кошурникова А.М. спасательным отрядом в 1942 г.

Четвертую группу составляют материалы, проливающие свет на биографию и трудовую деятельность А.М. Кошурникова в период, предшествовавший экспедиции 1942 года. Это документы, позволяющие увидеть становление ученого и инженера, его вклад в развитие сибирского региона. В составе группы – фотографии, фотокопии документов, отражающих образование А.М. Кошурникова, его участие в различных изысканиях и проектах. Хронологические рамки группы – 1905-1940 гг. [2; 9–11; 16; 19; 20]. Примерами дел могут служить дело № 19 «Кошурников Александр Михайлович (фотоснимки) 1905–1942», дело № 43 с фотокопией свидетельства об окончании Сибирского технологического института имени Дзержинского и дело № 5, отражающее участие А.М. Кошурникова в изысканиях линии Тайшет – Киренск в 1932 г.

Пятая группа объединяет публикации и воспоминания, посвященные А.М. Кошурникову. Это документы, позволяющие увидеть, как формировался образ героя, как оценивался его вклад в развитие региона и страны. В составе группы – книги, газетные материалы, ксерокопии воспоминаний, принадлежащие как перу самого А.М. Кошурникова (дневник), так и других авторов (например, М.Ф. Коковихина). Хронологические рамки группы – 1966-1996 гг. [5; 6; 11]. Примерами дел являются дело № 55 с книгой М.Ф. Коковихина «Изыскатель Кошурников» (1996), дело № 56 с ксерокопией воспоминаний А. Реутского «Памятные встречи и беседы» (1996) и дело № 6, содержащее газетные материалы об экспедиции Кошурникова А.М. за период 1966–1987 гг.

Таким образом, проведенное исследование экспедиции А.М. Кошурникова 1942 года позволяет не только реконструировать трагические события, связанные с поиском железнодорожного пути через Саяны, но и оценить вклад исследователей в освоение Сибири в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных документов, в том числе личного фонда Г.Н. Боголюбова, удалось выявить детали подготовки и проведения экспедиции, а также трагические обстоятельства гибели ее участников.

Экспедиция Кошурникова стала ярким примером самоотверженности и героизма советских инженеров-изыскателей, работавших в сложнейших условиях военного времени. Их подвиг, увековеченный в названиях географических объектов, памятниках и музейных экспозициях, свидетельствует о признании их заслуг перед страной.

Анализ архивных материалов позволил выявить несколько групп документов, отражающих различные аспекты деятельности А.М. Кошурникова и его экспедиции. Это документы, касающиеся подготовки экспедиции, ее хода и трагического завершения, а также материалы, связанные с увековечением памяти об участниках экспедиции. Использование этих документов позволяет составить более полное представление о личности А.М. Кошурникова, его вкладе в развитие Сибири и значении его подвига для будущих поколений.

Изучение истории экспедиции А.М. Кошурникова 1942 года, основанное на анализе архивных источников, является важным вкладом в сохранение исторической памяти о героизме и самоотверженности советских людей в годы Великой Отечественной войны, даже если они не были в гуще тех сражений. Но это были «сражения в тылу». Память о них должна передаваться из поколения в поколение,

служа примером для будущих исследователей и инженеров, продолжающих дело освоения Сибири и развития России.

Источники и литература

1. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 7–13.
2. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 12.
5. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 14.
6. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 15.
7. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 17.
8. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 18.
9. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 19.
10. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 20.
11. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 21.
12. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 22.
13. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 23.
14. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 24.
15. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 26.
16. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 43.
17. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 47.
18. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 48.
19. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 51.
20. ГАКК. Ф. П-1004. Оп. 1. Д. 52.
21. Героев-первопроходцев едва не записали в предатели Родины // Комсомольская правда. 2013. 30 июля. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/26113/3008794> (дата обращения: 20.10.2025).
22. К 95-летию со дня рождения Боголюбова Гелия Николаевича. URL: <https://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh/users/articles/1130> (дата обращения: 20.10.2025).
23. Хустик С. Дорогой мужества. Как погибли первые изыскатели трассы Абакан – Тайшет // АиФ на Енисее. 2016. № 44 (1877).

ПРАКТИКИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН

Долматова Анна Ивановна, студент

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

anechkodolmatova@yandex.ru

Научный руководитель: Передельский Алексей Анатольевич, доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

В статье рассматриваются ключевые аспекты здоровьесбережения населения России. Проводится взаимосвязь между отношением к здоровью и продолжительностью жизни по половой принадлежности. Анализируются основные причины меньшей заинтересованности мужчин в отношении собственного здоровья. Раскрываются психологические и социальные проблемы, которые препятствуют поддержанию здорового образа жизни среди мужской половины населения.

Ключевые слова: здоровьесбережение, здоровый образ жизни, социальная практика, сознательное поведение

HEALTH-SAVING PRACTICES OF RUSSIAN MEN

Dolmatova Anna Ivanovna, Student

Russian State Social University, Moscow, Russia

anechkodolmatova@yandex.ru

Scientific supervisor: Peredelsky Alexey Anatolyevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philosophy, Professor

Russian State Social University, Moscow, Russia

The article discusses the key aspects of health-saving of the Russian population. The relationship between attitude to health and life expectancy by gender is carried out. The article analyzes the main reasons for men's lower interest in their own health. It reveals the psychological and social problems that hinder the maintenance of a healthy lifestyle among men.

Keywords: health preservation, healthy lifestyle, social practice, conscious behavior

Практики здоровьесбережения представляют собой совокупность подходов и методов, направленных на предупреждение заболеваний, повышение качества жизни и продление активного долголетия. Эти практики охватывают разнообразные сферы жизнедеятельности человека – от медицинских профилактических мероприятий до организации окружающей среды и воспитания культуры осознанного отношения к своему здоровью. Современные тенденции развития медицины, науки и социальной политики подчеркивают важность комплексного подхода к вопросам охраны здоровья, включающего как индивидуальные инициативы, так и общественные стратегии, направленные на создание здоровых условий труда, быта и досуга. Регулярное внедрение практик здоровьесбережения способствует снижению заболеваемости, повышению производительности труда и общему благополучию общества.

«Примером социальной практики касательно здоровьесбережения может выступать здоровый образ жизни. Существуют ключевые аспекты, которых необходимо придерживаться для реализации данной практики. Иными словами, мы сталкиваемся не с действиями, а с шаблонами поведения, которые со временем посредством воспроизводства и оценки трансформируются в обычаи» [1, с. 77]. Для дальнейшего анализа важно раскрыть оба понятия – «здоровьесбережение» и «здоровый образ жизни», провести сравнение, найти отличия и сходства.

Термин «здоровьесбережение» обозначает целенаправленные усилия и меры, направленные на сохранение здоровья индивида или группы лиц. Это включает профилактику заболеваний, своевременное выявление рисков и формирование условий для поддержания физического и психического благополучия. Примеры мероприятий по здоровьесбережению включают диспансеризацию, вакцинацию, улучшение экологической обстановки, развитие инфраструктуры здравоохранения и пропаганду здорового питания.

Термин «здоровый образ жизни», напротив, больше относится к индивидуальным привычкам и поведению отдельного человека, способствующим укреплению и поддержанию собственного здоровья. Сюда входят правильное питание, физическая активность, отказ от вредных привычек (например, курения и употребления алкоголя), соблюдение режима сна и отдыха, контроль уровня стресса и регулярное медицинское обследование [2, с. 44].

Таким образом, здоровьесбережение представляет собой более широкий социальный и институциональный аспект заботы о здоровье населения, тогда как здоровый образ жизни является практикой конкретной личности для улучшения своего самочувствия и профилактики болезней. Понятия «здоровьесбережение» и «здоровый образ жизни» являются смежными, поскольку оба направлены на достижение одной общей цели – поддержание и укрепление здоровья человека. Однако их подходы различаются по уровню реализации и ответственности, например, здоровьесбережение ориентировано преимущественно на социальные механизмы, институты и государственные программы, обеспечивающие условия для сохранения здоровья большого числа людей, тогда как здоровый образ жизни предполагает ответственность самого человека за свое здоровье посредством формирования полезных привычек и поведения.

Подводя итоги по выше сказанному, два рассматриваемых аспекта тесно взаимосвязаны: мероприятия по здоровьесбережению создают благоприятные условия для внедрения здорового образа жизни среди населения, а сознательное поведение отдельных людей поддерживает эффективность государственных мер. Таким образом, обе концепции дополняют друг друга, обеспечивая комплексный подход к сохранению и улучшению здоровья нации.

В Москве всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты опроса о том, насколько распространен здоровый образ жизни среди россиян, и что они вкладывают в это понятие [3]. Опрос проводился методом телефонного опроса, в нем приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Это исследование может показать актуальность одной из практик здоровьесбережения в настоящее время.

Согласно представленным данным ВЦИОМ, под здоровым образом жизни россияне понимают комплекс мер, направленных на поддержание физического благополучия, основными составляющими которого являются физическая активность и спорт. Большинство опрошенных ассоциируют ЗОЖ с активными физическими

действиями, такими как занятия спортом, прогулки на природе и активный досуг. Значительную роль играют также правильное питание и воздержание от вредных привычек вроде курения и употребления алкоголя. Однако значительная часть аспектов, влияющих на качество жизни, остается в тени общественного сознания. Например, значение инфраструктуры для занятий спортом упоминается крайне редко, а важные элементы, такие как регулярное медицинское обследование, следование режиму труда и отдыха, а также психологическое благополучие, оцениваются далеко не столь высоко. Такое восприятие отражает тенденцию сосредотачиваться на индивидуальных аспектах поддержания здоровья, исключая структурные условия и окружающие факторы.

Подавляющее число россиян заявляет о соблюдении принципов здорового образа жизни, причем эта тенденция устойчива вне зависимости от возраста. Однако реальные оценки собственного состояния здоровья существенно варьируются в зависимости от возрастной группы и уровня дохода. Молодые представители поколения Z вдвое чаще пожилых оценивают свое здоровье положительно, тогда как доля лиц старшего возраста, считающих себя здоровыми, значительно меньше («...среди зумеров каждый второй (50%) считает свое здоровье хорошим, то среди представителей поколения оттепели так думают только 12%, а 28% уже описывают свое здоровье как слабое»). Рубеж, после которого хорошие оценки здоровья начинают уступать удовлетворительным, приходится на старших миллениалов (41% - хорошее, 51% - удовлетворительное), то есть 33–42 года, именно в этом возрасте частота жалоб на здоровье начинает расти. Интересный факт, что мужчины в полтора раза чаще женщин считают свое здоровье хорошим (40% vs. 27%), и при этом чаще говорят о несоблюдении принципов ЗОЖ (15% vs. 7%).

Разное отношение к здоровью по половой принадлежности доказывает исследование 2022 года, опубликованное ТАСС (ведущим государственным информационным агентством России) [4]. Согласно результатам исследования, особенно трепетно подходят к заботе о здоровье женщины: среди них три четверти (72,4%) тех, кто следит за здоровьем внимательно или очень внимательно, а среди мужчин таких респондентов только половина (56%).

Если изучить сборник РОССТАТа, то соотношение численности женщин и мужчин по возрастным группам разнятся. До 30 лет численность мужчин несколько превышает численности женщин, однако в возрасте 30–39 лет соотношение меняется в пользу женщин [5, с. 21]. Можно провести некий рубеж, когда численность населения только начинает разниться по половому признаку. Интересно заметить, что данный возрастной рубеж соответствует возрастному рубежу, после которого хорошие оценки здоровья начинают уступать удовлетворительным (по данным ВЦИОМ, приведенным выше).

Опираясь на анализ всех используемых источников выше можно сформулировать гипотезу: мужчины чаще испытывают проблемы со здоровьем, но не хотят этого признавать из-за социальных стереотипов, что приводит к меньшей продолжительности жизни.

Подтверждение гипотезы было найдено в статье психолога Юлия Чурина. Мужчины склонны уделять меньше внимания состоянию своего здоровья по ряду взаимосвязанных причин. Во-первых, социальные установки и культурные ожидания оказывают значительное влияние на поведение многих представителей сильного пола. Традиционные представления о мужественности включают представление о мужчине как о сильном и стойком индивидууме, способном переносить болезни и

физические неудобства без жалоб. Из-за этого обращения к врачам воспринимаются частью мужчин как признак слабости или неспособности справиться самостоятельно, что препятствует раннему выявлению и лечению заболеваний. Во-вторых, распространено пренебрежение профилактическим медицинским обследованием. Многие мужчины предпочитают избегать регулярных визитов к специалистам, пока у них не возникает серьезных симптомов или болезненных состояний. Такая стратегия задерживает диагностику заболеваний и уменьшает шансы успешного выздоровления. Кроме того, существуют определенные психологические особенности, характерные преимущественно для мужской части населения. Работа и семейные обязанности мужчин влияют на их способность обращаться за медицинской помощью. Для мужчин работа или семейные обязанности могут быть приоритетнее здоровья, что может привести к задержкам в обращении за медицинской помощью. Они также могут сталкиваться с материально-техническими препятствиями, такими как транспорт или конфликты расписания, которые не позволяют им получить доступ к медицинским услугам. Мужчинам труднее признать необходимость профессиональной помощи в области психического здоровья, несмотря на связь стрессовых ситуаций и депрессий с физическим самочувствием. Такие негативные эмоции, оставаясь скрытыми, усугубляют общую картину состояния здоровья [6].

Еще одним способом подтвердить гипотезу можно, сравнив подходы к заботе о здоровье среди мужчин и женщин. Так, например, мужчины в три раза чаще, сопоставительно с женщинами, ничего не стали бы предпринимать в случае плохого самочувствия, предпочитая ждать, когда все пройдет само собой. Женщины значительно чаще используют целый спектр каналов возможной помощи – от советов близких до обращения к врачу. Таким образом, мужскую модель поведения в отношении своего здоровья отличают меньшая гибкость, отсутствие прагматичности как на уровне установок, стереотипов, так и на уровне действия в реальных ситуациях. Мужская модель в большей степени подвержена воздействию установок и стереотипов, формирующих своего рода кодекс норм, предписывающих не заботиться о своем здоровье. Мужчины, объясняя причины необращения, чаще ссылаются на бесполезность посещения медиков, противоречие принципам, возможность другими способами справиться с болезнью, естественность заболевания для возраста. Иными словами, мужчины предпочитают просто избегать посещения врачей, не пытаясь обосновать это рационально [7, с. 47–49].

Чтобы исправить ситуацию, важно пересмотреть существующие общественные нормы относительно роли мужчин в заботе о собственном здоровье, развивать программы регулярного обследования, повышать медицинскую грамотность и стимулировать стремление к здоровому образу жизни, включая физическую активность, правильное питание и своевременное лечение любых возникающих недугов.

Уже сегодня сделано много важных шагов в данном направлении: создаются пилотные проекты, развиваются междисциплинарные площадки, ведется подготовка специалистов и изменяется законодательное регулирование. Совместная работа врачей на местах, а также развитие национальных программ поможет преодолеть гендерный разрыв ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами путем продвижения целостного и упорядоченного подхода к мужскому здоровью [8, с. 1].

Источники и литература

1. Зарбалиев В.З. Социологическая интерпретация понятия «социальные практики здоровьесбережения» // Гуманитарий Юга России. 2021. № 1. С. 74–82.
2. Науменко Г.О. Здоровый образ жизни как социальное явление // Образование. Карьера. Общество. 2022. № 2 (73). С. 43–45.
3. ВЦИОМ. Здоровый образ жизни: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 24.10.25).
4. ТАСС. Опрос: женщины относятся к своему здоровью внимательнее мужчин // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13601167> (дата обращения: 24.10.25).
5. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Женщины и мужчины России / председатель редкол. С.М. Окладников // Статистический сборник. 2024. URL: https://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wum_Man_2024.pdf (дата обращения: 24.10.25).
6. Чурина Ю. Почему мужчины меньше обращаются за медицинской помощью и как это влияет на их здоровье // Сайт психологов. 2023. № 1. URL: <https://www.b17.ru/blog/368271/> (дата обращения: 24.10.25).
7. Попова И.П. Поведение в отношении здоровья и материальное положение: гендерные аспекты (на данных лангитюдного опроса) // Здравоохранение Российской Федерации. 2007. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=2377 (дата обращения: 24.10.25).
8. Системы здоровьесбережения мужского населения: международный опыт программных решений / А.А. Камалов [и др.] // Урология. 2024. № 6. С. 125–132.

**ОТРАЖЕНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУПЕЧЕСКИХ
ДИНАСТИЙ В КРАСНОЯРСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. В ГАЗЕТЕ
«ЕНИСЕЙСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»**

Емцева Виктория Сергеевна, студент

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

emceva.viktoriya@mail.ru

Мозговая Анна Александровна, студент

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Научный руководитель: Карагулян Кристина Гендриковна, ассистент

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В статье рассматривается благотворительная деятельность купцов в г. Красноярске во второй половине XIX века. Используя метод контент-анализа, авторы провели количественный и качественный анализ информации об актах благотворительной деятельности, содержащейся в выпусках периодического издания «Енисейские Губернские ведомости». Авторы приходят к выводу, что ввиду государственного характера периодического издания, общественные события, в том числе и акты благотворительности, отражают актуальные проблемы государственной политики изучаемого периода.

Ключевые слова: благотворительность, сибирское купечество, Красноярск, Енисейские Губернские ведомости, Щеголевы, Гадаловы, Кузнецовы

**REFLECTION OF CHARITABLE ACTIVITIES OF MERCHANT DYNASTIES
IN KRASNOYARSK IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY
IN THE «ENISEI PROVINCIAL HERALD»**

Emtseva Victoria Sergeevna, Student

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

emceva.viktoriya@mail.ru

Mozgovaya Anna Alexandrovna, Student

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Scientific supervisor: Karagulyan Kristina Gendrikovna, Assistant

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

This article examines the charitable activities of merchants in Krasnoyarsk during the second half of the 19th century. Using content analysis methodology, the authors conducted a quantitative and qualitative analysis of information about charitable acts found in the issues of the periodical «Enisei Provincial Herald». The authors conclude that due to the governmental nature of the periodical, public events, including acts of charity, reflect the pressing issues of state policy during the studied period.

Keywords: charity, Siberian merchants, Krasnoyarsk, Enisei Provincial Herald, Shchegolev, Gadalo, Kuznetsov

«Русская щедрость» является одной из особенностей национального характера, издавна присущая русскому человеку. Щедрость как черта характера особенно

проявляется в таком явлении как благотворительность. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова понятие «благотворительность» объясняется как «безвозмездные и направленные на общественную пользу действия» [1, с.132].

Современные вызовы обуславливают актуальность исследования исторических моделей благотворительности для разработки региональных стратегий развития. Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечал: «Государство и общество в целом обретают устойчивость, когда граждане занимаются волонтерством и благотворительностью» [2].

Цель исследования – проанализировать газету «Енисейские губернские ведомости» на предмет отражения благотворительной деятельности красноярских купцов во второй половине XIX в.

Хронологические рамки исследования – вторая половина XIX в., обусловлены периодом России к капитализму, катализатором которого стали либеральные реформы Александра II, т.к. либерализация общественной жизни способствовала росту гражданской инициативы, также в этот период стали создаваться общественные организации и благотворительные общества, которые выступали структурированными каналами для филантропии.

Исследование базируется на таких общенаучных методах познания как анализ, синтез. А также на специально исторических методах: проблемно-хронологическом, сравнительном и ретроспективном. Ключевым является метод контент-анализа, он используется как системный и количественный метод изучения текстовых источников, который позволяет перейти от единичных наблюдений к выявлению объективных тенденций и устойчивых структур. Данный метод позволил проанализировать местную периодическую печать на предмет освещения благотворительных актов.

Источниковая база исследования состоит из опубликованных источниках, а именно на материалах периодической печати – номерах газет «Енисейские губернские ведомости» за 1864, 1877, 1888, 1895 гг. На основе сформированной источниковой базы можно определить, какие сферы жизни общества становились объектами благотворительности красноярских купцов во второй половине XIX века. Стоит отметить, что «Енисейские губернские ведомости» - первая газета Енисейской губернии, учрежденная по указу Александра II, в этой связи издание имеет прогосударственную направленность. Редакторами газеты в разное время были местные чиновники. Первый номер вышел 2 июля 1857 года. Газета состояла из двух частей: официальной, в которой публиковались указы императора, правительства и местных властей, и неофициальной, в которой содержалась различная информация – объявления, отчеты организаций, лекции и т.д. В «неофициальной» части публиковалась информация о повседневной, культурной жизни региона, в том числе об актах благотворительности.

Во второй половине XIX века в ходе реформ Александра II в Российской империи активно развивались капиталистические отношения. С одной стороны, это привело к росту количества обездоленных (происходил процесс пауперизации и пролетаризации крестьянства) [3], а с другой стороны – к появлению у отечественных предпринимателей крупных капиталов. Таким образом, роль благотворителей по большей части ложится на плечи купцов, которые в данное время ведут активную предпринимательскую деятельность.

Красноярск к началу XX столетия стал торгово-промышленным центром Енисейской губернии. Ввиду региональной специфики состава сибирского населения, особая социальная и экономическая роль была отведена местному купечеству.

Также либеральные реформы сыграли немаловажную роль в развитии новых явлений, которые в дальнейшем отразились на культурной, научной и духовной сферах российского общества. Именно на этот период приходится расцвет благотворительной деятельности красноярского купечества, в том числе и меценатства.

Виднейшими благотворителями во второй половине XIX века были такие купеческие династии как Щеголевы, Кузнецовы и Гадаловы.

Авторами исследования была осуществлена выборка номеров газеты «Енисейские губернские ведомости», в которых содержится информация об актах купеческой благотворительности. Так, сводный перечень статей, содержащихся в номерах газеты за 1864, 1877, 1888, 1895 гг. позволят сделать вывод о том, что купеческая благотворительная деятельность во второй половине XIX в. имела четыре направления: поддержка образования, церкви, медицины, а также осуществлялись пожертвования в пользу бедных.

Наиболее систематической и регулярной была поддержка образования. В 1864 году зафиксированы крупные взносы на устройство народных школ и учреждение губернской гимназии, 1888 году зафиксировано пожертвование на лотерею-аллегри в пользу Красноярского Владимирского приюта, а в 1895 году наблюдается высокая частота частных пожертвований в пользу женской гимназии и бедных учениц, что говорит об устойчивости этого явления. Также в 1888 году были совершены пожертвования в пользу Общественного музея и библиотеки. Вторым значимым и постоянным направлением была медицина. В 1864 году средства направлялись на народную лечебницу. В 1877 году происходит всплеск благотворительности в эту сферу, связанный с Русско-турецкой войной (1877-1878 гг.), пожертвования в пользу «Общества попечения о раненых и больных воинах» доминируют в этом году. Стабильно осуществляется благотворительность в пользу церкви: в 1864 году зафиксированы крупные разовые взносы на нужды церквей, а в 1895 году - пожертвования на содержание богадельни. Помощь бедным, как отдельное направление, наиболее ярко проявлено в 1864 году, а в другие рассмотренные годы не выделяется так явно, возможно, сливаясь с другими направлениями, такими как поддержка образования или медицины. Таким образом, можно заключить, что благотворительность красноярского купечества носила комплексный характер, но наиболее устойчивыми приоритетами были образование, медицина и поддержка церкви.

Также, можно отметить, что в 1864 г. выпуски газет содержат более разнообразную информацию о пожертвованиях в различных сферах общества, нежели к концу века. Это связано в первую очередь с распространением благотворительной деятельности среди частных лиц в начале второй половины XIX века. Имеет значение и то, что в дальнейшем внешний вид и содержание газеты претерпели изменения, например, была сокращена «Неофициальная» часть газеты, в связи с чем объем информации уменьшился. Так, количество информации об актах благотворительности уменьшилась. В выпусках газеты от 1877 и 1888 года благотворительность освещается путем публикации «Отчетов о приходах, расходах и остатках благотворительного капитала при Енисейском общем губернском управлении», где перечисляются суммы в соответствии с обозначенными категориями. При этом

сократилось освещение деятельности конкретных лиц. Отличительной особенностью выпусков 1877 года является учащение публикаций информации о пожертвованиях в пользу военных. В выпусках газеты от 1888 года зафиксировано лишь два акта благотворительности. В выпусках «Енисейских губернских ведомостей» за 1895 год благотворительная деятельность освещена скудно и преимущественно в сфере образования: поддержка осуществлялась в итоге проведения литературно-музыкальных благотворительных вечеров. Большую значимость в выпусках второй половины 1895 года отводят теме Сибирской железной дороги и переписи населения, поскольку установление постоянного железнодорожного сообщения вынуждает усилить контроль за населением, его оттоком и притоком в том числе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в периодическом издании в большей мере освещается благотворительная деятельность в вопросах более актуальных на определенный момент времени.

Источники и литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://clck.ru/3Q6JKC> (дата обращения: 02.10.2025).
2. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20948975> (дата обращения: 20.09.2025).
3. Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (по материалам переписей населения г. Москвы в 70–90-х гг. XIX в.) // Ист. записки. 1957. Т. 54. С. 239–251.

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ ШТРАУСА-ХАУ

Жамалетдинов Назар Ахатович, студент

Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
durnina131415@gmail.com

Статья анализирует эволюцию советской политической элиты 1920–1980-х гг. через призму теории поколений Штрауса-Хау. Основное внимание уделяется смене руководителей – «потерянного» и «великого» поколений. Сделан вывод о решающем влиянии их коллективных и психологических характеристик на изменение политической конъюнктуры.

Ключевые слова: Теория поколений, потерянное поколение, великое поколение, политическая элита, жизненный цикл, социальный момент

THE EVOLUTION OF THE SOVIET POLITICAL ELITE IN THE INTERPRETATION OF THE STRAUSS-HOWE GENERATIONAL THEORY

Zhamaletdinov Nazar Akhatovich, Student

MGIMO Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
durnina131415@gmail.com

The article analyzes the evolution of the Soviet political elite from the 1920s to the 1980s through the lens of the Strauss-Howe generational theory. The main focus is on the transition of generational cohorts of leaders – the «Lost» and «Greatest» generations. It concludes that their collective psychological characteristics had a decisive influence on changes in the political climate.

Keywords: Generational theory, Lost generation, Greatest generation, political elite, life cycle, social moment

Создатели теории поколений Уильям Штраус и Нил Хау определяют поколение, как группу сверстников, чья продолжительность существования примерно равна продолжительности определенного этапа жизни, и чьи границы определяются коллективным психологическим портретом [1, р. 60]. Их концепция практически не применяется в российской исторической науке ввиду серьезных расхождений с социально-политическими реалиями России и СССР конца XIX века – XX века.

В настоящей работе представлена попытка применения данной теории для анализа смены сосуществовавших с 1920-х по 1980-е гг. двух поколений политических управленцев, соотносящихся с «потерянным» и «великим» поколениями Штрауса-Хау, и которых можно обозначить как «старая гвардия» (типичные представители (далее – Т.П.): В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, А.А. Жданов, Л.П. Берия) и «новая гвардия» (Т.П.: Л.И. Брежнев, М.А. Суслов, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, А.Н. Косыгин).

Подобные наименования выбраны в виду применения, в первую очередь в публицистике, понятия «гвардия» в отношении определенной когорты политических

деятелей: как пример расхожее понятие «ленинской гвардии», предшествовавшей сталинской группе [2, с. 168] [3] [4].

Сравнение «старой гвардии» и «новой гвардии» следует проводить в рамках 4 фаз жизненного цикла поколения – юность (0 – 21 год), взросление (22 – 43 года), зрелость (44 – 65 лет) и старость (65 – 87 лет) [1, р. 56]. Стоит заметить, что возрастные рамки данных и нижеупомянутых категорий служат лишь приблизительными границами. Нельзя обойти стороной характеристику «потерянного» и «великого» поколений Штрауса-Хау.

«Потерянные», родившиеся с 1883 по 1900 гг., описываются архетипом «реактивные» [1, р. 79], для которого типичны: незащищенность и критика со стороны старших поколений в юности в условиях «духовного пробуждения» (социальный момент, исторические события которого радикально изменяют социальную среду поколения, характеризующийся идеологическим кризисом и внутриобщественной перестройкой ценностей [1, р. 71]), рискованные и отчужденные в период взросления, прагматичные лидеры в зрелости в период секулярного кризиса (социальный момент, характеризующийся внешними проблемами: переустройством институтов, экономики, ведением войны [1, р. 71]) и уважаемые замкнутые старейшины в старости [1, р. 76].

«Великие», родившиеся с 1900 по 1924 гг., характеризуются архетипом «гражданские», для которого типичны: защищенная молодежь после духовного пробуждения, взрослея, преодолевает секулярный кризис и объединяется в героический и деятельный отряд молодых взрослых, в зрелости, в качестве влиятельных людей переносят коллективистские качества на создаваемые институты, и в старости выступают в роли деятельных старейшин, атакуемых новым духовным пробуждением [1, р. 76].

1) Юность «старой гвардии» проходила в рамках нестабильности Первой русской революции и Первой мировой войны, в условиях духовного пробуждения и протекавшего в кризисные моменты психологического беспокойства «крестьян-рабочих» [5, с. 29]. Большинство из них в этот период вступают в РСДРП(б) – Молотов в 1905 г., Каганович в 1911 г., Микоян и Жданов в 1915 г., Берия в 1917 г. В юности «потерянные» вступают в социальный момент в качестве рецессивного [1, р. 73], то есть социально-зависимого поколения, воспринимая мир, формируемый только представителями старших поколений (Николай II, Керенский, Ленин, Троцкий, Милуков).

Юность «молодой гвардии» прошла в условиях монизма коллективистской идеологической парадигмы и охранительных тенденций 20-х первой половины 30-х гг. В отличие от предшественников, аффилированных с маргинальной кадровой РСДРП(б), «молодая гвардия» вступала в массовую ВКП(б), установившую «диктатуру партии» во главе с «вождями» [6, с. 160]. Суслов вступил в РКП(б) (не учитывая опыта работы в ВЛКСМ) в 1921 г., Косыгин в 1927 г., Брежнев и Черненко в 1931 г., Андропов в 1939 г.

2) Взросление «старой гвардии» пришлось на развитие их политической карьеры, т.е. вхождения в эшелоны политической элиты, в период Гражданской войны, внутрипартийной борьбы 20-х и первой половины 30-х гг. Б. Рассел дает следующую классификацию советской политической элиты начала 20-х гг.: первая группа фанатичных революционеров; вторая группа карьеристов; третья группа сплотившихся вокруг правительства по причине его стабильности [6, с. 159]. «Старая гвардия», сохраняющая рецессивность «потерянных», к началу 30-х оформилась в монолитную группу, преимущественно состоявшую из «карьеристов» и

«сплотившихся», с растущим влиянием профессиональных управленцев внутри группы в связи с массовостью партии [6, с. 159].

Рецессивность обусловила и ведомость «старой гвардии» представителями старшего поколения в рамках внутрипартийной борьбы 20-годов. Карьеристская монолитность, сочетавшаяся с рецессивностью, оформлялась ведущими старшими лидерами после смерти Ленина – Зиновьев, Сталин, Троцкий, вокруг которых складывались фракции сочувствующих, использовавших конъюнктуру для укрепления своих позиций – зиновьевцы и троцкисты (Т.П.: Сокольников и Радек), сталинская группа (Т.П.: Орджоникидзе и Киров).

Взросление «молодой гвардии» и проникновение «великих» в политическую элиту происходит в период наибольшей турбулентности второй половины 30-х гг. – первой половины 50-х гг., характеризующийся трехэтапным секулярным кризисом:

А) Внутриобщественная перестройка от убийства Кирова в 1934 г. к окончанию Большого террора в 1938 г., приведшая к кадровым перегруппировкам, начавшим перераспределение ролей в высших эшелонах власти [6, с. 226], и зарождению нового «правлящего класса» выдвиженцев из среды советских технических специалистов (Т.П.: Брежнев, Косыгин, Патоличев) [5, с. 212–213], молодых и амбициозных людей, желавших повышения своего социального статуса [5, с. 201];

Б) Вторая мировая война, усилившая положение «выдвиженцев» за счет роста численности партии, укрепления состава первичных парторганизаций и повышения значимости ВЛКСМ [6, с. 255–257];

В) Послевоенное возвращение к нормальности конца 30-х гг., «догматизация» и «консервация» общества [7, с. 285–286], а также назревающая кадровая революция, как смена старого поколения управленцев на новое [7, с. 291]. К 1952 г. 50% министров и их заместителей составляли «выдвиженцы» [5, с. 213]

В фазу взросления «великие» вступают в социальный момент в качестве доминантного, то есть социально-активного поколения [1, р. 72]. Возвращаясь с войны, «великие» в США приносили зрелый и деловой настрой повсюду, куда бы они не направлялись, а война же дала им «уверенность», сопряженную с большими надеждами на экономическую жизнь государства. [1, р. 272]. Аналогично, поколение новых управленцев в СССР, в основе которого была критически заряженная масса фронтовиков, обладало идеями, которые смыкались с ростом критического настроения снизу и отражали устремления части общества на проведение реформ [7, с. 292], в том числе и политических, заключавшихся демократизации партии и общества [7, с. 290].

3) В зрелости «потерянные» вступают в трехэтапный секулярный кризис в качестве рецессивного поколения [1, р. 72], став прагматичными лидерами [1, с. 76] вокруг личности Сталина и полностью лишив власти в ходе Большого террора «ленинскую гвардию» и оппонентов-новогвардейцев (Т.П.: Зиновьев, Каменев, Сокольников, Раковский). Рецессивность «старой гвардии» проявлялась в их полной покорности в отношении Сталина, который проверял ее лояльность путем арестов их родственников [6, с. 229]. На 3 этапе кризиса осуществление «нейтрализации» радикальных послевоенных настроений [7, с. 292] взяли на себя именно «старогвардейцы», примером чего стали «ждановские чистки» в отношении послевоенных интеллектуалов [5, с. 324].

Рецессивность «старой гвардии» привела к эволюционной, спровоцированной конфликтом поколений, и турбулентной, спровоцированной Сталиным, замене «великими» и общему ослаблению позиций представителей «старой партийной гвардии» [8, с. 217]. Для Сталина более управляемым являлось молодое поколение [5, с. 324], будучи необходимыми моторами, а не винтиками системы как «старая гвардия» [7, с. 295]. На XIX съезде в новосозданном Президиуме ЦК КПСС из 36

человек состава лишь 10 были представителями старого Политбюро [5, с. 324]. В более узкий состав Президиума – Бюро – Молотов, Микоян и Андреев не вошли вовсе. Итоги съезда, по воспоминаниям Хрущева, были подготовкой к уничтожению старых членов Политбюро [5, с. 325]. Однако турбулентный характер поколенческой смены оборвался со смертью Сталина.

Зрелость «великих» приходится на вторую половину 50-х – первую половину 70-х гг. В конце 1950-х гг. власть окончательно перешла в руки «новой гвардии». Апогеем данного процесса стала «антипартийная группа» 1957 г., ознаменовавшая перенос коллективистских идей на трансформируемые после смерти Сталина институты власти. Верхушка КПСС определила политику, исходя из своих корпоративных интересов [8, с. 362]. Отставка Хрущева лишь подтвердила корпоративные интересы аппарата КПСС, заключающиеся в выстраивании курса на самовластие партаппарата, и сплотила ряды советской олигархии, объединившиеся против мешавшего им Хрущева и назначившие стабильного Брежнева [8, с. 482].

4) Старость «потерянных» приходится на период конца 50-х – начала 80-х годов. Отстраненные от власти в конце 50-х – начале 60-х гг. «старогвардейцы» завершали и свой жизненный цикл (Т.П.: Ворошилов в 1969 г., Андреев в 1971 г., Микоян в 1978 г.). Свой век они доживали в замкнутости «потерянных», оставаясь лишь пенсионерами союзного значения, Каганович и Маленков и вовсе подверглись «*damnatio memoriae*».

Фаза старения для новой гвардии приходится на вторую половину 70-х – начало 90-х гг., на момент полного прекращения их жизненного цикла. К 1980 г. именно «выдвиженцы» «новой гвардии» составляют половину Политбюро (Т.П.: Брежнев, Косыгин, Устинов, Громыко) [5, с. 213], на их старость приходится зенит власти «великих», хотя с начала 80-х годов начинается смена поколения «великих» на следующее поколение (Т.П.: М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, Г.В. Романов, Э.А. Шеварднадзе). Однако именно «новогвардейцы» столкнулись с нараставшим новым социальным моментом – духовным пробуждением, известным как застой и последовавшая за ним перестройка.

Источники и литература

1. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 // Printed in the United States of America, First Edition, 1991. 538 p.
2. Трофимова А.М. Общество старых большевиков: путь от ленинской гвардии к сталинской лекторской группе // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 1. С. 168–173.
3. Заезженная мифологема о «ленинской гвардии» // Завтра. 2014. 29 нояб. URL: <https://clck.ru/3PrWkD> (дата обращения: 10.10.2025).
4. «Ленинская гвардия» уничтоженная Сталиным // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». URL: <https://clck.ru/3PrWqj> (дата обращения: 11.10.2025).
5. Хоскинг Д. История Советского Союза 1917–1991 / пер. с англ. П. Куценкова. М.: Вагриус, 1994. 510 с.
6. История Коммунистической партии Советского Союза / А.Б. Безбородов, Н.А. Борисов, С.П. Донцев [и др.]; отв. ред. А.Б. Безбородов. М.: РОССПЭН, 2013. 670 с.
7. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / сост. В.А. Козлов. М.: Политиздат, 1991. 366 с.
8. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М.: Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007. 715 с.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ XXI ВЕКА

Захарова Дарья Евгеньевна, ассистент

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

dzaharova1194@gmail.com

В статье анализируются особенности поколения молодежи XXI века. Поколенческие черты молодежи рассматриваются в работах отечественных и зарубежных авторов, в том числе сквозь призму влияния на поколение различных внешних факторов: исторического контекста, государственной политики и общественного устройства. Утверждается идея, что динамика современной жизни и общественная трансформация оказали существенное влияние на молодое поколение, сформировав у молодежи XXI века характерные черты. В качестве выводов сформулировано утверждение, что подобные исследования необходимы как для понимания потребностей молодежи, так и для выстраивания продуктивного сотрудничества и поддержания стабильности в обществе.

Ключевые слова: молодежь, поколение молодежи XXI века, миллениалы, зумеры, смена поколений

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE YOUTH GENERATION OF THE 21st CENTURY

Zakharova Darya Evgenievna, Assistant

Vladivostok state university, Vladivostok, Russia

dzaharova1194@gmail.com

The article analyzes the features of the young generation of the 21st century. The generational characteristics of youth are considered in the works of domestic and foreign authors, including through the prism of the influence of various external factors: the historical context, state policy and social structure on the generation. The idea is being approved that the dynamics of modern life and social transformation have had a significant impact on the young generation, forming characteristic features of the youth of the 21st century. The conclusions are that such studies are necessary both to understand the needs of young people and to build productive cooperation and support stability in society.

Keywords: youth, 21st century youth generation, millennials, zoomers, generational change

Каждая смена поколений привносит в жизнь общества новшества и изменения. Молодежь, являясь носителем новаторских и креативных идей, в любую историческую эпоху провоцирует феномен так называемого конфликта отцов (старшего поколения) и детей (молодого поколения). Исследование поколенческих особенностей молодежи способствует предотвращению общественных проблем и организации передачи опыта между поколениями. Речь идет о выстраивании планомерного перехода и исторической преемственности.

Существует множество научных описаний современной молодежи, особенностей их характера и поведения. В настоящем исследовании ставится цель определить основные особенности и характеристики молодого поколения XXI века.

Для того, чтобы исследовать феномен поколения молодежи XXI века необходимо учитывать, что, как и любое предшествующее поколение, нынешняя молодежь – это объект исторический, взрослевший в период определенных исторических событий. Как и для других поколений, для молодежи XXI века характерны определенные особенности, которые отличают поколение от предыдущих и будут отличать от последующих. Эти поколенческие особенности и черты формируются на фоне исторического, социального, политического и экономического контекста.

Молодежь XXI века представляет актуальный объект научного исследования по ряду причин. Во-первых, молодежь является продолжателем государственного, общественного и политического развития. Спустя 10-20 лет нынешняя молодежь займет управляющие роли и станет активным участником различных процессов. Во-вторых, являясь многочисленной демографической группой, ее активизм необходим в общественной и политической жизни. В-третьих, на нынешней молодежи лежит задача обеспечения исторической преемственности и передачи будущим поколениям опыта и мировоззрения.

Исследованию молодежи посвящены десятки трудов отечественного философа и историка И.М. Ильинского. Результатами его многолетней деятельности стало изучение молодежи и молодежной политики на фоне экономических, социальных, политических процессов. Рассматривая основные свойства молодежи, автор выделил молодежь как явление конкретно-историческое. Бесспорным является аргумент автора, что молодежь – «это продукт истории и определенной культуры и в то же время их движущая сила и фактор перемен» [1, с. 113]. В том числе, убедительны выводы И.М. Ильинского о том, что не реализовавшее себя социально молодое поколение является потерянным. Главный смысл перемен в концепции молодежи автор видел в отношении к молодежи как субъекту, а не как объекту [1, с. 115]. Именно этот концептуальный подход стал ключевым в XXI веке – современная молодежь стала рассматриваться в контексте лидеров изменений и активного участника общественно-политической жизни.

Среди отечественных исследователей, внесших особый вклад в изучение особенностей поколения молодежи, следует выделить труды А.В. Селезневой. Научный интерес автора представляют политико-психологические вопросы, связанные с молодежью, в том числе трансформация ценностей молодого поколения России. Следует согласиться с мнением автора о том, что «возрастные особенности молодежи как социальной группы, а также ее место в социальной иерархии предполагают участие молодежи в разнообразных формах общественной, социальной, политической, гражданской активности как процесс поиска себя и реализации интересов и убеждений». Автором подчеркивается, что «в этом отношении молодежь не однородна, ее подавляющая часть не является «активной»» [2, с. 380]. Действительно, современная работа с молодежью направлена на создание условий для всесторонней самореализации. Однако степень активности и вовлеченности молодежи в общественную жизнь зависит от множества факторов.

Среди других особенностей поколения молодежи XXI века стоит выделить то, что это поколение постсоветской России. Молодежь XXI века выросла в период общественной и политической трансформации. Особенно острым был период начала 2000 гг., когда новая государственная политика в области работы с молодежью находилась на стадии формирования. Именно в этот период молодежь характеризовалась как нестабильная категория населения, которую необходимо

поддерживать. В молодежной среде начала XXI века отмечались такие проблемы, как аполитичность, высокий уровень безработицы, рост внебрачных детей, жилищное обеспечение [3]. С течением времени и развития механизмов работы с молодежью эти явления удалось преломить.

Особенностью молодежи XXI стала ее мобильность и быстрая адаптация к изменениям. Высокий темп жизни и скорость общественной трансформации, который характерен для периода современной истории, особый акцент сделал на социализацию и адаптацию молодежи. Отечественные авторы обращают внимание, что перед социогуманитарной наукой стоит необходимость изучения молодежи и ее поколенческих особенностей, осмысления динамично развивающихся форм ее социальной интеграции [4, с. 7]. В этом ключе перед обществом и государством стояла цель всесторонней самореализации молодежи и интеграции молодого человека в общественную жизнь, с учетом внешних факторов и в более ускоренном темпе. Предпринятые меры по социальной адаптации и реализации молодого поколения открыли широкие возможности по разным направлениям – карьера, семья, коммуникации, творчество и путешествия, в том числе поставили задачу систематизировать область работы с молодежью.

Молодежь XXI века характеризуется как уникальный носитель ценностей. Исследователи обращают внимание на противоречивый характер системы ценностей молодого поколения, например, одновременно значимые позиции занимают коллективистские и индивидуалистические прагматические установки, что отличает современную молодежь от предыдущих поколений.

Текущее поколение молодежи заняло амбивалентную позицию. С одной стороны, в особенности в начале 2000 г. поколение молодежи рассматривалось как объект поддержки и помощи. По ходу модернизации процессов работы с молодежью, вовлечения ее в процессы, раскрытия ее потенциала и возможностей, молодежь стала активным участником и перешла в позиционирование о себе как об активном субъекте. Молодые специалисты, управленцы заняли статус общественных активистов и лидеров изменений, во многих сферах наблюдается омоложение кадров. Таким образом, молодое поколение выступает как объект (получатель мер поддержки), так и субъект (активный участник процессов).

Поколение молодежи XXI века является носителем феномена новой взрослости, отложенного взросления и инфантилизации. Среди отечественных исследователей, обративших внимание на данную научную проблему – Н.Н. Толстых [5], Е.И. Огарева, Н.В. Лик, Д.А. Сероштанов [6]. Австралийский социолог Гарри Блатерер анализирует проблему растущей популярности образа жизни, свойственного именно молодым людям [7]. Удлинение периода ментального взросления связано не только с возрастным увеличением периода молодости до 35 лет, но и психологического восприятия жизни, а также экономических и маркетинговых влияний, транслирующих продление молодости. Современное поколение молодежи откладывает создание семьи, рождение детей, не боится пребывать в длительных поисках своего места и выбора предназначения.

Анализируя особые поколенческие черты, невозможно не обратиться к теории Н. Хау и У. Штраус, которые определили отличительные характеристики сменяющих друг друга социальных поколений. Молодежь XXI века соотносится с поколением миллениалов, детство которых приходилось на период 1981-2000 гг. и зумеров, рожденных с 2000 по 2015 гг. Концепция авторов предполагает наличие уникальных убеждений, характеристик, ценностей, поведенческих черт, отличающих различные

поколения человечества, и сформированных определенными условиями социальной и исторической среды [8].

Теорию поколений У. Штрауса и Н. Хау с точки когнитивных особенностей в своей работе рассмотрел Я.С. Базылев. В связи с особенностями воспитания, политическими ситуациями, с которыми сталкиваются люди в период взросления, автор утверждает, что имеются особенности когнитивных процессов у каждого поколения. Поколение Y или миллениалов обладают такими качествами, как технологическая грамотность, коллективный подход (склоны работать в команде, ценят сотрудничество), гибкость в работе, многозадачность, склонность к мгновенному общению. Для поколения Z или зумеров характерны цифровая грамотность, способность к быстрому поиску информации, визуальное и сетевое мышление (сетевое взаимодействие), сокращенный внимательный период [9, с. 67].

Особенности поколения миллениалов изучал В.В. Радаев. Среди отличительных черт поколения миллениалов, по сравнению с предыдущими поколениями, автор обозначил следующие: откладывание взрослых поступков (вступление в брак, рождение детей, выход на рынок труда) [10, с. 19], наиболее активное использование гаджетов и Интернета [10, с. 21], снижение уровня потребления алкоголя и курения в сторону ведения здорового образа жизни [10, с. 24].

Обобщая анализ особенностей поколения молодежи XXI века, можно сделать следующие выводы. На характерные черты и образ молодежи XXI века существенное влияние оказали ряд факторов: исторический контекст, государственная молодежная политика, включавшая институализацию органов молодежной политики, рост молодежных общественных объединений и организаций разной направленности, общественная трансформация, процессы цифровизации и информатизации. Несмотря на проблемы, с которыми сталкивались представители поколения в начале XXI века, выбранный курс работы с молодежью позволил направить и раскрыть потенциал молодых в общественно-полезном русле. Поколение молодежи – это люди, которые выросли в период определенных социальных, политических, экономических событий. Молодежь является активной категорией граждан. Ее современный активизм связан со стратегическими целями общества и государства. Для того, чтобы понимать современное поколение молодежи, следует продолжить научные исследования в этой области и накапливать опыт успешных практик работы с молодежью.

Источники и литература

1. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 696 с.
2. Селезнева А.В. Социально активная молодежь в России: политические ценности и предпочтения // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки. М.: Политическая энциклопедия, 2012. С. 380–390.
3. Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.12.2006 № 1760-р.
4. Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М.: Аквилон, 2022. 288 с.
5. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4. С. 7–24.

6. Огарева Е.И., Лик Н.В., Сероштанов Д.А. Трансформация взрослости в эпоху цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 12. С. 138–144.
7. The changing semantics of youth and adulthood // Cultural sociology. L., 2010. Vol. 4, N 1. P. 63–79.
8. Теория поколений: чем отличаются зумеры, бумеры, миллениалы, поколения X и альфа. Специальный проект // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/03/01/teoriia-pokolenij-chem-otlichaiutsia-zumery-bumery-millennialy-pokoleniia-x-i-alfa.html> (дата обращения: 11.05.2025).
9. Базылев Я.С. Особенности когнитивных процессов поколений: X, Y, Z, Alpha // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 10. С. 64–69.
10. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.

ЗАЩИТА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЕНИЯ ФОНДА ПЕНСИОННОГО И СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РОССИИ ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ

Клыченко Ксения Владимировна, студент
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
klychenko03@mail.ru

В статье анализируется нормативно-правовая база обеспечения конфиденциальности информации, приоритетная задача которой – защита данных граждан от возможной утечки, рассматриваются меры обеспечения конфиденциальности персональных данных застрахованных лиц в социальном фонде России по Красноярскому краю.

Ключевые слова: конфиденциальность данных, защита информации, социальный фонд, нормативно-правовая регламентация, персональные данные, локальный нормативный акт

PROTECTION OF CONFIDENTIAL INFORMATION ON THE EXAMPLE OF THE BRANCH OF THE PENSION AND SOCIAL INSURANCE FUND OF RUSSIA IN THE KRASNOYARSK TERRITORY

Klychenko Kseniya Vladimirovna, Student
Siberian federal university, Krasnoyarsk, Russia
klychenko03@mail.ru

The article analyzes the legal and regulatory framework for ensuring the confidentiality of information, the primary goal of which is to protect citizens' data from potential leaks. It also examines the measures taken to ensure the confidentiality of personal data of insured individuals in the Social Fund of Russia in the Krasnoyarsk Region.

Keywords: confidentiality of data, information protection, social fund, regulatory and legal regulation, personal data, local regulatory act

Проблема обеспечения защиты конфиденциальных сведений в настоящее время стоит особенно остро. Персональные данные, подвергающиеся утечке, могут использоваться злоумышленниками в деструктивных целях, что может привести к финансовым, репутационным и иным потерям. Защита персональных данных в деятельности Отделения Социального фонда Российской Федерации по Красноярскому краю (далее – ОСФР, социальный фонд, отделение) является приоритетным направлением, поскольку фонд осуществляет работу со сведениями застрахованных лиц, которые подлежат особой охране в силу законодательства РФ. Социальный фонд, как оператор обработки персональных данных осуществляет ее в соответствии с федеральными законами, приказами ведомств, и локальными нормативными актами ОСФР.

Базовым законом можно назвать Федеральный закон «О персональных данных» №152-ФЗ, который устанавливает требования к обработке, хранению и передаче персональных данных, включая необходимость получения согласия субъектов, применения технических и организационных мер защиты, а также регистрации

информационных систем персональных данных. Как уже было сказано, ОСФР является оператором обработки персональных данных граждан в соответствии с п. 2 ст. 3 ФЗ «О персональных данных», из чего вытекают соответствующие обязанности [1].

Техническая реализация обмена данными в учреждении осуществляется с применением электронной цифровой подписи, правовые основы которой закреплены в Федеральном законе «Об электронной подписи» № 63-ФЗ [2]. Применение усиленной квалифицированной электронной подписи позволяет гарантировать подлинность и неизменность электронных документов, в том числе в рамках электронного документооборота с другими государственными органами и учреждениями.

Простая электронная подпись является по своей сути данными авторизации (логин и пароль), которые вводятся для авторизации, например, в портале «Госуслуги» или внутренней корпоративной сети, подтверждая личность. Имеет юридическую силу при оказании страховых, государственных и муниципальных услуг.

Неквалифицированная электронная подпись представляет собой зашифрованную комбинацию символов, которая подтверждает личность пользователя и позволяет обнаружить внесение изменений в документ после его подписания, что особенно важно в условиях внутреннего электронного документооборота.

Квалифицированная электронная подпись является самой защищенной, создается с использованием средств шифрования, сертифицированных ФСБ. Выдается только в удостоверяющих центрах, аккредитованных Минцифрой России.

Комплекс организационных и технических мер по защите персональных данных в информационных системах Отделения регламентирован приказом ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21, на основании которого в деятельности ОСФР по Красноярскому краю реализуется целый ряд обязательных процедур, направленных на предотвращение угроз несанкционированного доступа, утечки, утраты или искажения информации [3]. В отделении фонда осуществляется категорирование информационных систем, разграничение прав доступа сотрудников, организация антивирусной защиты и криптографических методов защиты информации, ведется аудит действий пользователей. Приказом предусмотрено резервное копирование данных, защита каналов связи, регистрация инцидентов и обучение персонала, допущенного к работе с персональными данными. Все меры документируются и проверяются на соответствие установленным требованиям, что обеспечивает системный подход к информационной безопасности.

Необходимо отметить Приказ СФР от 06.07.2023 № 1319, которым утвержден порядок защищенного обмена документами в электронном виде для целей обязательного социального страхования. В нем установлены требования к формированию каналов связи, применению ЭЦП и ведению электронных журналов регистрации, что особенно актуально в условиях перехода к безбумажному документообороту и защите конфиденциальной информации в нем [4].

Особое место занимает Политика Отделения в отношении обработки персональных данных. Этот локальный нормативный акт разработан в соответствии с требованиями Федерального закона № 152-ФЗ и определяет цели, принципы и методы обработки персональных данных как граждан, так и сотрудников. В документе четко прописаны обязанности оператора (ОСФР), права субъектов данных, перечень обрабатываемой информации и меры по обеспечению безопасности: использование антивирусной защиты, разграничение доступа, шифрование, применение ЭЦП и аудит

доступа [5]. Политика также регулирует хранение и уничтожение данных, ведение внутренних журналов и публикацию сведений о правилах обработки на официальном сайте отделения. Данный документ - основа всей работы с персональными данными, которая отражает готовность учреждения соблюдать высокий уровень информационной безопасности.

Важную роль играет Инструкция по делопроизводству, данный локальный нормативный акт регламентирует не только порядок работы с управленческой документацией, но и устанавливает четкие требования к оформлению, регистрации, передаче, хранению и списанию документов, включая содержащие персональные данные [6]. Соблюдение утвержденных правил снижает риск нарушения конфиденциальности информации, обеспечивает контроль за движением документов и их защиту от несанкционированного доступа на всех этапах жизненного цикла. Инструкция предусматривает ведение номенклатуры дел, порядок подготовки документов к архивному хранению, а также обязательную идентификацию исполнителей и фиксирование всех действий в системе электронного документооборота.

Нормативно-правовое обеспечение защиты информации в ОСФР по Красноярскому краю строится на сочетании федерального законодательства и локальных нормативных актов. Комплексный подход позволяет эффективно минимизировать риски информационной безопасности, обеспечить законность и прозрачность обработки персональных данных и укрепить доверие граждан к цифровым сервисам фонда.

Источники и литература

1. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 2006. 29 июля. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (дата обращения: 11.10.2025).

2. Об электронной подписи: федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 2011. 8 апр. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102146610> (дата обращения: 11.10.2025)

3. Об утверждении состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России от 18 февр. 2013 г. № 21 // Официальный сайт ФСТЭК России. URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-18-fevralya-2013-g-n-21> (дата обращения: 11.10.2025).

4. О защищенном обмене документами в электронном виде с применением электронной цифровой подписи для целей обязательного социального страхования: приказ Социального фонда Российской Федерации от 6 июля 2023 г. № 131 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452955/ (дата обращения: 11.10.2025).

5. Политика Отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Красноярскому краю в отношении обработки персональных данных и реализации требований к их защите: утв. ОСФР по Красноярскому краю. Красноярск, 2023. URL: https://sfr.gov.ru/files/branches/krasnoyarsk/2023/Politika_PD/PolitikaOSFRPDnnovaya.docx (дата обращения: 11.10.2025).

6. Инструкция по делопроизводству в Отделении Социального фонда Российской Федерации по Красноярскому краю: утв. приказом ОСФР по Красноярскому краю от 11 апр. 2024 г. № 342. 45 с.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОСЕЛКОВОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ РАБОЧЕГО ПОСЕЛКА ЯРОВОЕ)

Крапивко Илья Сергеевич, студент

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

krapivko_is@mail.ru

Научный руководитель: Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

demtchikev@mail.ru

В исследовании предпринимается попытка осмысления специфики послевоенного уклада молодежи рабочих поселков – формирующихся моногородов на примере Ярового. В работе заключается, что рабочий поселок представлял собой автономную социально-производственную систему с главенствующей позицией градообразующего предприятия, которое создало особую изолированную общественную рабочую среду.

Ключевые слова: градообразующее предприятие, моногород, повседневные практики, послевоенное поколение, рабочий поселок

THE EVERYDAY LIFE OF SETTLEMENT YOUTH IN THE POSTWAR PERIOD (THE CASE OF THE WORKERS' SETTLEMENT OF YAROVOYE)

Krapivko Ilya Sergeevich, Student

Altai state university, Barnaul, Russia

krapivko_is@mail.ru

Scientific supervisor: Demtchik Evgenia Valentinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor

Altai state university, Barnaul, Russia

demtchikev@mail.ru

This study attempts to conceptualize the specifics of the postwar way of life for youth in workers' settlements – emerging single-industry towns (monogorods) – using the example of Yarovoye. The research concludes that the workers' settlement constituted an autonomous socio-productive system, dominated by its city-forming enterprise, which created a unique, isolated working-class social environment.

Keywords: city-forming enterprise, single-industry town (monogorod), everyday practices, postwar generation, workers' settlement

После победы советского народа в Великой Отечественной войне остро встал вопрос адаптации к реалиям послевоенного восстановления и развития страны. Возвращение к мирной жизни фронтовиков, основную массу которых составило молодое трудоспособное население, входило в рамки важных задач государства. Молодежь направлялась нередко в самые отдаленные, но активно развивающиеся места – к примеру, на предприятия, эвакуированные в военные годы в Сибирь. Здесь же, как и повсеместно, начинают формироваться отдельные жилые поселки при заводах, которые позднее перерастают в моногорода определенного профиля.

Значительный вклад в изучение феномена советского моногорода внесли М.Г. Меерович, Н.А. Петряева, М.С. и Н.В. Чирковы и др. исследователи. Однако данное направление начало развиваться в исторической науке относительно недавно, поэтому, в частности, вне центра внимания остается повседневность разных слоев населения – например, молодежи.

В исследовании предпринимается попытка осмысления специфики послевоенной повседневности молодежи в условиях формирующихся моногородов на примере рабочего поселка Яровое. Это правомерно будет рассматривать в рамках теории моногородов. Здесь приходится иметь дело с «ранней» фазой моногорода, его становлением, где эта зависимость проявляется особенно рельефно.

Работа базируется на материалах фондов Государственного архива Алтайского края, музея истории г. Яровое, а также на публицистических источниках.

Годом основания Ярового считается 1943 г., когда из крымского Перекопа на берег озера Большое Яровое Алтайского края было эвакуировано химическое предприятие, специализирующееся на выпуске бромной добавки к авиационному топливу [1, С. 25]. Еще со времени закладки фундамента будущего химического предприятия основную массу рабочих – первых яровчан составили молодые люди – эвакуированные вместе с заводским оборудованием и переселенные в Яровое из окрестностей [2, л. 2, 5]. Однако на заводе выполняли тяжелую работу нередко подростки 15-16 лет, составившие впоследствии послевоенный молодой коллектив предприятия [1, с. 18-19].

С активным ростом химического завода начинается и приток новой рабочей силы [3, с. 16-18]. Для новоприезжих молодых людей долго основным местом проживания становились либо общежитие-барак, либо землянки, а временное место размещения могло находиться в складах и хранилищах, что повсеместно создавало опасность в виде обвалов конструкций [4, л. 6; 5, с. 18]. Получение личной жилой площади становилось вопросом очередности в заводской иерархии. Первостепенно жилая площадь предоставлялась партийному и заводскому начальству, затем – ветеранам и инвалидам войны, а лишь после рядовым рабочим [6, л. 131; 7, л. 65-66]. Молодым семьям приходилось проживать в землянках, подверженных частым подтоплениям при дефиците угля, выдаваемым по нормам заводского отдела рабочего снабжения (50 кг в месяц) [1, с. 120; 5, с. 27]. В общежитиях же проживали, как правило, холостые работники, но промерзавшие стены, антисанитария и высокая плотность заселения приводили нередко к вспышкам инфекций при не высоком уровне медицинского обслуживания [4, л. 99; 5, л. 28; 8, л. 51].

Разумеется, шло постепенное увеличение уровня благосостояния населения. Если в 1946 г. сумма капиталовложений в социальное строительство составляла 907 тыс. руб., то уже в 1953 г. – 7 626 тыс. руб., то есть увеличилась в 8,4 раза, однако долгое время даже этого было недостаточно, вплоть до ликвидации землянок в начале 1950-х и бараков в начале 1960-х гг. [9].

Продовольственное снабжение также обуславливалось рядом трудностей. За неимением постоянной поставки товаров еще при строительстве завода было заложено подсобное хозяйство. Рабочим выписывались наряды на работу в призаводском хозяйстве, которые приобретали характер некой заводской повинности [4, л. 28-31]. Данная мера была вынужденной, поскольку в рамках автономного поселения, где связь с внешним миром осуществлялась посредством нескольких дорог, продовольственный вопрос становился тяжелее, а организация подобного хозяйства обуславливалась вопросом выживания.

В область трудовой повседневности входит и сама работа на предприятии. После войны завод имел достаточно примитивное материально-техническое обеспечение. Из этого следовал крайне низкий уровень безопасности работников, которым приходилось трудиться в условиях дефицита средств индивидуальной защиты. Нередки были случаи травматизма, даже летальных исходов. Но завод был единственным социальным лифтом и организатором всей жизненной траектории развития. Перед грамотным молодым специалистом открывались возможности в реализации потенциала и карьерного роста. Этому способствовали и небольшой охват производственных мощностей завода, и высокая текучесть кадрового состава, что, собственно, было вполне закономерно для изолированно развивающегося предприятия [3, с. 20; 10, л. 3-5].

Критерием успешного трудового роста и повышения качества жизни молодого человека было членство во ВЛКСМ. На предприятии существовали комсомольские организации разного уровня, подчиненные партийной организации завода и являвшиеся в своей сути некими структурными подразделениями для воздействия на молодое поколение.

Главной досуговой структурой Ярового являлся поселковый (он же заводской) клуб, который в годы своего создания позиционировался как «центр культурно-массовой и общественно-политической работы» [2, л. 23-23об.]. К 1945 г. на его базе была организована художественная самодеятельность, где для жителей поселка и окрестностей ставились идеологически выверенные спектакли, проводились концерты. В 1946 г. клубными активистами – молодыми первопроходцами завода было оказано 10 постановок художественной самодеятельности. Комсомольская организация, однако, долгое время признавала вклад своих членов в работу клуба незначительным, что стоит расценивать, пожалуй, не как данность, а как часть заводской отчетности и занятость молодежи [12, л. 44].

Высокий уровень занятости молодых людей обуславливался еще и обучением в вечерних школах рабочей молодежи. Причем в большей мере поступление на вечернее обучение носило характер обязательный для многих комсомольцев [2, л. 91]. Отчасти это требование применялось справедливо: для продуктивной работы предприятия требовались образованные кадры. Но это мало поддерживалось заводской молодежью, на которую помимо производственных и комсомольских, были возложены образовательные обязательства.

Тяжелые условия труда и быта, а также ограниченность досуговых альтернатив в моногородской системе стали причинами достаточно распространенной практики распития спиртных напитков, сопровождавшей не только праздники, но и повседневность. Нередки были случаи массовых распитий на производстве, что приводило, в частности, к выходу предприятия из строя [12, л. 131-132].

Таким образом, молодежная повседневность была сформирована полностью под влиянием монозаводского уклада. Жизнь молодого поколения зависела от автономной социально-производственной системы, где химическое предприятие регулировало практически все аспекты – от распределения жилья и нормирования продовольственного снабжения до организации досуга. Проживание молодежи в барачных общежитиях и земляных жилищах сочеталось с высокими производственными рисками, а доступ к социальным благам определялся местом рабочего в заводской иерархии. Частью заводского механизма становились также и формализованный досуг и образование, которые контролировались заводской комсомольской организацией.

Специфика Ярового как поселка при одном предприятии обусловила уникальный синтез тяжелых бытовых условий с возможностями быстрого карьерного роста, что создало особую молодежную среду, отличную как от сельской общности, так и от городского полифункционального уклада.

Источники и литература

1. Юдин С.М. Эпоха «Алтайхимпрома» 70-летию «Алтайхимпрома» имени Г.С. Верещагина и 75-летию города Яровое. Славгород, 2018. 308 с.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П868. Оп. 1. Д. 2.
3. Фомичев А.В. История человека – история коллектива. Яровое, 2017. 214 с.
4. ГААК. Ф. П868. Оп. 1. Д. 6.
5. Гусельников В.В. Молодость древнего озера. Барнаул, 1969. 114 с.
6. ГААК. Ф. П868. Оп. 1. Д. 10.
7. ГААК. Ф. П868. Оп. 1. Д. 14.
8. ГААК. Ф. П868. Оп. 1. Д. 8.
9. Музей истории г. Яровое. ОФ 19.
10. ГААК. Ф. П868. Оп. 1. Д. 13.
11. ГААК. Ф. П868. Оп. 1. Д. 5.
12. ГААК. Ф. П868. Оп. 1. Д. 15.

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ГЕРОЯ СВО ЭДУАРДА ВАЛЕНТИНОВИЧА ДУЛИНА

Крюкова Елена Владимировна, магистрант

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, Саратов, Россия

ebobrysheva2011@mail.ru

Вашему вниманию представлено повествование о герое СВО, Дулине Эдуарде Валентиновиче. Это повествование о настоящем патриоте своей Родины, грамотном и профессиональном командире и прекрасном человеке.

Ключевые слова: Родина, отвага, верность, сила, специальная военная операция, любовь к Родине

THE LIFE AND FEAT OF A HERO OF A SMO BY EDUARD VALENTINOVICH DULIN

Kryukova Elena Vladimirovna, Master's Student

Volga Region Institute of Management named after Stolypin, Saratov, Russia

ebobrysheva2011@mail.ru

Your attention is drawn to the story of the hero of the SMO, Dulin Eduard Valentinovich. This is a story about a true patriot of his Homeland, a competent and professional commander and a wonderful man.

Keywords: Motherland, courage, loyalty, strength, special military operation, love for the Motherland

Наша Русь всегда славилась своими богатырями, которые спасали нашу Родину от врагов, ведомых и неведомых [1, с. 34].

С самых давних времен русский народ гордился и восхвалял своих защитников в своих сказаниях, повестях, которые передавались из поколения в поколение от отца к сыну, от сына к внуку. Так до нас с вами дошли сказки и былины о русских богатырях. Но в каждой сказке обязательно есть крупица правды и, возможно, эта крупица правды не очень и мала [2, с. 12].

Хочу рассказать Вам о настоящем патриоте России, о смелом, мужественном и отважном воине, о Дулине Эдуарде Валентиновиче (рис. 1).

Эдуард Валентинович - смелый, храбрый, отважный и бесстрашный воин. Родился Эдуард Валентинович в городе Луганске. В 2014 году нач-

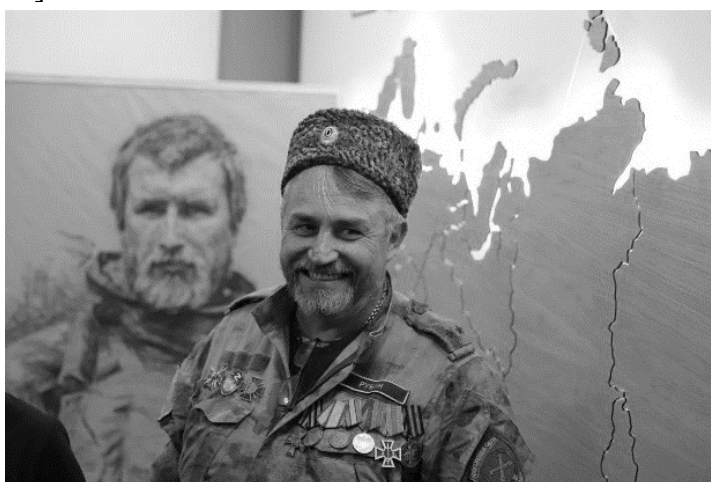

Рисунок 1 – Дулин Эдуард Валентинович, окружной атаман Нижегородской области, Волжского казачьего войска, Союза казачьих войск; член Общественного фонда войны и мира, член ассоциации ветеранов СВО, член организации «Боевое братство», замполит Центрального штаба по формированию добровольческого батальона Нижнего Новгорода, а также участник кадровой программы Российской Федерации «Время Героев»

алась война на Донбасе и Эдуард Валентинович пошел защищать свой народ, оставаясь верным своим идеалам. Так начался боевой путь Дулина Эдуарда Валентиновича.

Служил Эдуард Валентинович под командованием Дремова Павла Леонидовича, Казачьего Атамана Всевеликого войска Донского в городе Лисичанске. Отряд организовывал самооборону Лисичанска.

После сдачи Лисичанска Эдуард Валентинович служил в 6-Казачьем полку имени Матвея Платова. Тем временем полк, в котором служил Эдуард Валентинович, отошел в Стаханов, а наш герой остался служить в городе Донецк в подразделении «Область войска Донского «Соколиная Сотня» (рис. 2).

Позднее подразделение расформировали, и Эдуард Валентинович продолжил свой боевой путь в военной части № 08805, в артиллерии. Эдуард Валентинович был назначен командиром батареи «Гвоздика».

В 2017 году Захарченко Александр Владимирович, военный и политический лидер, Глава ДНР, назначил Эдуарда Валентиновича Атаманом 1-Донецкого Полка Приазовского Казачьего войска.

После гибели Александра Владимировича Захарченко, Эдуард Валентинович Дулин продолжил свой боевой путь в 11 Полку Морской Пехоты, был командиром взвода танков и после окончания службы вернулся домой.

В 2022 году Эдуард Валентинович снова ушел на СВО, был командиром минометной батареи.

В течение всей военной службы Эдуард Валентинович получил 11 контузий, множество ранений и, несмотря на это, сила русского духа никогда не иссякнет!

Благодаря грамотному и профессиональному управлению своим взводом, за все время службы Эдуарда Валентиновича не было ни одного погибшего в бою бойца.

За время службы Эдуард Валентинович награжден:

- Георгиевским Крестом ДНР;
- Орденом Новороссии за воинскую доблесть 1-й степени;
- Орденом Новороссии за боевые заслуги;
- Медалью за освобождение Донбасса 2014г.;
- Медалью добровольца за мужество;
- «Георгиевским Крестом» за участие в спецоперации.

В настоящее время Эдуард Валентинович активно занимается патриотическим воспитанием детей и молодежи: принимает участие в уроках мужества, как приглашенный гость, является постоянным участником патриотических мероприятий в г. Нижний Новгород.

Эдуард Валентинович в настоящее время является окружным атаманом Нижегородской области, Волжского казачьего войска, Союза казачьих войск; членом Общественного фонда войны и мира членом ассоциации ветеранов СВО, членом

Рисунок 2 – Дулин Эдуард Валентинович, герой СВО

организации «Боевое братство», замполитом Центрального штаба по формированию добровольческого батальона Нижнего Новгорода, а также участником кадровой программы Российской Федерации «Время Героев» (рис. 3).

Рисунок 3 – Дулин Эдуард Валентинович – настоящий пример смелости, мужества, отваги, несгибаемой силы духа и храбрости! Достойный пример для подрастающего юного поколения России!

Источники и литература

1. Морозов С.Д. История России. XX век. М.: Феникс, 2022. 512 с.
2. Федоров В.А. История России 1861–1917 гг. (с картами): учеб. для вузов. М.: Юрайт, 2025. 376 с. URL: <https://urait.ru/bcode/559641> (дата обращения: 07.05.2025).
3. Фотографии и видеоряд о герое СВО Дулине Эдуарде Валентиновиче в облачном хранилище. URL: <https://cloud.mail.ru/public/BmdY/SpJXKTnhk>.

**СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ
К НОВОЙ ЖИЗНИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЛАВГОРОДСКОГО ОКРУГА)**

Липский Степан Алексеевич, студент

Алтайский государственный университет, Барнаул, России

stenka.lipsky@yandex.ru

Научный руководитель: Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

demtchikev@mail.ru

В данной статье на основе архивных материалов, источников личного происхождения и периодической печати комплексно анализируется социально-политическая адаптация сельской молодежи к новым реальностям советской эпохи. Авторы приходят к выводу, что молодежь демонстрировала избирательность в отношении принятия тех или иных нововведений, руководствуясь практической выгодой.

Ключевые слова: сельская молодежь; комсомол; адаптация; советские реалии; Славгородский округ

**RURAL YOUTH IN THE FIRST DECADE OF SOVIET POWER:
SOCIO-POLITICAL PRACTICES OF ADAPTATION TO NEW LIFE
(BASED ON MATERIALS FROM SLAVGOROD DISTRICT)**

Lipskiy Stepan Alekseevich, Student

Altai State University, Barnaul, Russia

stenka.lipsky@yandex.ru

Scientific supervisor: Demchik Evgeniya Valentinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor

Altai State University, Barnaul, Russia

demtchikev@mail.ru

This article comprehensively analyzes the socio-political adaptation of rural youth to the new realities of the Soviet era based on archival materials, personal sources and periodicals. The authors conclude that young people demonstrated selectivity in adopting certain innovations, guided by practical benefits.

Keywords: rural youth; Komsomol; adaptation; Soviet realities; Slavgorodsky district

Первое десятилетие советской власти характеризовалось периодом массовой трансформации, охватившей все сферы жизни общества. В условиях социальной напряженности, порожденной гражданской войной и политикой военного коммунизма, а также после окончания гражданской войны в период НЭПа советская власть нуждалась во всеобъемлющей поддержке крестьянского населения, прежде всего делая ставку на молодежь, считавшейся более восприимчивой к изменениям.

Проблема взаимоотношений молодежи и государства в Сибири в первое десятилетие советской власти нашла отражение в работах С.И. Бондаренко [1],

В.И. Исаева [2], В.А. Ильиных [3] и других. В данной статье представлен анализ социально-политической адаптации сельской молодежи Славгородского уезда (позднее округа) к новым советским реалиям, включая общественно-политические и социокультурные аспекты. Исследование базируется на архивных материалах, источниках личного происхождения и периодический печати.

В период становления советской власти и гражданской войны молодежь уезда принимала активное участие в сражениях по обе стороны баррикад. Мотивами для вступления молодых людей в Красную гвардию или повстанческо-партизанские отряды была месть за пострадавших родственников и стремление улучшить свое социально-экономическое положение [4, л. 7]. Мобилизация в «белую» армию встречала сопротивление, и многие молодые крестьяне при первой же возможности переходили на сторону «красных».

С приходом регулярных частей РККА на Алтай и укреплением советской администрации в Сибири началось активное вовлечение молодежи в управленческие структуры, заградительные отряды, которые боролись с мешочничеством и антибольшевистскими формированиями [5, л. 37, 80, 83]. На территории Благовещенской, Ленковской и Родинской волостей действовали боевые отряды «красной молодежи», чьей задачей было проведение мероприятий продразверстки, борьба с антиправительственными силами, а на начальном этапе НЭПа – сбор продналога [6].

В целом, отношения населения уезда в первой трети 1920-х годов к советской власти было недоверчивым и отчасти враждебным и попытки вовлечь сельскую молодежь в РКСМ и ВСЕВОБУЧ не имели значительного успеха [7, л. 46; 5, л. 51]. Эта общая тенденция находила отражение на местах: в с. Карасук несмотря на присутствие должного количества молодежи, комсомольская ячейка так и не была создана [8, л. 3].

Неоднозначным было отношение молодых людей к вопросам просвещения. Так, агитационные лекции вызывали у молодых людей мало интереса, однако наблюдалась активная тяга к знаниям. Например, в с. Верх-Суетка молодые крестьяне требовали открытия школы и библиотеки [9]. Подлинный интерес у молодежи вызывали прикладные знания, а не политические вопросы. Например, возможность получения агрономических знаний являлась мотивом для вступления в комсомол. Так, в Знаменском, Андреевском и Ключевском районах возможность совершенствования агрономических знаний являлась мотивом вступления в комсомол даже середняцкой и зажиточной молодежи [10, л. 6].

Культурный досуг молодежи 1920-х гг. характеризовался сочетанием старого и нового. Партийное руководство всячески стремилось консолидировать молодежь вокруг новых идеалов, однако молодые люди в основной своей массе сохраняли традиционные уклады. Революционные песни не пользовались особой популярностью и уступали место частушкам. Популярностью в молодежном коллективе пользовались гармонисты, балалаечники и гитаристы – неизменные участники «вечерок», где молодые люди знакомились и общались. Из-за отсутствия клубов молодежь сама организовывала помещения для данных мероприятий, как, например, в п. Александровка, где для этой цели «за бутылку керосина или дрова выкупали у старух лачуги» [11, с. 68].

Во второй половине 1920-х гг. отмечался рост участия молодежи в официальных празднествах. В Волчихинском районе в 1925-1926 гг. устраивались массовые гуляния с демонстрациями, спектаклями и спортивными состязаниями [12].

Особой популярностью у молодежи пользовались спортивные кружки, такие как физкультурный в с. Хабары и шахматный в с. Ленки, организованный при комсомольской ячейке [13; 14]. Для сплочения молодых людей в единый коллектив партийное руководство использовало нестандартные методы: Востровская и Волчихинская сельские ячейки организовали для молодежи археологические раскопки курганов близ селений [15, л. 60б].

Весьма значительным барьером на пути советизации сельской молодежи было влияние их религиозных родителей. Молодые люди часто сохраняли приверженность традиционным обрядам. Весьма частыми были случаи, когда после регистрации брака или рождения ребенка в ЗАГСе венчание или же крещение производил и священник [16]. Религиозность старшего поколения сдерживала молодежь от вступления в комсомол. Особенно это было характерно для немецких (Орлово, Глядень) и старообрядческих сел (Благовещенка, Петухово), где комсомольцев называли «безбожниками», «анчуткиными детьми» [17; 15, л. 40б]. В самой молодежной среде довольно частыми были конфликты на религиозной почве, перерастающие в драки.

Помимо религиозности, препятствиями для активного участия молодежи в общественно-политической жизни являлись: пристрастие к алкоголю, занятость в полевых работах и нежелание тратить время на собрания, которые воспринимались менее важными, чем хозяйственные работы.

Таким образом, процесс адаптации сельской молодежи к новой жизни в период 1918-1928 гг. носил сложный и противоречивый характер. Молодые люди принимали те нововведения, которые им были интересны и вели к практической выгоде, при этом игнорируя и саботируя политические и идеологические кампании. Влияние традиционных устоев деревни и авторитет старшего поколения долгое время оставались мощными противовесами новой жизни.

Источники и литература

1. Бондаренко С.И. Культурно-просветительная работа в деревне в 1920-е годы // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2018. № 2. С. 27–30.
2. Исаев В.И. «Вон от земли»: формирование антикрестьянских стереотипов в сознании сельской молодежи Сибири в 1920-е годы // ЭКО. 2014. № 10. С. 164–171.
3. Ильиных В.А. Социальная мобильность сибирского крестьянства в 1920-е гг.: этапы, тенденции // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 3. С. 76–81.
4. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. П-5876. Оп. 6. Д. 50.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГAHO). Ф. П-125. Оп. 1. Д. 2.
6. Благовещенский районный краеведческий музей (БРKM). ОФ. 965.
7. ГAAK. Ф. П-37. Оп. 4. Д. 41.
8. ГAHO. Ф. П-125. Оп. 1. Д. 3.
9. Тяга к свету // Кулундинская правда. 1920. 24 марта. С. 2.
10. ГAAK. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 11.
11. Подчасова О.А. Александровка в рассказах ее жителей. Благовещенка, 2023. 188 с.
12. Лакомкин. Опыт работы окраинной ячейки // Молодая деревня. 1926. 30 нояб. С. 4.
13. Барсуков. Успехи кружка физкультуры // Молодая деревня. 1926. 17 дек. С. 6.
14. БРKM. О.Ф. 123.
15. ГAAK. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 12а.
16. Смолокуров. Хотя и коммунисты, но попа не покидают // Кулундинская правда. 1921. 8 марта. С. 2.
17. Баптисты не лучше попов // Кулундинская правда. 1921. 5 фев. С. 2.

ДЕТСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, ЭВАКУИРОВАННЫЕ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: АСПЕКТЫ ПОКОЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Матерова Екатерина Владимировна, аспирант

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
katyazotova@bk.ru

Научный руководитель: Недзельюк Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник

Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской
академии наук, Тобольск, Россия
tatned@list.ru

Анализируется поколенческий дискурс в историографии проблемы повседневности
детских учреждений, эвакуированных в Западную Сибирь в годы Великой
Отечественной войны. Выделены основные характерные направления в
исследованиях, сделан вывод относительно исследовательской оптики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, детские учреждения, эвакуация,
эвакуация детских учреждений в Западную Сибирь, повседневность детей в годы
войны

CHILDREN'S INSTITUTIONS EVACUATED TO WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ASPECTS OF GENERATIONAL DISCOURSE

Materova Ekaterina Vladimirovna, Postgraduate student

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia
katyazotova@bk.ru

Scientific supervisor: Nedzelyuk Tatyana Gennadyevna, Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher

Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of
Sciences, Tobolsk, Russia
tatned@list.ru

This article aims to explore the issues of generational discourse that arise within the
framework of the problem of everyday life in children's institutions that were evacuated to
Western Siberia during the Great Patriotic War. The main research trends are highlighted,
and a conclusion is made regarding research optics.

Keywords: Great Patriotic War, children's institutions, evacuation, evacuation of children's
institutions to Western Siberia, children's everyday life during the war

Значимой памятной датой нынешнего 2025 года является 80-летие окончания
Великой Отечественной войны. В свете поколенческого дискурса с начала указанного
периода и по сегодняшний день достаточно рельефно прослеживаются особенности угла
зрения исследователей разных лет.

Поколение участников и детей войны стремилось реконструировать событийный
ряд, оценить масштабы произошедшего. В работах, вышедших в советский период,
авторы уделяли особое внимание численности эвакуированного населения [1, 2].

Внимание историков было обращено главным образом на организационные аспекты эвакуации детских учреждений из блокадного Ленинграда. Особенности размещения детских учреждений в Западной Сибири были затронуты исследователями лишь косвенно [3, с. 8]. Текстам советского периода присущ широкий взгляд в рамках исследуемой темы с преобладанием позитивных оценок.

Поколение рубежа тысячелетий, «миллениалы», продемонстрировало склонность к рефлексии и критическому анализу. В диссертационных исследованиях и научно-исследовательских статьях периода 1991–2010 гг. преобладали критические замечания в адрес организации эвакуационных мероприятий, приема и размещения детских учреждений в Сибири и на Алтае. М.П. Беленко отметил, что «...даже в определении такого ключевого параметра, как численность эвакуированного населения, нет полной ясности» [4, с. 154]. Он указал на серьезные различия в опубликованных статистических данных. Исследователь Е.Ф. Кринко занял позицию критики относительно снабжения детских учреждений продуктами питания, одеждой и обувью, инвентарем [5, с. 26]. Критический взгляд на организацию процесса перевозок по железной дороге эшелонов с эвакуированными детскими учреждениями высказала Л.И. Снегирева [6, с. 29].

«Детоцентричными» хочется назвать публикации 2011–2020 гг. Не просто численность, но особенности образа жизни, досуговые практики стали объектом изучения историков. Обеспечение детских учреждений необходимыми материальными благами, изучение уровня медицинского обслуживания детей, особенностей питания и профилактики заболеваемости, особенности лечения описаны С.А. Шер, В.Ю. Альбицким, А.А. Барановым [7]. Т.И. Дунбинская выявила и охарактеризовала в контексте летних оздоровительных кампаний, непростых в период военного времени, количество выздоравливающих и набирающих вес (что было особенно важно для вывезенных из блокадного Ленинграда) детей [8]. Фокус исследователей был сосредоточен на изучении документов, регламентировавших нормы усиленного питания для воспитанников детских учреждений, эвакуированных в Западную Сибирь с охваченных военными действиями территорий. Социальная защита детей-сирот в военные годы охарактеризована в работах А.А. Алексеева и А.Б. Белинской [9, 10]. Процесс возвращения (ре-эвакуация) с его организационными проблемами и поиски родителей оказались в поле зрения Л.И. Снегиревой [11].

Современный этап, с 2021 года по настоящее время, характеризуется вариативностью в методологии опубликованных работ: история ментальностей, повседневная история, историческая география определяют тональность и содержание научных статей. «Детства больше не было», – такое говорящее название дала Е.Е. Красноженова своему исследованию детской повседневности военных лет [12]. Меняется угол зрения историков: дружба, успеваемость в образовательном учреждении, особенности общения детей друг с другом, а также круг их интересов за пределами детского учреждения представляют собой интереснейший пласт информации, содержащийся в архивных фондах, а также в личных архивах очевидцев, которые охотно делятся информацией. В публикациях появляется «привязка к локусу»: «Дети Ленинграда в Омске» [13], «Эвакуированные детские учреждения Ленинграда в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны» [14]. Статистические данные теперь считаются априори репрезентативными и на этот счет баталий более не ведется; важное место в дискурсе теперь занимают вопросы репрезентации исторического знания. Появляется дидактический акцент: «Освещение вопроса эвакуации детей и организация их жизни в тылу в годы Великой Отечественной войны в современном школьном образовании» [15], – такая постановка проблемы предлагается П.В. Васиной и О.В. Клевцовой.

Подводя итоги настоящего исследования, можно с уверенностью заключить, что тему эвакуации и проживания детей на территории Западной Сибири в различные периоды рассматривали несколько «поколений» исследователей. В советский период авторы научных работ придерживались позитивистских традиций. В период перестройки и начала 2000-го столетия тотальная критика эвакуационных мероприятий сменялась поиском объективной информации, затем появилась тенденция к взвешенным оценкам действий руководства страны, местных органов власти и специалистов, работавших в эвакуопунктах. Характерной чертой современных исследований является использование новых методов и подходов. Кроме того, появление тренда на восстановление семейной истории обуславливает массовость запроса на выявление деталей, персонификацию событий, формирование коллективной памяти поколений.

Источники и литература

1. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.
2. Докучаев Г.А. Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1968. 322 с.
3. Карамашева Н.Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Восточной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 20 с.
4. Беленко М.П. Численность и состав эвакуированного в Западную Сибирь гражданского населения (1941–1943 годы) // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». 2006. Т. 5, вып. 1. С. 154–159.
5. Кринко Е.Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.
6. Снегирева Л.И. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28–31.
7. Шер С.А., Альбицкий В.Ю., Баранов А.А. Детская инфекционная заболеваемость в СССР в годы Второй мировой войны // Казанский медицинский журнал. 2020. Т. 101, № 3. С. 452–458.
8. Дунбинская Т.И. Организация летних оздоровительных кампаний для детей Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 5. С. 65–71.
9. Алексеев А.А. Социальная история Великой Отечественной войны. Оккупация Северо-Запада России и эвакуация в Сибирь // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. № 1.
10. Белинская А.Б. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны // Новая наука: теоретический и практический взгляд. Уфа: Агентство международных исследований, 2017. С. 44–47.
11. Снегирева Л.И. Реевакуация детей и детских учреждений из Западно-Сибирского региона (1942–1945 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». 2016. Т. 15, № 8. С. 157–169.
12. Красноженова Е.Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации Северо-Запада России (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 4. С. 51–57.
13. Пепеляев А.В., Герасимов С.Д. Дети Ленинграда в Омске // Мы помним, мы гордимся. Омск: Омский гос. технический ун-т, 2020. С. 79–83.
14. Исаев В.В. Эвакуированные детские учреждения Ленинграда в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны // Город на Неве в истории Алтая: люди и судьбы. Барнаул: Алтайский дом печати, 2020. С. 92–117.
15. Васина П.В., Клевцова О.В. Освещение вопроса эвакуации детей и организация их жизни в тылу в годы Великой Отечественной войны в современном школьном образовании // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2024. № 1. С. 95–100.

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
ПОЗДНЕЙ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ (1945–1953 гг.):
ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Морозов Дмитрий Сергеевич, ассистент, аспирант

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

dimamorozo@mail.ru

Статья посвящена анализу социально-политических настроений населения Западной Сибири в годы «позднего сталинизма» (1945 – 1953 гг.) через призму влияния Великой Отечественной войны на социокультурную идентичность и мировоззрение различных общественных групп – крестьянства, рабочих, интеллигенции и студенчества. Реконструируется основное содержание общественных настроений данных групп, прослеживается их взаимосвязь и различия с нарративами официальной государственной пропаганды.

Ключевые слова: поздний сталинизм, Великая Отечественная война, общественные настроения, идеология, пропаганда, Западная Сибирь

**SOCIAL AND POLITICAL SENTIMENTS OF SOVIET SOCIETY IN THE LATE
STALIN ERA (1945–1953): BASED ON MATERIALS FROM WESTERN SIBERIA**

Morozov Dmitry Sergeevich, Assistant, Postgraduate Student

Altai State Technical University named after I.I. Polzunov, Barnaul, Russia

Altai State University, Barnaul, Russia

dimamorozo@mail.ru

This article analyzes the socio-political sentiments of the population of Western Siberia during the years of «late Stalinism» (1945 – 1953) through the prism of the impact of the Great Patriotic War on the socio-cultural identity and worldview of various social groups – peasants, workers, intellectuals, and students. It reconstructs the main content of these groups' public sentiments, tracing their interconnections and differences with the narratives of official state propaganda.

Keywords: late Stalinism, Great Patriotic War, public sentiment, ideology, propaganda, Western Siberia

Изучение общественно-политических настроений и взглядов различных социальных групп имеет давнюю историческую традицию. Применительно к изучению истории поздней сталинской эпохи (1945–1953 гг.) целесообразно говорить об изучении общественных настроений в контексте влияния на них событий Великой Отечественной войны. Исследованиями в сфере данной проблематики занимались, в частности, Е.Ю. Зубкова [1; 2], Е.С. Сенявская [3; 4] и др.

В данном исследовании на материалах Западной Сибири будет предпринята попытка реконструкции основного содержания общественных настроений и социальной активности советского общества в период «позднего сталинизма» (1945–1953 гг.), а также анализ влияния Великой Отечественной войны на социокультурную

идентичность и мировоззрение советских граждан. Исследование базируется на информациях о политических настроениях населения, подготовленных отделами пропаганды и агитации Алтайского, Новосибирского, Томского партийных комитетов [5–10].

Прежде всего, при анализе общественно-политических настроений послевоенного советского общества необходимо иметь в виду, что Великая Отечественная война повлияла на мировоззрение и поведение не только фронтовиков – лиц, сражающихся на передовой, но и остальных групп советского общества. И фронтовики, и трудящиеся в тылу крестьяне, рабочие, представители интеллигенции – люди с общей судьбой и коллективной травмой, чья жизнь в годы войны была подчинена единой цели Победы. Все эти группы населения столкнулись в годы войны с общим врагом, лишениями и коллективными травмами, от всех война потребовала колоссального напряжения и жертвенности.

Тем не менее, для разных социально-профессиональных групп советского общества, переживших войну, сформировавшиеся в военный период общие идейно-ценностные установки – личная ответственность, независимость и критичность мышления, ценности свободы и социальной справедливости, а также готовность к трудовому подвигу и жертвенности во имя идеалов – по-разному проявлялись в мирную эпоху – от готовности внесения собственной лепты в укрепление «советского строя» и защиту социалистических идеалов, до отстаивания альтернативных по отношению к официальным государственным нарративам взглядов на свободу и социальную справедливость.

Обратимся к анализу общественно-политических настроений разных социальных групп послевоенного советского общества, чтобы понять, как сформированные в годы войны ценности и идеалы отражались в мировоззрении и поведении населения в мирную эпоху.

1) Крестьянство. Общественно-политическую активность и настроения советского общества в послевоенный период определял прежде всего вопрос о существовании и реформировании колхозной системы. Настроения лояльных власти колхозных активистов проявлялись в выражении традиционных ритуальных благодарностей советскому руководству и лично И.В. Сталину, а также в представлении о необходимости решительной борьбы с «антиколхозными элементами» и «туеядцами» («Надо благодарить нашу партию, правительство и лично товарища Сталина за постановление (речь идет о Постановлении «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели» – Д.М.), оно защищает наши кровные колхозные интересы» [8, л. 2-3]). Диапазон ожиданий критически настроенной части крестьянства варьировался – от радикальных надежд на роспуск колхозов до убеждений в неизбежности существующей системы. Часто крестьяне основывали свои ожидания на циркулирующих в обществе слухах, порожденных как следствие надежд на перемены («Скоро колхозов не будет, об этом мне сказал муж, на Украине колхозы уже распустили» [5, л. 109]). Трудности, связанные с материально-бытовым обеспечением, порождали разнообразный спектр моделей поведения крестьян – от отходничества и работы в ЛПХ до бегства из колхозов.

2) Рабочие. Содержание послевоенных общественно-политических настроений советских рабочих можно объяснить сочетанием нескольких факторов, от экономических – необходимости форсированного восстановления разрушенной послевоенной экономики, до политико-пропагандистских – важности обеспечения лояльности рабочего класса как «государствообразующего». При этом ряд сохранявшихся в первые послевоенные годы жестких мер трудового законодательства

(трудовая мобилизация, «прикрепление» к предприятиям, уголовные наказания за «прогулы» и др.) был негативно встречен частью рабочих. Если производственный актив первые же годы после окончания войны принял и поддержал сформированную официальной пропагандой идею «помощи» колхозам и организации шефства над крестьянством («Мы не выпускаем запчастей для сельхозмашин, но мы поможем колхозам убрать урожай своей рабочей силой», – заявляла в 1946 г. стахановка артели «Красная трикотажница» г. Барнаула Ю-на [6, л. 3]), то настроения значительной части остальных рабочих характеризовались усталостью от тягот и лишений военного времени, непринятием мобилизационного режима труда («Вы требовали хорошо работать для помощи фронту, сейчас же, когда война окончилась, вы опять же требуете напряженной работы», – утверждала в мае 1945 г. работница Новосибирского комбината №179 Д-ина [5, л. 36]).

3) Интеллигенция и студенчество. Проявившиеся вскоре после окончания войны меры по усилению идеологической цензуры, международная изоляция отечественной науки, принуждение к партийно-политической работе и неудовлетворительные материально-бытовые условия являлись источниками недовольства региональной интеллигенции («Правящая клика неугодного ей не пропустит... Стараются отучить народ мыслить<...> Мы вынуждены заниматься всем, чем угодно, кроме того, чем мы хотим заниматься как специалисты <...> Никакого гонорара кроме зарплаты ученые не получают...», – эти высказывания приводились в информационных записках о политических настроениях интеллигенции г. Томска, составленных УМГБ Томской области [9, л. 58, 164, 167]. В молодежной среде явлением эпохи стала деятельность неформальных объединений и групп как политической (имеющие антисталинскую направленность «группа Путинцева» и «группа Кропочкина» в ТГУ) [9, л. 210–217], так и досуговой (отрицающие официальные каналы молодежной самоидентификации томские «Общество ТОД» и «Лунное общество») направленности [10, л. 2–13, 33–40].

4) Спецпоселенцы. Являясь представителями маргинальных групп советского общества, спецпоселенцы являлись носителями наиболее радикальных общественных настроений. Для них – калмыков, немцев, прибалтов, «выпавших» их официального «советского мифа», победа СССР в войне означала дальнейшее ограничение их прав, воспринимающееся как социально несправедливое («Мы теперь люди бесправные и надеяться на хорошую жизнь нечего, особенно при советской власти» [7, л. 166]).

Таким образом, можно констатировать, что послевоенное советское общество представляло собой сложный социально-политический феномен, в котором происходили динамичные процессы взаимодействия людей, включенных в официальный «советский миф», а также критически настроенных граждан. Западная Сибирь в данном контексте имела свою региональную специфику – наличие в обществе маргинальной группы спецпоселенцев, что обуславливало больший уровень критических настроений в обществе. Главным результатом влияния войны на мировоззрение различных социальных групп советского общества можно считать усиление среди последних обостренного стремления к социальной справедливости, воспринимающейся в контексте «вознаграждения» за самоотверженный труд, тяготы и лишения военного времени. Если представители довоенного поколения в основе своей – носители идей коллективизма и жертвенности, то представители поколения военного – сторонники идей свободы и справедливости, которые, однако, характеризовались большой усталостью и травмированностью в результате войны, чтобы суметь организованно отстаивать и бороться за них.

Источники и литература

1. Зубкова Е.Ю. Послевоенное общество: политика и повседневность (1945–1953). М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
2. Зубкова Е.Ю. Фронтвой социум: опыт идентификации и практики консолидации ветеранов Великой Отечественной войны в первые послевоенные годы // Российская история. 2025. № 3. С. 98–110.
3. Сеньявская Е.С. Фронтвое поколение: историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 218 с.
4. Сеньявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
5. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 27.
6. ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 47.
7. ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 48.
8. ГААК. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 225.
9. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 45.
10. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1322.

**ВИЗУАЛЬНЫЙ МИФ О ПОКОЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПЕРИОДА
«ОТТЕПЕЛИ»: ФОТОГРАФИЯ И ИДЕАЛЫ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»**

Половко Елизавета Михайловна, студент
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
polovkushka@gmail.com

В статье рассматривается роль фотографии в создании визуального мифа о поколении советских людей периода «оттепели», в котором документальность сочеталась с утопическим взглядом на будущее. Приводятся фотографии из советских журналов, через страницы которых фотография становилась доступной широкой аудитории, формируя представление о «новом человеке» как об активном, культурном и духовно богатом гражданине – представителе поколения 1960-х гг.

Ключевые слова: поколение, оттепель, фотография, идеалы, визуальный миф, образ.

**THE VISUAL MYTH OF THE GENERATION OF SOVIET PEOPLE DURING
THE «THAW» PERIOD: PHOTOGRAPHY AND THE IDEALS
OF THE «NEW HUMAN»**

Polovko Elizaveta Mikhailovna, Student
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
polovkushka@gmail.com

The article examines the role of photography in creating a visual myth about the generation of Soviet people during the «thaw» period, in which documentality was combined with a utopian view of the future. Photographs from Soviet magazines are presented, through the pages of which photography became available to a wide audience, forming the idea of a «new man» as an active, cultured and spiritually rich citizen, a representative of the generation of the 1960s.

Keywords: generation, thaw, photography, ideals, visual myth, image

Период «оттепели» в советской истории, начавшийся после XX съезда КПСС (1956 г.), стал временем глубоких общественных и культурных трансформаций. Ослабление идеологического контроля, частичная реабилитация репрессированных, либерализация культурной политики создали атмосферу относительной свободы и веры в возможность нравственного обновления [1]. В советском обществе формируется особый тип сознания, характерный для поколения советских людей периода «оттепели» – людей, выросших в послевоенные годы и вступивших в зрелость в эпоху надежд и идеализма. Они воспринимали себя как поколение, ответственное за «восстановление человеческого в человеке». Идеал «нового человека» в их представлении претерпел значительные изменения по сравнению с героико-коллективистским образом сталинской эпохи. Если прежде доминировала модель безупречного, монументального «строителя коммунизма», лишенного индивидуальности, то теперь на первый план выходил индивидуальный субъект – мыслящий, чувствующий, способный к сомнению и творчеству. Этот человек интересовался культурой, наукой, искусством, стремился к самопознанию и внутренней свободе.

Особое место в художественной культуре этого периода заняла фотография, которая, как ни одно другое искусство, оказалась способна фиксировать и одновременно конструировать образ «нового человека». Фотография была одним из инструментов фиксации и визуализации этих перемен. В 1950-1960-е годы она переживает процесс гуманизации и «очеловечивания» образа. Вместо парадных постановочных композиций появляются фотографии, стремящиеся к подлинности и естественности, однако параллельно с этим государство продолжает активно использовать фотографию как средство воспитания и пропаганды, задавая определенные рамки допустимого. Поэтому в эти годы сосуществовали два направления: объективная фотография, стремившаяся показать реального человека, и постановочная, сохранявшая элементы героического мифа о социалистическом будущем. В первом случае фотографы (в том числе фотолюбители и участники клубов) обращались к частной жизни, повседневности, психологическому портрету. Во втором – снимки создавались для прессы, выставок, партийных мероприятий и продолжали транслировать идеализированные образы трудящихся, ученых, молодых строителей коммунизма. «Оттепель» породила двойственную визуальную систему: между стремлением к искренности и обязанностью демонстрировать идеал, между личным взглядом художника и коллективным заказом государства.

Фотография в эту эпоху стала не только формой художественного самовыражения, но и одним из главных средств формирования новой культурной идентичности. После десятилетий идеологического давления фотография возвращала себе статус «живого взгляда» на человека и действительность, что соответствовало духу времени, стремившемуся к правде, естественности и эмоциональной искренности. Однако этот «взгляд» не был нейтральным – он участвовал в создании визуального мифа о поколении советских людей, в котором документальность сочеталась с утопическим взглядом на будущее [2]. Особое значение в этом процессе имели массовые иллюстрированные журналы – «Советское фото», «Огонек», «Работница» [3]. Через страницы журналов фотография становилась доступной широкой аудитории, формируя представление о «новом человеке» как об активном, культурном и духовно богатом гражданине.

Как отмечает Л.В. Белгородская, при анализе фотографий важно учитывать их визуально-конструктивную сторону. Так называемый технологический подход предполагает внимание к композиции кадра, освещению, планам и степени постановочности снимка [4, с. 90]. Подобный анализ помогает понять, каким образом формальные приемы усиливают или, наоборот, маскируют идеологические смыслы изображения. Фотографы периода «оттепели» отказывались от искусственного света и постановочных композиций, предпочитая съемку «с натуры». Авторы использовали светлую тональность, мягкий контраст, естественные позы и выражения лиц, стремясь поймать момент движения или размышления. В кадре появлялась не парадная массовка, а конкретные люди с узнаваемыми эмоциями и внутренней жизнью. Все эти приемы способствовали созданию ощущения подлинности и доверия к образу нового советского человека.

Тем не менее, внутри этой документальности продолжали действовать механизмы мифологизации, о которых писал Ролан Барт: он считал, что реальность в фотографии никогда не дана сама по себе, она всегда превращается в знак, несущий идеологическое содержание [5, с. 19]. Даже самые искренние снимки шестидесятников несли в себе черты утопии – они выражали мечту о гармонии между личностью и обществом, между трудом и свободой, между наукой и гуманизмом. Так

формировался визуальный миф о человеке света и разума, чья жизнь казалась естественным воплощением прогресса. Визуальная культура шестидесятых годов выработала устойчивый набор образов, которые можно рассматривать как своеобразные коды эпохи «оттепели». Через них формировался коллективный портрет поколения шестидесятников – поколения, для которого центральными понятиями стали человечность, труд, наука, творчество и вера в будущее. Эти визуальные мотивы не просто документировали жизнь, но и выражали идеологические установки времени.

Одним из главных мотивов фотографий «оттепели» становится тема молодости. Молодой человек в кадре – это символ новой жизни, обновления и движения вперед. Фотографы показывают студентов, инженеров, рабочих, молодых ученых, строителей – всех, кто олицетворяет будущее страны. Лица персонажей полны света, уверенности и внутреннего достоинства. Их позы открыты, движения свободны, кадры наполнены воздухом и пространством. Через этот визуальный язык создается образ «человека действия», но уже не в духе сталинской героизации, а в духе естественности и искренности.

Другим важным кодом становится мотив труда и созидания. Труд в фотографии этой эпохи изображается не как подвиг, а как форма самореализации и творчества. Рабочее место – будь то лаборатория, стройка или редакция – превращается в символ внутренней свободы и участия в общем деле. Свет, направленный на лицо человека, акцент на руках, на внимательном взгляде – все эти элементы создают ощущение духовной вовлеченности в процесс. Таким образом, труд становится метафорой творческого самоутверждения (рис.1).

Особое место в фотографии занимает тема науки и техники. Кадры с молодыми физиками, инженерами, радиотехниками, строителями космических станций создают ощущение времени открытий и интеллектуального энтузиазма. Чтобы передать эти чувства, фотографы использовали не только интересные ракурсы, но и применяли визуальные эффекты, которые предавали художественную выразительность работам и создавали нужную атмосферу. Эти фотографии формировали миф о шестидесятниках как поколении разума и гуманизма (рис. 2).

Отдельного внимания заслуживает образ «оттепелевской» женщины. В отличие от предшествующих десятилетий, когда женский персонаж чаще выполнял функцию символа труда

Рисунок 1 – «Электросварщик».
Харьков. Фото 1957 г. Автор:
Л. Довгалецкий

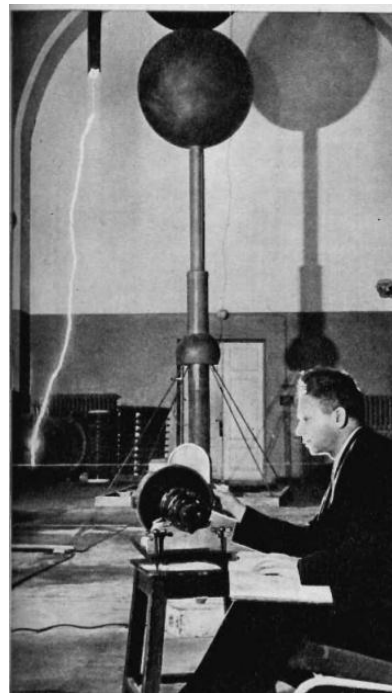

Рисунок 2 – «Молния, полученная в стенах лаборатории». Москва.
Фото 1960 г. Автор: Н. Хорунжий

или семьи, в «оттепельной» фотографии он становится самостоятельным субъектом. Женщина изображается активной, образованной, эмоционально открытой – она участвует в науке, искусстве, общественной жизни. Ее образ воплощает гуманистические идеалы равенства, достоинства и личной свободы (рис. 3).

Через эти мотивы – молодость, труд, науку, свет, женщину – в фотографии создавался новый образ поколения шестидесятников, основанный на человечности и внутренней правде. Фотографы стремились даже в постановочных снимках сохранять ощущение живого присутствия. Визуальные коды и мотивы составили основу мифологического образа «нового человека», создавали общее эмоциональное поле эпохи поколения 1950-1960-х гг. – поле светлого гуманизма и утопического ожидания, которое сегодня воспринимается как одно из самых выразительных художественных достижений «оттепели».

Рисунок 3 – «В морозный день».
Москва. Фото 1958 г.
Автор: Б. Котова

Фотография 1950-1960-х годов, изначально воспринимавшаяся как документ повседневной жизни, со временем приобрела статус культурного символа эпохи. Снимки запечатленные в годы «оттепели», перестали быть просто изображениями конкретных людей или событий – они превратились в иконы поколения, воплощающие веру в прогресс, гуманизм и силу человеческого разума. Так постепенно формировался визуальный миф шестидесятников, укоренившийся в коллективной памяти советского и постсоветского общества.

Кадры Валерия Генде-Роте, Юрия Абрамочкина, Льва Бородулина, Александра Строителява, Евгения Халдея, Юрия Роста по праву можно отнести к плеяде авторов-создателей визуальной истории XX века. Их работы стали частью того, что Пьер Нора назвал «местами памяти» – символическими точками, где концентрируется культурное переживание времени [6, с. 40]. На этих снимках – лица, жесты, городские пространства, отражающие не столько конкретную реальность 1960-х гг., сколько эмоции эпохи, ее надежды и внутренний мир.

В процессе культурного переосмысления визуальный миф о поколении 1950-1960-х гг. подвергся трансформации. Для современного зрителя фотографии «оттепели» стали восприниматься с легкой ностальгией, как свидетельства утраченной утопии, времени, когда вера в человека и будущее казалась естественной и не требовала защиты. В этом смысле визуальная память о шестидесятниках выполняет двойственную функцию: с одной стороны, она сохраняет идеалы гуманизма, интеллигентности и моральной чистоты, а с другой – напоминает о неосуществленной мечте, об иллюзорности некоторых надежд эпохи.

Таким образом, фотографии периода «оттепели» перестали быть просто визуальными документами: они превратились в памятные знаки, в которых современность чувствует ностальгию. В них сохраняется «эмоциональный след» поколения, верившего в силу просвещения, культуры и человеческого достоинства. Сегодня визуальный миф о шестидесятниках – это не только эстетическое наследие, но и форма культурной памяти, в которой прошлое становится зеркалом для самопознания настоящего.

Источники и литература

1. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель» 1953-1964 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 509 с.; Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. 488 с.
2. Мифологемы шестидесятничества / Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/style/2000-10-11/16_mifo.html (дата обращения: 10.10.2025).
3. Archive.org. Sovetskoe foto. URL: https://archive.org/details/sovetskoe_foto?tab=collection (дата обращения: 11.10.2025); Journal Club. Огонек. URL: <http://journal-club.ru/?q=image/tid/371> (дата обращения: 11.10.2025).
4. Белгородская Л.В. Смыслы и подтексты визуальных исторических источников: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 168 с.
5. Барт Р. Комментарий к фотографии / пер. с фр., послесл. и коммент. Михаила Рыклина. М.: .Ад Маргинем Пресс, 2011. 272 с.
6. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр. Дина Хапаева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

ОТРАЖЕНИЕ ЗАПАДНОГО МИРА И ОБРАЗА ЖИЗНИ В ПОСТАНОВКАХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ СИБИРИ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Раздобреев Олег Валерьевич, аспирант

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

razdobreev_ov@surgu.ru

В статье дается характеристика постановок сибирских драматических театров Сибири, отражавших сложившийся в СССР в условиях противостояния двух систем образ западного мира. Сделан вывод о том, что репертуарная политика театров в период «оттепели» не претерпела существенных изменений в силу сохранения прежних идеологических установок.

Ключевые слова: театры, Запад, «оттепель», репертуар, идеология

REPRESENTATION OF THE WESTERN WORLD AND LIFESTYLE IN THE DRAMATIC THEATERS OF SIBERIA DURING THE PERIOD OF THE THAW

Razdobreev Oleg Valerievich, Postgraduate Student

Surgut State University, Surgut, Russia

razdobreev_ov@surgu.ru

The article provides a description of the productions of the Siberian Drama Theaters of Siberia, which reflected the image of the Western world that had developed in the USSR during the confrontation between the two systems. The article concludes that the repertoire policy of the theaters did not undergo significant changes during the «Thaw» period due to the preservation of the previous ideological principles.

Keywords: theaters, the West, «Thaw», repertoire, ideology

Начавшийся в Советском Союзе после смерти И.В. Сталина процесс либерализации всех сфер общественной жизни, получивший с подачи И. Эренбурга меткое название «оттепель», традиционно характеризуется «проявлением относительной свободы слова и некоторых элементов демократизации политической и общественной жизни, открытостью западному миру, большей свободой творческой деятельности» [1, с. 22]. На арену истории вышло новое поколение «шестидесятников», внесшее значительный вклад в развитие культуры.

При этом усилившийся интерес к Западу развивался в условиях сохранения идеологического противостояния двух систем: социализма и капитализма. Условия «холодной» войны не способствовали их сближению, но провозглашение поддержки трудящихся всего мира сохраняло актуальность обращения к проблематике западного образа жизни [2, с. 190]. Важное значение имела пропаганда указанных установок силами театрального искусства, что в значительной степени определяло репертуарную и постановочную политику театров страны [3, с. 161].

Анализ репертуара драматических театров Западной Сибири 1950–1960-х гг. показывает, что в нем стабильно присутствовали произведения зарубежных

драматургов и советских авторов, писавших о проблемах человека труда в странах капитала.

Одной из популярных пьес, прочно занявших свое место на сцене, была написанная в 1949 г. пьеса Бориса Лавренева «Голос Америки», за которую автор в 1950 г. был удостоен Сталинской премии. Сюжет пьесы строится на противостоянии «честного американца» капитана армии В. Кидда с призывающим к войне с русскими сенатором Уилером [4].

В 1952 г. спектакль по этой пьесе был поставлен в Алтайском краевом драматическом театре. При приемке спектакля члены комиссии высказали претензии исполнителям главных ролей, в частности, актеру Космачевскому, игравшему роль Уилера: «Основной недостаток Космачевского – образ выписан плакатно. Он карикатурен, но не страшен ... Космачевский должен дать иное содержание роли – злобы ко всем людям, мешающим его замыслам» [5, л. 14–15].

Постановка пьесы «Голос Америки» в краевом театре к 35-й годовщине Октябрьской социалистической революции свидетельствует о большом значении, которое придавалось спектаклю. В отчете о работе театра, направленном в Министерство госконтроля СССР, отмечалось, что спектакль «голос Америки» шел с успехом и пользовался вниманием зрителей [7, л. 2].

При обсуждении в 1950 г. постановки «Голоса Америки» в Рубцовском драматическом театре режиссеру предлагалось усилить акцент на показе простого человека как «жертвы буржуазно-капиталистического образа Америки» [6, л. 139–140].

В репертуаре драматического театра г. Бийска присутствовал спектакль по пьесе А. Шейнина «Роковое наследство». Комиссией по приему спектакля в 1949 г. отмечалось следующее: «Коллектив драмтеатра хорошо сделал, что поставил интересную пьесу «Роковое наследство», насыщенную злободневными политически заостренными положениями ... В этой пьесе показано, что для людей капиталистического мира золото – и цель жизни, и мера счастья, любви, морали. Советскому человеку чужд мираж миллионов, советский человек богаче американских капиталистов – на одной шестой света все: и земля, и заводы, принадлежат народу, советским людям» [6, л. 226].

Очевидная плакатность рассматриваемых произведений не влияла, тем не менее, отрицательно на их постановочную судьбу. Напротив, идеологическая выдержанность определяла частое появление подобных пьес в репертуаре различных театров страны.

Казалось бы, начало «оттепели» должно было если не изменить, то разнообразить палитру красок в показе западного образа жизни. Но сохранявшееся противостояние двух систем консервировало и сложившиеся ранее установки. В частности, об этом свидетельствует обсуждение в 1955 г. нового спектакля драматического театра г. Барнаула, поставленного по пьесе Дж. Лондона «Кража», во время которого начальником управления культуры Трушиным было высказано следующее замечание: «Есть серьезная недоработка. Мало разницы между двумя лагерями. Нужно ярче показать эту разницу» [8, л. 17–18].

Оценивая спектакль, поставленный по пьесе Б. Нушича «Доктор философии», газета «Советская Сибирь» в 1957 г. писала: «Хорошо зная жизнь буржуазно-монархической Югославии, Нушич разоблачал и осмеивал «незыблемые устои» современного ему общества ... Кутерьма, заварившаяся в доме преуспевающего дельца, служит обличению буржуазного строя, развенчанию «философии»

капиталиста, с точки зрения которого ... «все на свете продается и покупается – честь, совесть, дружба, любовь» [9, л. 21]. В результате рецензентом был сделан следующий вывод: «Театр ставил целью обличить стяжательство, тупость и алчность представителей капитала, создающих мир, где все покупается и продается, где все зависит от денежного мешка» [9, л. 35].

Официально рекомендованные к постановке пьесы должны были соответствовать действовавшим идеологическим установкам. Так, например, в аннотации к пьесе «Стеклянный зверинец» Т. Уильямса указывалось следующее: «Пьеса прогрессивного американского драматурга рассматривает на примере небольшой семьи жизнь людей в современном капиталистическом обществе. Пьеса разоблачает мир, где царствует бизнес, где абсолютно каждое настоящее человеческое чувство терпит крушение в столкновении с жестокими общественными условиями» [10, л. 20].

Определенным прорывом стала постановка во многих театрах страны пьесы А. Жери «Шестой этаж», повествующей о жизни простых французов. При обсуждении поставленного по ней в 1958 г. в драмтеатре г. Барнаула спектакля, члены худсовета отмечали, что «это пьеса о простых людях 6-го этажа» и в ней отражена «жизнь маленького общества». Но эта точка зрения встретила отпор со стороны директора театра А.А. Гнусова, утверждавшего, что «у нас не может быть беспартийного искусства», поэтому нужно острее показать контрасты» [8, л. 392–393].

В то же время, несмотря на начавшуюся «оттепель», органы государственного управления культурой не ослабляли контроль за деятельностью театров. Об этом свидетельствует, в частности, принятое 28 декабря 1956 г. решение Коллегии Министерства культуры СССР, в котором подвергались критике руководители театров, которые «утратили свою ответственность за идейно-художественный уровень работы театра, забыв, что деятельность театра, его репертуарная политика должна быть подчинена задаче коммунистического воспитания трудящихся» [11, л. 132–133].

Постановление Коллегии Министерства культуры СССР от 17 июля 1957 г. «Об итогах сезона 1956-57 гг. в драматических театрах страны» относилось к «серьезным недостаткам в театральном искусстве» в том числе малое количество пьес «о борьбе за мир, дружбе между народами, изобличающих происки врагов мира, поджигателей новой войны». При этом руководители театров критиковались за то, что они «при выборе пьес зарубежных авторов зачастую проходят мимо произведений остро социальных и художественно полноценных» [12, л. 44–47].

В письме Главного управления по делам искусств Министерства культуры СССР от 1 августа 1958 г. «обращалось особо серьезное внимание на выбор и постановку театрами пьес зарубежных драматургов, т.к. в прошлом сезоне на сцену целого ряда театров проникли произведения, не разоблачающие, а, наоборот, нередко пропагандирующие буржуазный образ жизни и, следовательно, чуждые советскому зрителю» [11, л. 231].

Таким образом, анализ репертуара драматических театров Сибири в период «оттепели», оценки содержания спектаклей и документов Министерства культуры СССР показывает отсутствие радикальных перемен в отражении западного мира и образа жизни в театральных постановках. Сохранение преимущественно негативного показа жизни людей за рубежом было обусловлено сохранением модели противостояния двух систем, в котором социалистическая, безусловно, должна была преобладать над капиталистической, в том, числе и на театральной сцене.

Источники и литература

1. Гершзон М. Оттепель. Министерство культуры СССР в 1953–1963 гг. М.: Модест Колеров, 2024. 224 с.
2. Чернолих К.В. Эволюция образа западного мира в советской массовой культуре 1985–1991 гг. // Свободная мысль. 2023. № 3 (1699). С. 188–200.
3. Раздобреев О.В. Образ «маленького человека» западного мира в постановках драматических театров Сибири периода оттепели // Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США: сб. науч. ст. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2024. С. 159–166.
4. Театр имени Федора Волкова: Борис Лавренев. Голос Америки (1950). URL: <https://volkovteatr.ru/repertoire/arkhivnye-spektakli/golos-ameriki-1950/> (дата обращения: 20.09.2025)
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1445. Оп. 1. Д. 84.
6. ГААК. Ф. 1445. Оп. 1. Д. 82.
7. ГААК. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 206.
8. ГААК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 17.
9. ГААК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 60.
10. ГААК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 171.
11. ГААК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 46.
12. ГААК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 45.

«НОВЫЕ МАРКСИСТСКИЕ КАДРЫ»: РОЛЬ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИХ ИСТОРИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИОГРАФИИ ФАШИЗМА

Рыжков Михаил Александрович, аспирант, ассистент
Уральский Федеральный университет, Екатеринбург, Россия
mickryzhkov@mail.ru

В первые годы своего существования ГДР столкнулась с нехваткой марксистских кадров в исторической науке. Первым поколением восточногерманских историков-марксистов стали ученые, сформированные травмирующим опытом Второй Мировой войны и гитлеровской диктатуры. Именно это поколение начнет активное изучение периода национал-социализма.

Ключевые слова: ГДР, история фашизма, интеллектуальная история, история исторической науки, германская историческая наука.

«DIE NEUE MARXISTISCHE KADER»: HOW THE FIRST GENERATION OF EAST-GERMAN HISTORIANS SHAPED FASCISM STUDIES

Ryzhkov, Mikhail Alexandrovich, Postgraduate Student, Assistant
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
mickryzhkov@mail.ru

Shortly after the appearance of GDR, new socialist state faced the problem of the lack of Marxist historians. People that were shaped by harmful war and dictatorship experience became the first generations of pure East-German historians, that will shape the Marxist studies of Hitler era.

Keywords: GDR, fascism studies, intellectual history, history of historical science, German historical science

Что подразумевается под сменой поколения? Почему поколенческая проблематика оказывается предметом пристального изучения со стороны гуманитарных наук? Смена поколений предполагает неизбежную смену ценностей, ориентиров, «бессознательных ментальных привычек», как их именовал А. Лавджой. [1, с. 11]. Понять межпоколенческие отличия, противоречия между предшественниками и последователями, старым и новым можно, если изучить условия, события, сформировавшие способ мышления поколения и каждого отдельного человека.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. германская историческая наука претерпела радикальные изменения. В обеих Германиях – ГДР и ФРГ, начинается обособленный процесс институционализации гуманитарной науки путем создания и воссоздания исследовательских институтов, научных школ и обществ. В Восточной Германии данный период характеризуется построением основ социализма во всех сферах, в том числе, в исторической науке. Одним из необходимых для этого условий было воспитание нового поколения марксистских историков [2, с. 8]. Поначалу кадровый голод в ГДР был таким беспощадным, что СЕПГ и Академия наук признавали

необходимость сотрудничества с «буржуазными историками», среди которых были и бывшие члены НСДАП, что, естественно, не афишировалось. [3, с. 80]. Руководящие посты в исторических институтах получают такие признанные ученые, в том числе марксисты, как Ю. Кучинский, Э. Энгельберг, А. Мойзель, Л. Штерн. Все они получили научные степени еще до прихода к власти НСДАП к власти, а гитлеровский режим переждали в эмиграции.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в ГДР начинают выходить работы, посвященные проблематике Третьего рейха, например «Как Гитлер пришел к власти» В. Руге (1967) или сборник «Монополии и государство в Германии 1917–1945 гг.» (1965). Основы изучения гитлеровского режима с марксистских позиций были заложены молодыми учеными, получившими научные степени уже в ГДР. В известном смысле, это было первое поколение именно восточногерманских историков. На становление взглядов их оказал влияние травмирующий опыт Второй Мировой войны, подпольной политической борьбы, лагерей и диктатуры. Для исследователей, переживших войну, история была возможностью осмыслить приход нацистов к власти, за что они как немецкие коммунисты ощущали вину. Молодые историки-марксисты, бывшие фронтовики и подпольщики, стали специалистами по истории национал-социализма, активно изучали экономику Третьего Рейха, взаимодействие германского государства и монополий.

К примеру, один из специалистов по экономике Третьего рейха Курт Госсвайлер (1917–2017) изначально получал экономическое образование, попутно распространяя антифашистские сочинения [4, s. 11]. В 1939 г. он был мобилизован в Общенемецкий трудовой фронт, а затем в 1943 г. добровольцем пошел на Восточный фронт, чтобы перейти на советскую сторону. В советском плену Госсвайлер становится курсантом антифашистской школы и, по возвращению в Германию, поступает в университет, чтобы найти причины падения Веймарской республики [4, s.12].

Курт Петцольд (1930–2016) одним из первых в ГДР обратился к тематике Холокоста и расистской идеологии нацистского Рейха. Петцольд был уроженцем Бреслау (Вроцлава) – города с значительной долей еврейского населения, соответственно мог наблюдать нацистскую антиеврейскую политику в действии [5, s. 252].

Среди историков ГДР были жертвы не только гитлеровского режима. Вольфганг Руге (1917–2006), будущий специалист по Веймарскому периоду, в возрасте 16 лет вместе с семьей эмигрирует в Советский Союз [6, s. 12]. Родители Вольфганга, активисты КПП, воспринимали СССР как землю обетованную, и Вольфганг был с ними солидарен [6, s. 11]. Однако на протяжении 1930-х гг. Руге замечал изменения в советском обществе, на его взгляд, противоречащие коммунистическим «революционным традициям» [7, с. 232]. В 1941 г. Вольфганг Руге как этнический немец был отправлен в трудовой лагерь в Казахстан, а затем на Северный Урал. Уже после войны Руге смог заочно окончить историко-филологический факультет Уральского университета. Специализировался Руге изначально на средневековых итальянских республиках, но по прибытию в ГДР в 1950-х гг. он начинает заниматься новейшей историей Германии.

Это лишь список наиболее ярких биографий историков. Безусловно, историков-фронтовиков и жертв фашизма было много больше. Лагерный и фронтовой опыт имели такие ученые как Х. Фердер, Г. Лоцек, В. Марков, В. Бартель [8, s. 170].

Для поколения немцев, прошедших войну, история становится способом осмыслить травмирующий опыт событий 1930–1940-х гг., найти причины прихода нацистов к власти. К. Госсвайлер так писал о целях его исторических изысканий: «...я решил, что поиск причин нашего поражения определяет мою будущую профессию – историк фашизма. К названным вопросам добавился еще один – что должно быть предпринято, чтобы предотвратить новый фашизм?» [9]. Цель, обозначенная Госсвайлером, вписывается в контекст развития восточногерманских гуманитарных наук и исторической науки, в частности. Историческая наука к востоку от Берлинской стены воспринимала себя противоположностью западногерманской «буржуазной исторической идеологии», обслуживающей реакционный фашиствующий режим ФРГ [2, с. 7]. В. Руге, бывший узник сталинских лагерей, писал в автобиографии: «Я жаждал узнать у моих товарищей о приходе фашизма, выяснить как гитлеризм укоренился в головах у стольких немецких рабочих. Я принимаю решение присоединиться к исследовательской группе Академии наук (Германская Академия наук – прим. М.Р.) и трудиться добросовестно, в меру своих возможностей. Возможно, познав одну диктатуру, я смогу добиться ясности в изучении другой» [6, с. 440].

Таким образом, именно личная травма, причастность к описываемым событиям побуждают историков заниматься тематикой национал-социализма. В 1960-х гг., когда указанные выше ученые получают научные степени, история фашизма станет приоритетным направлением в восточногерманской историографии.

В чем заслуга указанного поколения перед германской исторической наукой? В 1960-е гг. в ГДР закладываются основы для изучения гитлеровского периода в рамках марксистской историографии. Особо тщательно прорабатывается тема взаимоотношений государства и крупной промышленности, роль монополистического капитала в приходе НСДАП к власти и преступлениях нацизма против человечности. На данном поприще особых успехов добились такие ученые как К. Госсвайлер, Д. Айххольц и «старый» марксист Юрген Кучинский. Ученые стремились дифференцировать группировки германского монопольного капитала, показать разные цели промышленников, представлявших разные отрасли производства [10, с. 139]. Несмотря на глубокий анализ экономического устройства гитлеровского рейха, однозначное отождествление фашизма и капитализма привело к тому, что такие вопросы как идеология национал-социализма, повседневность немецкого народа, участие немцев в преступлениях против человечности, разрабатывались в меньшей степени и практически игнорировались. Вопрос о коллективной вине немецкого народа не мог быть поднят в ГДР, так как вина за преступления однозначно ложилась на «гитлеровскую клику» и крупных промышленников [10, с. 137]. Можно предположить, что именно через возложение единоличной вины на крупный капитал, размежевание народа и «гитлеровской клики» происходила проработка историками личной вины: вины за крах Веймарской демократии, за приход к власти Гитлера.

Таким образом, основы для восточногерманской историографии фашизма были заложены поколением ученых, прошедших через травмирующий опыт Второй Мировой войны. В мемуарах упомянутых историков прослеживается тезис о науке как способе рефлексии фашистского режима, предотвращении появления новой диктатуры. Игнорирование вопроса коллективной вины немецкого народа и однозначное отождествление фашистской диктатуры с капитализмом были связаны с потребностью историков осмыслить собственный опыт, полученный в годы нацистского режима и Второй Мировой войны.

Источники и литература

1. Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
2. Schmidt W. Zur Konstituierung der DDR-Geschichtswissenschaft in den fünfziger Jahren. Berlin: Akademie-Verlag, 1984. 30 S.
3. Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.). // Вестник Томского государственного университета. История. Вып. 5. 2014. № 5. С. 78–86.
4. Gossweiler K. Aufsätze zum Faschismus. Berlin: Akademie Verlag, 1984. 729 s.
5. Pätzold K. Aktuelle Erinnerung: der Pogrom von 1938 // Vorwärts und nichts Vergessen. Bd 1. Marburg: Friedrich-Martin Balzer, 2024. S. 251–253.
6. Ruge W. Berlin-Moskau-Sosswa. Stationen einer Emigration. Bonn: Pahl Rugenstein. 2004.
7. Рыжков М.А. Пакт Молотова-Риббентропа глазами немецкого коммуниста в СССР // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Сер. «Интеллектуальная история». Вып. 6. Екатеринбург, 2024. № 15. С. 231–240.
8. Wegbereiter der DDR-Geschichtswissenschaft Biographien. Berlin: Dietz, 1989. 398 s.
9. Gossweiler K. Fragen zur illegalen Arbeit als Jungkommunist und zum Übertritt auf die Seite der Roten Armee. 1997. URL: <https://kurt-gossweiler.de/fragen-zur-illegalen-arbeit-als-jungkommunist-und-zum-uebertritt-auf-die-seite-der-roten-armee/> (дата обращения: 25.10.2025).
10. Борозняк А.И. Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. 287 с.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В 1930–1940 гг.

Самсонов Семен Сергеевич, студент

Красноярский государственный педагогический университет Красноярск, Россия
semyon-krsk-24@yandex.ru

В статье анализируется система принятия внешнеполитических решений в Советском Союзе с 1930 по 1940 годы. Основное внимание уделяется стремлению СССР усилить свои позиции на международной арене, трансформации концепции коллективной безопасности, а также развитию и формированию двух дипломатических школ, которые до сих пор определяют подход к внешней политике России.

Ключевые слова: СССР, внешняя политика, международные отношения, дипломатия, геостратегия

DEVELOPMENT OF THE FOREIGN POLICY DECISION-MAKING SYSTEM IN 1930–1940

Samsonov Semyon Sergeevich, Student

Krasnoyarsk State Pedagogical University Krasnoyarsk, Russia
semyon-krsk-24@yandex.ru

The article analyzes the system of foreign policy decision-making in the Soviet Union from 1930 to 1940. The main focus is on the USSR's desire to strengthen its position in the international arena, the transformation of the concept of collective security, as well as the development and formation of two diplomatic schools that still determine the approach to Russia's foreign policy.

Keywords: USSR, foreign policy, international relations, diplomacy, geostrategy

Промежуток времени, охватывающий период с 1930 по 1941 годы, предстает как эпоха, насыщенная сложностями и противоречиями для нашей державы, характеризующаяся существованием двух мощных и харизматичных лидеров внешнеполитического ведомства Советского Союза. Эти функционеры должны были выступить в качестве проводников радикально противоположных концептуальных подходов к реализации внешнеполитического курса, хотя обе парадигмы, тем не менее, были ориентированы на достижение единой стратегической цели – обеспечение безопасности советского государства. В данном контексте следует упомянуть о Максиме Максимовиче Литвинове и Вячеславе Михайловиче Молотове, чье влияние на политическое бюро, задавшее направление их деятельности, невозможно переоценить. Максим Максимович олицетворял приверженность традициям «ленинской» дипломатической школы, цель которой заключалась в распространении интернационалистских идей и осуществлении мировой революции. Внешнеполитический курс «ленинской школы» подразумевал применение сравнительно мягких мер для достижения поставленных задач. Тем не менее, на фоне стремительно надвигающейся новой мировой войны, вектор дипломатической деятельности начал эволюционировать в сторону более рациональной, жесткой,

бескомпромиссной и принципиальной внешнеполитической парадигмы, которую представлял Вячеслав Михайлович. Учитывая, что данная школа обосновывала необходимость защиты национальных интересов нашей Родины, ее иногда именуют «имперской» дипломатической школой.

В начале 1930-х годов Советский Союз проявлял активное стремление к формированию многоуровневой системы коллективной безопасности на пространстве Европы. Данная внешнеэкономическая и политическая стратегия была нацелена на предотвращение возникновения новой глобальной войны, а также на сдерживание агрессивных намерений со стороны нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, которые являлись одними из ключевых противников идеологического и экономического строя коммунизма. В рамках реализации этой политики Советский Союз подписывал соглашения о ненападении и взаимопомощи с различными государствами, среди которых значительное место занимали Франция, Чехословакия и Польша. В 1934 году Советский Союз официально вступил в Лигу Наций, что представляло собой значимый шаг на пути к укреплению международного сотрудничества. Этот процесс можно рассматривать как продолжение и логичное развитие идей сторонников ленинской школы, в частности, деятельности М.М. Литвинова. Тем не менее, попытки Советского Союза задействовать Лигу Наций для противостояния агрессивным действиям со стороны таких стран, как Япония, Италия и Германия, не принесли ожидаемых результатов. Это объясняется отсутствием необходимой активности со стороны других членов организации, которые, в свою очередь, действовали в соответствии с намерением направить агрессию указанных государств в адрес единственного системно-антагонистического образования – самого Советского Союза. Активно противодействуя этому коллективному разрушению, Советский Союз осуществлял поддержку антифашистских движений на европейском континенте, с целью формирования широкого фронта против возрастающей нацистской угрозы. Это включало как финансовую, так и материально-техническую помощь коммунистическим и социал-демократическим партиям, а также рабочим организациям, действующим в различных странах мира.

Одной из наиболее значимых детерминант изменения внешнеполитической стратегии Советского Союза на протяжении конкретного исторического периода явилась отчетливая пассивность держав Запада, однако в действительности обозначенную тенденцию следует интерпретировать как проявление классовой враждебности и ненависти, исходящих со стороны Великобритании и Франции, которые, несмотря на очевидные угрозы, исходившие от нацистской Германии, продолжали демонстрировать политику *appeasement* в отношении Гитлера с целью перенаправления агрессивных действий противостоящей силы к восточным границам. Осознав существующую угрозу, Советский Союз был объективно поставлен перед необходимостью поиска альтернативных механизмов обеспечения своей стратегической безопасности.

Высшее руководство нацистской Германии, захватившее власть в 1933 году, явилось значительной угрозой для безопасности европейского континента. Адольф Гитлер, исключая всякие уговоры, выдвигал свои агрессивные замыслы, нарушая предписания Версальского мирного договора и стремясь к реваншу за сокрушительное поражение, понесенное в результате Первой мировой войны. В ответ на осознание данной угрозы Советский Союз оказался вынужденным кардинально пересмотреть свою внешнеполитическую стратегию и искать новые методологии

обеспечения национальной безопасности. Ключевым моментом, ставшим знаковым для всего мирового сообщества и подтвердившим окончание периода умиротворения и мирного сосуществования, стал Мюнхенский кризис, произошедший в 1938 году. Западные политические элиты усилили военное могущество Пруссии и нацистских лидеров за счет ресурсов чехословацкой промышленности, отказавшись при этом от сценария превентивного удара против Гитлера, который на том этапе еще не располагал необходимыми средствами для ведения полномасштабной войны.

В мае 1939 года осуществилась значительная трансформация в контексте советской внешнеполитической стратегии. Максим Литвинов, который занимал должность Народного комиссара иностранных дел в период с 1929 по 1939 год и выступал в качестве приверженца концепции коллективной безопасности и ленинских принципов, был заменен на данном посту Вячеславом Молотовым. Последний представлял собой сторонника более прагматичного и жесткого подхода к вопросам внешней политики, целью которого являлось обеспечение исключительно личной безопасности, а также получение ощутимых выгод для Советского Союза в условиях растущих угроз на международной арене.

Сталин, совместно с членами Политбюро, стремительно осознавая наличие негативных предпосылок, свидетельствующих о неподготовленности государства к ведению полномасштабных военных действий, предпринимает комплекс маневров, направленных на сохранение нейтралитета в контексте глобальной военной конфронтации. В этом контексте Советский Союз рассчитывал занять позицию, аналогичную мудрой обезьяне с холма, описанной в китайской притче, которая наблюдает за жестокой схваткой двух тигров. В то же время, Москва осуществляла последовательные действия, нацеленные на восстановление прежнего влияния и позиций на международной арене, утраченных вследствие революционных преобразований 1917 года, включая территории Польши, Прибалтики, Финляндии и Бессарабии.

Находясь в стремлении избежать превращения в инструмент геополитических интересов Западной цивилизации и предотвратить новое вооруженное противостояние между народами России и Германии, которое могло бы служить в интересах Лондона и Вашингтона, руководство Советского Союза прилагало усилия к формированию независимой внешнеполитической стратегии, соразмерной собственным национальным приоритетам. В качестве главного исполнителя данной концепции выступил В.М. Молотов. Сталин совместно с членами Политбюро возложил на министра иностранных дел значительную ответственность за предотвращение потенциального агрессора, в лице Гитлера, против Советского Союза в 1939 году, отодвигая военные действия на максимально возможный срок и одновременно укрепляя стратегические позиции страны на уникальном западном театре военных действий, что, в свою очередь, подразумевало необходимость усиления просоветского влияния в таких территориях, как Прибалтика, Бессарабия, Выборг, а также в западных областях Белой и Малой Руси. В то же время, вести активную игру на европейской политической арене требовалось с особой осторожностью, что стало основанием для Кремля продолжать дипломатические переговоры с ведущими европейскими державами с целью заключения трехстороннего военного союза. В ходе переговорного процесса, произошедшего летом в Москве, СССР продемонстрировал реальную готовность к подписанию соответствующего соглашения, вынося на обсуждение конкретные меры, направленные на обеспечение безопасности на европейском континенте. Данная

открытая позиция Советского Союза требовала от Великобритании и Франции активных ответных шагов и подтверждения их готовности к заключению окончательной редакции соглашения, однако делегации, отправленные в Москву, не обладали необходимыми полномочиями для ратификации подобных соглашений, что вновь подчеркивало непринятие решительных мер возможными западными союзниками в краткосрочной перспективе.

В условиях стремительного развертывания военных действий на территории Европы руководство Советского Союза, представляемое Иосифом Сталиным и Вячеславом Молотовым, приняло стратегически взвешенное решение о реализации дипломатической маневренности, заключив соглашение с нацистской Германией. Данное решение, являвшееся следствием неотложной геополитической необходимости, направлено на приобретение времени для комплексной подготовки страны к неизбежным конфликтам, а также на создание более благоприятных стратегических условий на западных границах, прежде чем СССР окажется вовлеченным в масштабный военный конфликт. 18 августа 1939 года в Москве было подписано торговое соглашение между Советским Союзом и Германией, а 22 августа того же года немецкий министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп прибыл в Москву для заключения договора о ненападении, более известного под термином «Пакт Молотова – Риббентропа».

В результате осуществления стратегической политики, город Москва предпринял комплекс мер, направленных на решение ряда ключевых задач, заключающихся в следующем: был усилен политический и экономический влияние в западнорусских территориях, которые, после дезинтеграции Российской империи, оказались под контролем Польской Республики; были заложены основы для потенциальной переориентации западных границ, что существенно способствовало укреплению позиций Красной Армии в условиях нарастающей военной турбулентности; также было обеспечено временное затишье, необходимое для комплексной подготовки к военным действиям. Кроме того, существовала надежда, что военное здравомыслие в Берлине возобладает, и на этот раз не удастся вовлечь народы Германии и России в вооруженное противостояние.

Личностные характеристики, присущие обоим наркомам, свидетельствуют не только о их способности выступать в качестве образцовых проводников внешнеполитической воли Москвы, но и о наличии глубокой приверженности к определенной теоретической модели внешнеполитической деятельности. Личные качества Максима Максимовича Литвинова, такие как смелость, уверенность в себе, целеустремленность, а также высокая степень точности и аккуратности, предоставляли ему возможность не только брать на себя значимую ответственность, но и осуществлять, нередко реализуя принудительные меры, свой курс, направленный на коллективную безопасность, как перед Политбюро, так и в рамках двусторонних переговоров с иностранными дипломатами и лидерами государств. Это содействовало достижению стратегических задач государства в период, когда необходим был гибкий подход, ориентированный на нормализацию и улучшение отношений с западными странами. В то же время, в условиях, требующих жесткости и дисциплины, стратегические цели могли быть наиболее эффективно реализованы при содействии Вячеслава Михайловича Молотова. Его негибаемая воля, приверженность общему делу, высокая степень профессиональной компетентности, исключительный интеллект, широкий кругозор и развитое политическое чутье способствовали продолжению заданного курса, направленного на противодействие

немецкой агрессии; хотя сотрудничество с западными державами оказалось неудачным, в условиях надвигающегося конфликта каждый из руководителей стремился минимизировать потери и обеспечить победу любыми доступными средствами. В результате, начало сотрудничества с Германией было обусловлено желанием отдалить начало войны и создать условия, при которых Германия могла бы воспринимать Советский Союз как выгодного партнера, а не как противника, хотя недоразумений по поводу истинной природы такого сотрудничества ни у кого не возникало. Таким образом, Молотов продолжал стратегию Литвинова, однако в контексте противодействия Германии, что приобретало характер скрытой борьбы в мировой политике.

В период с 1930 по 1941 год на территории Советского Союза произошли кардинальные и порой противоречивые изменения в области внешнеполитического курса. Переход от дипломатической линии, представленной Вячеславом Молотовым, к концептуальной стратегии, основанной на предпосылках, сформулированных Максимом Литвиновым, был обусловлен как внутренними экономическими и политическими факторами, так и внешними условиями, характеризующими международный контекст того времени. Данные преобразования предоставили Советскому Союзу значительно укрепить свои позиции в области национальной безопасности и осуществить надлежащие меры по подготовке к грядущему конфликту, который впоследствии оказался одной из наиболее разрушительных войн в контексте человеческой цивилизации.

Источники и литература

1. Историческая справка о Молотове Вячеславе Михайловиче. URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1713895/ (дата обращения: 18.10.2025)
2. Историческая справка о Литвинове Максиме Максимовиче. URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1713883 (дата обращения: 18.10.2025).
3. Сулов Е.В. Внешнеполитические усилия СССР по созданию системы коллективной безопасности в 30–40-х годах XX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. № 4 (32). С. 397–406.
4. Ланцов С.А. Внешнеполитическая стратегия СССР накануне и в начальный период Второй мировой войны: геополитические и идеологические факторы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 3. С. 4–14.
5. Халяпина С.Д. Дипломатическая деятельность М.М. Литвинова // Скиф. 2022. № 9 (73). С. 17–25.
6. Шишкин И. Пакт Молотова-Риббентропа и Великая Победа // Столетие: сайт. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/pakt_molotova-ribbentropa_i_velikaja_pobeda_423.htm (дата обращения: 23.10.2025).
7. Самсонов А. Сталинский маршал дипломатии // Военное обозрение: сайт. URL: <https://topwar.ru/168735-stalinskij-marshal-diplomatii.html> (дата обращения: 23.10.2025).
8. Самсонов А. «Господин Нет» Красной империи // Военное обозрение: сайт. URL: <https://topwar.ru/103331-gospodin-net-krasnoy-imperii.html> (дата обращения: 24.10.2025).

**ВЛИЯНИЕ СОСЛОВНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НА ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДУХ
НА ПРИМЕРЕ КУПЕЧЕСТВА И КУПЕЧЕСКИХ СЕМЕЙ ПОСЛЕ 1917 г.
И ЛИКВИДАЦИИ СОСЛОВИЙ**

Светлолобова Галина Витальевна, студент
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
Galina_svetlolobova_2002@mail.ru

Рассуждение о проявлении ментальностей у сословий, чтобы определить, что можно отметить у купеческого сословия, определить, почему те или иные черты купечества не сохранились, несмотря на ярко выраженные особенности

Ключевые слова: купечество, сословия

**ESTATE MENTALITET 'S INFLUENCE OF GENERATION SPIRIT
WITH MERCHAPS EXEMPLE AND MERCHAPS FAMILIES AFTER 1917
AND ESATE LICVIDATION**

Svetlolobova Galina Vitalievna, Student
Siberian Federation University, Krasnoyarsk, Russia
Galina_svetlolobova_2002@mail.ru

A discussion about the manifestation of mentalities among the classes, in order to determine what can be noted among the merchant class, and to determine why certain features of the merchant class have not been preserved, despite their pronounced characteristics

Keywords: merchant, estates

В современную эпоху к сословности сложилось однозначное отношение, как к пережитку прошлого. Это исходит из понимания их несостоятельности, стремления к равенству, этики, и т.д. Но нельзя отрицать и определенного вклада сословий в исторический процесс, их целостности и долговечности, обусловленных традициями воспитания целых поколений. Например, упадок дворянства происходил длительный период времени.

Экономический анализ позволяет нам наиболее четко и логично объяснить, как форма хозяйства определяет сословность общества, его состояние. Знание об этом необходимо при анализе этапов формирования ментальности отдельного сословия.

Если ментальность и связана с формой хозяйства (как, например, у крестьянства), то зачастую это все равно не дает исчерпывающего ответа на вопрос, откуда взялась та или иная традиция и в чем характер крестьянских выступлений. Тем не менее, этот вопрос анализируется, с учетом, в частности, географического и экономического аспектов, рассматривая, как форма хозяйства повлияла на исторический путь этого сословия.

Иногда говорят не о сословиях, а о состояниях по правам и обязанностям, как Грэгори Фриз, по которым возможно объединить в группу [4, с. 58]. Но, опираясь на такое описание, можно упустить динамику, которая покажет, насколько ментальность была прочной. Да, она может зависеть одно время от возможности выехать за рубеж,

которая была у дворян. Но часть прав то давали, то отбирали, при этом зачастую сохранялся культурный костяк.

По-особенному дело обстоит с купечеством, в особенности с сибирским, которое вбирало в себя представителей других сословий. Например, крестьяне, которые до этого работали на состоятельных купцов, как извозчики, или даже конкурировали с ними по винокурению. Нередко в купечество приходили и мещане. Могли прийти и инородцы (притом, что инородцы не социальная группа, она обособлена и подчиняется отдельным юридическим нормам).

Только в начале XIX в. шел процесс формирования в Сибири самой купеческой культуры и ментальности, хотя класс купечества формировал торговую область и до этого периода. Крупный исследователь Г.Ф. Быконя констатирует, что купцы в начале своей деятельности представлены как перекупщики [3, с. 82].

При этом наиболее яркие черты купечества, такие, как интерес к благотворительности, религиозность стали особо отмечаться во второй половине XIX в. Именно в это время были награждены известные предприниматели. К примеру, Абрикосов – за материальную помощь в годы русско-турецкой войны, а Н.А. Лукутин – за зарождение промысла лаковой миниатюры. При том, что род Лукутина обратился к купеческому делу в начале XVIII в., а миниатюры освоили в 1824 г. [6].

Об отличительных чертах деятельности енисейского купечества писала Е. Комлева [2, с. 8–78]. Так, у купцов Сибири и центральной России были схожие поступки – помощь медицинским учреждениям у Кузнецовых из Красноярска и Абрикосовых из Москвы, либо помощь при трагических ситуациях (война, пожар, как, например, в Красноярске). В значительной степени благодаря научной работе Е. Комлевой и энциклопедическим знаниям об истории купеческих династий я сформировала представление о тенденциях становления и сохранения ментальности.

Традиционности в семейном отношении, порой гиперболизированной, посвящали литературные произведения. С тех пор купечество закрепилось как одно из наиболее патриархальных сословий, религиозных, при том, что самим делом иногда могла управлять и женщина. Но закрепился именно образ конфликта с закоренелостью (к примеру, пьесы С. Найденова).

Однако наиболее четкое проявление ментальности проявилось лишь у одного-двух поколений, не считая давних династий, но и их пик пришелся на одно и то же время. Хотя трудились они вплоть до 1917 г. и декрета об отмене сословий.

Что может говорить не о проявлении сословной ментальности, а о тенденциях времени? К тому моменту у каждой категории населения были свои особенности. К примеру, интеллигенция в значительной своей части боролась с государственными устоями. А традиционные сословия, как, например, крестьяне, стали ближе к общественной жизни, но при этом переживали тяготы выкупного платежа.

Но пик купеческого сословия пришелся только на несколько поколений, которые могли иметь другое происхождение, но приметные черты купечества, сохранившиеся в народной памяти, им были присущи.

Совсем поздно появилась династия Винокуровых. В начале они были только сельскими торговцами в алтайской деревне, а позже прославились в Сибири как ценные деятели. Они были прогрессивны и инициативны. К примеру, Винокуровы экспериментировали с внедрением техники в хлебопроизводство – например, крупчатная мельница [6, с. 56]. Кроме этого, первые Винокуровы занимались и постройкой электростанции, помогали и другим селам обустраивать паровые мельницы. И они практически стремились помогать деревням, учитывая проблемы с

отсутствием интенсивных форм хозяйствования в земледелии. Так, Кузнецовы оказали поддержку в развитии дела призрения в начале XIX в [7]. Но это дело не было достаточно продумано, что привело к упадку дома умалишенных.

Кроме того, несмотря на участие купцов в государственных делах, их благотворительность носила стихийный характер, что было обусловлено, вероятно, могла влиять как-раз еще несформированность сословия. Те же Винокуровы действуют как люди, которые помогают с постройкой деревням того, на чем специализируются и с чем будут, вероятно, работать. Также они создали продуманный конный завод, который и сейчас оценивается высоко [1].

При этом им был присуща и тяга к роскоши – к примеру, празднования дней рождения – долгие празднования свадьбы на пароходе от Камны до Томска. Помогали они и в деле возведения храмов. И во всем этом видна широта души и предприимчивость [1, с. 53].

Проблема состояла и в том, что дети вступали в брак с представителями других сословий и веры. Так, одна из дочерей Винокурова вышла замуж за польского дворянина, хоть он и присоединился к делу купеческому, и даже занимался развитием кино в Сибири.

К сожалению, после 1917 г. к этой категориям населения были применены репрессивные меры, что стало одной из причин быстрого растворения купеческого сословия. В первую очередь, расстрелам подверглись именно пришедшие в семью недавно, как кинематографического зала Петкевича [1, с. 54].

При этом и свою былую предприимчивость купцы чаще проявляли уже гораздо реже. По крайней мере, из тех, кто остался, как Винокуровы в эмиграции, которые показали себя успешными дельцами в области мод – в годы НЭПа они себя не проявили. Наоборот, стремились пойти на «бумажную» службу. К примеру, П.И. Макушин, который действительно всегда был склонен к оппозиционным взглядам, и был на стороне кадетов (хотя и жертвовал на армию Колчака и был награжден белым правительством), смог пойти на сотрудничество после ареста и продолжил просветительскую деятельность. Одно время он пересекся с предпринимательской деятельностью, заботясь об управлении Сибкрайиздата. А позже стал работать в книжном магазине, который когда-то и создал, но уже не управлял им. В политическом отношении это был прогрессивный человек, который старался наладить отношения с наемными рабочими, стараясь обеспечить им блага в сфере социальной защиты [1, с. 138].

Привлекли к делу и связанного с нововведениями экономической политики В.И. Жернакова, который занимался банковским делом [1, с. 98]. А дело другого представителя рода разрушили сами потомки, ликвидировав предприятие в целях интересов нового времени – им оказалась дороже политическая деятельность, и способствовать переменам как эсеры они начали до октября. Советским служащим стали и Ельдейнштейны [5, с. 68].

Информация о судьбе купеческих династий сибирского края в рассматриваемый период обрывочна. Материалы публикаций недостаточны. Дальнейшему анализу будет способствовать поиск дополнительной информации в архивных делах. Многие оказались на службе новой власти, а ряд купеческих династий, такие, как Крутовские и Баландины, направили свою предприимчивость и ум на развитие науки.

Таким образом, можно констатировать, что те купеческие династии, которые не стали жертвой массового террора, смогли адаптироваться к условиям новой действительности. И нашли свое место в новом обществе.

Источники и литература

1. Деловая элита старой Сибири: исторические очерки / А.В. Старцев, В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев [и др.]. Новосибирск: ИД Сова, 2005. 264 с
2. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя половина XVIII – первая половина XIX века). Москва: Academia, 2006. 381 с.
3. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Безруких В.А. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века). Красноярск: РАСТРБ, 2012. 240 с.
4. Шумкин Г.Н. Категория сословие как инструмент изучения стратификации российского общества XIX – начала XX в. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 55–70.
5. Катионов О.Н., Лягаев В.В. Последние надежды: адаптация бывшего купечества в советском обществе в 1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2024. Т. 47. С. 65–72.
6. Награда «За полезные обществу труды». URL: https://ruvek.mid.ru/publications/nagrada_zh_poleznye_obshchestvu_trudy_8892 (дата обращения: 13.03.2025).
7. Дело семейное. Купеческие династии Енисейской губернии: URL: <https://catalog.krasarh.ru/kupcheskiedinastiya2024> (дата обращения: 13.03.2025).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЯ: КЕМ БЫЛИ ДЕЛЕГАТЫ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СЛЕПЫХ?

Скляренко Никита Сергеевич, аспирант
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Nik_sklyarenko@mail.ru

Анализ демографического профиля делегатов Первого съезда ВОС позволил определить основателей движения слепых в СССР. Изучение анкет выявило социально-экономические, гендерные, возрастные, национальные и политические характеристики делегатов. Доминирование рабочих и крестьян, средний возраст 30-35 лет и биографии, связанные с войнами, отражали «классовый подход» и последствия войн. Анализ партийности показал идеологический контроль РКП(б). Делегаты занимались управлением, организацией артелей и культурно-просветительской деятельностью. Съезд стал важным этапом интеграции слепых в советское общество под партийным руководством.

Ключевые слова: делегаты, история инвалидности, Первый съезд Всероссийского общества слепых (ВОС), слепые, социальный портрет, цензы

DEMOGRAPHIC PORTRAIT OF THE GENERATION: WHO WERE THE DELEGATES OF THE FIRST CONGRESS OF THE BLIND?

Sklyarenko Nikita Sergeevich, Postgraduate Student
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Nik_sklyarenko@mail.ru

The analysis of the demographic profile of the delegates of the First All-Union Congress of the USSR made it possible to identify the founders of the movement of the blind in the USSR. The examination of the questionnaires revealed the socio-economic, gender, age, national and political characteristics of the delegates. The dominance of workers and peasants, the average age of 30-35 years, and biographies related to wars reflected a «class approach» and the consequences of wars. The analysis of partisanship showed the ideological control of the RCP(b). The delegates were engaged in management, organization of artels and cultural and educational activities. The Congress became an important stage in the integration of the blind into Soviet society under the leadership of the party.

Keywords: delegates, disability history, The First Congress of the All-Russian Society of the Blind, the blind, social portrait, qualifications

В России история оказания помощи слепым насчитывает не одно столетие. Однако значительная часть этой истории характеризуется патерналистским подходом, при котором зрячие осуществляли опеку над слепыми, зачастую без должного учета их потребностей и интересов. Примером такой субъект-объектной модели может служить деятельность Попечительства Марии Александровны о слепых (1881–1917 гг.). После Октябрьской революции ситуация изменилась, предоставив слепым возможность самоорганизации и защиты собственных интересов. Изучая

демографический портрет делегатов Первого Всероссийского съезда Всероссийского общества слепых (1925 г.), мы можем понять, кем были те люди – мужчины и женщины, – которые создавали и развивали Общество слепых.

Историография изучения советских представительных институтов эволюционировала от анализа официального дискурса к созданию социально-демографических портретов участников. Фундаментальным является исследование Б.Н. Миронова о депутатах Верховных Советов, выявившее тенденции конструирования социального состава, сверхпредставительства КПСС и роста образовательного уровня [1, 2].

Важным моментом является расхождение между заявленным в документации количеством анкет (112 ед.) и фактически сохранившимся (105 ед.). Данное несоответствие, вероятно, отражает особенности делопроизводства, когда не все документы смогли сохраниться в полном объеме. Тем не менее, сохранившиеся анкеты представляют собой репрезентативную выборку, достаточную для формирования общего представления о характеристиках делегатов съезда. Анализ проведен на основе информации, содержащейся в этих анкетах, включающей сведения о поле, возрасте, национальной принадлежности, рабочем и партийном стаже, а также социальном статусе делегатов. Особое внимание уделяется уровню образования, который классифицировался по ступеням (начальное, среднее, высшее), а также знанию рельефно-точечного шрифта Брайля. Следует учитывать, что в результате Первой мировой и Гражданской войн значительное число людей, в том числе и ставших слепыми, до получения инвалидности могли иметь определенный уровень образования.

Приведенная статистика по социальному происхождению отражает государственную политику «классового подхода», направленную на обеспечение численного преобладания «трудящихся масс» в представительных органах. Крестьяне (51 чел.) и рабочие (33 чел.) в сумме составляли 75% делегатов. Такая структура придавала съезду идеологическую легитимность в глазах власти. Многие из этих крестьян и рабочих получили инвалидность на войне или на производстве, что делало их фигурами, символически важными для государства, провозгласившего себя «защитником трудящихся». Служащие и интеллигенция (15 чел.) выполняли роль носителей компетенций, необходимых для технической, организационной и культурной работы: составление документов, переговоры с властями, преподавание системы Брайля, организация кружков. Представители бывших привилегированных сословий (дворяне – 4, почетные граждане – 4) были немногочисленны, но их присутствие показательно. Это был процесс «перековки» старой элиты, когда их образование и культурный капитал использовались через лояльность советской власти и работу в таких сферах, как ВОС, в качестве способа социальной адаптации и выживания. Отдельно стоит отметить фигуру профессора Александра Моисеевича Щербины, олицетворяющего собой преемственность дореволюционной научной и благотворительной традиции помощи слепым и ее интеграцию в новую советскую систему [3, л. 67].

Среди делегатов подавляющее большинство составляли мужчины (98 из 105 анкет). Эта картина отражает дух времени: в 1920-е гг. общественная деятельность, особенно руководящая работа и участие в съездах, считалась в основном мужским занятием. Женщины-инвалиды были часто более изолированы в домашнем пространстве. Тем значимее каждая из семи женщин-делегаток, пробивавших себе

дорогу в активную жизнь. Некоторые из них, как, например, член РЛКСМ и учащаяся, представляли уже новое, советское поколение [3, л. 88].

Список национальностей делегатов представляет собой «советский интернационал» в миниатюре. Преобладание русских (88 чел.) отражает их численное превосходство в стране. Присутствие украинцев, белорусов, народов Поволжья (татары, чуваша, марийцы, мордва), евреев, латышей, поляков, немцев, башкир свидетельствует о том, что создание ВОС предполагалось всесоюзным проектом, охватывающим национальные республики и области. Делегаты-нерусские часто были организаторами на своих территориях, что отражает политику «коренизации» – привлечения местных кадров.

Средний возраст делегатов (30-35 лет) является ключевым показателем. Молодость и начало трудовой/военной карьеры этих людей пришлось на катаклизмы Первой мировой и Гражданской войн, где многие и получили инвалидность. Они были достаточно молоды, чтобы активно включиться в строительство «нового мира» после Революции, но достаточно взрослые, чтобы иметь жизненный и профессиональный опыт. Это поколение, прошедшее через испытания войны и революции, стало движущей силой в создании и развитии Общества слепых.

Образовательный уровень делегатов отличался значительной поляризацией, отражая общую ситуацию в стране в период ликвидации массовой неграмотности. С одной стороны, в составе съезда была заметно представлена группа с высшим и средним специальным образованием (~ 28.5% от общего числа, чьи данные поддаются классификации). В эту категорию входили выпускники университетов, консерваторий и технических вузов – юристы, инженеры, педагоги, агрономы, журналисты. Как правило, это были лица, утратившие зрение в зрелом возрасте вследствие ранений, производственных травм или болезней и сохранившие полученный до инвалидности образовательный капитал.

С другой стороны, наиболее массовой образовательной группой были делегаты с низшим или начальным образованием (38.1%), что коррелировало с их преимущественно крестьянским и рабочим социальным происхождением. Для многих из них базовое образование было получено уже в советский период или в специализированных училищах для слепых.

Важнейшим специфическим показателем, определявшим доступ незрячего человека к информации и знаниям, являлась грамотность по системе Брайля. Данные анкет свидетельствуют, что 50,5% делегатов владели этим шрифтом. Этот факт указывает на развитие в стране системы специального образования: в биографиях неоднократно упоминаются школы для слепых в Казани, Тамбове, Киеве, Смоленске и других городах. При этом фиксируется существенный разрыв между общей грамотностью и грамотностью по Брайлю. Значительное число делегатов, имевших среднее или высшее образование (полученное до потери зрения), не владели рельефно-точечной системой, что создавало для них специфический информационный барьер в новой жизненной ситуации.

Показательна и проблема неграмотности: 2,4% делегатов не обладали никакой формальной грамотностью. Как правило, это были лица, ослепшие в раннем детстве и не имевшие доступа к какому-либо образованию, либо представители старших возрастных групп.

Таким образом, образовательный портрет делегатов Первого съезда ВОС представляет собой сложную мозаику, сочетающую в себе элементы старой, дореволюционной интеллигенции и новой, советской, малограмотной, но

стремящейся к просвещению массы. Уровень образования и, в особенности, владение шрифтом Брайля напрямую коррелировали с родом занятий делегатов: от высококвалифицированного труда педагогов, музыкантов и управленцев – до малоквалифицированной работы в щеточных и корзинных артелях.

Анализ анкет делегатов ВОС раскрывает структуру партийной принадлежности и степень политического влияния на организацию в 1920-е годы. Количественно доминировали беспартийные (70%), за ними следовали члены и кандидаты в члены РКП(б)/ВКП(б) (20%), комсомольцы (7%) и лица с иным партийным статусом (3%). Важно отметить, что беспартийность часто не свидетельствовала об аполитичности; советское государство привлекало лояльных беспартийных членов общества.

Несмотря на относительную немногочисленность (20%), члены РКП(б)/ВКП(б) обладали непропорционально большим влиянием на управление ВОС. Анализ анкет показывает, что коммунисты занимали ключевые руководящие посты, включая председателей и секретарей губотделов ВОС, членов президиума Центрального Правления ВОС, а также политруков и секретарей партийных ячеек. Это позволяло партии эффективно контролировать деятельность Общества слепых и направлять ее в соответствии с партийной линией.

Анкетные данные делегатов ВОС за 1925 г. свидетельствуют об интенсивной организационной деятельности. Делегаты, как правило, не ограничивались формальным членством, а активно участвовали в развитии организации. Основные направления их работы включали:

- Руководство территориальными структурами: Делегаты возглавляли губернские и уездные отделы ВОС, осуществляя управление всей деятельностью в регионе. Секретари, члены президиумов и ревизионных комиссий обеспечивали организационную и финансовую работу.

- Хозяйственная организация: Делегаты организовывали и руководили артелями и мастерскими (щеточными, корзиночными), обеспечивая экономическую независимость слепых [3, л. 7, 19, 24]. Заведующие мастерскими отвечали за снабжение, сбыт и организацию труда [3, л. 42].

- Культурно-просветительская работа: Делегаты руководили кружками (драматическими, музыкальными), преподавали в школах для слепых и группах для взрослых, работали в культпросветотделах [3, л. 56, 51, 53, 105].

Подводя итог, можно сказать, что, хотя ВОС в 1925 г. сохраняло черты самоуправления и «низовой демократии», партия уже начала целенаправленно встраиваться в его руководящие структуры. Целью данного процесса являлось обеспечение идеологического контроля и интеграция Общества в общегосударственную систему. Данный этап можно охарактеризовать как «мягкий» переход под контроль, отличный от тотальной политизации, подразумевающий постепенное усиление влияния без радикальных изменений.

Источники и литература

1. Миронов Б.Н. Коллективный портрет делегатов съездов Советов в 1917–1936 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 936–969.
2. Миронов Б.Н. Коллективный портрет депутатов Верховного Совета СССР и союзных республик в 1938–1989 гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 141–171.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.А 422. Оп. 1. Д. 9.

ПОКОЛЕНИЕ Z КАК «ПОТЕРЯННОЕ ЗВЕНО». СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Смирнова Екатерина Викторовна, магистрант

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

tsimmerkat48@gmail.com

Научный руководитель: Левина Жанна Ефимовна, доктор исторических наук, доцент, профессор

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

В статье рассматривается феномен «поколения Z» как нового варианта «потерянного звена» в историко-культурной перспективе. Автор сопоставляет современную молодежь с поколениями прошлых эпох, переживавших периоды цивилизационных разломов – от послевоенной Европы до России начала XX и конца XX века. Анализируется кризис идентичности, социальная апатия и феномен цифрового одиночества, возникающие в условиях текучей современности и разрушения традиционных нарративов. Особое внимание уделяется тому, как цифровая среда формирует новые формы самоопределения и ироническое мировосприятие. Делается вывод, что поколение Z не является «потерянным» в буквальном смысле: напротив, оно выполняет роль связующего звена между аналоговым прошлым и цифровым будущим, создавая предпосылки для формирования новых культурных и гуманистических ценностей.

Ключевые слова: поколение Z; потерянное поколение; кризис идентичности; цифровое одиночество; постмодернизм; социальное сиротство; текучая современность; новые нарративы; переход эпох

GENERATION Z AS A «LOST LINK». SOCIAL ORPHANAGE IN THE DIGITAL AGE

Smirnova Ekaterina Viktorovna, Master`s Student

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

tsimmerkat48@gmail.com

Scientific supervisor: Levina Zhanna Efimovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

The article examines the phenomenon of the «Generation Z» as a new version of the «lost generation» in a historical and cultural perspective. The author compares modern youth with generations from previous eras who experienced periods of civilizational upheaval, from post-war Europe to early and late 20th-century Russia. The article analyzes the crisis of identity, social apathy, and the phenomenon of digital loneliness that arise in a fluid modern world and the destruction of traditional narratives. Special attention is given to how the digital environment shapes new forms of self-determination and a ironic worldview. It is concluded that Generation Z is not «lost» in the literal sense: on the contrary, it serves as a link between the analog past and the digital future, creating the conditions for the formation of new cultural and humanistic values.

Keywords: Generation Z; the lost generation; identity crisis; digital loneliness; postmodern; social orphanhood; fluid modernity; new narratives; the transition of eras

Так кто же является «потерянным звеном» на самом деле? Когда-то этим термином обозначали молодежь, пережившую Первую мировую войну – поколение, осознавшее крах привычных ценностей, бессмысленность старых идеалов. Их трагедия состояла в разрыве с прошлым и невозможности обрести устойчивое будущее. Однако, поколение Z – люди, родившиеся с середины 1990-х по начало 2010-х годов – переживают аналогичное состояние и формируют новую версию «потерянного звена».

Что объединяет римлянина эпохи заката Империи, русского интеллигента 1917 года и современного молодого человека, окруженного безграничной цифровой информацией? Все они существуют на разломе своей эпохи, старые скрепы трещат по швам, а новые еще не придуманы. Так рождается ощущение исторического вакуума – состояния, когда человек оказывается между прошлым, которое уже не работает, и будущим, которое еще не наступило. Поколение Z вошло именно в такой вакуум.

Проблема «потерянных поколений» [1, с. 50] неоднократно становилась предметом исследования. В данной работе используется сравнительно-исторический метод (СИМ), позволяющий сопоставить социально-психологические особенности поколения Z с поколениями, переживавшими аналогичные периоды. Применение СИМ обеспечивает выявление как универсальных закономерностей, так и уникальных особенностей в процессах самоидентификации и восприятия мира.

Таким образом, потерянность поколения Z не просто следствие индивидуальных кризисов или социальных трансформаций, а реакция на эпоху цивилизационного слома [2, с. 6], когда привычные нарративы прогресса и идентичности больше не обеспечивают человеку чувство опоры.

Поколения в моменты таких исторических переходов ощущают травму потерянности. Одним из первых, кто был назван «потерянным поколением», стала молодежь после Первой мировой войны. Их опыт – это травма физического и духовного разрушения старого мира, крах просветительской идеи прогресса. Люди 1920-х годов жили среди руин – в пепле империй, где исчезла вера в рациональность истории и в устойчивость человеческих идеалов. Однако современная форма «потерянности» [1, с. 75] носит принципиально иной характер. Это потерянность не физическая, а ментальная, рожденная внутренней эрозией смыслов, которые казались незыблемыми.

Что же такое «потерянность» в контексте сегодняшнего дня? Это состояние системной дезориентации, когда человек утрачивает чувство направления и теряет способность связать собственное «я» с более широкой исторической и культурной рамкой. Потерянность поколения Z это результат долгого процесса разрушения прежних нарративов: идеи прогресса [1, с. 75] (кризис 2008 года показал хрупкость экономического роста), идеи государства и гражданского долга (кризис доверия к институтам), идеи единого будущего (пандемия COVID-19 и события военного характера). Религиозные и этические опоры также утратили силу: сокровенное растворилось в сетевом контенте, а вера сменилась ироничностью.

Если поколение после Первой мировой войны столкнулось с физическим распадом мира, то поколение Z переживает распад символический. Социальные сети становятся местом виртуального перформанса, где человек выступает одновременно актером и зрителем своей жизни. Такое «цифровое расщепление» [3, с. 2] можно сравнить с экзистенциальным отчуждением, описанным Ж.-П. Сартром, но в новом измерении. Потерянность поколения Z – это не про потерянных людей, как их иногда называют, это – потерянность экзистенциальная, когда поиск себя превращается в бесконечный процесс без инструкций о том, как же двигаться дальше.

Также, мы сталкиваемся с кризисом идентичности [4, с. 61]. Идентичность всегда была ответом на вопрос: «Кто я и где мое место в мире?» В традиционном обществе идентичность была наследуемой: человек рождался в определенном классе и его роль в

мире определялась заранее. Так, в Российской империи или в СССР самоопределение личности во многом диктовалось внешними структурами – семьей, трудовым коллективом, идеологией. Человек ощущал себя частью общего целого, а не автономным звеном.

Однако в XXI веке идентичность [2, с. 69] перестает быть данностью. Современный человек оказывается в мире, который лишен устойчивых ориентиров, где границы норм и ролей постоянно сдвигаются. Как отмечал Зигмунт Бауман, в эпоху «текучей современности» [4, с. 60] все социальные структуры становятся временными, а потому и идентичность человека теряет стабильность. Индивидуальность собирается как «конструктор» [4, с. 61] из множества культурных и эстетических элементов. Эти элементы (веганство, феминизм, эко-сознание) – берутся из цифрового пространства, где тренды сменяются с неистовой скоростью. В этом смысле идентичность становится не выражением внутреннего содержания, а результатом постоянного редактирования.

Теория «текучего мира» Зигмунта Баумана [5, с. 40] отражает вынужденность современного человека бесконечно «течь». Менять свои взгляды, роли, чтобы соответствовать требованиям цифрового пространства. Но в этой текучести теряется глубина: где заканчиваются социальные маски и начинается подлинное «я»?

Помимо этого, мы можем наблюдать феномен политической апатии, наблюдаемый среди представителей поколения Z, имеет глубокие исторические параллели. Вспомним СССР 1970–1980-х годов – период, получивший название «эпохи застоя». Современное поколение Z демонстрирует похожий тип отчуждения, но в новых формах. Для «зумеров» государственная политика кажется отдаленной. Происходит смена масштаба политического участия – от «большой политики» к «микropolitике», в которой действие обретает конкретность (сбор средств на лечение, экологические акции, защита животных, волонтерские движения, бойкоты брендов и кампании «отмены») и личный смысл.

Поколение сталкивается также с утратой общих нарративов [6, с. 161]. Каждое общество держится на определенном нарративе – «большой истории», которая связывает людей общей целью и объясняет смысл их существования в мире. Для XX века такими нарративами были идеи прогресса, строительства коммунизма, национальной независимости, веры в науку и труд. Эти сюжеты придавали человеку ощущение причастности к чему-то большему, формировали коллективное «мы».

Однако в эпоху постмодерна [6, с. 160]. эти нарративы разрушились. Интернет, глобализация и рынок информации привели к тому, что каждая идея мгновенно подвергается иронии, спору или коммерциализации. Отсутствие общего нарратива породило социальное сиротство – ощущение, что у мира нет общего будущего, а значит, и у человека нет своего места в нем [7, с. 76].

Социальное сиротство – это комплексное социокультурное и экзистенциальное состояние, обусловленное разрывом фундаментальных связей человека с миром. В отличие от биологического сиротства, здесь речь идет не о потере родителей, а о утрате символических опор – традиций, ценностей, устойчивых смыслов. Современный человек оказывается сиротой по отношению: к прошлому, утратив связь с историей и опытом поколений; по отношению к будущему, где «дальше – только хуже»; и по отношению к настоящему, где человек теряет чувство принадлежности.

Отсутствие принадлежности ведет к парадоксу гиперсвязи и одиночества. Коммуникация в социальных сетях превращается в демонстрацию «улучшенной версии» себя, а диалог может быть неискренним, не таким каким был бы в жизни. В результате складывается ощущение, что никто не знает человека по-настоящему, а собственные эмоции теряют подлинность. Общение в сети становится своеобразным «быстрым дофамином», который дает кратковременное ощущение общности. При этом сотни

цифровых контактов не компенсируют отсутствие реальных межличностных отношений [5, с. 42], которые являются важной частью социальной сферы жизни.

Так рождается цифровое одиночество – новая форма отчуждения, при которой присутствие других не создает близости, а лишь усиливает чувство разобщенности.

Стоит сказать о том, что поколение Z существует в уникальной точке формирования новых гиперчувствительности и цинизма [7, с. 57]. С одной стороны, наблюдается рост внимания к темам инклюзии, толерантности, заботы о психическом здоровье и эмпатии. Благодаря доступности информации, психология перестала быть табу. Это можно назвать проявлением нового гуманизма – стремления к внутреннему благополучию и эмоциональной честности. С другой стороны, возникает ироническая броня – цинизм. Он становится механизмом психологической защиты, «хитиновым покровом», который позволяет говорить о наблевшем, не раскрывая уязвимости. Тема депрессии, одиночества, потери смысла становится объектом шуток. Постмодерн [4, с. 60] стал языком, через который выражается утрата доверия к большим ценностям: семье, религии, патриотизму, дружбе. Но за этим цинизмом скрыт страх открытости и желание вновь найти потерянные ценности.

Так является ли поколение Z действительно «потерянным звеном»? История показывает: именно те поколения, которые ощущали себя лишенными опоры, становились двигателями (поколение мыслителей кризиса Римской империи, писатели Серебряного века, Шестидесятники, молодежь 1990-х (пережила кризис и создала новые формы самоорганизации и работы), новых культурных и интеллектуальных парадигм. Поколение Z – наследник этой традиции переходных эпох. Оно живет в пространстве, где прежние ценности уже не работают, а новые только начинают формироваться. В этой растерянности скрыт не упадок, а потенциал творческого поиска: ведь лишенные готовых карт, именно такие поколения были вынуждены рисовать их заново.

Возможно, на наших глазах формируется мост между аналоговым прошлым и цифровым будущим. Поколение Z не потеряно, оно находится в процессе переосмысления человека в новых условиях. И если поколение называют «потерянным», то лишь потому, что оно первым идет по неизведанной дороге в эпоху, имя которой нам еще только предстоит узнать.

Источники и литература

1. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией. М.: Наука, 2019. 368 с.
2. Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М.: Наука, 1998. 310 с.
3. Tripathi R.L. Fragmented Selves: Identity, Consciousness and Reality in the Digital Age, 2024. URL: <https://medwinpublisher.org/index.php/OAJDA/article/view/2743> (дата обращения: 25.10.2025).
4. Чукуров А.Ю. «Жидкая идентичность» в контексте преодоления культурной травмы // Общество. Среда. Развитие. 2019. № 4. С. 57–64.
5. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. 2-е изд., испр. / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 816 с.
7. Липовецки Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 158 с.

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ БЛОКАДЫ: ОТ МАТЕРЕЙ К ДОЧЕРЯМ

Якунина Яна Сергеевна, студент

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия

yanohka050607@gmail.com

В статье рассматривается роль женщин в период блокады Ленинграда, акцентируя внимание на передаче опыта и памяти о пережитом от поколения матерей к дочерям. Анализируются различные аспекты женской истории блокады, включая борьбу за выживание, сохранение семьи, трудовой героизм и вклад в культурную жизнь города. Особое внимание уделяется влиянию блокадного опыта на формирование идентичности последующих поколений и сохранению исторической памяти.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, военная антропология, историческая память, поколение, семья, выживание, трудовой героизм, культурное наследие.

THE WOMEN'S STORY OF THE BLOCKADE: FROM MOTHERS TO DAUGHTERS

Yakunina Yana Sergeevna, Student

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia

yanohka050607@gmail.com

The article examines the role of women during the Siege of Leningrad, focusing on the transmission of experience and memory from mothers to daughters. It analyzes various aspects of the women's history of the Siege, including the struggle for survival, the preservation of families, labor heroism, and contributions to the city's cultural life. The article highlights the impact of the Siege experience on the formation of the identity of subsequent generations and the preservation of historical memory.

Keywords: Siege of Leningrad, military anthropology, historical memory, generation, family, survival, labor heroism, cultural heritage

Блокада Ленинграда – одна из самых трагических страниц в истории Великой Отечественной войны. В условиях голода, холода, постоянных бомбардировок и артобстрелов жители города проявили невероятную стойкость и мужество. Женщины сыграли особую роль в этой трагедии, взяв на себя бремя заботы о семье, детях, раненых и нуждающихся. Их вклад в оборону города, трудовой героизм и борьба за выживание заслуживают особого внимания и изучения.

Данная статья посвящена исследованию процессов передачи опыта выживания женщинами блокадного Ленинграда своим дочерям. Целью исследования является выявление ключевых аспектов проблемы женского переживания блокады и анализ влияния сложившихся практик выживания на формирование идентичности последующих поколений и сохранение исторической памяти.

В условиях блокады женщины столкнулись с невероятными трудностями. Голод, холод, болезни, потеря близких – все это обрушилось на их плечи. Однако, несмотря на все испытания, они продолжали бороться за выживание, сохраняя семью и поддерживая друг друга [3].

Письмо из блокадного Ленинграда, написанное тетей Аркадия, является пронзительным документом, демонстрирующим катастрофическое прерывание и трансформацию межпоколенческих связей. Упоминание о смерти «мамочки» и «тети Саши» означает потерю носителей семейной истории, традиций и мудрости. Их уход лишает младшие поколения непосредственного контакта с прошлым, с опытом, который мог бы быть передан. «Мамочка» умирает в мучениях, теряя речь, что символизирует не только физическую смерть, но и невозможность передать последние слова, наставления, утешения. Соня, овдовев, сама умирает, но ее дети, несмотря на обстрел и разрушение дома, выживают. Их немедленно отдают «в очаг на круглосуточное обслуживание». Это не отказ от детей, а вынужденное, отчаянное решение родителей, направленное на их физическое спасение, поскольку дома обеспечить безопасность и пропитание стало невозможно. Это пример крайней формы родительской жертвы и доверия к общественным институтам в условиях коллапса. Дети, такие как Имочка, потерявшая слух от контузии, и Аркашка, сильно боявшийся выстрелов, являются прямыми жертвами войны. Их физические и психологические травмы – это не только личные страдания, но и потенциальные «разрывы» в передаче опыта. Ребенок, переживший такой шок, может быть менее способен к нормальному восприятию мира, к усвоению знаний и ценностей, передаваемых старшими. Восстановление слуха Имочки – это луч надежды, но страх Аркашки останется с ним. Решение не сообщать родителям Бори о его смерти – это акт милосердия и защиты. Младшее поколение берет на себя бремя этой страшной тайны, чтобы продлить жизнь и сохранить психическое здоровье старших, которые уже не выдержат еще одной потери. Это демонстрирует глубокую эмоциональную связь и понимание хрупкости жизни в условиях блокады. Несмотря на желание «забыть, забыться», автор письма чувствует острую потребность «рассказать об этом». Это фундаментальный акт передачи памяти. Письмо, адресованное подруге, становится документом, который, возможно, будет прочитан и другими, включая детей и внуков. Это попытка зафиксировать ужас, чтобы он не был забыт, и чтобы будущие поколения знали, какой ценой был завоеван мир. Письмо Бейлина Аркадия через трагические события раскрывает, как блокада разрушала естественные связи между поколениями, но одновременно порождала новые формы заботы, защиты и острую потребность в сохранении памяти о пережитом для тех, кто придет после [4].

Женщины стояли в многочасовых очередях за хлебом, работали на заводах и фабриках, рыли окопы и строили оборонительные сооружения. Они ухаживали за ранеными в госпиталях, тушили пожары, дежурили на крышах домов, защищая город от зажигательных бомб [1].

Особое внимание женщины уделяли детям. Они делились с ними последним куском хлеба, укрывали от бомбежек, рассказывали сказки и пели песни, чтобы хоть немного отвлечь от ужасов войны. Многие женщины потеряли своих детей в блокаду, но, несмотря на это, они продолжали заботиться о других детях, оставшихся без родителей [2].

Воспоминания Ангелины Крупновой-Шамовой о блокаде Ленинграда – свидетельство невероятной материнской стойкости и трагических выборов, продиктованных войной. Несмотря на предродовое состояние, Ангелина в первую очередь заботится о детях, демонстрируя безусловную любовь и самопожертвование. Решение оставить детей во дворе, пусть и временно, – трагический выбор, подчеркивающий немыслимые дилеммы, перед которыми ставила блокада. Пятилетний Костя берет на себя роль взрослого, становясь опорой для матери, что говорит о

вынужденном взрослении детей в условиях блокады. Ангелина признается в недостатке знаний о родах, подчеркивая информационный вакуум и отсутствие медицинской помощи. Блокадный опыт, безусловно, повлияет на отношения Ангелины с детьми, передавая травму из поколения в поколение. Блокада усилила связь между матерью и детьми, нарушила нормальное развитие детей, создав поколение с особым отношением к жизни. Воспоминания Ангелины – важный источник для понимания женской истории блокады и осмысления того, как травма войны передается из поколения в поколение, напоминая о необходимости беречь мир [4].

Женщины внесли огромный вклад в оборону города и поддержание его жизнедеятельности. Они работали на заводах, производя оружие и боеприпасы, рыли окопы и строили оборонительные сооружения, ухаживали за ранеными в госпиталях [1].

Воспоминания Зинаиды Овчаренко (Кузнецовой) ярко иллюстрируют жизнь девочки-подростка в блокадном Ленинграде и ее отношения с матерью. В начале войны Зинаиде 13 лет, и она наблюдает за происходящим глазами ребенка, но быстро взрослеет, помогая в сандружине. Мать Зинаиды, командир звена, берет на себя ответственность за других, демонстрируя силу и самоотверженность. С уходом мужчин на фронт, связь между матерью и дочерью становится особенно важной. Они остаются вдвоем, переживая голод и лишения. Трагическая смерть отца и тяжелый путь матери на кладбище подчеркивают беспомощность и отчаяние, но и силу духа, необходимую для выживания. Мать, несмотря на горе, находит в себе силы самостоятельно везти тело мужа на кладбище, что говорит о ее невероятной стойкости. Воспоминания Зинаиды показывают, как блокада повлияла на отношения между поколениями, заставив детей быстро взрослеть и видеть ужасы войны, а матерей – проявлять невероятную силу и самопожертвование ради выживания семьи. Этот опыт навсегда изменил их жизни и сформировал их мировоззрение [4].

Несмотря на тяжелейшие условия, женщины продолжали заниматься наукой, искусством и культурой. Они работали в библиотеках, музеях, театрах и концертных залах, сохраняя культурное наследие города и поддерживая моральный дух населения [5, с. 137].

Многие женщины стали известными писателями, поэтами, художниками и музыкантами, создавая произведения, отражающие трагедию блокады и героизм ее жителей. Их творчество стало важной частью культурного наследия Ленинграда и всей страны [1].

Опыт и память о блокаде Ленинграда передавались из поколения в поколение, от матерей к дочерям. Женщины рассказывали своим детям о пережитых ужасах, о голоде, холоде, бомбежках, о потерях близких. Они делились своими воспоминаниями, фотографиями, письмами и другими документами, чтобы сохранить память о блокаде и передать ее будущим поколениям.

Блокадный опыт оказал огромное влияние на формирование идентичности последующих поколений. Дети и внуки блокадников росли с чувством гордости за своих матерей и бабушек, за их стойкость, мужество и героизм. Они понимали, что должны быть достойными памяти своих предков и беречь мир, завоеванный ими ценой огромных жертв.

Сохранение исторической памяти о блокаде Ленинграда является важной задачей для всего общества. Необходимо продолжать изучать историю блокады, рассказывать о ней молодому поколению, создавать музеи и памятники, посвященные этому трагическому событию.

Особое внимание следует уделять женской истории блокады, рассказывая о подвигах женщин, их борьбе за выживание, трудовом героизме и вкладе в культурную жизнь города. Необходимо сохранить память о каждой женщине, пережившей блокаду, чтобы их подвиг никогда не был забыт.

Женская история блокады Ленинграда – это история стойкости, мужества и героизма. Женщины сыграли особую роль в этой трагедии, взяв на себя бремя заботы о семье, детях, раненых и нуждающихся. Их вклад в оборону города, трудовой героизм и борьба за выживание заслуживают особого внимания и изучения.

Передача опыта и памяти о блокаде от поколения матерей к дочерям сыграла важную роль в формировании идентичности последующих поколений и сохранении исторической памяти. Необходимо продолжать изучать женскую историю блокады, рассказывать о ней молодому поколению, чтобы их подвиг никогда не был забыт.

Источники и литература

1. Ковальчук А.А. Женщины в блокадном Ленинграде: повседневность, выживание, память. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. 240 с.
2. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. СПб.: Нева, 2002. 928 с.
3. Павлов Д.В. Ленинград в дни блокады. Л.: Лениздат, 1985. 238 с.
4. У блокады женское лицо: пронзительные воспоминания жительниц Ленинграда // The Voice Mag. 2024. 18 янв. URL: <https://www.thevoicemag.ru/social/crime/u-blokady-zhenskoe-lico-pronizitelnye-vozpominaniya-zhitelnic-leningrada/> (дата обращения: 26.05.2024).
5. Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2023. 304 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ПОКОЛЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ

Алексушин Г.В. ГМК-62 КАК ПРИМЕР ЛИДЕРСКОГО ВЛИЯНИЯ НА КУЛЬТУРУ «ОТТЕПЕЛИ» КУЙБЫШЕВСКИХ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ ГМК	3
Белов А.В. ИДЕЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ В СОВЕТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ 1920-х ГОДОВ	5
Бибикова В.В. ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЕНИСЕЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В 1917 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА	8
Блинов А.В. РУКОВОДИТЕЛИ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА КЕМЕРОВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	13
Ганчар А.И. ГОЛОСА ЮНОСТИ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ВЫЗОВ В ПИНСКОЙ ГИМНАЗИИ (1861.)	17
Ганчар А.И. МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ ПРОТЕСТА: УЧЕНИКИ, РОДИТЕЛИ И ВЛАСТЬ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ (1861)	21
Зберовская Е.Л. ПОКОЛЕНИЕ 1950-Х О ПОКОЛЕНИИ 1920-х гг.: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ О СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЯХ И ЦЕННОСТЯХ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)	26
Кузнецова А.А. НАСЛЕДИЕ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ И ИНАКОМЫСЛИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	29
Лойко А.И., Лойко Л.Е. ИСТОРИЯ ПОКОЛЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	33
Мамышева Е.П. ВЫПУСКНИКИ СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ – ПОКОЛЕНИЕ НОВЫХ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ХАКАСИИ (1930–1936 гг.)	37
Папков С.А. Р.И. ЭЙХЕ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ	42
Селецкая Н.В. РОБЕРТ ШТИЛЬМАРК: МЕТАПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН XX ВЕКА	47

СЕКЦИЯ 2. СМЕНА И КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Бакшеев А.И. СТУДЕНЧЕСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ 1920-х гг.: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	52
Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОМ ВАРИАНТЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ ПО ВЕРСИИ А. В. ЧАЯНОВА	57
Зарко М. Э. МИНУСИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ: МОТИВ РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА В МЕМОРИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ	62
Ильиных В.А. ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ (КОНЕЦ 1850-х – НАЧАЛО 1930-х гг.)	65
Ищенко О.В. ВЛИЯНИЕ ССЫЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ	71
Комлева Л.Н. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И МОЛОДЕЖИ 1980-х ГОДОВ ЧЕРЕЗ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ»	75
Мезит Л.Э. ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ	79
Перелыгин А.Ю. СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ИСТОРИИ ДОБРОВОЛЬНОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1879–1923 гг.)	83
Рябов Ю.В. X: ПОСЛЕДНЕЕ СОВЕТСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ 1990-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ИЗДАНИЙ)	88
Семухов Д.В. ПОДГОТОВКА ЮРИСТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В 1920–1930-е ГОДЫ	96
Тихоньких В.П. КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА	100

Уметбаев Т.Ш. КАЛМЫКИ ПРИНИМАЮТ КРЕЩЕНИЕ (О НЕКОТОРЫХ ПОПЫТКАХ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРАВОСЛАВИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПОДЧИНЕНИЯ «ИНОРОДЧЕСКОГО» НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ОЙРАТОВ)	104

СЕКЦИЯ 3. ПОКОЛЕНИЯ В ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Гергилев Д.Н. Кудашкин В.А., Ахматов Е.А. ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО: ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА ДМИТРИЕВИЧА СЕВЕРЬЯНОВА	108
Гребенкин А.Н. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЕВРАЗИЙСТВА И НЕОЕВРАЗИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	117
Занданова Л.В., Кулакова Я.В. СОХРАНЕНИЕ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ	121
Кабакова Н.В. ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ ОСВОЕНИЯ И ЗАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ	128
Карелин А.С. ПОКОЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ	132
Карпушкина Д.В. СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (1940–1969 гг.)	137
Кравцов К.С., Турилова М.В. П.М. СОФРОНОВ И ПОКОЛЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1-Й ВОЛНЫ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)	141
Михеенков Е.Г. СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РАЗВИТИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1879–1930-х ГОДОВ)	144
Никуленков В.В. ШТРИХИ ЖИЗНИ УЧЕНЫХ И ДИПЛОМАТОВ – КИТАЕВЕДА М. С. КАПИЦЫ И ЭКОНОМИСТА-МЕЖДУНАРОДНИКА Л. М. КАПИЦЫ КАК ПРИМЕР ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СЛУЖЕНИЯ НАУКЕ И ОТЕЧЕСТВУ	149
Осипова Е.С. О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В НАУКЕ	154
Прищепа А.С., Лагойко А.Г. ЦИФРОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОТ СЕМЕЙНЫХ ИСТОРИЙ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРАКТИКАМ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ	157
Харевин Д.Д. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ Н.М. КАРАМЗИНА: К ВОПРОСУ О ПОКОЛЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	161
Хомыев Т.Б. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ТУРКМЕНСКИХ ЭТНОГРАФОВ В 1970-е ГОДЫ: ЧАРЫ ЯЗЛЫЕВ И СВОЕОБРАЗИЕ ЕГО НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	170
Чикин А.Н., Караваев В.Е., Панова Н.В. БЕЗ ПРОШЛОГО НЕТ НАСТОЯЩЕГО И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БУДУЩЕГО	175
Чуркин М.К., Чуркина Н.И. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «СОВЕТСКОМ» В ДИСКУРСЕ ВОСПОМИНАНИЙ ПОКОЛЕНИЯ БЕБИ-БУМЕРОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ОмГПУ)	179
Шпедт А.А., Сорокина О.А. ПЛЕЯДА ПОКОЛЕНИЙ УЧЕНЫХ В ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ПОЧВОВЕДЕНИЯ	183

СЕКЦИЯ 4. ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Баранова И.С. УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И АКТИВНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОКОЛЕНИЯ X	190
Гуляева Н.П. МЕЖПОКОЛЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА, 1785 ГОД	194
Дацышен В.Г. ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В ОТРАЖЕНИИ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 1930-х гг. НА СТРАНИЦАХ «ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ПРАВДЫ»	198
Зверев В.А. ЕНИСЕЙСКИЙ СЕМЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ. ГОДОВОЙ ЦИКЛ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ В НАСЕЛЕНИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ	203
Карчаева Т.Г. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ И СОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: РАЗРЫВ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX в.	207
Петров Ю.В. СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ В ГОРОДСКОМ ОКРУГЕ ГОРОДЕ ТЮМЕНИ: ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В XXI ВЕКЕ	212

СЕКЦИЯ 5. ДИНАСТИИ В ИСТОРИИ

Аллабердиева Л.А. ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ БИРУНИ О ДИНАСТИИ ХОРЕЗМШАХОВ МАМУНИДОВ	218
Войтович А.Х. ГОЛОС ПОЮЩИХ ПОТОКОВ И ГОР ГОРДЕЛИВЫХ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ДИНАСТИЯ ГАМЗАТОВЫХ	224
Галлямова Л.В. РОЛЬ КУПЕЧЕСКОЙ ДИНАСТИИ КОЛМОГОРОВЫХ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ г. ТЮМЕНИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.	230
Дворецкая А.П. ДИНАСТИЯ КУПЦОВ ХВОРОСТОВЫХ В СУДЬБЕ АЧИНСКОЙ КАЗАНСКОЙ ЦЕРКВИ	233
Кныш Н.А. ЧЕТЫРЕХПОКОЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «УВЯДАНИЯ» КУПЕЧЕСКОГО РОДА ПО В.П. РЯБУШИНСКОМУ	239
Кухта С.В. МАРИНА ВАРЛАМОВНА ВАКУТИНА – ИЗ ДИНАСТИИ РЕЧНИКОВ ВАКУТИНЫХ	244
Селиванов Л.С. КУПЕЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ КЫТМАНОВЫХ: БИОГРАФИИ И ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА	248
Ширапов А.А. КУПЕЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ КОКОВИНЫХ И МОНГОЛИЯ (XIX – НАЧАЛО XX в.)	254
Шульга Д.П. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИГЕНЕЗА В ЗОНЕ КОНТАКТОВ МЕЖДУ НОМАДАМИ И СЕВЕРНЫМИ ЦАРСТВАМИ СЕВЕРНОГО КИТАЯ	257
Шушканова Е.А. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ В СРЕДЕ СИБИРСКОГО ДУХОВЕНСТВА В СЕРЕДИНЕ XIX в. – НАЧАЛЕ XX в.	261

СЕКЦИЯ 6. ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Байкалов Н.С. «КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ БАМЫ: ЖИЛИЩНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	265
Батурин А.С. СОСТОЯНИЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	271
Бершадская С.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОКОЛЕНИЙ КАК ФАКТОР РАБОЧЕЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)	275
Гергилев Д.Н., Павлюкевич Р.В. ТРИ ПОКОЛЕНИЯ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ПО ТРУДАМ СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ	280
Есин Р.С. УТРАТА «ЧУВСТВА ХОЗЯИНА» И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПОКОЛЕНИЕМ КРЕСТЬЯН, ПРОЖИВАВШИМ ВО ВРЕМЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР? КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)	285
Кискидосова Т.А. ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ ХАКАСИИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)	289
Коношенко А.М. К ВОПРОСУ ИСТОРИИ НАТУРАЛЬНОЙ ДОРОЖНОЙ ПОВИННОСТИ	293
Левина Ж.Е. ОБРАЗ ПОКОЛЕНИЙ ПОКОРИТЕЛЕЙ ЦЕЛИНЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ЖУРНАЛЕ «СИБИРСКИЕ ОГНИ» 1954 г.	297
Суржко А.В. ОЦЕНКА СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ В МОНГОЛИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МОНЦАМЭ»)	300

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

Баранова А.С. ДИНАМИКА ТОВАРООБОРОТА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОРГОВОЙ СЕТИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (1953–1965 гг.) КАК ОТРАЖЕНИЕ СМЕНЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПОКОЛЕНИЙ	304
Бегишева А.С. РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ ЦАРСТВУЮЩЕГО ДОМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА	309
Власова П.А. Д.А. ХВОРОСТОВСКИЙ – ЛИЦО ОПЕРЫ ПОКОЛЕНИЯ «НУЛЕВЫХ»	314
Гузева В.М. К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВКЛАДА Г.Н. ПОТАНИНА В РАЗВИТИЕ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ	318
Гусейнов Д.Н. ГЕРОИ КУРАГИНСКОГО РАЙОНА ПРОШЛЫХ ПОКОЛЕНИЙ: ОБ ЭКСПЕДИЦИИ А.М. КОШУРНИКОВА 1942 г.	325

Долматова А.И. ПРАКТИКИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН	330
Емцева В.С., Мозговая А.А. ОТРАЖЕНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ В КРАСНОЯРСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. В ГАЗЕТЕ «ЕНИСЕЙСКИЙ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»	335
Жамалетдинов Н.А. ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ ШТРАУСА-ХАУ	339
Захарова Д.Е. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ XXI ВЕКА	343
Клыченко К.В. ЗАЩИТА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЕНИЯ ФОНДА ПЕНСИОННОГО И СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РОССИИ ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ	348
Крапивко И.С. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЕЛКОВОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ РАБОЧЕГО ПОСЕЛКА ЯРОВОЕ)	351
Крюкова Е.В. ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ГЕРОЯ СВО ЭДУАРДА ВАЛЕНТИНОВИЧА ДУЛИНА	355
Липский С.А. СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ К НОВОЙ ЖИЗНИ (НА МАТЕРИАЛАХ СЛАВГОРОДСКОГО ОКРУГА)	358
Матерова Е.В. ДЕТСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, ЭВАКУИРОВАННЫЕ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: АСПЕКТЫ ПОКОЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА	361
Морозов Д.С. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕЙ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ (1945–1953 гг.): ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	364
Половко Е.М. ВИЗУАЛЬНЫЙ МИФ О ПОКОЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»: ФОТОГРАФИИ И ИДЕАЛЫ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»	368
Раздобреев О.В. ОТРАЖЕНИЕ ЗАПАДНОГО МИРА И ОБРАЗА ЖИЗНИ В ПОСТАНОВКАХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕАТРОВ СИБИРИ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»	373
Рыжков М.А. «НОВЫЕ МАРКСИСТСКИЕ КАДРЫ»: РОЛЬ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИХ ИСТОРИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИОГРАФИИ ФАШИЗМА	377
Самсонов С.С. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В 1930–1940-гг.	381
Светлолобова Г.В. ВЛИЯНИЕ СОСЛОВНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НА ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДУХ НА ПРИМЕРЕ КУПЕЧЕСТВА И КУПЕЧЕСКИХ СЕМЕЙ ПОСЛЕ 1917 г. И ЛИКВИДАЦИИ СОСЛОВИЙ	386
Скляренко Н.С. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЯ: КЕМ БЫЛИ ДЕЛЕГАТЫ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СЛЕПЫХ?	390
Смирнова Е.В. ПОКОЛЕНИЕ Z КАК «ПОТЕРЯННОЕ ЗВЕНО». СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	394
Якунина Я.С. ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ БЛОКАДЫ: ОТ МАТЕРЕЙ К ДОЧЕРЯМ	398

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы VIII Международной научной конференции,
посвященной памяти доктора исторических наук, профессора,
заслуженного работника высшей школы

Василия Васильевича Гришаева

(6-7 ноября 2025 г.)

Редакционная коллегия:

С.Т. Гайдин

Р.В. Павлюкевич

Ю.В. Рябов

М.В. Сентябова

А.С. Баранова

А.М. Колмогорова

Д.Д. Харебин

Электронное издание

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка и дизайн – Д.Д. Харебин

Подписано в свет 19.05.2026. Регистрационный номер 281
Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного
университета 660017, Красноярск, ул. Ленина, 117